

Археологические вести

— 22 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

22
(2016)

SAINT-PETERSBURG
2016

Археологические вести

22
(2016)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвоцинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (ответственный секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

д. и. н. А. И. Сакса, к. и. н. Е. В. Торопова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –
Вып. 22 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб.: ИИМК РАН, 2016. – 272 с., ил.

ISBN 978-5-9908534-2-3

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот результаты полевых исследований раннеплейстоценовой стоянки Родники 2 на Таманском полуострове, такштыкского комплекса на стоянке Уй II в Западном Саяне, могильника эпохи бронзы Кумсай в Таджикистане, погребального памятника эпохи хунну Терезин I на территории Тувы и древнетюркских памятников в долине р. Хар-Ямаатын-гол в северо-западной Монголии. Вновь полученные материалы археологических обследований позволяют поставить вопрос об освоении средневековым населением бассейна Пleshcheva озера. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории находок. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии. Обсуждаются проблемы зарождения производящей скотоводческой экономики в Абхазском Причерноморье, изучаются информативные возможности археологических погребальных памятников и попадание древних вещей в поздние культурные контексты. В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о международных зарубежных конференциях. Одна из статей посвящена истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Латвии, Украины, Абхазии, Финляндии и Германии.

The current issue of the annual 'Arkheologicheskie Vesti' (Archaeological News) comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. This scientific publication is the first one on the results of field investigations of the Early Pleistocene site of Rodniki 2 on the Taman Peninsula, Tashtyk complex at the site of Uy II in the Western Sayans, a Bronze Age cemetery of Kumsay in Tajikistan, the cemetery of Terezin I of the Xiongnu period in Tuva and ancient Turkic monuments in the valley of the Khar-Yamaatyn-Gol River in north-western Mongolia. The newly obtained results of archaeological investigations suggest the problem of occupation of the basin of Lake Pleshcheyevo by mediaeval people. Some of the articles here consider particular archaeological complexes and particular groups of finds. A special section of this collection includes studies on actual problems of archaeology. Among the discussions there are problems of the origin of the food-production cattle-breeding economy in the Abkhazian Black Sea littoral, as also informative possibilities of archaeological funerary sites and the problem of leaking of more ancient objects to later cultural contexts. The collection presents reviews of the most recent historical and archaeological publications and information on international foreign conferences. One of the articles is devoted to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scholars from Russia, Latvia, Ukraine, Abkhazia, Finland and Germany.

Обложка:

Первая страница – Бронзовые поясные пряжки, могильник Терезин I, погребения 12, 13 (к статье П. М. Леуса, С. В. Бельского)
Bronze belt plaques, cemetery of Terezin I, burials 12 and 13 (paper by P. M. Leus and S. V. Bel'skiy)

Четвертая страница – Клещин. Курганная группа: 1 – фрагмент плана из отчета П. С. Савельева 1853 г. (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 8, д. 6, л. 1); 2 – современная фотография местности (к статье Н. А. Макарова, О. А. Несмеян, Т. Ю. Мууренцевой)
Kleshchin. Group of kurgans: 1 – fragments of the plan from P. S. Savel'ev's report of 1853 (Archives of IIMK RAS, Collection 8, File 6, Sheet 1); 2 – present-day photograph of the locality (paper by N. A. Makarov, O. A. Nesmeyan and T. Yu. Murentseva)

ISBN 978-5-9908534-2-3
ISSN 1817-6976

© Институт истории материальной культуры РАН, 2016
ISSN 1817-6976

© Коллектив авторов, 2016

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

К юбилею Эльги Борисовны Вадецкой	11
К 70-летию Владимира Алексеевича Завьялова	12

Новые открытия и исследования

<i>В. Е. Щелинский.</i> Каменная индустрия раннеплейстоценовой стоянки Родники 2 на Таманском полуострове	13
<i>С. А. Васильев.</i> Таштыкский комплекс на многослойной стоянке Уй II в Западном Саяне	31
<i>С. М. Осташинский, Е. А. Черленок, И. Г. Лоскутов.</i> Новые данные о древнем земледелии Северо-Западного Кавказа	35
<i>Ю. Г. Кутимов.</i> Исследования могильника позднего бронзового века Кумсай (Таджикистан) в 2013 г.	41
<i>Е. Р. Михайлова.</i> «Идолище» со станции Ручьи	49
<i>О. Ф. Чернова, В. С. Бусова.</i> Идентификация фрагментов меховой одежды из курганов скифского времени с территории Центральной Тувы	52
<i>С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов.</i> Курган Кулаковского (по материалам Государственного Эрмитажа)	62
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.</i> Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2	76
<i>М. В. Скржинская.</i> Боспорские, ольвийские и херсонесские послы классического и эллинистического времени	85
<i>П. М. Леус, С. В. Бельский.</i> Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве ...	93
<i>С. В. Хаврин.</i> Металл эпохи хунну могильника Терезин I (Тува) (Приложение к статье П. М. Леуса и С. В. Бельского)	105
<i>В. П. Власов, С. Б. Ланцов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев (†).</i> Неграбленный позднескифский склеп в Северо-Западном Крыму	108
<i>Г. В. Кубарев.</i> Погребальные памятники древних тюрок в долине р. Хар-Ямаатын-гол (Северо-Западная Монголия)	115

<i>С. Ю. Каинов.</i> Деталь шлема из раскопок Саркела – Белой Вежи	130
<i>В. В. Новиков.</i> Оголовье верхового коня кургана № 7 из раскопок С. И. Сергеева в центральной курганной группе в Гнёздове	135
<i>Н. А. Макаров, О. А. Несмиян, Т. Ю. Муренцева.</i> Клещин – центр средневекового расселения на Плещеевом озере	140
<i>Р. Спиргис.</i> Памятники древнерусской сфрагистики в латвийском археологическом материале	155

Актуальные проблемы археологии

<i>Д. А. Канделаки.</i> Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей скотоводческой экономики	166
<i>В. А. Алёкишин.</i> Информативные возможности археологических погребальных памятников	174
<i>М. Т. Каишуба.</i> Древние вещи в поздних контекстах, или История сосуда из кургана Паркань 97 в Северо-Западном Причерноморье	187
<i>Н. Ю. Смирнов.</i> Аржан в Туве или Аржаан в Тыве? Заметка редактора	196

Обзоры и рецензии

Канозерская сокровищница наскального искусства

<i>Колтаков Е. М., Шумкин В. Я.</i> Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России. 2012. ISBN 978-5-98361-165-8. 424 с. (Рец. В. Мантере)	200
--	-----

Важное начинание в изучении истории Юга Аравии

<i>Французов С. А.</i> История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества. Т. I. История Хадрамаута в эпоху древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. ISBN 978-5-4318-0015-3 ISBN 978-5-4318-0016-0 (т. 1). 336 с., 19 илл., 6 карт (Рец. Ю. А. Виноградов)	203
---	-----

Нужен ли археологический свод в таком виде?

Курганные погребения раннего бронзового века с Нижнего Подонья. Свод археологических источников / сост. А. В. Файферт. Ростов -н/Д, 2014. ISBN 978-5-600-00758-1. 500 с., 342 илл. (Рец. В. Я. Стеганцевой)	206
--	-----

Кожевенное ремесло в средневековой Москве

<i>Осинов Д. О.</i> Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН». 2014. 269 с., 88 илл. (Рец. А. В. Курбатова)	213
--	-----

Сотрудничество Восток – Запад

<i>С. А. Васильев, В. Е. Щелинский.</i> Международная конференция «Методы изучения каменных артефактов»	223
<i>А. А. Бессуднов, Е. С. Ткач.</i> Научная конференция молодых ученых «Актуальная археология 3: новые интерпретации археологических данных» (Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г.)	227

- М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Ю. Пиотровский.* Международная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий «Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога» (5–8 октября 2015 г., Санкт-Петербург, Россия) 230
- М. В. Медведева, Е. Ю. Станюкевич-Денисова, Е. В. Ходаковский.* Русско-норвежский семинар по проблемам сохранения и реставрации архитектуры в Скандинавии и России «Caring for the Past: Architectural Restoration and Preservation in Scandinavia and Russia» (4–8 ноября 2015 г., Афины, Греция) 235

История науки

- В. Ю. Соболев.* История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX – начале XX в. 238

Персоналии

- С. А. Васильев.* Эволюционная география палеолита: памяти Андрея Алексеевича Величко 246

Хроника

- С. А. Кулаков.* Институт истории материальной культуры РАН в 2015 г. 253
- Т. С. Дорофеева.* Содержание сборников «Археологические вести» Вып. 16–21 258
- Т. С. Дорофеева.* Алфавитный указатель авторов сборников «Археологические вести» Вып. 16–21 266
- Список сокращений 269

CONTENTS

Our Jubilees

To the jubilee of Elga Borisovna Vadetskaya	11
To the 70 th anniversary Vladimir Alekseevich Zav'yalov	12

New discoveries and studies

<i>V. E. Shchelinsky.</i> Stone industry of the Early Pleistocene site of Rodniki 2 on the Taman Peninsula	13
<i>S. A. Vasilyev.</i> The Tashtyk complex at the long-lived site of Uy II in the Western Sayan . . .	31
<i>S. M. Ostashinskiy, E. A. Cherlenok, I. G. Loskutov.</i> New evidence on ancient agriculture in the North-Western Caucasus	35
<i>Yu. G. Kutimov.</i> Excavations of 2013 at the Late Bronze Age cemetery of Kumsay (Tajikistan) . . .	41
<i>E. R. Mikhaylova.</i> The 'Idol' from the railway station of Ruch'yi	49
<i>O. F. Chernova, V. S. Busova.</i> Identification of fragments of fur clothes from kurgans of the Scythian period in Central Tuva	52
<i>S. G. Koltukhov, S. N. Senatorov.</i> Kulakovsky Barrow (Materials from the State Hermitage) . .	62
<i>N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko.</i> A burial with a glass cup from the cemetery of Stary-Korsun townsite no. 2	76
<i>M. V. Skrzhinskaya.</i> Bosporan, Olbian and Chersonesean ambassadors in the Classic and Hellenistic period	85
<i>P. M. Leus, S. V. Bel'skiy.</i> Terezin I – a burial ground of the Xiongnu time in central Tyva . . .	93
<i>S. V. Khavrin.</i> Metal of the Xiongnu period from the cemetery of Terezin (Tuva) (Appendix to the Paper by P. M. Leus and S. V. Bel'skiy)	105
<i>V. P. Vlasov, S. B. Lantsov, S. L. Smekalov, M. S. Shaptsev (†).</i> An unrifled Late Scythian tomb in northwestern Crimea	108
<i>G. V. Kubarev.</i> Burial monuments of ancient Turks in the valley of the Khar-Yamaatyn-Gol River (Northwestern Mongolia)	115
<i>S. Yu. Kainov.</i> Detail of a helmet from the excavations in Sarkel – Belaya Vezha	130
<i>V. V. Novikov.</i> Bridle of a saddle horse from barrow no. 7 excavated by S. I. Sergeev in the central kurgan group of Gnezdovo	135

- N. A. Makarov, O. A. Nesmiyan, T. Yu. Murentseva.* Kleshchin – a centre of medieval settlement at Lake Pleshcheyevo 140
- R. Spirgis.* Relics of Old-Russian sfragistics in Latvian archaeological materials 155

Topical problems of archaeology

- D. A. Kandelaki.* Domestication potential of the Abkhazian Black Sea littoral and the most ancient centres of the origin of the food-producing pastoralist economy 166
- V. A. Alekshin.* Information capacity of archaeological funerary sites 174
- M. T. Kashuba.* Older artefacts in later contexts or The history of a beaker from the barrow of Parkan 97 in the north-western Black Sea region 187
- N. Yu. Smirnov.* Arzhan in Tuva or Arzhaan in Tyva? Editor's note 196

Review articles and book reviews

Treasure trove of rock carvings at Kanozero

- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. ISBN 978-5-98361-165-8. 424 с.
(Rev. by Ville Mantere) 200

An important initiative in the study of southern Arabia

- Французов С. А.* История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества. Т. I. История Хадрамаута в эпоху древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. ISBN 978-5-4318-0015-3
ISBN 978-5-4318-0016-0 (т. 1). 336 с., 19 илл., 6 карт
(Rev. by Yu. A. Vinogradov) 203

Is an archaeological code of this type purposeful?

- Курганные погребения раннего бронзового века с Нижнего Подонья.
Свод археологических источников / сост. А. В. Файферт. Ростов -н/Д, 2014.
ISBN 978-5-600-00758-1. 500 с., 342 илл.
(Rev. by V. Ya. Stegantseva) 206

Leather industry in mediaeval Moscow

- Осинов Д. О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН». 2014. 269 с., 88 илл.
(Rev. by A. V. Kurbatov) 213

The East-West cooperation

- S. A. Vasilyev, V. E. Shchelinskiy.* International conference 'Methods of studying stone artefacts' 223
- A. A. Bessudnov, E. S. Tkach.* Conference of Young Scientists «Actual Archaeology 3: New Interpretations of Archaeological evidence» (St. Petersburg, on April 25–28, 2016) . . . 227
- M. T. Kashuba, S. Reinhold, Yu. Yu. Piotrovskiy.* International archaeological conference and the Humboldt Lectures 'Caucasus as a link between Eastern Europe and the Near East: dialogue of cultures and the culture of dialogue' (October 5–8, 2015, Saint Petersburg, Russia) 230

<i>M. V. Medvedeva, E. Yu. Stanyukevich-Denisova, E. V. Khodakovskiy.</i> Russian-Norwegian seminar on the problems of preservation and restoration of architecture in Scandinavia and Russia 'Caring for the Past: Architectural Restoration and Preservation in Scandinavia and Russia' (November 4–8, 2015, Athens, Greece)	235
--	-----

History of science

<i>V. Yu. Sobolev.</i> History of studies of archaeological sites of the Plussa River region in the second half of the 19 th –early 20 th century	238
--	-----

Personalia

<i>S. A. Vasilyev.</i> Evolutionary geography of the Palaeolithic period: in memory of Andrey Alekseevich Velichko	246
---	-----

Chronicle

<i>S. A. Kulakov.</i> Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS in 2015	253
<i>T. S. Dorofeeva.</i> Bibliography: Archaeological News No. 16–21	258
<i>T. S. Dorofeeva.</i> Index of authors: Archaeological News No. 16–21	266
List of Abbreviations	269

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К ЮБИЛЕЮ ЭЛЬГИ БОРИСОВНЫ ВАДЕЦКОЙ

Эльга Борисовна Вадецкая – признанный авторитет в сибирской археологии. Самим фактом своей научной биографии она воплотила возможность синтеза московской и ленинградской школ по изучению археологии Сибири, наследуя лучшее от своих учителей – С. В. Киселева и М. П. Грязнова.

Эльга Борисовна универсальный специалист. Начало ее биографии в археологии – диссертация «Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее» (1966) – стало серьезным вызовом при сложившихся к тому времени представлениях об этих памятниках, заложив принципиально новые основы в их изучение. Для ее работ характерно глубокое знание источников – музейных коллекций и архивных материалов, внимательное отношение к предшественникам. С равной основательностью Эльга Борисовна занимается всеми темами, которые начинают ее интересовать. Это и археологические культуры Южной Сибири от энеолита до первых веков нашей эры – афанасьевская, окуневская, тагарская, тесинская... Это типология бус, картографирование археологических памятников Среднего Енисея, происхождение и устройство погребальных масок таштыкской культуры.

Эльге Борисовне тесно в рамках просто «археологии Южной Сибири». Ее интересует и широкий круг проблем, связанных с культурными взаимодействиями. В ее стиле ставить острые вопросы и находить на них ответы не только в археологии, но и в этнографии, антропологии, лингвистике, в достижениях естественных наук. Такой поиск «не устлан розами». Каждая работа Эльги Борисовны – это свод всей информации по затрагиваемой теме. В полной мере все это касается докторской диссертации «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири» (1999).

Неотъемлемой частью научной биографии Эльги Борисовны является научно-просветительская деятельность. Ее книга «Сказы о древних курганах» для многих стала дверью в нашу науку. Под руководством Эльги Борисовны Сибирская экспедиция ЛОИА АН СССР осуществила масштаб-

Э. Б. Вадецкая

E. B. Vadetskaya

ные раскопки могильников Березовский, Ашпыл, Кадатское Поле, Кошколь, Соколовский разъезд, Сопки, курганов в дд. Кадат и Береш и др. Впервые открыты были памятники окуневской и таштыкской культур на северной периферии их распространения.

Особая черта Эльги Борисовны – преданность своему любимому делу: археологии. Она посвящает научной работе всю себя без остатка, не размениваясь на окружающий быт.

Долгие годы Эльга Борисовна являлась научным руководителем молодых исследователей, которые, став известными учеными, называют ее своим учителем.

Хочется пожелать Эльге Борисовне творческого и человеческого долголетия, чувства удовлетворения от написанных работ и новых учеников, которым она откроет путь в науку.

К 70-летию Владимира Алексеевича Завьялова

В. А. Завьялов
V. A. Zav'yalov

10 февраля 2016 г. исполнилось 70 лет ст. н. с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН к. и. н. Владимиру Алексеевичу Завьялову, известному исследователю древностей Центральной Азии.

Владимир Алексеевич начал работать в экспедициях института с 1971 г. Будучи студентом ЛГУ, он участвовал в раскопках курганов в южнорусских и сибирских степях, памятников сунну в Забайкалье и древнеземледельческих поселений на юге Центральной Азии. Многие годы он работал в составе Каракумской и Бактрийской экспедиций ЛОИА АН СССР, которыми руководил д. и. н. В. М. Массон, ставший наставником молодого исследователя.

В 1974 г. Владимир Алексеевич был зачислен в штат Красноярской экспедиции, а в 1975 г. – в штат Лаборатории камеральной обработки, где выполнял обязанности ученого секретаря. В 1978 г. его перевели в Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Владимир Алексеевич участвовал в раскопках Алтын-депе, в исследованиях Сумбарской экспедиции в Юго-Западном Туркменистане, но ярче всего его талант археолога раскрылся в составе Бактрийской экспедиции, где он руководил раскопками кушанского города Зартепа. Интерпретация археологических материалов эталонного памятника является важным вкладом Владимира Алексеевича в изучение проблем кушанской археологии.

В 2005 г. Владимир Алексеевич защитил кандидатскую диссертацию «Культура Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени (по материалам Зартепа)», опубликованную в 2008 г. (В. А. Завьялов. Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб., 2008). В настоящее время Владимир Алексеевич разрабатывает тему о восточной фортификации античного и раннего средневекового времени.

В каких бы проектах он ни участвовал, везде коллеги отдавали должное его таланту полевого исследователя. С 2002 г. Владимир Алексеевич является председателем Санкт-Петербургской группы ОПИ ИИМК РАН.

Время не изменило характер исследователя. Он внимателен и доброжелателен к коллегам, среди которых пользуется большим авторитетом. Его деловитости и энергии можно позавидовать.

Владимир Алексеевич предан археологии. Являясь профессионалом высочайшей классификации, он отдал изучению древностей 42 года жизни, которая является образцом высокого служения избранным в молодости идеалам науки.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра, желает ему новых творческих успехов и крепкого здоровья!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ СТОЯНКИ РОДНИКИ 2 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹

В. Е. Щелинский²

Аннотация. Открытие в Приазовье стоянок раннеплейстоценового возраста и начавшиеся их исследования имеют важное теоретическое значение для понимания процессов адаптации древнейших людей к новым экологическим условиям и их культуры на начальном этапе заселения территории Евразии. В статье описываются и интерпретируются материалы комплексных исследований стоянки Родники 2, относящейся к таманской раннеплейстоценовой индустрии, существовавшей в Южном Приазовье в интервале 1,6–1,2 млн л. н.

Annotation. The discovery of Early Pleistocene sites in the Azov Sea area and their first investigations are of theoretical importance for our understanding of the processes of adaptation of the earliest people to new ecological conditions and of their culture at the initial stage of settling in the territory of Eurasia. The present paper describes the materials of interdisciplinary studies of the site of Rodniki 2 belonging to the Early Pleistocene Taman industry spread in the southern Azov Sea area in the time span of 1.6–1.2 million years BP.

Ключевые слова: ранний палеолит, ранний плейстоцен, таманская индустрия, переход от олдована к ашелю, стоянка Родники 2, Южное Приазовье.

Keywords: Lower Palaeolithic, Early Pleistocene, Taman industry, transition from Oldowan to Acheulian, site of Rodniki 2, Southern Azov Sea area.

Предисловие. В результате целенаправленных поисков за последние 15 лет на Таманском п-ове в Южном Приазовье выявлен ряд раннепалеолитических стоянок раннеплейстоценового возраста. Открытие и начавшиеся исследования этих стоянок имеют важное теоретическое значение для понимания процессов адаптации к новым экологическим условиям и культуры древнейших людей на начальном этапе заселения ими территории Евразии.

Новые стоянки сосредоточены компактной группой на северном (азовском) берегу полуострова и располагаются у поселка За Родину Темрюк-

ского района Краснодарского края в 25 км к западу от г. Темрюка (Щелинский, 2012. С. 14). В настоящее время лучше изучены две из них – Богатыри/Синяя Балка и Родники 1 (Щелинский, 2014; Shchelinsky et al., 2010).

Многослойная стоянка Богатыри/Синяя Балка является не только археологическим объектом, но и важным палеонтологическим местонахождением, имеющим статус стратотипа таманского фаунистического комплекса и известным под названием Синяя Балка (Громов, 1948; Вангенгейм и др., 1991). Несмотря на нарушенное залегание, что удалось выяснить нашими исследованиями (Измайлов, Щелинский, 2013; Щелинский и др., 2008; Щелинский, Кулаков, 2007), и не вполне ясную геологическую позицию (культуросодержащие отложения образуют громадный ксенолитический блок, заключенный в грязевулканический массив), возраст этой стоянки надежно устанавливается по фауне крупных и мелких млекопитающих, палеомагнитным и палинологическим данным. Фауна во всех

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-01-00049-а «Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Приазовья (хронология, типология, технология, функциональные и культурные особенности)».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

трех культуросодержащих слоев стоянки имеет сходный таксономический состав и принадлежит к таманскому териокомплексу. Представлены типичные формы этого комплекса: *Archidiskodon meridionalis tamanensis*, *Equus cf. major*, *Elasmotherium caucasicum*, *Bison sp.*, *Tragelaphini gen.*, *Miomys savini*, *Lagurodon arankae* и др. (Тумов и др., 2012). Особенностью состава костного материала является доминирование остатков *Archidiskodon meridionalis tamanensis* и *Elasmotherium caucasicum*, тогда как находки костей лошадей, парнокопытных и других травоядных среднего размерного класса единичны (Тумов, Тесаков, 2009). Столь характерный видовой состав отражает, скорее всего, избирательный характер промысловой деятельности обитателей стоянки. При этом обилие и слабая расчлененность костных остатков позволяют рассматривать эту стоянку как место забоя и разделки туш крупных млекопитающих (kill site) (Щелинский, 2013).

Хронологический диапазон таманского фаунистического комплекса, изученного по целому ряду местонахождений Приазовья и Нижнего Дона, определен достаточно точно. До недавнего времени он оценивался в пределах 1,1–0,8 млн л. н. (Вангенгейм и др., 1991). Однако в последнее время на основании изучения мелких млекопитающих его границы несколько понижаются, и время существования этого биохронологического подразделения устанавливается в диапазоне 1,55–0,85 млн л. н. При этом возраст фауны Синей Балки (и, следовательно, стоянки Богатыри/Синяя Балка) определяется в интервале 1,2–1,5 млн л. н. (Тумов и др., 2012). Этому не противоречат палеомагнитные данные.

Из разреза стоянки были отобраны три образца для палеомагнитного изучения. Первичная намагниченность образцов может быть уверенно интерпретирована как обратная, что свидетельствует о накоплении осадков на стоянке во время эпохи обратной полярности Матуяма (2,58–0,78 млн л. н.). С учетом общепринятой корреляции местонахождений таманского фаунистического комплекса со второй половиной раннего плейстоцена (1,1–0,9 млн л. н.), коррелятивный интервал может быть формально сужен до хроно C1r.1r (0,99–0,78 млн л. н.). Однако новые биостратиграфические данные по крупным млекопитающим этого комплекса могут

указывать и на более древний возраст осадков стоянки и их корреляцию с хроном C1r.2r (1,77–1,07 млн л. н.) (Додонов и др., 2008а). Учитывая то, что слоны данного местонахождения по характеру зубов относятся к начальной стадии развития таманского фаунистического комплекса (Байгушева, Тумов, 2008), реальный возраст стоянки может составлять около 1,5–1,6 млн л. н. (Саблин, 2010).

Фаунистические материалы, равно как и результаты палинологических исследований, позволили реконструировать палеоэкологическую обстановку. Установлено, что стоянка существовала в условиях теплого климата в окружении лесо-степных и степных ландшафтов и смешанных лесов с присутствием вяза, дуба, граба, бука и грецкого ореха по долинам рек (Додонов и др., 2008б; Simakova, 2009; Shchelinsky et al., 2010а).

Стоянка Родники 1, в отличие от Богатырей/Синей Балки, связана с ненарушенной многометровой раннеплейстоценовой толщей, сложенной прибрежно-морскими песками и субэдральными суглинками. Культуросодержащий слой ее, залегающий *in situ*, приурочен к базальному слою, представленному переслаивающимся галечником и гравием с примесью слабоокатанного щебня и глыб осадочных пород (пляжевые отложения), и перекрыт мощными песками, коррелируемыми с апшеронской (гурийской) трансгрессией Понто-Каспийской области (Shchelinsky et al., 2010а, б). Уже этот факт определенно указывает на то, что возраст стоянки составляет не меньше 1 млн лет. Костные остатки крупных млекопитающих в культуросодержащем слое единичные и представлены обломками. Некоторые из них принадлежат слону, другие неопределимы. Уточнить и конкретизировать возраст стоянки позволила богатая фауна мелких млекопитающих, в которой представлены: *Allophaiomys cf. pliocaenicus Kormos*, *Lagurodon arankae*, *Lagurini gen.*, *Miomys cf. savini*, *Miomys cf. Pusillus Méhely*, *Miomys sp.*, *Borsodia sp.*, *Ellobius sp.*, *Spermophilus sp.*, *Allactaga sp.*, *Spalax sp.* и *Allocricetus cf. ehiki Schaub*. Данные таксоны, по мнению А. С. Тесакова, характерны для середины раннего плейстоцена в интервале 1,4–1,6 млн л. н. (Shchelinsky et al., 2010а, б). Таким образом, по данным фаунистического анализа эта стоянка, по-видимому, одновременна стоянке Богатыри/Синяя Балка (ее основному культуросодержащему слою). Это подтверждает и анализ спорово-

пыльцевых спектров, свидетельствующий, что ландшафтно-климатические условия этих стоянок были одинаковыми (*Simakova, 2009*).

Вместе с тем в функциональном отношении эти стоянки были различными. В отличие от специализированной стоянки Богатыри/Синяя Балка, на которой основными видами деятельности были забой и разделка крупных млекопитающих, стоянка Родники 1 может быть интерпретирована как место кратковременного обитания людей, посещаемое ими неоднократно. Примечательно, что стоянка располагалась на пляже пресноводного или сильно опресненного бассейна (*Щелинский, 2013*).

Каменные индустрии обеих стоянок сходны между собой. Сходство отчетливо проявляется по исходному сырью, технологии первичного расщепления, приемам изготовления и категориям орудий. По сути, они образуют одну индустрию, названную «таманской». Имеющиеся данные позволяют заключить, что эта ранее неизвестная древнейшая индустрия существовала на территории нынешнего Приазовья в интервале 1,2–1,6 млн л. н. (*Щелинский, 2014, 2015*).

Не решенным остается пока вопрос о культурно-стадиальном статусе этой индустрии. Первоначально казалось, что она полностью отвечает технологическим критериям олдована/мод 1 (Oldowan/Mode 1) и является его вариантом, связанным с сырьевым фактором (*Shchelinsky et al., 2010a*). Однако более детальное изучение показало, что представленные в ней некоторые довольно развитые формы артефактов, равно как и технологические приемы их изготовления, едва ли могут быть объяснены только особенностями петрографии и морфологии местного сырья.

Конечно, можно было бы отнести эту индустрию к выделяемому в настоящее время так называемому позднему европейскому мод 1 (late European Mode 1) (*Mosquera et al., 2013*), понизив при этом нижнюю возрастную границу этого культурно-хронологического подразделения. Однако этому противоречило бы наличие в ней крупных отщепов и таких сложных стандартизованных и типологически выраженных орудий, как пики и кливеры. Как известно, такого рода изделия не выявлены даже в поздних индустриях

мод 1, но они являются важным атрибутом ашельских (раннеашельских) индустрий, правда, в комбинации с ручными рубилами, впервые появившимися в Африке около 1,76 млн л. н. (*Beuene et al., 2013; Lepre et al., 2011; Semaw et al., 2013*). В таманской индустрии нет рубил, что не позволяет атрибутировать ее как раннеашельскую. Для определения этой индустрии предлагается термин «архаичный ашель» (*Щелинский, 2014, 2015*). Этот термин не является синонимом термина «ранний ашель». Он призван лишь отразить своеобразие таманской индустрии, в которой органически сочетаются олдованские и хорошо выраженные ашельские признаки. Возможно, мы имеем дело с переходной индустрией от олдована/мод 1 к ашелю.

Эти выводы нуждаются в дополнительном обосновании. При этом важно изучить материалы других раннеплейстоценовых местонахождений Тамани. В этой связи особый интерес представляет стоянка Родники 2, индустрия которой во многом перекликается с таманской индустрией.

Геологическая позиция и возраст стоянки Родники 2. Стоянка Родники 2 примыкает к стоянке Родники 1 с западной стороны. Обе стоянки расположены настолько близко одна от другой, что, казалось, образуют одну стоянку. Однако после оползня, произошедшего на участке между ними, стало ясно, что они отделяются одна от другой отчетливым тектоническим разрывом слоев. Некоторые отличия имеются и в стратиграфии отложений. Похоже, что это все-таки разные, но одновременные или близкие по возрасту стоянки.

Как и Родники 1, стоянка Родники 2 связана с мощной хорошо стратифицированной толщей субаквальных отложений, образующей наклонную береговую террасовидную структуру высотой на бровке 32 м над уровнем моря. Толща располагается на цоколе из грязевулканических глин и вместе с ним под воздействием тектоники довольно сильно наклонена к юго-западу. Строение этой толщи видно на открытом разрезе, возникшем в результате крупного берегового оползня. В нем сверху вниз выделяются (рис. 1, А–Б):

Базальная пачка отложений (пачка 5) содержит археологический материал и является культуро-содержащим слоем стоянки.

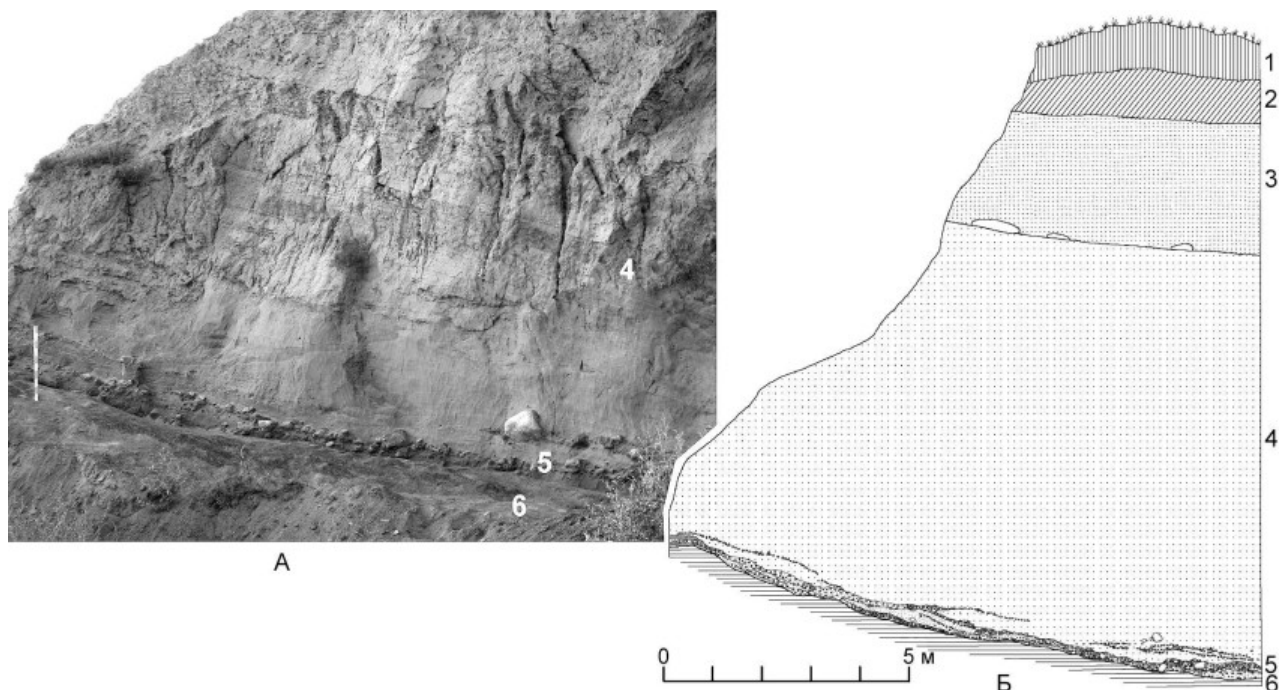

Рис. 1. Стоянка Родники 2. Отложения в расчистке 2009 года: А – вид с северо-запада; Б – разрез (1 – суглинок черный и темно-серый; 2 – суглинок коричневый, опесчаненный; 3 – песок серый, внизу серо-коричневый, горизонтально слоистый; 4 – песок серо-желтый и светло-серый («зеброидный»), косо и горизонтально слоистый; 5 – пачка тонких гравийно-щебнисто-галечных прослоев, перемежающихся с прослоями песка (культуросодержащий слой); 6 – глина темно-серая, грязевулканическая)

Fig. 1. Site of Rodniki 2. Deposits excavated in 2009: А – view from north-west; Б – section (1 – black and dark-grey loam; 2 – brown, sandy loam; 3 – grey and grey-brown horizontally laminated below; 4 – grey-yellow and light grey ('zebra-like'), slantwise and horizontally laminated; 5 – pack of gravel-crushed stone-pebble interlayers alternated with interlayers of sand (layer with cultural remains); 6 – dark-grey mud and volcanic clay)

		Мощность отложений, м
1	Гумусированный слой современной почвы. Суглинок черный и темно-серый, плотный, бесструктурный. Переход к нижележащему слою постепенный	1–1,3
2	Суглинок коричневый, опесчаненный, в верхней части с карбонатными образованиями («белоглазкой»). Переход к нижележащему слою отчетливый	1–1,5
3	Песок серый горизонтально слоистый, в основании преимущественно серо-коричневый с многочисленными уплощенными прочными глинисто-карбонатными конкрециями от 0,2–0,3 м до 0,5–1,5 м в поперечнике. Нижний контакт отчетливый, неровный	3
4	Песок серо-желтый, косо и горизонтально слоистый, («зеброидный»), состоит из перемежающихся разноокрашенных прослоев и прослоек, внизу преимущественно светло-серый. Нижний контакт нечеткий	7
5	Пачка тонких гравийно-щебнисто-галечных прослоев, перемежающихся с прослоями серого косо слоистого песка. Основным является нижний галечный горизонт толщиной 0,2–0,3 м. Размеры обломочного материала, представленного в основном доломитом, от 2–3 до 20 см, редкие обломки крупнее, преобладает слабо окатанный материал. Вместе с обломочным материалом местами встречаются окатыши и тонкие прослойки плотной серо-коричневой глины, прослеживаются также линзочки песка, содержащие тонкостенный раковинный детрит и обломки раковин дрейссен. Нижний контакт четкий	0,4–0,5
6	Глина темно-серая грязевулканического генезиса	>3

Пески, перекрывающие базальные отложения, имеют прибрежно-морское происхождение. При этом обращает на себя внимание, что они состоят из двух генераций (слои 3 и 4), разделенных перерывом с образованием на их контакте крупных глинисто-карбонатных конкреций. Они, несомненно, имеют раннеплейстоценовый возраст, поскольку коррелируются с гурием – черноморским аналогом каспийской апшеронской трансгрессии (Shchelinsky *et al.*, 2010a, b), датированной в интервале 1,8–0,78 млн л. н. (Карта четвертичных образований, 2013).

Базальные отложения разреза, вмещающие в себя археологический материал, являются пляжевыми осадками. Они, несомненно, древнее перекрывающих их морских песков. В ходе археологических исследований в них были найдены остатки мелких млекопитающих, таких как *Allophaiomys cf. pliocaenicus Kormos*, *Lagurodon arankaе*, *Lagurini gen.*, *Mimomys cf. savini*, *Mimomys cf. pusillus Me'hely*, *Mimomys sp.*, *Borsodia sp.*, *Ellobius sp.*, *Spermophilus sp.*, *Allactaga sp.*, *Spalax sp.*, *Allocricetus cf. ehiki Schaub*. Эти формы грызунов характерны для середины раннего плейстоцена и указывают на возраст стоянки в интервале 1,6–1,2 млн л. н. (Shchelinsky *et al.*, 2010a). В палинологических спектрах из этих отложений доминирует пыльца *Pinus*, *Ulmus*, *Juglans cinerea*, *Carya*, *Pterocarya* и *Chenopodiaceae*. Травянистая группа разнообразна и состоит из *Artemisia*, *Asteraceae*, *Salsola*, *Brassicaceae*, *Plumbaginaceae*, *Polygonaceae*, *Thalictrum* и *Fabaceae* (рис. 2). Эти

спектры показывают распространение лесостепных ландшафтов, представленных сочетанием смешанных лесов и лугово-степной растительности (Shchelinsky *et al.*, 2010a; Simakova, 2009). Обращает на себя внимание распространение лесов с обилием грецкого ореха (*Juglans cinerea*), что как раз характерно для лесных раннеплейстоценовых ландшафтов гурийского времени (Шатилова, 1974).

Следует отметить, что на близлежащей раннепалеолитической стоянке Родники 1 установлены аналогичная фауна мелких млекопитающих, относящаяся к таманскому фаунистическому комплексу, и практически такие же палинологические спектры, как в культуросодержащих отложениях Родников 2. Значительное сходство по микротириологическим и палинологическим материалам прослеживается и с нижним (3) культуросодержащим слоем стоянки Богатыри/Синяя Балка. Верхний же (1), основной культуросодержащий слой этой стоянки, судя по этим данным, оказывается несколько моложе (Shchelinsky *et al.*, 2010a; Simakova, 2009). Таким образом, можно констатировать хронологическую близость этих стоянок.

Характеристика культуросодержащего слоя. Культурные остатки залегают в ненарушенных пляжевых отложениях. Эти отложения были исследованы расчисткой по всей длине открытого разреза (около 12 м) и раскопом 2009 г. площадью 16 кв. м, поставленным на восточном крае обнажения (рис. 3, Б).

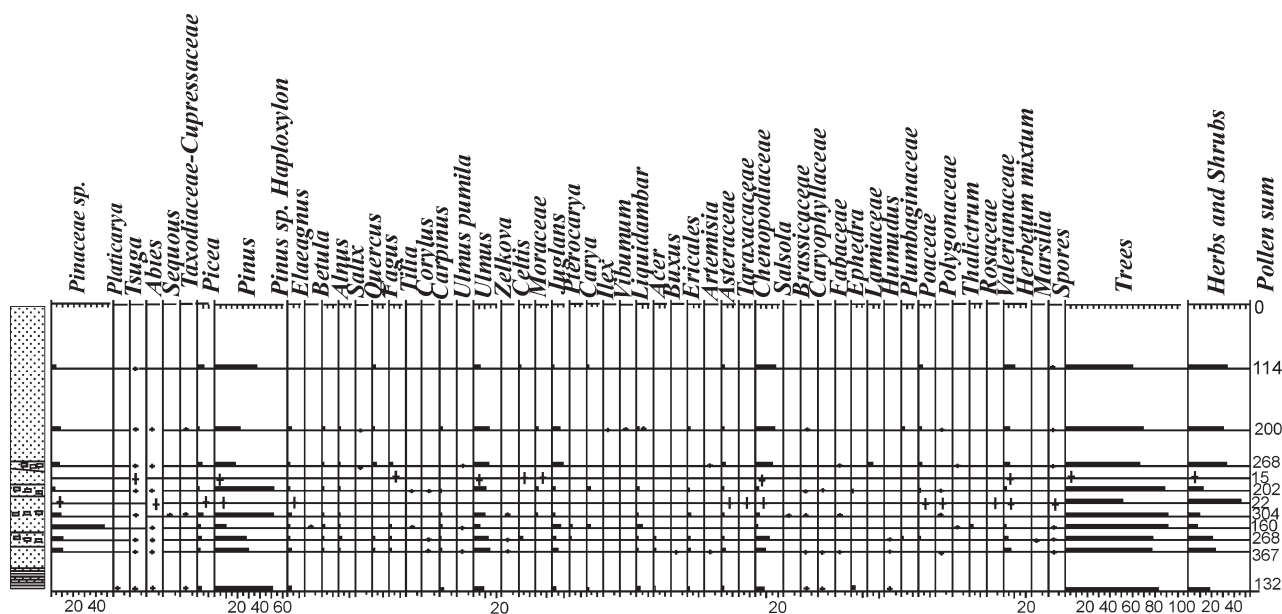
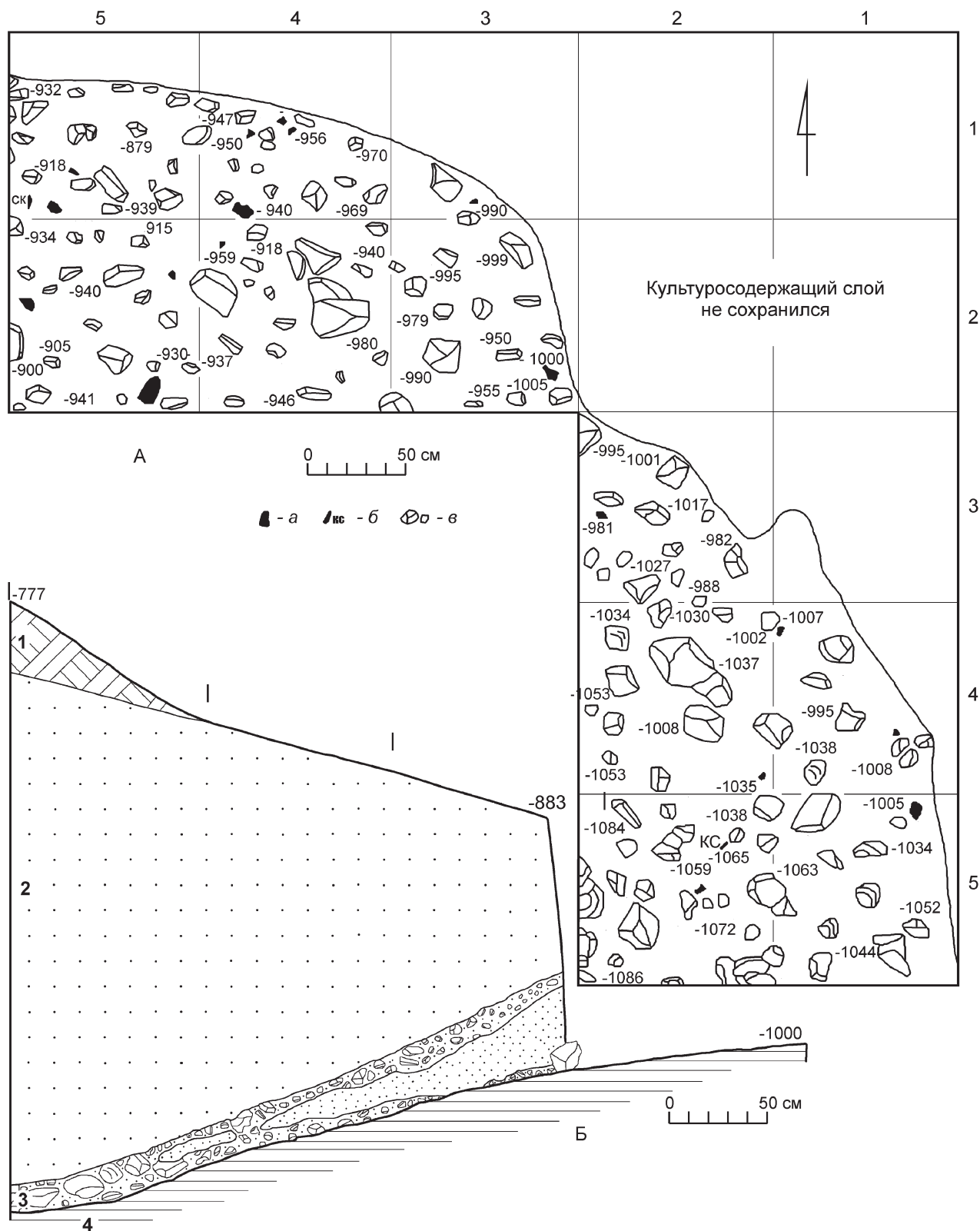

Рис. 2. Стоянка Родники 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений в раскопе 2009 г.

Fig. 2. Site of Rodniki 2. Palynological diagram of deposits at excavation of 2009

Артефакты связаны преимущественно с гравийно-щебнисто-галечными прослоями и редко встречаются в чистом песке. При этом большая часть находок сосредоточена в нижнем прослое

слабо окатанного галечника. В целом находки мало-численные, не образуют сколько-нибудь выраженных концентраций и рассредоточены поодиночке или не больше чем по 3–5 предметов на квадрат

(рис. 3, А). Такое распределение находок отчасти связано с разносом остатков деятельности людей водными потоками на пляже. Однако, учитывая технологическую комплектность артефактов и неокатанность большинства из них, можно думать, что основной причиной разреженности культурных остатков является кратковременное обитание людей на стоянке. Отсутствие поблизости от культуросодержащих отложений древнего берегового склона, с которого теоретически мог сноситься археологический материал, позволяет предполагать, что стоянка располагалась на пляже, судя по остаткам стеногалинной малакофауны, пресноводного или сильно опресненного залива или эстуария.

Археологический материал представлен главным образом каменными изделиями. Костные остатки крупных млекопитающих единичные и не определимые.

Каменная индустрия. Из культуросодержащего слоя в настоящее время происходят 113 каменных изделий. Их состав указывает на полный технологический цикл изготовления каменных орудий на стоянке, включавший в себя первичное расщепление камня и получение заготовок и оформление орудий последующей обработкой. Лишь сырье отбиралось за пределами стоянки.

Сырье. Сырьевой базой индустрии был местный окварцованный доломит миоценового возраста. Другие породы камня не использовались, возможно, потому, что их попросту не было (как нет и сейчас) в ближайших окрестностях стоянки. Коренные выходы доломита также отсутствуют в районе расположения стоянки. Однако он содержится в большом количестве в широко распространенных поблизости от стоянки разновозрастных толщах грязевулканических отложений в виде остроугольных кусков, часто плитчатой формы, различных размеров. Доломит собирался обитателями стоянки главным образом на обнажениях этих отложений. Об этом свидетельствует отсутствие следов окатанности на

подавляющем большинстве исходных отдельных доломита, использовавшихся для обработки. Окатанные отдельные сырья, происходящие из галечников, применялись весьма редко. В естественных условиях доломит был разного качества и, как показал анализ изделий, подвергался отбору. Преимущественно использовался однородный мелкозернистый доломит хорошего качества. Из него изготовлено 92 % изделий. Гораздо реже применялся крупнозернистый доломит (8 % изделий). При этом прослеживается некоторая взаимосвязь качества сырья и отдельных категорий орудий. Например, макроорудия часто изготавливались из крупнозернистых разновидностей доломита.

Сохранность изделий. Изделия в подавляющем большинстве (78,8 %) не окатанные и даже не сильно выветрелые, что, очевидно, связано с быстрым захоронением их морскими наносами и неагрессивным химическим составом вмещающих отложений. Патина на них преимущественно светло-коричневая и коричневая с серым и рыжеватым оттенками. Оттенки ее во многом зависят от того, залежали ли изделия в песке, галечнике или глинистом субстрате.

Общая характеристика изделий. Представлены изделия как мелких (до 5 см включительно), так и крупных размеров (крупнее 5 см). При этом мелкие изделия заметно преобладают над крупными (соответственно 60,2 % и 39,8 %). 27,9 % из них имеют размеры 3 см и меньше. Размеры 26,7 % крупных изделий превышают 10 см.

В составе инвентаря имеются все основные технологическо-морфологические группы изделий:

нуклеусы	9 экз.
отщепы	28 экз.
отщепы с ретушью	10 экз.
обломки с частичной обработкой	7 экз.
орудия	59 экз.
Всего	113 экз.

Рис. 3. Стоянка Родники 2. А – план культуросодержащего слоя в раскопе 2009 г. (1 – каменные изделия; 2 – обломки костей; 3 – щебень, гальки, глыбы доломита); Б – разрез отложений по западной стенке раскопа (1 – осыпь; 2 – песок серо-желтый и светло-серый (соответствует слою 4 разреза на рис. 1); 3 – гравийно-щебнисто-галечный слой с линзами песка (соответствует слою 5 разреза на рис. 1); 4 – грязевулканическая глина (соответствует слою 6 разреза на рис. 1)

Fig. 3. Site of Rodniki 2. А – plan of the layer with cultural remains at excavation of 2009 (1 – stone artefacts; 2 – fragments of bones; 3 – crushed stone, gravel, pebbles, dolomite blocks); Б – section of deposits at the western edge of the excavation (1 – talus; 2 – grey-yellow and light grey sand (corresponds to layer 4 of the section in Fig. 1); 3 – gravel-and-pebble layer with lenses of sand (corresponds to layer 5 of the section in Fig. 1); 4 – mud and volcanic clay (corresponds to layer 6 in Fig. 1)

Обращает на себя внимание высокий процент орудий в составе коллекции изделий, что можно объяснить выпадением из нее по естественным причинам многих мелких и мельчайших предметов, обычно плохо сохраняющихся в субкавальных культуросодержащих отложениях (уносились водными потоками).

Способы и продукты первичного расщепления камня. Первичная обработка камня четко выделяется в технологической цепочке изготовления орудий. Изготавливались две категории заготовок для орудий – подходящие куски/обломки камня и отщепы. При этом изготовление обломков-заготовок играло не менее важную роль, чем изготовление отщепов. Достаточно сказать, что из обломков в индустрии стоянки изготовлено 71,2 % орудий, и больше половины использованных обломков имеет признаки изготовления.

Изготовление обломков производилось путем раскалывания крупных отдельностей доломита на более мелкие обломки с последующим отбором из них наиболее подходящих по размерам и качеству. Необходимость такой операции, как можно предполагать, была обусловлена в первую очередь особенностями доломита. Дело в том, что многие его первичные отдельности сверху подверглись химическому выветриванию, вследствие чего прочная, не преобразованная химическими процессами часть доломита лучше всего сохранилась внутри этих отдельностей. Раскалывание их позволяло извлечь и отобрать для использования наиболее качественные прочные и мелкозернистые разности доломитового сырья. О намеренном раскалывании отдельностей доломита свидетельствуют характерный рельеф плоскостей раскалывания обломков, а также патина этих поверхностей, которая ничем не отличается от патины на других изделиях.

Нуклеусы (9 экз.), использовавшиеся для изготовления отщепов, образуют хорошо выраженную технолого-морфологическую группу (рис. 4, 1–2, 4, 11). Размеры наиболее крупных из них 11,7 см и 9,8 см, наиболее мелких – 4 см и 3,4 см. Восемь нуклеусов на обломках (в четырех случаях – на искусственных), один – на отщепе. Приемы их расщепления показаны в табл. 1.

Таблица 1

Нуклеусы	Кол-во
Односторонние	5
а	3
б	1

Нуклеусы	Кол-во
г	1
Двухсторонние	3
а + а	1
а + б	1
б + в	1
Многосторонние	1
д	1
Всего	9

а – с негативом одного скола; *б* – однонаправленное скалывание; *в* – встречное скалывание; *г* – ортогональное скалывание; *д* – призматическое расщепление.

Как видим, характерно разнообразие приемов расщепления нуклеусов, в том числе с использованием ортогонального и призматического скалывания. Вместе с тем надо отметить, что предварительная обработка нуклеусов отсутствовала. Ударные площадки на них в основном корковые, реже гладкие (негатив предшествующего снятия или плоскость раскалывания отдельности сырья) и в единичных случаях слегка подправленные сколами.

Отщепы (28 экз.) (рис. 4, 3, 7–10; 5, 2, 3, 7, 10). Это изделия без вторичной обработки, хотя на краях многих из них имеются следы чешуйчатых повреждений, очевидно, от использования в работе. В большинстве своем они мелкие (85,7 %). При этом половина из них имеет размеры до 3 см. Крупные отщепы единичны. Многие отщепы в той или иной степени фрагментированы в процессе расщепления и, может быть, при использовании в качестве орудий.

По характеру дорсальной поверхности отщепов можно судить о приемах их скалывания (табл. 2).

Таблица 2

Отщепы (> 3 см)	Кол-во
Первичные	4
Полупервичные	3
Тип Комбева	1
С однонаправленной огранкой	1
С разнонаправленной огранкой	8
Всего	17

В значительном количестве имеются первичные и полупервичные отщепы, что является одним из показателей неустойчивости расщепления нуклеусов и скалывания с них малочисленных

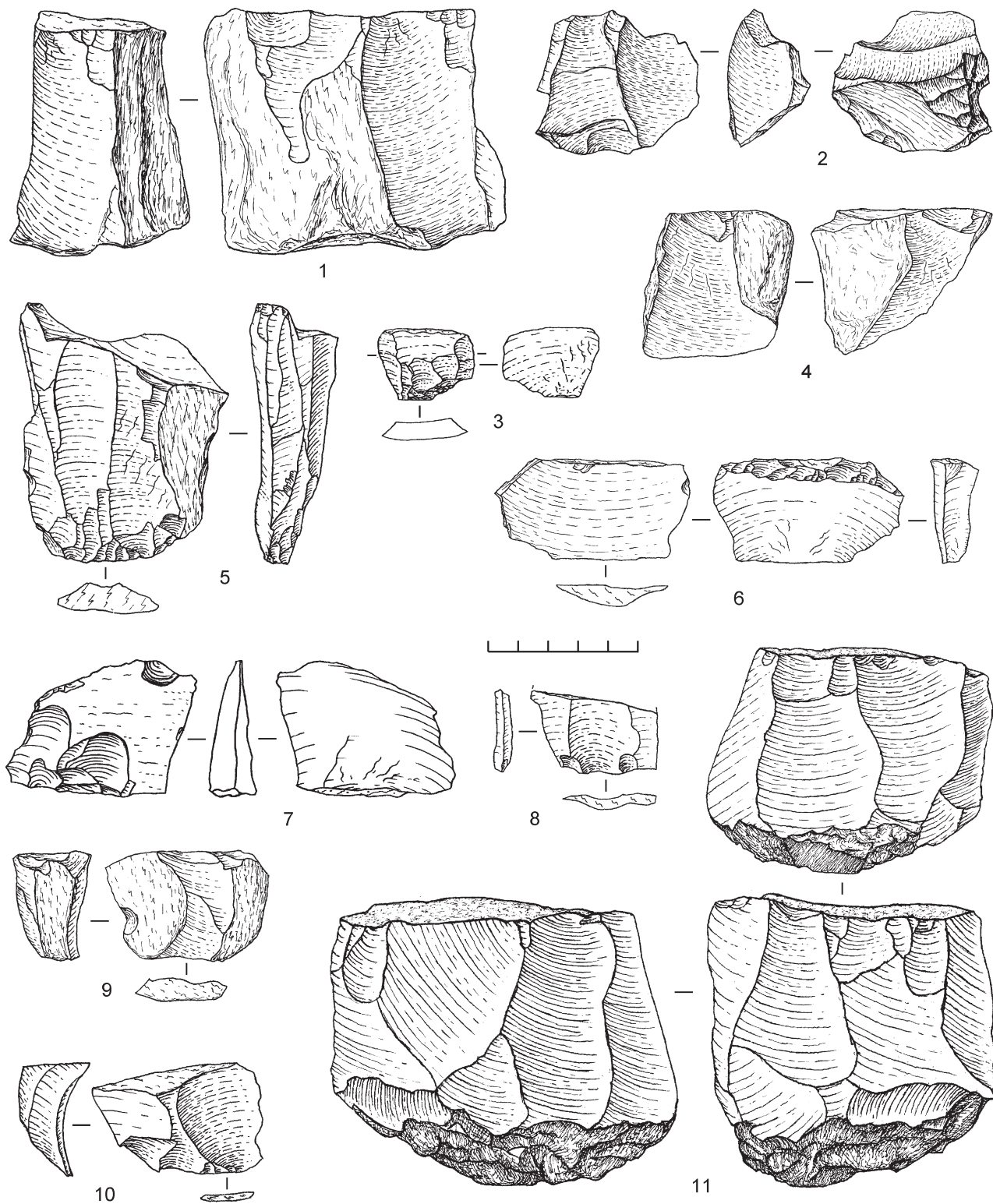

Рис. 4. Стоянка Родники 2: 1-2, 4, 11 – нуклеусы; 3, 7-10 – отщепы; 5 – отщеп с резцовыми сколами; 6 – поперечное скребло

Fig. 4. Site of Rodniki 2: 1-2, 4, 11 – cores; 3, 7-10 – flakes; 5 – flake with burin spalls; 6 – transverse scraper

отщепов. Другие отщепы отчетливо указывают на превалирование однонаправленного скалывания их с нуклеусов.

В целом такие же морфологические признаки имеют отщепы с ретушью (табл. 3) и отщепы, использованные в качестве заготовок для орудий (табл. 4).

Таблица 3

Отщепы с ретушью (>3 см)	Кол-во
Первичные	1
Полупервичные	5
С однонаправленной огранкой	1
Всего	7

Таблица 4

Отщепы, превращенные в орудия (>3 см)	Кол-во
Первичные	6
Полупервичные	4
Тип Комбева	1
С однонаправленной огранкой	5
Всего	16

Ударная площадка на всех этих отщепах (сохранилась на 24 отщепах >3 см) преимущественно корковая и лишь на отдельных экземплярах гладкая и частично фасетированная. Это согласуется с нуклеусами, которые не подвергались дополнительной обработке ни в начале, ни в ходе расщепления.

Форма отщепов (не учитывались первичные и типа Комбева) различна. Наряду с бесформенными имеются подчетыреугольные, овальные и удлиненные отщепы. При этом отщепы подчетыреугольной формы немного преобладают. Следует отметить также наличие крупных и довольно правильных по форме отщепов размером >10 см, которые предназначались для изготовления стандартизованных макроорудий.

Таким образом, несмотря на неразвитость в целом технологии первичного расщепления камня, отчетливо проявляются признаки целенаправленного изготовления отщепов разных форм и размеров.

Орудия. Орудия разнообразны (рис. 4, 6; 5, 1, 4, 5, 6, 8, 9, 11; 6, 1–7; 7, 1–3; 8, 1–19). Они разделяются на две группы: макроорудия и мелкие ретушированные орудия на отщепах и обломках.

В каждой из них выделяется ряд технолого-морфологических категорий.

Макроорудия (19 экз.) представлены сочетанием чопперов, чопперовидных скребел, пиков и кливеров.

Чопперы (8 экз.). Максимальные размеры – 12,2 × 10,0 × 4,4 см, минимальные – 4,7 × 5,8 × 4 см. Все изготовлены на обломках (искусственных (четыре), естественных (два), два не определимы). Орудия разных модификаций. Несколько преобладают соразмерные и удлиненные узколезвийные чопперы (табл. 5).

Таблица 5

Чопперы	Кол-во
<i>Соразмерные</i>	4
с прямым лезвием (рис. 6, 3)	1
с выпуклым лезвием	1
с приостренным лезвием (рис. 6, 1)	2
<i>Укороченные</i>	1
с прямым лезвием	1
<i>Удлиненные</i>	3
с выпуклым лезвием	1
с прямым скошенным лезвием	1
с приостренным лезвием (рис. 6, 5)	1
Всего	8

Некоторые чопперы имеют частичную обработку одного или обоих боковых краев в виде усечения крутыми, вертикальными или торцовыми сколами (рис. 6, 5). В отдельных случаях уточняющими сколами с верхней стороны обработана и пятка орудия.

Чопперовидные скребла (5 экз.). Орудия изготовлены на обломках, главным образом искусственных. Максимальные размеры: 7,3 × 10 × 4,3 см, минимальные – 7 × 6,5 × 4 см. Основное отличие этих орудий от чопперов состоит в том, что их лезвия обработаны более интенсивно не только крупными, но и мелкими сколами. Другое отличие – они преимущественно укороченные широколезвийные. На некоторых орудиях, как на чопперах, боковые края усечены крутыми и вертикальными сколами (рис. 6, 6, 7).

Пики (3 экз.). Это типичные односторонние пики, изготовленные на обломках, полученных раскалыванием более крупных отдельностей и естественных (рис. 6, 2, 4). Два орудия имеют выраженную пятку,

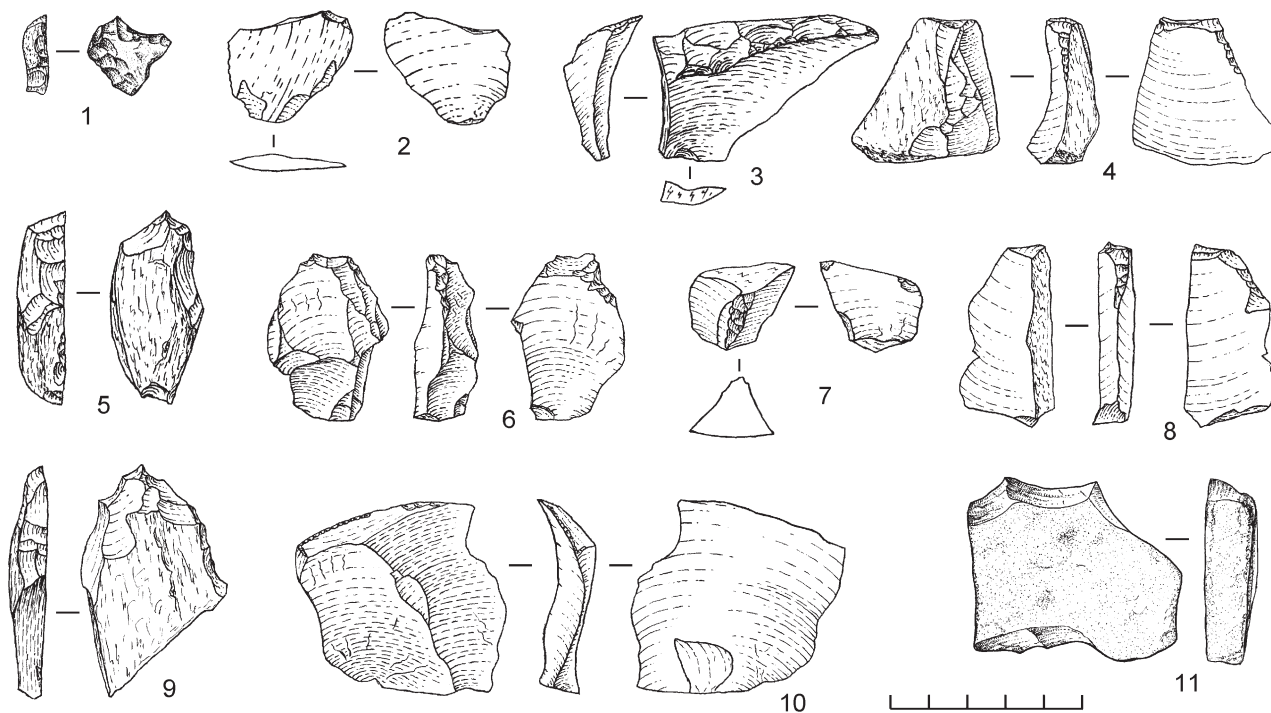

Рис. 5. Стоянка Родники 2: 1 – комбинированное орудие; 2, 10 – отщепы; 3 – отщеп, снявший отретушированное лезвие орудия; 4, 8 – орудие с резцовыми сколами на отщепе; 5, 9 – проколки; 6 – орудие с продольно-поперечной обработкой на конце; 7 – отщеп с ретушью; 11 – зубчатое орудие

Fig. 5. Site of Rodniki 2: 1 – combined tool; 2, 10 – flakes; 3 – flake which produced a retouched blade of a tool; 4, 8 – tool with burin spalls on flake; 5, 9 – borers; 6 – tool with орудие с lengthwise-transversal treatment at the end; 7 – flake with retouch; 11 – cogged tool

приспособленную для захвата рукой частичной дополнительной обработкой мелкими сколами. Размеры одного из них – $12,7 \times 7 \times 5,4$ см. Форма удлиненно-подчетырехугольная. Поперечное сечение подчетырехугольное. Рабочая часть имеет форму широкого острия с узким скребковидным кончиком (рис. 6, 4). Другой пик с выраженной пяткой сравнительно небольшой ($6,3 \times 6 \times 4,3$ см), подтреугольной формы и подчетырехугольным поперечным сечением. Рабочий конец его заостренный. Третий из представленных пиков несколько менее структурирован. Размеры его $10,5 \times 7 \times 5,2$ см. Пятка у этого пика морфологически не выражена, хотя отчасти приспособлена для удобства захвата рукой оббивкой мелкими сколами. Максимальная толщина приходится на середину корпуса орудия. Форма овально-подтреугольная. Поперечное сечение подчетырехугольное. Рабочий конец заостренный (рис. 6, 2).

Кливеры (3 экз.). Как и полагается для такого рода орудий (Ранов, 2001; Tixier, 1957), они изготовлены на крупных отщепах. При этом были исполь-

зованы отщепы укороченных пропорций, что изначально обеспечивало получение относительно узкого рабочего лезвия при удлиненных пропорциях корпуса орудий (рис. 7, 1–3). Два кливера особенно крупные. Размеры одного из них: $17,4 \times 10 \times 7,2$ см (рис. 7, 3). Рабочее лезвие у него, являющееся тонким прямым боковым краем отщепа, не обработано, на нем имеется мелкая выкрошенность от использования орудия в работе. Боковые края почти прямые. На одном из них с верхней стороны имеется серия негативов крупных плоских сколов. Были ли сняты эти сколы до скалывания отщепа-заготовки с нуклеуса или в процессе оформления орудия – не вполне ясно. Другой боковой край слегка оббит мелкими сколами. Пятка вдвое шире рабочего лезвия. Она прямая, скошенная по отношению к продольной оси орудия и образована сколами, снятыми с нижней стороны. Другой кливер немного меньше (рис. 7, 1). Его размеры: $13,2 \times 8,3 \times 6,3$ см. Рабочее лезвие не обработано. На нем имеется хорошо выраженный износ от использования в работе в виде

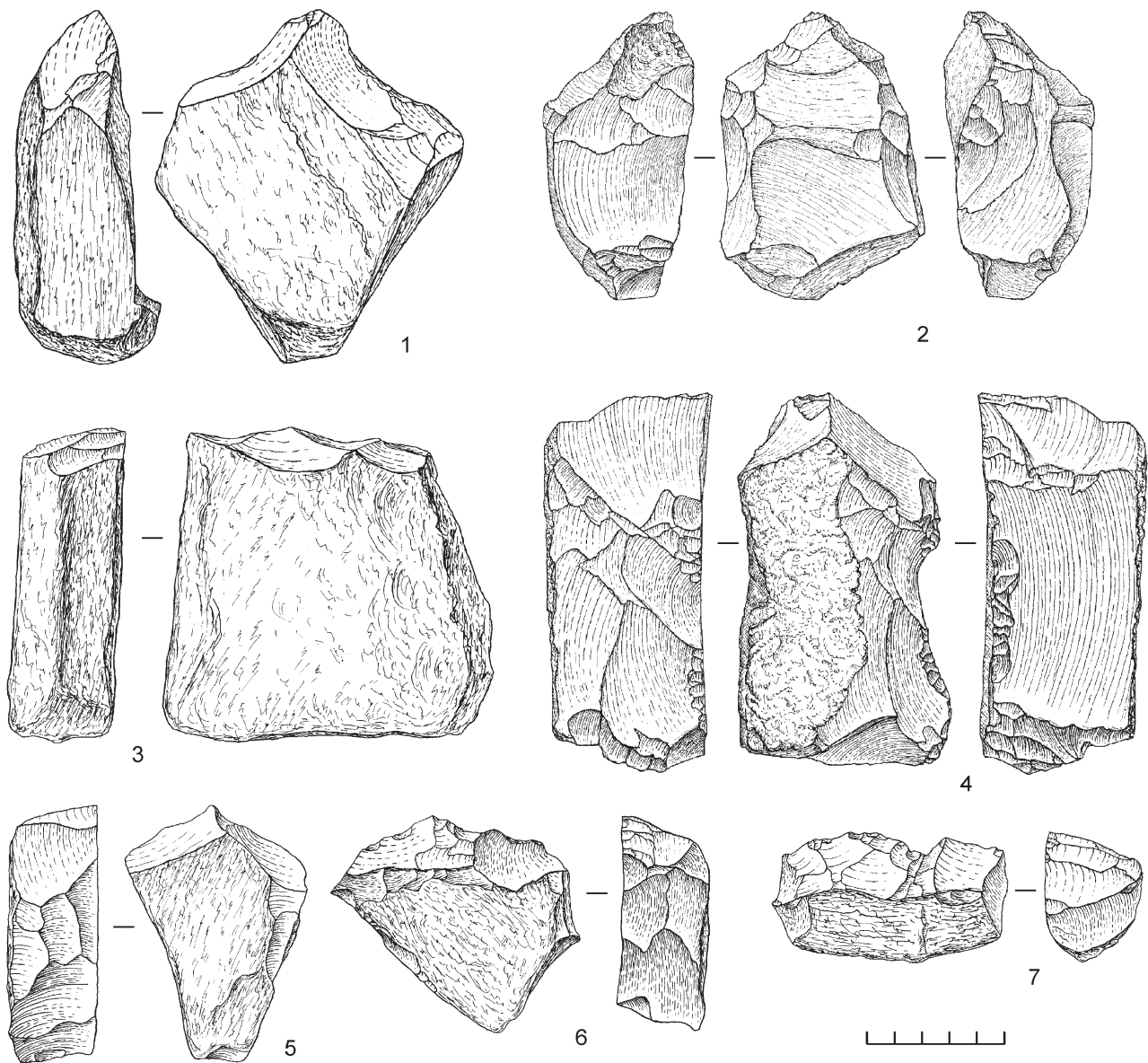

Рис. 6. Стоянка Родники 2: 1, 3, 5 – чопперы; 2, 4 – пики; 6–7 – скребла чопперовидные

Fig. 6. Site of Rodniki 2: 1, 3, 5 – choppers; 2, 4 – picks; 6–7 – chopper-like scrapers

интенсивной выкрошенности (преимущественно односторонней) и забитости кромки. Один боковой край немного выпуклый и оббит вертикальными сколами. Этот край сформирован на месте ударной площадки отщипа-заготовки. Другой боковой край прямой и образован дистальным краем заготовки, покрытым коркой. Пятка выпуклая и сформирована оббивкой разнонаправленными сколами с обеих сторон. Третий кливер сравнительно небольшой – $9,2 \times 6 \times 3,5$ см и другого типа (рис. 7, 2). Рабочее

лезвие у него немного выпуклое и утончено интенсивной оббивкой поперечными сколами с обеих сторон. Один боковой край угловато-выпуклый и обработан лишь вблизи лезвия. Другой боковой край почти прямой и не обработан. Пятка довольно тонкая, угловато-выпуклая, но оббита разнонаправленными сколами.

Мелкие ретушированные орудия на отщипах и обломках (40 экз.). Их значительно больше, чем макроорудий, и они весьма разнообразны. Выделяются:

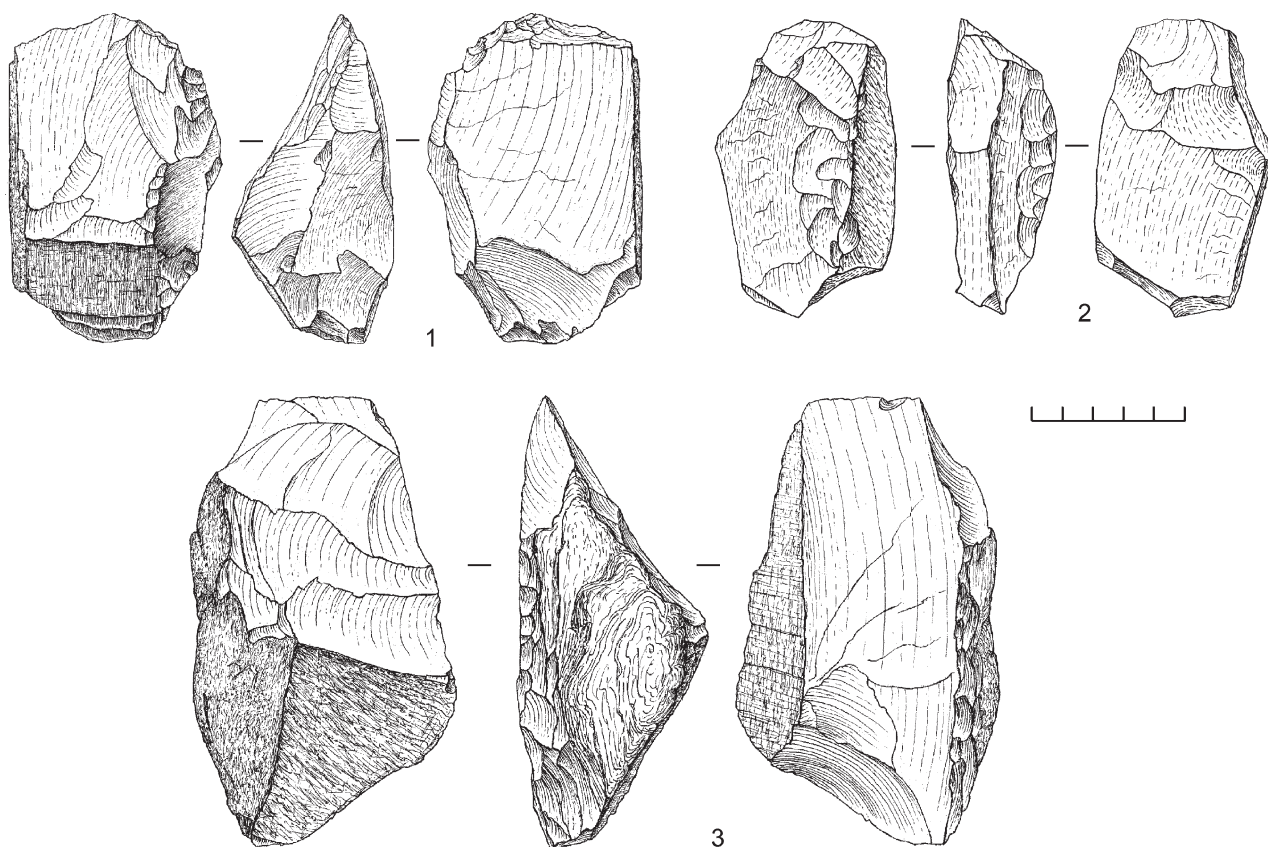

Рис. 7. Стоянка Родники 2: 1–3 – кливеры

Fig. 7. Site of Rodniki 2: 1–3 – cleavers

скребла	10 экз.
скребки	3 экз.
клювовидные орудия	12 экз.
проколки	2 экз.
орудия с резцовыми сколами	3 экз.
орудие с продольно-поперечной обработкой на конце	1 экз.
выемчатые орудия	4 экз.
зубчатое орудие	1 экз.
комбинированные орудия	4 экз.
Всего	40 экз.

Скребла. Это одна из многочисленных групп мелких орудий. Три из них изготовлены на отщепах, семь – на обломках.

Скребла на отщепах (максимальные размеры: $3,3 \times 6,2 \times 1,5$ см, $4,5 \times 3,5 \times 1,8$ см, минимальные – $3,8 \times 3,7 \times 2,6$ см) двух разновидностей: диагональные (2 экз.) и поперечное (1 экз.). Их лезвия оформлены не только мелкими сколами (рис. 8, 4), но и настоящей ретушью (рис. 4, б).

Скребла на обломках также вариабельны и некоторые из них оформлены не менее тщательно, чем скребла на отщепах (рис. 8, 1, 2, 5–8, 19). Размеры самых крупных: $5,7 \times 4 \times 2,5$ см, $3,2 \times 5 \times 1,9$ см, мелких: $2,8 \times 4 \times 1,5$ см, $2,2 \times 5,4 \times 1,3$ см. Почти все эти скребла изготовлены на искусственных обломках. Технологическо-морфологические разновидности их показаны в табл. 6.

Таблица 6

Скребла на обломках	Кол-во
С прямым лезвием (рис. 8, 1–2, 5, 7–8)	5 экз.
С шипом на лезвии (рис. 8, 19)	1 экз.
Со сходящимися лезвиями (рис. 8, б)	1 экз.
Всего	7 экз.

Обращает на себя внимание серия мелких тщательно обработанных стандартизованных скребел четырехугольной формы (рис. 8, 2, 7–8).

Скребки. Орудия мелкие (до 5 см) и изготовлены на естественных обломках. Тем не менее они неплохо оформлены ретушью (рис. 8, 3).

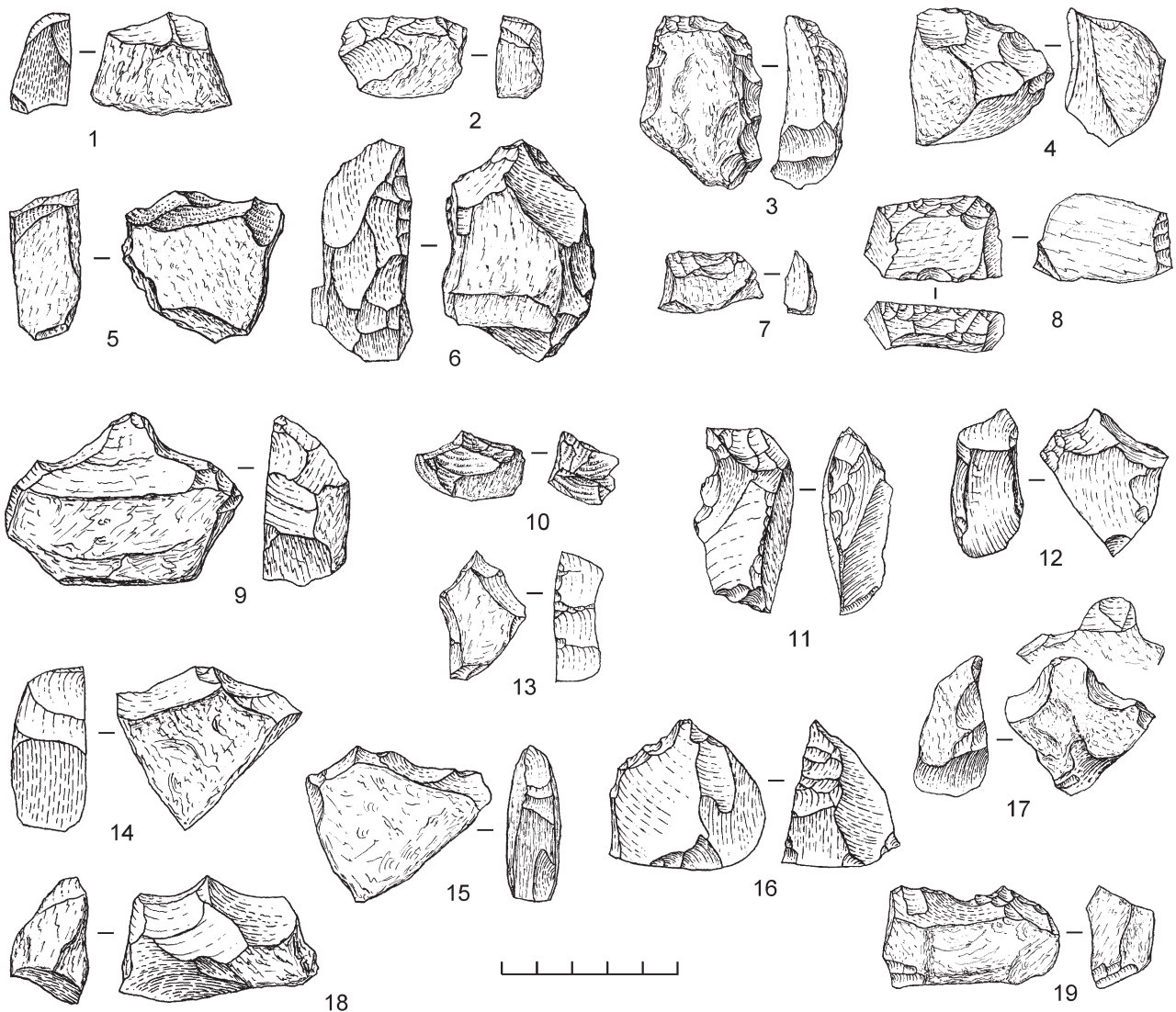

Рис. 8. Стоянка Родники 2: 1–2, 5–8 – скребла на обломках; 3 – скребок; 4 – скребло на отщепе; 9–18 – клювовидные орудия; 19 – скребло с шипом на лезвии

Fig. 8. Site of Rodniki 2: 1–2, 5–8 – scrapers on debris; 3 – end-scrapers; 4 – scraper on flake; 9–18 – beaked tools; 19 – scraper with a dowel on the blade

Клювовидные орудия. Эти орудия образуют вторую по численности группу мелких орудий. Максимальные размеры их: $4,5 \times 6,6 \times 2,3$ см, $4,5 \times 5,2 \times 1,5$ см, минимальные – $2,3 \times 3,8 \times 1,7$ см, $2,2 \times 3 \times 0,7$ см. В большинстве своем они изготовлены на обломках, главным образом искусственных, и только два – на отщепе. Орудия объединяет наличие заостренного рабочего элемента («клюва»), оформленного, однако, по-разному (рис. 8, 9–18). Почти все орудия срединного типа (11 экз.), то есть «клюв» располагается приблизительно посередине корпуса орудия. При этом на восьми орудиях он оформлен обработкой (сколами и ретушью) с одной стороны (рис. 8, 9–16, 18), а на трех – с обеих сто-

рон (рис. 8, 17). Одно клювовидное орудие – углового типа (рис. 8, 11). Интересен прием его изготовления. Рабочая часть сформирована уточнением дистального конца отщепе продольными сколами и образованием с помощью ретуши выемки на прилегающем участке бокового края.

Проколки. Обе хорошо сделаны. Одна изготовлена на отщепе (рис. 5, 9), другая (двойная) – на обломке (рис. 5, 5).

Орудия с резцовыми сколами. Все три орудия изготовлены на отщепе и не производят впечатление случайных изделий. Одно из них напоминает угловой многофасеточный резец (рис. 4, 5). Два других – поперечные резцы (рис. 5, 4, 8).

Своеобразие этих резцов состоит в том, что режущая кромка на них сформирована на месте ударной площадки отщепы, в одном случае снятой усечением (рис. 5, 4). Кроме того, боковой край отщепы, примыкающий к режущей кромке, отретуширован.

Орудие с продольно-поперечной обработкой на конце. Оно тоже своеобразное (рис. 5, 6). Рабочая часть орудия сформирована на дистальном конце отщепы и имеет форму углового режущего выступа, сформированного поперечным усечением конца подтеской и ретушью прилегающего участка бокового края с нижней стороны отщепы.

Другие категории орудий: выемчатые, зубчатые, комбинированные (рис. 5, 1), – ничем не примечательны. К тому же их немного.

Выводы и заключение. 1. Стоянка Родники 2 залегает *in situ* и имеет ясную геологическую позицию. Культуросодержащий слой ее связан с горизонтом пляжевых отложений, располагающимся в основании многометровой толщи песков, сопоставляемых с гурием (апшероном) региональной стратиграфической шкалы Черного и Каспийского морей (1,8–0,78 млн л. н.).

2. Фауна мелких млекопитающих, обнаруженная с культурными остатками (*Allophaiomys cf. pliocaenicus Kormos*, *Lagurodon arankaе*, *Lagurini gen.*, *Mimomys cf. savini* и др.), позволяет датировать стоянку в интервале 1,6–1,4 млн л. н.

3. Анализ спорово-пыльцевых спектров показывает, что данная фауна существовала в условиях теплого климата в окружении лесостепных ландшафтов, представленных сочетанием смешанных лесов с обилием грецкого ореха и лугово-степной растительности.

4. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что эта стоянка одновременна или близка по возрасту находящимся поблизости от нее стоянкам Родники 1 и Богатыри/Синяя Балка.

5. Стоянка располагалась в пляжной зоне пресноводного или сильно опресненного залива или эстуария. При этом она была кратковременной и неспециализированной и, возможно, посещалась людьми неоднократно. В этом отношении она однотипна со стоянкой Родники 1, но существенно отличается от стоянки Богатыри/Синяя Балка, которая интерпретируется как место забоя крупных млекопитающих.

6. Для каменной индустрии стоянки характерны следующие наиболее важные технологические и типологические признаки:

– полная технологическая цепочка обработки камня от первичного расщепления до оформления орудий непосредственно на стоянке;

– преобладание (60,2 %) мелких изделий (до 5 см включительно);

– использование местного сырья (окварцованного доломита) в виде обломков плитчатых отдельностей разных размеров из ближайших осыпей и обнажений грязевулканических отложений (другое сырье отсутствовало в окрестностях стоянки); практиковался отбор качественного доломита;

– наличие двух стадий первичного расщепления камня: раскалывание исходных отдельностей сырья на более мелкие обломки и расщепление нуклеусов; искусственные обломки сырья широко использовались наряду с отщепами;

– нуклеусы в основном не подготовленные и служили для скалывания небольшого числа отщепов;

– использовались разные приемы расщепления: одностороннее (однаправленное, ортогональное, встречное), двухстороннее (однаправленное, встречное) и многостороннее (призматическое); одностороннее скалывание применялось несколько чаще других приемов расщепления;

– среди продуктов расщепления наряду с первичными и полупервичными отщепами много отщепов без корки, преимущественно с однаправленной огранкой;

– изготавливались как мелкие, так и крупные отщепы разной формы; обращает на себя внимание изготовление специальных крупных отщепов размерами >10 см;

– орудия хорошо выражены, они разнообразны и вполне стандартизованы; выделяются макроорудия и мелкие ретушированные орудия на отщепе и обломках;

– макроорудия представлены комбинацией чопперов, чопперовидных скребел, пиков и кливеров;

– пики имеют архаичный облик, они односторонние и изготовлены на обломках;

– кливеры, напротив, изготовлены на специальных крупных отщепе и являются типичными образцами такого рода орудий;

– мелкие ретушированные орудия на отщепе и обломках четко дифференцированы и состоят из нескольких категорий; особенно выделяются скребла и клювовидные орудия разных модификаций, имеются скребки, проколки, орудия с резцовыми сколами и некоторые другие формы орудий.

7. Отмеченные признаки указывают на наличие в индустрии стоянки олованских традиций обработки камня, сочетающихся, однако, с ясно

выраженными элементами более прогрессивной ашельской технологии, о чем свидетельствует изготовление специальных крупных отщепов, пиков, кливеров и стандартизованных мелких ретушированных орудий на отщепах и обломках.

8. Ближайшей аналогией индустрии стоянки по всем основным технологическим-морфологическим и типологическим показателям являются индустрии, по-видимому, синхронных стоянок Родники 1 и Богатыри/Синяя Балка, объединяемые в рамках локальной таманской раннепалеолитической индустрии.

9. Данные, полученные изучением стоянки Родники 2, подтверждают правомерность выделения этой индустрии и являются дополнительным аргументом для определения ее как переходной индустрии от олдована к раннему ашелю.

Байгушева, Титов, 2008 – Байгушева В. С., Титов В. В. Таманский фаунистический комплекс крупных позвоночных Приазовья и Нижнего Дона // С. А. Васильев, А. П. Деревянко, Г. Г. Матишов (ред.). Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Мат-лы Междунар. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.

Вангенгейм и др., 1991 – Вангенгейм Э. А., Векуа М. Л., Жигало В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили И. Г., Тесаков А. С. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // БКИЧП. 1991. № 60.

Громов, 1948 – Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды Института геологических наук. 1948. Т. 48. Геолог. серия. № 17.

Додонов и др., 2008а – Додонов А. Е., Тесаков А. С., Симакова А. Н. Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: новые данные по геологии и биоистратиграфии // С. А. Васильев, А. П. Деревянко, Г. Г. Матишов (ред.). Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Мат-лы Междунар. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.

Додонов и др., 2008б – Додонов А. Е., Трубихин В. М., Тесаков А. С. Палеомагнетизм костеносных отложений местонахождения Синяя Балка/Богатыри // С. А. Васильев, А. П. Деревянко, Г. Г. Матишов (ред.). Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Мат-лы Междунар. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.

Измайлов, Щелинский, 2013 – Измайлов Я. А., Щелинский В. Е. Геологическая ситуация раннепалеолитических местонахождений в Южном Приазовье на Таманском полуострове // С. А. Васильев, А. В. Ларионова (ред.). Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии. СПб., 2013.

Карта четвертичных образований..., 2013 – Карта четвертичных образований территории Российской Федерации. Масштаб 1: 250 000. Пояснительная записка. СПб., 2013.

Ранов, 2001 – Ранов В. А. К типологии кливеров // А. П. Деревянко, Г. И. Медведев (ред.). Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Мат-лы докладов меж-

дунар. симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России (1–9 августа 2001 г., Иркутск). Новосибирск, 2001.

Саблин, 2010 – Саблин М. В. Наиболее вероятный возраст стоянки Богатыри // С. А. Васильев, В. Е. Щелинский (ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010.

Титов, Тесаков, 2009 – Титов В. В., Тесаков А. С. Таманский фаунистический комплекс: ревизия типовой фауны и стратотипа // А. Э. Конторович (отв. ред.). Фундаментальные проблемы квартара: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Мат-лы VI Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 2009.

Титов и др., 2012 – Титов В. В., Тесаков А. С., Байгушева В. С. К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Т. Н. Богданова (отв. ред.). Палеонтология и стратиграфические границы. Мат-лы LVIII сессии Палеонтологического общества при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург). СПб., 2012.

Шатилова, 1974 – Шатилова И. И. Палинологическое обоснование геохронологии верхнего плейстоцена и плейстоцена Западной Грузии. Тбилиси, 1974.

Щелинский, 2012 – Щелинский В. Е. Родники 4. Новая раннепалеолитическая стоянка в Южном Приазовье (материалы 2010–2011 гг.) // АВ. 2012. № 18.

Щелинский, 2013 – Щелинский В. Е. Функциональные особенности олдованских стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье (геологические и археологические свидетельства) // Г. Г. Матишов (гл. ред.). VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартара, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.): Сб. ст. Ростов н/Д, 2013.

Щелинский, 2014 – Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб., 2014.

Щелинский, 2015 – Щелинский В. Е. Олдованские традиции и их развитие в раннем палеолите Южного Приазовья (по материалам стоянок Родники 1 и 4 на Таманском полуострове) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре» / [Отделение историко-филологических наук РАН, Институт этнологии и антропологии РАН; отв. ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков]. М., 2015.

Щелинский, Кулаков, 2007 – Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. 2007. № 3.

Щелинский и др., 2008 – Щелинский В. Е., Додонов А. Е., Байгушева В. С., Кулаков С. А., Симакова А. Н., Тесаков А. С., Титов В. В. Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // С. А. Васильев, А. П. Деревянко, Г. Г. Матишов (ред.). Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Мат-лы Междунар. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д, 2008.

Beyene et al., 2013 – Beyene Y., Katoh S., Gabriel G.W., Hart W. K., Uto K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P.R., Suwa G.

- and Asfaw B. The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia // PNAS 110 (5). 2013.
- Lepre et al., 2011 – Lepre Ch., Roche H., Kent D. V., Harmand S., Quinn R. L., Brugal J.-Ph., Texier P.-J., Lenoble A., Feibel C. An earlier origin for the Acheulian // Nature. 2011. Vol. 477.
- Mosquera et al., 2013 – Mosquera M., Olle A., Rodríguez X. P. From Atapuerca to Europe: tracing the earliest peopling of Europe // Quaternary International 2013. Vol. 295.
- Semaw et al., 2013 – Semaw S., Rogers M., Stout D. Early Acheulian stone assemblages 1.7–1.6 million years ago from Gona, Afar, Ethiopia // European Society for the study of Human Evolution: Abstracts. Vienna, 2013.
- Shchelinsky et al., 2010a – Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224.
- Shchelinsky et al., 2010b – Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // V. V. Titov, A. S. Tesakov (eds.). Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA–SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010). Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre RAS, 2010.
- Simakova, 2009 – Simakova A. Palynology study of the Early Pleistocene Bogatyry / SinyayaBalka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // B. Martines-Navarro, I. Toro Moyano, P. Palmqvist, J. Agusti (eds.). The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain. Taragona: Universitat Rovira i Virgili, 2009.
- Tixier, 1957 – Tixier J. Le hachereau dans l'Acheuleen nordafricain: notes typologiques // Actes du Congrès Préhistorique de France. XV-e session. Poitiers. Angoulême, 1957.

Stone industry of the Early Pleistocene site of Rodniki 2 on the Taman Peninsula

V. E. Shchelinsky

Regular researches during recent 15 years have revealed on the Taman Peninsula, in the southern Azov Sea area, a series of Lower Palaeolithic sites of the Early Pleistocene age. They all are located as a compact group on the northern (Azov) littoral near the modern village of 'Za Rodinu' in the Temryuk district of Krasnodar Krai, 25 km to the west from the town of Temryuk (Fig. 1). Excavations of two of the sites — Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki 1 discovered the unknown before Taman industry which is dated through the aggregate of geological, biostratigraphical and palaeomagnetic data to the time span of 1.6–1.2 mln years BP (Щелинский, 2014; Shchelinsky et al., 2010). The culture and phase status of this industry so far remain debatable. Originally it seemed that it corresponded completely to the technological and typological criteria of the Oldowan/Mode 1 presenting its variant modified by the raw material factor (Shchelinsky et al., 2010a). However, a more careful examination has shown that some fairly advanced forms of artefacts represented in it, as well as the technology of their making, can hardly be explained only by peculiarities of the petrographic and morphological characteristics of local raw materials. The industry under consideration is possibly attributable to the so-called late European Mode 1 identified recently (Mosquera et al., 2013). This fact therefore shifts the lower chronological border of this cultural group. Nevertheless, it does not contradict to the presence of large flakes and such complicated, standardized and typologically distinctive tools as picks and cleavers. It

is well known that artefacts of this type have not been found even in the later industries of Mode 1. However they are an important attribute of Acheulian (Early Acheulian) industries, although in combination with handaxes which first appeared in Africa about 1.76 mln years BP (Beyene et al., 2013; Lepre et al. 2011; Semaw et al., 2013). The Taman industry lacks bifaces and this fact does not enable us to attribute it as an early Acheulian one. Therefore for appellation of the industry, the term of 'Archaic Acheulian' is proposed (Щелинский, 2014, 2015). This is not a synonym of the 'Early Acheulian' and is usable only to mark the peculiarity of the Taman industry where Oldowan and distinct Acheulian features are organically combined. Possibly we are dealing here with the transition from Oldowan Mode 1 to the Acheulian.

These conclusions need an additional confirmation, primarily through investigation of other Early Pleistocene sites on the Taman Peninsula.

The present publication describes and interprets the materials from interdisciplinary investigations of the site of Rodniki 2 situated not far from sites of Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki 1.

Investigation of the site under consideration leads to the following conclusions:

1. The site of Rodniki 2 is found in situ in a distinct geological position. Its cultural layer is connected with the horizon of beach deposits in the base of a many-metre-thick sands corresponding to the Gurian (Apsheronian) regional stratigraphic scale of the Black and Caspian seas (1.8–0.78 mln years BP).

2. The fauna of small mammals (*Allophaiomys cf. pliocaenicus Kormos*, *Lagurodon arankaе*, *Lagurini gen.*, *Mimomys cf. savini* et al.) found together with the cultural remains enables us to date the site to within the time span of 1.6–14 mln years BP.

3. Analysis of the fauna and palynological spectres shows that this fauna existed in the conditions of a warm climate environed by forest-and-steppe landscapes combining mixed forests rich with walnut trees and meadow and steppe plants.

4. The available information suggests that the site Rodniki 2 was synchronous or near in age to the nearby sites of Rodniki 1 and Bogatyri/Sinyaya Balka.

5. The camp-site under consideration was situated in the beach zone of a freshwater or strongly desalinized bay or estuary. It was a short-lived and non-specialized one and, possibly, was repeatedly visited by humans. In these terms, it is of an identical type with the camp-site of Rodniki 1 but differs essentially from the site of Bogatyri/Sinyaya Balka which is interpreted as a place of butchering of large mammals.

6. The stone industry of Rodniki 2 is characteristic of the following technological, morphological and typological features:

- complete technological chain of stone-working from the primary knapping to the final manufacturing of the tools immediately at the site;
- predomination (60.2 %) of small artefacts (up to 5 cm inclusive);
- use of local raw materials (quartzitic dolomite) in the form of debris from separate slabs of different sizes and volcanic dirt outcrops (any other raw materials were lacking around the site); dolomite of high quality was selected;
- use of two stages of primary knapping of stone: knapping of primary raw material blocks into smaller fragments and flaking of the cores; artificial debris were widely used along with flakes;
- cores were mostly unprepared and served to obtain the rather not numerous flakes;
- different techniques of knapping were employed: unilateral (unidirectional, orthogonal, or opposed),

bilateral (unidirectional, opposed) and multilateral (prismatic); unilateral flaking was employed slightly oftener than other flaking techniques;

- among the products of flaking, along with primary and semi-primary flakes there are numerous flakes without a crust, mostly with a unidirectional cut;

- both small and larger flakes of different form were produced; of note is manufacture of special large flakes over 10 cm in size;

- tools have a distinct shape, they are fairly diverse and standardized; notable are macrotools and small retouched tools on flakes and debris;

- macrotools are represented by a combination of choppers, chopper-like scrapers, picks and cleavers;

- picks are of an archaic form, they are unilateral and made on debris;

- cleavers, on the contrary, are made on special large flakes representing typical examples of this kind of tools;

- small retouched tools on flakes and debris are distinctly differentiated and comprise several categories; especially notable are scrapers and beaked tools of different modifications; there are scrapers, borers, tools with burin spalls and some other forms.

7. The features presented above indicate the presence of Oldowan traditions of treating stone in the industry under consideration. These traditions, however, are combined with distinctly expressed elements of the more advanced Acheulian technology as is demonstrated by special large flakes, picks, cleavers and standardized small retouched tools on flakes and debris.

8. The closest parallels of the industry under consideration in terms of its technologo-morphological and typological indications are represented by the industries at the synchronous sites of Rodniki 1 and Bogatyri/Sinyaya Balka united within the frame of the local Taman Early Pleistocene industry.

9. The data obtained in the course of excavations of the site of Rodniki 2, confirm the identification of this industry as a separate one. Its features are an additional argument for its definition as an industry transitional from the Oldowan to the Early Acheulian type.

ТАШТЫКСКИЙ КОМПЛЕКС НА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКЕ УЙ II В ЗАПАДНОМ САЯНЕ

С. А. Васильев¹

Аннотация. Краткая информационная заметка посвящена материалам самого верхнего из культурных слоев стоянки Уй II на Енисее. На северной периферии памятника в основании современной почвы на ограниченной площади был вскрыт участок культурного слоя, относящегося к таштыкской культуре. Были расчищены остатки каменной кладки, столбовых ям, разрушенного погребения и остатки трупосожжений. Слой доставил фрагменты керамики баночного типа и железные ножи.

Annotation. This brief information concerns the materials from the uppermost cultural layer of the site of Uy II on the Yenisei River. At the northern periphery of the site, a limited area of a cultural layer pertaining to the Tashtyk culture was excavated. Remains of stone masonry, pole-pits, a disturbed burial and traces of funerary cremations were uncovered. The layer under study yielded fragments of jar-like pottery and iron knives.

Ключевые слова: Енисей, Майнская ГЭС, стоянка, таштыкская культура, погребения.

Keywords: Yenisei, Maynskaya hydroelectric power station, prehistoric campsite, Tashtyk culture, burials.

При раскопках палеолита исследователи зачастую сталкиваются с необходимостью вскрытия поздних археологических комплексов, связанных с перекрывающимися отложениями. Именно в такой ситуации я оказался в 1990 г. при работах на многослойной стоянке Уй II на Верхнем Енисее. В северной части памятника, доставившего обильные остатки древнекаменного века, была обнаружена серия культурных горизонтов голоценового возраста в диапазоне от мезолита до железного века (Васильев, 1996; 2001). Материалам самого позднего из них посвящается данная статья.

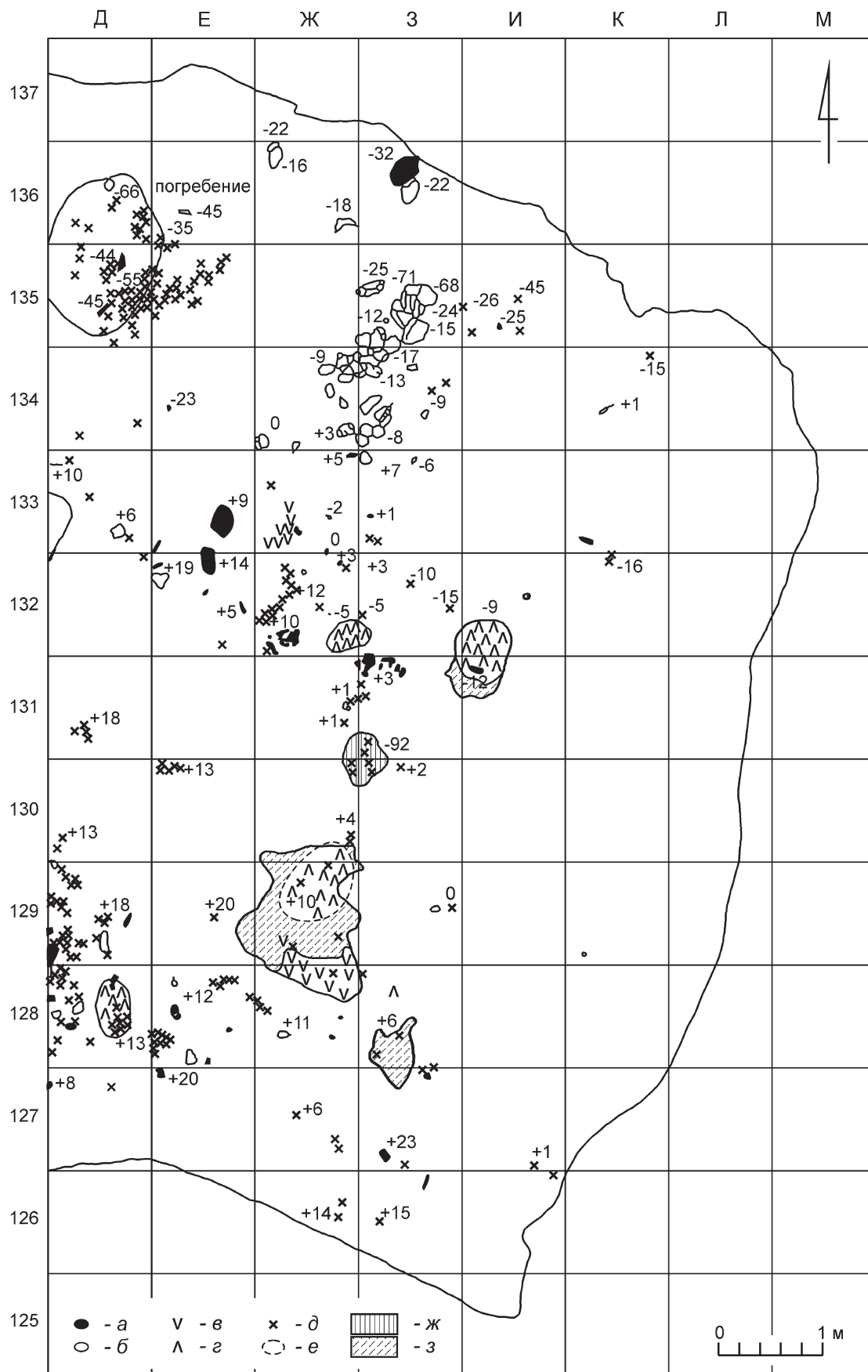
Культурный слой А в раскопе 9 был приурочен к нижней части современной почвы и залегал на глубине 0,20–0,25 м (отметки +20–32; рис. 1). Слой залегал с уклоном в северном направлении и прослеживался как горизонт, насыщенный костями, углями и фрагментами керамики. На кв. к–134 на уровне слоя был встречен железный нож (вероятно, относящийся к этнографической современности). Из числа изделий из металла, датируемых таштыкским временем, отметим найденный на кв. ж–131 железный нож без рукоятки и фрагмент бронзовой накладки на кв. ж–132.

В северной части раскопа на кв. ж–3–133–135 были вскрыты остатки вытянутой по направлению

север – юг каменной выкладки, состоявшей из обломков сланцевых плит. Выкладка опускалась к реке, в северном направлении. Размеры конструкции 110 × 180 см. К ней примыкали с юга оббитые плиты на кв. е–132–133, а с севера – оббитая плита на кв. з–136. Камни со следами искусственной подработки были найдены на кв. з–127 в южной части раскопа и на кв. к–133 в восточной. У северного окончания выкладки под обломками сланцевых плит, на кв. з–135, имелась столбовая яма округлой формы (диаметром 40 см и глубиной около 1 м), прорезавшая нижележащие слои. На поверхности ямы и ее дне залегали куски сланца. Аналогичная по форме яма имелась к югу от выкладки, на кв. ж–3–130–131. Она имела неправильно-овальные очертания (размеры 40 × 45 см), глубину 1 м. Третья яма была зафиксирована южнее, под остатками трупосожжения (см. ниже) на кв. ж–129–130. Она имела овальные очертания, размеры 36 × 20 см, глубина 70 см. В средней части заполнения ямы залегали камни – следы забутовки, здесь же прослеживались остатки столба. Таким образом, выкладка и ямы составляли часть единой, вытянутой по направлению север – юг конструкции, вероятно, стены наземной постройки.

Кроме того, в культурном слое были открыты остатки трупосожжений в виде скоплений мелких кальцинированных костей, связанных с прокалами рыжего цвета. На кв. з–и–131–132 было расчищено овальное скопление, вытянутое по направлению

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита. E-mail: sergevas@AV2791.spb.edu.

север – юг, размерами 50×70 см. В разрезе чашеобразного углубления читался 20-сантиметровый слой рыжего прокаленного песка, подстилавший прослойку кальцинированных костей толщиной 1 см. Интересно, что в заполнении объекта на кв. и–131 был встречен двусторонне обработанный каменный топорик, вероятно, извлеченный обитателями слоя из нижележащих отложений. Возможно, этот предмет играл какую-то ритуальную роль.

Небольшой провал в виде пятна размерами 40×30 см был встречен рядом, на кв. ж–3–132. На кв. ж–132 были обнаружены остатки дерева.

Второе трупосожжение, на кв. е–3–128–130, представляло собой неправильной формы пятно кальцинированных костей с остатками сгоревшего дерева и углей. В разрезе под 6-сантиметровой прослойкой костей и углей читался 8-сантиметровый слой рыжего прокаленного песка. Рядом, на кв. е–ж–128, имелись остатки дерева, а западнее, на кв. д–е–128–129, находился развал керамики (три сосуда).

Остатки третьего трупосожжения были зафиксированы южнее, на кв. з–127–128, в виде пятна неправильно-овальных очертаний, вытянутого по направлению север – юг. Размеры пятна 40×75 см, в разрезе под очень тонким (1 см) слоем кальцинированных костей было видно 8-сантиметровое углубление, заполненное прокаленным песком.

На кв. д–е–135–136 было вскрыто разрушенное погребение с остатками труположения. Оно имело вид ориентированной по направлению север – юг овальной ямы (длина 160, ширина 110 см). Яма была углублена на 40 см, прорезая нижележащие культурные слои. Здесь были встречены лежавшие в беспорядке кости животных и человека, фрагменты одного сосуда, куски глины, камни и каменный оселок. Вероятно, это остатки потревоженного и разграбленного погребения.

По образцу древесного угля для слоя А была получена датировка 2255 ± 40 (ЛЕ-3827).

Керамика слоя А была представлена фрагментами как минимум 18 сосудов. Это плоскодонные горшки с прямыми или отогнутыми наружу венчиками. Толщина стенок сосудов колеблется от 4 мм до 1 см; диаметр по венчику 25–30 см, кера-

мическое тесто имеет примесь дресвы. В изломе черепки двухслойные с красной или красновато-коричневой внешней поверхностью и черным внутренним слоем. На днище иногда встречаются отпечатки плетенки. Сосуды в основном либо не орнаментированы, либо имеют 1–2 горизонтальных ряда оттисков гребенчатого штампа ниже венчика. Есть фрагменты со следами гусеничного орнамента, реже с горизонтальными вдавленными полосами под венчиком. Единичные фрагменты демонстрируют косые насечки «елочкой», вертикальные полосы оттисков штампа и вдавлений, а также налпы под венчиком.

Из слоя происходят два образца железных ножей. Первый, более крупный, вероятно относится к этнографической современности. Его размеры $165 \times 24 \times 15$ мм. Рукоятка отделена от лезвия овальной бронзовой прокладкой, сохранились детали рукояти из дерева, кожи и бронзы. Второй нож, гораздо худшей сохранности, имеет размеры $96 \times 15 \times 5$ мм. К слою относится и фрагмент тонкой бронзовой накладки с двумя отверстиями. Размеры предмета $38 \times 15 \times 0,5$ мм.

Среди материалов слоя имеется значительное число предметов расщепленного камня, явно принадлежащих нижним культурным слоям. Помимо упомянутого топорика, встречено торцовое ядрище, черешковый наконечник стрелы, вкладыш, пластинка с притупленным краем и фрагменты орудий.

Судя по формам керамики и характеру трупосожжений из слоя А, этот комплекс относится к таштыкской культуре, доминировавшей в долине Енисея в I–V вв. н. э. (другие варианты датировок – от I в. до н. э. до VI в. н. э.). Таштыкская культура в основном известна по погребальным памятникам, хотя несколько поселений (Тепсей VII, Унюк, Лугавское, Поляна, Черное Озеро) подвергались раскопкам на широкой площади. Интересно, что на указанных памятниках не отмечено следов столбовых ям, вскрытых в наших раскопках на Уй II. Исследователи (Вадецкая, 1986) предполагают наличие таких конструкций у таштыкцев. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении комплекс лишен датирующих разновидностей вещей. Керамика слоя полностью соответствует баночным сосудам, встреченным на всем протяжении таштыкской культуры (Кызласов, 1960), столь же не показательны

Рис. 1. Стоянка Уй II. Раскоп 9. План культурного слоя А (*a* – обработанные камни; *b* – камни без следов обработки; *в* – угли; *г* – прокаленный песок с фрагментами кальцинированных костей; *д* – керамика; *е* – углубления; *ж* – ямы; *з* – золистая масса)

Fig. 1. Site of Uy II. Excavation 9. Plan of the cultural layer A (*a* – worked stone pieces; *b* – stones without traces of treatment; *в* – charcoal pieces; *г* – burnt sand with fragments of calcined bones; *д* – pottery; *е* – depressions; *ж* – pits; *з* – ashy mass)

разновидности орнаментации. Что касается радиоуглеродной датировки слоя А, то она кажется удвоенной, вероятно за счет смещения материалов.

Таштыкские памятники широко представлены в прилегающей к району наших исследований Минусинской котловине. Есть следы проникновения групп таштыкцев в горы Западного Саяна. К ним относятся остатки трупосожжений, вскрытые во втором культурном слое стоянки Хадын-ных I (Семенов, 1992), а также поминальные сооружения, изученные в верхнем культурном слое стоянки Малые Уры I (Васильев, 1998) и слое 10 стоянки Тоора-Даш (Семенов, 1992). Открытые Саяно-Тувинской экспедицией памятники существенно расширяют в южном направлении ареал распространения таштыкской культуры.

Вадецкая, 1986 – Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Васильев, 1996 – Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.

Васильев, 1998 – Васильев С. А. Комплекс поминальных сооружений в Саянском каньоне Енисея // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Докл. науч. конф., посвященной памяти А. Д. Грача. СПб., 1998.

Васильев, 2001 – Васильев С. А. Поздние комплексы многослойной стоянки Уй II и проблемы развития каменного века в голоцене на Верхнем Енисее // АВ. 2001. № 10.

Кызласов, 1960 – Кызласов Л. П. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

Семенов, 1992 – Семенов Вл. А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.

The Tashtyk complex at the long-lived site of Uy II in the Western Sayan

S. A. Vasilyev

This brief information concerns the materials from excavations of the uppermost cultural layer at the long-lived prehistoric campsite of Uy II on the Upper Yenisei River near the Maynskaya hydroelectric power station. The excavations of the site were conducted in 1990. In one area of excavation, remains of a settlement of the Tashtyk culture were uncovered at the lower level of the modern topsoil. In the course of the excavations, remains of a stone structure, pole-pits and spots indicating three funerary cremations were discovered. It is of interest that above one spot of calcined bones there was a Neolithic stone axe

evidently retrieved by the inhabitants of the settlement from one of the lower cultural layers. There was found a series of ceramic jar-like vessels with ornamentations below the rim and two iron knives. Judging by the features of the pottery and characteristic cremations, the complex under study belongs to the Tashtyk culture which dominated in the Minusinsk Basin and at its mountain border in the first centuries of this era. The monuments uncovered by the Sayan-Tuva Expedition on the Upper Yenisei considerably expand our knowledge of the area of distribution of the Tashtyk culture.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

С. М. Осташинский, Е. А. Черленок, И. Г. Лоскутов

Посвящается памяти А. Д. Столяра

Аннотация: В статье публикуются новые данные о древнейшем земледелии Северо-Западного Кавказа. Впервые приводятся определения палеоботанических остатков злаковых растений из поселения Мешоко (раскопки 1965 г.) и навеса Мешоко (раскопки 2014–2015 гг.), относящихся к эпохе энеолита. По мнению авторов, к югу и северу от Большого Кавказского хребта выращивался схожий набор растений, что, учитывая более ранний возраст земледельческих культур Южного Кавказа, позволяет рассматривать их как источник инноваций для более северных территорий

Annotation: This article presents new evidence on the oldest agriculture in the north-western Caucasus. For the first time, identifications of palaeobotanic remains of cereals from the settlement-site of Meshoko (excavations of 1965) and the rock shelter of Meshoko (2014–2015) dated to the Eneolithic Age are presented. In the opinion of the present authors, both to the south and north from the Great Caucasian Ridge, a similar set of plants was cultivated. This fact, taking in account the more ancient age of the agricultural traditions of the Southern Caucasus, suggests the latter as the source of innovations for the northerner regions.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, энеолит, древнейшее земледелие, палеоботанические остатки, зерно, поселение Мешоко, навес Мешоко.

Keywords: North-Western Caucasus, Eneolithic, oldest agriculture, palaeobotanic remains, grain, settlement-site of Meshoko, rock shelter of Meshoko.

Масштабные работы А. Д. Столяра и А. А. Формозова на территории предгорной части Краснодарского края Адыгейской АССР (современной Республики Адыгея) в конце 1950-х – начале 1960-х гг. фактически привели к открытию новой археологической культуры, относящейся к эпохе энеолита. И хотя как самостоятельное явление она была выделена лишь в конце 1980-х гг., материалы этих раскопок и до сих пор составляют основу фонда источников по энеолиту Северо-Западного Кавказа. Наиболее крупным и хорошо исследованным из целого ряда открытых поселенческих памятников было укрепленное поселение Мешоко, время существова-

ния которого по радиоуглеродной хронологии относится к концу V – началу IV тыс. до н. э. (Столяр, Формозов, 2009; Зайцева и др., 2009. С. 208–210). Его материалы позволили получить обширные сведения по кремневой индустрии, керамическому производству, были открыты и древнейшие изделия из металла. Определение фаунистической коллекции предоставило данные о большой роли скотоводства в хозяйстве обитателей Мешоко – на долю охотничьей добычи приходилось лишь несколько процентов идентифицированных костей, основная же часть принадлежала домашним животным – свиньям и крупному рогатому скоту и в значительно меньшей степени овцам/козам. Такой состав стада позволил А. А. Формозову прийти к заключению об отсутствии отгонного скотоводства в этот период (Формозов, 1965. С. 90). Мощный, более 1 м, культурный слой поселения свидетельствовал о прочной оседлости. На существование земледелия указывали только косвенные признаки – наличие в культурном слое зернотерок и кремневых вкладышей серпов. А. А. Формозов специально подчеркивал незначительное количество подобных находок по сравнению с материалами куро-аракских поселений Южного

¹ Осташинский С. М. – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. E-mail: osm@mail.ru.

Черленок Е. А. – Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. СПбГУ, Институт истории. Кафедра археологии. E-mail: e.cherlenok@spbu.ru.

Лоскутов И. Г. – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 44. Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н. И. Вавилова (ВИР). Отдел генетических ресурсов овса, ржи, ячменя. E-mail: i.loskutov@vir.nw.ru.

© С. М. Осташинский, Е. А. Черленок, И. Г. Лоскутов

Кавказа, где к тому же были найдены и сосуды с обгоревшими зернами злаков (Формозов, 1965. С. 92).

Между тем в 1965 г. – в последнем сезоне работ на поселении Мешоко, экспедиции А. Д. Столяра удалось сделать важное открытие. В нижнем слое поселения, на площади раскопа V были обнаружены обугленные зерна зерновых культур. Они находились в небольших углистых пятнах, расположенных рядом с овальным корытообразным углублением (рис. 1), обмазанным глиной – так называемой глиняной «ванной» (Столяр, Формозов, 2009. С. 171). К сожалению, по ряду причин эти палеоботанические остатки стали доступны специалистам лишь в 2010 г. Всего в коллекции из раскопок 1965 г. находится более сотни зерен и их фрагментов (рис. 2, 1–2). По определению сотрудников ВИР И. Г. Лоскутова и О. А. Ляпуновой они принадлежат мягкой пшенице (*Triticum aestivum* L.), ячменю (*Hordeum vulgare* L.) и, вероятно, зернобобовым. Таким образом, эта находка является прямым доказательством существования земледелия в энеолитическую эпоху на Северо-Западном Кавказе. За последние годы были получены и новые подтверждения этому факту – остатки культурных растений были открыты еще на трех энеолитических памятниках.

Наиболее крупная на данный момент коллекция палеоботанических остатков эпохи энеолита обнаружена в ходе работ Закубанской экспедиции Государственного Эрмитажа в многослойном навесе Мешоко². Пятый сверху слой навеса относится к позднему энеолиту и датируется первой половиной IV тыс. до н. э. (Остаинский, Черленок, 2013. С. 321–324). В 2014 г. здесь были промыты остатки углистой прослойки, состоящей из нескольких пятен неправильной формы, наиболее крупное из которых имело диаметр около 1 м. Некоторые из этих пятен непосредственно перекрывали участок «пола» из обожженной глины (рис. 3), залегающий в центре неглубокой подпрямоугольной западины, вероятно, представляющей собой остатки жилища. Энеолитический слой на данном участке не потревожен более поздними ямами, его объекты сохранились *in situ*, что очевидно свидетельствует о надежном контексте и синхронности обнаруженных злаков описываемым объектам. Всего было

найдено около сотни фрагментов обожженных зерен. По определению И. Г. Лоскутова здесь фиксируются остатки зерновок мягкой пшеницы (*Triticum aestivum*) и двурядного ячменя (*Hordeum vulgare* subsp. *distichum* Korn.) а также, предположительно, бобовых культур. В 2015 г. весь культурный слой подвергался промывке, в результате была обнаружена гораздо более значительная в количественном и качественном отношении коллекция карбонизированных растительных остатков, которая, несомненно, составит собой основу банка данных по раннему земледелию описываемого региона. Определение ее только начато и первым новым результатом стало открытие остатков льна (*Linum usitatissimum* L., рис. 2, 3a). Анализ планиграфии находок 2015 г. также не завершен. Предварительно можно отметить, что органические остатки встречаются, как правило, на участках, где слой особенно насыщен углем. Высокая концентрация зерна также зафиксирована в заполнении ям (рис. 2, 3б). С этими находками соотносится большое количество зернотерок и их фрагментов, обнаруженных в ходе раскопок энеолитического слоя, а также костей грызунов. Зернотерок в навесе найдено значительно больше, чем на поселении, что свидетельствует о возрастании роли земледелия на позднем этапе культуры.

Кроме того небольшое количество остатков культурных растений было обнаружено Е. Ю. Лебедевой при анализе проб, взятых на поселениях Свободное и Мысхако (Лебедева, 2011. С. 246). Здесь были определены отдельные зерновки пшеницы-двузернянки, или полбы (*Triticum dicoccum* Schuebl.), предположительно мягкой пшеницы (*Triticum aestivum*), ячменя (*Hordeum vulgare*) и маленький фрагмент зерна проса (*Panicum miliaceum* L.). Не все пробы, по мнению автора исследования, могут относиться к энеолиту, некоторые могут содержать материал из перемешанных слоев. Но приведенные данные о находках зерна на поселении Мешоко и в навесе Мешоко не оставляют сомнений в наличии земледелия в энеолите Северо-Западного Кавказа в конце V – начале IV тыс. до н. э.

Изучение этих коллекций только начато, дальнейшие исследования позволят получить более детальную информацию об особенностях древнего земледелия в данном регионе, его истоках и роли в хозяйстве. На данном этапе можно лишь отметить значительную близость палеоботанических находок Северного Кавказа набору растений, культивируемых на Южном Кавказе.

² Выражаем глубокую благодарность и признательность всем участникам работ Закубанской экспедиции, и в особенности П. А. Бардаковой (соискатель ИИМК РАН) и О. В. Сычевой (научный сотрудник РЭМ), без самоотверженного труда и энтузиазма которых формирование описанной палеоботанической коллекции было бы невозможным.

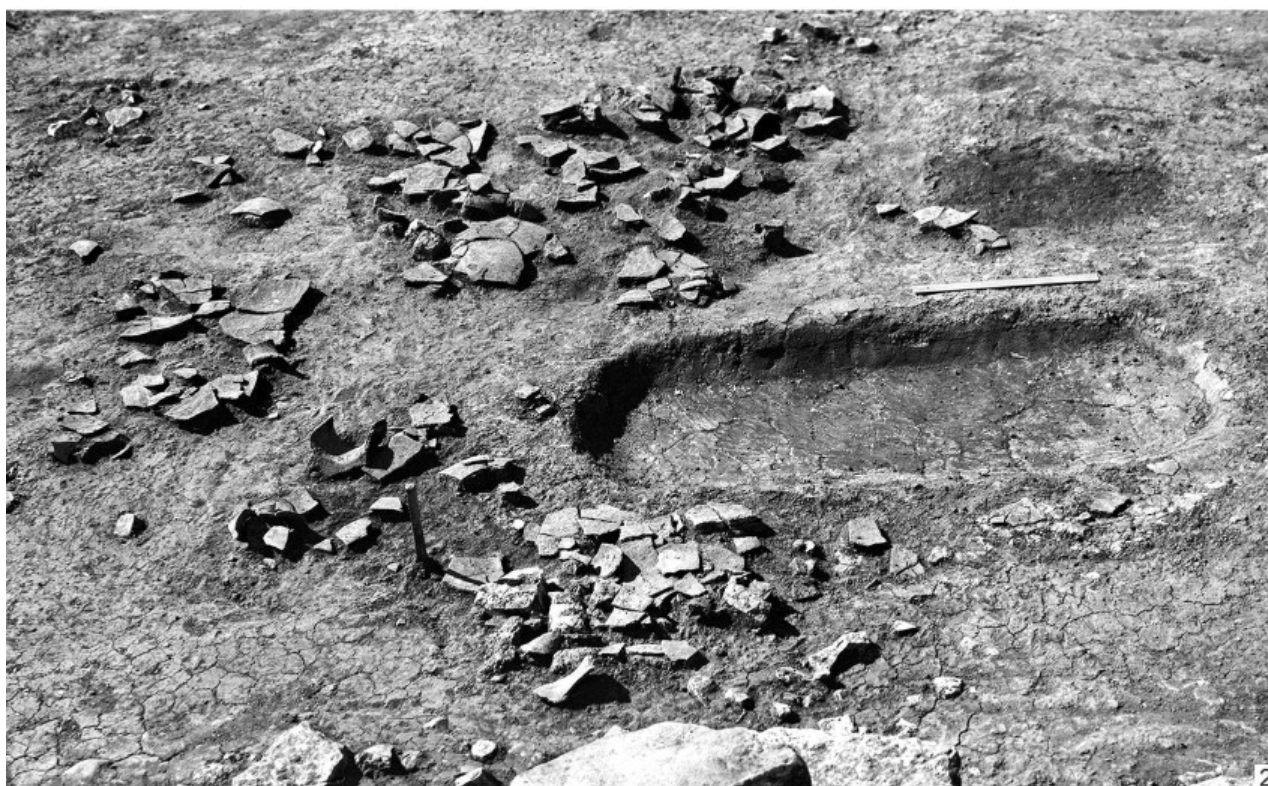
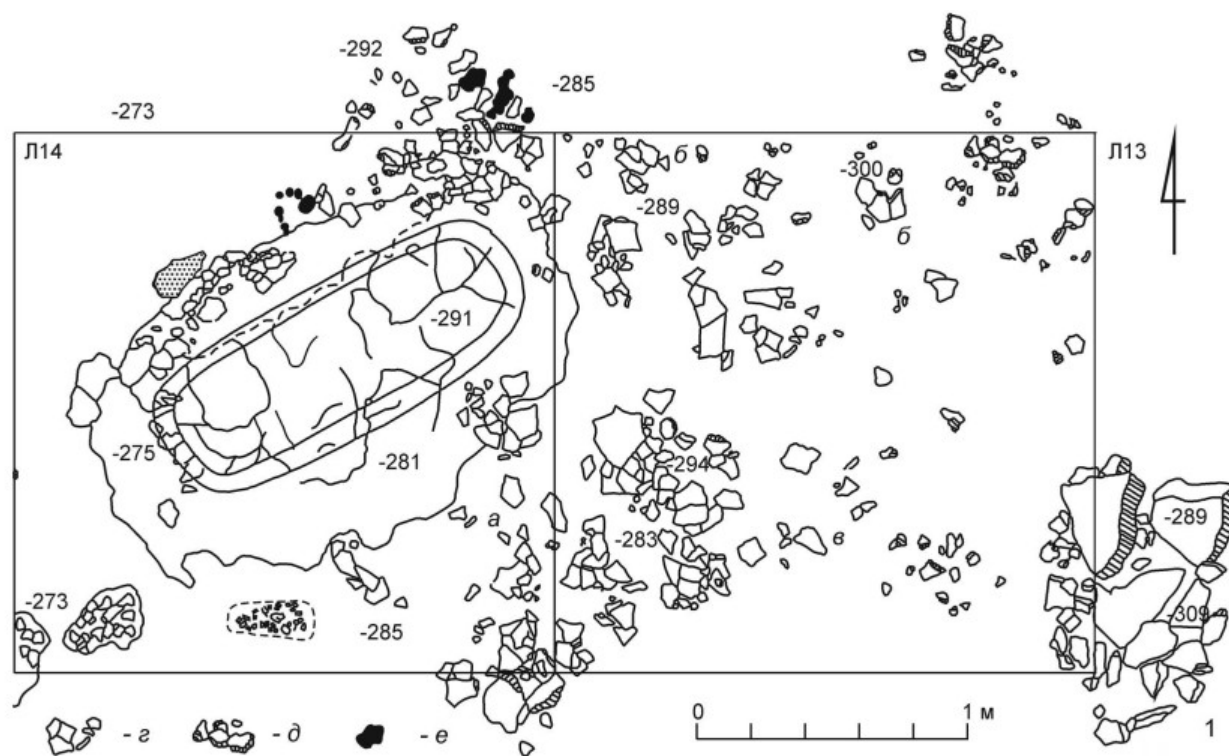

Рис. 1. Поселение Мешоко. Раскоп V 1965 г.: 1 – квадраты Л₁₃₋₁₄, штык 6, план (а – браслет; б – горло сосуда; в – дно сосуда; з – керамика; д – камни; е – углистые пятна, содержавшие находки обугленных зерен); 2 – овальное углубление, обмазанное глиной, развалы сосудов и углистые пятна. Вид с севера

Fig. 1. Settlement of Meshoko. Excavation V of 1965: 1 – squares Л₁₃₋₁₄, spade-dig 6, plan (a – bracelet; б – throat of a jar; в – bottom of a jar; з – pottery; д – stones; е – spots with charcoal containing finds of charred grains); 2 – oval pit daubed with clay, broken vessels and charcoal spots. View from north

Для Закавказского центра раннего земледелия, по Г. Н. Лисицыной, которому соответствуют памятники шулавери-шомутепинской культуры, характерно разнообразие видов пшениц, среди которых особо подчеркивается широкое распро-

странение мягкой пшеницы. Для него также типично присутствие двурядного и многорядного ячменя и бобовых культур – чечевицы, гороха и вики (Лисицына, Прищепенко, 1977. С. 43). Сходный набор растений зафиксирован и восточно-

Рис. 2. Находки зерен в Мешоко: 1–2 – из раскопок 1965 г. на поселении Мешоко; 3 – из раскопок 2015 г. в навесе Мешоко: а – коробочки льна, б – плоды зерновых культур

Fig. 2. Finds of grains from Meshoko: 1–2 – from excavations of 1965 at the settlement of Meshoko; 3 – from excavations of 2015 in the rock shelter of Meshoko: а – fruitcases of flax, б – grains of cereals

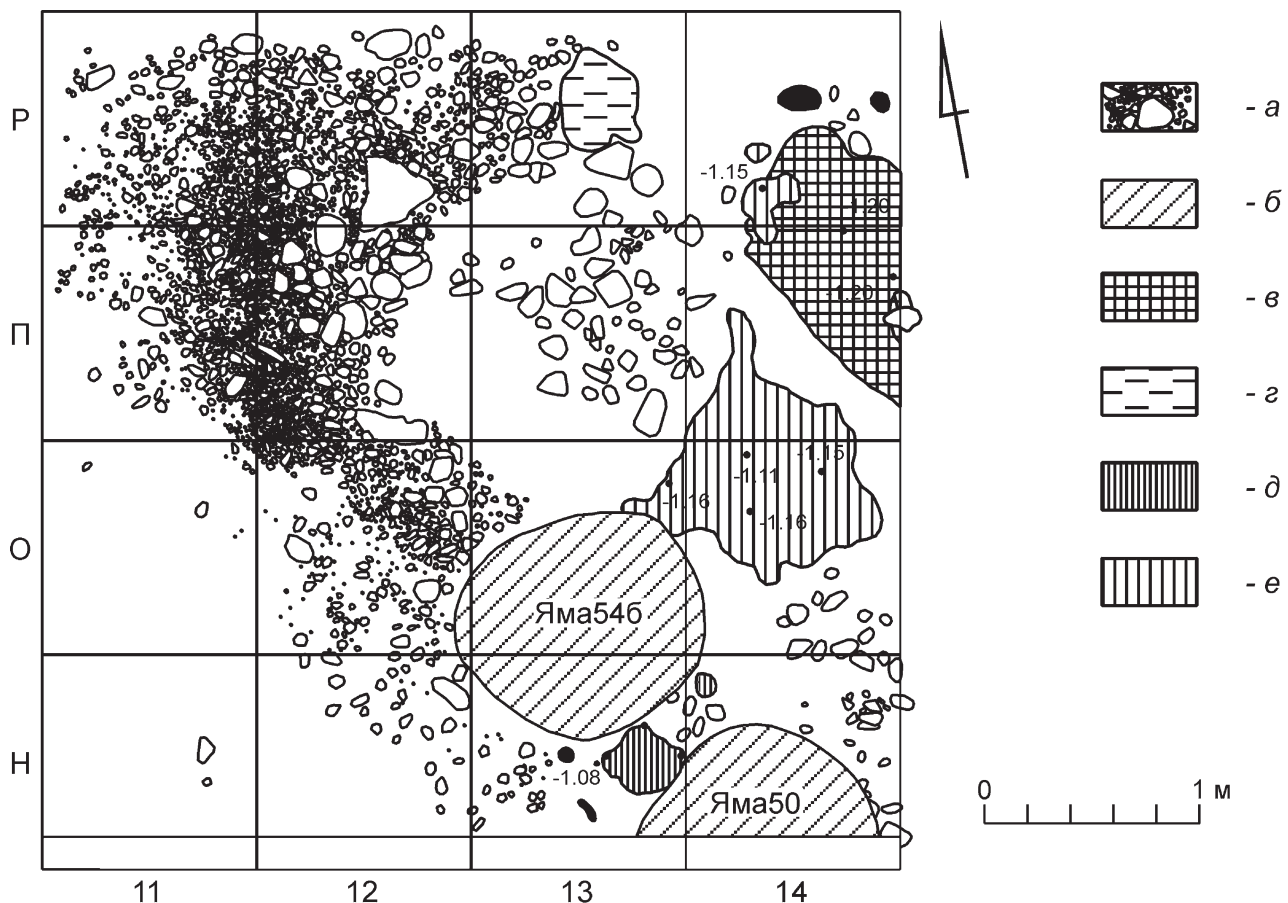

Рис. 3. Навес Мешоко. Раскоп 2014 г.: 1 – квадраты О–Р₁₂₋₁₄, слой 5, план (а – щебень; б – ямы, впущенные с 3-го, майкопского, слоя; в – «пол»; г – пятно желтой глины; д – углистое пятно; е – углистое пятно, содержащее находки обугленных зерен)

Fig. 3. Rock shelter of Meshoko. Excavation of 2014: 1 – squares О–Р₁₂₋₁₄, layer 5, plan (а – detritus; б – pits dug from the Maykop layer 3; в – ‘floor’; г – spot of yellow clay; д – charcoal spot; е – charcoal spot containing finds of charred grains)

анатолийском очаге (Лисицына, Прищепенко, 1977. С. 37). В ходе исследований последних лет на памятниках Южного Кавказа (Камиль-тепе, Ментеш-тепе и Арухло) были обнаружены и остатки льна (Lyonnet et al., 2012. Р. 159–160; Bastert-Lamprichs et al., 2012. Р. 29). Некоторое своеобразие палеоботаническим коллекциям поселения Мешоко и навеса Мешоко (материалы 2014 г.) придает присутствие лишь одного вида пшеницы. Будущие исследования, вероятно, позволят расширить список культивируемых растений на Северо-Западном Кавказе в эпоху энеолита. Приведенные данные позволяют связывать появление производящего хозяйства на Северном Кавказе с влиянием передовых центров южного Кавказа и Восточной Анатолии, а также предполагать значительную роль южного импульса в формировании энеолитической культуры изучаемого региона.

Зайцева и др., 2009 – Зайцева Г. И., Бурова Н. Д., Семенов А. А. Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. СПб., 2009.

Лебедева, 2011 – Лебедева Е. Ю. Первые результаты археоботанических исследований на археологических памятниках Адыгеи // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011.

Лисицына, Прищепенко, 1977 – Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.

Осташинский, Черленок, 2013 – Осташинский С. М., Черленок Е. А. Новые данные о соотношении позднеэнеолитической и майкопской культуры в предгорьях Северо-Западного Кавказа // Мат-лы Шестой междунар. кубанск. археологическ. конф. Краснодар, 2013.

Столяр, Формозов, 2009 – Столяр А. Д., Формозов А. А. Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. СПб., 2009.

Формозов, 1965 – Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Bastert-Lamprichs et al., 2012 – Bastert-Lamprichs K., Benecke N., Hansen S., Neef R. Der Beginn der Landwirtschaft im Südkaukasus. Die Ausgrabungen in Aruchlo in Georgien. Berlin, 2012.

Lyonnet et al., 2012 – Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G. Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in the southern Caucasus // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2012. Bd. 44.

New evidence on ancient agriculture in the North-Western Caucasus

S. M. Ostashinskiy, E. A. Cherlenok, I. G. Loskutov

This article presents new evidence on palaeobotanical finds from Eneolithic sites of the north-western Caucasus. The oldest remains of cereals come from the lowest layer of the settlement of Meshoko dated to the late 5th–4th millennium BC (excavation by Abram D. Stolyar, 1965). The identifications were carried out by I. G. Loskutov and O. A. Lyapunova. Here there were found soft wheat (*Triticum aestivum* L.), barley (*Hordeum vulgare* L.) and, presumably, beans (Figs. 1–2). The next stage of the Eneolithic culture is concerned with far more numerous finds (Fig. 3) from

the rock shelter of Meshoko (excavations of the Transkuban expedition of the State Hermitage, 2014–2015). These finds are dated to the beginning and first half of the 4th millennium BC. Here there have been identified remains of soft wheat (*Triticum aestivum*), barley (*Hordeum vulgare subsp. distichum* Korn.) and flax (*Linum usitatissimum* L.). These finds are paralleled at more ancient sites of the Southern Caucasus suggesting the importance of southern pulses in establishing of the food-production economy and Eneolithic culture in the Northern Caucasus.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА КУМСАЙ (ТАДЖИКИСТАН) В 2013 Г.

Ю. Г. Кутимов¹

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования могильника позднего бронзового века Кумсай в западной части Гиссарской долины Таджикистана. Этот памятник исследовался на протяжении ряда лет: в 1987–1988, 2007 и 2012–2013 гг. В 2013 г. его раскопки полностью закончены. Исследования дали новые материалы, свидетельствующие о тесных контактах в середине II тыс. до н. э. оседлоземледельческих и степных племен на территории Таджикистана. Рядом с этим памятником был открыт второй могильник позднего бронзового века (Кумсай 2), материалы которого показывают связи с тазабаг'ябской культурой Южного Приаралья.

Annotation. This paper is dedicated to results of excavations of the Late Bronze Age burial ground of Kumsay situated in the western part of the Hissar valley in Tajikistan. The cemetery of Kumsay was investigated for several years in 1987–1988, 2007 and 2012–2013. In 2013, its excavations were completed. These investigations have resulted in new materials indicating close contacts between the settled agricultural tribes and the steppe ones in the mid-2nd millennium BC in Tajikistan. Near the cemetery of Kumsay, another burial ground of the Late Bronze Age (Kumsay 2) was discovered. Materials from the latter site are linked with the Tazabag'yab culture of the southern Aral area.

Ключевые слова: Таджикистан, поздний бронзовый век, погребальные комплексы, сапаллинская культура, андроновская культура.

Keywords: Tajikistan, Late Bronze Age, burial complexes, Sapalli culture, Andronovo culture.

В 2012–2013 гг. Таджикистанская экспедиция ИИМК РАН проводила археологические исследования могильника позднего бронзового века Кумсай в Турсунзадевском р-не Республики Таджикистан². Работы велись при организационной поддержке со стороны Института истории, археологии и этнографии АН им. А. Дониш и Министерства культуры Республики Таджикистан.

В середине II тыс. до н. э. территория современного Таджикистана активно осваивалась населением, отличавшимся между собой образом жизни и материальной культурой: древнеземледельческими племенами сапаллинской культуры и степными племенами андроновской (федоровской) культуры. Культурные контакты земледельцев и скотоводов

находят отражение в археологических материалах. В настоящее время на территории Таджикистана известно несколько археологических комплексов позднего бронзового века, свидетельствующих о смешении разных культурных традиций. Одним из наиболее интересных в этом отношении памятников является могильник Кумсай в западной части Гиссарской долины. Материалы могильника имеют смешанный характер: в погребениях встречается керамика и металлические изделия, относящиеся как к андроновской (федоровской) традиции, так и к сапаллинской культуре на молалинском этапе ее развития.

Могильник Кумсай был открыт в 1987 г. при строительстве мелиоративного канала на восточной окраине кишлака им. М. Горького, расположенного в 6 км к северу от административного центра г. Турсунзаде. Памятник исследовался в 1987–1988, 2007 и 2012 гг. В ходе археологических раскопок 1987–1988 гг. было обнаружено 21 погребение позднего бронзового века (*Виноградова, Пьянкова*, 1990). В 2007 г. на этом могильнике проводились разведывательные раскопки, в результате

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² Исследования проводились при поддержке РГНФ, гранты № 12-01-18003, № 13-01-18015. Состав экспедиции: начальник экспедиции – к. и. н. Ю. Г. Кутимов (ИИМК РАН), научный сотрудник – к. и. н. Н. М. Виноградова (ИВ РАН), полевой архитектор-художник – М. Н. Никитина (ИИМК РАН).

которых открыто одно погребение позднего бронзового века (*Виноградова и др.*, 2009).

При раскопках 2012 г. были исследованы еще пять погребений этого же периода с новыми материалами, ранее не известными на территории Таджикистана. В одном из погребений была найдена височная подвеска с тремя конусообразными выступами. Ближайшими ей по типу украшениями являются так называемые трехбусинные подвески сумбарских могильников юго-западного Туркменистана и поселения Кокча 15 тазабагъябской культуры Нижнего Приаралья, а также, вероятно, крюковидные подвески, представленные в комплексах могильников Кумсай, Дашти-Кози, Туюн и Бустон 6. Керамический сосуд с каннелюрами, найденный в одном погребении вместе с подвеской, имеет типичную для федоровской керамики горшковидную форму с отогнутым наружу венчиком и плавной профилировкой тулова, но изготовлен на гончарном круге в соответствии с земледельческими керамическими традициями и имеет печной высокотемпературный обжиг. Типы желобчатых браслетов, а также бронзовых и пастовых бусин из погребений Кумсай характерны для андроновских (федоровских) памятников Зеравшанской долины (Дашти-Кози, Чака, Муминабад) (см. *Кутимов*, 2013).

В 2013 г. раскопки могильника Кумсай были продолжены с целью поиска возможных его границ с северной стороны. К раскопам прошлых лет были сделаны прирезки в северо-западном и северо-восточном направлениях, вверх и вправо по склону холма (рис. 1). Всего было раскопано несколько участков, общая площадь которых составила 220 кв. м (рис. 1). Несмотря на значительную площадь раскопок, погребальных сооружений здесь обнаружено не было. По всей видимости, погребения № 23–27, исследованные в 2012 г., являются периферийными захоронениями на северной стороне могильника. Признаком периферийности данных захоронений является их разрозненность и удаленность от основной группы погребений № 1–22, исследованных в 1987–1988 и 2007 гг.

Одновременно с исследованием Кумсай были предприняты попытки найти погребения эпохи бронзы вблизи от могильника. Для этих целей в разных местах были заложены шесть разведочных раскопов (далее принято сокращение – РР) общей площадью 98 кв. м: один к югу от главного раскопа и пять к северу, вверх по склону холма (рис. 2, 1).

Разведочный раскоп 2013/1 (РР 2013/1)³. Размеры раскопа 6 × 3 м. Заложен в 14 м к югу от главного раскопа, на противоположном берегу мелиоративного канала. Раскопки показали, что погребений здесь быть не может, так как береговая линия канала для защиты от размыва водой была первоначально глубоко террасирована, а затем заполнена и плотно утрамбована грунтом со слоями металлической арматуры. Для дополнительного укрепления сверху терраса была засыпана большим количеством земли.

Разведочный раскоп 2013/2 (РР 2013/2)⁴. Размеры раскопа 8 × 4 м. Заложен в 20 м к северу от главного раскопа, на склоне холма. Погребений не обнаружено.

Разведочный раскоп 2013/3 (РР 2013/3)⁵. Размеры раскопа 6 × 3 м. Заложен в 70 м к северу от главного раскопа, на вершине холма. Погребений не обнаружено. На глубине 70 см в западном углу раскопа был найден небольшой фрагмент верхней части гончарного сосуда земледельческого типа, покрытый бурым ангобом с двух сторон и орнаментом на внешней поверхности в виде четырех тонких желобков (рис. 2, 2).

Разведочный раскоп 2013/4 (РР 2013/4)⁶. Размеры раскопа 6 × 2 м. Заложен в 180 м к северу от главного раскопа. Погребений не обнаружено.

Разведочный раскоп 2013/5 (РР 2013/5)⁷. Размеры раскопа 3 × 2 м. Заложен в 170 м к северу от главного раскопа, в 4 м к западу от РР 2013/4. Данный раскоп был заложен на территории современного кладбища (мазара), на свободной площади среди современных могил. В северо-западной части раскопа обнаружено погребение позднего бронзового века (рис. 3, 1–3). Для его исследования была сделана дополнительная прирезка в северо-западном углу раскопа (эта находка позволила идентифицировать отдельный памятник – могильник Кумсай 2, см. ниже).

Погребение 1 находилось на глубине 50–60 см от уровня современной поверхности. Стратиграфия показывает, что древний гумусный слой здесь практически отсутствует (рис. 3, 1, 2), по всей видимости, верхние слои почвы были срезаны при выравнивании гребня холма для прокладки трассы в ходе строительства высоковольтной линии электростанции.

³ Координаты раскопа: GPS N38°34'45,27"; E68°14'41,06".

⁴ Координаты раскопа: GPS N38°34'46,93"; E68°14'39,89".

⁵ Координаты раскопа: GPS N38°34'48,38"; E68°14'39,68".

⁶ Координаты раскопа: GPS N38°34'52,3"; E68°14'39,7".

⁷ Координаты раскопа: GPS N38°34'52,1"; E68°14'39,6".

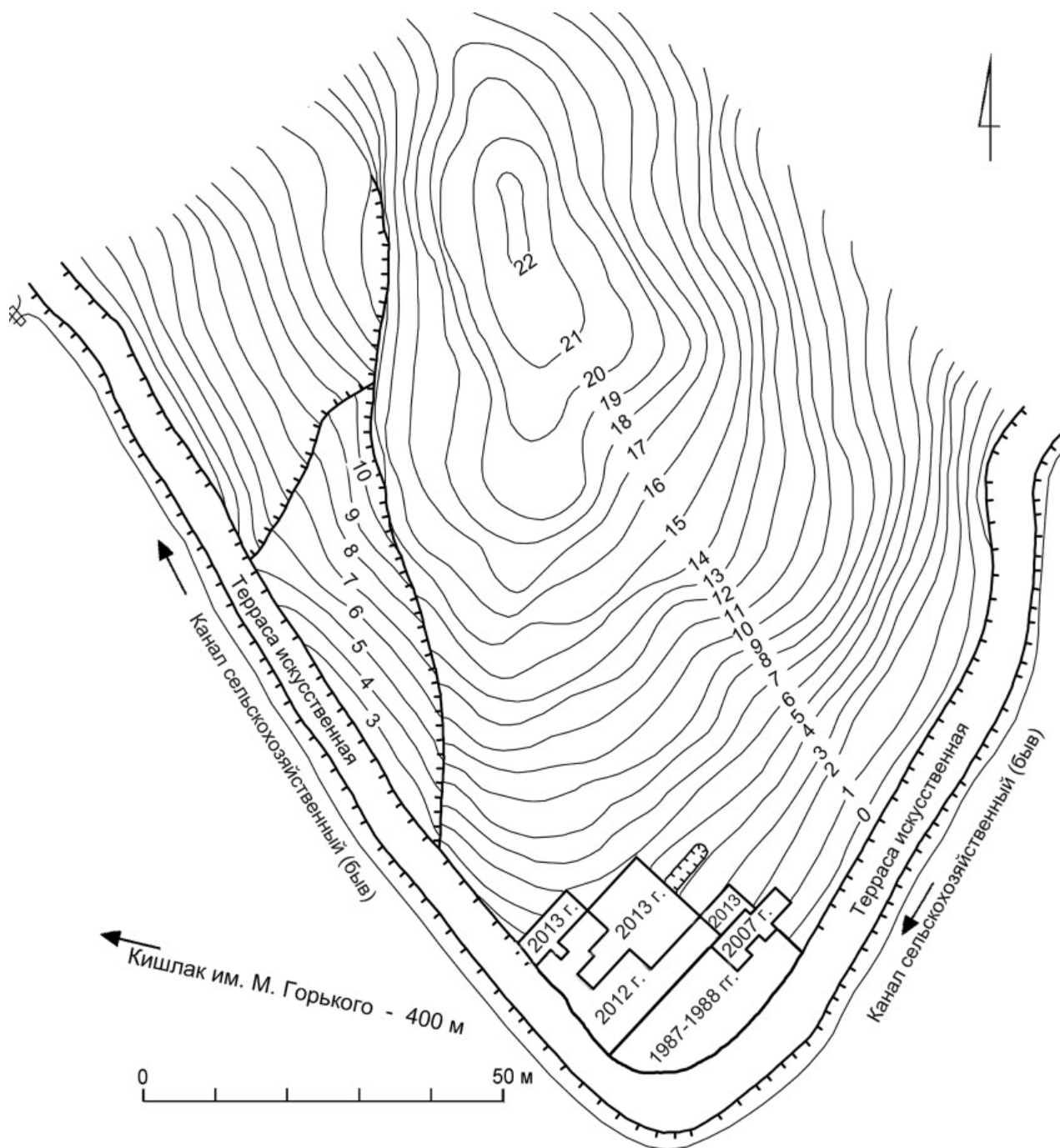

Рис. 1. Могильник Кумсай. Топографический план с обозначением раскопов 1987–1988, 2007, 2012–2013 гг.

Fig. 1. Cemetery of Kumsay. Topographic plan with notation of excavations of 1987–1988, 2007 and 2012–2013

тропередач. Вероятно, изначальная глубина погребения была ниже существующей. По причине неглубокого залегания погребение имеет плохую сохранность. Контуры могильной ямы в плане не прослеживались, погребение частично ушло в западный борт раскопа. Расширить границы раскопа не представлялось возможным из-за находящейся рядом современной могилы.

В погребении обнаружены разрозненные остатки костей человека, череп раздавлен землей и фрагментирован. Положение скелета в могиле не определяется. Череп находился в восточной части могилы и лежал лицевой стороной вниз. Нижняя челюсть лежала в 30 см к югу от черепа. В центральной части могилы лежали отдельные фрагменты больших костей рук. В восточной части могилы,

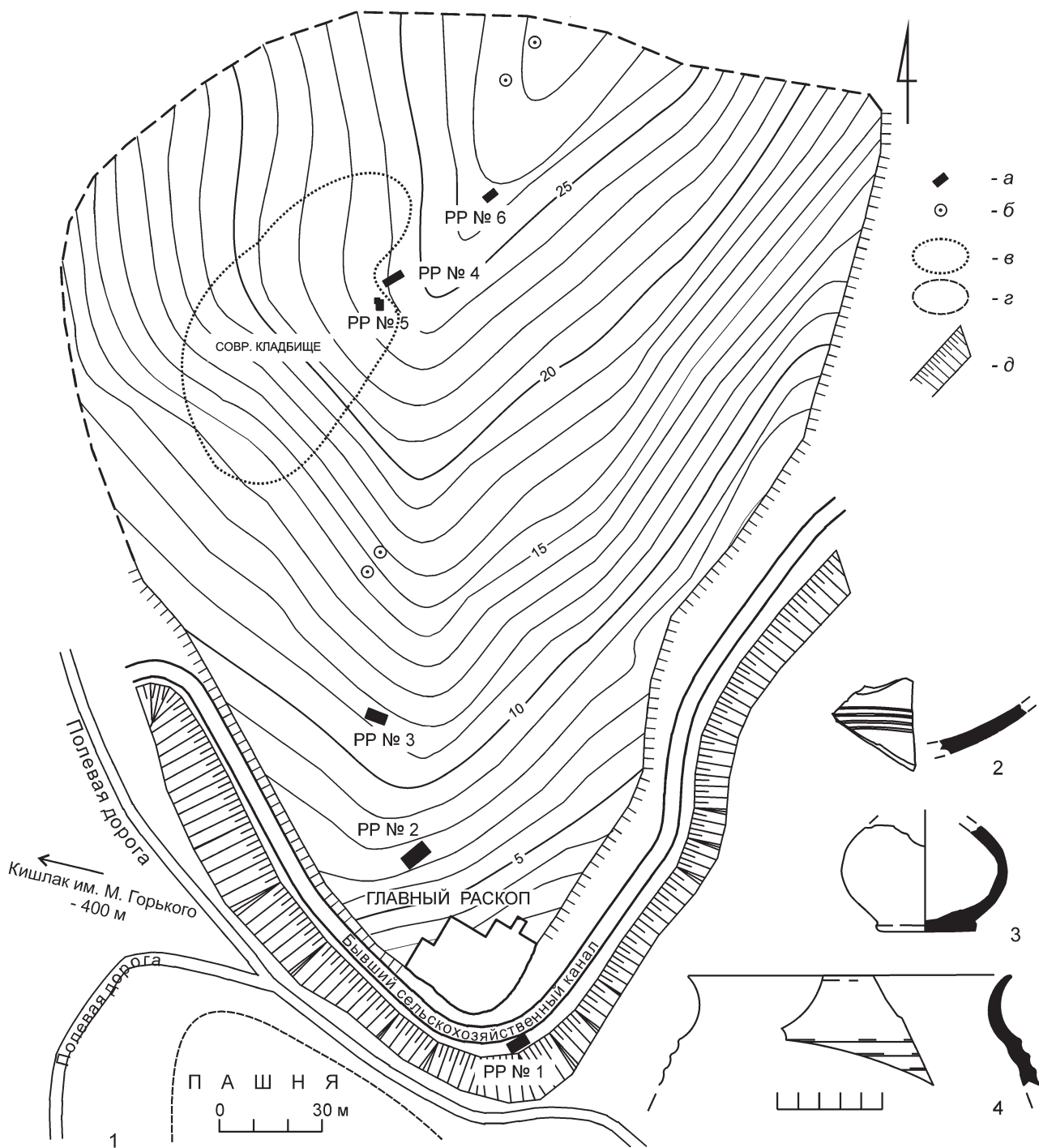

Рис. 2. Исследования холма к северу от могильника Кумсай: 1 – план (а – разведочный раскоп; б – опоры ЛЭП; в – границы современного кладбища; г – северо-западная и северная границы холма; д – искусственно подрезанный склон холма); 2–4 – находки (2 – РР № 3; 3–4 – подъемный материал)

Fig. 2. Investigations of the hill north of the cemetery of Kumsay: 1 – plan (a – exploratory excavation; б – pylons of the electricity transmission line; в – boundaries of the modern cemetery; г – north-western and northern limits of the hill; д – artificially cut slope of the hill; 2–4 – finds (2 – test excavation № 3; 3–4 – surface finds)

к югу от черепа находились три керамических сосуда степного типа, один из которых практически расслоился, а остальные два имеют удовлетворительную сохранность. В западной части могилы зафиксирована мышиная нора, внутри которой, на глубине 25 см ниже уровня скелета, были найдены две бронзовые бусины (обоймы), а также одна четырехсоставная пастовая пронизка, половинка одинарной пастовой бусины и мелкие фрагменты еще двух или трех пастовых бусин (рис. 3, 3).

Находки: 1) сосуд № 1 (рис. 3, 8) – лепной, плоскодонный, коричневого цвета, с темными пятнами и следами копоти на стенках; в тесте значительная примесь крупной дресвы и песка. Сосуд имеет плавную профилировку тулова, плечики не выражены, венчик отогнут наружу. В средней его части, по линии максимального диаметра тулова, штампом нанесен орнамент в виде двух горизонтальных линий, к которым примыкают фигуры из треугольников вершинами вверх и вниз. Размеры: высота – 115 мм, диаметр венчика – 80 мм, диаметр дна – 70 мм;

2) сосуд № 2 (рис. 3, 10) – обломок нижней части лепного горшка, плоскодонный, темно-коричневого цвета; в тесте значительная примесь крупнозернистой дресвы, обжиг неравномерный, внешняя поверхность сосуда закопчена. Это обломок горшка, который использовался в качестве плоского блюда (тарелки). Размеры: максимальный диаметр – 160 мм, диаметр дна – 107 мм;

3) сосуд № 3 (рис. 3, 9) – обломок лепного горшка, плоскодонный (?), сильно фрагментирован, расслоился, сохранился частично, коричневого цвета, с темными пятнами и следами копоти на стенках; в тесте значительная примесь крупной дресвы и песка. Сосуд плавно профилирован, нижняя часть более вытянута, венчик практически прямой. Верхняя часть сосуда от венчика до плечиков орнаментирована треугольниками, расположенными вершинами вверх и заполненными горизонтальными линиями. Размеры: сохранившаяся высота – 120 мм, диаметр венчика – 140 мм, диаметр дна – около 60 мм;

4) две пастовые бусины разной формы (рис. 3, 4, 5). Обломок круглой одинарной бусины, длиной 3 мм и диаметром 6 мм (рис. 3, 5). Четырехсоставная бусина из круглых частей, общая длина 20 мм, диаметр 7 мм (рис. 3, 4). Также найдены несколько мелких обломков от двух или трех пастовых бусин;

5) две бронзовые бусины (обоймы) (рис. 3, 6, 7), овальной формы, шириной около 5 мм, диаметр около 8–9 мм.

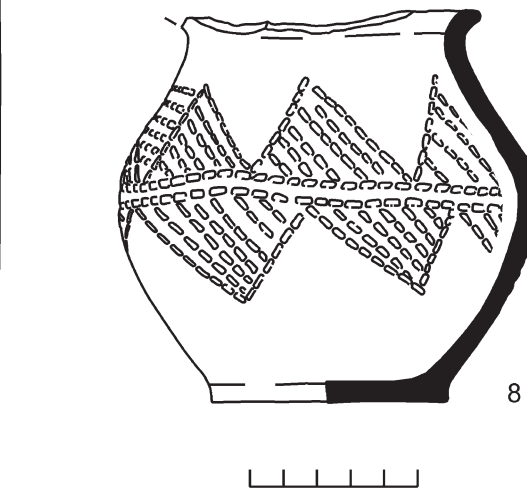
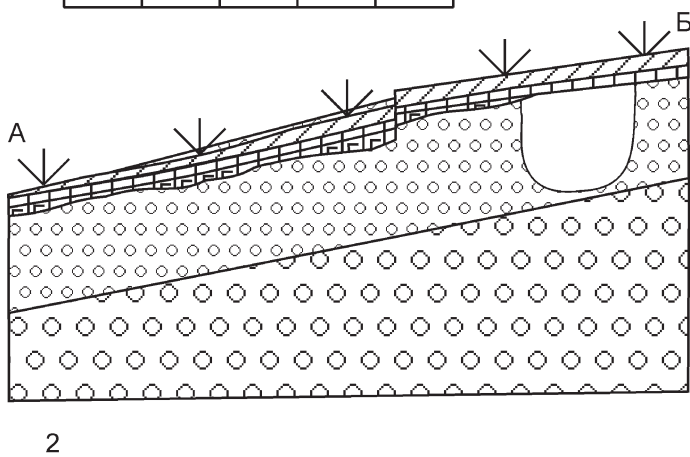
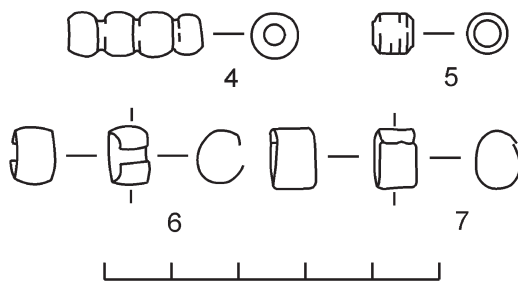
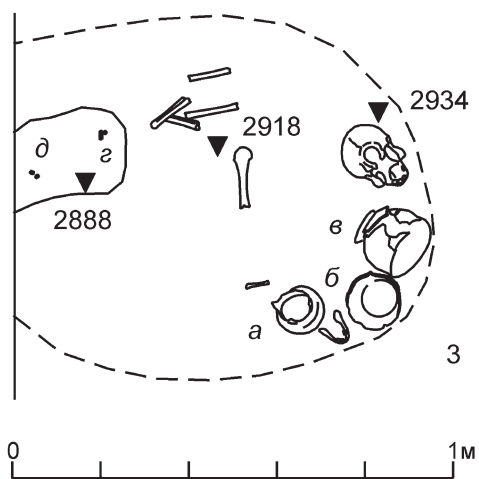
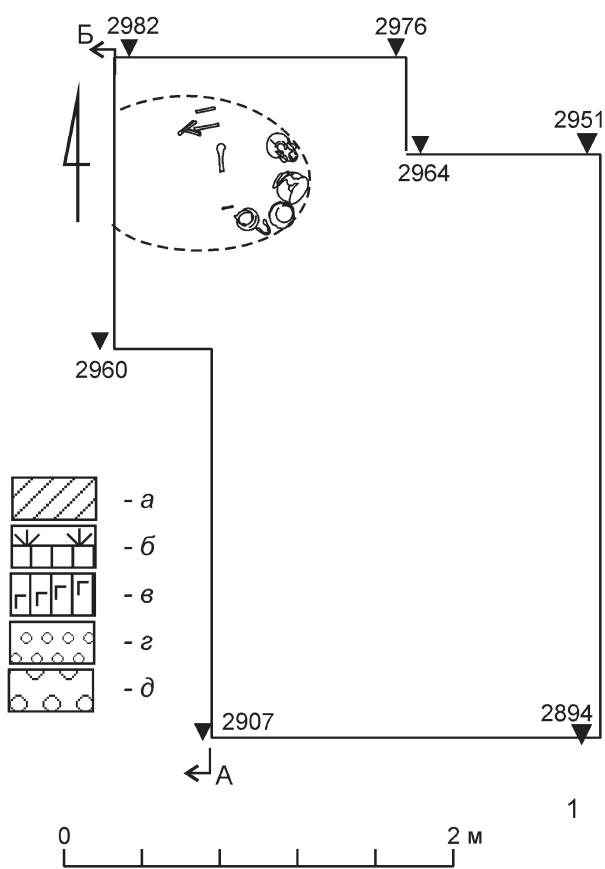
Разведочный раскоп 2013/6 (PP 2013/6)⁸. Размеры раскопа 4 × 2 м. Заложен в 200 м к северу от главного раскопа. Погребений не обнаружено.

Подъемный материал. В верхней части холма, у подножия которого расположен могильник позднего бронзового века Кумсай, находится современное кладбище (мазар). По сообщениям местных жителей, при выкапывании могил, на глубине около 1,5 м, иногда встречаются древние захоронения (кости и керамика). В ходе обследования территории современного кладбища в 2012 г. были найдены небольшой гончарный сосуд и обломки гончарного сосуда земледельческого типа с каннелюрами (Кутимов, 2013, С. 83). В 2013 г. при осмотре современных могил также обнаружены обломки от сосудов: еще один фрагмент от гончарного горшка с каннелюрами по плечикам, найденного в 2012 г. (рис. 2, 4), и миниатюрный гончарный горшочек. Сосуд плоскодонный, венчик отсутствует, тулово шаровидное; он светло-коричневого цвета, сделан из глины хорошего качества, обжиг высокотемпературный. Размеры: сохранившая высота – 60 мм, диаметр тулова – 80 мм, диаметр дна – 47 мм (рис. 2, 3). Найденная керамика относится к позднему бронзовому веку (древнеземледельческий тип).

Раскопки могильника Кумсай, проведенные в 1987–1988, 2007 и 2012–2013 гг., можно считать полностью завершенными. В общей сложности было открыто 27 погребений позднего бронзового века. В материалах могильника Кумсай представлены две культурные традиции: древнеземледельческая (молалинского типа) и степная (федоровского типа). Сочетание этих традиций в погребальных комплексах свидетельствует об активных контактах различных групп населения, их смешении и совместной жизнедеятельности.

Нельзя также исключать наличия в непосредственной близости от Кумсая других групп погребений. Раскопанные в 1987–1988, 2007 и 2012 гг. погребения являются захоронениями детей или женщин, в основном, молодых, до 20 лет. Отсутствие в могильнике Кумсай мужских захоронений старшего возраста позволяет предполагать их возможное существование в виде отдельной половозрастной группы погребений в границах общего места захоронения. В то же время известно, что часть погребений могильника

⁸ Координаты раскопа: GPS N38°34'53,11"; E68°14'41,35".

Кумсай была утрачена при строительстве мелиоративного канала. Масштабы данной утраты – точное количество разрушенных погребений – неизвестны. Не исключено, что именно этим объясняется отсутствие мужских захоронений в могильнике Кумсай.

Полевые исследования 2012–2013 гг. выявили еще один могильник позднего бронзового века (Кумсай 2), расположенный в верхней части холма, примерно в 180 м к северу от Кумсай. Его наличие определяется находками земледельческой керамики и погребением степного типа (см. выше – РР 2013/5). К сожалению, данный могильник в настоящее время перекрыт современным кладбищем и возможны только выборочные раскопки небольшими площадями на данной территории.

Следует отметить, что керамические сосуды из Кумсай 2, найденные в погребении 1 разведочного раскопа (РР 2013/5), отличаются по формам от керамики собственно Кумсай, где посуда степного типа имеет в целом федоровский вид – это сосуды вытянутых форм с изогнутым профилем, отогнутым наружу венчиком и широким устьем. По внешнему облику и элементам орнамента сосудов из Кумсай 2 находят близкие аналогии в керамике тазабагъябской культуры Южного Приаралья, в особенности в материалах тазабагъябских поселений Кокча 15, Ангка 5 и др. В частности, сосуд № 3 из погребения 1 могильника Кумсай 2 с плавной профилировкой и почти прямым венчиком (рис. 3, 9) находит практически точные параллели в тазабагъябской керамике (Итина, 1977. С. 62, 97, рис. 16, 9; 52, 2). Данная форма сосудов типична для тазабагъябской керамики, где она, по всей видимости, связана с развитием алакульских керамических традиций изготовления так называемых сосудов с уступом. Форма сосуда № 1 из погребения 1 могильника Кумсай 2 (рис. 3, 8) также известна в керамике тазабагъябской культуры (Там же. С. 94, рис. 51, 2, 6). Орнаментальные мотивы в виде двойного ряда треугольников вершинами вверх и вниз, разделенных горизонтальными линиями, весьма характерны для тазабагъябской керамики (Там же. С. 61, 114, рис. 15, 1, 2; 63, 17), так же как

и треугольники, заполненные горизонтальными линиями (Там же. С. 69, 97, рис. 22, 2; 52, 2).

К сожалению, вынужденная ограниченность полевых работ и малочисленность археологических материалов не позволяют сделать более детальных выводов относительно могильника Кумсай 2. Структура погребального памятника, соотношение в нем степных и древнеземледельческих элементов, а также культурно-хронологическая связь с комплексом могильника Кумсай, расположенного в непосредственной близости, остаются неясными. Некоторые детали, в частности керамический материал тазабагъябского облика, позволяют сделать вывод, что степная составляющая в погребальном обряде данных памятников имеет отличия, в то время как древнеземледельческий компонент одинаков и относится к молалинской традиции. По словам местных жителей, уже более 30 лет использующих данный участок земли в качестве кладбища, при выкапывании могил встречаются только человеческие кости и керамика (целые сосуды). При этом крупная речная галька не встречается, хотя, как известно, в Кумсае большое количество крупных камней использовалось для заклада входной ямы в каждом погребении. Таким образом, в погребальном обряде могильников Кумсай и Кумсай 2 фиксируются определенные различия, которые могут свидетельствовать о том, что данные памятники оставлены разными культурными группами населения, обитавшими здесь в середине II тыс. до н. э.

Исследования смешанных археологических комплексов, таких как могильник Кумсай, расширяют наши знания об уровне материальной культуры и формах культурных связей древнего населения эпохи бронзы Средней Азии.

Виноградова и др., 2009 – Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в 2007 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2009. Вып. 31.

Виноградова, Пьянкова, 1990 – Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1990. Вып. 17.

Итина, 1977 – Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.). М., 1977 (ТХАЭЭ; Т. 10).

Кутимов, 2013 – Новые исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан) // АВ. 2013. № 19.

Рис. 3. Разведочный раскоп 5: 1 – план; 2 – разрез (а – переотложенный слой; б – дерн; в – гумус; г – лесс чистый; д – лесс с журавчиками); 3 – погребение 1, план (а–в – сосуды; г – пастовые бусы; д – бронзовые бусы); 4–5 – пастовые бусы; 6–7 – бронзовые бусы; 8–10 – сосуды

Fig. 3. Exploratory excavation no. 5: 1 – plan; 2 – section (а – re-deposited layer; б – topsoil; в – humus; г – pure loess; д – loess with lime concretions); 3 – burial 1, plan (а–в – pottery; г – paste beads; д – bronze beads); 4–5 – paste beads; 6–7 – bronze beads; 8–10 – pottery

Excavations of 2013 at the Late Bronze Age cemetery of Kumsay (Tajikistan)

Yu. G. Kutimov

This paper is dedicated to results of excavations of the Late Bronze Age burial ground of Kumsay situated in the western part of the Hissar valley in Tajikistan. The cemetery of Kumsay was discovered in 1987 during construction of an irrigation canal at the eastern outskirts of the M. Gorky kishlak (village) six kilometres north from the local administrative centre – the town of Tursunzade. In the course of archaeological excavations in 1987–1988, twenty one burials of the Late Bronze Age have been found (*Виноградова, Пьянкова, 1990*). In 2007, exploratory excavations were conducted at the cemetery of Kumsay where they resulted in uncovering of a burial of the Late Bronze Age (*Виноградова et al., 2009*).

By excavations of 2012, still other five burials of the Late Bronze Age with new materials of the type unknown before in the territory of Tajikistan were investigated. In one of the burials, a temple pendant with three cone projections was found. Ornaments closest to it in their shape are represented by the so-called ‘three-bead’ pendants from Sumbar burial grounds of Southwestern Turkmenistan and the settlement-site of Kokcha 15 of the Tazabag'yab culture in the lower Aral area. The parallels possibly include also hook-shaped pendants found in the assemblages of the

cemeteries of Kumsay, Dashti-Kozi, Tuyun and Buston 6. A fluted ceramic vessel found together with a pendant in the same grave is of a pot-like shape typical to Fedorovo pottery. It has an outturned rim and smooth profile of the body but was made on the potter's wheel in agricultural ceramic traditions and is kiln-fired under a high temperature. The types of grooved bracelets, as well as bronze and paste beads from burials of Kumsay are characteristic of Andronovo (Fedorovo) sites in the Zeravshan Valley (Dasht-Kozi, Chaka, Muminabad) (*Кутимов, 2013*).

In 2013, excavations of the cemetery of Kumsay were continued, however no new burials were discovered so that the cemetery of Kumsay seems to have been excavated completely. During exploratory field works, 180 m to the north from the cemetery of Kumsay, another burial ground of the Late Bronze Age named Kumsay 2 was discovered in the upper part of a hill. Its location was marked by finds of agricultural pottery and a burial of the steppe type. Pottery of Kumsay 2 differs from that of the cemetery of Kumsay. The jars of the steppe type (Fig. 3, 8–10) have parallels among traditional pottery of the Tazabag'yab culture in the southern Aral area. Pitifully, this burial ground is overlaid by a modern cemetery so that the prospects of its excavation are extremely limited.

«ИДОЛИЩЕ» СО СТАНЦИИ РУЧЬИ

Е. Р. Михайлова¹

Аннотация. Заметка посвящена случайной находке антропоморфной бронзовой статуэтки на территории Санкт-Петербурга. Фигурка находит аналогии среди наскальных изображений эпохи бронзы в Южной Скандинавии и, вероятно, должна рассматриваться в контексте немногочисленных артефактов эпохи бронзы, обнаруженных при раскопках в устье Охты в Петербурге.

Annotation. This note describes a stray find of an anthropomorphic bronze statuette from Saint Petersburg. This figurine has parallels among the rock representations of the Bronze Age in Southern Scandinavia. It probably must be considered within the context of generally not numerous artefacts of the Bronze Age retrieved from excavations at the mouth of the Okhta River in Saint Petersburg.

Ключевые слова: случайная находка, эпоха бронзы, Санкт-Петербург, Скандинавия.
Keywords: stray find, Bronze Age, Saint Petersburg, Scandinavia.

В начале 2003 г. Глеб Сергеевич Лебедев принес в Лабораторию (тогда – Центр «Петроскандика» Санкт-Петербургского университета) переданную ему небольшую бронзовую фигурку, тут же единогласно нареченную «идолищем». Курьезная фигурка была случайно найдена мальчишками в канаве рядом с железнодорожной станцией Ручьи в Ленинграде в 1962 г. и долгое время хранилась дома у знакомых Глеба Сергеевича.

Это довольно грубая антропоморфная статуэтка высотой чуть более 15 см, из темно-коричневого медного сплава, с хорошо заметными литейными швами и неснятым облоем, оканчивающаяся внизу коротким стержнем для крепления фигурки на какой-то поверхности. Она изображает рогатого (или облаченного в рогатый шлем) мужчину с поднятыми руками; в правой руке существо держит удлинённый предмет (дротик или короткий меч?), как бы собираясь метнуть его или нанести колющий удар. Металл хорошей сохранности, на выступающих деталях стерт до блестящих желтых пятен (рис. 1).

Похожий рогатый персонаж нередко встречается на петроглифах Южной Скандинавии, датирующихся бронзовым веком (Лебедев, 2005. С. 86–93; Arrhenius, 1987. Р. 257–266; Goldhahn, Ling,

2013. Р. 270–290; Ling, Rowlands, 2013. Р. 89–104; Toreld, 2015. Р. 167–176).

В тот юбилейный год Глеб Сергеевич был поглощён работой над книгой об эпохе викингов в Северной Европе и на Руси, и часто не мог удержаться от соблазна изобразить еще один кусочек той эпохи в собственной жизни. Повезло и «идолищу» – ему было назначено разделить судьбу языческих святилищ в христианизируемой Европе. Неустойчиво балансирующий на стержне-подставке идол был воткнут в маленькую сувенирную свечку и «окроплен святой водой»: помещен в картонную коробку из-под ампулы с водой из реки Иордан.

В мае 2003 г. идол экспонировался на юбилейной выставке «300 лет Петербурга. 300 лет во славу России» в Михайловском манеже, на стенде, посвященном археологии Петербурга, но особенного интереса ни у посетителей, ни у коллег тогда не вызвал: в Петербурге нет недостатка ни в привозных диковинах, ни в разнообразных подделках. Отдельные находки необычных древностей если и случаются, наводят скорее на мысли о потере коллекционера.

В 2005 г. статуэтка, по-прежнему воткнутая в стеариновую свечку и упакованная в «иорданскую коробку», была передана в Музей истории СПбГУ как предмет, связанный с известным преподавателем Университета, и на этом можно было бы закончить историю о забавном медном уродце.

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. Санкт-Петербургский государственный университет, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева. E-mail: e.mikhailova@spbu.ru

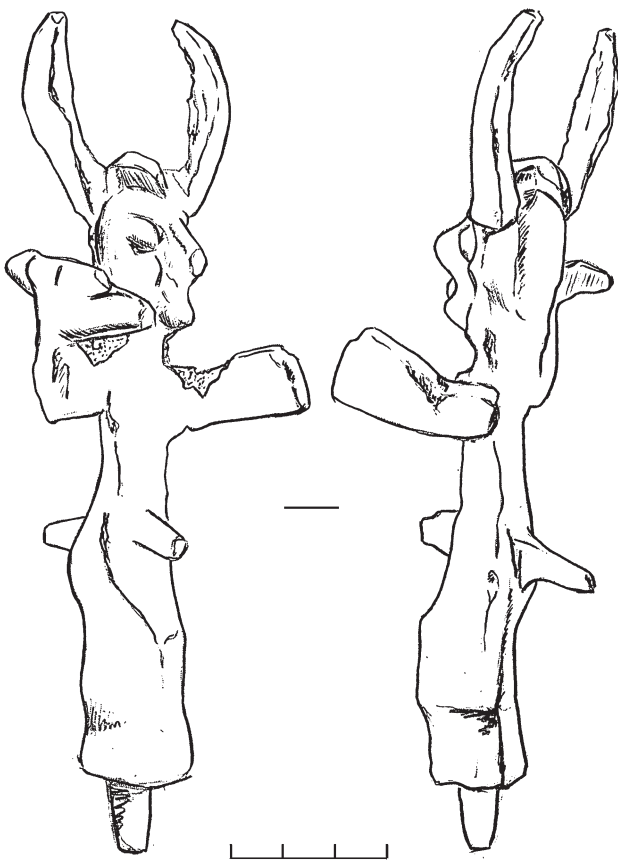

Рис. 1. Бронзовая фигурка, найденная близ станции Ручьи (рисунок автора)

Fig. 1. Bronze figurine found near the railway station of Ruch'yi (drawing by the author)

Однако результаты последующих раскопок в Петербурге, возможно, позволяют взглянуть на находку по-новому.

Река Охта, на правом берегу которой расположена станция Ручьи, – крупный правый приток Невы, берущий свое начало у Центральной возвышенности Карельского перешейка, на южных склонах Лемболовских высот. Камовые Лемболовские, Токсовские и Колтушские высоты, составляющие Центральную возвышенность, представляют собой местность, чрезвычайно благоприятную для человеческой жизни и ведения хозяйства.

Древнейшие следы обитания здесь человека относятся к каменному веку. Памятники каменного века известны близ озер Лемболовского, Кавголовского и Хепоярви и в основном относятся к развитому неолиту (Герасимов и др., 2003. С. 8–9).

На протяжении средневековья, нового и новейшего времени (вплоть до Второй мировой войны) эти районы были густо заселены. Так, в частности, писцовая книга 1500 г. только по берегам Невы упоминает 55 поселений, на берегах Охты – 12 (Гиппинг, 2003. С. 317–318).

В устье Охты, под городскими напластованиями Ниена, выявлены разновременные материалы древнейших эпох. Помимо отложений неолитического времени, здесь встречены комплексы и отдельные находки эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья, свидетельствующие о продолжающейся человеческой активности в районе Охтинского мыса (Сорокин и др., 2009. С. 205–221; Сорокин и др., 2011. С. 368–382).

Поскольку параллели этому антропоморфному изображению лучше всего представлены среди петроглифов Скандинавии эпохи бронзы, есть основания связать статуэтку с находками того же времени на Охте. Поэтому основная цель этой короткой заметки – обратить внимание коллег на артефакт, возможно, связанный со скандинавскими культурами эпохи бронзы и, может быть, побудить специалистов дать точную культурно-хронологическую характеристику этого предмета.

Герасимов и др., 2003 – Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка. СПб., 2003.

Гиппинг, 2003 – Гиппинг А. И. Введение в историю Санкт-Петербурга, или Невы и Ниеншанц / пер. и вступ. ст. акад. А. С. Лаппо-Данилевского (1909, Санкт-Петербург). СПб., 2003.

Лебедев, 2005 – Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Сорокин и др., 2009 – Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М., Глухов В. О., Екимов А. А., Кулькова М. Н., Мокрушин В. П. Некоторые результаты изучения поселения Охта-1 в Санкт-Петербурге: Эпоха неолита – раннего металла // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2009. Вып. 3 / ред. П. Е. Сорокин.

Сорокин и др., 2011 – Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Гукин В. Д. Находки эпохи бронзы – раннего средневековья на Охтинском мысу // Европейская Сарматия. Сборник, посв. Марку Борисовичу Шукину. По материалам конф., провед. в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской / отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб., 2011.

Arrhenius, 1987 – Arrhenius B. 'The evil eye: a sociobiological approach to the interpretation of rock carvings' // Theoretical approaches to artefacts, settlement and society: Studies in honour of Mats P. Malmer / ed. G. Burenhult. Oxford, 1987. (BAR International Series; Vol. 366).

Goldhahn, Ling, 2013 – Goldhahn J., Ling J. Scandinavian Bronze Age Rock Art – contexts and interpretations // Handbook of European Bronze Age / Fokkens, Harry & Harding, Anthony (eds.). Oxford, 2013.

Ling, Rowlands, 2015 – Ling J., Rowlands M. The 'Stranger King' (bull) and rock art // Picturing the Bronze Age / ed. by P. Skoglund, J. Ling & U. Bertilsson. Oxford (Philadelphia), 2015.

Toreld, 2015 – Toreld A. Sword-wielders and manslaughter. Recently discovered images on the rock carvings of Bradstad, western Sweden // Picturing the Bronze Age / ed. by P. Skoglund, J. Ling & U. Bertilsson. Oxford (Philadelphia), 2015.

The 'Idol' from the railway station of Ruch'yi

E. R. Mikhaylova

This note describes a stray find of an anthropomorphic bronze statuette from Saint Petersburg. This artefact is housed in the Museum of History at Saint Petersburg State University. We are dealing here with a small coarse anthropomorphic figurine representing a horned figure with raised hands. In its right hand the creature holds an elongated object.

A similar figure is found on petroglyphs in Southern Scandinavia which are dating from the Bronze Age.

During recent excavations at the mouth of the Okhta River (three kilometres to the south from the findspot of the figurine under consideration), layers of different periods, including those dated to the Palaeometal and Bronze ages, have been investigated. Probably, the 'idol' here published must be considered within the context of these finds.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ МЕХОВОЙ ОДЕЖДЫ ИЗ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЫ

О. Ф. Чернова, В. С. Бусова¹

Аннотация. В статье представлены результаты исследования образцов меха с шуб из курганов скифского времени с территории Центральной Тувы (могильники Сыпучий Яр, Бай-Даг 6, Саускен 3, Эки-Оттуг 1, Суглуг-Хем 1, Сарыг-Булун, Кош-Пей 1). Изучение проводилось с помощью сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) на базе Института проблем экологии и эволюции РАН (Москва). Исследовано строение поверхности и слоев волос на поперечных и продольных срезах. На основании анализа семи проб удалось пополнить знания о меховой сырьевой базе кочевых народов Центральной Тувы в I-м тыс. до н. э. и проследить некоторые отличительные особенности, т. е. локальную традицию создания верхней одежды.

Annotation. This article presents the results of investigation of samples of fur from kurgans of the Scythian period in the central area of the Republic of Tuva (cemeteries of Sypushiy Yar, Bay-Dag 6, Sausken 3, Eki-Ottug 1, Suglug-Khem 1, Saryg-Bulun, Kosh-Pey 1). The studies were conducted using scanning electronic microscopy (SEM) at the Institute of Problems of Ecology and Evolution RAS (Moscow). The object of the studies was to identify the structure of the surface and hair layers in the transversal and longitudinal sections. Analysis of seven samples has supplemented our knowledge on the fur sources of nomadic peoples of Central Tuva in the 1st millennium BC and traced certain peculiarities in the local tradition of making outerwear.

Ключевые слова: идентификация, сканирующая электронная микроскопия, шубы, ранний железный век, Центрально-тувинская котловина.

Keywords: identification, scanning electronic microscopy, fur coats, Early Iron Age, Central Tuvinian basin.

Введение. Изделия из органических материалов сохраняются в древних захоронениях не только благодаря наличию мерзлоты в погребальной камере, но и под воздействием многих других факторов. Например, предметы из медного сплава, часто входящие в состав погребального инвентаря в скифскую эпоху, в процессе археологизации могут создавать вокруг себя консервирующую среду. Поэтому соприкасающиеся с ними изделия из органических материалов, пропитанные окислами меди, часто сохраняются целиком (ремни, ножны, кошельки и т. д.) или фрагментарно, если речь идет об одежде (лоскуты ткани, фрагменты кожи, меха

и т. д.). За последние 30 лет в процессе археологических изысканий Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (с 1984 по 1993 г.), а затем Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН (руководители работ – Вл. А. Семенов и М. Е. Килуновская) была собрана коллекция фрагментов меховых изделий из курганов скифского времени (рис. 1). В большинстве случаев интерпретация назначения тех или иных изделий осложнена обстоятельствами находки (потревоженное погребение) и сохранностью изделий. Почти весь мех, обнаруженный при исследовании археологических объектов, – разных оттенков коричневого цвета, поэтому визуальный осмотр не дает возможности представить точное определение происхождения сырья, из которого было создано то или иное изделие. Оставаясь в сфере предположений, мы способны лишь рассмотреть крой некоторых изделий. Вместе с тем комплексное междисциплинарное изучение, осуществленное в тесном сотрудничестве со специалистами из Института проблем экологии и эволюции

¹ Чернова О. Ф. – Россия, 119071, Москва, Ленинский проспект, д. 33. Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН. Лаборатория морфологических адаптаций позвоночных. E-mail: chernova@sevin.ru

Бусова В. С. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа: стажер. E-mail: kulturrijkarm@gmail.com

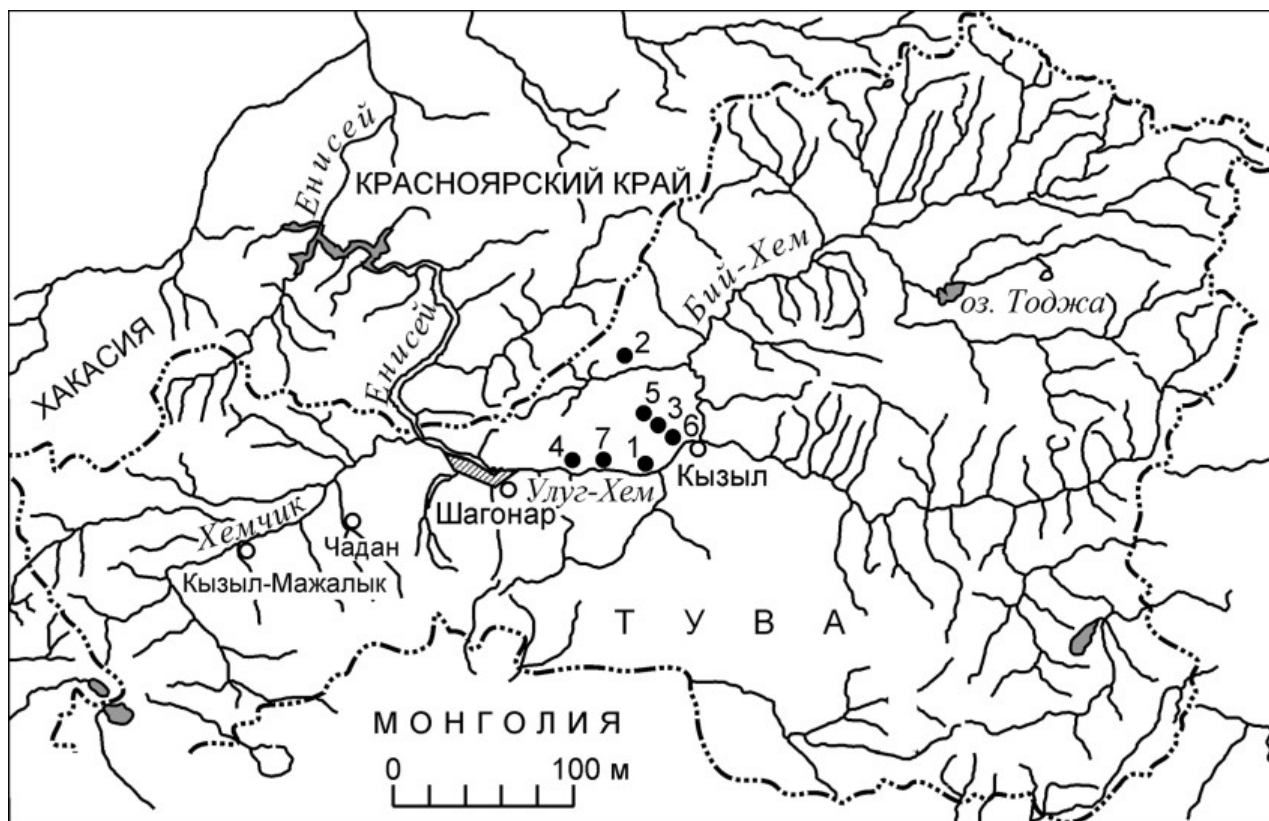

Рис. 1. Центральнo-Тувинская котловина. Могильники, из погребений которых были взяты пробы волос (номера на карте соответствуют номерам проб): 1 – Суглуг-Хем I; 2 – Кош-Пей I; 3 – Саускен 3; 4 – Сыпучий Яр; 5 – Эки-Оттуг I; 6 – Бай-Даг 6; 7 – Сарыг-Булун

Fig. 1. Central Tuvian basin. Burial grounds where samples of hair were collected (numbers in the map correspond to those of the samples): 1 – Suglug-Hem I; 2 – Kosh-Pey I; 3 – Sausken 3; 4 – Spuchiy Yar; 5 – Eki-Ottug I; 6 – Bay-Dag 6; 7 – Saryg-Bulun

им. А. Н. Северцева РАН (Москва), позволило получить новые данные о кожевенно-меховом сырье, использовавшемся древними кочевниками Центральнo-Тувинской котловины в I тыс. до н. э.

Происхождение образцов меха. В 1987–1997 гг. в Центральнo-Тувинской котловине, на правом берегу р. Енисей, в 32 км от г. Кызыла был исследован могильник Суглуг-Хем I (рис. 1, 1). В срубе № 2, относящемся к саглыньскому периоду, на костях погребенного № 3, лежавшего на левом боку, головой на запад, помимо кожаного мешочка с зеркалом, ножом и шилом, найдены фрагменты одежды из меха, кожи и ткани (Семенов, 2003. С. 8–9).

В 1987 г. в Турано-Уюкской котловине в процессе работ на могильнике Кош-Пей I (рис. 1, 2) были исследованы два больших кургана, относящихся к погребениям высших слоев общества древних кочевников. Из кургана 2, ограбленного еще в древности, из-под шести бронзовых зеркал были извлечены фрагменты мумифицированных челове-

ческих тел и беспорядочные фрагменты светлого длинного меха, скорее всего относящиеся к верхней одежде погребенных (Семенов, 1994. С. 186).

В ходе работ 2011 и 2014 гг. в Центральнo-Тувинской котловине, в долине р. Эрбек был исследован могильник Саускен 3 (рис. 1, 3), состоявший из 15 курганов скифского времени. В кургане 11 у южной стенки сруба, под бронзовым зеркалом был найден фрагмент двухслойной меховой одежды (мехом внутрь и наружу). В литературе ошибочно указано, что это чехол для зеркала (Килуновская и др., 2015. С. 211). Однако на сохранившемся фрагменте хорошо прослеживается крой «квадратами», сшитыми сухожильными нитями соединительным швом, уже признанный классическим для скифской верхней одежды ($12,8 \times 8,8 \times 0,2$ см). Кромки изделия отсутствуют, но можно предположить, что это была двухслойная шуба. Поражает мастерство техники, которое не ожидаешь встретить в рядовом кургане уюкско-саглыньского

периода: «квадраты» меха шириной 4,3 см² сшиты одинарной некрученной нитью, стежком через 1 мм.

В 1995–1996 гг. в Центрально-Тувинской котловине, на правом берегу р. Енисей, в 12 км к западу от пос. Баян-Кол был исследован могильник алдыбельской культуры Сыпучий Яр (рис. 1, 4). Из погребения 3 единого курганного комплекса, состоявшего из трех последовательно пристроенных друг к другу сооружений (объекты 3, 4, 5), происходит образец темно-коричневого меха. Определить расположение взятого образца в могиле не представляется возможным, так как погребение было ограблено (Семенов, 1997. С. 33).

В 2012 г. в Центрально-Тувинской котловине, в долине р. Эрбек, на могильнике Эки-Оттуг 1 (рис. 1, 5) был раскопан ряд алды-бельских курганов и курганов уюкского типа. В кургане 5, на дне могильной ямы было обнаружено бронзовое зеркало с ручкой, расположенной по центру, и фрагментом меховой одежды под ним (Килуновская, Семенов, 2013. С. 211).

В 2012 г. в Центрально-Тувинской котловине, на р. Эрбек был исследован курган 6 могильника Бай-Даг 6, относящийся к алды-бельской культуре. В непо потревоженном погребении 2 в могиле 1 (рис. 1, б) рядом с бронзовым зеркалом с бортиком и петлевидной ручкой по центру (над и под зеркалом) располагались изделия из органических материалов и их фрагменты. На зеркале, со стороны петли, сохранился фрагмент шерстяной ткани; само изделие было помещено в двухсторонний чехол, сшитый переметочным швом из полосок тонкой светлой кожи; на лицевой стороне зеркала сохранились фрагменты более грубой верхней меховой одежды светлого меха (Килуновская, Семенов, 2013. С. 199, 206).

В 1988 г. в Центрально-Тувинской котловине, на правом берегу р. Енисей был исследован могильник Сарыг-Булун, относящийся к алды-бельской культуре (рис. 1, 7). В могиле 5 было обнаружено захоронение мумифицированного подростка 14–15 лет, совершенное в колоде. Отсюда происходят единственные взятые *in situ* образцы верхней одежды. Хорошо прослеживается крой кафтана-шубы, сшитой из меховых прямоугольников размером 4,7 × 10,5 см (усредненная величина при условии естественной деформации разных частей одежды). Образцы взяты с так называемого «хвоста» шубы (11,5 × 5,7 см), который

являлся достаточно типичной деталью верхней одежды скифского времени (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 57), и с рукавов. Хорошая сохранность комплекса обусловлена тем, что он не был потревожен в древности и был герметично замкнут (лиственничная колода с крышкой) (Семенов, Килуновская, 1990. С. 43).

Во всех описанных случаях речь шла о фрагментах верхней меховой одежды, которые обычно ошибочно интерпретировались в качестве чехлов для зеркал. В действительности же выявленные следы примерного кроя изделий свидетельствуют о том, что меховая одежда погребенных из памятников скифского времени Тувы близка или аналогична меховой одежде из погребений таштыкской культуры Южной Сибири (Вадецкая, 1986. С. 137) – вещи сшиты в технике лоскутного шитья, в некоторых случаях в два слоя: мехом внутрь и наружу, что отличает их от шуб из курганов пазырыкской культуры (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 51).

Морфологическую идентификацию всех этих меховых фрагментов до сих пор не проводили. Цель настоящей работы – восполнить этот пробел и попытаться с помощью современных методов исследования микроструктуры волос определить виды животных, шкуры которых были использованы для изготовления этих меховых изделий.

Материал и методы. Всего были изучены волосы из семи образцов шерсти.

– **проба 1** – фрагменты меховой одежды темно-коричневого оттенка из могильника Суглуг-Хем I, сруб 2 (1987–1997 гг.);

– **проба 2** – фрагменты рыжего меха из могильника Кош-Пей I, курган 2 (1987 г.);

– **проба 3** – фрагмент двухслойной шубы из могильника Саускен 3, курган 11 (2014 г.);

– **проба 4** – фрагменты неидентифицированного меха из могильника Сыпучий Яр, объекты 3, 4, 5 (один комплекс), погребение 3 (1996 г.);

– **проба 5** – фрагменты меховой одежды мехом наружу из могильника Эки-Оттуг I, курган 5 (2012 г.);

– **проба 6** – фрагмент меха с отверстиями для пришивания рядом с зеркалом в чехле из могильника Бай-Даг 6, объект 6, могила 1, погребение 2 (2012 г.);

– **проба 7** – образцы меховой шубы-кафтана из могильника Сарыг-Булун, погребение 5 (1988 г.).

Пробы 1, 2, 3, 4 представляли собой пучки по черневших фрагментов волос длиной не более 8 мм, склеенных черной или темно-коричневой массой, напоминающей сухую глину. Проба 5 содержала несколько черных плотных продольно расщепляю-

² Такая же ширина «квадрата» раскройки зафиксирована и на подоле шубы мальчика из погребения 5 могильника Сарыг-Булун (см. ниже).

щихся сгустков со слипшимися мелкими сильно поврежденными фрагментами волос, длина которых не превышала 12 мм, а также с многочисленными небольшими частицами окисленной меди, имеющими характерный бирюзовый цвет. Проба 6 состояла из пучка склеенных светлых и темных волос, достигающих в длину 15–17 мм. Проба 7 представляла собой пучок светло-коричневых волос, основания которых были склеены темно-желтым веществом, по-видимому, остатками кожного покрова. Максимальная длина волос достигала 20 мм. Все эти пробы состояли из довольно редких крупных остевых волос и многочисленных мелких остевых и пуховых волос.

Пробы фрагментов крупных остевых волос были разобраны на категории и порядки под бинокулярной лупой и путем измерения толщины волос в светооптическом микроскопе «Ампливал» (VEB Carl Zeiss, Jena), а также «Leica DMLS» с цифровой видеокамерой «Leica DMLS» (Германия) с использованием окуляра $\times 10$ и объективов $\times 10$; $\times 40$; $\times 63$. Тотальные препараты для световой микроскопии изготовлены путем последовательного обезвоживания фрагментов волос в спиртах с возрастающей концентрацией, просветления в ксилоле и их заключения в канадский бальзам. Самые крупные из фрагментов исследованы в сканирующих электронных микроскопах (СЭМ) JSM 840A («Jeol», Япония) и «TESCAN» (Чехия). Для СЭМ ископае-

мые волосы отмыть и обезжирить не удалось ввиду их хрупкости, они промыты в дистиллированной воде и проведены по спиртам с возрастающей концентрацией. Продольные и поперечные срезы сделаны острым бритвенным лезвием и наклеены на предметные столики с помощью бесцветного лака. Подготовленные препараты покрыты золотом методом ионного напыления на установке Edwards S-150 A (Великобритания), просмотрены и сфотографированы при ускоряющем напряжении 15 кВ. Электронограммы сделаны с продольных и поперечных срезов основания и середины фрагментов волос, а также с поверхности кутикулы вдоль стержня от основания до середины или вершины фрагмента.

Идентификацию проводили на основе созданной при участии одного из авторов базы данных по волосам млекопитающих (Чернова, Целикова, 2004; Чернова и др., 2011а; 2011б), где за основу взяты детали микроструктуры и архитектоники волос, в том числе у фоновых диких видов, ареалы которых включают Туву и особенно Тувинскую впадину (колонка, зайца-беляка, бурундука, ласки, лисицы, волка), а также лошадей и овец. Морфометрические показатели, полученные путем измерения микроструктур волос и использованные для дискриминантного анализа (указаны в табл. 1) предварительно стандартизованы (с помощью программы STATISTICA 10, «Statsoft», США).

Таблица 1. Морфометрические показатели тестируемых волос
Table 1. Morphologic characteristics of the studied hairs

Проба/вид	D_{\max} , мкм	D_{\max}/d	D_{\max}/M	D_{\max}/C
Проба 1	108 ± 6 $n = 2$	$1,6 \pm 0,2$ $n = 6$	$1,4 \pm 0,1$ $n = 6$	$2,5 \pm 0,3$ $n = 6$
Проба 3	107 ± 6 $n = 6$	$2,3 \pm 0,5$ $n = 4$	$2,2 \pm 0,3$ $n = 4$	$2,6 \pm 0,4$ $n = 4$
Проба 4	108 ± 7 $n = 2$	$2,0 \pm 0,3$ $n = 6$	$1,9 \pm 0,1$ $n = 6$	$2,5 \pm 0,6$ $n = 6$
Проба 5	116 ± 31 $n = 5$	$2,4 \pm 0,6$ $n = 5$	$1,6 \pm 0,3$ $n = 5$	$10 \pm 1,6$ $n = 5$
Проба 6	99 ± 13 $n = 5$	$2,7 \pm 0,5$ $n = 5$	$1,2 \pm 1,3$ $n = 5$	$10,9 \pm 4,7$ $n = 5$
Лошадь Пржевальского, спина*	104 ± 4 $n = 2$	$2,0 \pm 0,3$ $n = 6$	$1,9 \pm 0,1$ $n = 6$	$2,5 \pm 0,6$ $n = 6$
Лошадь Пржевальского, грива*	113 ± 4 $n = 3$	$1,4 \pm 0,7$ $n = 2$	$1,4 \pm 0,2$ $n = 2$	$2,1 \pm 0,1$ $n = 2$
Лошадь башкирская, спина*	$98 \pm 5,9$ $n = 5$	$2,7 \pm 0,2$ $n = 5$	$1,2 \pm 1,3$ $n = 5$	$11,7 \pm 1,2$ $n = 5$
Ленская лошадь, спина*	77 ± 5 $n = 5$	$2,5 \pm 0,8$ $n = 5$	$1,5 \pm 0,2$ $n = 5$	$8,8 \pm 1$ $n = 5$

Проба/вид	D_{\max} , мкм	D_{\max} / d	D_{\max} / M	D_{\max} / C
Проба 2	131 ± 16 $n = 2$	$5,6 \pm 2,3$ $n = 7$	$1,6 \pm 0,6$ $n = 7$	$1,2 \pm 0,6$ $n = 7$
Заяц-беляк	130 ± 2 $n = 2$	$4,4 \pm 1,5$ $n = 7$	$1,9 \pm 0,9$ $n = 7$	$1,3 \pm 0,5$ $n = 7$
Проба 7	34 ± 9 $n = 4$	$1,1 \pm 0,1$ $n = 4$	$1,5 \pm 0,2$ $n = 4$	$1,9 \pm 0,8$ $n = 4$
Тушканчики**	31 ± 10 $n = 10$	$1,2 \pm 0,1$ $n = 10$	$1,3 \pm 0,2$ $n = 10$	$1,7 \pm 0,6$ $n = 10$

Примечания: D_{\max} – максимальный диаметр волоса на поперечном срезе стержня; D_{\max} / d – отношение максимального диаметра волоса к его минимальному диаметру на поперечном срезе стержня; D_{\max} / M – отношение максимального диаметра волоса к максимальному диаметру сердцевинки на поперечном срезе стержня; D_{\max} / C – отношение максимального диаметра волоса к высоте кутикулярной чешуйки на стержне; n – число промеров;

* – приведены средние промеры ости I, выполненные по электронограммам из: Чернова и др., 2011б;

** – приведены средние промеры ости I для семи видов тушканчиков (малого, монгольского, тарбаганчика, толстохвостого, жирнохвостого, Козлова, Гептнера), выполненные по электронограммам из: Чернова, Целикова, 2004, с. 262–275.

Результаты. В результате проведенного сравнительно-морфологического и статистического анализов микроструктуры тестируемых фрагментов волос нами установлено, что волосы пробы 2 принадлежали зайцу *Lepus spp.*, с большой степенью вероятности, зайцу-беляку *L. timidus*; пробы 1, 3, 4, 5 и 6 – лошади *Equus spp.*, возможно, пробы 1, 3 и 4 – лошади Пржевальского *E. przewalskii*, причем с разных участков кожного покрова: проба 1 – волосы гривы, а пробы 3 и 4 – со спины. Волосы проб 5 и 6 также взяты со спины, причем волосы пробы 5 похожи на волосы со спины как лошади Пржевальского, так и вымершей ленской лошади *E. lenensis*, а волосы пробы 6 сходны с волосами со спины рецетной лошади аборигенной башкирской породы. Волосы пробы 7 определены нами как принадлежащие грызуну – представителю семейства тушканчиковых (*Dipodidae*).

Микроструктура. Пробы 1 и 3. Микроструктура волос из проб 1 и 3 свидетельствует, что волосы принадлежали лошади и были взяты с гривы. Они отличаются правильным или немного уплощенным цилиндрическим стержнем с хорошо развитой сердцевинкой (ее внутренняя структура не видна в СЭМ, но различима при световой микроскопии) (рис. 2, 1, А). Сравнение с волосами гривы лошади Пржевальского (рис. 2, 1, Б) показало, что помимо сходства конфигурации волос и степени развития сердцевинки, а также неровной границы между корковым слоем и сердцевинкой, волосы имеют сходный орнамент кутикулы (рис. 2, 1, В–Г).

Проба 2. Большинство тестируемых волос из пробы 2 принадлежит зайцу (рис. 2, 2). Идентифи-

кация волос этого вида не представляет трудности, поскольку крупные остевые волосы зайцев имеют характерную форму. Сравнение волос из пробы 2 с волосами зайца-беляка показывает большое сходство их микроструктуры. Так, срединная часть стержня сильно расширена и уплощена, а по его вентральной и дорсальной сторонам проходит по глубокой борозде, и поэтому поперечник имеет характерную гантелевидную форму (рис. 2, 2, А, В). Сердцевина хорошо развита, но полностью разрушена у волос пробы 2, так что ее микроструктура различима лишь при светооптическом микроскопировании, но не в СЭМ. У взятого для сравнения зайца-беляка сердцевина содержит крупные прямоугольные с закругленными углами полости (рис. 2, 2, Б), которые тянутся несколькими рядами вдоль стержня, образуя характерную для зайцев так называемую «колонную сердцевину». У сравниваемых волос орнамент кутикулы сходно меняется по стержню, особенно в местах его сужения и бороздчатости (рис. 2, 2, В–Г), а выше основания имеется участок с шевронным орнаментом, образованным вытянутыми вдоль стержня чешуйками и помогающим идентифицировать волосы зайцев. Еще выше по стержню кутикула становится уплощенной полукольцевидной.

Проба 4. Фрагменты волос из пробы 4 имеют незначительно уплощенный с боковых сторон стержень и относительно слабо развитую сердцевину, и хотя сердцевина полностью разрушена и не видна в СЭМ (рис. 2, 3, А), световая микроскопия позволяет полагать, что эти волосы сходны с волосами со спины лошадей. Сравнение с волосами

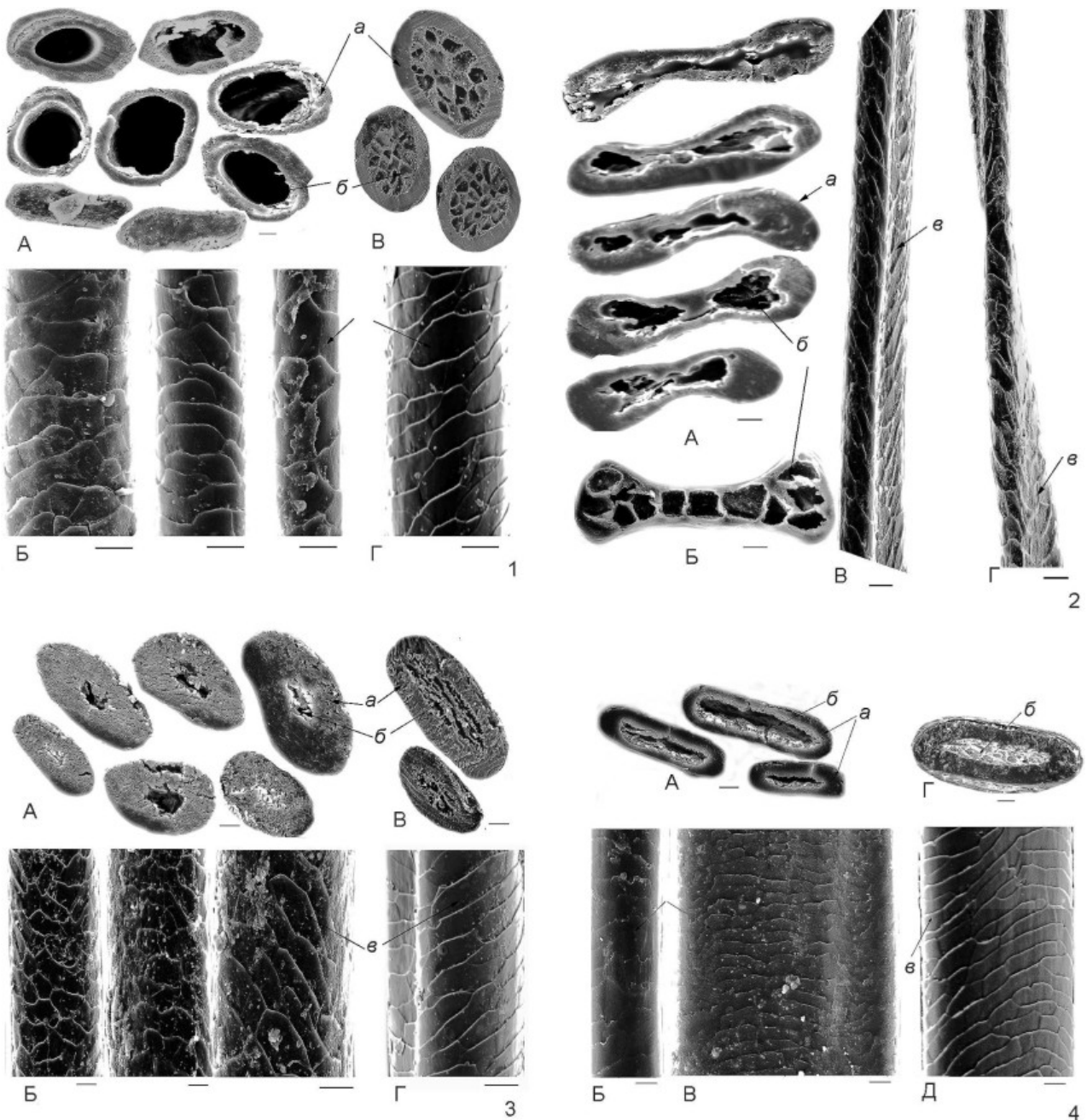

Рис. 2. Микроструктура фрагментов волос: 1 – проба 1 (А–Б) и волос гривы лошади Пржевальского (Б–Г): А, В – поперечные срезы стержня; В, Г – кутикула; 2 – проба 2 (А, В) и волос взрослого самца зайца-беляка (Б, Г): А, Б – поперечные срезы стержня; В, Г – кутикула в области продольной борозды на стержне; 3 – проба 4 (А–Б) и волос спины лошади Пржевальского (Б–Г): А, В – поперечные срезы стержня; Б, Г – кутикула; 4 – проба 6 (А–Б) и волос взрослой самки домашней лошади башкирской породы (Г–Д): А, Г – поперечные срезы стержня; Б – кутикула основания стержня волоса; В, Д – то же в наиболее расширенной части фрагмента

Условные обозначения: а – корковый слой; б – сердцевинный слой (у пробы 2 разрушен полностью); в – кутикулярный слой. СЭМ. Масштаб 10 мкм

Fig. 2. Microstructure of fragments of hair: 1 – sample 1 (A–B) and hair of Przewalski's horse's mane (B–Г): A, B – cross-sections of the pivot; В, Г – cuticle; 2 – samples 2 (A, B) and of an adult white-hare (Б, Г): A, Б – cross-cuts of the pivot; В, Г – cuticle in the area of the longitudinal sulci on the pivot; 3 – sample 4 (A–B) and hair from the back of Przewalski's horse (B–Г): A, B – cross-sections of the pivot; Б, Г – cuticle; 4 – sample 6 (A–B) and of an adult female of domestic horse of the Bashkir race (Г–Д): A, Г – cross-sections of the pivot; Б – cuticle of the base of the hair pivot; В, Д – the same in the enlarged section of the fragment

Notation: а – cortical layer; б – medullary layer (entirely destroyed in sample 2); в – cuticular layer. SEM. Scale 10 μm

со спины лошади Пржевальского выявило определенное сходство конфигурации стержня волоса (рис. 2, 3, В) и особенностей орнамента кутикулы (рис. 2, 3, Б, Г). Так, для волос лошадей и, в частности, для лошади Пржевальского характерно наличие на стержне участков, на которых чешуйки кутикулы располагаются под углом (до 40–50°) к поперечной оси стержня (рис. 2, 3, Б, Г).

Пробы 5 и 6. Волосы из этих проб также можно отнести к волосам спины лошадей по следующим признакам (рис. 2, 4). Толстые (115–169 мкм) направляющие волосы имеют: (1) уплощенную цилиндрическую конфигурацию (рис. 2, 4, А); (2) длинную узкую ножку без сердцевинки; (3) короткую резко сужающуюся и непигментированную вершину без сердцевинки; (4) умеренно развитую сетчатую сердцевину, содержащую пигмент или лишенную его; (5) уплощенную кутикулу со слабо изрезанным краем и расположением чешуек поперек либо под углом к поперечной оси стержня (рис. 2, 4, Б–В). Сравнение микроструктуры волос из пробы 6 выявило качественные черты сходства с волосами со спины аборигенной башкирской породы домашней лошади (рис. 2, 4, Г–Д), а из пробы 5 – с волосами лошади Пржевальского и ленской лошади (встречалась в природе в северо-восточной части Сибири до конца XVIII в.), которые также сильно уплощены и имеют широкую продольную борозду и повороты стержня в местах его сужения.

Проба 7. Волосы собраны в небольшой пучок, в котором самые длинные из них достигают 20 мм. В пучке дифференцированы очень редкие прямые направляющие волосы толщиной до 68 мкм, многочисленные остевые волосы первого порядка (ости I) толщиной не более 34 мкм и более тонкие волосы, в том числе длинные слабо извитые (4–5 волны) толщиной не более 23 мкм и самые тонкие (не более 17 мкм) пуховые волосы. Сравнение степени дифференциации волос, а также их конфигурация и микроструктура соответствует описанной у тушканчиков (Соколов, 1973; Чернова, Целикова, 2004) (рис. 3, 1). Для остей характерны: (1) правильная цилиндрическая или незначительно уплощенная конфигурация стержня (рис. 3, 1, А, Г); (2) наличие длинных бесцветных прикорневой ножки и тонкого загнутого кончика, не содержащих сердцевинки; (3) постепенное утолщение стержня; (4) сужение стержня, в котором стержень перегибается под тупым углом; (5) одно- (в основании) или двурядная (выше по стержню) сильно пигментированная

сердцевина, в которой роговые диски лежат супротивно или чередуясь с небольшим перекрыванием по длине стержня; (6) многочисленность овальных пигментных гранул в сердцевине (рис. 3, 1, А); (7) кольцевидная кутикула, состоящая из крупных чешуек, с особенностями орнамента в области ножки (рис. 3, 1, Б–В, Д).

Морфометрия. Дискриминантный анализ морфометрических данных проб 1, 2, 3 и 4 (табл. 1) подтвердил разбиение тестируемых волос на три группы (рис. 3, 2).

В первую группу вошли показатели для волос пробы 2 и зайца-беляка, во вторую группу – то же для волос пробы 1 и волос гривы лошади Пржевальского, третью группу образовали показатели для волос проб 3 и 4 и волос со спины лошади Пржевальского, что подтверждает проведенную нами идентификацию по микроструктуре волос.

Сравнение морфометрических данных пробы 6 с таковыми у остевых волос спины домашней лошади башкирской породы не выявило статистически достоверных различий по t-критерию Стьюдента между выбранными параметрами (табл. 1). Для толщины волос $p = 0,88$; для $D_{\max}/d - p = 0,94$; $D_{\max}/M - p = 0,69$; $D_{\max}/C - p = 0,15$. Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что волосы пробы 6 принадлежали лошади, вероятно, породе, близкой к аборигенной башкирской. Аналогичный анализ, проведенный для волос пробы 5 и вымершей ленской лошади, показал отсутствие достоверных различий по всем морфометрическим показателям (соответственно $p = 0,9$; $0,22$ и $0,19$), за исключением максимальной толщины волос ($p = 0,02$), что находит объяснение в неидентичности размерных порядков сравниваемых остевых волос.

Морфометрия ости I из пробы 7 и средних данных по остевым волосам семи видов тушканчиков (табл. 1) не показала статистически достоверных различий между этими двумя группами. Так, при сравнении толщины волос по t-критерию Стьюдента $p = 0,59$; $D_{\max}/d - p = 0,55$; $D_{\max}/M - p = 0,09$; (4) $d - p = 0,68$. Соответственно, выполнить дискриминантный анализ не удалось из-за большого сходства показателей, что подтверждает принадлежность волос пробы 7 к волосам тушканчиков.

Обсуждение. Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что сырье, используемое для создания верхней меховой одежды древним населением Центрально-Тувинской

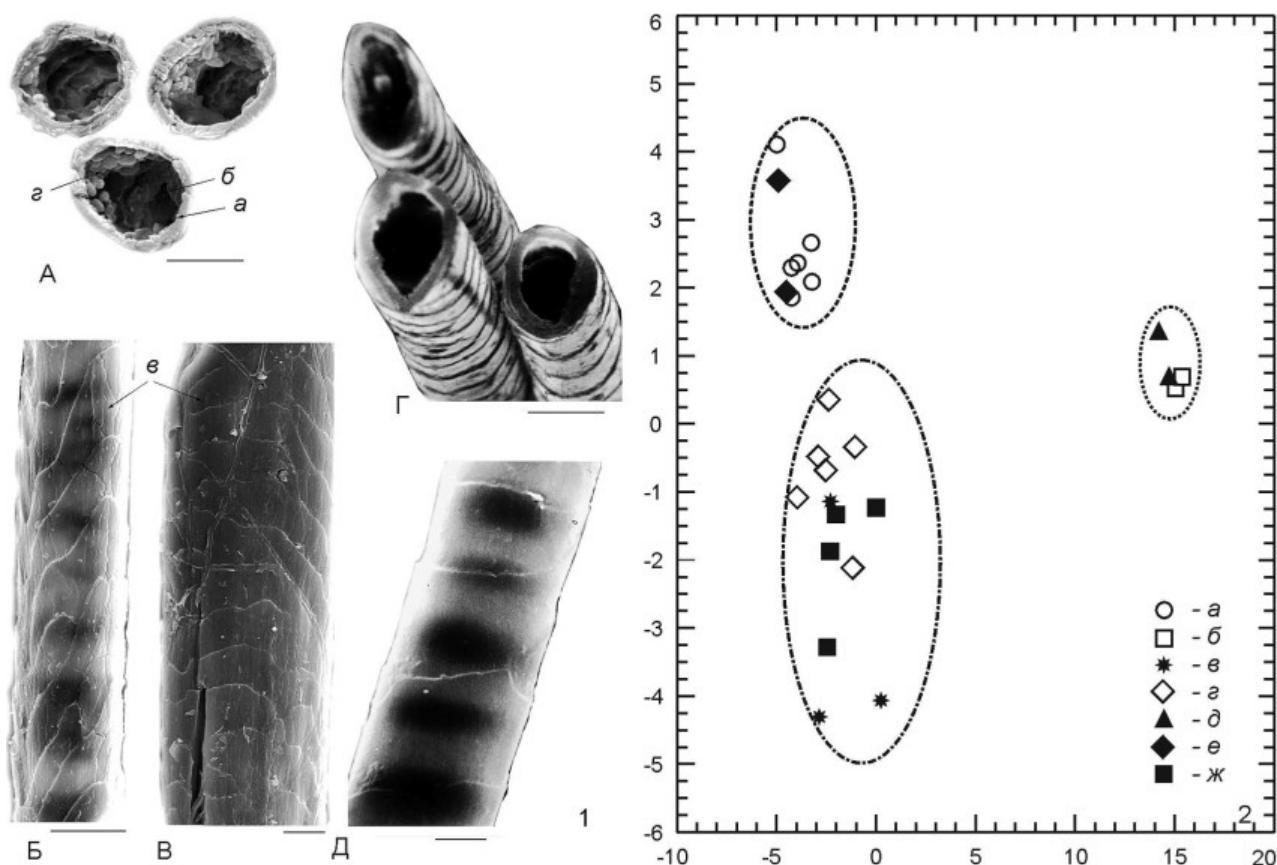

Рис. 3. 1 – микроструктура фрагментов волос пробы 7 (А–В) и волоса тушканчика Житкова (Г–Д): А, Г – поперечные срезы стержня; Б, В, Д – кутикула; 2 – визуализация дискриминантного анализа морфометрических данных для фрагментов волос из курганов Центральной Тувы (пробы 1–4) и волос рецентных видов млекопитающих (а – проба 1; б – проба 2; в – проба 3; г – проба 4; д – заяц-беляк; е – лошадь Пржевальского, грива; ж – лошадь Пржевальского, холка)

Условные обозначения к 3.1: а–в – как на рисунке 2; г – гранулы пигмента. СЭМ. Масштаб 10 мкм

Fig. 3. 1 – Microstructure of fragments of hair from sample 7 (A–B) and hair of Zhitkov's dipodid (Г–Д): А, Г – cross-sections of the pivot; Б, В, Д – cuticle; 2 – visual representation of the discriminant analysis of morphometric data of hair from barrows in Central Tuva (samples 1–4) and hair of recent species mammals (а – sample 1; б – sample 2; в – sample 3; г – sample 4; д – white-hare; е – Przewalski's horse, mane; ж – Przewalski's horse, withers)

Notations for 3.1: а–в – the same as in drawing 2; г – granules of the pigment. SEM. Scale 10 μm

котловины в I тыс. до н. э., достаточно разнообразно и отличается от используемого в это же время на территории Алтая (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 47, 51). Безусловно, все идентифицированные виды животных (домашние и дикие лошади, зайцы, тушканчики) обитали в этом регионе, если не непосредственно в самой котловине (например, тушканчики обычны в Убсунурской котловине), то в приграничных районах, то есть их шкуры могли поступать сюда как сырье или уже в составе готовых изделий.

Среди всех изученных нами проб преобладают волосы из шкур лошадей (в том числе, вероятно, и ныне вымершей дикой лошади), что неудивительно, принимая во внимание образ жизни древних скотоводов и кочевников. Удивительно то, что нами

не идентифицированы волосы крупного и мелкого рогатого скота, что, возможно, объясняется небольшой выборкой изученного материала. К сожалению, статистика по составу стада и преобладающим охотничьим промыслам населения Центрально-Тувинской котловины в I тыс. до н. э. отсутствует. Однако известно, что хозяйство носителей староалейской и быстрянской культур Приобья и предгорной зоны Алтая, в материальной культуре которых находится очень много параллелей с тувинскими материалами (Килуновская, 2015. С. 180–187), характеризуется как оседлое скотоводческое, с преобладанием крупного и мелкого рогатого скота, а в системе хозяйства населения Горного Алтая ведущее значение имеет лошадь (Абдулганеев, 1996. С. 151).

Необычной представляется шуба, в крое низа спины которой использовали удлиненную узкую фалду («хвост»)³, сшитая, как мы предполагаем, из меха тушканчиков. В пользу этого предположения говорит широкое распространение тушканчиков, возможность их массовой добычи, легкость обработки тонких шкур и изготовления из них одежды, особенно для детей.

Обращает на себя внимание тот факт, что мы имели дело с фрагментами верхней одежды, которая сохранилась во многом благодаря контакту с бронзовыми изделиями. Такими изделиями чаще всего являлись широко используемые древним населением Тувы зеркала из медного сплава, которые при погребении человека помещали возле головы или подвешивали на кожаном или шерстяном плетеном шнурке на поясе умершего. Важно отметить, что сохранившиеся чехлы для зеркал сшиты из тонкой светлой кожи (погребение 2, могила 1, курган 6 в могильнике Бай-Даг 6) или из войлока – чехол-сумочка с плато Укок (могильник Ак-Алаха-3, курган 1 (*Полосьмак, Баркова, 2005. С. 66*)). Поэтому можно сделать осторожное предположение, что мех не использовали для создания чехлов для подвешиваемых к поясу предметов.

Выводы. Во-первых, нами показано, что методы электронной сканирующей микроскопии вполне применимы для исследования археологического меха разной степени сохранности (в том числе благодаря консервирующим свойствам окислов меди) с целью идентификации видов пушно-меховых животных, шкуры которых кочевые народы использовали для изготовления предметов одежды и быта.

Во-вторых, в результате проведенного исследования нами установлено:

– фрагменты меховой одежды из могильника Суглуг-Хем I, сруб 2 (*проба 1*) и фрагмент двухслойной шубы из могильника Саускен 3, курган 11 (*проба 3*) были сшиты из шкуры лошади (вероятно с участка с гривой);

– фрагменты меха из могильника Сыпучий Яр, объекты 3, 4, 5, погребение 3 (*проба 4*), меховой одежды из могильника Эки-Оттуг I, курган 5 (*проба 5*) и фрагмент меха с отверстиями для пришивания из могильника Бай-Даг 6, объект 6, могила 2, погребение 1 (*проба 6*) также созданы из шкур лошадей (с холки или спины);

³ Весьма удобную при кочевом образе жизни (как теплая и мягкая подстилка для сидения на земле и в седле) (*Полосьмак, Баркова, 2005. С. 56*).

– фрагменты рыжего меха из могильника Кош-Пей I, курган 2 (*проба 2*) идентифицированы как принадлежащие зайцу-беляку;

– меховая шуба мальчика из могильника Сарыг-Булун, погребение 5 (*проба 7*) была сшита из шкурок тушканчиков (возможно, добытых в Убсунурской котловине).

Важно отметить разнообразие и доступность видов животных (лошадей, зайцев, тушканчиков), шкуры которых использовались населением скифского времени для изготовления верхней одежды. Отсутствие шкур овец и коз в исследованных фрагментах меха, возможно, объясняется недостаточной выборкой проб из захоронений, а также избирательностью сырья для создания погребальных одежд. Мех ценных пушных зверей, таких как колонок, ласка, соболь, лисица, волк, также не обнаружен в пробах, что можно объяснить не только трудностью добычи этих зверей, но и немногочисленностью исследованного материала. Дальнейшие исследования сырьевой базы позволят расширить наши знания о меховом и кожевенном ремесле населения Центрально-Тувинской котловины в скифское время.

Абдулганеев, 1996 – Абдулганеев М. Т. О хозяйстве населения лесостепного Алтая в скифское время // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996.

Вадецкая, 1986 – Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Килуновская, Семенов, 2013 – Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл-Курагино // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб., 2013. № 3.

Килуновская и др., 2015 – Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Эрбек в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб., 2015. № 5.

Килуновская, 2015 – Килуновская М. Е. Памятники скифского звериного стиля и ювелирные украшения из могильников в долине р. Эрбек (Тыва) // International Academic Conference «Ancient Cultures of Mongolia, Baikalian of Siberia and the Northern Area of China» (12–16 October 2015, Huhhot). 1. Huhhot, 2015. (На рус. и англ. яз.).

Полосьмак, Баркова, 2005 – Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск, 2005.

Семенов, Килуновская, 1990 – Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. Новые памятники раннего железного века в Туве // Инфор-

- мационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1990. № 17.
- Семенов, 1994 – Семенов Вл. А. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей 1 в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.
- Семенов, 1997 – Семенов Вл. А. Могильник Сыпучий Яр – новый памятник алды-бельской культуры на правом берегу Улуг-Хема // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997.
- Семенов, 2003 – Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб., 2003.
- Соколов, 1973 – Соколов В. Е. Кожный покров млекопитающих. М., 1973.
- Чернова, Целикова, 2004 – Чернова О. Ф., Целикова Т. Н. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М., 2004.
- Чернова и др., 2011а – Чернова О. Ф., Перфилова Т. В., Киладзе А. Б., Жукова Ф. А., Новикова В. М., Маракова Т. И. Атлас микроструктуры волос млекопитающих – объектов биологической экспертизы. М., 2011.
- Чернова и др., 2011б – Чернова О. Ф., Перфилова Т. В., Спаская Н. Е., Киладзе А. Б., Ибраев М. В. Атлас микроструктуры волос лошадей (Библиотека судебного эксперта). М., 2011.

Identification of fragments of fur clothes from kurgans of the Scythian period in Central Tuva

O. F. Chernova, V. S. Busova

In the course of archaeological investigations by the Tuva Archaeological Expedition of the Institute of the History of Material Culture RAS, from the late 1980s until 2015, *ad hoc* accumulation of fragments of fur coats had been taking place. The preservation of the materials of this kind became possible due to their contact with objects from copper-based alloys (mirrors). Studies of samples of fur from kurgans of the Scythian period using scanning electronic microscopy (Institute of Problems of Ecology and Evolution RAS) have succeeded in obtaining new data on the raw material base of animal provenance in Central area of the Republic of Tyva (Russian Federation). The tumuli under study were dated to the Scythian

period, i.e. the 1st millennium BC (burial grounds of Sypuchiy Yar, Bay-Dag 6, Sausken 3, Eki-Ottug 1, Suglug-Khem I, Saryg-Bulun, Kosh-Pey I). From seven samples of hair, five belong to Przewalski's horse (fragments from the mane, withers and back), one sample contains overhair of *Lepus timidus*. Still another sample was taken from an archaeologically complete fur coat from a burial in a wooden block (cemetery of Saryg-Bulun, grave 5) and was identified as the fur of jerboa. Further investigations of the sources of animal raw material will enable us to extend our knowledge on the leather-making among the population of the Central Tuvian basin in the Scythian period.

КУРГАН КУЛАКОВСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)

С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов¹

Аннотация. В статье впервые предлагается полная публикация материалов из скифского погребения в кургане, Кулаковского, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Анализ уникальных предметов искусства, декорированных в скифском зверином стиле, и предметов вооружения позволяет отнести данный памятник к кругу скифских воинских погребений степного Крыма последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э.

Annotation. In this article, a comprehensive publication of finds from a Scythian burial at the so-called Kulakovskiy's Barrow is presented. These objects are kept in the State Hermitage in St. Petersburg. Examination of these unique artefacts decorated in Scythian animal style and weaponry enables us to attribute the site in question to the circle of military burials in steppe Crimea of the last third or quarter of the 6th to the first third or quarter of the 5th century BC.

Ключевые слова: Крым, курган Кулаковского, погребение скифского воина, греко-скифский звериный стиль, бронзовые наконечники стрел.

Keywords: Crimea, Kulakovsky Barrow, burials of Scythian warriors, Graeco-Scythian animal style, bronze arrowheads.

Среди скифских памятников позднеархаического времени в Крыму курган Кулаковского занимает особое место. Этот курган, раскопанный профессором Киевского университета Ю. А. Кулаковским в бывшем Симферопольском уезде в 1895 г., содержал впускное погребение скифского воина. Найденные в погребении уникальные бронзовые предметы, выполненные в скифском зверином стиле, практически сразу были введены в научный оборот (ОАК за 1895, 1897. С. 17–18, рис. 32–34; С. 118, рис. 292–294), а крупная бляха с изображением свернувшегося хищника получила мировую известность (Minns, 1913. P. 257–258, fig. 181). Со второй половины XX в. в работах советских скифологов данный памятник получил название «курган Кулаковского» (Артамонов, 1966. С. 29–30; Яковенко, 1976. С. 130; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 90; Мелюкова, 1989. С. 102), которое используется и в настоящей работе.

¹ Колтухов С. Г. – Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, д. 2. Институт археологии Крыма, Отдел раннего железного века. E-mail: skoltukhov@mail.ru.

Сенаторов С. Н. – Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. E-mail: senatorov-s@yandex.ru.

© С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов, 2016

Несмотря на обширную историю исследований отдельных предметов этого памятника, материалы скифского погребения кургана Кулаковского полностью не издавались. Настоящая работа посвящена полной публикации материалов из скифского погребения в кургане Кулаковского, хранящихся в Государственном Эрмитаже².

Исследование скифских курганов Ю. А. Кулаковский предпринял в 1895 г. в долине правого берега р. Кача на землях помещиков Али-Паши Эмирова и Ревелиоти (ОАК за 1895, 1897. С. 17–19). Здесь исследователем были раскопаны четыре кургана. На вершине первого кургана стояла каменная «баба» – мужская скульптура с отбитой головой, средневекового времени. Подробная топографическая карта этого района была составлена военными картографами в 1890–1892 гг., однако на время раскопок она являлась недоступной для исследователя (Виноградов, 2009. С. 364–365). Поэтому Ю. А. Кулаковский для привязки к местности открытых курганов использовал карту П. И. Кеппена (ОАК за 1895, 1897. С. 117–118; Kennen, 1837.

² Авторы выражают искреннюю благодарность заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа д. и. н. А. Ю. Алексееву за помощь в работе с материалами и ценные советы.

С. 39)³. На этой карте (рис. 1, 1) возле перекрестка дорог, ведущих от села Отешель через имение Эвель-Шейх (ныне не существуют) к селам Калымтай (с. Тенистое) и Актаци (с. Фурмановка)⁴, как раз и была отмечена упомянутая «баба» (Кеппен, 1837. С. 39).

На верстовой карте (рис. 1, 2), составленной в 1892 г. коллежским ассессором Чуклиным, данная местность локализуется на внешней горной гряде, на плоской возвышенности правого берега р. Кача, примерно в центре долины между верховьем балки Ат-Коба (бывш. имение Эвель Шейх) и с. Фурмановка (бывш. Актаци). Также по сложившейся традиции (Яковенко, 1976. С. 130, 132; Скифские погребальные памятники, 1986. С. 41; Ольховский, 1991. С. 89, 92) можно считать, что раскопанные курганы располагались в 3,5 км к северо-западу от с. Долинное⁵.

К началу Великой Отечественной войны курган № 1, высота которого и до начала раскопок была небольшой (около 0,7 м), уже перестали фиксировать на топографических картах. Вероятно, его остатки были распаханы. Место расположения второго из раскопанных курганов, получившего впоследствии имя исследователя, было установлено в 90-е гг. прошлого века С. Г. Колтуховым (Колтухов, 1998. С. 17). Расположение остальных курганов точно не определено. С учетом того, что данная местность активно используется в агротехнических целях, можно предположить, что они также оказались распаханы.

Все четыре открытых кургана, судя по описанию Ю. А. Кулаковского (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1895 г. Д. № 90. ЛЛ. 21–24; ОАК за 1895, 1897. С. 17–19; 117–120), были сооружены в эпоху бронзы, а впускные могилы содержали погребения скифского, позднескифского и средневекового времени.

Достоверных данных о методике раскопок курганов нет. Можно предположить, что это был либо обширный «колодец» в центральной части курган-

³ По данным С. Л. Смекалова в основе карты П. И. Кеппена лежит карта, составленная генерал-майором Мухиным в 1817 г. Авторы выражают искреннюю благодарность С. Л. Смекалову за предоставленные материалы, подготовленные им в ходе работы по гранту РФФИ № 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки».

⁴ Имение Эвель Шейх, располагавшееся ранее к югу от с. Отешель в верховьях долины Ат-Коба, принадлежало в конце XIX в. помещику Али-Паше Эмирову, а с. Актаци входило в состав земель помещика К. Ф. Ревелиоти (Петрова, 2002. С. 165).

⁵ Современные с. Фурмановка и с. Долинное практически слились в один поселок.

ной насыпи, либо, что более вероятно, траншея. Методика раскопок курганов траншеями применялась в русской классической археологии начиная с 1831 г. и вплоть до рубежа XIX–XX вв. (Тункина, 2002. С. 328)⁶.

Курган № 2 или собственно «Курган Кулаковского» имел высоту 5 аршин (около 3,5 м), а диаметр – 25 аршин (около 18 м). В границах раскопанного участка, было обнаружено шесть захоронений (ОАК за 1895, 1897. С. 17–18, 118–119).

Находки из этого кургана, кроме части предметов скифского погребения 3, к сожалению, не сохранились. Поэтому определение культурной принадлежности и датировка остальных погребений этого кургана приводится лишь по краткому описанию Ю. А. Кулаковского (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1895. Д. № 90. ЛЛ. 21–22; ОАК за 1895, 1897. С. 17–18, 118–119)⁷.

Погребение 1 (эпохи бронзы) было совершено во впускной в материк гробнице в центральной части кургана. По краям и сверху гробница была обложена дубовыми брусками. Костяк лежал головой на северо-восток на спине с подогнутыми ногами. Подобная поза характерна для ямной и кеми-обинской культур и чрезвычайно редка в эпоху средней и поздней бронзы.

Погребение 2 (эпохи бронзы) было совершено в каменном ящике, сооруженном на материке в западной поле кургана недалеко от его центра. Ящик был составлен из плит, перекрытых одной каменной плитой. Внутренняя поверхность плит была украшена линейным орнаментом, нанесенным черной и красной красками. Костяк в скорченной позе лежал на подсыпке из мелкого речного камня на левом боку, головой на юго-восток. В его изголовье находилась камка. Погребение, без сомнения, относится к кеми-обинской культуре Крыма.

Два первых погребения, на основании краткого описания в отчете, можно уверенно отнести к эпохе ранней бронзы. При этом оба погребения в равной мере могут претендовать на роль основных в данном кургане. Остальные четыре погребения носят впускной характер.

Погребение 3 (скифское), которое будет подробно описано ниже, находилось в центре кургана и содержало захоронение скифского воина с ори-

⁶ К сожалению, при такой методике раскопок погребения в полках кургана, не затронутые траншеей, оказывались нераскрытыми.

⁷ Находки из других курганов, раскопанных Ю. А. Кулаковским в 1895 г., в фондах ЦМТ и Государственного Эрмитажа авторами не найдены.

Рис. 1. Расположение курганов Ю. А. Кулаковского: 1 – на карте П. И. Кеппена; 2 – по карте 1892 г.

Fig. 1. Situation of Yu. A. Kulakovskiy's barrows: 1 – in the map by P. I. Keppen; 2 – after the map of 1892

гинальными бронзовыми предметами, выполненными в скифском зверином стиле.

Погребение 4 (средневековое) располагалось в центре насыпи кургана. Здесь находилась могила кочевника позднесредневекового времени.

Погребение 5 (скифского времени) находилось в восточной поле кургана на глубине одного аршина от верха курганной насыпи. Судя по перемещенным костям человека, оно было ограблено. Здесь были найдены лишь два бронзовых наконечника стрел и обломки бронзовых предметов.

Погребение 6 (скифского времени или средневековое) находилось в центре кургана в верхней части насыпи, вероятно, над более ранним или синхронным ему (?) третьим погребением. Здесь в перекопе вместе с костями человека были найдены бронзовые наконечники стрел и железные удила. Можно предположить, что бронзовые наконечники относятся к погребению скифского времени, а железные удила – к скифскому или средневековому. Однако подтвердить это предположение невозможно.

Изучение находок из собственно скифского погребения № 3 в кургане Кулаковского имеет более чем столетнюю историю.

Первоначально в опубликованном Отчете Императорской археологической комиссии за 1895 г. сразу в двух его разделах: в очерке общего описания работ комиссии в Таврической губернии и в индивидуальном отчете о раскопках Ю. А. Кулаковского были размещены одни и те же фотографии трех бронзовых предметов: двух блях и скипетра, выполненных в зверином стиле (ОАК за 1895, 1897. С. 17–18, рис. 32–34; с. 118, рис. 292–294). При этом скипетр был ошибочно определен как псалий.

Далее Е. Х. Миннз в своей энциклопедической монографии «Скифы и греки» привел прорисовку большой бронзовой бляхи с изображением свернувшегося хищника. Можно считать, что именно эта публикация поставила курган Кулаковского в ряд известнейших памятников Евразии. При этом крымская большая бляха, наряду с бляхами из Сибири, по мнению исследователя, послужила аналогом для подобных блях Ананьинского могильника (Minns, 1913. P. 257–258, fig. 181).

Позднее М. И. Ростовцев отнес курган Кулаковского к кругу ярких скифских памятников, таких как Томаковка и Золотой курган, которые были датированы им VI–V вв. до н. э. (Ростовцев, 1918. С. 10, 65).

В то же время А. А. Спицын в обстоятельной статье по периодизации скифских памятников Крыма датировал бронзовую бляху Кулаковского V в. до н. э. (Спицын, 1918. С. 180). Г. И. Боровка предложил датировать эту бляху более ранним временем, в рамках VII–VI вв. до н. э. (Boroffka, 1926. S. 380, 385, abb. 8; Boročka, 1928. P. 95, pl. 13). К сожалению, исследователь не успел детально обосновать предложенную дату, отмечая, что опирается на собственные неопубликованные работы (Boročka, 1928. P. 91).

Почти в то же самое время П. Д. Рау опубликовал один бронзовый наконечник трехлопастной базисной стрелы из кургана Кулаковского. Опираясь на совместные находки бронзовых наконечников стрел, прежде всего, с греческим керамическим импортом, исследователь датировал этот наконечник позднеархаическим временем в рамках последней трети VI – первой трети V в. до н. э. (Rau, 1929. S. 13, 93, Taf. V, 1E).

Таким образом, уже в первой трети XX в. наиболее яркие находки скифского погребения в кургане Кулаковского получили широкую известность в научном мире и сравнительно точную датировку.

В послевоенное время Т. Н. Троицкая на основе архивных данных и конструктивных особенностей отнесла это погребение к группе курганов с простыми грунтовыми могилами и датировала его в широких рамках VI–V вв. до н. э. (Троицкая, 1951. С. 89–90). Позднее, опираясь на аналогичные находки из скифских памятников Поднепровья и Прикубанья, исследовательница сузила датировку до конца VI в. до н. э. Она также опубликовала еще два бронзовых наконечника стрел из этого захоронения (Троицкая, 1957. С. 226–227, рис. 4, 3).

Художественные достоинства обеих бронзовых блях были впервые подробно описаны М. И. Артамоновым, который отметил ажурность этих изделий, а также их стилистические особенности, в полной мере сформировавшиеся к концу V в. до н. э. (Артамонов, 1966. С. 19, рис. 24; с. 30, табл. 78). Можно отметить также, что именно М. И. Артамонов присвоил данному скифскому кургану имя Ю. А. Кулаковского, раскопавшего этот памятник (Артамонов, 1966. С. 29–30; 1974. С. 76).

В статье, посвященной особенностям и развитию скифского звериного стиля, Э. В. Яковенко опубликовала рисунки трех бронзовых наконечников стрел, каменного оселка и бронзового скипетра, а также фотографии двух бронзовых бляшек свернувшихся хищников. Исследовательница датировала рассматриваемое погребение по аналогии со скипетром из кургана 15 у с. Аксютинцы второй половиной VI – рубежом VI–V вв. до н. э. (Яковенко, 1976. С. 130, 132–133, рис. 5–7).

В первой половине 1980-х – начале 1990-х гг. курган Кулаковского вошел в общие сводки скифских памятников Северного Причерноморья. При этом В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин датировали курган Кулаковского первой половиной V в. до н. э. (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 109), В. Ю. Мурзин отнес памятник ко второй половине V в. до н. э. (Мурзин, 1984. С. 37), а С. А. Скорый со ссылкой на Э. В. Яковенко – ко второй половине VI – рубежу VI–V вв. до н. э. (Скифские погребальные памятники, 1986. С. 41). В. С. Ольховский включил курган Кулаковского в группу скифских памятников Крыма V в. до н. э. (Ольховский, 1991. С. 89)⁸.

⁸ Кроме того, большая бронзовая бляха с изображением свернувшегося хищника из кургана Кулаковского неоднократно входила в состав предметов многочисленных зарубежных выставок и художественных альбомов Государственного Эрмитажа (The Dawn of Art, 1974. Kat. 40; Or des Scythes, 1975. P. 146–147, kat. 51; L'Oro degli sciti, 1978. P. 27, kat. 13; Gold der Skythen, 1984. S. 80, kat. 41; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986. Kat. 61).

Таким образом, курган Кулаковского получил среди исследователей вполне устоявшуюся датировку в рамках второй половины VI – V в. до н. э.

Некоторым диссонансом такой датировке послужила гипотеза О. Г. Левицкого и Т. И. Демченко о возможном удревнении ряда скифских памятников, содержащих бронзовые бляхи со свернувшимся волчьим хищником Кулаковского типа, вплоть до второй половины VII – рубежа VII–VI вв. до н. э. (*Левицкий, Демченко, 1995. С. 45–48*). Однако столь сравнительно ранняя дата, частично совпадающая с отмеченной выше датировкой бляхи Кулаковского по Г. И. Боровке (*Borovka, 1928. Р. 91*), получила вполне аргументированную критику (*Колтухов, 1998. С. 21; Алексеев, 2003. С. 205–206*)⁹.

В последние годы XX в. была опубликована статья С. Г. Колтухова, полностью посвященная погребению в кургане Кулаковского. Исследователем было установлено точное место расположения кургана на местности и подробно рассмотрен обряд захоронения. Детальный анализ находок с привлечением широкого круга аналогий позволили автору определить статус погребенного как скифского воинского начальника и датировать погребение второй четвертью V в. до н. э. (*Колтухов, 1998. С. 17–22*).

В начале XXI в. в фундаментальной монографии А. Ю. Алексеева курган Кулаковского был отнесен к группе памятников первой половины V в. до н. э., для которых характерны, в частности, бронзовые бляшки в виде свернувшихся волчьих хищников и базисные наконечники стрел (*Алексеев, 2003. С. 203*).

Недавно в своей докторской диссертации А. Р. Канторович предложил детальное описание предметов из этого кургана, выполненных в зверином стиле. Большая уздечная бляха (рис. 2, 11) послужила эпонимным названием для выделенного исследователем «Кулаковско-ковалевского» типа аналогичных по сюжету скифских бляшек, а малая уздечная бляха (рис. 2, 14) была отнесена к особому «Ковалевскому» типу¹⁰. Само же скифское погребение в кургане Кулаковского было датировано по ряду признаков концом VI – первой половиной V в. до н. э. (*Канторович, 2015. С. 98–104, 114–116*).

⁹ Однако следует отметить, что сама вероятность некоторого удревнения датировки отдельных предметов и самого скифского погребения в кургане Кулаковского полностью не исключена.

¹⁰ Неясно, почему же не Кулаковскому типу? Вообще сочетание топонима с антропонимом в наименовании типа выглядит странно.

Таким образом, благодаря исследованиям нескольких поколений специалистов материалы скифского погребения из кургана Кулаковского были поэтапно введены в научный оборот и получили достаточно полную характеристику, однако сам комплекс вновь заслуживает обстоятельного рассмотрения.

Накопленные к настоящему времени новые данные о скифских памятниках Северного Причерноморья, а также возможность использовать материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, позволяют предложить подробную характеристику находок из кургана Кулаковского.

Рассматриваемая третья могила располагалась в центре курганной насыпи несколько выше материка. Грунтовое погребальное сооружение было перекрыто деревом, однако ни форма могилы, ни характер перекрытия исследователем не описаны. Впрочем, есть основания для предположения о том, что это была грунтовая яма. После разрушения перекрытия камни из курганной насыпи заполнили пространство могилы. Подобная ситуация неоднократно наблюдалась исследователями при раскопках скифских погребений Степного и Предгорного Крыма.

Костяк человека лежал вытянуто на спине головой на восток. У правой руки были найдены две бронзовые бляхи в виде свернувшихся хищников (рис. 2, 11, 14). Там же находился скипетр (рис. 2, 13), рукоять которого, очевидно, деревянная, не была прослежена, поэтому наверх было охарактеризовано первооткрывателем как бронзовый псалий (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1895 г. Д. № 90. ЛЛ. 22; ОАК за 1895, 1897. С. 118). У левой руки, скорее всего, на уровне таза находился каменный оселок (рис. 2, 12). С левой стороны лежали железный меч (рис. 2, 16) в ножнах и обломки железного наконечника копья (рис. 2, 15). У колена левой ноги было найдено множество бронзовых (рис. 2, 1–3), а также круглых в сечении костяных наконечников стрел, которые лежали здесь в несохранившемся колчане (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. 1895. Д. № 90. ЛЛ. 22; ОАК за 1895, 1897. С. 118) или, возможно, в горите. К сожалению, лишь часть найденных предметов этого погребения поступила на хранение в Государственный Эрмитаж (шифр Кр 1895 10/1-8).

Первая наиболее крупная бронзовая бляха, относящаяся к конской узде¹¹, представляет собой ажурное изделие размером 10,5 × 9,7 см с массивной петлей в виде скобы на обороте (рис. 2, 11). Вес

¹¹ Пожалуй, лишь М. И. Ростовцев считал эту бляху поясной пряжкой (*Ростовцев, 1918. С. 65, табл. VIII, 4*).

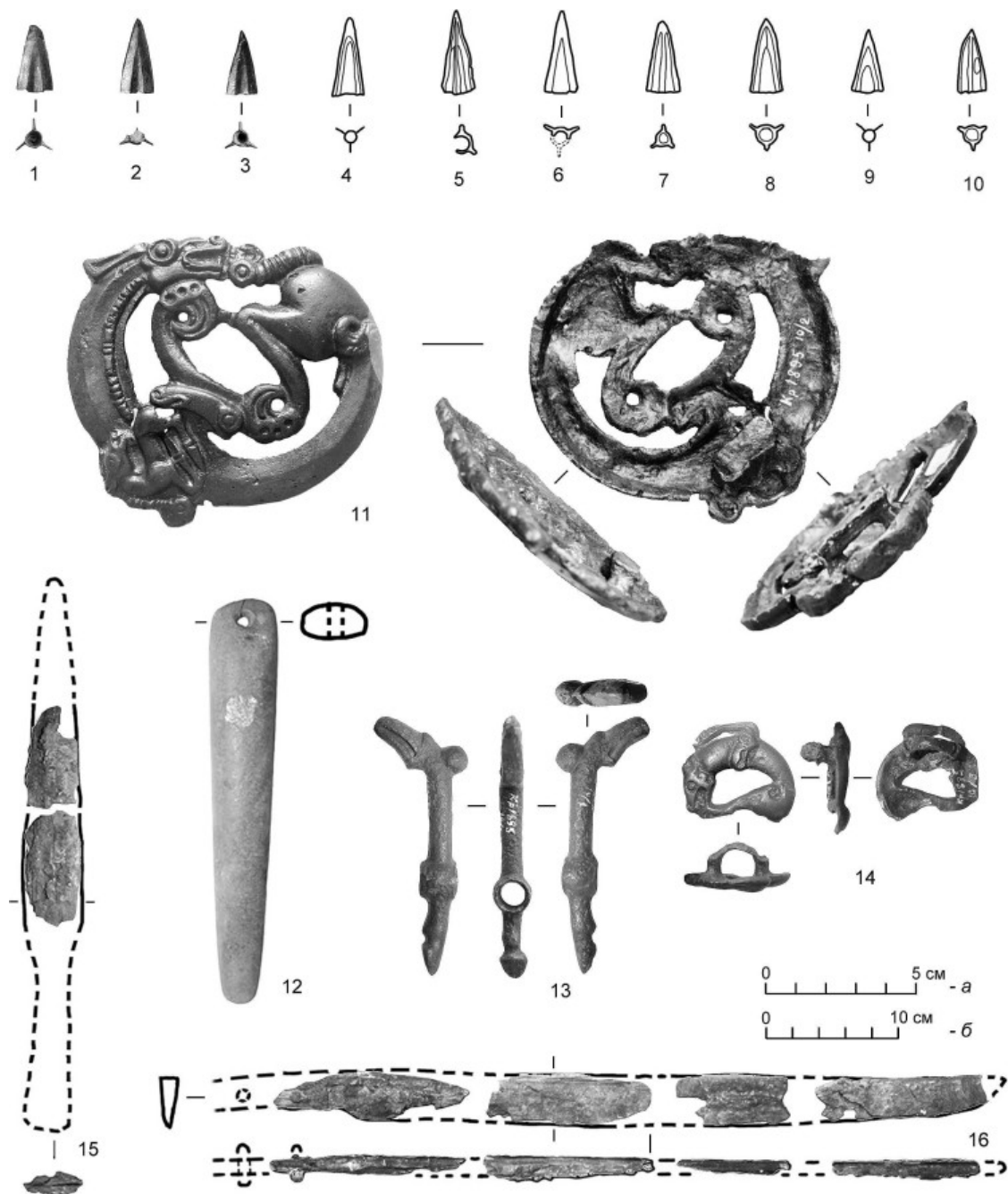

Рис. 2. Находки из погребения 3 в кургане Кулаковского: 1–3 – наконечники стрел; 11, 14 – бляхи в зверином стиле; 12 – оселок; 13 – топорик-скипетр; 15 – фрагменты наконечника копья; 16 – фрагменты меча или сабли.

Аналогии к наконечникам стрел: 4, 9 – Ольвия, погребение 1912/1 (Полин, 1987); 5 – Нимфей, погребение А171 (Грач, 1999); 6 – Степное, курган 5, погребение 2 (Грач, 1999); 7 – Нимфей, погребение Г8 (Грач, 1999); 8 – Вишневка, курган 1, погребение 16 (Колотухин, 2000); 10 – Владимировка, курган 2, погребение 13 (Колтухов, 2012б).
Масштабы: а – к №№ 1–15; б – к № 16

1–11, 13–14 – бронза; 12 – песчаник; 15–16 – железо

Fig. 2. Finds from burial no. 3 in Kulakovskiy's barrow and its parallels: 1–3 – arrowheads; 11, 14 – plaques in animal style; 12 – whetstone; 13 – small axe/sceptre; 15 – fragmentary spear-head; 16 – fragmentary sword or sabre.

Parallels to arrowheads: 4, 9 – Olbia, burial 1912/1; 5 – Nymphaion, burial A171; 6 – Stepye, kurgan 5, burial 2; 7 – Nymphaion, burial Г8 (Грач, 1999); 8 – Vishnevka, kurgan 1, burial 16; 10 – Vladimirovka, kurgan 2, burial 13.
Scales: а – to № 1–15; б – to № 16

1–11, 13–14 – bronze; 12 – sandstone; 15–16 – iron

бляхи – 186,8 г. Первоначально хищник на большой бляхе был определен А. А. Спицыным как свернувшийся лев (*Спицын*, 1918. С. 180). А. И. Мелюкова видела в хищнике этой бляхи образ пантеры, который характерен для скифского звериного стиля V в. до н. э. (*Мелюкова*, 1989. С. 102). Однако большинство исследователей, вслед за М. И. Артамоновым (*Артамонов*, 1966. С. 30), определяют свернувшегося хищника как волкоподобного зверя.

Изображение волчьего хищника, свернувшегося кольцом, нередкое в евразийских степях, находит близкие аналогии в Степном Причерноморье, в изделиях, принадлежащих как местным (?), так и, несомненно, греческим мастерам (*Колтухов*, 1998. С. 20). Фигура поджарого зверя имеет длинную шею и узкое туловище, отделенное от ног прорезями, что и придает всему изделию ажурность. Пасть волчьего хищника оформлена в виде бутона лотоса. Ухо треугольной формы отделено от круглого глаза ободком, в нижней части шеи между головой и плечом проходит рельефная полоса жемчужника. Короткий рубчатый хвост, смыкающийся с пастью, завершён головкой птицы. Лапы заканчиваются строеными точками и когтями. На лопатке размещено миниатюрное изображение лежащего горного козла¹², рог которого оканчивается внизу птичьей головкой. Под козлом на сгибе передней лапы хищника, ближе к центру композиции, расположена головка лося. При этом когтистая оконечность задней лапы основного изображения примыкает к затылку лося, образуя его рога. Кроме того, на тазе хищника размещена головка грифа.

Впрочем, по мнению Е. В. Переводчиковой на этой бляхе отражен некий фантастический «хищник вообще», сочетающий в себе голову волка и заднюю часть кошачьего животного с длинным хвостом (*Переводчикова*, 1994. С. 45). Однако изначально в архетипе блях, сочетающих такие признаки, присутствовал именно кошачий хищник (*Артамонов*, 1971. С. 27).

От прочих изделий этого круга бляха отличается изображением гениталий самца, что не характерно для скифского звериного стиля¹³. В этой связи вполне можно согласиться с предположением исследователей, отметивших ее греческое производ-

ство (*Яковенко*, 1976. С. 131; *Колтухов*, 1998. С. 20; *Канторович*, 2015. С. 91), возможно, в одном из родов Боспора (*Яковенко*, 1976. С. 136).

Технология производства этой бляхи с использованием сложной техники литья по утрачиваемым, вероятно, восковым моделям, обстоятельно рассмотрена в работе Р. С. Минасяна. Исследователь впервые опубликовал фотографию оборотной стороны этого украшения (*Минасян*, 1990. С. 69–70, рис. 2, 1). Кроме того, в этой же технике, по наблюдению Р. С. Минасяна, была изготовлена и близкая по форме и сюжету бронзовая бляха из кургана 6 погребения 1 у с. Ковалевка в Нижнем Побужье (*Минасян*, 1990. С. 69). В этом погребении были найдены две бронзовые бляхи различной сохранности с аналогичным изображением свернувшегося хищника. Обе бляхи исследователи отнесли к предметам конской узды, а само погребение по бронзовым наконечникам стрел и аналогии с бляхой из кургана Кулаковского датировали первой половиной V в. до н. э. (*Ковпаненко и др.*, 1978. С. 66–67, рис. 36, 3, 16; *Ковпаненко*, *Бунятян*, 1978. С. 136, 139–140, рис. 1, 39).

Не менее интересна вторая бронзовая полуовальная уздечная бляха в виде свернувшейся пантеры с полукруглой петлей на обороте (рис. 2, 14). Размеры бляхи – 3,5 × 3,4 см. Вес – 14,5 г. Голова хищника с круглым глазом и овальным ухом смыкается с выпрямленными задними лапами, однако передние лапы оригинально вывихнуты и размещены сверху между плечом и головой зверя. На плече присутствует дополнительный декор в виде головы лося. Передняя лапа зверя воспринимается как рога этого лося. Кроме того, на бедре пантеры имеется волотовидный или клювовидный, по терминологии А. Р. Канторовича (*Канторович*, 2015. С. 115), завиток.

По предположению А. Р. Канторовича, фигура хищника на этой бляхе представляет собой композиционный эксперимент. Вместе с тем стилистически это изображение аналогично хищнику рассмотренной выше большой бляхи кулаковско-ковалевского типа. Обе бляхи датируются исследователем концом VI – первой половиной V в. до н. э. (*Там же*. С. 104, 115–116).

Некоторые детали оформления лап хищника, по мнению Э. В. Яковенко, находят аналогии в тагарских древностях (*Яковенко*, 1976. С. 132). При этом изображение головы зверя близко изображению на бляхе из Нимфейского кургана № 32, датированного Л. Ф. Силантьевой по предметам конской упряжи первыми тремя четвертями V в. до н. э. (*Силантьева*, 1959. С. 85–86, рис. 48, 1–2).

¹² Э. В. Яковенко трактовала это изображение как фигуру коня (*Яковенко*, 1976. С. 131). Сходство, несомненно, есть, однако изображение рубчатых рогов, заканчивающихся головкой птицы, и уши свидетельствуют в пользу другой интерпретации.

¹³ Следует отметить, что к такому же выводу пришел и А. Р. Канторович (Ср. *Колтухов*, 1998. С. 20; *Канторович*, 2015. С. 101).

К близкому времени относится также бронзовый псалий в виде «вывихнутой» фигурки льва, происходящий из погребения в четвертом Семибратнем кургане в Прикубанье (Артамонов, 1966. С. 34, 37, рис. 60–61; Коровина, 1957. С. 186). Это погребение может быть датировано 460–425 гг. до н. э. (Евразия..., 2005. С. 190).

Бронзовый топорик-скипетр (рис. 2, 13) представляет собой круглый в сечении стержень с поперечным сквозным отверстием для насада рукоятки. Отверстие оформлено в виде утолщенной муфты-втулки. Длина скипетра – 8,6 см, диаметр стержня – 0,6–0,8 см. Центр муфты-втулки расположен на расстоянии 3 см от края копыта. Внешний диаметр муфты-втулки – 1,3 см, внутренний диаметр отверстия – 0,8 см, высота втулки – 1,3 см. Вес предмета – 35,3 г. Короткий конец – обушок топорика оформлен в виде копыта животного. Длинный конец стержня вместо лезвия завершается слегка наклоненной вниз головкой странного существа, что придает всему предмету Г-образную форму. Над клювом (если это клюв) рельефным уступом выделена восковица птицы, а глаз в виде приплюснутого шара диаметром 0,8–0,9 см вынесен далеко на затылок. Клюв (или же пасть) удлиненный изогнутый, линия рта передана дуговидным желобком – все это придает головке хищный вид. Однако основание клюва или сомкнутой пасти имеет четко выраженный контур, характерный не для клюва, а для нижней челюсти хищника. Похоже, что мастера экспериментировали не только с бляхами, возможно, здесь изображено некое фантастическое существо.

Головку скипетра исследователи интерпретируют как голову орла¹⁴ (Ильинская, 1961. С. 44–45, рис. 11, 9; Ильинская, 1968. С. 155; Граков, 1971. С. 94; Яковенко, 1976. С. 130, 132, рис. 5, 3; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 109), коня (ОАК за 1895, 1897. С. 17; Мурзин, 1984. С. 37) или грифона (Колтухов, 1998. С. 22). В. А. Ильинская не исключала, что клюв птицы был обломан (Ильинская, 1961. С. 44). А. Р. Канторович отнес крымский топорик-скипетр к тауйхабльско-аксютинецкому типу конца VI – первой половины V в. до н. э., в котором сочетаются элементы птицы и неопределенного копытного животного (Канторович, 2015. С. 831–833, 1659, рис. 3). По предположению же С. Г. Колтухова, это символическое изображение

фантастического копытного хищника, возможно, тарандра.

Близкие по размерам и мотивам украшений бронзовые топорики-скипетры найдены в кургане 15 урочища Стайкин Верх у с. Аксютинцы, датированном в рамках VI в. до н. э. (Ильинская, 1961. С. 44–45, рис. 11, 8; Ильинская, 1968. С. 191; Яковенко, 1976. С. 128, 132, рис. 5, 3; Колтухов, 1998. С. 22; Конь и всадник, 2003. С. 29, кат. № 39, рис. 39)¹⁵, и в подьемном материале у с. Тауйхабль (Канторович, Эрлих, 2006. С. 120–121, 184, кат. 55). Предположительно, аналогичный топорик-скипетр, как считает ряд исследователей, изображен в руках фигурки скифа на золотых пластинах парадного пояса из кургана 5 у с. Аксютинцы (Ростовцев, 1913. С. 8, рис. 3; Minns, 1913. P. 182, fig. 75 bis; Ильинская, 1961. С. 43, рис. 10; Конь и всадник, 2003. С. 28–29, кат. № 38, рис. 38). Однако не исключено, как считает А. В. Вертиенко, что в руках скифа на этой пластине изображен не топорик, а арфа (Вертиенко, 2010. С. 323–325, рис. 9).

Рассматриваемый топорик-скипетр В. А. Ильинская датировала началом V в. до н. э. По ее мнению, он мог быть символом воинской власти одного из предводителей родовых скифских отрядов (Ильинская, 1961. С. 44, 47, 52; Ильинская, 1968. С. 156). К ритуальным предметам относил этот скипетр В. С. Ольховский (1991. С. 89). По наблюдению В. А. Киселя, украшение в виде копыта животного могло служить знаком принадлежности к высшей знати или племенной элите кочевников (Кисель, 2013. С. 60).

Железный меч (рис. 2, 16) из кургана Кулаковского определяется неоднозначно. При поступлении коллекции Н. И. Веселовского в Эрмитаж обломки железного меча и наконечника копья были перемешаны. На хранение было принято три обломка меча (Кр 1895 10/6) и 17 перемешанных обломков меча и наконечника копья (Кр 1895 10/8).

Реставраторами музея была предложена реконструкция скифского меча из четырех фрагментов. При этом не исключено, что в реконструкции были

¹⁴ Впрочем, у клюва такого орла гораздо больше сходства с клювом вороны, хотя в какой-то степени это замечание может снять отмеченное ниже предположение В. А. Ильинской о том, что клюв был обломан еще до попадания в погребение.

¹⁵ По предположению С. Г. Колтухова, топорик-скипетр из кургана Кулаковского является одной из наиболее ранних находок в этом погребении (Колтухов, 1998. С. 22). Об этом может свидетельствовать однотипный предмет, происходящий из погребения кургана 15 урочища Стайкин Верх у с. Аксютинцы, в котором были найдены бронзовые наконечники стрел (Самоковасов, 1892. С. 34, табл. VII, 1635–1338; Ильинская, 1968. С. 31, табл. XI, 10–13; Алексеев, 2003. С. 400, рис. 27, 5–6) первой хронологической группы второй половины VII – первой половины VI в. до н. э. по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1964. С. 16) или VII – первой четверти VI в. до н. э. – по С. В. Полину (Полин, 1987. С. 31).

использованы обломки железной сабли, происходящие из находившегося над могилой 3 погребения позднего кочевника. Судя по этим фрагментам, однозначно определяется однолезвийная форма клинка, а также место сужающегося перехода от клинка к более узкой основе рукоятки. Прямая спинка меча в разрезе имеет треугольную форму. Клинок сужается к кончику острия.

На рукоятке сохранился фрагмент железного штыря-заклепки, которым насквозь крепились двусторонняя накладка. На месте этой накладки ближе к концу рукоятки сохранился беловатый налет. Реставратором Эрмитажа Н. А. Васильевой было установлено, что этот налет образовался в результате выхода соли (высола) из продольных волокон деревянной накладки, которая не сохранилась. Кроме того, микроскопические остатки дерева от этой накладки, замещенные железной коррозией, прослеживаются на нижнем крае рукоятки¹⁶. Вероятно, деревянные накладки крепились не менее чем тремя сквозными железными заклепками. Длина реконструируемого меча – не менее 60 см, ширина клинка – 4 см, ширина плоской спинки – 1,5 см. Длина рукоятки не менее 9,6 см, а ее ширина 3,2 см. Диаметр сквозных отверстий на рукоятке не менее 0,9 см.

Появление однолезвийных «гальштатских» мечей в Карпато-Подунавье С. А. Скорый отмечает еще в первой половине VI в. до н. э. (*Скорый*, 1983. С. 5). Кроме того, однолезвийное рубящее оружие в раннескифское время было известно также и на Кавказе (*Редина*, 1999. С. 226).

К железным обломкам наконечника копья (рис. 2, 15) однозначно относится лишь один фрагмент (Кр 1895 10/6). Остальные обломки (17 экз.) могут относиться как к копью, так и к железному мечу¹⁷ (шифр Кр 1895 10/8). Однако реставраторы Эрмитажа создали реконструкцию этого наконечника, который аналогичен наконечнику копья из кургана № 7 у с. Аксютинцы VI в. до н. э. (*Мелюкова*, 1964. С. 39, табл. 13, 2, тип I, 3, 1).

Оселок сигаровидной формы (рис. 2, 12) изготовлен из плотного песчаника серого цвета¹⁸. По-

верхность заполирована. В верхней, наиболее широкой части он имеет овальную в сечении форму. Оселок сужается к нижнему концу, круглому в сечении. На расстоянии 0,5 см от края слегка скошенного торца просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Общая длина – 13,8 см, верхний торец – 2,0 × 1,4 см, наиболее широкая часть на расстоянии 2,5 см от верхнего края – 2,3 × 1,7 см, диаметр нижнего края – 1,0 см. Как правило, оселки в скифских погребениях расположены в области пояса погребенного (*Колтухов*, 2012б. С. 68). Оселки или точильные бруски, предназначенные для заточки металлических предметов, появляются в причерноморских погребениях еще в предскифское время (*Тереножкин*, 1976. С. 146). В Крыму эти предметы известны в скифских воинских захоронениях последних десятилетий VI – V в. до н. э. (*Колтухов*, 2012а. С. 79, 137, рис. 28, 31–35; 2012б. С. 129, 263, рис. 103, 1–4).

Бронзовые наконечники стрел представлены всего тремя экземплярами (рис. 2, 1–3). Данные наконечники относятся к трехлопастным базисным стрелам с треугольной формой головки (БТ; 3л) и сводчатыми ложками. По классификации А. И. Мелюковой такие стрелы относятся к типу II, 5, 2 второй хронологической группы, датированной второй половиной VI – первой половиной V в. до н. э. (*Мелюкова*, 1964. С. 17, 28, рис. 1).

У самого крупного по размерам наконечника не сохранилось острие. Его реконструируемая длина 28,2 мм. Длина двух других наконечников – 24,9 и 21,7 мм. Ширина наконечников соответственно – 11,9, 11,4 и 10,4 мм. Реконструируемая длина бойка первого наконечника 12,2 мм. Длина бойка двух других – 9 и 6 мм. Вес наконечников – 1,9, 1,5 и 1,9 г. Характерной особенностью данных наконечников является сравнительно широкое основание головки.

Однотипные близкие по размерам бронзовые наконечники стрел известны в комплексах погребений трех групп памятников последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э. (табл. 1).

Гии Геологического факультета СПбГУ) оселок из кургана Кулаковского «изготовлен из среднезернистых кварцевых песчаников Таврической серии верхнетриасового-нижнеюрского возраста. Отложения Таврической серии распространены в центральной части Крыма от Бахчисарая до Феодосии. Многочисленные гальки песчаников Таврической серии можно наблюдать в аллювии р. Альма». Авторы выражают искреннюю благодарность Д. Л. Конопелько и И. А. Клишевич за определение данного предмета.

¹⁶ Авторы выражают искреннюю благодарность реставратору ЛНРПИОМ (Лаборатория научной реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов) Государственного Эрмитажа Н. А. Васильевой за проведенное ею трудоемкое и всестороннее исследование данного предмета.

¹⁷ Именно среди них, по предположению С. Г. Колтухова, и находятся остатки скифского меча.

¹⁸ По определению канд. геол. наук Д. Л. Конопелько и ст. преподавателя И. А. Клишевич (кафедра региональной геоло-

Таблица 1. Параметры бронзовых наконечников стрел, сходных по пропорциям и размерам с наконечниками кургана Кулаковского

Table 1. Characteristics of the bronze arrowheads similar in their proportions and size to arrowheads from the Kulakovsky Kurgan

№ рис.	Тип	Памятник	Лоб/Шгл	Лоб	Шгл	Лб	Форма ложка	Дата
2, 1	БТ, 3л	Кулаковского курган 2, погребение 3	2,4*	28,2	11,9	12,2	Свод	Последняя треть VI – первая треть V в. до н. э.
2, 4	БТ, 3л	Ольвия, погребение 1912/1	2,4	27,7	11,5	6,3	Свод	530–520 гг. до н. э.
2, 5	БТ, 3л	Нимфей, погребение А171	2,4	27,3	11,2	10,8	Свод	Конец VI в. до н. э.
2, 6	БТ, 3л	Степное, курган 5, погребение 2	2,4	28,6	11,9	9,6	Свод	Последняя четверть VI в. до н. э.
2, 2	БТ, 3л	Кулаковского курган 2, погребение 3	2,2	24,9	11,4	9	Свод	Последняя треть VI – первая треть V в. до н. э.
2, 7	БТ, 3л	Нимфей, погребение Г8	2,2	25	11,5	4	Свод	Начало V в. до н. э.
2, 8	БТ, 3л	Вишневка, курган 1, погребение 16	2,2	25,9	11,8	3,1	Свод	Последняя треть VI – первая треть V в. до н. э.
2, 3	БТ, 3л	Кулаковского курган 2, погребение 3	2,1	21,7	10,4	6,6	Свод	Последняя треть VI – первая треть V в. до н. э.
2, 9	БТ, 3л	Ольвия, погребение 1912/1	2,1	21,4	10,4	7,5	Свод	530–520 гг. до н. э.
2, 10	БТ, 3л	Владимировка, курган 2, погребение 13	2,1	21,8	10,2	4,1	Свод	Последняя четверть VI – первая треть V в. до н. э.

Условные сокращения: БТ, 3л – трехлопастные базисные с треугольной формой головки. Лопасты срезаны вровень с основанием головки;

Лоб/Шгл – коэффициент отношения общей длины к ширине головки для базисных наконечников;

Л об – общая длина от острия бойка до основания головки;

Ш гл – ширина головки;

Л б – длина бойка от острия до верха ложка;

Свод – сводчатая форма ложка.

* Жирным шрифтом выделены реконструируемые параметры.

БТ, 3л – trilobate arrowheads with a triangular shape of the head. The blades are cut at the level with the base of the head;

Лоб/Шгл – coefficient of the ratio between the total length and the width of the head for the arrowheads;

Л об – total length from the point of the striker to the base of the head;

Ш гл – width of the head;

Л б – length of the striker from the point to the top of the groove;

Свод – arched shape of the groove.

* The reconstructed values are marked in bold type.

Первый наконечник (рис. 2, 1) имеет близкие аналоги в колчаных наборах: Ольвия 1912/1 (рис. 2, 4) 530–520 гг. до н. э. (Скуднова, 1988. С. 101, кат. № 150; Полін, 1987. С. 30, рис. 9, 33); Нимфей, по-

гребение А171 (рис. 2, 5) конца VI в. до н. э. (Грач, 1999. С. 73–74, 247, табл. 94, 5.8). Обращает на себя внимание, что в обоих перечисленных погребениях Ольвии (всего 17 экз.) и Нимфея (всего 20 экз.) трех-

лопастные наконечники с треугольной формой головки базисного типа (БТ, 3л – 17 экз.) составляют около 46 % всех стрел. Кроме того, здесь присутствуют и сравнительно ранние для данного хронологического диапазона типы (18 экз.; 48 %) трехлопстных наконечников с треугольной формой головки и выделенной втулкой (Т, 3л – 3 экз.), а также наконечники с треугольной формой головки и лопастями, подрезанными под тупым углом к выделенной втулке (ТП, 3л – 8 экз.) или основанию головки базисных стрел (БТП, 3л – 7 экз.). При этом сравнительно поздние типы наконечников: трехлопстной базисный с башневидной формой головки (ББш, 3л – 1 экз.) из данного погребения Ольвии (Полін, 1987. С. 30, рис. 9, 37) и трехгранный базисный с треугольной формой пера и лопастями-жалъцами, опущенными ниже основания головки (БТЖ, 3г – 1 экз.) из Нимфея (Грач, 1999. С. 73–74, 247, табл. 94, 5.1) – представлены единичными экземплярами (5,4 %).

Еще один однотипный близкий по размерам бронзовый наконечник найден В. А. Колотухиным в погребении 2 кургана 5 у с. Степное 1985 г. (рис. 2, б). Исследователь датировал погребение по наконечнику стрелы V–IV вв. до н. э. (Колотухин, 2000. С. 26, 93, рис. 13, 12), однако не исключено, что данное погребение может относиться к последней четверти VI в. до н. э.

Таким образом, рассматриваемый наконечник стрелы из кургана Кулаковского по своим размерам и пропорциям более характерен для комплексов последней четверти VI в. до н. э., в которых сравнительно поздние типы наконечников лишь только появляются в незначительном количестве.

Второй наконечник (рис. 2, 2) аналогичен стрелам комплексов: Нимфей, погребение Г8 (рис. 2, 7) начала V в. до н. э. (Грач, 1999. С. 100, 281, табл. 143, 3.3)¹⁹; Вишневка (рис. 2, 8), курган 1, погребение 16 (Колотухин, 2000. С. 8, 82, рис. 2, 9–10) последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э. (Колтухов, 2012б. С. 88, примечание 63).

В комплексе стрел погребения у с. Вишневка (всего 296 экз.) при значительном преобладании трехлопстных базисных стрел (250 экз. – 84,5 %) сравнительно ранние типы наконечников с выделенной втулкой составляют почти 15 % (44 экз.). В то же время поздние типы наконечников: трехлопстной базисный с треугольной формой пера и одной лопастью-жалъцем, опущенным ниже основания головки (БТЖ1, 3л – 1 экз.) и трехгранный базисный

с треугольной формой пера (БТ, 3г – 1 экз.) – представлены единичными экземплярами (Колотухин, 2000. С. 82, рис. 2, 10, 10, 18).

Таким образом, второй наконечник стрелы из кургана Кулаковского известен в колчаных комплексах не позднее первой трети/четверти V в. до н. э. При этом сравнительно поздние типы наконечников, так же как и в первой группе памятников, здесь только начинают появляться.

Третий наконечник (рис. 2, 3) близок стрелам памятников: Ольвия 1912/1 (рис. 2, 9) 530–520 гг. до н. э. (Скуднева, 1988. С. 101, кат № 150; Полін, 1987. С. 30, рис. 9, 34); Суворово, курган 9, погребение 1 последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э. (Колтухов, 2012б. С. 42, 177, рис. 17, 13.19); Владимировка (рис. 2, 10), курган 2, погребение 13, последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э. (Колтухов, 2012б. С. 126, 228, рис. 68, 1.11).

В этих комплексах (всего 88 экз.) сравнительно ранние типы наконечников стрел данного хронологического диапазона (сюда включены двух- и трехлопстные типы с выделенной втулкой и базисные с различной формой пера – всего 36 экз.; 41 %), а также трехлопстные базисные наконечники с треугольной формой головки (40 экз.; 45 %) представлены почти одинаковым количеством стрел. В то же время относительно более поздние типы наконечников (12 экз.; 14 %) этого временного диапазона: трехгранные базисные с треугольной формой головки (БТ, 3г; 2 экз.); трехлопстные базисные с башневидной (ББш, 3л; 5 экз.) и треугольной формой головки, в том числе с опущенными ниже основания головки лопастями-жалъцами (ББшЖ, 3л – 2 экз.; БТЖ, 3л – 2 экз. В одном случае с одной опущенной лопастью-жалъцем – БТЖ1, 3л, представлены в рассматриваемых комплексах в большем количестве по сравнению с комплексами двух первых групп. Это позволяет рассматривать третью группу памятников как наиболее позднюю в данном хронологическом диапазоне. При этом самый крупный наконечник (рис. 2, 1) наиболее характерен для комплексов последней трети – конца VI в. до н. э.

Проведенный сравнительный анализ наконечников стрел из кургана Кулаковского показывает, что в целом они характерны для скифских комплексов позднеархаического времени последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э. Интересно отметить, что эта дата совпадает с датировкой П. Д. Рау, которая была отмечена выше.

К сожалению, нам не известна полная номенклатура типов наконечников, найденных по со-

¹⁹ Наконечники стрел данного погребения требуют более детальной публикации.

общению первооткрывателя в колчане со «множеством трехгранных и костяных» стрел (ОАК за 1895, 1897. С. 118) в кургане Кулаковского. Сохранился лишь один, рассмотренный выше, тип трехлопастных базисных стрел с треугольной формой головки (БТ, 3л). Весьма гипотетично, но все же можно предположить, что именно этот тип количественно преобладал в данном колчанном наборе. Кроме того, здесь, возможно, присутствовали также и бронзовые трехгранные, как отмечает сам Ю. А. Кулаковский, типы, предположительно также базисные (БТ, 3г).

К комплексам, в которых базисные трехлопастные наконечники количественно преобладают над базисными трехгранными, можно отнести наборы стрел трех скифских погребений Крыма:

1) погребение у с. Надежда (*Черепанова*, 1985. С. 63, рис. 1; *Колтухов*, 2014. С. 72, рис. 11, 2; *Полин*, *Колтухов*, 2014. С. 328, рис. 3). Это захоронение по найденной в нем амфоре, изготовленной, по определению С. Ю. Монахова, в одном из центров Северной Эгеиды, относится к первой четверти/трети V в. до н. э. (*Колтухов*, 2012а. С. 42) или, более узко, к рубежу VI–V – началу V в. до н. э. (*Полин*, *Колтухов*, 2014. С. 317, 319);

2) погребение у с. Вишневка: курган 1, погребение 16 последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э. (*Андрух*, 1988. С. 166, рис. 5, 1–19; *Колотухин*, 2000. С. 82, рис. 2, 9–10; *Колтухов*, 2012б. С. 88, примечание 63);

3) погребение у с. Владимировка: курган 2, погребение 13 последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э. (*Колтухов*, 2012б. С. 126, 228, рис. 68, 1).

Во всех комплексах наконечников стрел данных погребений присутствуют единичные экземпляры бронзовых трехгранных базисных стрел с треугольной формой головки (БТ, 3г). В то же время базисные наконечники с такой же формой головки, но трехлопастные (БТ, 3л) представлены в этих комплексах в подавляющем большинстве (Надежда – 44 экз., 58 %; Вишневка – 250 экз., 84 %; Владимировка – 26 экз., 51 %). Данные погребения характеризуются С. Г. Колтуховым как захоронения воинов-дружинников, погребальный инвентарь которых отражал военно-грабительские походы кочевых скифов (*Колтухов*, 2012б. С. 136). Не исключено, что погребение в кургане Кулаковского принадлежало «военному вождю» одной из таких скифских дружин.

Таким образом, анализ погребального инвентаря дает основание отнести комплекс скифского погребения в кургане Кулаковского к последней трети/четверти VI – первой трети/четверти V в. до н. э.

Судя по набору вещей, это не богатое, но явно не рядовое захоронение принадлежало представителю «военно-родовой верхушки» (*Ильинская*, *Тереножкин*, 1983. С. 114) или родовой знати с функциями «военного вождя».

Алексеев, 2003 – *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Андрух, 1988 – *Андрух С. И.* Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. 1988. № 1.

Артамонов, 1966 – *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага; Л., 1966.

Артамонов, 1971 – *Артамонов М. И.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. М., 1971. (МИА; № 177).

Артамонов, 1974 – *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы (От появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974.

Вертиенко, 2010 – *Вертиенко А. В.* «Скифский арфист» (К интерпретации одной из сцен сахновской пластины) // АА. Донецк, 2010. № 21.

Виноградов, 2009 – *Виноградов Ю. А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917) / под ред. А. Е. Мусина. СПб., 2009.

Граков, 1971 – *Граков Б. Н.* Скифы: науч.-поп. очерк. М., 1971.

Грач, 1999 – *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Евразия..., 2005 – Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / под ред. А. Ю. Алексеева, Н. А. Боковенко, Г. И. Зайцевой, Е. М. Скотт, К. В. Чугунова. СПб., 2005.

Іллінська, 1961 – *Іллінська В. А.* Скифські сокири // Археологія. Київ, 1961. Т. XII.

Ильинская, 1968 – *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Ильинская, *Тереножкин*, 1983 – *Ильинская В. А.*, *Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Канторович, *Эрлих*, 2006 – *Канторович А. Р.*, *Эрлих В. Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006.

Канторович, 2015 – *Канторович А. Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: Классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. Т. 1–2.

Кеппен, 1837 – *Кеппен П. И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: с картой Южного Крыма и принадлежащим к ней указателем. СПб., 1837.

Кисель, 2013 – *Кисель В. А.* Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013.

- Ковпаненко и др.*, 1978 – *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978.
- Ковпаненко, Бунятян*, 1978 – *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П.* Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978.
- Колотухин*, 2000 – *Колотухин В. А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000.
- Колтухов*, 1998 – *Колтухов С. Г.* Курган Кулаковского // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. IX.
- Колтухов*, 2012а – *Колтухов С. Г.* Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э.: Погребальные памятники. Симферополь, 2012 (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. X).
- Колтухов*, 2012б – *Колтухов С. Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. АА. 2012. № 27.
- Колтухов*, 2014 – *Колтухов С. Г.* Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. 1.
- Конь и всадник..., 2003 – Конь и всадник. Взгляд сквозь века: Каталог выставки. М., 2003.
- Коровина*, 1957 – *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.
- Левицкий, Демченко*, 1995 – *Левицкий А. Г., Демченко Д. И.* Памятники скифской архаики на территории Молдовы // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып. V.
- Мелюкова*, 1964 – *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964. (САИ; Вып. Д 1-4).
- Мелюкова*, 1989 – *Мелюкова А. И.* Скифское искусство звериного стиля // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Сер. Археология СССР).
- Минасян*, 1990 – *Минасян Р. С.* Изображение свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // Материалы и исследования по археологии СССР / под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1990. (АСГЭ; Вып. 30).
- Мурзин*, 1984 – *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. № 90: Кулаковский Ю. А. Отчет о раскопках в Крыму в 1895 г.
- ОАК за 1895, 1897 – Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб., 1897.
- Ольховский*, 1991 – *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии: (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- Переводчикова*, 1994 – *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов: Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
- Петрова*, 2002 – *Петрова М. М.* История семьи Ревелиоти (по материалам ЦГААРК) // Греция и славянский мир. Симферополь, 2002. Вып. 1.
- Полін*, 1987 – *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Київ, 1987. Вып. 59.
- Полін, Колтухов*, 2014 – *Полін С. В., Колтухов С. Г.* Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов н/Д, 2014.
- Редина*, 1999 – *Редина Е. Ф.* К вопросу о фракийско-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.
- Ростовцев*, 1913 – *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49.
- Ростовцев*, 1918 – *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. (МАР; № 37).
- Самоквасов*, 1892 – *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.
- Силантьева*, 1959 – *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М., 1959. (МИА; № 69).
- Скифские погребальные памятники..., 1986 – Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья // Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В. и др. Киев, 1986.
- Скорый*, 1983 – *Скорый С. А.* Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.
- Скуднова*, 1988 – *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л., 1988.
- Спицын*, 1918 – *Спицын А. А.* Скифо-сарматские курганы Крымской степи // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54.
- Тереножкин*, 1976. – *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Троицкая*, 1951 – *Троицкая Т. Н.* Скифские курганы Крыма // ИКОГО. Симферополь, 1951. Вып. 1.
- Троицкая*, 1957 – *Троицкая Т. Н.* Погребение у села Белоглинки // СА. 1957. Т. XXVII.
- Тункина*, 2002 – *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Черепанова*, 1985 – *Черепанова С. М.* Скіфське поховання з с. Надежда Кримської області // Археологія. Київ, 1985. № 50.
- Яковенко*, 1976 – *Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Boroffka*, 1926 – *Boroffka G.* Der skythische Tierstil // Archäologischer Anzeiger, Berlin, 1926. Bd. XLI. S. 369–386. (Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts).
- Borovka*, 1928 – *Borovka G.* Scythian Art. London, 1928.
- The Dawn of Art, 1974 – The Dawn of Art / ed. M. Artamonov. Leningrad, 1974.
- Gold der Skythen, 1984 – Gold der Skythen. Munchen, 1984.
- Minns*, 1913 – *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Or des Scythes, 1975 – Or des Scythes. Paris, 1975.
- L'Oro degli sciti, 1978 – L'Oro degli sciti. Venezia, 1978.
- Piotrovsky, Galanina L, Grach*, 1986 – *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Skythian art. Leningrad, 1986.
- Rau*, 1929 – *Rau P.* Die Graber der fruhen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrovsk, 1929. (Известия центр. музея Авт. Соц. Советск. Республики немцев Поволжья; Год изд. 4; Вып. 1).

Kulakovsky Barrow (Materials from the State Hermitage).**S. G. Koltukhov, S. N. Senatorov**

In 1895, Yulian A. Kulakovskiy excavated in Crimea four kurgans (Fig. 1, 1–2) situated 3,5 km north-west from the modern village of Dolinnoye in the former Simferopol uyezd. All of these barrows were constructed in the Bronze Age and contained intrusive burials of the Scythian, Late Scythian and mediaeval periods.

In kurgan no. 2, intrusive grave no. 3 with a burial of a Scythian warrior was excavated. This monument has received the appellation of ‘Kulakovsky (Kulakovskiy’s) barrow’ and was characterized by distinctive finds of the Scythian animal art.

Kurgan no. 2 was 3,5 m high and 18 m in diameter. Burial no. 3 was placed in a pit dug in the centre of the mound to a depth above the virgin soil. The pit was roofed with wooden logs and covered with stone blocks.

The human skeleton was lying extended on the back with the head to the east. Near its right hand, two bronze plaques representing curled-up predators were found (Fig. 2, 11, 14). There was also a

bronze hatchet/sceptre lying nearby (Fig. 2, 13). Near the left hand at the level of the waist there was a whetstone (Fig. 2, 12), an iron sword in sheath (Fig. 2, 15) and fragments of an iron spear-head (Fig. 2, 15). Near the knee of the left leg, bronze (Fig. 2, 1–3) and bone arrowheads were found lying in a quiver.

The two bronze plaques both once decorated a horse bridle and can be considered as chef-d’oeuvres of the Graeco-Scythian animal art.

The bronze hatchet/sceptre executed in the animal style served as a symbol of military authority.

Bronze arrowheads have close parallels among quiver sets from military burials in Greek towns of Olbia and Nymphaion, as well as from Scythian steppe burials in Crimea of the Late-Archaic period.

The items of weaponry allow us to date the burial of the Scythian warrior to the time span from the last third or quarter of the 6th to the first third or quarter of the 5th century BC.

ПОГРЕБЕНИЕ СО СТЕКЛЯННОЙ ЧАШЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 2¹

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию материалов из меотского погребения, в котором вместе с местной керамикой были найдены импортные предметы. Проведенный анализ амфорной тары, чернолаковых сосудов и стеклянной «ахеменидской» чаши позволил датировать данный комплекс второй четвертью IV в. до н. э.

Annotation. This article deals with studies of materials from the Maeotian burial where, along with local pottery, imported objects were found. Examination of amphora containers, black-glazed vessels and a glass 'Achaemenian' cup enables us to date this assemblage to the second quarter of the 4th century BC.

Ключевые слова: меоты, погребение, амфоры, стеклянная чаша, черный лак, хронология.
Keywords: Maeotians, burial, amphorae, glass cup, black glaze, chronology.

В 25 км к востоку от Краснодара, на северном берегу водохранилища (правый берег р. Кубани) расположен один из наиболее исследованных памятников меотской культуры – могильник Старо-корсунского городища № 2. Он окружает городище с напольной стороны и защищен рвами и валами. С 1987 г. раскопки могильника регулярно ведет Краснодарская археологическая экспедиция КубГУ. Здесь открыто более 1000 погребений, материал которых является эталонным для меотской культуры VI в. до н. э. – первой половины III в. н. э. и в полной мере отражает весь период ее существования на правобережье Кубани. Немало комплексов классического и эллинистического времени содержат античные импорты, дающие надежные хронологические привязки для выделения хронологических групп и узкой датировки погребений (Лимберис, Марченко, 2005).

В 2013 г. в западной части могильника было исследовано погребение 652з (по сплошной нумерации), заслуживающее особого внимания.

Пятно могильной ямы не прослеживалось, но, судя по расположению инвентаря, яма была широкая прямоугольная, ориентированная длинной осью по линии восток – запад, с незначительным отклонением (рис. 1, I). В процессе расчистки вы-

яснилось, что в древности погребение было ограблено. Сохранившийся *in situ* инвентарь свидетельствует о его богатстве. Вдоль восточной стенки ямы, ближе к ее юго-восточному углу, стояла на ребре песчаниковая плита (рис. 1, Ia), рядом находились несколько маленьких сосудов: у юго-западного края – стеклянная чаша (рис. 1, Ib, 2), к северу от нее – сероглиняная кружка (рис. 1, Ib, 3), ручка которой была отбита и выброшена при ограблении. У северо-западного угла плиты лежали фрагменты лепного горшка (рис. 1, Iг, 4), к востоку от которого стоял вверх дном чернолаковый сосуд (рис. 1, Id, 5).

Основное количество инвентаря располагалось вдоль северной стенки ямы. В северо-восточном углу лежали сероглиняный кувшин (рис. 1, Iж; 2, I) и амфора (рис. 1, Iе; 3, б). Рядом (с западной стороны) находилась вторая амфора (рис. 1, Iз; 3, 7), у ее горла также лежал сероглиняный кувшин (рис. 1, Iи; 2, 2). Между ножками амфор был расчищен чернолаковый лекиф (рис. 1, Iк; 2, 3, 4). Третья амфора (рис. 1, Iл; 3, 8), у которой были преднамеренно отбиты верхняя часть горла и обе ручки, лежала в 33 см к северо-западу от второй. С востока и запада от этой амфоры стояли большие лепные горшки (рис. 1, Iм, о, н; 2, 5; 3, I, 2), а у ножки – большой красноглиняный лекиф (рис. 1, Iн; 2, б).

От скелета человека сохранились теменная часть черепа и фрагменты костей лицевого отдела, отброшенные грабителями к южной стенке могильной ямы. В 52 см к востоку – северо-востоку от черепа стояла на дне лепная чашечка (рис. 1, Iр; 3, 3).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00089: «Торговые связи меотов Прикубанья с античным миром (по материалам древнегреческой чернолаковой и тарной керамики)»).

² Россия, 350040, Краснодар, Ставропольская ул., 149. Кубанский государственный университет, НИИ археологии.

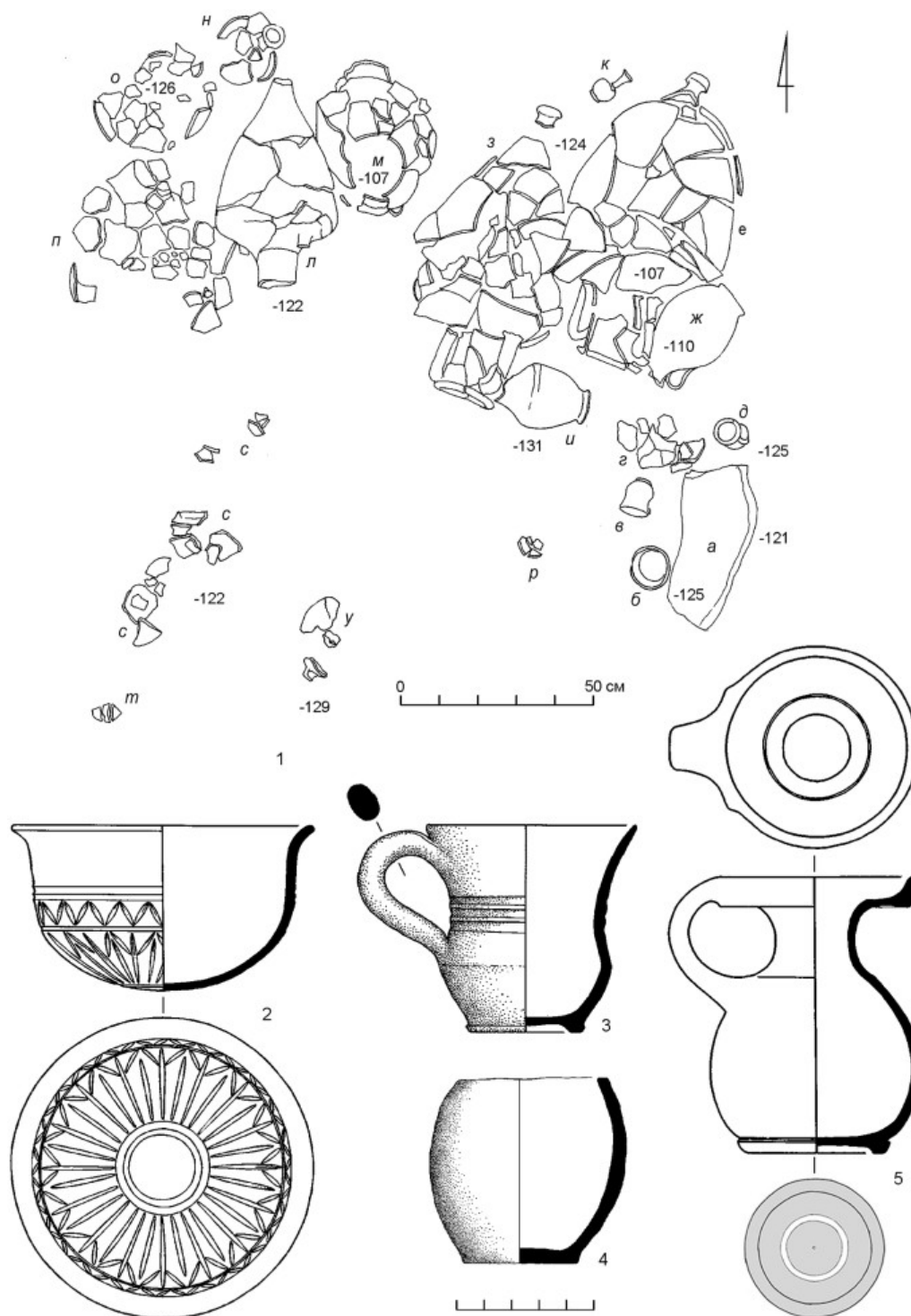

Рис. 1. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 652z: 1 – план погребения (а – песчаниковая плита; б – чаша стеклянная; в – кружка сероглиняная; г, м, о, п – горшок лепной; д – сосуд чернолаковый; е, з, л – амфоры; ж, и – кувшин сероглиняный; к – лекиф чернолаковый; н – лекиф красноглиняный; р – чашечка лепная; с – фрагменты миски лепной; т – фрагмент керамики; у – фрагмент черепа человека); 2 – чаша стеклянная; 3 – кружка сероглиняная; 4 – горшок лепной; 5 – сосуд чернолаковый

Fig. 1. Burial ground of the townsite № 2 of Stary-Korsun, burial 652z: 1 – plan of the burial (а – sandstone plate; б – glass bowl; в – grey-ware mug; г, м, о, п – handmade pot; д – black-glossed vessel; е, з, л – amphorae; ж, и – grey-ware pitcher; к – black-glossed lekythos; н – red-glossed lekythos; р – handmade cup; с – fragments of handmade bowl; т – fragment of pottery; у – fragment of a human skull); 2 – glass bowl; 3 – grey-ware mug; 4 – handmade pot; 5 – black-glossed vessel

С другой стороны от черепа (в 25–50 см), в заполнении на разной глубине по линии северо-восток – юго-запад были разбросаны фрагменты лепной миски (рис. 1, *1с*; 3, 4), которая, возможно, первоначально стояла в головах погребенного. Чуть дальше к юго-западу находились два фрагмента придонной части сероглиняного кувшина (рис. 1, *1м*).

При разборке погребения под горшком (рис. 1, *1о*) были обнаружены фрагменты сероглиняной миски (рис. 3, 5). В заполнении при расчистке был найден бронзовый перстень.

Описание инвентаря:

1. Плита неправильной четырехугольной формы из светло-серого песчаника. Размеры: длина – 52 см, ширина – 28 см.

2. Чаша (рис. 1, 2) глубокая из бесцветного стекла с округлым дном и плавно отогнутым венчиком, изготовленная методом прессования. Донце гладкое дисковидное, с двумя рельефными концентрическими окружностями, от которых отходят 16 узких лепестков с треугольными окончаниями. Выше лепестков – узкая бороздка и узор в виде зигзага, над ним – две горизонтальные бороздки. Придонная часть орнамента оттиснута в форме, бороздки, окончания листьев и зигзаг проточены. Размеры: высота – 6,4 см, диаметр устья – 11,6 см.

3. Кружка сероглиняная (рис. 1, 3) с низким биконическим туловом и высоким горлом-раструбом с гладким заостренным венчиком. Основание горла орнаментировано тремя рельефными желобками. Ручка круто изогнута. Верхним концом крепится ниже края, нижним – выше линии наибольшего диаметра. Дно маленькое, на низком кольцевом поддоне. Глина светло-серая, с мелким песком и блестками слюды. Размеры: высота – 8–8,4 см, высота до наибольшего диаметра – 3,3 см, наибольший диаметр – 6,3 см, диаметр устья – 7,7 см, диаметр дна – 4,5 см.

4. Горшок лепной (рис. 1, 4) бочковидной формы, с плавно загнутым краем. Кромка венчика уплощена. Дно плоское, выделено. Поверхность коричневая, излом – черного цвета, в глине – примесь мелкотолченого шамота. Размеры: высота – 14,2–14,5 см, высота до наибольшего диаметра тулова – 8,4 см, наибольший диаметр – 15,3 см, диаметр устья – 12,8 см, диаметр дна – 9 см.

5. Сосуд чернолаковый (рис. 1, 5) с округлым туловом и узким горлом, основание которого выделено узким уступом. Венчик широкий дисковидный, с вертикально приподнятым краем. Ручка крепится верхним концом к венчику, нижним – под

горлом. По сторонам ручки на краю венчика имеются маленькие конические выступы. Поддон кольцевой валикообразный, подрезан сверху до глины. На нижней стороне дна оставлен кружок в цвете глины, в центре – точка. Лак блестящий, густой, местами бурого цвета, ровный слой. Глина бежевая, тонкодисперсная, без видимых примесей. Размеры: высота – 9,8 см, диаметр тулова – 7,4 см, диаметр венчика – 7,3 см, диаметр поддона – 5,4 см.

6. Кувшин сероглиняный (рис. 2, 1) с овальным туловом и невысоким горлом с прогнутыми стенками, профилированным рифлеными бороздками. Основание горла выделено желобком, венчик нависающий, почти вертикально срезан наружу. Ручка плавно изогнута в верхней части, имеет два продольных желобка с внешней стороны. Верхним концом крепится к середине горла, основанием – к плечу. Поддон массивный кольцевой, с желобком у основания тулова. Глина светло-серая, с мелким кварцевым песком и блестками слюды. Размеры: высота – 31,5 см, высота до наибольшего диаметра – 14–16 см, высота горла – 8,3 см, наибольший диаметр – 19,5 см, диаметр устья – 10 см, диаметр дна – 10,8 см.

7. Амфора (рис. 3, 6) с высоким цилиндрическим горлом, грибовидным венцом и небольшой острорезерной ножкой. Размеры: высота – 72 см, высота до наибольшего диаметра – 48 см, высота горла – 18 см, наибольший диаметр – 32,5 см, диаметр венчика – 17 см, диаметр ножки – 5,7 см.

8. Амфора (рис. 3, 7) с высоким цилиндрическим горлом, грибовидным венцом и небольшой острорезерной ножкой. Размеры: высота – 72,5 см, высота до наибольшего диаметра – 46 см, высота горла – 18 см, наибольший диаметр – 36,5 см, диаметр венчика – 16,4 см, диаметр ножки – 5,4 см.

9. Кувшин сероглиняный (рис. 2, 2) с овальным туловом и невысоким горлом с прогнутыми стенками. Основание горла выделено узким рельефным валиком, венчик скошен наружу. Ручка плавно изогнута в верхней части, имеет продольное ребро с внешней стороны. Верхним концом крепится ниже края сосуда, нижним – к плечу. Поддон массивный кольцевой, слабо профилированный. Глина светло-серая, с мелким песком и блестками слюды. Размеры: высота – 27,7 см, высота до наибольшего диаметра – 11–13 см, высота горла – 7,7 см, наибольший диаметр – 17,5 см, диаметр устья – 10 см, диаметр дна – 10,8 см.

10. Лекиф арибаллический чернолаковый (рис. 2, 3, 4) с пальметтой, оставленной в цвете глины. Пальметта окружена резервной линией, разорванной сверху центральным листком. Горло узкое,

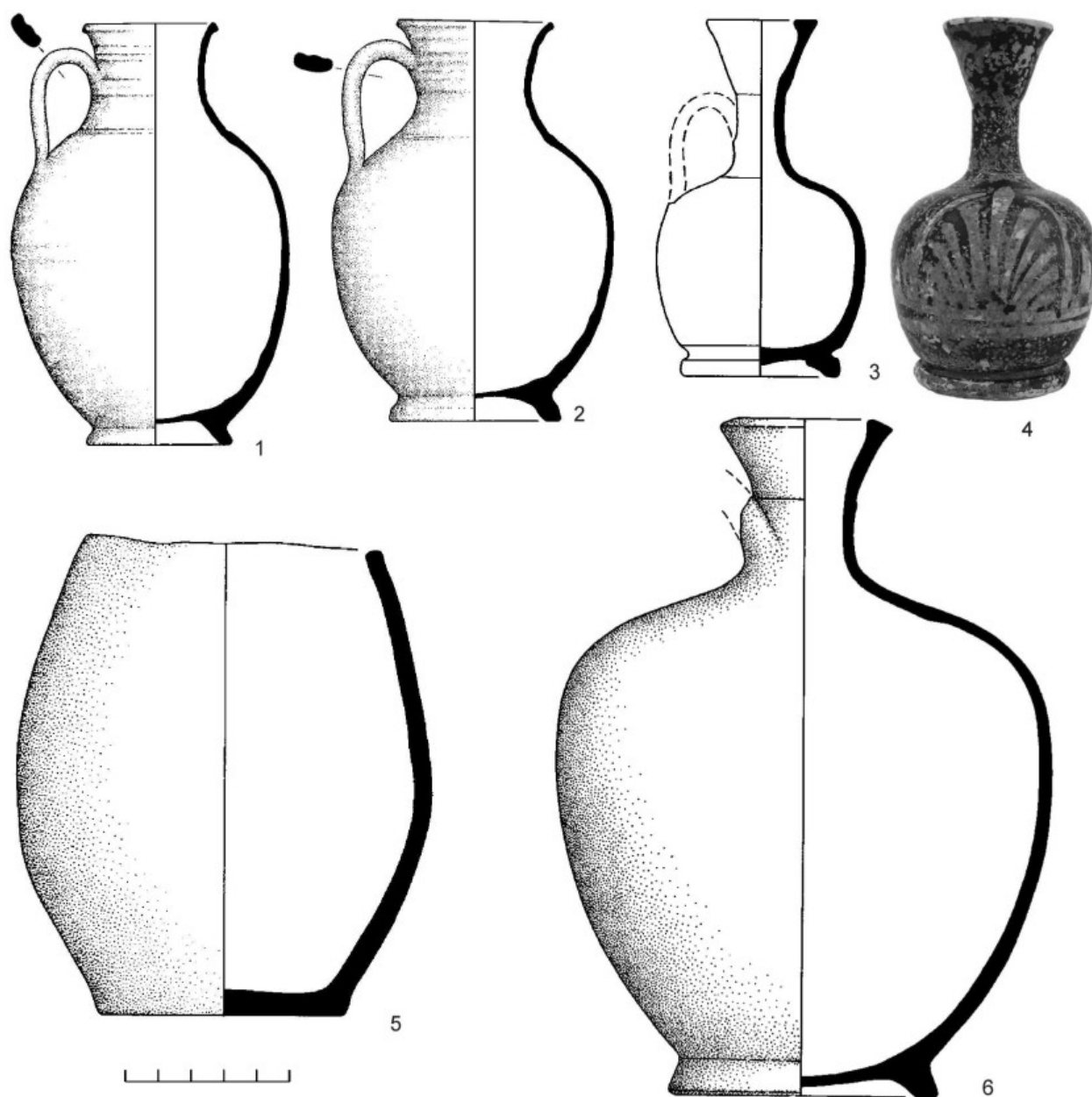

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 652з: 1–2 – кувшины сероглиняные; 3–4 – лекиф чернολаковый; 5 – горшок лепной; 6 – лекиф красноглиняный

Fig. 2. Burial ground of the townsite № 2 of Stary-Korsun, burial 652z: 1–2 – grey-ware pitchers; 3–4 – black-glossed lekythos; 5 – handmade pot; 6 – red-glossed lekythos

раструбовидное в верхней части, с плоским горизонтальным венчиком. Тулово округлое, поддон кольцевой валикообразный, подрезан сверху желобком. Ручка крепилась верхним концом к горлу, нижним – к плечу. Лак тусклый, с потертостями. Дно снизу оставлено в цвете глины. Глина бежевая, тонкодисперсная, без видимых примесей. Размеры: высота – 10,2 см, высота горла – 4,2 см, наибольший диаметр тулова – 6,2 см, диаметр венчика – 3,2 см, диаметр поддона – 4,2 см.

11. Амфора (рис. 3, 8) с энглифическим клеймом в нижней части горла. Верхняя часть горла, ручки и ножка отбиты в древности. Размеры: высота сохранившейся части – 56 см, высота до наибольшего диаметра (без ножки) – 40 см, наибольший диаметр – 32 см, диаметр горла в средней части – 10 см.

12. Горшок лепной (рис. 2, 5) с вытянутым бочковидным туловом, сужающимся к устью. Край наклонный, кромка венчика уплощена. Дно плоское, выделено закраиной. Поверхность коричневая,

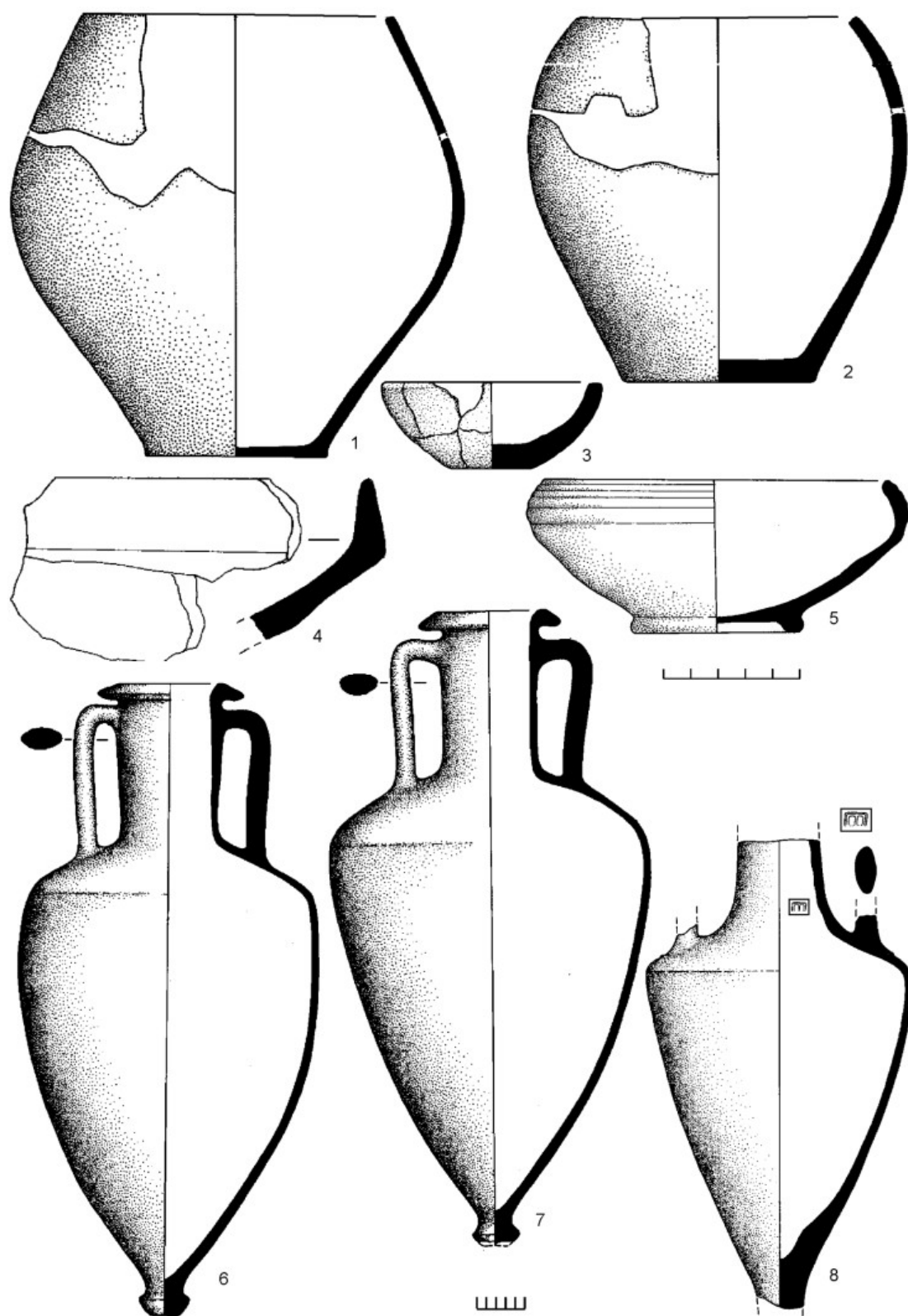

Рис. 3. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 652з: 1–2 – горшки лепные; 3 – чашечка лепная; 4 – фрагменты миски лепной; 5 – миска сероглиняная; 6–8 – амфоры

Fig. 3. Burial ground of the townsite № 2 of Sary-Korsun, burial 652z: 1–2 – handmade pots; 3 – handmade cup; 4 – fragments of handmade bowl; 5 – grey-ware bowl; 6–8 – amphorae

черепок в изломе черного цвета, примесь – шамот. Размеры: высота – 30,5–31,5 см, высота до наибольшего диаметра – 16,5 см, наибольший диаметр – около 27 см, диаметр устья – около 20 см, диаметр дна – около 16 см.

13. Лекиф красноглиняный (рис. 2, б) с овальным туловом, горизонтальными плечиками и коротким растробовидным горлом с плоским венчиком. В средней части горла имеется узкий уступ, ниже которого крепился верхний конец ручки. Поддон довольно массивный кольцевой, расширяющийся к основанию. Глина оранжевая, с большим количеством мелкого кварцевого песка с блестками слюды. Размеры: высота – около 22 см, высота до наибольшего диаметра – 11,7 см, наибольший диаметр – около 16 см, высота горла – 5 см, диаметр устья – 5,5 см, диаметр дна – 8,6 см.

14. Горшок лепной (рис. 3, 1) биконической формы, с ровным наклонным краем. Кромка венчика уплощена. Дно плоское, выделено узкой закраиной. Поверхность коричневая, черепок в изломе черного цвета, тесто с примесью шамота. Размеры: высота – около 33,5 см, высота до наибольшего диаметра – 19–20 см, наибольший диаметр – около 34 см, диаметр устья – около 22,5 см, диаметр дна – 14 см.

15. Горшок лепной (рис. 3, 2) с расширенным в верхней части туловом и плавно округленным внутрь краем. Кромка венчика уплощена. Дно плоское. Поверхность коричневая, с серыми пятнами, излом черепка черного цвета, в тесте – шамот. Размеры: высота – около 27,5 см, высота до наибольшего диаметра – 18 см, наибольший диаметр – около 28,5 см, диаметр устья – 21 см, диаметр дна – 14 см.

16. Чашечка лепная черноглиняная (рис. 3, 3) полусферической формы. Венчик неровно уплощен, дно плоское. Поверхность хорошо заглажена (но не залощена). Глина с песком и редкими микроскопическими блестками слюды, пористая от мелких выгоревших включений, заметна примесь мелко-толченого шамота. Размеры: высота – 3,2 см, диаметр устья – 8,4 см, диаметр дна – 3,5 см.

17. Миска лепная черноглиняная (рис. 3, 4) с острорезерным, слегка загнутым бортиком. Кромка венчика заострена. В глине – песок и шамот, поверхность не залощена. Размеры не восстанавливаются (мелкие фрагменты).

18. Фрагмент придонной части кувшина серо-глиняного на кольцевом слабо профилированном поддоне. Глина темно-серая, с мелким песком. Диаметр дна – около 8 см.

19. Миска сероглиняная (рис. 3, 5) с округленным загнутым бортиком, орнаментированным желобками, и округленными стенками. Дно на

низком кольцевом поддоне, отчерченном с внутренней стороны узким желобком. Глина серо-голубая, с мелким песком и микроскопическими блестками слюды. Размеры: высота – 6 см, высота до наибольшего диаметра – 4,5 см, диаметр устья – около 14 см, диаметр дна – 4,5 см.

20. Перстень бронзовый литой, с выпуклым овальным щитком, плавно переходящим в узкую шинку, овальную в сечении. На щитке – неясное углубленное изображение. Размеры: щиток – 1,1 × 0,6 см, диаметр шинки – около 2 см, сечение шинки – 0,25 × 0,1 см.

Таким образом, инвентарь, найденный в погребении, представлен главным образом керамикой. Кроме лепных и сероглиняных сосудов местного производства здесь присутствуют привозные черно-лаковые сосуды, стеклянная чаша и амфорная тара. Поэтому комплекс дает хорошие возможности как для датировки погребения в целом, так и для уточнения хронологии бытования отдельных вещей. Надо сказать, что в меотских памятниках такое удачное сочетание импортов встречается не часто.

Чернолаковый арибаллический лекиф относится к популярному в IV в. до н. э. типу (*squat lekythos*). Его пальметта окружена резервной линией, разорванной сверху центральным листком – самый распространенный из встречающихся вариантов ее изображения (Буравчук, 2007. С. 42, рис. 18, А). По материалам некрополя Аполлонии аналогичные лекифы (тип VII по Т. Иванову) датируются концом второй четверти – второй половиной IV в. до н. э. и предположительно могут заходить в начало III в. до н. э. (Иванов, 1963. С. 104–106). В боспорских памятниках Северного Причерноморья время наиболее широкого использования арибаллических лекифов с пальметтой приходится на вторую – третью четверти IV в. до н. э. (Рогов, Тункина, 1998. С. 173; Рогов, 2011. С. 49, 122, табл. 71, № 107–115). Этот период совпадает с их массовым выпуском в Аттике и повсеместным применением в погребальном обряде греческих некрополей Средиземноморья (Robinson, 1950. P. 148–150, 160–162. Pl. 105–108).

Обычай помещения лекифа в погребение проникает и в среду местного населения Прикубанья. Но, в отличие от боспорских некрополей, в меотских грунтовых могильниках арибаллические лекифы встречаются чрезвычайно редко. Среди большого числа погребений IV в. до н. э. Краснодарской и Усть-Лабинской групп памятников находка из погребения 652з могильника Старо-корсунского городища № 2 пока единственная. Другие известные нам находки лекифов (с изображением зайца, сетчатые, с пальметтой) были

сделаны на могильниках, расположенных ближе к восточной границе Боспора: Марьянский курган (ОАК за 1912 г., 1916. С. 54, рис. 7), Елизаветинский могильник № 2 (погребения 50, 59 1966 г.), Чернолесский (случайная находка), Лебеди III (раскоп I, комплекс LX, погребение 8 1979 г., погребение 150 1980 г.). В погребениях 252 и 253 Прикубанского могильника лекифы сетчатые и с пальметтой были встречены с амфорами первой четверти IV в. до н. э., а полностью покрытый лаком из погребения 196 – с амфорами середины – третьей четверти этого столетия (*Лимберис, Марченко, 2010. С. 339, 340, рис. 5, 8, 9, 13*).

Чернолаковый парфюмерный сосуд (*perfumepot*) является редкой формой даже для античных центров, а для меотского памятника такая находка пока уникальна. Эти сосуды выделены в так называемый *Talcott Class* и представляют собой форму, предположительно ведущую происхождение от аррибаллических лекифов, получившую широкое устье с вертикальной закраиной, дающее возможность неиспользованной жидкости сбегать обратно внутрь сосуда. Похожий плоский дисковидный венчик арибалла не предназначался для сбора остатков содержимого (*Sparkes, 1977. P. 23*). Иногда такие сосуды называют *лекифами Talcott Class*. В то же самое время эта форма существовала и развивалась в металле (*Zimmermann, 1998. S. 42–47*).

В разных музеях мира хранится немногим более 20 экз. сосудов этого типа (в том числе неаттического производства), и далеко не все из них были найдены в закрытых комплексах. Датировка фрагмента из Афинской агоры с аналогичным венчиком ограничивается пределами 375–350 гг. (*Sparkes, Talcott, 1970. P. 162–163. Nr. 1203*). Сосудов, идентичных старокорсунскому (вплоть до размеров), известно всего два. Один из них хранится в Эрмитаже в коллекции Новикова (предположительно из Керчи), другой – в Таманском музее (из тризны Старотитаровского кургана). Оба относятся к началу IV в. до н. э. (*Sparkes, 1977. P. 13, 14. Pl. 7, 2.A8; Morgan, 1999. P. 37–38. Pl. 15. Nr. 77*). Таким образом, два совершенно одинаковых сосуда происходят с Боспора (места их находок разделены проливом), а третий – с варварской территории, значительно отдаленной восточной границы Боспорского государства.

Большой красноглиняный лекиф, вероятно, был изготовлен в мастерских Боспора как подражание привозным греческим сосудам с округлым туловом (*Globular body*), которые были чрезвычайно популярны с середины VI и до конца IV в. до н. э. Из раскопок Афинской агоры происходят сосуды большого

размера, относящиеся к третьей четверти – концу IV в. до н. э. (*Sparkes, Talcott, 1970. P. 151–152. Nr. 1106–1108*). Подобные красноглиняные лекифы широко представлены в памятниках Северного Причерноморья и Северо-Восточного Приазовья (*Брашинский, 1980. С. 138, № 224, 225. Табл. XLI, 5; Грач, 1999. С. 63. Табл. 63, 2; Рогов и др., 2005. С. 194, рис. 15, 6–9*). Возможно, к этой же серии относятся фрагменты узкогорлого сосуда из «боспорской» глины, найденного в основной могиле Курджипского кургана, датирующей последней четвертью IV в. до н. э. (*Галанина, 1980. С. 55. Кат. 5, 6*).

Чаши с лепестковым орнаментом из бесцветного стекла (иногда с разными оттенками), подобные найденной в погребении 652з, обычно называют «ахеменидскими», хотя их происхождение остается дискуссионным. Образцами для них служили металлургические изделия, найденные не только на территории ахеменидского Ирана, но и далеко за его границами (*Иессен, 1952. С. 209–211, рис. 1, 2, 16*). Стекланные чаши этого типа были собраны и подробно проанализированы А. Салдерном. Чаши с резным орнаментом вошли в позднюю группу IV – первой половины III в. до н. э. (*Saldern, 1959. P. 41–42. Fig. 11, 16, 27–29; 1963. P. 7–14. Pl. I, 1, 2*). А. Салдерн и другие зарубежные исследователи (*Oliver, 1968; Barag, 1968; Vickers, 1972*) с большей или меньшей долей вероятности локализуют мастерские по изготовлению чаш с резным декором в пределах государства Ахеменидов (Западная Персия, Месопотамия, Сирия, Египет), географические рамки которого не были постоянными. Л. К. Галанина, в связи с находками из Курджипского кургана, уточнила список и время бытования подобных сосудов, уделив особое внимание их происхождению (*Галанина, 1970. С. 37–42*). Тщательный анализ не позволил ей безоговорочно решить вопрос о центрах производства чаш с лепестками, поэтому регионом их происхождения она считала Переднюю Азию «без каких-либо уточнений» (*Там же. С. 42*).

Несколько чаш поздней группы были детально проанализированы А. Оливером в связи с публикацией фиалы из Музея искусств Метрополитена. Эта чаша изготовлена из тонкого стеклянного диска, который путем нагревания был помещен в форму. Частично рельефный орнамент оттиснут в форме, а затем была нанесена резьба абразивным инструментом (*Oliver, 1968. P. 10. Fig. 1, 2*). По пропорциям, профилю и форме лепестков метрополитенской чаши очень близка фиала из Курджипского кургана, отличающаяся вогнутым дном (омфалом) и тремя бороздками. Эта чаша, реконструированная из нескольких фрагментов, до находки в Старокорсун-

ской была единственной на Северном Кавказе. Очень важно, что она происходит из хорошо документированного меотского памятника, расположенного в Закубанье. Основное погребение этого кургана, в котором были найдены фрагменты от двух одинаковых резных фиал, относится к последней четверти IV в. до н. э. Сами сосуды Л. К. Галанина предположительно датировала более ранним временем – серединой IV в. до н. э. (Галанина, 1970. С. 27–32, рис. 2; 3, 2–10; 1980. С. 54, 55. Кат. 9–11).

Несмотря на схожесть профиля, старокорсунский сосуд отличается от метрополитенского и курджипского пропорциями – он глубокий. Кроме пропорций (что, на наш взгляд, немаловажно), отметим, прежде всего, двухуровневую орнаментацию с разделяющей бороздкой, выше которой изображен зигзаг (новый элемент в орнаментации подобных сосудов), а также гладкое дисковидное дно без розетки или омфала.

Среди известных нам по литературе глубоких круглодонных чаш с лепестковым орнаментом и бороздками имеются сосуды, аналогичные по форме и пропорциям старокорсунскому. Все они происходят с территории Греции, и для их названия исследователи используют различные термины. Среди посвященных даров в храм Асклепия присутствует чаша *kymbion*. Рисунок этого сосуда не опубликован, но приводится изображение такого же сосуда из Македонии, найденного при раскопках кургана у деревни *Aineia (Aenea)* в гробнице, датирующейся временем около 350–325 гг. до н. э. (Stern, 1999. P. 25, 31–32. Fig. 11). Из других памятников Македонии (*Argilos, Pydna, Karytsa, Veroea*) известно несколько глубоких чаш этого типа с омфалом (*calyx*) или гладким диском на дне (*skyphos*), которые были особенно популярны здесь с третьей четверти до конца IV в. до н. э. Важно отметить, что в орнаментации чаш из Македонии (изображении лепестков) прослеживается скорее египетское, чем персидское влияние; причем подобная форма появилась в азиатском регионе раньше, чем в самой Персии. Похожие сосуды с Родоса датируются второй – третьей четвертями IV в. до н. э. (Ignatiadou, 2002. P. 11–12, 16. Fig. 1, 2).

Большая удача, что этот уникальный не только для Прикубанья, но и для всего северокавказского региона сосуд был найден в контексте с другими импортами, которые дают возможность датировать комплекс с точностью до четверти века. Кроме чернолаковой керамики, о датировке которой уже говорилось, в погребении присутствовали две амфоры Книда (№ 6 и 8) чередникового варианта I–D второй – третьей четвертей IV в. до н. э., а также

амфора Пепарета (№ 11) солохинского варианта I–A первой половины IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 104, 110, 97–100). Совокупная датировка амфор и чернолаковых сосудов позволяет ограничить дату погребения второй четвертью IV в. до н. э. Л. К. Галанина, удревяя датировку стеклянных фиал из Курджипса по сравнению с общей датой погребения, предполагала их возможное запаздывание. В нашем случае датировка чаши укладывается в хронологические рамки погребения, и оснований для ее удревянения по отношению к остальному комплексу импортных вещей нет.

Стеклянные сосуды для Прикубанья в этот период являются редчайшей категорией импорта, вероятно, в первую очередь в силу своей хрупкости и дороговизны (кроме Курджипса и Старокорсунской, два фрагмента какого-то стеклянного сосуда «с рельефным расчлененным пояском» известны только в могильнике Лебеди III³). Имело значение и расстояние, так как непосредственные контакты местного населения с центрами, производившими подобные изделия, можно предполагать с большой натяжкой. Такие предметы, прежде чем попасть к меотам, должны были пройти через несколько промежуточных торговых пунктов, где по большей части и оседали. Тем не менее, налаженные с древности связи с ахеменидским Ираном давали возможность попадать изделиям этого типа попадать на Северный Кавказ по торговым путям через Закавказье. Об этом говорят находки из Алгети и Сарки (*Sairkhe*) в Грузии (*Makharadze, Saginashvili*, 1999). Л. К. Галанина, на основании находок курджипской и алгетской фиал, справедливо полагала, что эти сосуды были доставлены из Передней Азии, минуя греческие колонии, так как подобные находки там отсутствуют. Курджипский курган был самой северной точкой ареала их распространения (Галанина, 1970. С. 43). Теперь – это Старокорсунское городище № 2.

По нашему мнению, немаловажным является то обстоятельство, что аналогичные старокорсунской стеклянные чаши в большом количестве известны в памятниках Македонии, где они, очевидно, пользовались особой популярностью. Поэтому нельзя исключить покупку старокорсунской чаши именно в этом регионе. Этот драгоценный сосуд мог быть привезен на меотское городище через одну из греческих колоний Северного Причерноморья вместе с продукцией в амфорной таре и дорогой чернолаковой посудой.

³ По отчету И. С. Каменецкого о раскопках 1979 г. это инв. № 175, погребение 8, рис. 129, 6.

- Буравчук*, 2007 – *Буравчук О. Е.* Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея // *Античный мир и варвары на юге России и Украины.* Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007.
- Брашинский*, 1980 – *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л., 1980.
- Галанина*, 1970 – *Галанина Л. К.* Стекланные сосуды из Курджипского кургана // *АСГЭ.* Л., 1970. Вып. 12.
- Галанина*, 1980 – *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л., 1980.
- Грач*, 1999 – *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Иессен*, 1952 – *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // *СА. М.*, 1952. Т. XVI.
- Иванов*, 1963 – *Иванов Т.* Античная керамика из некрополя на Аполония // *Аполония.* Разкопките в некрополя на Аполония през 1947–1949. София, 1963.
- Лимберис, Марченко*, 2005 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // *Материалы и исследования по археологии Кубани.* Краснодар, 2005.
- Лимберис, Марченко*, 2010 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // *Древности Боспора. М.*, 2010. Вып. 14.
- Монахов*, 2003 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- ОАК*, 1916 – *ОАК за 1912 год.* Петроград, 1916.
- Рогов*, 2011 – *Рогов Е. Я.* Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011. (МАИЭТ; Вып. 10).
- Рогов и др.*, 2005 – *Рогов Е. Я., Кашаев С. В., Форназир Й.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышеблеивская-11 на юге Таманского полуострова // *Боспорские исследования.* Симферополь; Керчь, 2005. Т. VIII.
- Рогов, Тункина*, 1998 – *Рогов Е. Я., Тункина И. Н.* Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // *АВ. СПб.*, 1998. Вып. 5.
- Barag*, 1968 – *Barag D.* An Unpublished Achaemenid Cut Glass Bowl from Nippur // *JGS. Corning*, 1968. Vol. X.
- Ignatiadou*, 2002 – *Ignatiadou D.* Colorless Glass in Late Classical and Early Hellenistic Macedonia // *JGS. Corning*, 2002. Vol. 44.
- Makharadze, Saginashvili*, 1999 – *Makharadze G., Saginashvili M.* An Achaemenian Glass Bowl from Saikhe, Georgia // *JGS. Corning*, 1999. Vol. 41.
- Morgan*, 1999 – *Morgan C.* A Catalogue of the Attic Pottery in the Collection of the Taman Museum // *Taman Antiquity.* St. Petersburg, 1999. Vol. 2.
- Oliver*, 1968 – *Oliver A.* Persian Export Glass // *JGS. Corning*, 1968. Vol. X.
- Robinson*, 1950 – *Robinson D. M.* Excavation at Olinthus. Baltimore, 1950. Vol. XIII.
- Saldern*, 1959 – *Saldern A. v.* Glass Finds at Gordion // *JGS. Corning*, 1959. Vol. I.
- Saldern*, 1963 – *Saldern A. v.* Achaemenid and Sassanian Cut Glass // *Ars Orientalis.* Washington, 1963. Vol. V.
- Sparkes*, 1977 – *Sparkes B. A.* Quintain and the Talcott Class // *Antike Kunst.* Basel, 1977. Bd. 20.
- Sparkes, Talcott*, 1970 – *Sparkes B. A., Talcott I.* Black and Plane pottery of the 6th, 5th, 4th cent. B. C. / *The Athenian Agora.* NJ. Princeton, 1970. Vol. XII.
- Stern*, 1999 – *Stern E. M.* Ancient Glass in Athenian Temple Treasures // *JGS. Corning*, 1999. Vol. 41.
- Vickers*, 1972 – *Vickers M.* An Achaemenid Glass Bowl in a Dated Context // *JGS. Corning*, 1972. Vol. 14.
- Zimmermann*, 1998 – *Zimmermann N.* Beziehungen zwischen Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit. Raden/Westf. 1998. (Internationale Archäologie; Bd. 20).

A burial with a glass cup from the cemetery of Stary-Korsun townsite no. 2

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

This article deals with studies of finds from burial 6523 at the cemetery of Stary-Korsun townsite no. 2 (fig. 1, I). Along with handmade and grey-ware pottery of local production, there were here imported black-glazed vessels, a glass cup and amphora containers. A black-glazed aryballic lekythos is of a type popular during the 4th century BC. A black-glazed perfume flask has a shape rare even in Greek centres and such a find is so far unique for a Maeotian burial ground. Cups from colourless glass with petal ornamentation, similar to that

found in burial 6523, usually are called 'Achaemenian'. They are typical in the period from the 4th to the first half of the 3rd century BC. Their greatest number comes from Macedonian sites. In the grave under consideration there were found two amphorae from Knidos of the second or third quarter of the 4th century BC and an amphora from Peparethos of the first half of the 4th century BC. The combined examination of the amphorae and black-glazed vessels restricts the date of the burial to within the second quarter of the 4th century BC.

БОСПОРСКИЕ, ОЛЬВИЙСКИЕ И ХЕРСОНЕССКИЕ ПОСЛЫ КЛАССИЧЕСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

М. В. Скржинская¹

Аннотация. В статье впервые собраны все сведения V–I вв. до н. э. о послах из греческих государств Северного Причерноморья. По текстам древних надписей удалось установить около полутора десятка имен граждан, исполнявших обязанности послов. Привлекая произведения античных писателей и эпиграфические источники, автор исследования характеризует деятельность послов из Ольвии, Херсонеса и Боспора, которые посещали Афины, Делос, Дельфы, Египет, Понтийское царство и вождей соседних племен.

Annotation. In the present article, the complete information is collected concerning ambassadors from Greek states of the 5th–1st centuries BC in the Northern Black Sea littoral. From the texts of ancient inscriptions it is possible to identify approximately fifteen names of citizens who were charged with the office of ambassadors. Having studied the works of ancient writers and epigraphic sources the present author considers the activities of ambassadors from Olbia, Chersonesos and Bosporos who visited Athens, Delos, Delphi, Egypt, the Pontic Kingdom and the chiefs of neighbouring tribes.

Ключевые слова: античные государства Северного Причерноморья, Афины, письменные и эпиграфические источники, внешняя политика, посольства.

Keywords: classical states of the Black Sea littoral, Athens, written and epigraphic sources, external policy, embassies.

В научной литературе есть немало исследований о внешней политике античных государств Северного Причерноморья. Однако до сих пор почти не уделялось внимания немногочисленным уцелевшим сведениям о послах, которые служили проводниками политики своих полисов. С помощью послов решались вопросы взаимоотношений с властями разных государств и с вождями местных племен, заключались договоры и принимались важные законы. Подавляющая часть интересующих нас сведений находится в обнаруженных при раскопках надписях, и лишь немного можно найти в других письменных источниках.

Во время появления греческих колоний в Северном Причерноморье между эллинскими полисами существовали оживленные дипломатические отношения, которые осуществлялись через послов. Необходимость в их деятельности для северных греческих колоний, конечно, появилась уже в период образования местных полисов, однако определенные сведения о посольствах из государств Се-

верного Причерноморья имеются лишь начиная с классического времени.

Первоначально послов всегда выбирали из уважаемых граждан пожилого возраста, считавшихся опытными в разрешении политических и экономических вопросов. Это дало повод к возникновению греческого наименования посла *πρεσβευτής*, то есть старейшина. Уже в классический период послы умели использовать различные приемы красноречия, чтобы убедительно обосновать поставленные перед ними задачи. Этими качествами, как правило, обладали граждане из состоятельных семей, имевшие возможность получить хорошее образование. В греческих полисах не существовало профессиональных послов, их выбирали из граждан, обладавших необходимыми качествами для успешного исполнения того или иного поручения. Обычно послы получали от государства определенную сумму на расходы, однако им часто приходилось вкладывать и собственные средства, особенно если посольство затягивалось на долгое время. Например, херсонесит Аристон шесть лет был послом в Риме, где хлопотал о даровании статуса свободного города для своей родины, а его соотечественник Демократ неоднократно вообще за свой счет ездил в Рим послом к императорам (IOSPE I². 423, 425).

¹ Украина, 01001, Киев, ул. Грушевского, 4. Институт истории НАН Украины, Отдел истории средних веков и раннего нового времени.

Количество членов посольства каждый раз определялось заново, исходя из задач поручения. Например, афиняне в III в. до н. э. прислали на Боспор трех послов (МИС. 4). В сохранившихся документах, касающихся числа послов из городов Северного Причерноморья, обычно названы два имени (МИС. 3; IOSPE I². 32, 402) или о числе послов ничего не говорится.

Косвенно о послах, отправленных в Афины во второй половине V в. до н. э., говорит участие Ольвии, Нимфея и некоторых других государств Северного Причерноморья в Афинском морском союзе (МИС. 1). Это предполагало внесение от каждого члена союза определенного взноса (фороса). Его ежегодно весной доставляли послы, приезжавшие в Афины; там на празднике Великих Дионисий эти деньги, разделенные на таланты, выносили на оркестру театра перед представлением драматических произведений (Isocr. VIII, 82, 83). В числе зрителей были послы из колоний Северного Причерноморья. Они также принимали участие в праздничном дионисийском торжественном шествии (*Мариневич*, 1998. С. 311–312).

Древнейшие определенные сведения о послах из античных государств Северного Причерноморья относятся к Боспору. Это две афинских надписи, хранящиеся в афинском Национальном музее.

Верх мраморной стелы, найденной в афинской гавани Пирее, украшен рельефом с изображением царей-соправителей Спартока II и Перисада I и их брата Аполлония. Ниже высечен текст почетного декрета, принятого в апреле 346 г. до н. э. В постановлении сказано о решении венчать этих боспорян золотыми венками на празднике Великих Панафинея и сохранить за ними те же привилегии, которые были дарованы их отцу и деду, царям Левкону и Сатиру. Декрет заканчивается словами о поручении секретарю Совета написать это постановление на каменной стеле и поставить ее рядом с аналогичными почетными надписями в честь Сатира и Левкона. В этом обширном декрете уцелели наиболее подробные сведения о деятельности царских послов.

После смерти Левкона новые цари написали письмо афинскому правительству, где подтверждались все прежние договоренности с их отцом и дедом, в первую очередь о необходимых для Афин поставках хлеба на льготных условиях. Сопоставляя эти слова с известиями из речей Демосфена, можно заключить, что Афины пользовались исключительными правами беспрошльного вывоза хлеба и первоочередности при погрузке кораблей,

а также возможностью торговать в кредит (*Шелов-Коведяев*, 1985. С. 137).

Письмо отправили с послами Сосием и Феодосием. Их назначили послами не случайно, так как их хорошо знали афиняне, которым эти боспоряне у себя на родине постоянно оказывали поддержку, о чем с благодарностью сказано в декрете. Это позволяет заключить, что Сосий и Феодосий имели проксенов в Афинах, которые выступали посредниками в отношениях приезжих с властями города. По установившейся традиции боспорские послы вместе со своими проксенами пришли к соответствующему должностному лицу и предъявили свои грамоты. После этого (в Афинах обычно через пять дней) послы приглашали выступить в Совете или в Народном собрании, где прочитывались привезенные послами документы, обсуждались изложенные там предложения и просьбы, а послы могли выступить с разъяснениями и ответить на вопросы.

Вероятно, письмо боспорских царей, подтверждавших прежние обязательства, не вызвало особых дебатов и, как видно из декрета, было встречено с одобрением. Власти удовлетворили содержащиеся в письме просьбы о присылке на Боспор квалифицированных афинских матросов и о возвращении кредита за поставленное зерно. Видимо, на боспорских кораблях не хватало опытных мореходов, умевших хорошо обращаться с корабельными снастями. Сосий и Феодосий, неоднократно встречавшие корабли из Афин у себя на родине и оказывавшие услуги афинянам, знали, кого именно хотели нанять боспоряне; поэтому они представили список нужных им людей, и афиняне согласились его утвердить. Так как матросы, отправлявшиеся служить боспорянам, были афинскими гражданами, их следовало зарегистрировать у секретаря афинского Совета, куда послы принесли составленный ими список. В декрете выражалось напутствие матросам хорошо служить и исполнять все приказание боспорян.

Афиняне высоко оценили деятельности Сосия и Феодосия, помогавших афинским гражданам на Боспоре. Им была оказана особая честь: приглашение на трапезу в Пританее, иными словами, в честь боспорян был устроен официальный прием, которого удостоивались далеко не все иностранные послы.

Надпись дает основание сделать вывод о вошедшем в практику обычае: вступив на престол, боспорские цари отправляли послов в Афины с подтверждением продолжения уже выработавшихся договоренностей. Первые из них были заключены

при Сатире I, который стал обеспечивать Афины хлебом на льготных условиях, а оба государства предоставляли возможность беспошлинной торговли своими товарами. Кроме того, Афины и Боспор договорились о взаимной выдаче преступников и об эпигамии, то есть о законности брака граждан обоих государств с гражданками полиса, с которым заключено соответствующее соглашение, и о признании законными гражданами сыновей от таких браков (Жебелев, 1953. С. 192). Эти договоренности были записаны на упомянутых в конце декрета двух прежних стелах. Возможно, при Левконе договор получил новые важные для Афин дополнения, так как стелы с декретом об ателии и других договоренностях с Левконом были выставлены в трех местах: в афинской гавани Пирее, на Боспоре и в местечке Гиерон на азиатском берегу Боспора Фракийского (Dem. XX, 37). Здесь у храма Зевса Урия приставали все суда, плывшие в Черное море, и там ставили стелы с копиями декретов, которые было важно знать всем плывущим в Понт. При раскопках в этом месте археологи нашли много надписей, в частности декрет о деньгах и их обмене в Ольвии на местные монеты. Однако упомянутого Демосфеном декрета не обнаружено.

Послы заключали договоры и доставляли на родину их тексты, которые хранились в архивах Афин и Пантикапея. При необходимости эти документы могли быть доставлены в суд, как этого потребовал Демосфен, и во время процесса секретарь, по просьбе истца, читал договор с Боспором о льготных поставках хлеба (Dem. XXXIV, 36).

В надписях и в речах ораторов упоминаются почести, оказанные афинянами боспорским царям за их услуги: о венчании золотыми венками, о предоставлении афинского гражданства, о постановке статуй с их изображением. Тексты декретов о различных наградах доставляли афинские послы, о чем нам известно из декрета III в. до н. э., где говорится о прибытии трех афинских послов с известием о том, что на ближайших Великих Дионисиях царь Спарток III будет увенчан золотым венком (MIS. 4).

Б. Н. Граков написал в комментарии к этому декрету, что в тексте надписи заметно некоторое заискивание перед боспорским царем, так как раньше боспоряне сами отправляли послов в Афины, а теперь к царю едут афинские послы с известием о награде монарху (MIS. С. 241). Думается, что для этого нет достаточных оснований. В надписи сказано, что Спарток, продолжая традиции предков, обещал по-прежнему оказывать услуги афинянам, и одна из них – недавно присланные в дар 15 000 ме-

димнов хлеба. Декрет издан в 288 г. до н. э., то есть более чем через десятилетие правления Спартока. Поэтому есть все основания считать, что при вступлении на престол в 304 г. до н. э. царь, как и его предшественники, отправил послов в Аттику с уверением о продолжении прежней политики Боспора в отношении Афин. Вероятно, афиняне по установившейся традиции увенчали Спартока золотым венком на Панафинейх и дали ему те же привилегии, которыми пользовались его предки, в частности права афинского гражданства, о чем, как о важнейшей награде, упомянуто в декрете. Позднее, в феврале 288 г. до н. э., афиняне решили вновь наградить царя за его «хлебный дар» и поддержку Афин в их борьбе с опасностью македонского владычества. Поэтому было решено увенчать царя золотым венком на другом известном во всей Элладе празднике, Великих Дионисиях, который справляли в апреле. Афинские послы, прибывшие на Боспор с известием о награде и копией декрета, пригласили царя на Дионисии, во время которых в театре перед представлением трагедий провозгласят о венчании Спартока золотым венком и о решении установить его статуи на агоре и на акрополе с соответствующими надписями, где уже находились статуи его предков, о чем также известно из речи Динарха (I, 46).

Безусловно, боспоряне отправляли послов с разными поручениями не только в Афины, но и во многие города Причерноморья и Средиземноморья, с которыми поддерживали политические и экономические связи. Однако об этом говорит единственное уцелевшее документальное свидетельство. В папирусе из архива Зенона, датированном 21 сентября 254 г. до н. э., упомянуты послы, прибывшие в Египет к царю Птолемею Филадельфу от Перисада II, сына Спартока III (MIS. С. 261–262). О целях визита в документе не говорится; ясно лишь, что послов приняли с большими почестями и пригласили на праздник Арсеноей в какой-то отдаленный от Александрии храм, так как для поездки потребовались сначала корабли, вероятно плывшие по Нилу, а затем экипажи и вьючные мулы. Боспоряне названы послами, а ехавшие с ними аргивяне феорами. Из этого следует, что последние специально прибыли на праздник, так как феорами называли участников священных посольств, направляемых на разные эллинские празднества. У боспорских послов была иная цель, но в качестве особого расположения египтян к посланникам Перисада их пригласили посмотреть на роскошное зрелище во время праздника, проходившего вдали от столицы.

Найденное в Нимфее изображение большого военного корабля «Исида» косвенно свидетельствует о египетском посольстве на Боспор. О том, что военные корабли доставляли сюда посольства, свидетельствует рассказ Полиэна (V, 44) о после Архивиаде, прибывшем к царю Левкону на триере. Нимфейский рисунок сделан явно с натуры; его автор определенно знал морское дело, но не обладал хорошими художественными способностями (*Грач*, 1984. С. 81–88). Судно посетило Нимфей, вероятно, по пути в Пантикапей во время царствования Перисада II, так что можно с уверенностью говорить об обмене посольствами между Боспором и Египтом в III в. до н. э. О задачах же дипломатов ничего определенного не известно. Можно лишь сказать, что переводчиков им не требовалось, так как в птоломеевском Египте официальным языком был выработанный в период эллинизма греческий койне. Упоминание в папирусе и рисунок из Нимфея указывают на дружеские отношения Боспорского царства с державой Птолемея во время правления Перисада II, чему способствовали переговоры послов обоих государств.

Кроме этих косвенных данных о визите иностранных послов на Боспор, сохранились прямые свидетельства о подобных посольствах. Такими были афинские послы, дважды приезжавшие к Спартоку III, о чем говорилось выше, а также македонское посольство, описанное Полиэном (V, 44). В середине IV в. до н. э. к царю Левкону прибыл посол Архивиад с предложением заключить договор о дружбе и гостеприимстве. На деле он исполнял тайное поручение полководца Мемнона, находившегося в то время на службе у македонского царя Филиппа II. Царь готовился к войне со скифами и не без основания полагал, что боспоряне могут выступить против него на стороне своих варварских соседей (*Сапрыкин*, 2011. С. 63–64). Поэтому следовало оценить военный потенциал Боспора, и для этого Мемнон прибег к хитрой уловке. На специально снаряженной триере на Боспор вместе с Архивиадом Мемнон отправил на гастроли знаменитого музыканта Архивиада, певшего под аккомпанемент кифары. Полководец рассчитывал, что на концерты прославленного кифарода в театрах нескольких боспорских городов соберется множество граждан, так что можно будет посчитать приблизительное количество боспорского войска. К сожалению не известно, как Левкон откликнулся на предложение Архивиада, но можно с достаточной долей вероятности предположить, что царь направил со своими предложениями ответное посольство в Македонию.

По литературным и эпиграфическим источникам известно о постоянных тесных политических контактах Боспора и Херсонеса, его ближайшего соседа в Северном Причерноморье (Херсонес Таврический..., 2004. С. 31–72). Недаром в декрете III в. до н. э. в честь херсонесского историка Сирикса (IOSPE I². 344) особо подчеркнуто, что он правдиво описал взаимоотношения своей родины с Боспором. В непростых взаимоотношениях двух государств немалую роль играли послы, но об их деятельности сейчас известно немного.

В конце I в. до н. э. боспорская царица Динамия прислала в Херсонес посла Амина, и его участие в переговорах было столь успешно, что херсонеситы издали в его честь почетный декрет (IOSPE I², 354). К сожалению, от надписи уцелело немного, так что содержание успешных переговоров сейчас неизвестно. Другое свидетельство о боспорских послах в Херсонесе сохранилось в новелле о местной героине Гикии. Херсонесский историк записал это устное предание через несколько десятилетий после описанных в нем событий, а затем этот текст включили в последнюю главу сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей». В новелле рассказано о том, как боспорский царь Асандр дважды направлял своих послов в Херсонес с предложением заключить брак между его сыном и Гикией, дочерью видного херсонесского политического деятеля Ламаха. Херсонеситы не сразу приняли это предложение, а затем согласились, оговорив свои условия: муж Гикии будет жить с ней в Херсонесе и не станет никогда ездить на родину. Видимо, в новелле уже оказались забыты реальные основы договора, так как боспоряне были заинтересованы в том, чтобы сын их царя жил именно в Херсонесе. Там он составил заговор с целью свержения херсонесских властей и намеревался возвратить это государство под протекторат Боспора, но решительные действия его жены Гикии помешали исполнению коварного плана. В этом первоначально устном рассказе, прошедшем в течение нескольких десятилетий через фильтр фольклорного сознания, отразился реальный факт попытки Боспора вернуть Херсонес в свое подчинение в 20-е годы I в. до н. э., для чего через послов было передано предложение о браке, укреплявшем добрые взаимоотношения двух государств (*Скржинская*, 2014. С. 163–170).

Древнейшее упоминание о херсонесских послах находится в надписи с договором Херсонеса и понтийского царя Фарнака I (IOSPE I², 402). Клятвенное заверение о дружбе и взаимопомощи двух государств совершалось при участии херсонесских

послов Матрия и Гераклия. Весной 179 г. до н. э. был оформлен соответствующий документ, который послы доставили на родину, а текст договора, высеченный на мраморной плите, выставили в городе на всеобщее обозрение. По-видимому, упомянутым послам оказывал поддержку Менофил, гражданин входившего в Понтийское царство города Синопы (Херсонес Таврический..., 2005. С. 236), и за это херсонеситы издали в его честь почетный декрет (IOSPE I², 351).

Основные пункты упомянутого договора об экономическом и военном сотрудничестве были возобновлены по инициативе понтийского царя Митридата Евпатора, стремившегося расширить свое влияние в Северном Причерноморье. Вероятно, в договор были внесены новые условия и обязательства. С этой целью царь направил в Херсонес своего посла, гражданина города Аμισ, который наряду с Синопой то время был одной из двух столиц Понтийского царства. Херсонеситы высоко оценили деятельность посла, послужившую общими интересам. В качестве награды издали почетный декрет в его честь, дали ему и его потомкам проксению и поставили на видном месте в городе мраморную стелу с текстом декрета (IOSPE I², 349; *Соломоник*, 1973. С. 14–17; *Сапрыкин*, 1986. С. 211–213).

Позже, опираясь на упомянутый договор, одним из пунктов которого было соглашение о взаимной военной помощи, херсонесские послы обратились к понтийскому царю Митридату Евпатору с просьбой помочь отразить скифское нашествие. В ответ царь послал свое войско во главе с выдающимся полководцем Диофантом. Об этом известно из декрета в честь Диофанта, который в конце II в. до н. э. избавил Херсонес от угрозы разорения скифами (IOSPE I², 352). Судя по тексту надписи, херсонесские послы неоднократно приезжали к Митридату, и Диофант содействовал успеху их переговоров с царем.

Определенные сведения об ольвийских послых до гетского разгрома города в I в. до н. э. содержатся лишь в двух надписях эллинистического времени. Из декрета Протогена (IOSPE I², 32) известно, что в III в. до н. э. государство выделяло для посольств определенную сумму и отдавало организацию посольства на откуп. снаряжение посольства в резиденцию царя Сайтафарна взял на откуп некий Конон, но когда он не смог получить обещанные архонтами 300 золотых, то отказался от своего обязательства; после этого еще трижды объявлялись торги, и в результате ольвиополит Формион взялся доставить Сайтафарну данную Протогеном

необходимую сумму. В другой раз сам Протоген вместе с Аристократом взяли на себя функцию послов к варварскому царю, от военных нападений которого Ольвия откупалась крупной данью. Привезенная послами сумма 900 золотых, которую вновь дал городу Протоген, показалась царю недостаточной, и он, разгневавшись, решил идти в поход на Ольвию. Из-за лакуны в надписи неизвестно, чем окончился этот поход, но можно думать, что с помощью Протогена Ольвия сумела откупиться от вторжения варваров.

Итак, из декрета Протогена можно узнать имена нескольких послов, а также о том, как в Ольвии организовывались посольства и как их направляли к варварским вождям. Во второй интересующей нас надписи речь идет о посольстве в столицу Понтийского царства Синопу на южном побережье Черного моря (IOSPE I², 35). К этой надписи неоднократно обращались современные историки (*Жебелев*, 1953. С. 273–289; *Виноградов*, 1989. С. 252–256 и др.), но их не интересовали сведения о посольствах, направлявшихся в конце II в. до н. э. к варварами в связи с вероятной угрозой разорения города.

Из текста надписи можно заключить, что ольвийские послы, по крайней мере, дважды обращались за помощью к могущественному понтийскому царю Митридату Евпатору. После первого обращения царь поставил в Ольвии военный гарнизон, но варвары собрали большие силы и собирались, вероятно, зимой напасть на город, когда кочевники могли легко переправиться к нему по льду через Гипанис, как это было при Протогене. Наверное, ольвиополиты узнали об этом в преддверии холодов, и тогда защитники города поняли, что их силы недостаточны для отпора врагу. Поэтому они отправили послов в Синопу с просьбой о дополнительной помощи. По распоряжению понтийского царя в Ольвию был направлен корабль, на котором возвратились послы и прибыли армянские лучники; кроме того, вероятно, под упомянутой в надписи царской помощью следует понимать также денежную помощь для оплаты гарнизона и продовольствия (*Виноградов*, 1989. С. 256).

Все это мы узнаем из ольвийского декрета в честь капитана, который успешно провел судно, «преодолевая разнообразные ветры и противные течения». Это подтверждает наше предположение, что плыть пришлось осенью или в начале зимы, когда античные корабли из-за непогоды редко выходили в море, но помощь требовалась незамедлительно. Опытный капитан (его имя не сохранилось), уроженец Амиса, сумел преодолеть все трудности. Вероятно, он провел корабль по кратчай-

шему пути: от Синопы, где взял на борт ольвийских послов, он доплыл к мысу Карамбис, отсюда переправился по открытому морю к мысу Бараний лоб в Таврике: так греческие корабли пересекали Черное море уже в IV в. до н. э. (Гайдукевич, 1969. С. 11–19). Далее судно пересекло Керкинитский залив и по Днепробугскому лиману дошло до Ольвии. В народном собрании после отчета послов об их удачно завершившейся миссии, сразу же было внесено предложение об издании декрета в честь капитана, сумевшего своевременно доставить помощь городу, несмотря на опасность, связанную с путешествием по бурному морю.

Задачи, стоявшие перед послами, были весьма разнообразными и всегда определялись текущей политикой того или иного государства. Но одна цель у всех греческих государств была общей: снаряжение священного посольства, называвшегося феорией. Послы-феоры приглашали граждан из разных государств принять участие в общегреческих праздниках, затем феоры, возглавлявшие делегации от своих полисов, ехали на панэллинские торжества. Феорами также назывались послы, которые отправлялись за советом к знаменитым оракулам перед тем, как государство принимало важные решения.

Херсонесские послы в Дельфах в эллинистический период пользовались почетным правом вне очереди вопрошать оракул Аполлона, устами которого вещала Пифия (МИС. 13). На рубеже IV–III вв. до н. э. ольвийские послы обратились к этому оракулу, когда ольвиополиты решили сделать агоны на Ахилловом Дроме панэллинским праздником, для чего требовалось благословение оракула. Послы вернулись на родину с известием, что Пифия одобрила решение об играх и о наименовании праздника Ахиллеями (IOSPE I², 34; Скржинская, 2010. С. 318–375). После этого, по установившейся для подобных празднеств традиции, ольвийские феоры стали регулярно отправлять священные посольства в разные греческие государства с извещением о точной дате начала торжеств. Кроме того, они общались, в каких видах состязаний могут выступать приезжие граждане, и объявляли о перемирии во всем Причерноморье на время праздника, чтобы все желающие могли безопасно добраться на Ахиллов Дром. Судя по находкам монет на Тендровской косе (античный Ахиллов Дром), сюда прибывали феоры и участники агонов в основном из причерноморских и некоторых малоазийских греческих государств, в первую очередь из Милета, метрополии Ольвии, с которой постоянно поддерживались дружеские отношения (Зограф, 1941. С. 153).

По надписям известно, что в города Северного Причерноморья регулярно приходили корабли с феорами, приглашавшими местных граждан на панэллинские праздники Аполлона в Дельфах и на острове Делосе, а также на Панафинеи Дионисии в Афинах. Как уже говорилось выше, некоторые государства Северного Причерноморья снаряжали посольства на Великие Дионисии, чтобы доставить свой взнос в казну Афинского морского союза. С афинского праздника атлеты и феоры привозили на Боспор призовые амфоры и сувенирные панафинейские амфориски (Скржинская, 2010. С. 228–229).

Еще в эпоху архаики у ионийцев сложилась традиция собираться на Делосе и вместе отмечать весенний праздник Аполлона (Ном. Нумн. II, 146–162). Поэтому естественно думать, что все милетские колонии Северного Причерноморья, начиная со времени их становления, стремились участвовать в Аполлониях, и делосские феоры, отправляясь в Понт Евксинский, не забывали о поселившихся здесь своих соплеменниках. В классический период Аполлонии стали грандиозным панэллинским праздником, справлявшимся раз в четыре года; на него эллины собирались много столетий вплоть до первых веков нашей эры (Нильссон, 1998. С. 136).

Несколько надписей III–II вв. до н. э. прямо указывают на присутствие граждан из городов Северного Причерноморья на делосских торжествах (МИС. 23, 24, 25, 27) и об их пожертвованиях Аполлону (МИС. 25–27). На таком празднике херсонесит, имя которого не сохранилось, был увенчан лавровым венком (МИС. 22). Пантикапеец Койран занимал почетное место в первых рядах в театре и на стадионе во время праздничных представлений и состязаний (МИС. 21); ольвиополит Посидей был проксеном делосского святилища (МИС. 24). Среди боспорян, приезжавших на Аполлонии, бывали боспорские цари; в таких случаях они, по-видимому, возглавляли священное посольство. Вероятно, цари приезжали также на Панафинеи в качестве архифеоров, то есть главных послов от Боспора. Во время одного из таких визитов на Делос Перисад II принес в дар Аполлону драгоценную чашу (МИС. 27).

Крупный дар херсонеситов Аполлону Делосскому составлял 4000 драхм; на проценты от них на острове в эллинистический период финансировался праздник Херсонесии (МИС. 29–31). Сведения об этом празднике и проксении херсонеситам, ольвиополитам и боспорянам указывают на то, что между Делосом и Северным Причерноморьем регулярно курсировали священные посольства.

Праздник Аполлона, не менее прославленный в греческой ойкумене, проходил в Дельфах, считавшихся «общим очагом Эллады». Там устраивались Пифийские игры в память о победе бога над чудовищем Пифоном. В двух уцелевших дельфийских декретах III–II вв. до н. э. говорится о феорах, прибывавших в города Северного Причерноморья с приглашением на праздник (МИС. 12, 13). Надписи показывают, что дельфийский корабль со священным посольством шел через Боспор Фракийский сначала к городам на западном побережье Понта, а затем к греческим колониям в Северном Причерноморье (МИС. С. 247). Видимо, тем же путем следовали феоры, приглашавшие греков из Северного Причерноморья на панэллинские праздники. В каждом греческом городе были состоятельные граждане, гостеприимно встречавшие феоров, что считалось большой честью. Они брали на себя все хлопоты и расходы на их содержание; за это их благодарили, предоставляя разные льготы, о чем известно из дельфийских проксений, данных ольвиополитам, херсонеситам и боспорянам (МИС. 12–14). Священное посольство от боспорян на праздники Аполлона в Милете, на Делосе и в Дельфах, а также на Панафинеи, вероятно, неоднократно возглавляли цари. Это можно предположить потому, что в почетном постановлении дельфийцев в честь Перисада Третьего и его жены Камассарии говорится, что они сами и их предки постоянно почитали дельфийского Аполлона (МИС. 15). Кроме того, известны пожертвования боспорских царей в афинские, милетские, делосские и дельфийские храмы (МИС. 3, 15, 38, 39). Такие пожертвования чаще всего делали во время праздников.

На праздники в Элладе корабли с местными феорами плыли из Ольвии и Тиры каботажным путем, а из Херсонеса и Пантикапея часть плавания проходила в открытом море. Уже в классический период херсонеситы пересекали Понт в его самом узком месте от мыса Сарыч к мысу Карамбис (совр. Керемпе), а боспорские суда прибывали к этому мысу, отправляясь в открытое море от Аюдага (*Людосинов, Скржинская, 2011. С. 110*). Из рассказа Лукиана о его встрече с кораблем боспорских послов в небольшом местечке Эгиал (Luc. Alex. 57) вблизи западного побережья мыса Карамбис можно заключить, что корабль с херсонесскими и с боспорскими посольствами сначала останавливался в этом пункте на малоазийском побережье, а затем следовал на запад к проливам в Средиземноморье. Исходя из сообщения Диодора Сицилийского (III, 34, 7) о том, что дорога из Меотиды на Родос на быстроходном торговом корабле занимала десять дней, феоры из городов Северного Причерноморья прибывали на

панэллинские праздники на седьмой – десятый день после отправления из гаваней своей родины.

В проксении, изданной в середине III в. до н. э., дельфийцы перечислили разнообразные льготы, дарованные ими ряду граждан из разных греческих городов за их услуги святилищу и полису. В число этих лиц вошли херсонесит Сокрит, ольвиополит Дионисий и боспорянин Главкон (МИС. 12). Они получили почетное право принимать дельфийских феоров у себя на родине и занимать почетные места во время праздничных состязаний, также вне очереди вопрошать оракул Аполлона и не платить в Дельфах никаких налогов.

Другая из уцелевших дельфийских проксений издана после Пифийских игр 194 г. до н. э. (МИС. 13). Херсонеситы и их послы Гераклид и Формион получили ряд льгот за щедрый прием дельфийских феоров и богатое пожертвование на праздник. В надписи сообщается, что дельфийские феоры Аминт и Хариксен доложили своим соотечественникам, что их радушно встретили в Херсонесе, постоянно о них заботились и избавляли от всех расходов. Послы херсонеситов привезли на дельфийские торжества более 100 голов скота. От имени своего государства они совершили жертвоприношение, и первой жертвой Аполлону и Афине был бык; большую часть животных пожертвовали Аполлону, а их мясо разделили между гражданами. «За расположение и благомыслие к богу и городу дельфийцев» было решено «воздать хвалу городу херсонеситов с Понта и их послам», предоставить право представителям этого государства вне очереди вопрошать дельфийского оракула, а также дать послам проксению и подарки.

В первой четверти II в. до н. э. членами священных посольств на Пифийских играх были херсонеситы Гимн, Формион, Гераклид и пантикапеец Апатурий (МИС. 14). Отмечая их заслуги, дельфийцы даровали им проксении, дававшие право на многие льготы. Так, крупные религиозные центры Эллады благодарили граждан государств Северного Причерноморья за оказанное гостеприимство феорам, за заботу о храмах и крупные денежные вложения.

Итак, мы рассмотрели все немногочисленные сведения о послах из античных государств Северного Причерноморья в V–I вв. до н. э., содержащиеся в надписях и у древних авторов. В них содержатся имена 14 ольвийских, херсонесских и боспорских послов и ряд упоминаний без конкретных имен. В сохранившихся источниках нет никаких известий о послах из Тиры, хотя без сомнения они существовали.

Можно назвать следующие миссии, исполнявшиеся послами. По поручению властей они заключали политические и экономические соглашения, а также отправлялись со священными посольствами на панэллинские праздники. Определенно известно о деятельности послов из Северного Причерноморья в Афинах, Дельфах, на Делосе, в Понтийском царстве и в Египте. О посольствах к вождям соседних племен упоминается только в декрете Протогена. Это единичное сообщение не отражает реального соотношения количества посольств в Причерноморье, Средиземноморье и к местным племенам. Наши источники в большинстве случаев представляют почетные декреты, а их издавали только в честь граждан греческих государств, записывали документ на папирусе, помещали в архив, и в особо важных случаях высекали текст документа на мраморной стеле. Можно лишь догадываться, как заключались соглашения с вождями бесписьменных народов. Наверное, это были устные клятвы, сопровождавшиеся определенными ритуалами.

Гайдукевич, 1969 – Гайдукевич В. Ф. О пути прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1969. (КСИА; № 116).

Виноградов, 1989 – Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.

Грач, 1984 – Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.

Жебелев, 1953 – Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.

Зограф, 1941 – Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье // СА. М.; Л., 1941. № 7.

Маринович, 1998 – Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998.

Нильссон, 1998 – Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.

Подосинов, Скржинская, 2011 – Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011.

Сапрыкин, 1986 – Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

Сапрыкин, 2011 – Сапрыкин С. Ю. Боспорские Спартокиды и западнопонтийские города // Боспорский феномен. СПб., 2011.

Скржинская, 2010 – Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладу и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.

Скржинская, 2014 – Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2014.

Соломоник, 1973 – Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.

Херсонес Таврический..., 2004 – Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Харьков, 2004.

Херсонес Таврический..., 2005 – Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н. э. Киев, 2005.

Шелов-Коведяев, 1985 – Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.

Bosporan, Olbian and Chersonesean ambassadors in the Classic and Hellenistic period

M. V. Skrzhinskaya

Greek inscriptions and works of ancient authors provide only scarce information on numerous embassies dispatched by Greek states of the northern Black Sea area in the 5th–1st centuries BC. The inscriptions present the names of only about fifteen citizens who accomplished these important public functions. In other sources concerned with this subject, the names of ambassadors are lacking. Moreover pitifully, these sources not always mention even the object of an embassy. Often they are dealing only with the award for the successfully fulfilled task. These tasks were concerned with negotiations on the political and economical cooperation with Athens in the 4th and 3rd century BC, as well as solution of certain questions with the King of Egypt in the 3rd century BC. A special group of sources is constituted by information on sacred embassies from the northern Black Sea regions visiting the feasts of Apollo on Delos and in Delphi.

Authorities of these states thanked the ambassadors for the hospitality rendered to their theoroi, for pecuniary and other donations to the temples and delivery of cattle for sacrifices. For these services the ambassadors were granted proxeniai and various other preferences. In the second half of the 2nd century BC, Olbian and Chersonesean ambassadors visited not once Mithridates Eupator with a request to help in repulsing the onslaught of neighbouring belligerent tribes. The king, on certain conditions, agreed on with the ambassadors and sent his troops which fought successfully against the barbarians. Embassies to the chiefs of neighbouring tribes are known only from the decree of Protogenes. This document suggests that Olbian ambassadors repeatedly agreed on the size of the tribute to the barbarians who after that consented to give up attacking of the city and its rural surroundings in the 3rd century BC.

ТЕРЕЗИН I – МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ХУННУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

П. М. Леус, С. В. Бельский¹

Аннотация. Статья посвящена результатам археологических исследований могильника Терезин I, разрушающегося вследствие эрозии берега Саяно-Шушенского водохранилища (Республика Тыва). Ее целью является введение в научный оборот новых материалов, дополняющих наши представления о культурных процессах в регионе на рубеже эр.

Annotation. This article is dedicated to results of archaeological investigations of the burial ground of Terезin I, which now is under destruction by erosion of the banks of the Sayano-Shushenskoye reservoir (Republic of Tyva). It is a wide publication of new materials, supplementing our knowledge about the cultural processes in the region under consideration at the turn of two eras.

Ключевые слова: Тыва, гунно-сарматский период, хунну, сюнну, могильники, художественные бронзы.

Keywords: Tyva, Hunno-Sarmatian period, Hunnu, Xiongnu, burial grounds, artistic bronzes.

С 2007 г. отдельная группа Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН² проводит исследования на могильнике, обнаруженном в урочище Терезин³, в Чаа-Хольском кожууне Республики Тыва, на южном берегу Саяно-Шушенского водохранилища (рис. 1, 2).

Могильник был открыт в 2007 г. в результате разведочных работ по южному берегу водохранилища (Леус, 2008. С. 42–44). Задачей статьи является введение в научный оборот новых материалов, дополняющих наши представления о культурных процессах в регионе на рубеже эр.

История изучения. К востоку от р. Чаа-Холь берег водохранилища сложен тонкозернистыми слоистыми отложениями. На ряде участков отмечается опустынивание, формирование песчаных дюн, значительное изменение береговой линии в результате механической береговой абразии и сильной ветровой деятельности. Также характерны постоянные осыпи и обвалы берега. Этот про-

цесс, вероятно, начался относительно недавно (с конца 1980-х – начала 1990-х гг.) и связан с ежегодным набором и спуском воды в водохранилище. Регулярный мониторинг местности позволяет сделать вывод, что уровень современной поверхности земли и линия берегового обрыва изменяются постоянно и существенно.

При первом посещении данного участка берега были обнаружены разрушающиеся (на склоне) или уже разрушенные погребения (упавшие с высоты 5–10 м на берег), а также собрана коллекция подъемного материала. Затем, учитывая несомненную научную важность открытого памятника и, вместе с этим, интенсивность его разрушения, на нем были организованы стационарные работы. Их первоочередной задачей стало создание детального топографического плана территории распространения находок с максимально точным указанием места каждого погребения или артефакта. В результате был отснят достаточно протяженный участок южного берега Саяно-Шушенского водохранилища, включающий полностью «пляж», заливаемый в летнее время водой, и линию обрыва берега на глубину 0,1–0,15 км (рис. 1, 3).

Ограничением территории съемки служили крайние точки находок древних артефактов.

Каких-либо наземных надмогильных сооружений в данной местности отмечено не было, что чрезвычайно затрудняло поиск захоронений. Их можно было обнаружить только в перемываемых ежегодно водами водохранилища отложениях, но

¹ Леус П. М. – Санкт-Петербург, независимый исследователь. E-mail: leuss@mail.ru.

Бельский С. В. – Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. ФБГУН Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, отдел археологии. E-mail: stbel@kunstkamera.ru, belstass@yandex.ru.

² Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

³ Работы проводились при поддержке Общества по изучению Евразии (Швейцария) – Gesellschaft zur Erforschung EurAsiens.

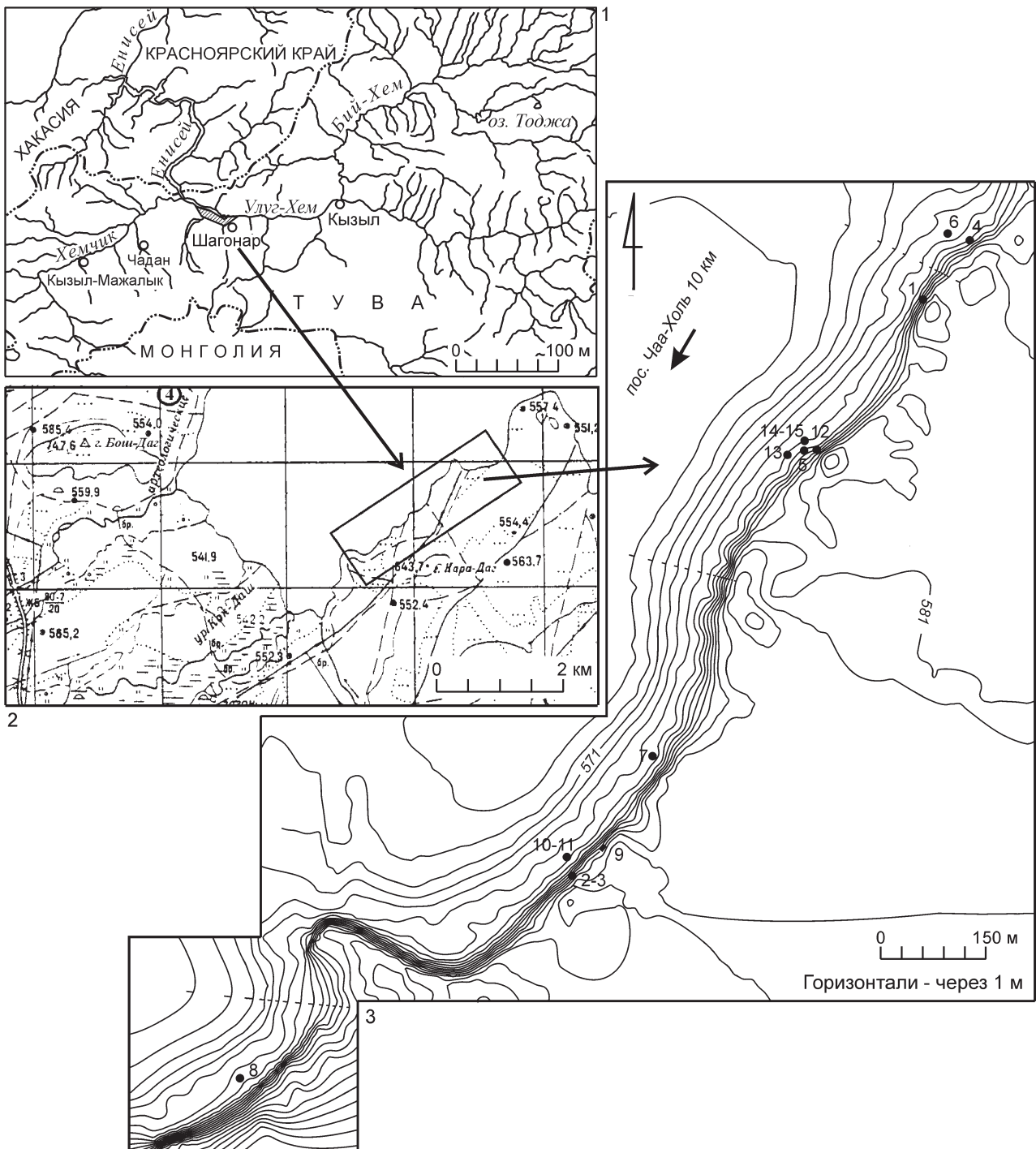

Рис. 1. Район работ и топографический план могильника Терезин I

Fig. 1. Area of investigations and the topographic plan of the cemetery of Terezin I

объекты оказывались существенно разрушенными. Относительно целые комплексы были обнаружены на эрозионных склонах берега при его тщательном обследовании.

В процессе археологического изучения территории удалось открыть и исследовать 15 погребе-

ний на участке протяженностью около 1,5 км вдоль береговой линии. Они образовывали несколько скоплений, отдаленных друг от друга на расстояние до нескольких сотен метров. Из них только три (№ 1, 2 и 9) оказались неповрежденными или поврежденными частично. Остальные упали с обрыва

вниз на «пляж» водохранилища предположительно 5–15 лет назад. Исследованные объекты представляют собой скопления плит, составлявших когда-то конструкции каменных ящиков, в которых совершались захоронения. Процесс разрушения можно реконструировать следующим образом: в результате эрозии склона открывалось погребение, совершенное в каменном ящике из вертикально поставленных плит, затем весь комплекс в связи с интенсивным разрушением склона перемещался вниз по нему. Далее, после поступления воды в водохранилище, он перебивался и, наконец, перекрывался песком после ухода воды. В итоге, учитывая масштаб воздействия внешних факторов, данные объекты следует считать существенно разрушенными, перемещенными, без присутствия элементов *in situ*. Обнаружить такие скопления можно лишь в том случае, если они не занесены песком. Представляется перспективным использование поискового металлического щупа, что уже дало положительный результат, поскольку именно так было открыто непо потревоженное погребение № 9. Если же разрушенное погребение изначально не имело хорошо сохраняющихся элементов конструкции, а представляло собой, например, деревянный гроб, установленный в грунтовой яме, то обнаружить его остатки даже после однократного подъема водохранилища не представляется возможным. Таким образом, проведенные исследования имели, фактически, спасательный характер.

Погребальный обряд. В 14 из 15 захоронений были обнаружены остатки конструкций из плит, когда-то стоявших в могиле. Единственным исключением является погребение № 1, открытое в обрыве склона в северо-восточной части обследованной территории. Скелет сохранился лишь частично: кости ног и таза, позвоночник и часть ребер (рис. 2, 1).

Погребенный был положен головой на юго-запад, на левый бок с подогнутыми ногами. Очевидно, разрушение произошло вследствие волновой деятельности в прибрежной зоне водохранилища, поскольку погребение оказалось на краю обрыва высотой около 2 м, часть костей упала вниз и была перемещена прибоем. Какие-либо следы элементов конструкции отсутствовали (возможно, погребение было совершено в деревянном гробу).

Тем не менее, в 0,15 м к северу от проксимального конца левой бедренной кости было зафиксировано бронзовое ажурное кольцо (рис. 2, 2), а на костях таза была обнаружена массивная ажурная

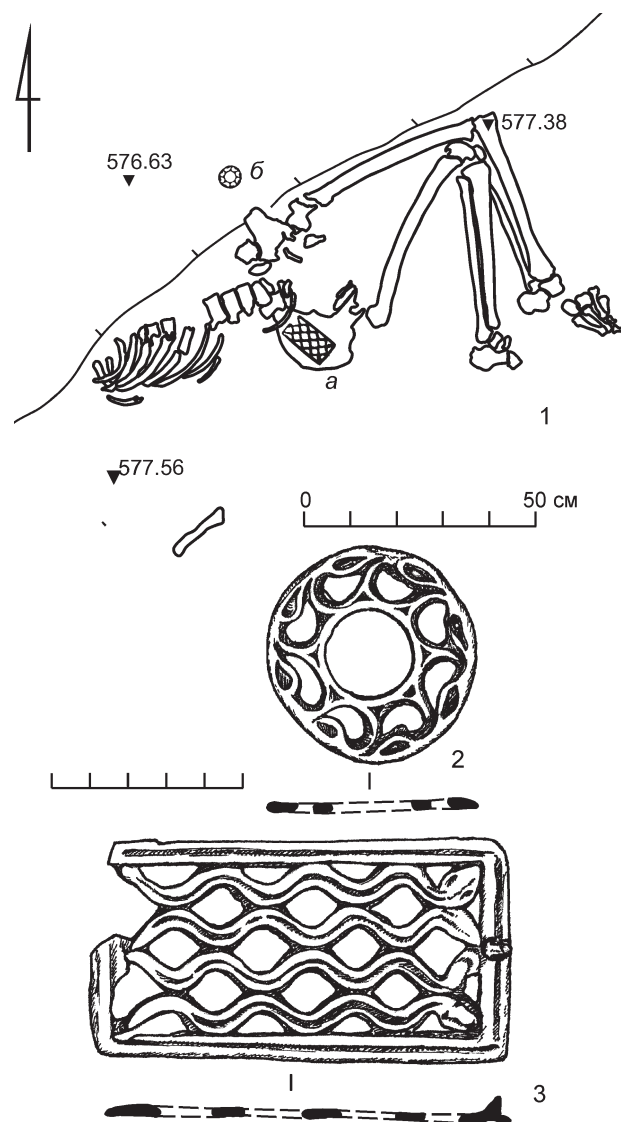

Рис. 2. Могильник Терезин I. Погребение 1: 1 – план (а – пряжка, б – кольцо); 2 – кольцо, 3 – пряжка
2–3 – бронза

Fig. 2. Cemetery of Terezin I. Burial 1: 1 – plan (a – buckle, б – ring); 2 – ring, 3 – buckle
2–3 – bronze

поясная бляха из бронзы с орнаментом в виде змей (рис. 2, 3).

Указанные предметы являются сохранившимися металлическими частями пояса.

Из других объектов лучше всего сохранившиеся оказались погребения № 2 и № 9. Глубина их залегания точно не известна, так как во всех случаях перекрывающий горизонт песка уже отсутствовал. Но, судя по уровню непо потревоженной современной поверхности возле погребений, она вряд ли превышала 1–1,5 м.

Погребение № 2 было совершено в каменном ящике прямоугольной формы с перекрытием из каменных плит серого цвета (рис. 3, 1).

Западная стенка и часть перекрытия были перемещены вследствие естественных эрозионных процессов. От погребального сооружения сохранились отдельная, вертикально стоящая плита северной стенки длиной 0,9 м, толщиной 0,12 м; две плиты от восточной стенки, наиболее крупная из которых имела размеры 0,74 м в длину и 0,12 м в ширину; отдельная вертикальная плита южной стенки длиной 0,66 м, толщиной 0,1 м. Таким образом, реконструируемые размеры каменного ящика следующие: 1,8 м по линии юго-запад – северо-восток, приблизительно 1 м по линии юго-восток – северо-запад.

Сохранились почти все кости скелета, состояние костей хорошее. Покойный был положен головой на северо-восток, на правый бок, с подогнутыми ногами. Череп был перемещен вследствие естественного разрушения могилы и находился в ее центральной части возле костей таза. Возможно, какое-то время погребальное сооружение не было заполнено грунтом.

Погребальный инвентарь состоял из набора разнотипных костяных наконечников стрел (рис. 3, 2–8), в том числе с расщепленным насадом (рис. 3, 2–4), и костяных элементов сложносоставного лука хуннского типа (рис. 3, 10–14). На костях таза сохранилась поясная пряжка из рога (рис. 3, 9) и следы одного или нескольких железных предметов, полностью корродированных. Вероятно, это был нож и детали пояса. Среди погребального инвентаря присутствовали два керамических сосуда: кувшинообразной⁴ и баночной формы (лепной). В последнем были обнаружены кости барана.

По костям скелета человека из погребения № 2 с помощью радиоуглеродного анализа была получена дата: 2085 ± 30 BP (Ua-37039): 193–40 гг. до н. э. (вероятность 95,4 %) (рис. 4, А)⁵.

Непотревоженное погребение № 9 было совершено в каменном ящике из вертикально поставленных плит с сохранившимся перекрытием (рис. 5, 1, 2).

⁴ Изготовлен на гончарном круге и имеет характерный квадратный штамп на дне.

⁵ Здесь и далее калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась в программе OxCal v4.2.4 (Bronk Ramsey 2013).

Оно было обнаружено в 1,5 м от края обрыва при помощи поискового шупа на глубине 0,2 м от современной поверхности. Общие размеры сооружения составили 1,72 м по линии «северо-восток – юго-запад» и 1 м по «линии юго-восток – северо-запад». Основой перекрытия являлись три крупных, но относительно тонких (толщиной 0,06–0,08 м) плиты. Кроме них были использованы еще две плитки небольших размеров.

Основной объем погребального сооружения был ограничен четырьмя боковыми стенками. Юго-восточная и северо-западная стенки были сделаны с использованием двух плит, края которых немного заходили друг за друга. Размеры плит: 0,9–1,05 м в длину, 0,07–0,08 м в толщину. Северо-восточная и юго-западная стенки сооружения каждая состояли из одной вертикально поставленной плиты размерами 0,6–0,8 м в длину, 0,08–0,15 м в толщину.

Отличительной чертой этого каменного ящика было наличие небольшой стелы (рис. 5, 2), поставленной вертикально у юго-восточного угла сооружения. Другие черты погребальной обрядности: положение скелета, отдельные предметы сопроводительного инвентаря (сосуды с ритуальной пищей) сходны с расположенным рядом погребением мужчины (могила № 2).

Женский скелет в хорошей степени сохранности располагался на спине, с подогнутыми ногами, головой на северо-восток (рис. 5, 1).

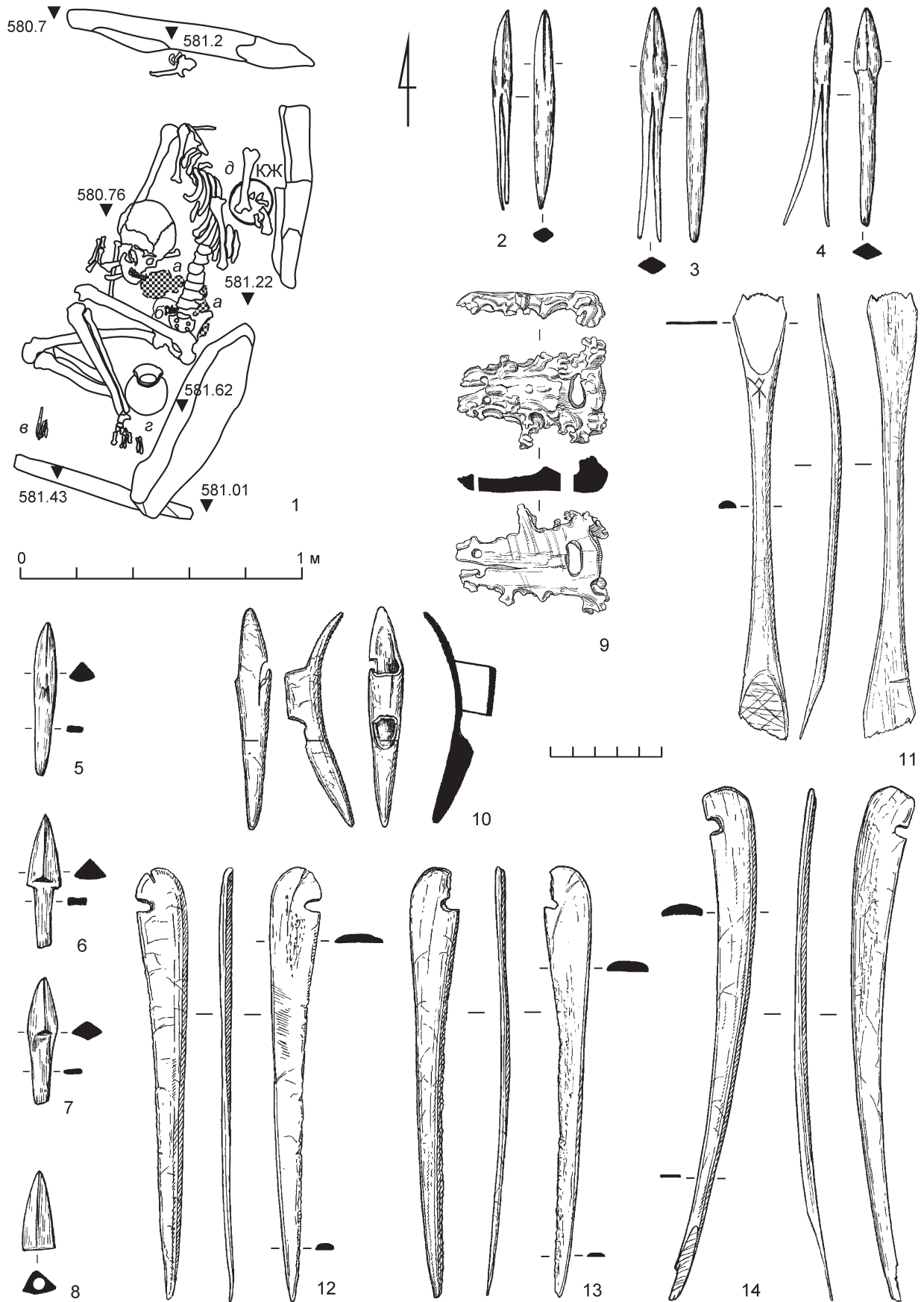
Сохранились почти все кости скелета. Череп упал на левую сторону, левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте.

Погребальный инвентарь включал ожерелье из 22 мелких бисерин коричневого и сине-зеленого цветов (рис. 5, 3–24), двух зонных пастовых бусин желтого цвета (рис. 5, 25, 26), одной костяной граненой бусины желтого цвета (рис. 5, 27), двух костяных цилиндрических бусин желтого цвета (рис. 5, 28, 29), одной сферической пастовой бусины красноватого оттенка (рис. 5, 30) и пяти подвесок: полосчатой полихромной (рис. 5, 31), двух костяных (рис. 5, 32, 34), бронзовой (рис. 5, 33), вырезанной из когтя медведя, напоминающей по форме ступню человека (рис. 5, 35).

У пояса были обнаружены остатки полностью корродированного железного предмета, не поддаю-

Рис. 3. Могильник Терезин I. Погребение 2: 1 – план (а – скопление корродированных железных артефактов; б – поясная пряжка; в – наконечники стрел; г – сосуд гончарный; д – сосуд лепной); 2–14 – находки из погребения

Fig. 3. Cemetery of Terezin I. Burial 2: 1 – plan (a – cluster of corroded iron artefacts; б – belt buckle; в – arrowheads; г – wheel-made vessel; д – handmade vessel); 2–14 – grave goods

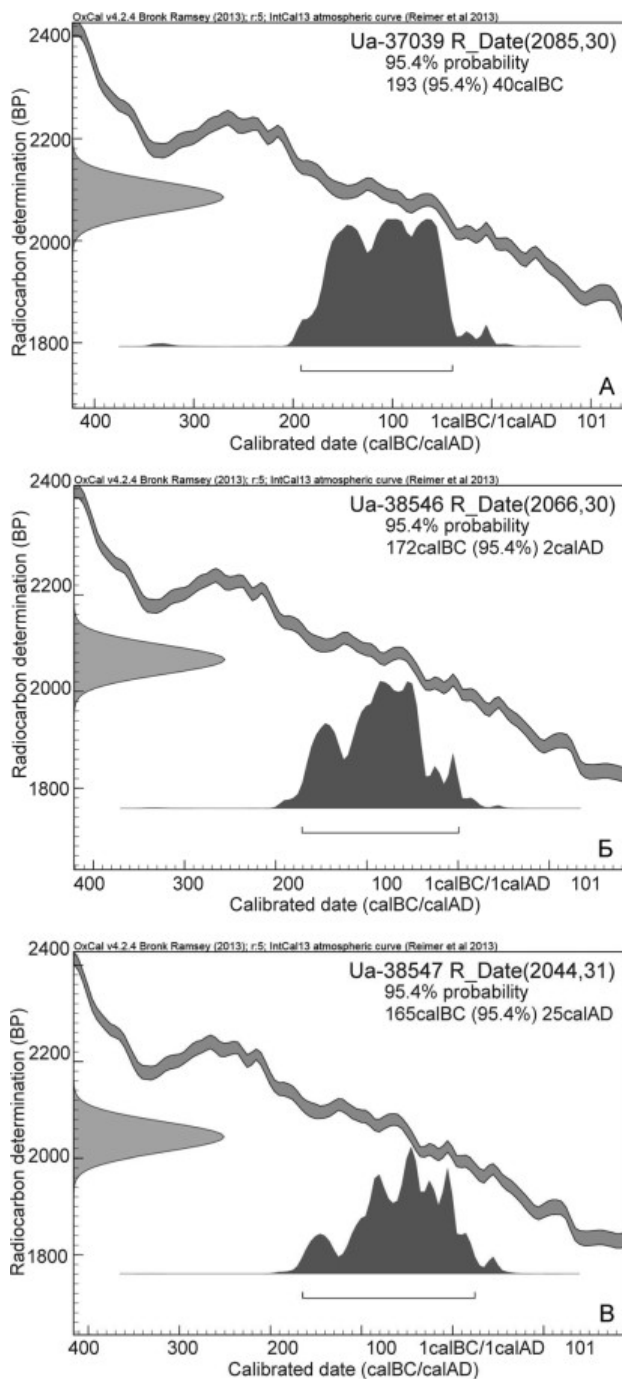

Рис. 4. Результаты радиоуглеродного датирования: А – погребение 2; Б – погребение 9; В – погребение 12

Fig. 4. Radio-carbon dates: А – Burial 2; Б – Burial 9; В – Burial 12

щегося точному определению и реставрации. Возможно, это был нож.

Кроме указанных изделий, в состав сопроводительного инвентаря входил кувшин, который был расчищен справа от черепа, сходный с найденным в погребении № 2 (рис. 5, 12, 36). С другой стороны

от черепа умершей лежал на боку горшок, содержащий кости барана (рис. 5, 12, 37). Видимо, сосуд с мясом животного упал еще в то время, когда внутреннее пространство каменного ящика не было заполнено грунтом, при этом часть содержимого вывалилась наружу, поскольку отдельные кости барана были встречены на костях и возле черепа погребенной женщины.

По костям человеческого скелета из погребения № 9 с помощью радиоуглеродного анализа была получена дата: 2066 ± 30 BP (Ua-38546): 172 г. до н. э. – 2 г. н. э. (вероятность 95,4 %) (рис. 4, Б).

Остальные погребения оказались сильно разрушенными, но сохранившиеся остатки 11 каменных ящиков, залегавшие относительно компактно, свидетельствуют об определенном единообразии устройства могил. В некоторых случаях сохранились кости и отдельные примечательные артефакты.

Под каменными плитами погребения № 5 была обнаружена большая бронзовая ажурная пластина с решетчатым орнаментом и изображением голов животных (рис. 6, 1).

Здесь же, в 3 м от нее были обнаружены две бронзовые поясные бляшки с изображением двух быков (яков?) анфас (рис. 6, 2). Вероятнее всего, эти предметы принадлежат одному комплексу.

Среди плит захоронения № 8 была обнаружена бронзовая поясная пряжка с изображением шести голов грифонов (рис. 6, 3) и бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 6, 7).

Под плитами погребения № 12 были открыты фрагменты скелета человека не в анатомическом порядке, в том числе часть нижней челюсти с зубами⁶. Здесь же были обнаружены элементы поясного набора: три бронзовых кольца (рис. 6, 5), пять маленьких шестилучевых ажурных бляшек (еще одна такая же была найдена в 10 м от скопления плит) (рис. 6, 6) и большая бронзовая ажурная пластина с изображением борьбы двух тигров и дракона со змеевидным телом (рис. 6, 8; см. **первую страницу обложки**). Кроме того, был найден фрагмент бронзового зеркала (рис. 6, 13), типологически идентичный обнаруженному на берегу китайскому зеркалу эпохи Хань (рис. 6, 12), но являющийся литой копией фрагмента такого зеркала, изготовленной, вероятно, местными мастерами. Помимо указанных изделий, были найдены три фрагмента лепного керамического сосуда и модель раковины каури, выполненная из бронзы (рис. 6, 4).

⁶ Один из зубов был извлечен для радиоуглеродного датирования методом AMS.

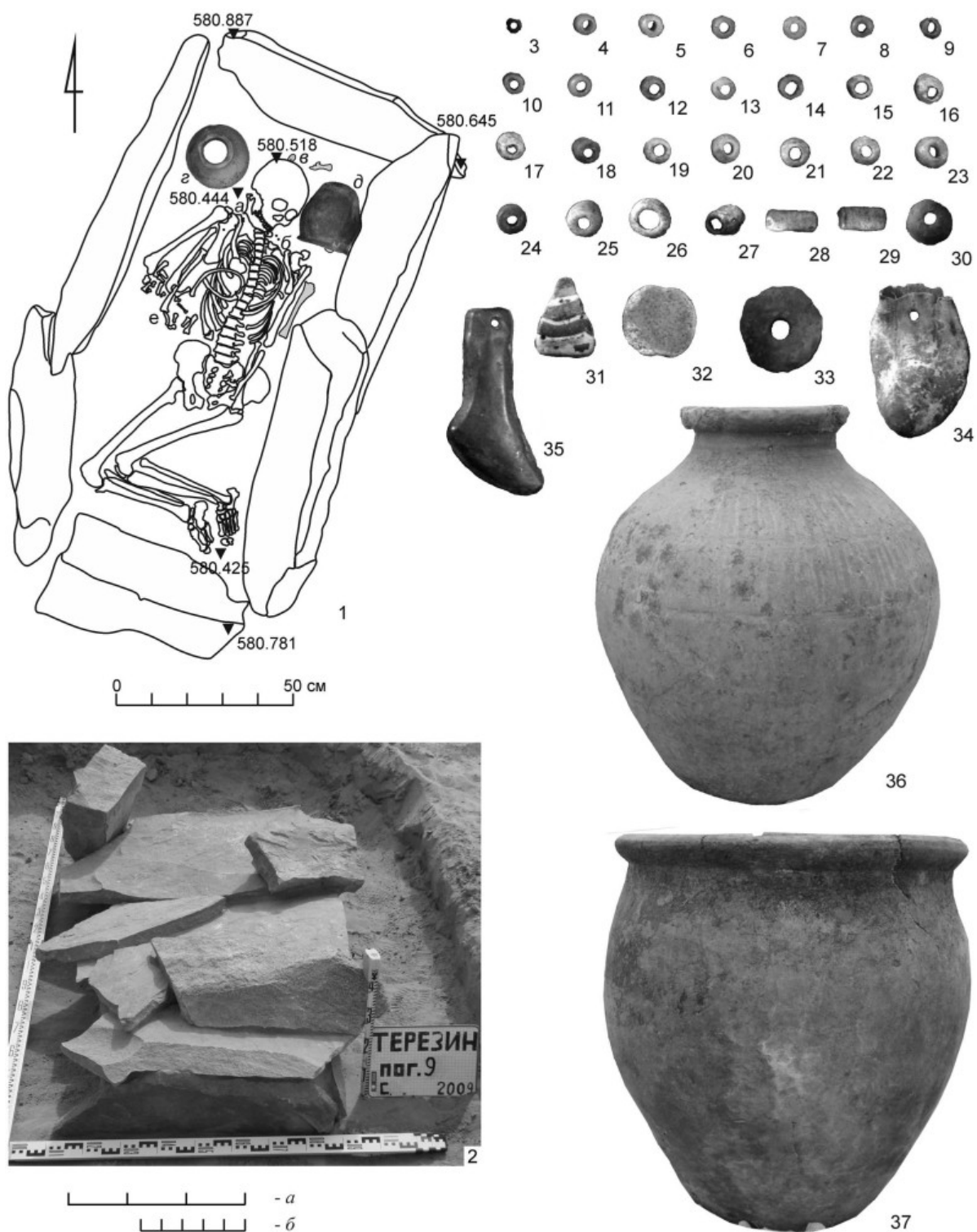
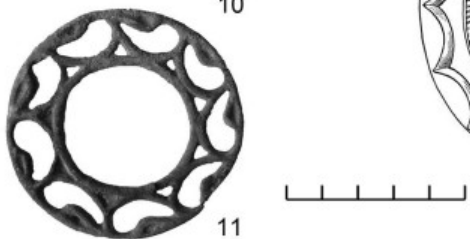
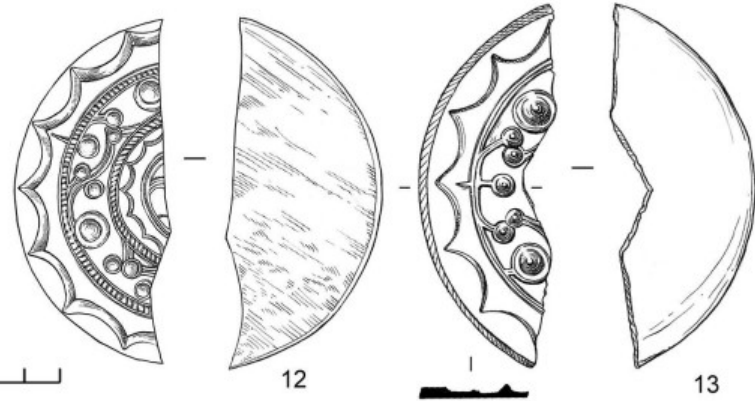
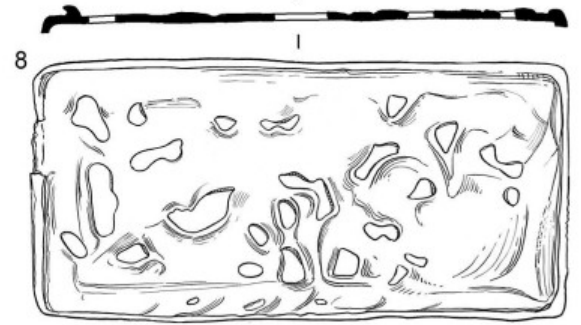
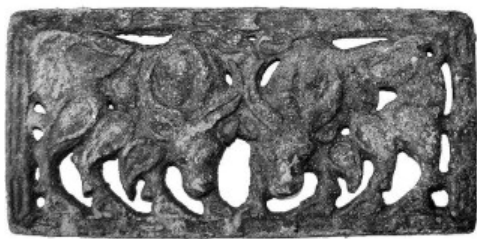
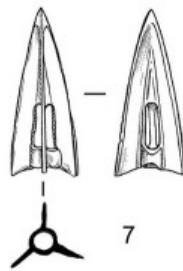
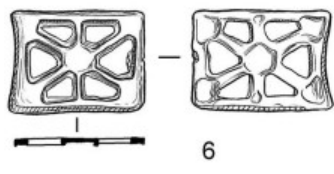
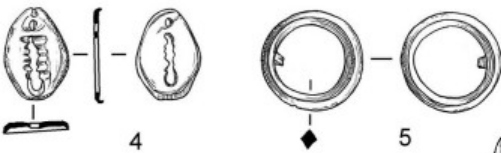
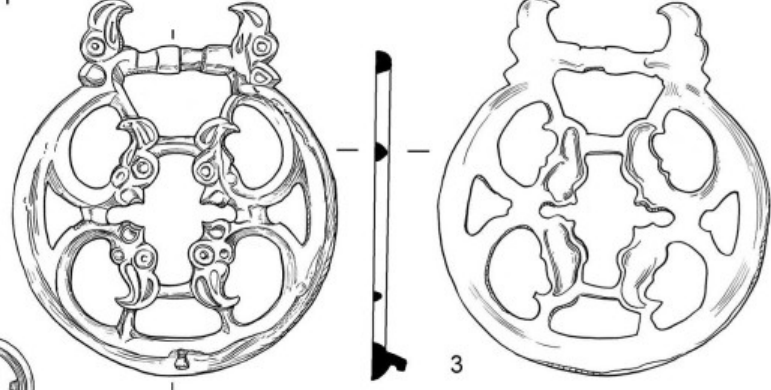
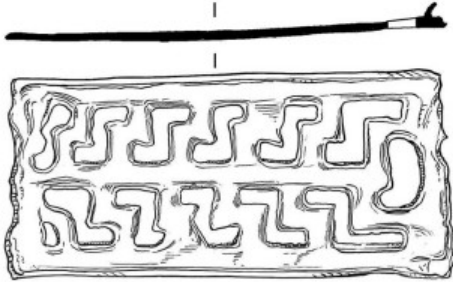
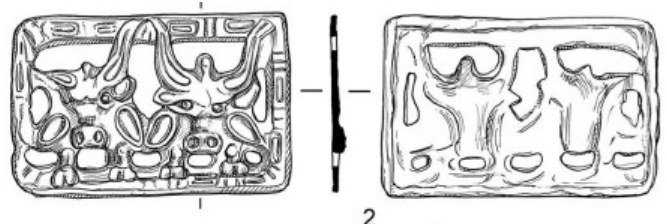
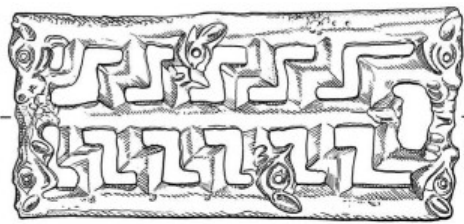

Рис. 5. Могильник Терезин I. Погребение 9: 1 – план (*a* – подвеска полихромная; *b* – подвеска из когтя; *v* – подвеска из кости; *z* – сосуд гончарный; *d* – сосуд лепной; *e* – корродированный предмет); 2 – перекрытие каменного ящика, вид с севера; 3–35 – бусины и подвески; 36, 37 – сосуды; 3–26, 30, 31 – стекло; 27–29, 32, 34 – кость; 33 – бронза. Масштабы: *a* – для бус, *b* – для сосудов

Fig. 5. Cemetery of Terezin I. Burial 9: 1 – plan (*a* – polychromatic pendant; *b* – pendant made from a claw; *v* – pendant made from bone; *z* – wheel-made vessel; *d* – handmade vessel; *e* – a corroded object); 2 – cover of a stone cist, view from north; 3–35 – beads and pendants; 36, 37 – vessels; 3–26, 30, 31 – glass; 27–29, 32, 34 – bone; 33 – bronze. Scales: *a* – for beads, *b* – for the vessels

По человеческим зубам из погребения № 12 с помощью радиоуглеродного анализа была получена дата: 2044 ± 31 BP (Ua-38547): 165 г. до н. э. – 25 г. н. э. (вероятность 95,4 %) (рис. 4, B).

Среди плит погребения № 13 была обнаружена массивная поясная пластина с изображением двух быков (яков?) (рис. 6, 9; см. **первую страницу обложки**) и такая же, но меньшего размера и разломанная, была найдена неподалеку, среди плит погребения № 14 (рис. 6, 10). Там же было найдено бронзовое ажурное кольцо (рис. 6, 11).

Подъемный материал с площади могильника. Среди обнаруженного на берегу водохранилища подъемного материала (не соотносимого ни с одним из разрушенных погребений) следует отметить крупный фрагмент зеркала из «белой», оловянистой бронзы, бесспорно относящегося к эпохе Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.) и являющегося китайским импортом⁷ (рис. 6, 12), бронзовый ложечковидный наконечник ремня и железный трехлопастной наконечник стрелы.

Аналогии. Погребальный инвентарь могильника Терезин I содержит предметы, имеющие прямые аналогии в классических хуннских памятниках Забайкалья и Монголии, а также среди ордосских художественных бронз. Некоторые параллели им можно обнаружить в памятниках этого времени в Минусинской котловине и на Алтае.

1. *Костяные накладки на лук, костяные наконечники стрел с расщепленным насадом и трехлопастные втульчатые наконечники из бронзы* широко распространены в хуннских захоронениях Забайкалья (Давыдова, 1996. Табл. 32; Миняев, 1998. Рис. 13–14).

2. *Керамические сосуды кувшинообразной формы с лоцением и квадратным штампом от поворотного круга на дне* находят аналогии в материалах, например, Иволгинского могильника (Давыдова, 1996. Табл. 44).

3. *Стеклянная треугольная полихромная под-*

⁷ Согласно металлографическому анализу (Khavgin, 2011. P. 537–538). См. приложение С. В. Хаврина.

веска имеет прямые аналогии, например, в кладе у с. Знаменка в Хакасии (Вадецкая, 1999. Рис. 87). Такие подвески известны и в Северном Причерноморье, где бытуют с I в. до н. э. по II в. н. э., но наиболее характерны для комплексов рубежа эр (Алексеева, 1978. С. 43, табл. 27; Lankton, 2003. Fig. 6.0, no. 568).

3. *Бронзовые ажурные пряжки и бляшки* также соотносятся с художественной традицией хунну:

3.1. *Большие поясные пряжки с изображением змей* происходят из Косогольского клада, из погребений и случайных находок в Минусинской котловине (Дэвлет, 1980. Рис. 6, табл. 13–14). Также они найдены в хуннских захоронениях Забайкалья (Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 100). К этому же кругу можно отнести и большие ажурные кольца (Там же. Рис. 49, 70, 92).

3.2. *Большие поясные пряжки с решетчатым орнаментом и изображением голов животных* распространены в Минусинской котловине (Дэвлет, 1980. Табл. 16–17).

3.3. *Маленькие ажурные бляшки с изображением двух быков (или яков)* прямых аналогий пока не имеют, хотя стилистически восходят, возможно, к известным большим поясным пластинам с изображением двух противостоящих быков (яков) (Там же. Рис. 6) или к пряжкам с головой быка из Ордоса и Турфана (Там же. С. 8, рис. 3, 9; Hayashi, 2012. P. 49–50, fig. 14, 16) и Дырестуйского могильника в Бурятии (Давыдова, Миняев, 2008. С. 57, рис. 50; С. 94, рис. 95).

3.4. *Маленькие поясные ажурные шестилучевые бляшки* из погребения № 12 находят аналогию в одном из погребений могильника Даодуньцзы в китайской провинции Нинся (Pan, 2011. P. 465, fig. 3), а также среди вещей Косогольского клада на юго-западе Красноярского края (Дэвлет, 1980. С. 16, рис. 6, 30).

3.5. *Поясная пряжка с изображением голов грифонов* из погребения № 8 типологически сходна с некоторыми пряжками из Косогольского клада и Забайкалья, стилистически же аналогов ей пока обнаружить не удалось.

Рис. 6. Находки из разрушенных погребений: 1–2 – погребение 5, пряжка и бляшка поясные; 3, 7 – погребение 8: 3 – пряжка поясная, 7 – наконечник стрелы; 4–6, 8, 13 – погребение 12: 4 – имитация раковины каури, 5 – кольцо поясное, 6, 8 – бляшки поясные, 13 – фрагмент зеркала; 9 – погребение 13: бляшка поясная; 10–11 – погребение 14: бляшка и кольцо поясные; 12 – случайная находка, фрагмент зеркала; 1–13 – бронза

Fig. 6. Finds from disturbed burials: 1–2 – burial 5, belt buckle and plaque, 5 – belt ring, 6, 8 – belt plaques, 13 – fragment of a mirror; 9 – burial 13: belt plaque; 10–11 – burial 14: belt plaque and belt ring; 12 – chance find, fragment of a mirror; 1–13 – bronze

3.6. Известно несколько прямых аналогий *поясной пластине-пряжке со сценой борьбы двух тигров и дракона*. Кроме случайных находок, есть четыре случая, когда такие пряжки были обнаружены *in situ* в погребениях⁸:

– *из бронзы*: две пряжки в женской могиле № 100 Иволгинского могильника (*Давыдова*, 1996. С. 51–52, Таб. 30); две пряжки в могиле № 5 на могильнике Булак в Восточном Забайкалье (*Кириллов и др.*, 2000. Рис. 63); одна пряжка в погребении № 4 на острове Осинском, на Братском водохранилище. В этом же погребении были обнаружены две парные пряжки с геометрическим орнаментом и головами животных, аналогичные пряжке из погребения № 5 (*Смотрова*, 1982. С. 106; 1991. С. 140–141, рис. 58). Фрагмент такой пряжки из коллекции Адрианова хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге (*Дэвлет*, 1980. Табл. 11). Однако место находки неизвестно, вероятно это Южная Сибирь или Монголия. Еще две бронзовые пряжки хранятся в США в частных коллекциях: одна в коллекции Артура Секлера⁹ (*Bunker*, 1997. P. 274–275, No. 242) и еще одна в частной коллекции (*Bunker*, 2002. No. 105). Местонахождение этих пряжек точно неизвестно, возможно это Монголия;

– *из золота*: две массивные литые (не ажурные) пряжки из золота с инкрустациями из бирюзы, кораллов и янтаря были обнаружены при раскопках в кургане 1 (могила 2) могильника Сидоровка в Омском Прииртышье (*Матющенко, Татаурова*, 1997. С. 48, 72–73, рис. 27; *Bunker*, 2002. Fig. 45);

– *из нефрита*: ажурная пластина, изготовленная из темного серо-зеленого нефрита, хранится в коллекции сэра Джозефа Хотунга в Великобритании (*Rawson*, 1995. P. 311–312, no. 23, 1; *Bunker*, 2002. P. 134, no. 106). Ее точное место находки неизвестно, но подобный тип нефрита добывается только в Северной Монголии, западнее Хангайских гор (*Linduff*, 1997. P. 88).

4. *Зеркала эпохи Хань* широко распространены в Центральной Азии. Прямая аналогия находкам из Терезина I происходит из Горного Алтая и является, согласно металлографическому анализу, местной копией китайского импорта (*Тишкин*, 2006. С. 113–114, рис. 1, 3). Бытование зеркал этого

⁸ Пряжкам посвящена статья М. Эрди, в которой, впрочем, учтены не все известные находки (*Erdy*, 2004. P. 48–52).

⁹ Ранее она находилась в коллекции С. Т. Лу в Париже. В книге Е. С. Богданова упоминаются две разные пряжки из двух разных коллекций (*Богданов*, 2006. С. 69). Но это одно изделие, поскольку коллекция С. Т. Лу стала позднее частью коллекции А. М. Секлера (*Bunker*, 1997. P. 1, 274) и речь здесь идет об одной пряжке.

типа ограничивается II – концом I в. до н. э. (*Масумото*, 1993. С. 251).

Культурная атрибуция. Полученные материалы и даты захоронений могильника Терезин I позволяют уточнить современные представления о культурно-исторических процессах в Туве в начале гунно-сарматского времени. Ранее в регионе не встречались хуннские ажурные бронзы, за исключением поясной ажурной бляхи с изображением сцены борьбы тигра и грифона из впускного погребения могильника Урбюн III, находившегося в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, всего в нескольких километрах к северо-западу от могильника Терезин I (*Савинов*, 1969. С. 104–108). Погребение было совершено в каменном ящике, покойный лежал головой на север, на правом боку с подогнутыми ногами. Кроме бронзовой бляхи здесь были обнаружены два керамических сосуда, костяные накладки на лук хуннского типа и костяные наконечники стрел, в том числе с расщепленным насадом. Здесь же был железный нож и несколько железных пряжек. Автор раскопок датирует это захоронение II–I вв. до н. э. (*Длужневская, Савинов*, 2007. С. 67). Таким образом, по погребальному обряду это захоронение схоже с погребением № 2 могильника Терезин I.

Эти и подобные комплексы были выделены А. Д. Грачом в особую, улуг-хемскую культуру (*Грач*, 1980. С. 38), отнесенную к I в. до н. э. и следующую хронологически за саглынской культурой скифского времени. Позже выделение этих памятников в особую археологическую культуру было оспорено (*Длужневская, Савинов*, 2007. С. 65).

Памятники самих хунну в Туве известны (*Мандельштам, Стамбульник*, 1992), хотя и остаются до сих пор неопубликованными. На могильнике Бай-Даг 2, также в Центральной Туве, было раскопано 11 больших каменных курганов с дромосами и глубокими могильными ямами. Захоронения были совершены в богато декорированных гробах, помещенных в деревянные срубы. Они были разграблены, но сохранившиеся предметы погребального инвентаря и сам погребальный обряд позволяют считать этот памятник пока единственным очевидным свидетельством пребывания хунну в Туве.

Интересные результаты были получены при раскопках могильника Аймырлыг XXXI, также находящегося в нескольких километрах от могильника Терезин I. Здесь было раскопано около 200 могил, в большинстве неграбленных. Ряд находок позволил недавно убедительно отнести часть по-

гребений если не к самим сяньби, то к племенам, испытывавшим их культурное влияние (*Худяков и др.*, 1999). К сожалению, материалы могильника Аймырлыг XXXI все еще не введены в науку полностью, точная их дата неизвестна. Была опубликована лишь общая информация и отдельные находки (*Стамбульник*, 1983; *Мандельштам, Стамбульник*, 1992).

Обнаружение в могильнике Терезин I больших ажурных поясных пластин ставит его в один ряд с некоторыми знаковыми памятниками хунну Забайкалья, Монголии и Северного Китая. Наличие таких пряжек позволяет предположить достаточно высокий социальный статус их владельцев, что неоднократно отмечалось исследователями (*Давыдова, Миняев*, 2008. С. 49, *Савинов*, 2015. С. 149, *Brosseder*, 2011. Р. 409–411 и др.).

Неслучайно, что и сам могильник Терезин I (как и Урбюн III) находится на западе Улуг-Хемской котловины, у входа в Саянский каньон Енисея, то есть у ворот на север, в Минусинскую котловину. Эта территория была одной из ключевых для региона с военной и с экономической точек зрения. Наличие здесь погребений эпохи хунну со статусными предметами погребального инвентаря вполне объяснимо.

Таким образом, материальная культура населения, оставившего могильник Терезин I, схожа с культурой хунну, включая такие элементы, как художественные бронзы, предметы вооружения, керамику. При этом погребальный обряд отличен и от обряда хунну, и от обряда предшествующей культуры скифского времени, хотя сохраняет определенные черты последней. Можно предположить, что здесь представлена еще не окончательно сформировавшаяся местная постскифская культурная традиция. Не исключено также, что памятник оставлен одной из групп населения, близкой в культурном плане к хунну и пришедшей в Туву вместе с ними.

Обнаружение подобных памятников было лишь вопросом времени и затруднялось сложностью выявления погребений без наземных сооружений. Сейчас, когда стала понятна методика поиска схожих объектов в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища, можно ожидать появления новых находок. Их поиск и дальнейшие раскопки могильника Терезин I позволят, вероятно, дать ответ на целый ряд вопросов о генезисе материальной культуры населения Центральной Тувы постскифского периода.

- Алексеева*, 1978 – *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. (САИ; Вып. Г 1–12, Т. 2).
- Богданов*, 1980 – *Богданов Е. С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006.
- Вадецкая*, 1999 – *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
- Грач*, 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в Центре Азии. М., 1980.
- Давыдова*, 1996 – *Давыдова А. В.* Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. СПб., 1996. Т. 2.
- Давыдова, Миняев*, 2008 – *Давыдова А. В., Миняев С. С.* Художественная бронза сюнну. СПб., 2008.
- Длужневская, Савинов*, 2007 – *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне тувинского моря. СПб., 2007.
- Дэвлет*, 1980 – *Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1980. (САИ; Вып. Д 4–7).
- Кириллов и др.*, 2000 – *Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И.* Дарасунский комплекс памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск, 2000.
- Леус*, 2008 – *Леус П. М.* Терезин – новый памятник гунно-сарматского времени в Центральной Туве (предварительное сообщение) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.
- Мандельштам, Стамбульник*, 1992 – *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. (Археология СССР; Т. 10).
- Масумото*, 1993 – *Масумото Т.* О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 2.
- Матющенко, Татаурова*, 1997 – *Матющенко В. И., Татаурова Л. В.* Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.
- Миняев*, 1998 – *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб., 1998.
- Савинов*, 1969 – *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве. // КСИА. 1969. Вып. 119.
- Савинов*, 2015 – *Савинов Д. Г.* Находки хуннских художественных бронз в историческом контексте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6.
- Смотрова*, 1982 – *Смотрова В. И.* Находки бронзовых ажурных пластин в Прибайкалье // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
- Смотрова*, 1991 – *Смотрова В. И.* Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991.
- Стамбульник*, 1983 – *Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Тишкин*, 2006 – *Тишкин А. А.* Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. Владивосток, 2006. № 4.

- Худяков и др.*, 1999 – *Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су Хуа.* Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. № 4.
- Erdy*, 2003–2004 – *Erdy M.* Art objects from the Sidorovka Kurgan cemetery and the analysis of its ethnic affiliation // Siberian Association of Prehistoric Art Researchers Bulletin. Kemerovo, 2003–2004. Vol. 6–7.
- Bronk Ramsey*, 2013 – *Bronk Ramsey Chr.* Recent and planned developments of the program OxCal // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, Is. 2–3, 2013.
- Brosseder*, 2011 – *Brosseder U.* Belt Plaques as an Indicator of East–West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. // Xiongnu Archaeology – Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology 5. Bonn, 2011.
- Bunker*, 1997 – *Bunker E.* Ancient bronzes of the eastern eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. New York, 1997.
- Bunker*, 2002 – *Bunker E.* Nomadic Art of the eastern eurasian steppes. New York, 2002.
- Hayashi*, 2012 – *Hayashi T.* Xiongnu (Hun) Style Ornaments Found Near Turfan // 1st International congress of Eurasian Turkish arts. Istanbul, 2012.
- Lankton*, 2003 – *Lankton J. W.* A Bead Timeline, Vol. I: Prehistory to 1200 CE. Washington, 2003.
- Linduff*, 1997 – *Linduff K.* An archaeological overview // Bunker, E. Ancient bronzes of the eastern eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. New York, 1997.
- Khavrin*, 2011 – *Khavrin S. V.* Metal of the xiongnu period from the Terezin cemetery, Tuva // Xiongnu Archaeology – Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology 5. Bonn, 2011.
- Pan*, 2011 – *Pan Ling.* Summary of Xiongnu sites in Northern China // Xiongnu Archaeology – Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology 5. Bonn, 2011.
- Rawson*, 1995 – *Rawson J.* Chinese Jade from the Neolithic to the Qing. London, 1995.

Terezin I – a burial ground of the Xiongnu time in central Tyva

P. M. Leus, S. V. Bel'skiy

This article is dedicated to results of archaeological investigations of the burial ground of Terezin 1, which now is subject to shore erosion on the banks of the Sayano-Shushenskoye reservoir. The cemetery under study is situated 9.5 km to the north-east of the village of Chaa-Khol – a kozhuun centre in the Republic of Tyva. It is a wide publication of new materials supplementing our knowledge about the cultural processes in the region under consideration at the turn of two eras. In the course of the archaeological surveys, the shore belt of the reservoir and sand precipices towering

over it were explored. The surveys resulted in discovery of 15 burials in the area of a sand beach about 1.5 km long. Only three of these burials were found to be undamaged or only partially disturbed. The material culture of the people who had left this cemetery was similar to that of the Xiongnu including such elements as artistic bronzes, items of weaponry and pottery. Nevertheless, the burial rite differed from the rite of Xiongnu or that of the precedent culture of the Scythian period. At burials no. 2, no. 9 and no. 12 radiocarbon dates were obtained indicating the 1st century BC.

МЕТАЛЛ ЭПОХИ ХУННУ МОГИЛЬНИКА ТЕРЕЗИН I (ТУВА)

С. В. Хаврин¹⁰

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования состава сплава бронз могильника эпохи хунну Терезин I (Республика Тыва) методом рентгено-флюоресцентного анализа.

Annotation. This paper is dedicated to results of X-Ray fluorescent analyses of the composition of bronze alloys from the burial ground of Terezin I of the Xiongnu period (Republic of Tyva, Russia).

Ключевые слова: Тува, гунно-сарматский период, хунну, сюнну, спектральный анализ, состав сплава древних бронз.

Keywords: Tyva, Hun-Sarmatian period, Hunnu, Xiongnu, spectral analysis, composition of ancient bronze alloys.

Исследование спектрального состава металлических изделий эпохи хунну Саяно-Алтая, проведенное С. С. Миняевым, позволило определить, что не было единого центра их производства, в каждом регионе существовали свои центры, а между регионами осуществлялся взаимообмен (Миняев, 1980. С. 30–34; 1983а. С. 33–35; 1983б. С. 47–84). Существовало свое металлопроизводство и в Туве. Но к настоящему моменту проанализированы были лишь единичные изделия эпохи хунну с этой территории (Миняев, 1980. Табл. № 17; Хаврин, 2003. С. 211–213; 2009. С. 342–344). Бронзовые изделия могильника Терезин I (Чаа-Хольский кожуун Республики Тыва) значительно дополняют имеющуюся базу данных.

Изучение состава сплава металлических изделий могильника Терезин I проведено в 2008–2016 гг. в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на спектрометре ArgTAХ (Bruker) методом рентгено-флюоресцентного анализа поверхности. Результаты анализа (табл. 1) показывают, что основным типом сплава является мышьяковистая бронза. Один фрагмент зеркала выполнен из свинцово-оловянной бронзы и относится к предметам импорта из ханьского Китая. Об этом свидетельствует качество отливки и состав сплава. Еще одно изделие – подвеска в виде шайбы,

входившая в состав ожерелья, – выполнено из оловянистой бронзы (с небольшой примесью мышьяка), но оно слишком невыразительно, чтобы делать выводы о его происхождении. Остальные изделия не содержат олова либо содержат его в незначительном количестве (менее 0,5 %).

В металле остальных исследованных изделий основной легирующей примесью является мышьяк. Его содержание достигает 10–15 %, а иногда и более (накладки и зеркало из могилы 12, пряжка из могилы 14). Такой сплав по техническим характеристикам практически не уступает оловянистой бронзе (Равич, Рындина, 1984. С. 114–124; Шемаханская, 2015. С. 16). Изделия из мышьяковистой бронзы имеют привлекательный вид: содержание мышьяка до 12 % придает изделию золотисто-серый цвет, при содержании мышьяка 18 % и выше цвет изделия становится серебристо-серым (Равич, Рындина, 1984). Это важно в связи с тем, что в могиле 12 найден фрагмент «китайского» зеркала местного производства, об этом свидетельствует состав сплава. Исследование показало, что отлит был именно фрагмент зеркала, а не зеркало целиком. Отливка получилась хорошего качества. Содержание мышьяка в нем составляет 16–17 % (плюс 2–3 % сурьмы), что придало изделию серебристо-серый цвет. То есть местные металлурги скопировали не только форму, но и постарались получить цвет, соответствующий китайским зеркалам. Подобный случай отливки китайского зеркала (причем того же типа, что и зеркала из могильника

¹⁰ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. ФГБУК Государственный Эрмитаж, Отдел научно-технологической экспертизы. E-mail: sergekhavrin@yandex.ru.

Таблица 1. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа металлических изделий могильника Терезин I
 Table 1. Results of X-ray fluorescent analysis of metal objects from the cemetery of Terezin I

Предмет	Могила	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие	Рис. ¹
Кольцо ажурное	1	Осн.	10–14	–	1–3	<1	Сл.	Ni < 0,6, Ag	1, 2
Бляха ажурная		Осн.	5–8	–	1–3	<0,4	Сл.	Ni < 0,7, Ag	1, 3
Пластина ажурная	5	Осн.	5–8	<0,3	1–2	1–2	Сл.		6, 1
Бляха с двумя быками		Осн.	10–13	–	2–3	3–5	–	Ni	6, 2
Пряжка с грифонами	8	Осн.	2–3	–	<0,7	4–6	Сл.	Ni < 0,5	6, 3
Наконечник стрелы		Осн.	1–3	–	–	2–4	<0,4	Bi = 1–2 %	6, 7
Подвеска	9	Осн.	2–3	10–14	–	Сл.	<0,8		5, 33
Зеркало (фрагмент)	12	Осн.	16–17	–	Сл.	2–3	Сл.	Ni < 0,4, Co	6, 13
Кольцо замкнутое		Осн.	10–14	Сл.	?	<0,5	Сл.	Ni < 0,8, Co, Bi	6, 5
Кольцо		Осн.	10–14	Сл.	Сл.	<0,5	Сл.	Ni < 0,8, Bi	
Кольцо (фрагмент)		Осн.	2–4	Сл.	Сл.	~1	Сл.	Ni < 0,5, Bi	
Бляшка ажурная		Осн.	10–14	?	?	1–2	Сл.	Ni < 0,4, Co, Bi	6, 6
Бляшка ажурная		Осн.	4–7	–	–	1–2	–	Ni < 0,8	
Бляшка ажурная		Осн.	18–22	–	–	1–2	–	Ni < 1, Co, Bi	
Бляшка ажурная		Осн.	18–24	–	–	1–2	–	Ni < 0,5, Co, Bi	
Бляшка ажурная		Осн.	18–24	Сл.	–	1–2	–	Ni < 0,4, Co, Bi	
Бляшка ажурная		Осн.	10–15	–	–	1–3	–	Ni < 0,5, Bi < 1	
Имитация каури		Осн.	9–12	–	Сл.	<0,6	Сл.	Ni < 0,5, Co	6, 4
Пластина ажурная		Осн.	7–10	–	<0,5	2–3	–	Ni < 1	6, 8
Пряжка с двумя яками (целая)	13	Осн.	6–8	<0,4	<0,7	<0,3	Сл.	Ni ~ 0,4, Bi < 0,3	6, 9
Пряжка с двумя яками (разломанная)	14	Осн.	>20	–	Сл.	1–2	–	Ni ~ 1, Co < 0,6	6, 10
Пряжка круглая		Осн.	1–2	Сл.	<0,5	<0,4	Сл.	Ni, Bi	6, 11
Зеркало	Подъемный материал	Осн.	<0,3	25–30	4–6	Сл.	Сл.	Ni, Co, Ag	6, 12
Подвеска ложечковидная		Осн.	2–4	–	–	1–2	Сл.	Bi	
Пластина с геом. орнаментом		Осн.	4–5	<0,4	2–3	1–2	Сл.	Bi < 0,4, Ni – ?	
Бляшка с двумя яками		Осн.	12–14	–	–	3–5	–	Bi < 0,7, Ni < 0,5	
Бляшка с двумя яками		Осн.	12–14	–	–	3–5	–	Bi < 0,6, Ni < 0,6	

¹ Номера рисунков, приведенные в аналитической таблице, соответствуют номерам рисунков предметов в статье П. М. Леуса и С. В. Бельского «Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве», опубликованной в настоящем выпуске ежегодника.

Терезин I) из высокомышьяковистой бронзы был отмечен ранее на территории Горного Алтая в материалах могильника хуннской эпохи Яломан-II (Тишкин, Хаврин, 2004. С. 300–306; 2006. С. 74–85).

В качестве рудных примесей в сплав терезинских изделий входят сурьма, никель, серебро, свинец, кобальт и висмут. Такой набор примесей позволяет предположить, что источником металла могло быть медь-никель-кобальтовое месторождение Хову-Аксы (Тандинский район Тувы). Вместе с тем нельзя не отметить, что этот же набор рудных примесей (правда, при несколько меньшем содержании мышьяка) характеризует и металл хронологически близкого памятника – алтайского могильника Яломан-II (Тишкин, Хаврин, 2004). Близость металлу Терезина I демонстрируют также поясные пластины Косогольского клада – их от большинства аналогичных пластин Минусинской котловины отличает повышенное содержание мышьяка в сплаве (Миняев, 1980. Табл. № 24–38).

Важно отметить в сплавах изделий из Терезина I высокое содержание никеля. Бронзы с высоким содержанием никеля (0,1–1 %) и подобным набором примесей на территории Тувы известны для скифского времени (Хаврин, 2007. С. 117). Несколько изделий хуннского времени с таким же составом найдено на территории Минусинской котловины (Миняев, 1980. Табл.; Хаврин, 2003).

Таким образом, в Туве в хуннскую эпоху существовало собственное металлопроизводство, основанное на использовании мышьяковистых бронз. При этом на их фоне хорошо фиксируются изделия, выполненные из свинцово-оловянистых бронз, импортированные из ханьского Китая (Хаврин, 2009).

Миняев, 1980 – Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (По данным спектрального анализа) // М. А. Дэвлет. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1980.

Миняев, 1983а – Миняев С. С. Спектроаналитические исследования бронзовых изделий сюнну // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983.

Миняев, 1983б – Миняев С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983.

Равич, Рындина, 1984 – Равич И. Г., Рындина Н. В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь – мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. М., 1984. № 9 (39).

Тишкин, Хаврин, 2004 – Тишкин А. А., Хаврин С. В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

Тишкин, Хаврин, 2006 – Тишкин А. А., Хаврин С. В. Использование рентгено-флюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2.

Хаврин, 2003 – Хаврин С. В. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Вл. А. Семенов. Суглуг-Хем и Хайырыкан. Могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.

Хаврин, 2007 – Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширина района Хакасии // А. В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007.

Хаврин, 2009 – Хаврин С. В. Китайские импорты в материалах могильника Догээ-Баары II (по материалам рентгено-флюоресцентного анализа) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.

Шемаханская, 2015 – Шемаханская М. С. Металлы и вещи: история, свойства, разрушение, реставрация. М., 2015.

Metal of the Xiongnu period from the cemetery of Terezin I (Tuva)

S. V. Khavrin

This paper is dedicated to results of X-Ray fluorescent analyses of the composition of bronze alloys from the burial ground of Terezin I of the Xiongnu period (Republic of Tuva, Russia). Among the 27 artefacts analysed, arsenic bronzes were the predominant metal. The content of arsenic in the bronzes from Terezin I was very high. The character of the admixtures suggests that the copper/nickel/cobalt deposit of Khovu-Aksy was possibly the source of the metal. Only one

of the finds (a fragment of a mirror) is an import from China. It was made from lead-tin bronze. A second fragment of a mirror similar in type was a local copy. The results obtained during this study indicate that during the Xiongnu period there existed in Tuva its own metalworking. Furthermore, the Terezin I metal shows some similarity with that from certain sites of the Minusinsk Depression (Kosogolsk hoard) and Mountain Altay (Yalomani-II).

НЕГРАБЛЕННЫЙ ПОЗДНЕСКИФСКИЙ СКЛЕП В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

В. П. Власов, С. Б. Ланцов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев (†)²

Аннотация. Грунтовые некрополи не видны на поверхности, и это, в некоторой степени, защищает их от разграбления. Но их сложно обнаружить и археологам. Для их выявления возможно применение геофизических методов. В статье рассматриваются результаты магниторазведки на некрополе греко-варварского городища Кульчук в Северо-Западном Крыму и результаты раскопок обнаруженного при помощи магниторазведки первого на этом могильнике неограбленного позднескифского грунтового склепа. Склеп, вероятно, использовался в течение второй половины I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. и относится к позднескифской археологической культуре. Находки из склепа представлены редкими типами фибул, лепной, краснолаковой и простой гончарной посудой, предметами поясной гарнитуры, бусами.

Annotation. Underground necropoleis are indiscernible on the surface that protects them to some extent against plundering. However the same reasons make them difficult to discover also by archaeologists. For their location remote sensing methods can be used. This paper is concerned with results of magnetic surveys at the necropolis of the Greek and barbarian fortified settlement of Kulchuk in northwestern Crimea. Here there are presented the results of excavation of the first un plundered Late Scythian underground tomb discovered at the necropolis using the method of magnetic surveys. This tomb was probably employed during the second half of the 1st century BC and the first half of the 1st century AD. In its type it belongs to the Late Scythian archaeological culture. The finds from the tomb are represented by rare types of fibulae, handmade pottery, red-ware and plain wheel-thrown ceramic vessels, objects of belt sets and beads.

Ключевые слова: античность, Северо-Западный Крым, Херсонесское государство, Крымская Скифия, Кульчук, некрополь, склеп, магниторазведка.

Keywords: antiquity, northwestern Crimea, Chersonesean state, Crimean Scythia, Kulchuk, necropolis, vault, magnetic survey.

Раскопки некрополей чрезвычайно важны для понимания исторических событий, синхронных захоронениям. Набор артефактов, погребаемых вместе с усопшим, позволяет во многих случаях делать достаточно точные заключения о датировке погребений, особенностях быта данного периода,

социальном положении погребенных и многие другие выводы, а изучение останков позволяет определить пол, возраст, а в ряде случаев причины смерти и род занятий. В крымских некрополях античного времени встречаются погребальные сооружения нескольких типов. Видимые на поверхности объекты – курганы – в большинстве случаев многократно ограблены и в древности, и современными грабителями. Археологические раскопки таких объектов дают, безусловно, важную информацию об архитектуре этих сооружений, но находимые артефакты – это, как правило, то, что не заметили или не сочли нужным забрать грабители. В отношении грунтовых некрополей, не видимых на поверхности, ситуация несколько иная. Хотя их разграбление тоже идет, однако скрытость этих объектов, неизвестность во многих случаях расположения могильников даже для крупных поселений, до некоторой степени защищает их от грабителей. Но по тем же причинам их

¹ Работы проводились при финансовой поддержке РФФИ (грант № 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки»).

² Власов В. П. – Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, к. 2. Институт археологии Крыма РАН. E-mail: vlasov_vladimir@mail.ru.

Ланцов С. Б. – Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, к. 2. Институт археологии Крыма РАН, Отдел античной археологии. E-mail: sergey_lantsov@mail.ru.

Смекалов С. Л. – Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125. Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. E-mail: slsmek@mail.ru.

© В. П. Власов, С. Б. Ланцов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев (†), 2016

сложно обнаружить и археологам. Одним из вариантов поиска невидимых на поверхности погребальных сооружений является использование магниторазведки.

Магниторазведка – это один из геофизических методов исследования подземных объектов. Суть магниторазведки состоит в обнаружении объектов, магнитные свойства которых отличаются от магнитных свойств окружающей среды. В археологии для этого производится измерение естественного магнитного поля Земли с мелким шагом и при малой высоте расположения измерительного датчика. Карты изолиний локальных магнитных полей на поверхности Земли позволяют делать выводы о наличии тех или иных подземных объектов и структур. Данный метод был использован для исследования территории некрополя городища Кульчук.

Городище Кульчук, а также его могильник расположены в Северо-Западном Крыму, в 2 км к югу от с. Громово Черноморского района Республики Крым, в приморской степи. Поселение, которое датируется второй половиной IV в. до н. э. – I в. н. э., сначала входило в состав Херсонесского государства, а затем Крымской Скифии. Кульчукский могильник находится к северу от поселения, занимая, предположительно, площадь около 12 га. Он открыт П. Н. Шульцем (*Шульц*, 1941. С. 265–277) в 1933 г. Некрополь эпизодически исследовался с конца 1960-х гг. под руководством О. Д. Дашевской и А. С. Голенцова. Первые раскопки здесь в 1973 г. проведены О. Д. Дашевской (*Дашевская*, 1978. С. 119–215), а наиболее интенсивные полевые работы выполнены в 1990–1994 гг. экспедицией А. С. Голенцова. Результаты этих работ, к сожалению, мало отражены в изданиях (*Голенцов*, 1991. С. 34–36; 1994. С. 80–84).

Согласно данным А. С. Голенцова, здесь открыто (и/или зафиксировано после грабежей) 33 могилы. Раскопаны подкурганый каменный греческий склеп, земляной склеп середины IV в. до н. э. с коллективным захоронением, а также уникальный скифский курган – кенотаф (*Дашевская, Голенцов*, 1982. С. 90–96). Позднескифские погребальные сооружения представлены, в основном, грунтовыми склепами округлой и подпрямоугольной формы с дромосами, в которых часто прослеживаются вырубленные в материке ступеньки. Также фиксируются подбойные и простые грунтовые могилы.

Могильник сильно пострадал от грабительских раскопок начала 90-х гг. XX в. Погребальные сооружения легко определялись по камням забутовки из

заполнения могил и дромосов, которые были видны на современной дневной поверхности. Сейчас не осталось явных следов точного местонахождения погребальных сооружений.

Магнитная разведка на некрополе была начата в 2009 (*Смекалов*, 2009) и продолжалась в 2014 и 2015 гг. В 2011 и 2014 гг. на месте некоторых обнаруженных аномалий провели раскопки, в ходе которых удалось открыть археологические объекты (*Внуков и др.*, 2014). В процессе этих раскопок были обнаружены структура, возможно связанная с разрушенным еще в древности погребальным сооружением, и захоронение подростка (*Власов и др.*, 2014).

На рис. 1, 1 показано положение участков магнитной съемки 2009, 2014, 2015 гг. на некрополе городища Кульчук на космическом снимке Google Earth. Участки съемки 2015 г. примыкали с севера и востока к участку магнитной съемки 2014 г. Общая площадь, заснятая в 2015, составляет 1,56 га. Участки располагаются на невозделываемом в настоящее время поле, покрытом травянистой растительностью.

Работы выполнялись двумя квантовыми магнитометрами ПКМ-1 производства ФГУ НПП «Геологоразведка» (Санкт-Петербург, Россия). Одним из магнитометров проводились измерения по регулярной сети вдоль профилей длиной 40 м с шагом 0,5 м вдоль профиля. Расстояние между соседними профилями составляло 0,75 м. Вторым магнитометром работал в режиме магнитовариационной станции для учета суточных вариаций магнитного поля – изменений значения поля в течение суток, связанных, главным образом, с солнечной активностью. При построении карт в качестве нулевого уровня поля принималось его медианное значение для каждого из участков, снимаемых в течение рабочего дня с учетом суточных вариаций магнитного поля. Привязка участка съемки к картам и снимкам проводилась на основании Глонасс/GPS-измерений навигатором Garmin Etrex 30.

Магнитное поле в границах всех участков, обследованных в 2015 г., меняется незначительно. Эти изменения носят, по большей части, случайный характер, объясняющийся, по видимому, микрорельефом, и лежат в пределах ± 4 нТл. На картах магнитной съемки видны также линии распашки и аномалии, вызванные мелкими современными железными предметами. Аномалии, которые могли быть связаны с захоронениями, были отмечены лишь на участках съемки 2015-1 и 2015-4. Участок 2015-4, без сомнения, находится на территории некрополя. Один из

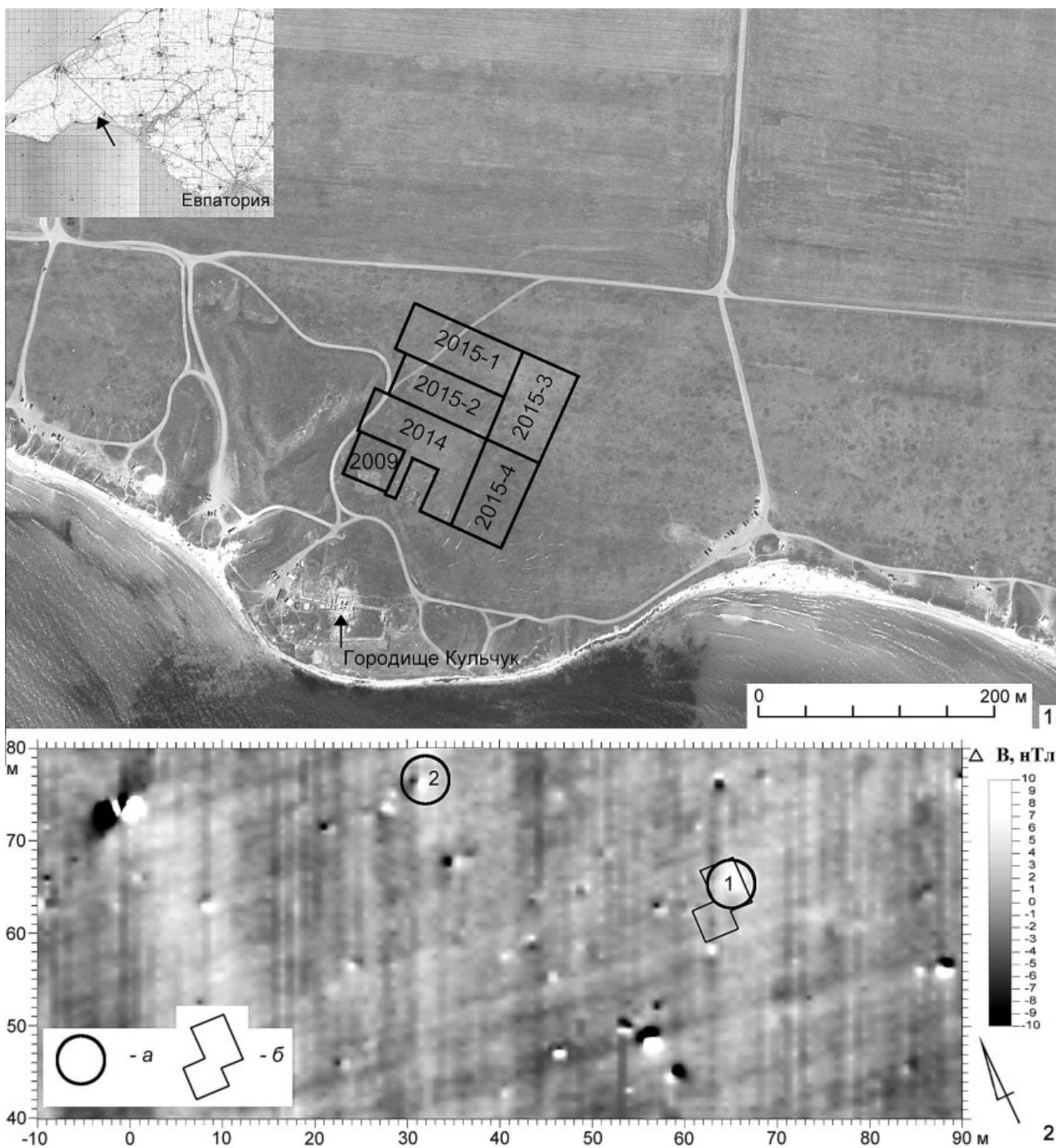

Рис. 1. 1 – Положение участков магнитной съемки 2009, 2014, 2015 гг. некрополя Кульчук на космоснимке Google Earth; 2 – карта аномалий индукции магнитного поля участка съемки 2015-1 некрополя Кульчук (а – аномалии от предполагаемых погребений; б – раскоп 2015 г.)

Fig. 1. 1 – Locations of the magnetic surveys of 2009, 2014, 2015 at the necropolis of Kulchuk in a spatial photograph of Google Earth; 2 – map of anomalies of the magnetic field induction in the area of surveys of 2015-1 at the necropolis of Kulchuk (a – anomalies caused by presumable burials; б – excavation of 2015)

склепов, раскопанных А. С. Голенцовым, примыкает к северо-западному углу этого участка. Могильных сооружений на территории участка 2015-1 и севернее ранее известно не было, поэтому для выявления

границ некрополя было принято решение проводить раскопки именно на этом, наиболее отдаленном от городища участке, расположенном более чем в 200 м к северу.

Карта аномалий индукции магнитного поля на участке 2015-1 представлена на рис. 1, 2. Сопоставление результатов предыдущих работ по магнитной съемке на некрополях показало, что если могильные «сооружения» образованы тем же материалом, что и межмогильное пространство (склепы, «конструкцию» которых представляют естественные породы, могилы, засыпанные ранее извлеченным грунтом), то аномалии создаются не непосредственно могильными структурами, а заполнением дромосов либо просадками поверхности этих сооружений, заполненных поверхностным грунтом, обладающим, как правило, большей магнитной восприимчивостью, чем материковый грунт. В этой связи наибольший интерес вызвали две положительные аномалии 1 и 2 (рис. 1, 2).

В 2015 г. раскопки были проведены на месте положительной аномалии 1. Здесь заложили квадрат, перекрывающий область аномалии 1 (рис. 1, 2), ориентированный по сторонам света, размером 5×5 м. В юго-западном углу квадрата, на границе почвенного горизонта и подстилающего его предматерикового суглинка, показался развал камней. Для его локализации к восточной и частично к южной сторонам квадрата была сделана прирезка. Помимо камней, оказавшихся забутовкой входной ямы погребальной конструкции (рис. 2, 1), примерно в 0,5 м к северу от них на уровне предматерикового суглинка было открыто темное пятно. Оно оказалось заполнением просадки, образовавшейся после обрушения свода погребальной камеры, в которой впоследствии была выкопана грабительская яма (по счастливой случайности грабителям не удалось достичь уровня залегания костей похороненных в склепе людей). Вероятно, заполнение этой просадки поверхностным грунтом и вызвало положительную магнитную аномалию.

Крайне немногочисленные находки из почвенного горизонта (мощность – 0,6–0,7 м) квадрата и прирезки к нему представлены фрагментами амфор, краснолаковой и лепной посуды, суммарно датирующимися концом IV – первой половиной III в. до н. э. и рубежом эр, а также обломками костей животных.

После расчистки контуров пятна над камерой и каменной забутовки входной ямы погребальной конструкции, которые четко указывали на его конкретный тип – грунтовый склеп, была произведена выемка заполнения входной ямы и камеры с последующей зачисткой закладной плиты входа, человеческих костяков и предметов погребального инвентаря. Склеп получил условное обозначение № 1 / 2015.

Входная яма склепа (рис. 2, 1, 2) выкопана в материке, но впущена с более высокого уровня (0,35 м от современной дневной поверхности). Она имела подпрямоугольную в плане форму и располагалась по линии «северо-северо-восток – юго-юго-запад». Размеры входной ямы – $4,95 \times 0,7-1,1$ м; глубина – 2 м. Сверху и до самого дна ее заполняли разномерные необработанные камни, перемежавшиеся рыхлым гумусированным суглинком и разрушенной материковой глиной. При выемке верхнего слоя забутовки среди камней обнаружили известняковое антропоморфное надгробие херсонесского типа, присутствовавшее во вторичном использовании. В придонной части ямы встречены обломки амфор эллинистического и римского времени, а также краснолаковой керамики I в. до н. э. – I в. н. э.

Планировка задней оконечности входной ямы несколько отличается от общей планировки ее основной части. Кроме того, она не имела каменной забутовки (рис. 2, 1). Торцовая (южная) стенка входной ямы была оформлена в виде лестничного марша с шестью вырубленными в материковой глине ступенями (рис. 2, 2). В передней (северной) стенке входной ямы располагался короткий вход в погребальную камеру, закрытый двухслойным каменным закладом (массивную закладную плиту подпирали камни меньшего размера).

Камера склепа подквадратная в плане с закругленными углами и сужающимися от дна кверху стенками (прослежены на высоту до 0,5 м). Это позволяет предполагать, что форма ее свода близка к полусферической. Размеры камеры – $2,54 \times 2,43$ м; глубина от современной дневной поверхности – 3,2 м. Слева от входа из входной ямы, близ юго-западного угла, на высоте 0,7 м в стенке камеры была устроена ниша, в которой стоял лепной светильник (рис. 2, 3).

В камере склепа зафиксировано восемь погребений взрослых людей, обращенных черепами на восток и, предположительно, расположенных в два яруса друг над другом. Более поздние захоронения верхнего яруса (погребения 1–4) совершены в вытянутом положении на спине с разным положением конечностей (погребение 1 – единственное совершенное в гробу, от которого частично сохранились контуры древесного тлена и железные гвозди) (рис. 2, 4). Они перекрывали погребения нижнего яруса (погребения 5 и 6), которые лежали на полу камеры склепа. Из них в относительном анатомическом порядке сохранилось только погребение 5. Также на полу лежали разрозненные останки погребений 6–8. Их черепа были сдвинуты к восточной стенке

Рис. 2. Некрополь Кульчук. Раскопки 2015 г. Склеп № 1: 1 – верхняя часть входной ямы, вид с севера; 2 – южная стенка входной ямы в виде лестничного марша со ступенями; 3 – южная стенка камеры со входом и нишей для светильника; 4 – верхний ярус захоронений (погребения 1–4); 5 – нижний ярус захоронений (погребения 5–6), а также скопления разрозненных останков погребений 6–8

Fig. 2. Necropolis of Kulchuk. Excavations of 2015. Tomb no. 1: 1 – upper part of the inlet pit, view from north; 2 – southern wall of the entrance pit looking like a flight of stairs with steps; 3 – southern wall of the chamber with the entrance and a niche for a lamp; 4 – upper tier of burials (burials 1–4); 5 – lower tier of burials (burials 5–6) and accumulations of separate remains of burials 6–8

и юго-восточному углу камеры. Принадлежавшие им кости посткраниального скелета образовывали несколько скоплений в центре камеры, а также у ее восточной и западной стенок (рис. 2, 5). Очевидно, люди, которые представлены этими костными материалами, были первыми похороненными в данном склепе. В дальнейшем их останки разрушили при расчистке места для совершения последующих позахоронений.

На дне камеры, вдоль восточной и западной стенок, лежало пять плоских каменных плиток. На верхней части четырех из них были сделаны небольшие углубления, очевидно, для ножек гроба погребения 1, с целью его выравнивания. Сопровождавший умерших погребальный инвентарь представлен бусами, простой гончарной, краснолаковой и лепной посудой, железными ножами, фибулами и наконечниками стрел, свинцовым кольцом, подвеской из желтого металла, а также бронзовыми фибулами, лунницей и деталями поясной гарнитуры. Фаунистические материалы (остатки заупокойной пищи) представлены костями (лопатка) мелкого рогатого скота.

Исследованный склеп Т-образной конструкции, судя по сделанным в нем находкам, по всей вероятности, использовался в течение второй половины I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. и относится к позднескифской археологической культуре.

Таким образом, в 2015 г. на месте аномалии 1 территории некрополя Кульчук раскопками были исследованы почвенный горизонт, а также позднескифский грунтовый слеп. Учитывая результаты

прошлых лет, можно констатировать целесообразность и перспективность использования методов геомагнитной съемки при поиске древних археологических объектов, в том числе погребальных сооружений.

Власов и др., 2014 – Власов В. П., Гречко Д. С., Ланцов С. Б., Смекалов С. Л. Опыт магнитометрических и археологических исследований на территории некрополя городища Кульчук // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. 1.

Внуков и др., 2014 – Внуков С. Ю., Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С. Раскопки на территории Кульчукского и Беляусского городищ и некрополей // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2014.

Голенцов, 1991 – Голенцов А. С. Кульчукский могильник – новый памятник поздних скифов в Крыму // Проблемы истории и культуры. Тезисы докладов конференции. Симферополь, 1991.

Голенцов, 1994 – Голенцов А. С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.

Дашевская, 1978 – Дашевская О. Д. Первые исследования Кульчукского некрополя // СА. М., 1978. № 3.

Дашевская, Голенцов, 1982 – Дашевская О. Д., Голенцов А. С. Кульчукский курган – кенотаф // Железный век. М., 1982. (КСИА; № 170).

Смекалов, 2009 – Смекалов С. Л. Отчет о магнитометрическом обследовании на участках, близ античных поселений Акчи-Сарай и Кульчук // С. Б. Ланцов. Отчет об археологических разведках в Сакском и Черноморском районах АР Крым в 2009 г. Архив ИА Крыма РАН.

Шульц, 1941 – Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.

An unrifled Late Scythian tomb in northwestern Crimea

V. P. Vlasov, S. B. Lantsov, S. L. Smekalov, M. S. Shaptsev(†)

The mortuary structures of the ancient period seen on the surface in Crimea, i.e. tumuli and stone cists, are mostly rifled over and over again both in antiquity and by modern plunderers. The situation is slightly different as the underground necropoleis indiscernible on the surface are concerned. Although their plundering also takes place, their hidden character and uncertainty of their location even near large settlements protects them to some extent against plunderers. However the same reasons make them difficult to discover by archaeologists. One of the methods enabling us to search for burial structures unseen on the surface is provided

by magnetic surveys. The latter make it possible to discover underground structures differing in their magnetic properties from the surrounding soil.

This method was employed to explore the area of the necropolis of the townsite of Kulchuk. This archaeological site and its cemetery are situated in northwestern Crimea (Fig. 1, 1). The settlement-site is dated to the period from the second half of the 4th century BC to the 1st century AD. Kulchuck initially was part of the Chersonesean state and afterwards it was included into Crimean Scythia. The cemetery was situated to the north of the settlement occupying an area of presumably

12 hectares. It was discovered in 1933 and episodically excavated in the 1960s–1990s. Here, there have been discovered 33 plundered graves. Also there were excavated an under-kurgan Greek stone vault and an earthen tomb of the mid-4th century BC with a collective burial, as well as a unique Scythian barrow with a cenotaph. Magnetic surveys were conducted at this burial ground in 2009, 2014 and 2015, in the areas adjoining its area investigated earlier. The surveyed areas were located at the now uncultivated field where no traces of any anthropogenic structures were discernible on the surface. The most interesting results have been so far obtained during excavation at the place of positive anomaly no. 1 in the area of the magnetic surveys of 2015 (Fig. 1, 2). The excavations have discovered here the first unplundered tomb at this necropolis. The entrance to the vault was constructed in the form of a staircase with six steps

cut in the virgin clay (Fig. 2, 2). The chamber of the tomb measured $2,54 \times 2,43$ m; the depth from the modern soil surface was 3,2 m. In the chamber, eight adult burials placed in two tiers above each other were found. The grave gifts to the deceased included beads, plain wheel-thrown, red-glazed and handmade ware, iron knives, brooches and arrowheads, a lead ring, a pendant made from yellow metal, as well as bronze fibulae, a lunate ornament and details of a belt set. Faunistic materials (remains of the other-world meal for the deceased) are represented by bones (shoulder-blade) of small-horned cattle.

Considering the retrieved finds, it was concluded that the tomb was used during the second half of the 1st century BC and the first half of the 1st century AD. It belongs to the Late Scythian archaeological culture.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ ТЮРОК В ДОЛИНЕ Р. ХАР-ЯМААТЫН-ГОЛ (СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ)¹

Г. В. Кубарев²

Аннотация. Статья посвящена вводу в научный оборот двух исследованных древнетюркских курганов на территории Северо-Западной Монголии. Они входят в компактный погребально-поминальный комплекс древнетюркской эпохи в долине р. Хар-Ямаатын-гол. Раскопки этих объектов подтвердили гипотезу автора о том, что древнетюркские курганы (№ 8, 10) в могильнике Хар-Ямаатын-гол являются парным (мужским и женским) захоронением и связаны с поминальным сооружением с валом и рвом. Проведенное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование образцов из этих археологических объектов показывает хорошую согласованность полученных дат. Датой сооружения этого погребально-поминального комплекса следует считать середину VII в., а именно 655–660 гг.

Annotation. This article presents a scientific publication of two excavated ancient Turkic barrows in North-western Mongolia. These sites constitute a compact funerary and memorial ensemble of the Ancient Turkic period in the valley of the Khar-Yamaatyn-Gol River. The excavation of these objects has confirmed the present author's hypothesis that the ancient Turkic barrows (nos. 8 and 10) at the cemetery of Khar-Yamaatyn-Gol are paired male-and-female burials related with a memorial installation with a rampart and a ditch. Radiocarbon and dendrochronological dating of these archaeological monuments shows a good consistency of the dates obtained. The burial and memorial complex under consideration is probably dated to the mid-7th century or, more precisely, 655–660 AD.

Ключевые слова: древнетюркские погребения, Монгольский Алтай, радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование, поминальное сооружение.

Keywords: Ancient Turkic burials, Mongolian Altay, radiocarbon and dendrochronological dating, memorial installation.

Исследование раннесредневековых погребальных и поминальных памятников на территории Монголии чрезвычайно важно для решения многих вопросов в рамках древнетюркской археологии и истории. К ним относятся проблемы более узкого датирования и дробной хронологии археологических объектов, выявление их возможной различной этнической принадлежности и наиболее ранних древнетюркских памятников и др. Парадоксальность ситуации заключается в том, что на территории Монголии, которая являлась центром государства древних тюрков и где располагались ставки тюркских каганов, исследовано, по разным подсчетам, всего от 20 до 30 рядовых древнетюркских погребений, в то время как наиболее изученными в археологическом отношении выступают перифе-

рийные районы Тюркских каганатов – Российский Алтай и Тува. Так, например, только на территории Российского Алтая исследовано более 200 раннесредневековых погребений. Исследование древнетюркских памятников в Монгольском Алтае имеет особое значение еще и потому, что именно с этим регионом большинство ученых связывает самый ранний период истории и этногенеза древних тюрков. Поэтому ввод в научный оборот новых погребальных памятников древнетюркской эпохи с территории Монгольского Алтая, безусловно, имеет большое значение.

В 2007 г. совместная российско-монголо-корейская экспедиция исследовала компактный погребально-поминальный комплекс древнетюркской эпохи на территории Монгольского Алтая (Баян-Улэгэйский аймак МНР). Он включал в себя три археологических объекта в нижнем течении р. Хар-Ямаатын-гол: поминальное сооружение в честь древнетюркского аристократа с валом и рвом и два древнетюркских кургана (№ 8, 10). Предварительная информация о проведенных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

² Россия, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН, Отдел археологии палеометалла. E-mail: gvkubarev@gmail.com.

археологических раскопках публиковалась ранее (*Кубарев Г. и др.*, 2007; *Kubarev et al.*, 2009 и др.). Однако предпринятое датирование образцов из этих памятников радиоуглеродным и дендрохронологическим методами позволяет полностью ввести в научный оборот два исследованных в долине р. Хар-Ямаатын-гол древнетюркских кургана³.

Они входили в состав разновременного могильника Хар-Ямаатын-гол и образовывали с другими археологическими объектами единый погребальный комплекс. Это первый могильник в долине р. Хар-Ямаатын-гол. Он находится на высокой надпойменной террасе реки, на ее левом берегу. Других археологических памятников выше по течению реки нами не было обнаружено. Местность расположена чрезвычайно близко к горному хребту, по которому проходит государственная граница с Россией.

Основную часть могильника образуют шесть курганов пазырыкской культуры (№ 1–6), традиционно расположенные цепочкой, ориентированной почти строго по линии «север – юг» и поперек долины реки. Наиболее ранними объектами следует считать курганы № 7 и 9. Учитывая их изолированное расположение и значительную задернованность насыпей, эти курганы должны относиться к эпохе бронзы. Два кургана (№ 8, 10), судя по их расположению с восточной стороны от цепочки пазырыкских курганов и степени задернованности, еще до проведения раскопок были определены как древнетюркские. Именно такая характерная особенность во взаиморасположении древних памятников неоднократно прослеживалась на территории Российского Алтая (*Кубарев Г.*, 2005. С. 12–13).

Мемориальный комплекс с валом и рвом находится на той же надпойменной террасе, что и два раскопанных древнетюркских кургана и удален от них приблизительно на 700 м к северо-западу. Исследованное в том же году поминальное сооружение включает в себя одно из самых интересных и неординарных каменных изваяний Монголии. Оно не раз привлекало внимание ученых реалиями, которые на нем представлены, а также выгравированной ниже пояса жанровой сценой (*Баяр*, 1997; *Баяр, Эрдэнэбаатар*, 1999; *Кубарев В.*, 1995; *Кубарев Г.*, 2015 и др.). Археологические раскопки, среди про-

чего, преследовали своей целью выявление возможной связи поминального сооружения с двумя курганами, установление их конструктивных особенностей и даты.

Курган № 8. Насыпь кургана эллипсоидной формы – вытянута с востока на запад (рис. 1). Ее диаметр составлял 10 × 11 м, высота 0,3–0,35 м. Сложена насыпь преимущественно из мелких камней в три-четыре слоя, слабо задернована. В центре была различима западина, в которой отсутствовало каменное заполнение. Отдельные камни к моменту начала раскопок были выбраны из насыпи местными жителями и использованы в качестве строительного материала.

После расчистки насыпи кургана под мелкими камнями зафиксировано кольцо из крупных валунов (рис. 1, 1; 2). В юго-западном секторе насыпи внутри кольца из валунов был прослежен участок из вертикально поставленных камней вытянутых пропорций. Вероятно, первоначально большинство из них устанавливались вокруг кольца вертикально и опирались на его массивные камни. На следующем этапе, при разборке насыпи, было полностью зачищено кольцо, состоявшее из крупных валунов, средний размер которых составлял 30 × 40 см (рис. 2). Сооружение имело диаметр 6–6,5 м. Валунуны были самым тщательным образом подогнаны друг к другу, а под некоторые из них подложены дополнительные камни. На одном из валунов различима схематичная и большей частью сколотая выбивка, вероятно, изображавшая козла.

В северо-восточном секторе насыпи на глубине 0,13 м обнаружена кость животного – обломок ребра. В восточной половине насыпи зафиксирован выброс из могильной ямы в виде желтого суглинка и гальки (рис. 1, 2). На уровне древней поверхности во многих местах прослеживались следы кротовин.

К востоку от центра насыпи кургана, близ его полы и в 4 м от кольца из валунов было зачищено кольцо из семи камней диаметром 1 м (рис. 1, 1; 2). В нем на уровне древней поверхности зафиксированы угли. Далее к востоку от насыпи кургана на расстоянии 7,5 м устроен ряд из девяти колец (рис. 3). Он как будто огибает насыпь кургана по дуге. В некоторых поминальных кольцах также фиксировались угли. Они были сооружены из небольших камней, число которых достигало 8–12 в каждом кольце (рис. 3). Их диаметр в среднем составлял 1,2 м. Интервал между ними варьировал от 0,3–0,45 м до 1,3 м. В некоторых кольцах камни смещены с мест их первоначального расположения, видимо, еще в древности.

³ Несмотря на то что этот погребально-поминальный комплекс представляет собой, по моему мнению, единое целое, опубликовать его из-за большого объема в одной статье не представлялось возможным. Поэтому поминальное сооружение с валом и рвом из долины р. Хар-Ямаатын-гол было введено в научный оборот в отдельной публикации (*Кубарев Г.*, 2015).

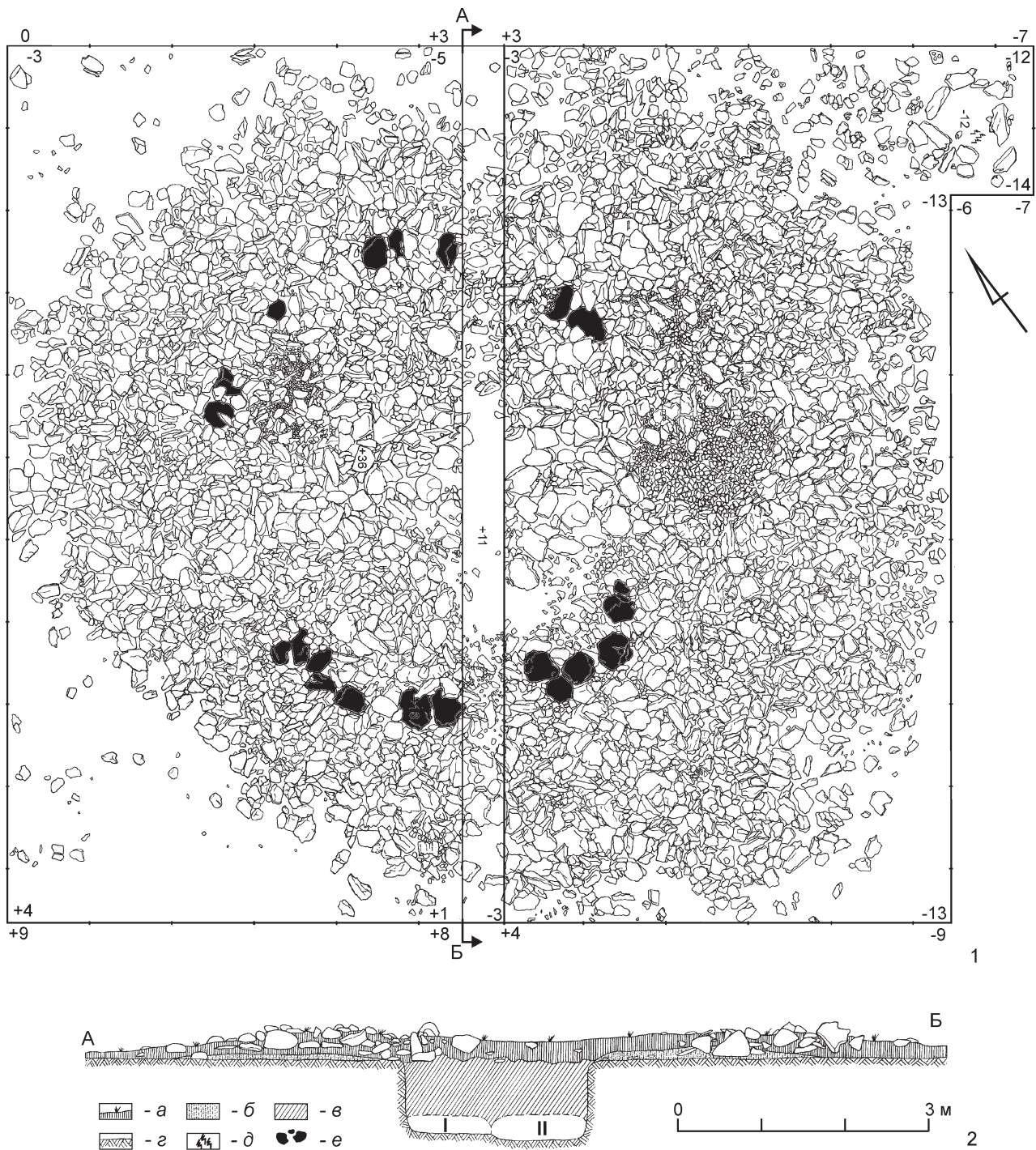

Рис. 1. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 8: 1 – план насыпи кургана и кольцевидного поминального сооружения; 2 – разрез А-Б

Условные обозначения: а – дерн; б – супесь; в – заполнение могильной ямы; г – материк; д – угли; е – камни кольца; I – погребение человека; II – погребение лошади

Fig. 1. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 8: 1 – plan of the mound and the ring-shaped memorial structure; 2 – section A-B

Notation: a – top-soil; б – sandy loam; в – fill of the burial pit; г – virgin soil; д – pieces of charcoal; e – stones of the ring; I – human burial; II – horse burial

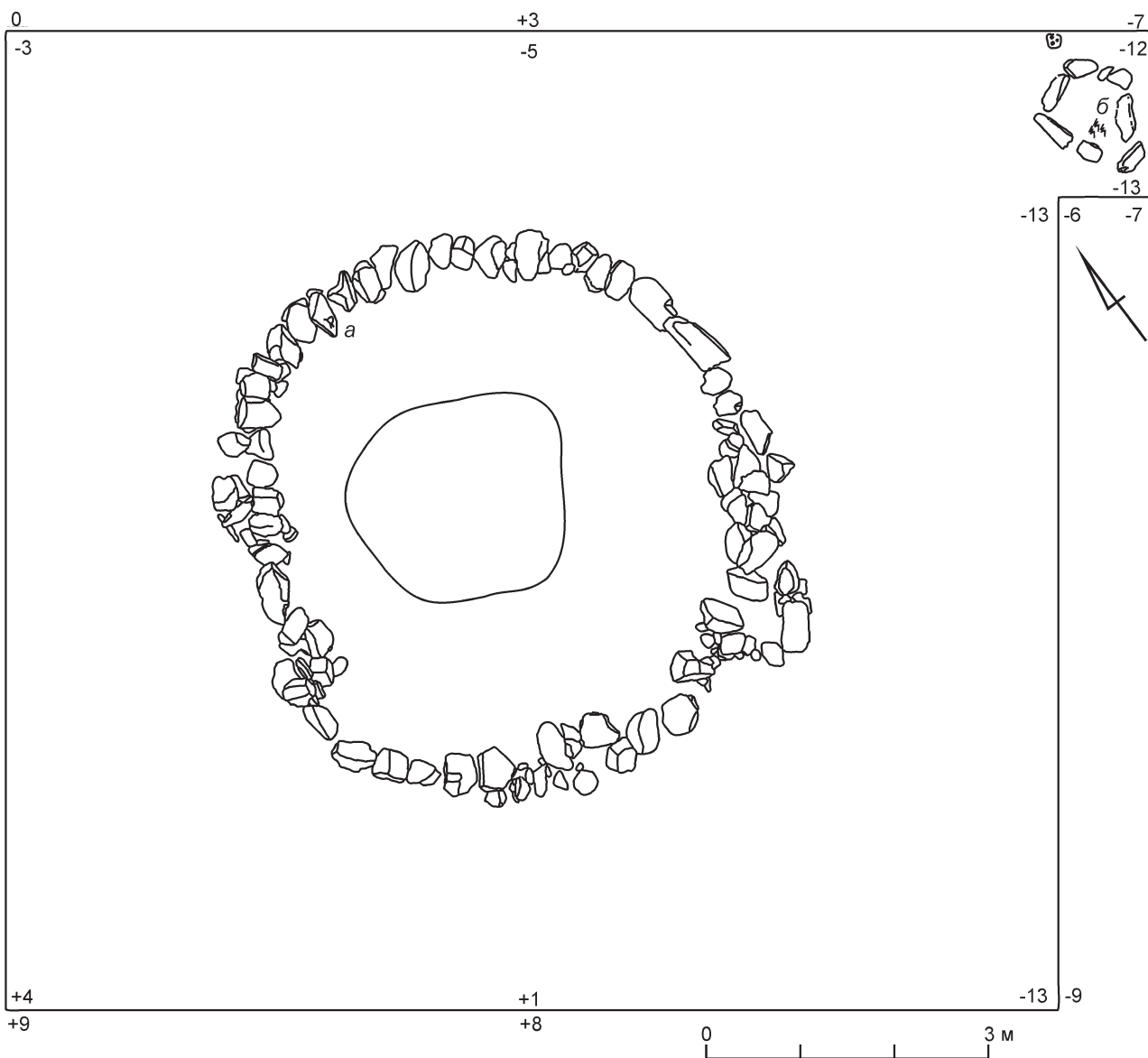

Рис. 2. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 8. План конструктивных деталей наземных сооружений: кольцо из камней вокруг могильной ямы и кольцо из камней вокруг места поминовения (*a* – выбитое изображение на камне; *б* – угли)

Fig. 2. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 8. Plan of surface structures: ring of stones around the grave pit and ring of stones around the memorial place (*a* – representation engraved on a stone block; *b* – pieces of charcoal)

В насыпи кургана и, в особенности, внутри каменного кольца найдено большое число колотых и резаных костей животных от проводившихся здесь тризн. В 0,83 м на восток – юго-восток от каменного кольца насыпи, на уровне древней поверхности (в норе) найдено железное кольцо (рис. 6, 29) и носовая кость лошадиного черепа.

После разборки заполнения насыпи зафиксировано темное гумусированное пятно могильной ямы (рис. 2). Оно четко выделялось на фоне желтого материкового суглинка. Яму также маркировали глубоко вкопанные крупные и мелкие камни.

Яма кургана, размерами $2,3 \times 1,8$ м, имела близкую к прямоугольной форму и длинной осью была ориентирована по линии восток – запад. В ее пределах разрознённые кости лошади и человека, а также отдельные артефакты встречались уже на уровне, близком к древней поверхности (рис. 4, 1). Среди костей лошади и человека, на глубине 0,25 м, ближе к юго-восточной стенке ямы найден роговой гребень (рис. 6, 1). В восточном углу ямы, при углублении до 0,38 м обнаружена роговая подпружная пряжка (рис. 6, 37), в противоположном западном углу – фрагменты предметов из дерева и железа.

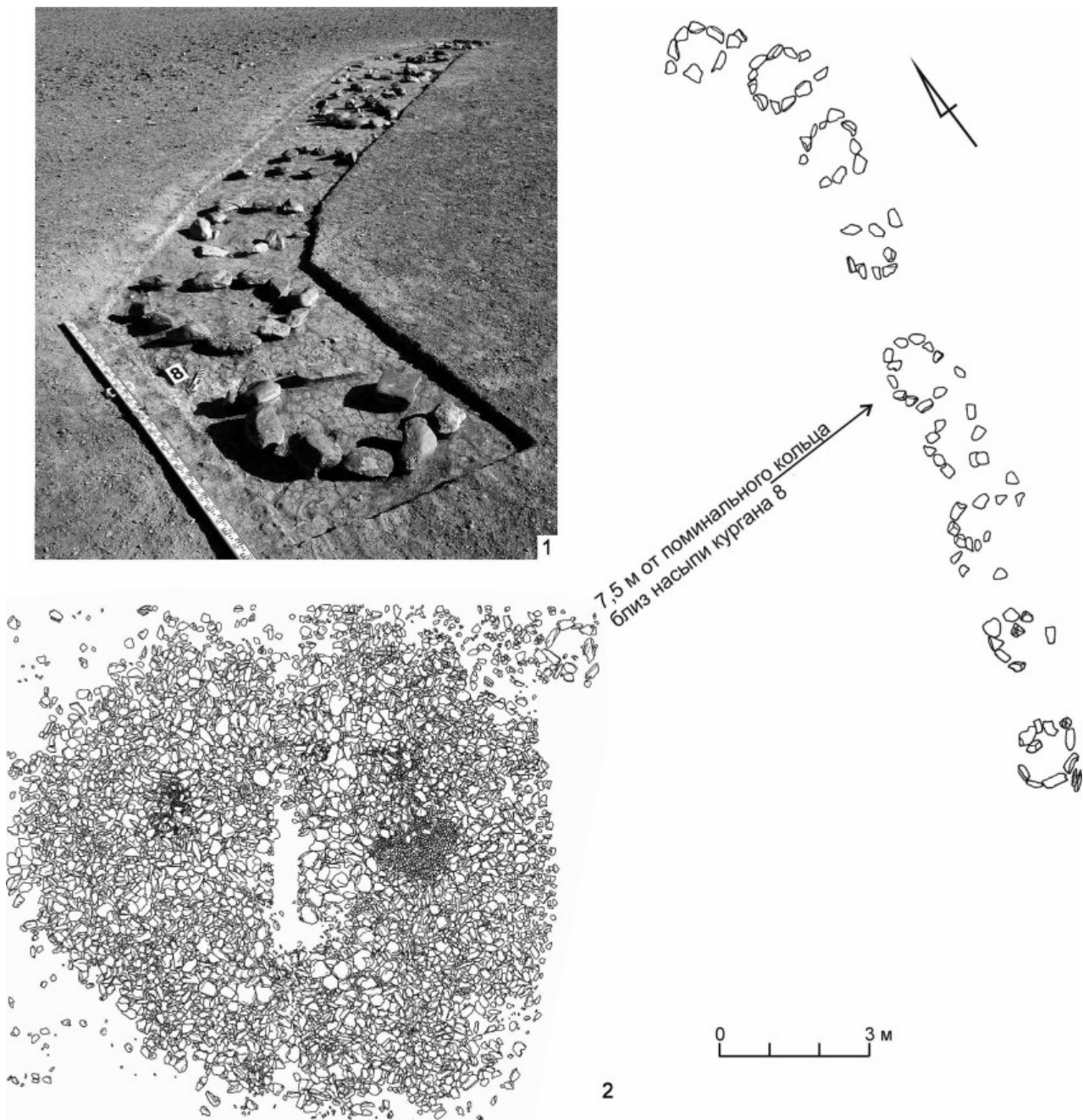

Рис. 3. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 8. Насыпь и цепочка кольцевидных поминальных сооружений: 1 – вид с севера; 2 – план

Fig. 3. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 8. Mound and the chain of ring-shaped memorial structures: 1 – view from north; 2 – plan

На глубине 0,67–0,75 м от уровня древней поверхности, в северной половине ямы, располагался скелет женщины, ориентированный головой на восток – юго-восток (рис. 5, 1, 2). В противоположную сторону по отношению к человеку была уложена лошадь, череп отсутствовал. Скелет женщины сохранился в анатомическом порядке, за исключением некоторых костей ног (эти кости обнаружены в верх-

нем слое). Череп отсутствовал, а в вышележащем слое заполнения могилы обнаружен один человеческий зуб. Судя по мощному тлену, женщина была уложена на какую-то подстилку из органического материала. Дно ямы под скелетом человека слегка углублялось в сторону ног. Нарушение этого погребения, прежде всего, объясняется деятельностью грызунов (на разной глубине в грунте, заполняющем

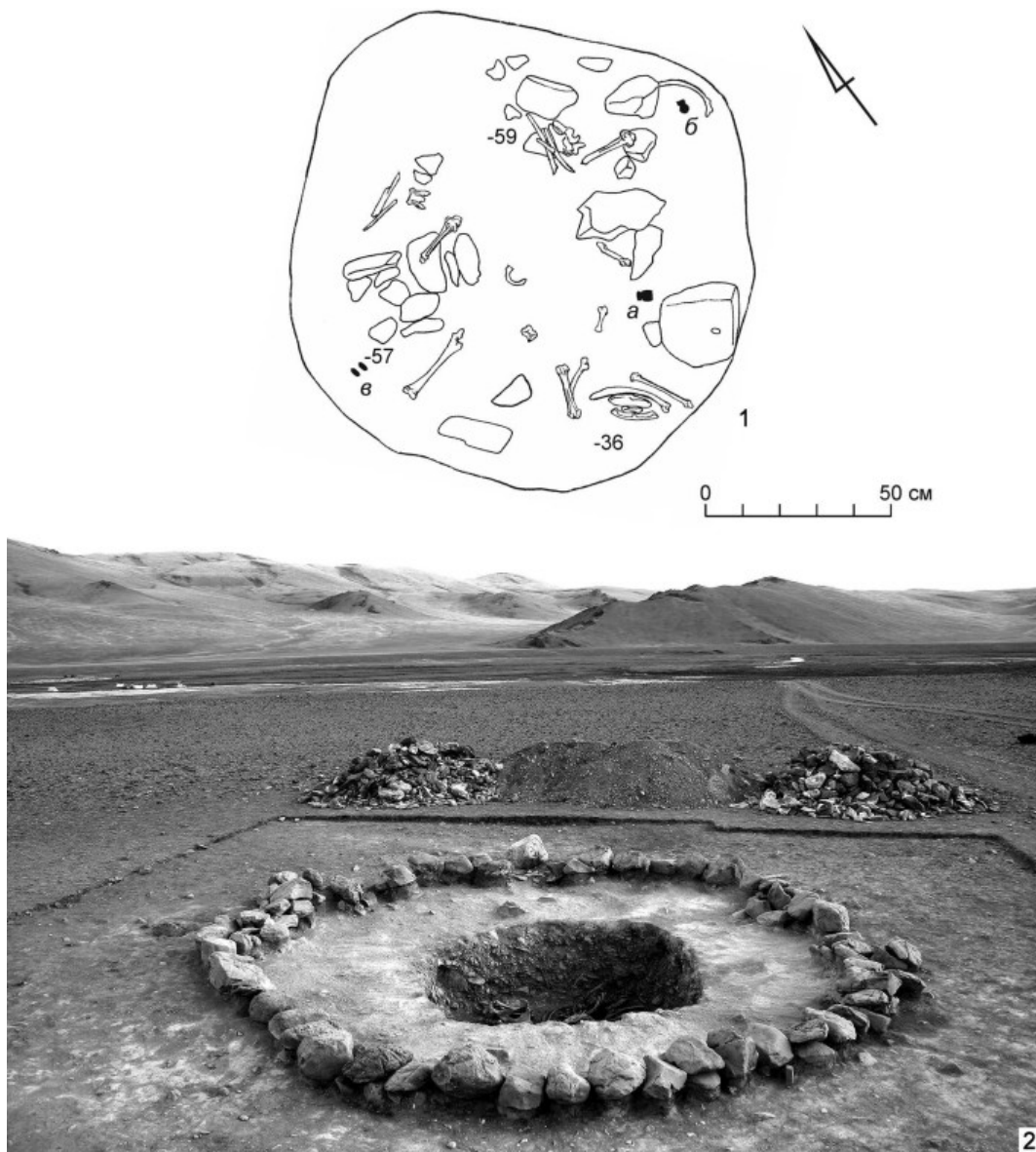

Рис. 4. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 8: 1 – план нарушенного заполнения верхней части могильной ямы на уровне 36–57 см (а – гребень из рога; б – роговая подпружная пряжка; в – фрагменты предметов из дерева и железа); 2 – вид с севера на кольцевую каменную ограду вокруг частично вскрытой могилы

Fig. 4. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 8: 1 – plan of disturbed fill of the upper part of the burial pit at the level of 36–57 cm (a – horn comb; б – horn saddle-girth buckle; в – fragmentary wooden and iron objects); 2 – view from north on the circular stone fence encircling a partly dug grave

яму, фиксировались их кости и многочисленные норы) мелких грызунов, однако полностью нельзя исключать и действия, направленные на осквернение захоронения – у скелетов человека и лошади отсутствовали черепа.

За головой погребенной женщины зафиксировано два основных скопления вещей. В восточном углу ямы, на глубине 0,57 м (рис. 5, 1, 2) компактно лежали: красноватые кусочки красящего (?) минерала, большое (5,3 см) и малое (3,5 см) керамические

пряслица (рис. 6, б, 7), выполненные из отслужившего свое керамического сосуда (на оборотной стороне пряслиц имеется характерный нагар), фрагменты железных предметов плохой сохранности, один из которых, вероятно, являлся ножом (рис. 6, 16–18, 21), и роговые наконечники плети (рис. 6, 3, 4). Трубчатая часть наконечника с шаровидным навершием большей частью разрушена, однако можно установить форму и первоначальные размеры самого наконечника.

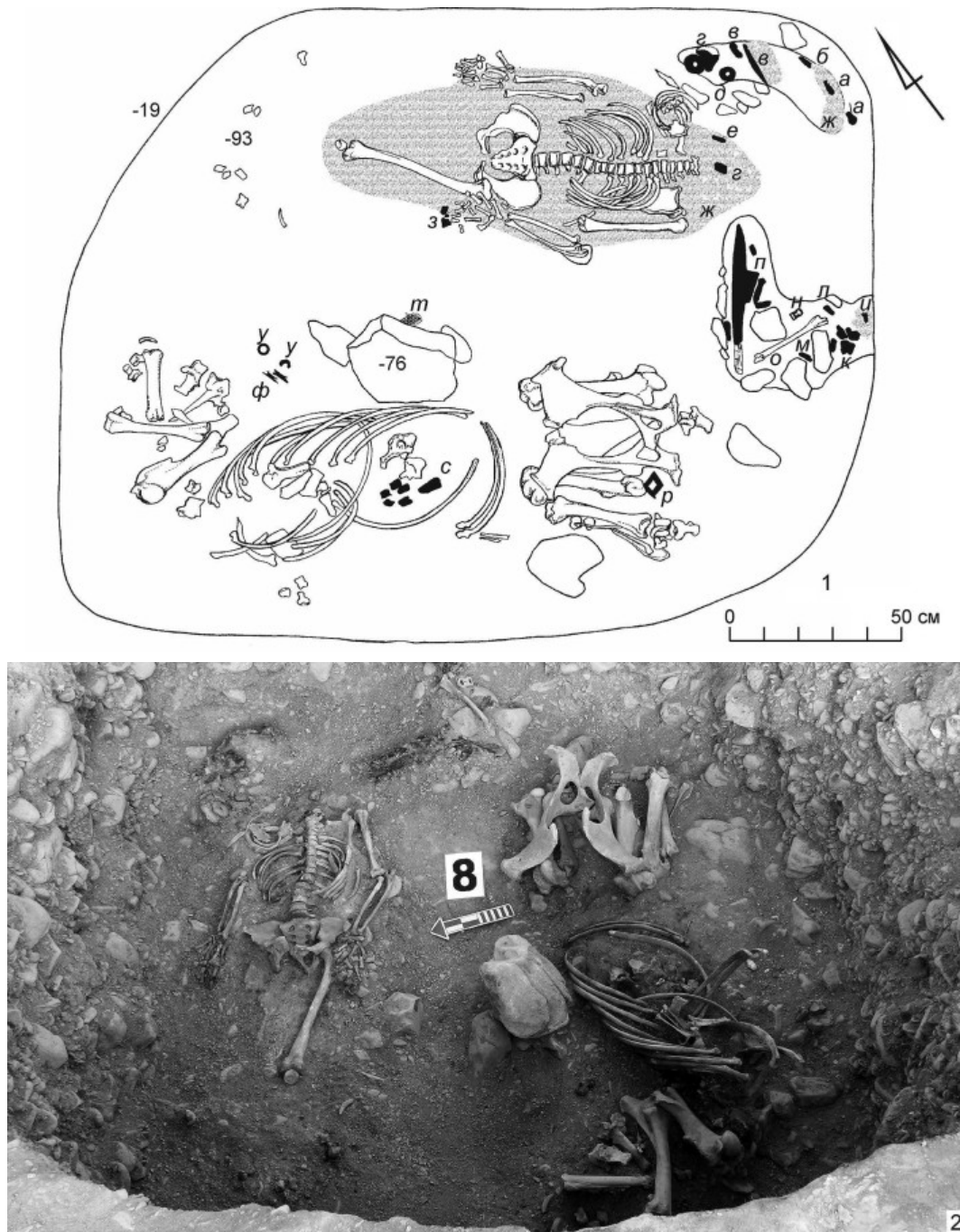
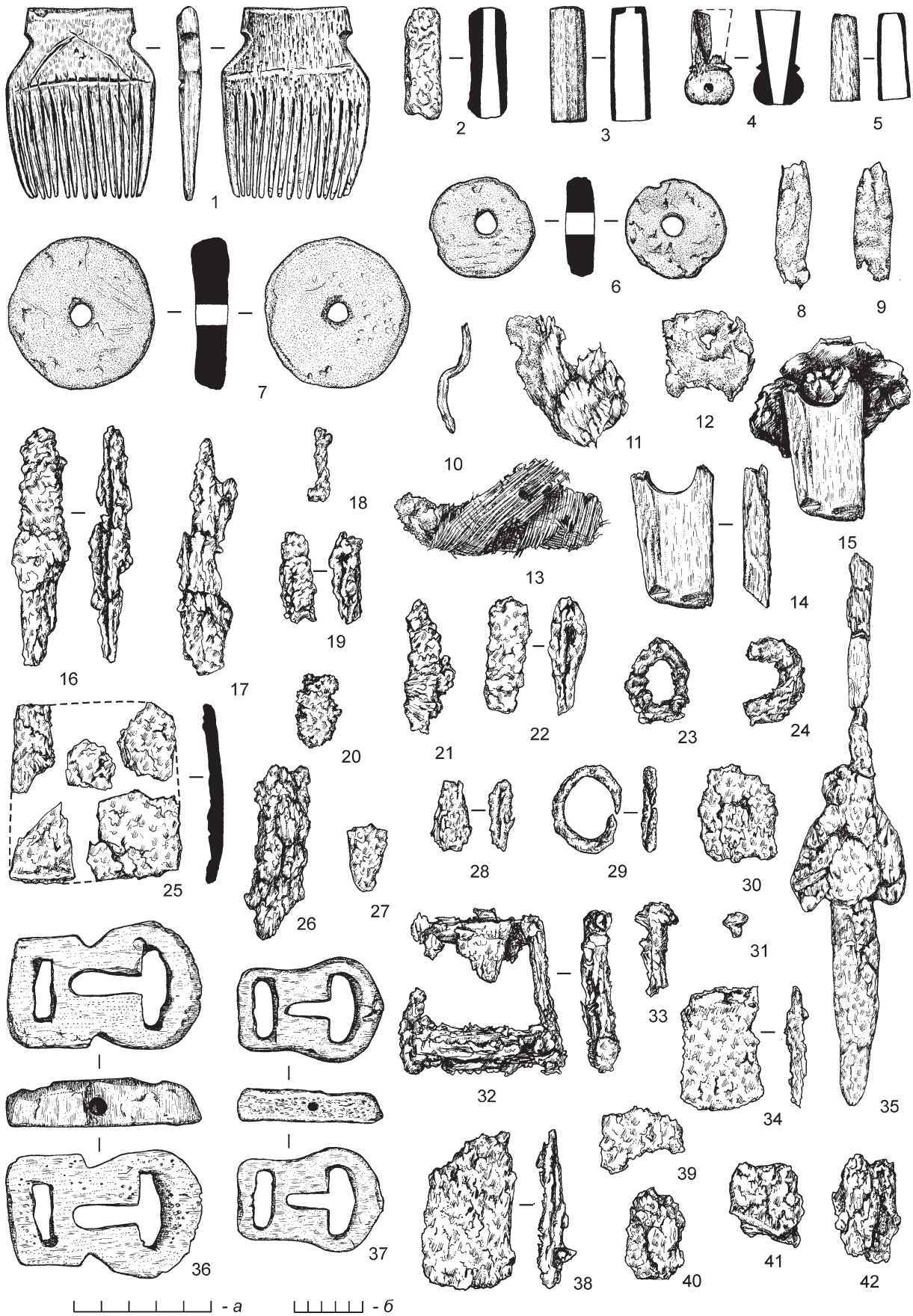

Рис. 5. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 8: 1 – план погребения (*a* – роговые наконечники плети; *б* – фрагменты железного предмета; *в* – железный нож; *г* – красное красящее (?) вещество; *д* – керамические пряслица; *е* – каменный игольник; *жс* – органический тлен; *з* – фрагменты железного зеркала (?); *и* – остатки кожаной сумочки с ремешками; *к* – фрагменты железного предмета с роговой вставкой внутри; *л* – роговой наконечник; *м* – железный предмет; *н* – роговая подпружная пряжка; *о* – кость барана; *п* – железный кинжал с обоями для подвешивания; *р* – железная подпружная (?) пряжка; *с* – фрагменты железных накладок на лук седла и обломки дерева; *т* – фрагмент ткани; *у* – железные кольца; *ф* – обожженные кости); 2 – вид с запада на расчищенное погребение женщины в сопровождении верхового коня

Fig. 5. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 8: 1 – plan of the burial (*a* – horn lash tip; *б* – fragmentary iron object; *в* – iron knife; *г* – red paint (?); *д* – ceramic spindle-whorls; *е* – stone needle-case; *жс* – organic decay dust; *з* – fragments of an iron mirror (?); *и* – remains of a small leather bag with straps; *к* – fragments of an iron object with a horn insert; *л* – horn tip; *м* – iron object; *н* – horn saddle-girth buckle; *о* – sheep bone; *п* – iron dagger with strings for suspension; *р* – iron saddle-girth buckle (?); *с* – fragments of iron plates on the saddle pommel and wooden fragments; *т* – textile fragments; *у* – iron rings; *ф* – burnt bones); 2 – view from west at the excavated woman’s burial accompanied by a rider’s horse

Второе скопление предметов находилось между скелетами человека и лошади у восточной стенки ямы, на глубине 0,51 м. Оно включало в себя: остатки кожаной сумочки с ремешками (рис. 6, 8–12), железный предмет неизвестного назначения с роговой вставкой внутри, имеющей полукруглый вырез на торце (рис. 6, 14, 15), полый роговой наконечник (рис. 6, 5), железный предмет неизвестного назначения (рис. 6, 26), роговую подпружную пряжку (рис. 6, 36), баранью кость со сколами и следами порезов от ножа. Здесь же была сделана одна из наиболее интересных находок: железный боевой кинжал в ножнах с бутеролью, общая длина которого вместе с рукоятью составляла порядка 40 см (рис. 6, 35). В систему его крепления входило три тренчик-обоймы и один наконечник ремня (рис. 6, 19, 22, 27, 28). На месте, где должен был находиться череп женского скелета, обнаружен еще один кусок красного красящего минерала, подобно тому, который уже был зафиксирован в первом скоплении находок. Здесь же лежал каменный игольник (рис. 6, 2). Под фалангами кисти левой руки погребенной выявлено компактное скопление обломков от одного железного предмета (рис. 5, 1з). По незначительной толщине, легкой изогнутости и наличию небольшого бортика можно предположить, что это фрагменты зеркала (рис. 6, 25).

Поза, в которой зафиксирован в могиле скелет лошади, традиционна для погребальной практики древних тюрок: лошадь была положена на брюхо, с поджатыми под туловище ногами, параллельно телу человека, но головой в противоположную сторону. Об этом можно уверенно судить по расположению костей скелета, большая часть которых сохранила анатомический порядок. Несколько камней в центре ямы символически отделяли погребение человека и лошади. У задних ног лошади, на глубине 0,71 м найдена железная подпружная пряж-

ка (рис. 6, 32). На ребрах скелета лошади фиксировались тлен и мелкие фрагменты дерева от седла, железные фрагменты от накладок на переднюю луку седла (рис. 6, 30, 34, 38–42) и железные гвоздишпеньки (рис. 6, 31, 33). В центре могильной ямы под крупным камнем обнаружен свернутый фрагмент грубой домотканой ткани (рис. 6, 13). Здесь же неподалеку, на глубине 0,75 м находились два небольших железных кольца (рис. 6, 23, 24), относящихся к конскому снаряжению, и обожженные кости. Остатки железных стремян и удил в погребении не обнаружены. Все железные предметы, найденные в погребении, имеют плохую сохранность вследствие сильной коррозии.

Курган № 10. Курган № 10 находится в 39 м почти строго на восток от кургана № 8. Насыпь кургана сложена из крупных и средних по размеру камней, уложенных в 3–4 слоя (рис. 7, 1, 2). Диаметр насыпи составлял 9–10 м, высота – 0,35–0,4 м. В северо-западном секторе насыпи еще до зачистки прослеживались две вертикально установленные плиты.

Расчистка наземного сооружения показала, что насыпь этого кургана близка по своей конструкции к насыпи кургана № 8. Их объединяла такая архитектурная особенность, как каменное кольцо в центре насыпи (рис. 7, 8). Диаметр каменного кольца составлял 5,6–6 м (рис. 8). Крупные и среднего размера валуны были достаточно тщательно подогнаны друг к другу. Подобно соседнему древнетюркскому кургану здесь также на валуны кольца опирались достаточно массивные вертикально поставленные камни вытянутых пропорций (рис. 8). В северном секторе насыпи обнаружен фрагмент стенки керамического сосуда.

В юго-западной части насыпи найден бронзовый перстень (рис. 7, 1; 9, 1). В кургане отсутствовали могильная яма и само погребение. Примерно в метре

Рис. 6. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 8. Инвентарь: 1 – гребень; 2 – игольник; 3–5 – наконечники плети; 6–7 – пряслица; 8–12 – фрагменты сумочки; 13 – фрагмент одежды; 14–15 – предмет неизвестного назначения; 16–18, 20, 21 – фрагменты ножа; 19, 22, 28 – тренчик-обойма для подвешивания кинжала; 25 – зеркало (?); 26 – предмет неизвестного назначения; 27 – наконечник портупейного ремня для подвешивания кинжала; 23–24, 29 – седельные (?) кольца; 30, 38–42 – фрагменты оковок лук седла; 31, 33 – шпеньки-заклепки для оковок седла; 32 – подпружная пряжка; 35 – кинжал; 36–37 – подпружные пряжки. Масштабы: а – №№ 1–34, 36–42; б – № 35

1, 3–5, 36–37 – рог; 2 – камень; 6–7 – керамика; 8–10, 12 – кожа; 11, 13 – кожа, ткань; 14–15 – рог, железо; 16–35, 38–42 – железо

Fig. 6. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 8. Grave goods: 1 – comb; 2 – needle case; 3–5 – tips of a lash; 6–7 – spindle-whorls; 8–12 – fragments of a bag; 13 – fragment of clothes; 14–15 – object of unknown purpose; 16–18, 20, 21 – knife fragments; 19, 22, 28 – strap for suspending a dagger; 25 – mirror (?); 26 – object of unknown purpose; 27 – tip of a belt for suspension of a dagger; 23–24, 29 – saddle (?) rings; 30, 38–42 – fragments of bindings for saddle pommels; 31, 33 – rivets for saddle bindings; 32 – saddle-girth buckle; 35 – dagger; 36–37 – saddle-girth buckles. Scales: a – №№ 1–34, 36–42; б – № 35

1, 3–5, 36–37 – horn; 2 – stone; 6–7 – ceramics; 8–10, 12 – leather; 11, 13 – leather, textile; 14–15 – horn, iron; 16–35, 38–42 – iron

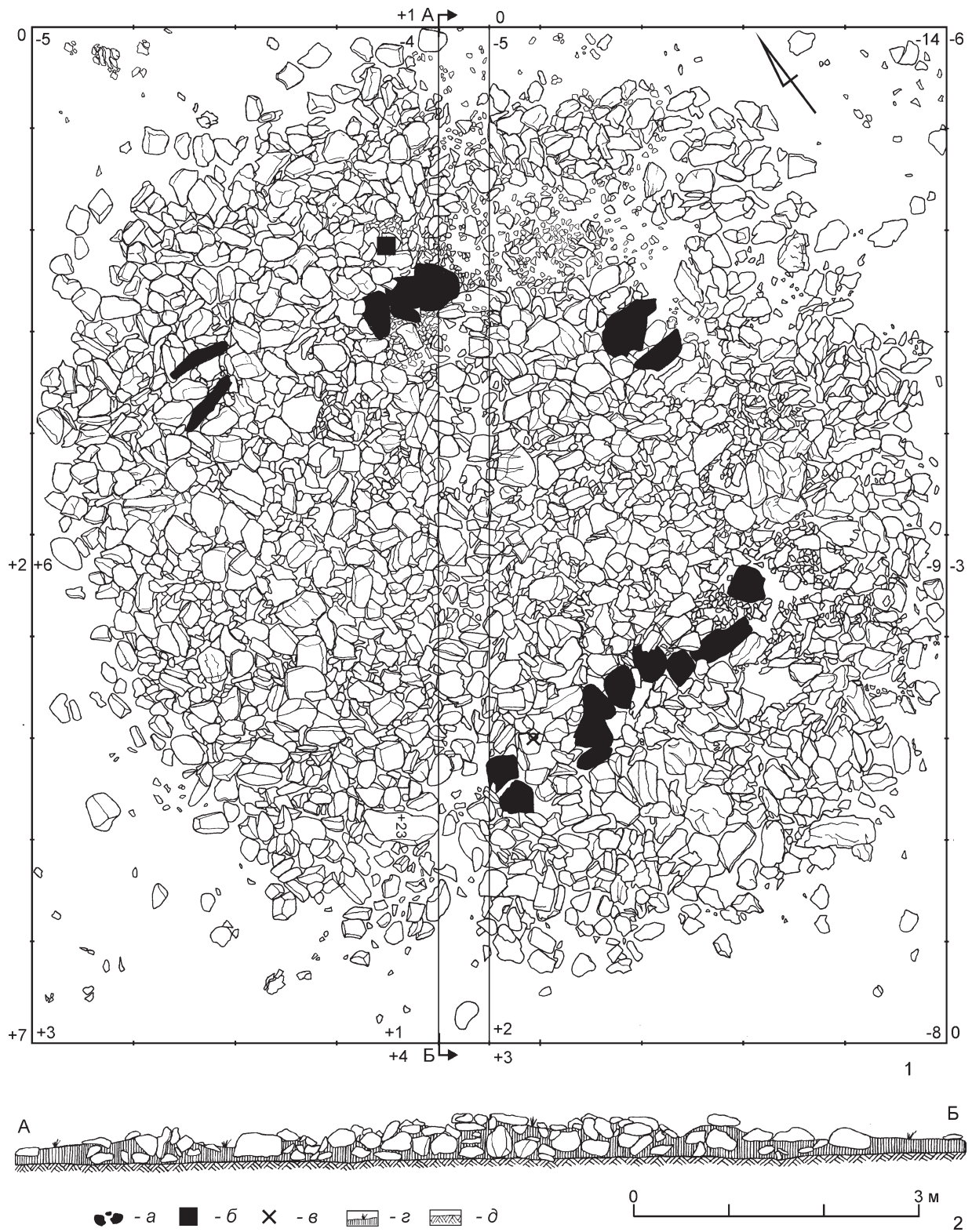

Рис. 7. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 10: 1 – план насыпи; 2 – разрез А-Б

Условные обозначения: а – камни кольца; б – керамика; в – бронзовый перстень; z – дерн; δ – материк

Fig. 7. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 10: 1 – plan of the mound; 2 – section A-B

Notations: a – stones of the ring; б – pottery; в – bronze finger-ring; z – topsoil; δ – virgin soil

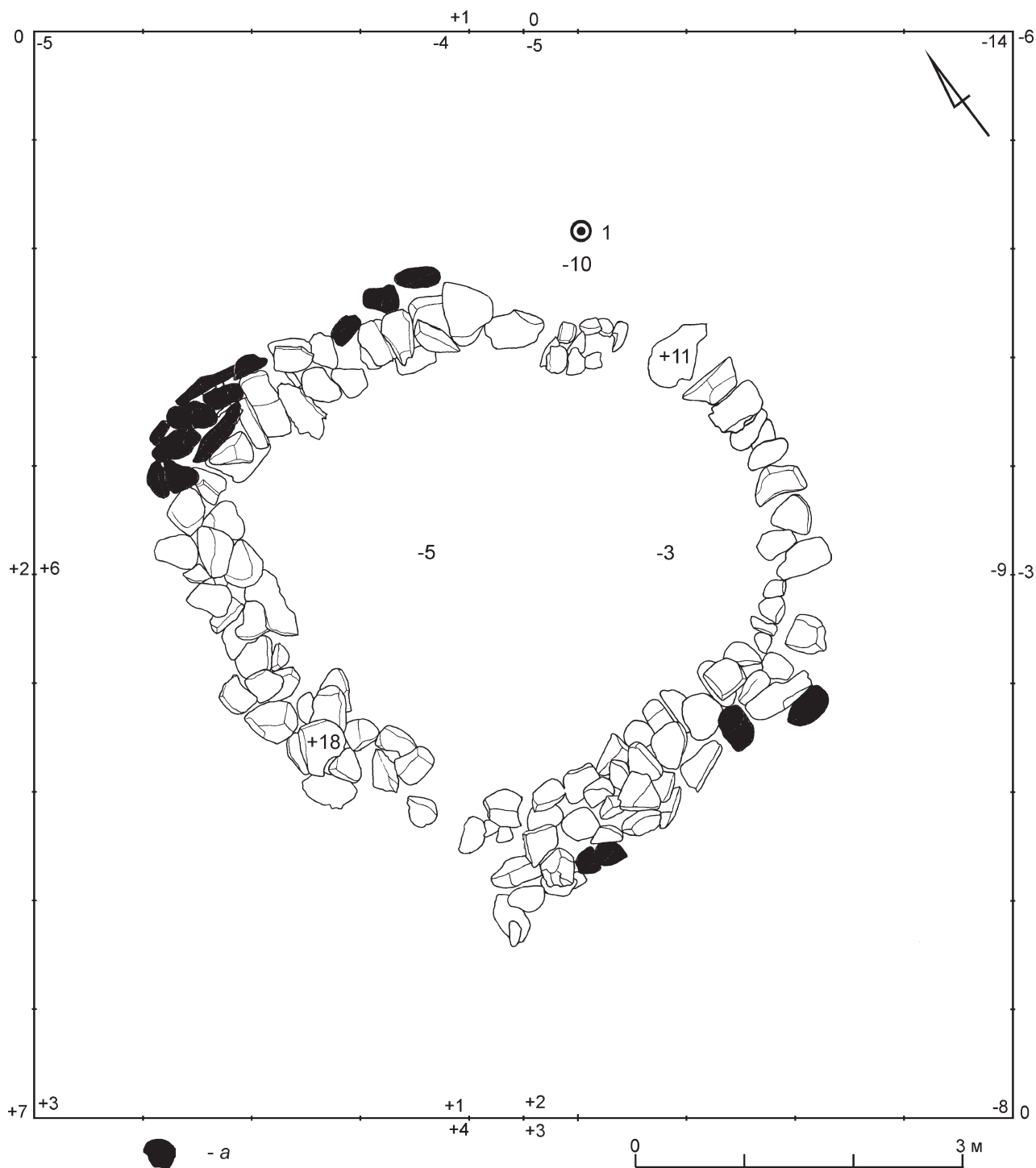

Рис. 8. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 10. План конструктивных деталей наземного сооружения: кольцо из камней вокруг могильной ямы и вертикально установленные камни (*1* – вкопанный сосуд; *a* – вертикально стоящие камни)

Fig. 8. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 10. Plan of the surface structural parts: ring of stone blocks encircling the grave pit and the vertically installed stone blocks (*1* – vessel dug into the ground; *a* – vertical stone blocks)

на север от кольца была обнаружена придонная часть лепного керамического сосуда (рис. 8, 1; 9, 2). Сосуд был слегка вкопан в погребенную почву. Найденный в насыпи фрагмент керамики относится именно к нему.

Отличительная конструктивная особенность насыпей обоих исследованных курганов заключается в возведении внутри насыпи кольца диаметром 5–6 м из массивных камней. Примечательно, что это не традиционная крепида, сложенная по краю насыпи и призванная предотвратить ее разрушение. Скорее можно сказать, что кольцо было связано с могильной ямой и ограждало пространство вокруг нее. С сооружения каменного кольца начиналось возведение всей наземной конструкции. Именно с опорой на него снаружи и внутри вертикально устанавливались удлиненных пропорций камни. Подобная конструкция насыпи древнетюркских курганов, насколько нам известно, встречена впервые. Возможно, пространство вокруг могилы, заключенное в каменное кольцо, использовалось для первого акта поминовения и прощания с умершим. В пользу этого может свидетельствовать большое количество колотых и резаных костей животных, зафиксированных внутри него среди каменного заполнения и на уровне древней дневной поверхности.

Что касается артефактов, обнаруженных в исследованных курганах, и прежде всего в кургане № 8, то среди них присутствуют предметы, как широко распространенные в древнетюркскую эпоху (керамические пряслица, роговые подпружные пряжки, роговые наконечники плети и пр.), так и редкие или даже встреченные впервые. В целом, обращает на себя внимание тот факт, что все металлические изделия, найденные в женском погребении кургана № 8, выполнены из железа. Не было обнаружено ни одного предмета, сделанного из бронзы или других сплавов цветных металлов. К сожалению, из-за плохой сохранности железа назначение некоторых вещей либо их точный размер и форма остаются неясными.

К числу подобных предметов принадлежит железный кинжал, общая длина которого составляла порядка 40 см, а форма отдаленно напоминала пропорции кинжалов скифского времени – с массивным перекрестьем (рис. 6, 35). Не ясна точная форма и назначение железного предмета с роговой вставкой внутри (рис. 6, 14, 15). Можно лишь предполагать, что это изделие могло иметь отношение к поясной сумочке-кресалу. Аналогий подобному предмету и, в частности, роговой пластине с полукруглым вы-

резом в торце нам не известно. Еще одной необычной находкой явилось железное изделие, которое своей формой (предположительно квадратной), незначительной толщиной и наличием небольшого бортика по краю больше всего напоминает зеркало. Однако подавляющее большинство зеркал древнетюркской эпохи изготавливалось из бронзы либо ее сплавов. Если наше предположение о том, что этот предмет является зеркалом, верно, то это, пожалуй, первый подобный экземпляр, выполненный из железа. Другим крайне редким предметом инвентаря древнетюркских курганов центральноазиатского региона является бронзовый перстень, найденный в насыпи кургана № 10 (рис. 9, 1).

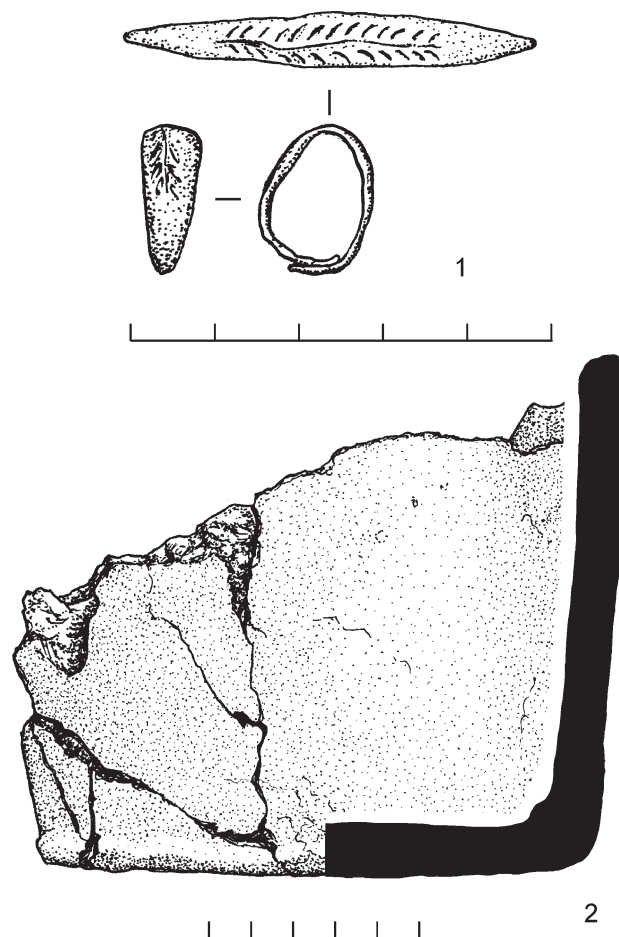

Рис. 9. Могильник Хар-Ямаатын-гол. Курган 10.

Инвентарь из наземного сооружения:

1 – перстень; 2 – сосуд

1 – бронза; 2 – керамика

Fig. 9. Burial ground of Khar-Yamaatyn-Gol. Barrow 10.

Finds from the surface structure: 1 – finger-ring;

2 – ceramic vessel

1 – bronze; 2 – ceramics

Наше предположение, сделанное еще до проведения раскопок, о том, что древнетюркские курганы в могильнике Хар-Ямаатын-гол являются парным – мужским и женским – захоронением, несмотря на отсутствие погребения в одном из курганов, по-прежнему имеет право на существование. Курган № 10, судя по расположению с восточной стороны от цепочки курганов пазырыкской культуры и очень необычной конструкции насыпи, аналогичной насыпи кургана № 8, несомненно, принадлежит к древнетюркской эпохе и близок по времени сооружения к женскому погребению кургана № 8. С уже известными парными курганами, содержащими мужские и женские погребения, с территории Российского Алтая (Кубарев Г., 2005. С. 13; табл. 20, 57) курганы из долины р. Хар-Ямаатын-гол сближает не только парное расположение с восточной стороны от цепочки пазырыкских курганов, но и такая почти этнографическая особенность, как наличие с восточной стороны от женского кургана цепочки из поминальных колец (Там же. Табл. 24, 25)⁴. Таким образом, курган № 10, имеющий символическое значение (вероятно, это кенотаф), можно с известной долей уверенности считать мужским. Это предположение косвенно подтверждает факт наличия дарственных предметов в обоих курганах – женского перстня в насыпи кургана № 10, который мы рассматриваем как символическое мужское погребение, и очень редкой находки – оружия – кинжала в женском погребении кургана № 8. Обычай пожертвования-дарения близким и умершим родственникам предметов у древних тюрков фиксировался и раньше по отдельным погребениям. Можно предположить, что при невозможности захоронить мужчину (умершего или погибшего вдали от родины) был соблюден соответствующий погребальный обряд – возведена насыпь кургана, вкопан керамический сосуд. В непосредственной близости от него был возведен другой курган и совершено женское погребение. Поминальное же сооружение, находящееся в пределах видимости курганов, было сооружено в честь обоих умерших.

Эту гипотезу и связь двух древнетюркских курганов с поминальным сооружением подтвердили раскопки последнего. По нашему мнению, обломанное основание второго изваяния, обнаруженное рядом и чуть позади основного изваяния, а также второй и значительно более короткий ряд балбалов, идущий параллельно основному ряду, свидетель-

ствует о том, что величественное поминальное сооружение было посвящено мужу и жене, а найденное основание изваяния, по-видимому, принадлежало женщине. Несомненно, что исследованный поминальный храм в долине реки Хар-Ямаатын-гол принадлежал древнетюркскому аристократу. И здесь невозможно не вспомнить, что скульптуры тюркских каганов в их поминальных храмах сопровождали скульптурные изображения *катун* – жены кагана. Смотрящее почти на восток, в сторону курганов изваяние (а первоначально, как мы установили, их было два в поминальном комплексе), а также отходящие два ряда балбалов в том же направлении, вероятно, символизируют и подчеркивают связь поминального и погребальных сооружений комплекса. Примеры того, что древнетюркские курганы и оформленные места поминовений находятся в относительной близости, связаны друг с другом и образуют единый комплекс, достаточно редки для центральноазиатского региона.

По кости лошади из погребения кургана № 8 была получена радиоуглеродная дата (SOAN-8940) – 1322 ± 62. Интервалы калиброванного календарного возраста по 1σ составили 651–724 гг. (72 %), по 2σ – 608–779 гг. (90 %). Еще одну радиоуглеродную дату (AA104011-NSK00565) – 201 ± 25 – 1651–1951 гг., полученную по кости животного из насыпи кургана № 10, следует считать не относящейся ко времени сооружения кургана. Эта кость вполне могла попасть в заполнение насыпи в значительно более позднее время.

По семи листовичным образцам из поминального комплекса в долине р. Хар-Ямаатын-гол был проведен дендрохронологический анализ⁵. Итогом работы стало построение по археологической древесине 216-летней обобщенной индексированной древесно-кольцевой хронологии «Хар-Ямаатын-гол» (ДКХ «ХЯГ»). Для установления календарного времени заготовки древесины, использованной при сооружении данной поминальной оградки, полученная стандартизированная ДКХ «ХЯГ» была перекрестно датирована с длительными древесно-кольцевыми хронологиями – 1900-летней *Jelo* (Мыглан и др., 2012а) и 2367-летней *Mongun* (Мыглан и др., 2012б), отражающими прирост древесной растительности по верхней границе леса в районе исследования. Результаты проведенного кросс-корреляционного анализа показали, что время

⁴ Территориально древнетюркские памятники в долинах р. Хар-Ямаатын-гол и Юстыд расположены очень близко.

⁵ Автор благодарит И. Ю. Слюсаренко за предоставленную информацию. Результаты этой работы будут опубликованы в отдельной статье.

формирования последнего сохранившегося кольца у хронологии «ХЯГ» пришлось на 652 г. Таким образом, древесина для сооружения поминальной оградки Хар-Ямаатын-гол была заготовлена не ранее 652 г., а с учетом потери нескольких наружных колец, ближе к 655–660 гг.

Учитывая близкое расположение рассмотренных выше объектов и наше предположение об их принадлежности единому погребально-поминальному комплексу супружеской пары, можно с большой степенью уверенности предполагать, что время совершения погребения в кургане № 8 и устройства кенотафа в кургане № 10 весьма близко ко времени сооружения поминального комплекса, а именно к середине VII века – 655–660 гг. Подобную согласованность радиоуглеродных и дендрохронологических дат этих объектов можно рассматривать как еще одно подтверждение гипотезы об этих памятниках как о едином погребально-поминальном комплексе.

Невозможно переоценить полученную узкую дату рассматриваемого погребально-поминального комплекса в Монгольском Алтае. Пожалуй, это первый опыт применения перекрестного радиоуглеродного и дендрохронологического датирования раннесредневековых древностей Центральной Азии, а погребально-поминальный комплекс из Хар-Ямаатын-гола является первым узко датированным погребально-поминальным памятником древнетюркской эпохи, включающим статуарные изображения. Важно то, что он относится к раннему периоду древнетюркской истории, а, как известно, обоснованное отнесение археологических объектов к этому периоду часто бывает затруднительным. Кроме того, середина VII в. является «темным периодом» в истории древних тюрков, приходящимся на межвременье Тюркских каганатов и подчинение тюрков Китаю.

Узкая дата погребально-поминального комплекса из Хар-Ямаатын-гола поможет в дальнейшем в выявлении и датировании целого ряда подобных мемориальных сооружений древних тюрков на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Она способна скорректировать наши представления о хронологии некоторых категорий погребального инвентаря. Так, например, бытование железных подпружных пряжек с вращающимся язычком и железных оковок седла было, видимо, характерно не только для VIII–IX вв., как это принято считать

(Савинов, 1984. С. 137; Кубарев Г., 2005. С. 127), но и, по меньшей мере, начиная с середины VII в. Большое значение имеет узкая дата – 650–660-е гг. – самого изваяния из Хар-Ямаатын-гола и тех реалий, которые на нем воспроизведены (пояс из необычных ромбических блях, клинковое оружие, жанровая сцена). Полученная календарная дата сооружения этого памятника подтвердила тот факт, что традиция изображения жанровых сцен на древнетюркских изваяниях была характерна для раннего периода VI–VII вв.

Баяр, 1997 – Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). Улаанбаатар, 1997.

Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999 – Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния Монгольского Алтая). Улаанбаатар, 1999.

Кубарев В., 1995 – Кубарев В. Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995.

Кубарев Г., 2005 – Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Кубарев Г., 2015 – Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-гола (Монгольский Алтай) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Новосибирск, 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография.

Кубарев Г. и др., 2007 – Кубарев Г. В., Со Гилсу, Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Лхундэв Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Кан Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII.

Мыглан и др., 2012а – Мыглан В. С., Жарникова О. А., Малышева Н. В., Герасимова О. В., Ваганов Е. А., Сидорова О. В. Построение древесно-кольцевой хронологии и реконструкция летней температуры воздуха юга Алтая за последние 1500 лет // География и природные ресурсы. Иркутск, 2012. № 3.

Мыглан и др., 2012б – Мыглан В. С., Ойдунаа О. Ч., Ваганов Е. А. Построение 2367-летней древесно-кольцевой хронологии для Алтае-Саянского региона (горный массив Монгун-Тайга) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 3.

Савинов, 1984 – Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Kubarev et al., 2009 – Kubarev G. V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on ancient Turkic monuments in the valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. BCAA. Bonn, 2009. Vol. 4.

Burial monuments of ancient Turks in the valley of the Khar-Yamaatyn-Gol River (Northwestern Mongolia)

G. V. Kubarev

This article presents a scientific publication of two ancient Turkic barrows excavated in Northwestern Mongolia (Bayan-Ölgii aimag of the Mongolian People's Republic). These sites constitute a compact funerary and memorial ensemble of the Ancient Turkic period situated at the lower reaches of the Khar-Yamaatyn-Gol River. In addition, the complex under consideration includes also a memorial installation of an ancient Turkic aristocrat with a rampart and a ditch as well as one of the most unordinary sculptures in Mongolia.

The hypothesis proposed by the present author still prior to the excavation that the ancient Turkic barrows (nos. 8 and 10) at the cemetery of Khar-Yamaatyn-Gol are paired male-and-female burials related with the memorial complex was fairly well confirmed in the course of excavation. Even notwithstanding the absence of a grave in one of the barrows, the latter can be considered as a male cenotaph. The situation of these barrows to the east from a burial ground of the Pazyryk culture, the structural peculiarities of the above-grave installation in the form of a stone circle of boulders in the centre, funerary gifts to close relatives (a dagger in the female grave in barrow no. 8 and a finger-ring in mound no. 10), all these facts support the original hypothesis.

The excavation of the memorial installation also has confirmed the proposed hypothesis and the relation between the memorial and the two barrows. Broken base of a second sculpture found nearby, slightly behind the main sculpture, as well as the second and consider-

ably shorter row of the balbals parallel to the main row indicate that this majestic memorial structure was dedicated to a husband and wife couple. The base of the sculpture here found seems to have been that of a woman. In a similar way, sculptures of Turkic Kagans in their memorial temples in the territory of Mongolia were accompanied by statuary representations of the Katun (Kagan's wife).

Radiocarbon and dendrochronological dating of samples from the archaeological objects under study shows a good consistency in the dates obtained. According to the radiocarbon date, barrow no. 8 was constructed in the chronological span of 608–779 AD. Furthermore, the dendrochronological analysis of wood samples from the memorial installation in Khar-Yamaatyn-Gol suggests that its wood was cut not earlier than 652 AD, or, taking in account the loss of several external rings, rather in 655–660 AD. In the opinion of the author, this date must be taken as the time of construction of the entire funeral and memorial complex including the barrows. The consistency noted above in the radiocarbon and dendrochronological dates of these archaeological objects seems to confirm additionally the author's hypothesis. Perhaps, we are dealing here with the first experience of the use of cross-examination of the radiocarbon and dendrochronological dates for early mediaeval antiquities of Central Asia. Moreover, the burial and memorial complex of Khar-Yamaatyn-Gol is the first narrowly dated statuary monument of the Ancient Turkic time.

ДЕТАЛЬ ШЛЕМА ИЗ РАСКОПОК САРКЕЛА – БЕЛОЙ ВЕЖИ

С. Ю. Каинов¹

Аннотация. Статья посвящена детали шлема, найденной в 1949 г. при раскопках М. И. Артамонова Левобережного Цимлянского городища, отождествляемого с Саркелом – Белой Вежей. находка представляет собой литую накладку, крепившуюся к боковой пластине шлема сфероконической формы. Подобные шлемы с золоченой поверхностью были распространены на рубеже I и II тысячелетий в Восточной и Центральной Европе. Датировку саркельской накладки можно широко определить в рамках X в.

Annotation. This article concerns a detail of the helmet found in 1949 during Mikhail I. Artamonov's excavations at the Left-Bank Tsimlyanskoye townsite equated with the fortress of Sarkel or Belaya Vezha. The find under consideration is a cast mount once fixed on a lateral plate of a helmet of a sphero-conical shape. Helmets of this type with a gilt surface were widespread at the turn from the 1st to the 2nd millennium in Eastern and Central Europe. The Sarkel mount is broadly datable to the tenth century AD.

Ключевые слова: Левобережное Цимлянское городище, Хазарский каганат, Саркел, Белая Вежа, шлем.

Keywords: Left-Bank Tsimlyanskoye townsite, Khazar Khaganate, Sarkel, Belaya Vezha, helmet.

Предмет обнаружен при раскопках М. И. Артамоновым в 1949 г. Левобережного Цимлянского городища на р. Дон, отождествляемого с Саркелом – Белой Вежей². Воздвигнутая между 834 и 837 гг. с помощью византийских мастеров хазарская крепость Саркел была взята в 965 г. русским князем Святославом Игоревичем, после чего стала называться Белая Вежа, прекратив свое существование в 1117 г.

Находка (№ 1255) была сделана в западном углу саркельской крепости в кв. И-5–К-6 на глубине 193 см (Плетнева, Якобсон, 1988. Рис. 51, 9). К сожалению, ни публикации материалов раскопок, ни отчет о раскопках не позволяют не только «узко» датировать находку, но и однозначно отнести ее к хазарскому или русскому периодам (Артамонов, 1958; Плетнева, 1996, 2006; Плетнева, Якобсон, 1988). Можно только утверждать, что находка связана с напластованиями, относящимися к X в.³

Как свидетельствует изображение в первой публикации, на момент находки предмет сохранился полностью (рис. 1, 1) (Артамонов, 1958. С. 44, рис. 30). К настоящему времени накладка фрагментирована, но рисунок, зафиксировавший первоначальное состояние, а также ряд аналогий позволяют воссоздать ее облик в виде четырехлепестковой розетки с длиной стороны около 3,3 см (рис. 1, 2–4). Накладка отлита из сплава на основе меди. В центре расположен отлитый вместе с основным полем конусовидный шип высотой около 1 см. Основание шипа оконтурено несколькими окружностями, которые могут быть проработаны «перлами» или радиально расположенными черточками. От центральных окружностей отходят четыре сердцевидных лепестка, внутри каждого из которых расположена трехлепестковая фигура. Рамка поля бляхи сформирована полупальметтами⁴. Центральная

¹ Россия, 109012, Москва, Красная площадь, д. 1. Государственный Исторический музей, Отдел археологических памятников.

² Предмет хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (шифр хранения ВД-49/С-1255).

³ Выражаю искреннюю признательность И. Р. Ахмедову за помощь и консультации.

© С. Ю. Каинов, 2016

⁴ Орнаментация бляхи выполнена в растительной стилистике, иногда условно обозначаемой как «постсасанидский орнаментальный стиль» (Мурашева, 2000. С. 85). Прямых аналогий орнаментации саркельской бляхи автору не известно. Сама орнаментальная композиция (а также форма) схожа с некоторыми ременными украшениями, характерными для «горизонта Вознесенки», датирующегося А. В. Комаром первой четвертью VIII в. (Комар, 1999. С. 116, 132, табл. 1, 70–74, 82). Хотя, учитывая более чем двухсотлетний разрыв, вряд ли можно говорить о какой-то преемственности.

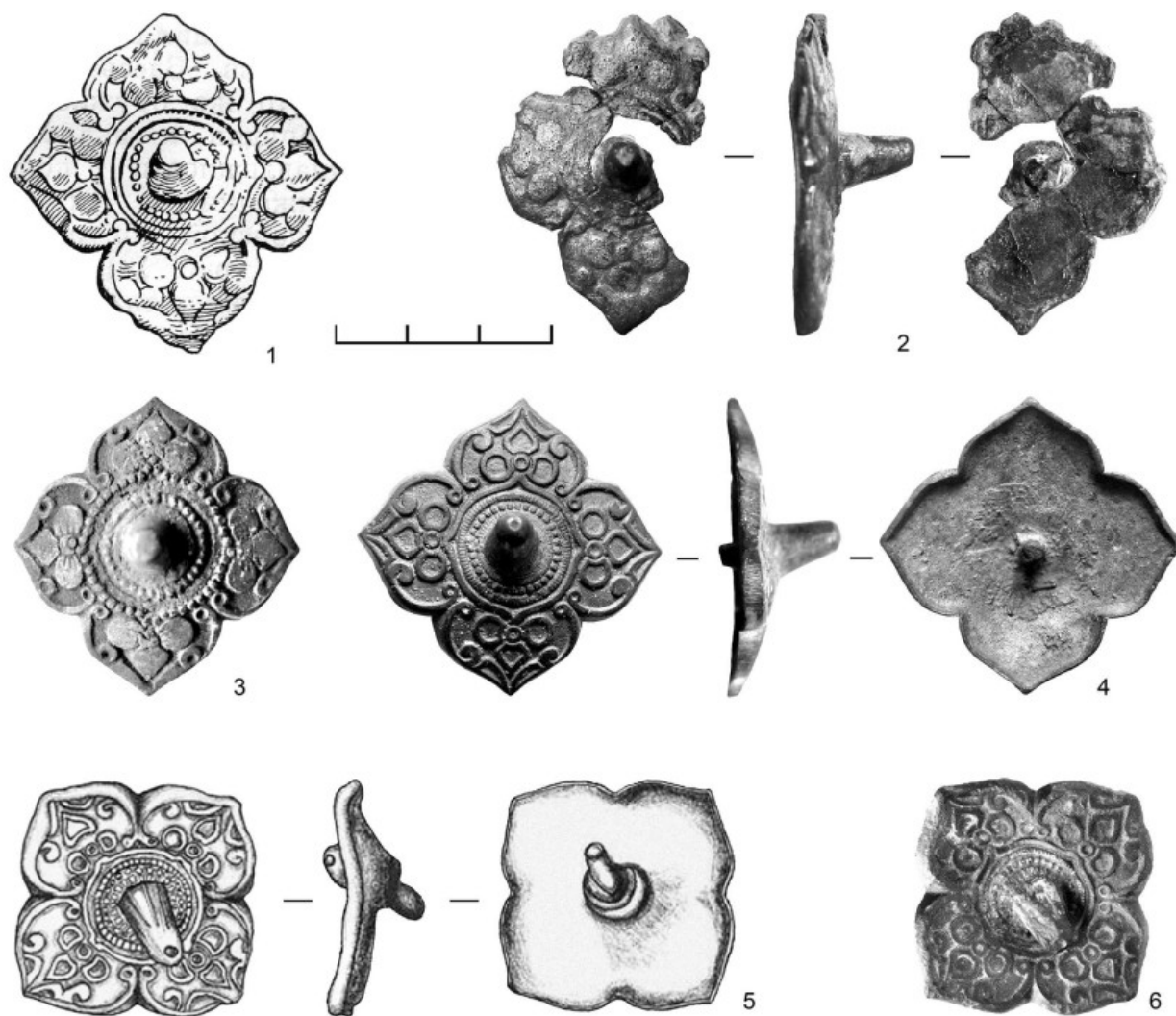

Рис. 1. Литые боковые накладки на шлемы: 1, 2 – Саркел – Белая Вежа (1 – состояние на момент находки; 2 – в настоящий момент); 3 – Украина; 4 – Краснодарский край; 5, 6 – Шурпиły (Польша)

2 – Бляшка с фигурным краем в виде четырехлепесткового цветка с растительным орнаментом на каждом лепестке. Бронза. Ширина 3,5 см. Материалы Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР 1949 г. Раскопки левобережного Цимлянского городища Ростовской области (Саркела – Белой Вежи). Инв. № 2794/155.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

1, 3–6 – сплав на основе меди

Fig. 1. Cast side plates for helmets: 1, 2 – Sarkel – Belaya Vezha (1 – the state at the moment of finding; 2 – the present-day state); 3 – Ukraine; 4 – Krasnodarsky Krai; 5, 6 – Szurpiły (Poland)

2 – Plaque with a figured edge in the form of a four-petalled flower with a plant ornamentation on each petal. Breadth 3.5 cm. Finds of the Volga-Don Expedition of IIMK AS USSR, 1949. Excavations at the Levoberezhnoye Tsimlyanskoeye townsite in Rostov Oblast (Sarkel – Belaya Vezha). Inv. no. 2794/155.

© State Hermitage, Saint Petersburg

1, 3–6 – copper alloy

часть поля и шип могли золотиться или покрываться полудой. С обратной стороны в центре расположен выступ округлого сечения, высотой около 5 мм и диаметром около 3,5 мм, предназначенный для крепления бляхи на боковой пластине шлемов. По

краю поля бляхи с обратной стороны расположен бортик высотой 1–2 мм.

Почти все известные аналогии саркельской накладки, к сожалению, происходят из несанкционированных работ на территории России и Украины.

Так, в работе А. Н. Кирпичникова учтены три подобных предмета, предположительно из Краснодарского края России (*Кирпичников, 2009. Рис. 36*)⁵. Еще три накладки было зафиксировано в результате мониторинга украинских кладоискательских форумов.

Единственная аналогия саркельской накладке из археологических раскопок происходит из грунтового могильника Шурпилы (*Szurpily*) в Северо-Восточной Польше, оставленного балтским племенем ятвягов (*Sawicka, 2011. Рис. 3, a*). Бляха сохранилась полностью, но незначительно деформирована (рис. 1, 5, 6). Раскопанная часть могильника, среди погребального инвентаря которого найдена накладка, датируется XIII в.⁶ Стоит отметить, что погребения этого могильника совершены по обряду трупосожжения, сама же деталь, судя по хорошо сохранившемуся золочению, в погребальном костре не находилась.

Саркельская накладка уже была атрибутирована А. Н. Кирпичниковым как бляха с боковой пластины шлема, относящегося к типу II, распространенного на рубеже I и II тыс. в Древней Руси, Польше, Хазарском каганате, на территории бывшей Восточной Пруссии (*Кирпичников, 2009. С. 15, 26*). Это боевые наголовья сфероконической формы, корпус которых сформирован из четырех железных, обтянутых золоченой латуной пластин (*Кирпичников, 1971. С. 25–27*). Верх пластин дополнительно скреплялся при помощи конического навершия с четырехлепестковым основанием. Низ пластин охвачен венцом, с креплением для кольчужной бармицы.

⁵ Еще одна бляха из сплава на основе меди, но с иной формой лепестков, предположительно найдена на территории Украины (*Кирпичников, 2009. Рис. 17*). Также бляха отличается наличием центрального отверстия, предполагающего отдельный шип, крепящий ее к шлему, и серебряной инкрустацией поверхности.

⁶ Находка накладки в контексте XIII в. может объясняться по-разному. Не исключено, что шлемы этого типа продолжали бытовать в регионе до XIII в., что может подтверждаться, территориально близкими находками шлемов. Например, погребение 12 могильника Экриттен, где найден шлем типа II, датируется XII – началом XIII в. (*Широухов, 2014. С. 400*). Еще один шлем найден вне контекста на территории могильника Фридрихсберг, относящегося к XI–XII/XIII вв. (*Там же. С. 399*). Учитывая, что комплекс памятников у д. Шурпилы существует с IX/X вв., возможно, что бляха от шлема происходит из более ранних разрушенных погребений. Стоит также отметить, что в Шурпилах у подножия городища найдена еще одна боковая накладка, но уже с серебряной плакировкой и центральным отверстием под шип (*Там же. С. 400*).

Характерными деталями большинства шлемов этого типа являются налобные украшения и две четырехугольные накладки, крепившиеся на боковых пластинах. Эти накладки изготавливались из железа и с лицевой стороны как правило покрывались серебряным листом, уложенным на специально подготовленную поверхность. Под боковые накладки, навершие и венец, а также между пластинами корпуса прокладывались полоски латуны с двумя рядами выпуклостей.

Предположение о принадлежности саркельского предмета, как и других латунных блях, сфероконическим шлемам типа II подтверждает случайная находка с территории Краснодарского края Российской Федерации⁷. На одной из трех найденных пластин четырехчастевого шлема фрагментарно сохранилась аналогичная саркельской накладке (рис. 2, 1). В результате воздействия огня (погребального?) бляха, как и латунное покрытие пластины, частично расплавились и сместилась со своего первоначального места в центре боковой пластины. Также мониторинг одного из лондонских аукционов выявил еще один шлем (типа II) с сохранившимися литыми боковыми накладками, орнаментированными аналогично бляхе из Саркела (рис. 2, 2). Под накладками сохранилась медная подложка с двумя рядами выпуклостей.

Вызывает определенное удивление количество находок отдельных литых накладок. По всей видимости, в средневековье количество шлемов, снабженных подобными бляхами, несомненно более простыми в изготовлении, было значительно. В то же время крепление накладки на латунном штыре было ненадежно, и ударное воздействие приводило к ее потере⁸. Возможно, что боевые наголовья этого типа с отсутствующими боковыми накладками, но с отверстиями под их крепление, изначально были ими снабжены (например, шлемы из Экриттена, Русских палат) (*Кирпичников, 2009. Рис. 5–6*).

Определение времени сложения «классического» шлема типа II во многом затруднено тем, что значительное количество подобных шлемов найдено вне закрытых археологических контекстов. С нашей

⁷ Шлем будет передан в Исторический музей, после чего будет осуществлена полноценная публикация этого боевого наголовья, сохранившего уникальные элементы.

⁸ На одной из накладок четко читается след удара, буквально срубившего бляху со шлема (*Кирпичников, 2009. Рис. 36*).

Рис. 2. Шлемы с литыми накладками: 1 – шлем из Краснодарского края (а – остатки сместившейся накладки, б – отверстие, через которое накладка крепилась к шлему); 2 – шлем, выставленный на аукционе (место находки неизвестно).

1, 2 – железо, сплав на основе меди

Fig. 2. Helmets with cast mounts: 1 – helmet from Krasnodarsky Krai (a – remains of a displaced plate, б – the hole through which the plate was fixed to the helmet); 2 – a helmet put up for auction (findspot unknown).

1, 2 – iron, copper alloy

точки зрения этот процесс проходил в рамках X в. (наиболее вероятно, во второй его половине)⁹. При определении региона возникновения (и хронологии) важно учитывать, что технология подготовки поверхности под наложение серебряного листа, отмеченная на накладных деталях у многих шлемов этого типа, очень схожа с подобной технологией, характерной для железных изделий аскизской культуры конца X–XIV вв. (Кызласов, 1983. С. 42–43). Время появления литых накладок, подобных найденной при раскопках Саркела, тоже остается пока под вопросом. Но, учитывая два случая нахождения аналогичных блях на «классических» наголовьях типа II, можно предполагать, что хронология бытования литых накладок «саркельского типа» совпала со временем распространения на территории Восточной Европы золоченых боевых наголовий сфероконической формы.

Артамонов, 1958 – Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М.; Л., 1958. (МИА; № 62).

Каинов, Каменский, 2013 – Каинов С. Ю., Каменский А. Н. О неизвестной находке фрагмента шлема с Дубошина раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и ар-

⁹ Сама конструкция шлема, при котором налобная и затылочная пластины накладываются на боковые, на территории Восточной Европы прослеживается еще с VIII в. (Каинов, Каменский, 2013. С. 184).

хеология: мат-лы науч. конф., посв. памяти М. Х. Алешковского (Великий Новгород, 22–24 января 2013 г.). Великий Новгород, 2013. Вып. 27.

Кирпичников, 1971 – Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971. (САИ; Е1–36).

Кирпичников, 2009 – Кирпичников А. Н. Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения. СПб., 2009.

Комар, 1999 – Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Київ, 1999. № 2.

Кызласов, 1983 – Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М., 1983. (САИ; Е3–18).

Мурашева, 2000 – Мурашева В. В. Древнерусские ремешковые наборы украшений. М., 2000.

Плетнева, 1996 – Плетнева С. А. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, 1996.

Плетнева, 2006 – Плетнева С. А. Древнерусский город в кочево-вой степи. Воронеж, 2006.

Плетнева, Якобсон, 1988 – Плетнева С. А., Якобсон А. Л. Отчет о работах Волго-Донской экспедиции на Левобережном Цимлянском городище (Саркеле – Белой Веже) в 1949 г.

Широухов, 2014 – Широухов Р. А. Импорты древнерусских типов на территории пруссов в X/XI–XIV вв. // Русь в IX–XII вв. Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014.

Sawicka, 2011 – Sawicka L. Szurpiły, St. 8 («Mosiężysko»), Woj. Podlaskie. Badania w latach 2008–2010 (Pl. 144–145) // Światowit. VIII (XLIX)/B, 2009–2010. Warszawa, 2011.

Detail of a helmet from the excavations in Sarkel – Belaya Vezha

S. Yu. Kainov

The present paper is concerned with a rare find of a part of the helmet found in 1949 during excavations at Sarkel or Belaya Vezha – the Khazar fortress seized by the Russian prince Svyatoslav Igorevich in 965 AD (Fig. 1, 1, 2). The detail in question is a cast brass mount on a lateral plate of a helmet of the sphero-conical shape (Type II after the typology by Anatoliy N. Kirpichnikov). On the basis of the reports and published materials from the excavation there is no possibility to date the detail under consideration more exactly than to the span of the 10th century. There are parallels of the Sarkel mount from the territory of Russia and Ukraine but unfortunately they are unrelated to any archaeological context (Fig. 1, 3, 4).

The single mount found during archaeological excavations comes from the cemetery of Shurpily (Poland) where it was uncovered in association with objects of the 13th century. This fact is explainable either by the prolonged use of helmets with similar mounts in this region or by chance penetration of an earlier object to a later context (Fig. 1, 5, 6).

The time of appearance of cast mounts of the ‘Sarkel type’ still remains questionable. Considering finds of two similar mounts immediately on helmets of type II (Fig. 2, 1, 2) we may suppose that the latter’s use in Eastern Europe coincided with the period of spread of gilt battle sphero-conical helmets.

ОГОЛОВЬЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ КУРГАНА № 7 ИЗ РАСКОПОК С. И. СЕРГЕЕВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУРГАННОЙ ГРУППЕ В ГНЁЗДОВЕ

В. В. Новиков¹

Аннотация. Целью настоящей статьи является публикация оголовья верхового коня из погребения Ц-65(7)/Серг-1900 из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове в центральной курганной группе в 1900 г. Погребальный комплекс датируется серединой – третьей четвертью X в. Автор работы предлагает возможный вариант реконструкции внешнего облика оголовья.

Annotation. The present article publishes a riding horse bridle from burial Ц-65(7)/Серг-1900 from Sergey I. Sergeev's excavation of 1900 in Gnezdovo central kurgan group. The funerary complex is dated to the middle – third quarter of the 10th century. The present author proposes a presumable reconstruction of the outer form of the bridle.

Ключевые слова: Гнёздово, оголовье верхового коня, уздечные наборы скандинавского облика.

Keywords: Gnezdovo, bridle of a ridden horse, bridle sets of the Scandinavian type.

Большой курган № 7 из раскопок С. И. Сергеева на территории центральной курганной группы в Гнёздове уже становился объектом отдельных публикаций (Спицын, 1905. С. 44–45; Булкин, 1975. С. 134–146; Новиков, 2009а. С. 57–67). Украшения оголовья верхового коня также рассматривались в ряде работ (Киртичников, 1973. С. 25; Новиков, 2009а. С. 57–67; Новиков, 2010. С. 226–233). Однако особенности конструкции уздечного набора – в частности, кожаных ремней – до настоящего момента не становились предметом подробного анализа и не были опубликованы. Находки уздечных наборов с сохранившимися ремнями чрезвычайно редки для территории Древней Руси для периода X в. В настоящее время известно только четыре находки, которые позволяют реконструировать систему крепления ремней практически полностью (Новиков, 2009б. С. 81). В этой связи подробный анализ конструкции и особенностей ремней из погребения кургана № 7 чрезвычайно интересен.

Уздечный набор включает в себя металлические украшения и кожаную основу. Комплекс украшений состоит из двух групп металлических накладок, одной группы наконечников ремней и подвески. Все металлические элементы выполнены из цветного металла и покрыты позолотой (см. табл. 1).

Предмет	Кол-во	Класс по Новикову (Новиков, 2009б)	Тип по Мурашевой (Мурашева, 2000)
Накладка	40	DI TI S1a	XXXIV 1Б
Накладка	5	DI TI S5b	
Накладка	1	DI TI S5b- ₁	
Наконечник ремня	2	DII TI S1a	XVI 1Б
Подвеска	1	DIII C T1S1a	
Ремни оголовья	1		

Таблица 1. Элементы оголовья из кургана 7 из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове

Table 1. Parts of the horse bridle from Barrow 7 excavated by S. I. Sergeev in Gnezdovo

Прямоугольные накладки (DI TI S1a) украшены скандинавским ленточно-гератологическим орнаментом (Борре), в верхней части расположена маска зверя. Они имеют размер 1,2 × 1,2 см и крепятся

¹ Россия, 125502, Москва, ул. Петрозаводская, д. 21, оф. 22. Историко-археологический центр «Гардарика».

тремя штифтами с шайбами. На сохранившихся ремнях осталось 38 накладок, в кострище зафиксированы две аналогичные накладки, пустые места на ремнях оголовья позволяют предполагать расположение там еще восемь накладок. В двух случаях накладки носят следы ремонта и повторного монтажа (накладка в левой части налобного ремня и на подбородном ремне) (рис. 1, 1).

Прямоугольные накладки с полусферическим выступом в центре (DI TI S5b) украшены скандинавским ленточным орнаментом (Борре), имеют размер 1,5 × 1,5 см. Крепление накладки в составе композиции осуществлялось при помощи четырех штифтов с шайбами, в случае с накладками на пересечениях ремней они снабжены штифтом, который пробит в центре полусферического выступа.

Прямоугольная накладка с полусферическим выступом в центре (DI TI S5b-₁) украшена скандинавским ленточно-тератологическим орнаментом (Борре), имеет размер 1,5 × 1,5 см. С одной стороны накладки находятся два выступа с отверстиями для крепления подвески в виде головы дракона на отдельной штанге. Накладка закреплена на ремнях отдельным штифтом с шайбой, пробивающим ее насквозь в центральной части полусферы.

Наконечники ремня (DII TI S1a) украшены скандинавским ленточным орнаментом (Борре), имеют размер 3,7 × 0,9 см и крепились с помощью трех штифтов с шайбами. Два наконечника входят в состав налобной композиции с подвеской в виде головы дракона.

Подвеска к ремням оголовья в виде скульптурной головки зверя/дракона (DIIIC T1S1a) орнаментирована в скандинавском стиле Борре, имеет крепление в виде петли, связанной с накладкой (DI TI S5b-₁) посредством штанги. Ее размер – 1,9 × 3,7 см. Нижняя часть подвески утрачена, она представляла собой челюсть, которая крепилась на штанге и свободно двигалась. Подробная информация об этом элементе украшений уздечных наборов опубликована в отдельной статье (Новиков, 2010. С. 226–233).

Металлические украшения не имеют хорошей проработки деталей; общий осмотр элементов

украшений позволяет предполагать, что они вышли из одной мастерской.

Кожаные ремни оголовья представлены целым налобным, двумя неполными нащечными и отдельными фрагментами затылочного и подбородного ремней (рис. 1, 1, 2).

Налобный и подбородный ремни являются единым конструктивным элементом. Ремень однослойный, его ширина составляет 1,5–1,6 см, толщина – 0,15–0,16 см. Общая длина налобного и обрывков подбородного ремня составляет около 42,5 см. В центральной части на отрезке длиной 3,5 см ремень достигает в ширину 2–2,1 см для крепления композиции с подвеской в виде головы дракона. На налобной части ремня располагались 24 прямоугольные накладки (DI TI S1a), из которых сохранились 22 штуки. Кроме того, слева на месте пересечения налобного и нащечного ремней поставлена накладка с полусферическим выступом (DI TI S5b), ремень расширяется здесь до 1,9 см (рис. 1, 1A). Налобный ремень, который переходит в подбородный, расположен над нащечным ремнем и пришит к нему кожаным шнурком. Справа налобный ремень пропущен под нащечным, накладка (DI TI S5b) относится уже к нащечному ремню (рис. 1, 1D).

На фрагментах подбородного ремня мы находим только одну накладку (рис. 1, 1D). Общая сохранившаяся длина ремня составляет 40,5 см. В центральной части налобного ремня располагается композиция из двух накладок, подвески в виде головы дракона и двух наконечников ремней. Под накладки с полусферическим выступом (DI TI S5b, DI TI S5b-₁) и наконечники ремней (DII TI S1a) подложен отдельный кусок кожи П-образной формы толщиной 0,2 см. Размеры подкладки составляют 3,4 × 5,3 см в самых широких местах (рис. 1, 1B, 1Г).

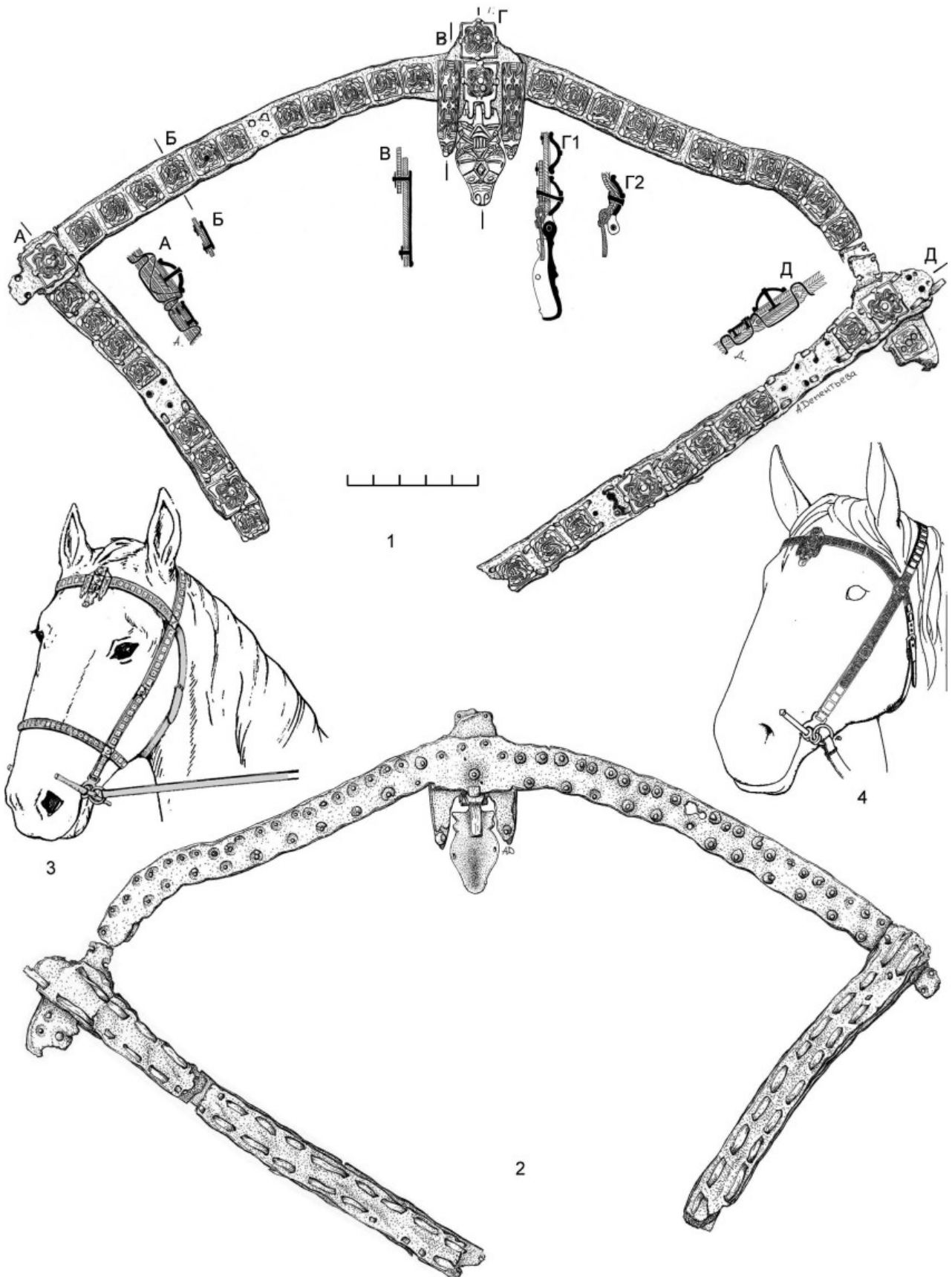
В зоне соприкосновения кожаной подложки с налобным ремнем накладки и наконечники ремня пробивают их насквозь. В качестве страховочной подкладки для подвески использована отдельная кожаная полоса. Ширина полосы – 0,4 см, толщина – 0,15 см, длина – 2,5–2,8 см.

Продолжением налобного являются два коротких фрагмента подбородного ремня со следами

Рис. 1. Оголовье верхового коня кургана № 7 в центральной курганной группе в Гнездове: 1 – внешняя сторона; 2 – оборотная сторона; 3 – реконструкция по А. Н. Кирпичникову; 4 – реконструкция по В. В. Новикову
1–3 – рисунки А. Дементьевой

Fig. 1. Bridle of a rider's horse from kurgan no. 7 in the central kurgan group in Gnezdovo: 1 – face side; 2 – reverse side; 3 – reconstruction after A. N. Kirpichnikov; 4 – reconstruction after V. V. Novikov

1–3 – drawings by A. Dement'eva

крепления прямоугольных накладок и с одной сохранившейся накладкой со следами ремонта/монтажа (три отверстия без штифтов). Ширина ремня – 1,5–1,9 см, толщина 0,16 см.

Нащечные ремни отличаются друг от друга по способу монтажа, но, скорее всего, являются одним ремнем, равно как и налобный с подбородочным. Ширина нащечных ремней – 1,6 см и толщина около 0,2 см. Сохранившаяся часть правого нащечного ремня (если считать до центра пересечения с налобным ремнем) составляет 18,3 см. На нем сохранилось восемь прямоугольных накладок (DI TI S1a) и остаются еще три промежутка для аналогичных украшений. В центральной части ремня и на месте пересечения с налобным ремнем были размещены накладки с полусферическими выступами (DI TI S5b). Правый нащечный ремень двойной – снизу его дублирует еще одна кожаная полоса шириной 1,6 см и толщиной 0,2–0,22 см. Накладки закреплены на внешнем ремне посредством штифтов и шайб. Второй ремень соединен с внешним прошивкой насквозь с двух сторон кожаной полосой шириной 0,25–0,3 см. Между верхним и нижним ремнями пропущен налобный ремень (рис. 1, *ДД*).

Сохранившаяся часть левого нащечного ремня составляет 13 см, на нем располагаются семь прямоугольных накладок, остается также одно место под размещение аналогичного украшения (DI TI S1a), еще одна накладка с полусферическим выступом размещена в центральной части ремня (DI TI S5b). Накладки закреплены на внешнем ремне с помощью штифтов и шайб. Под ним расположены еще два ремня – толщиной около 0,12 см и 0,15 см. Все три ремня сшиты друг с другом кожаным ремешком толщиной 0,2–0,25 см. Сверху к нащечному ремню также посредством кожаного ремешка пришит налобный ремень. На сохранившейся части затылочного ремня зафиксированы следы монтажа прямоугольных накладок (DI TI S1a) (рис. 1, *АА*).

Допустимо предположить, что один целый нащечный ремень содержал 17 прямоугольных накладок (DI TI S1a) и одну накладку с полусферическим выступом DI TI S5b. Длина нащечного ремня составляла около 22–24 см.

Конструкция оголовья достаточно жесткая, и, в отличие от современных образцов, оно не может подгоняться под размер головы лошади – не исключено, что уздечный набор собирался под конкретную лошадь. Любопытной деталью является неравномерность конструкции – для налобного и подбородочного ремня используется одинарный ремень, для нащечных и затылочного – двойные

и тройные. Можно предположить и ремонтные работы, связанные с усилением конструкции уздечного набора. Тем более что нащечные ремни испытывают больше нагрузки, нежели налобный, что связано с креплением к удилам. Нельзя утверждать, что данное оголовье было погребальным даром, поскольку оно носит следы использования и ремонта. Вероятно, что оно могло попасть в погребение после намеренного повреждения, как и оголовье из кургана Ц-191 из раскопок Д. А. Авдусина в 1976 г. в Гнёздове (*Новиков, Енисосова*, 2015. С. 203).

Особенности конструкции оголовья позволяют предложить еще один – отличный от предложенного А. Н. Кирпичниковым (*Кирпичников*, 1973. Рис. 58) (рис. 1, 3) – вариант реконструкции внешнего облика оголовья. В нем отсутствует наносный ремень, реконструировать который нет уверенных оснований. Оголовья без наносного ремня (вариант № 4 по В. В. Новикову) – распространенная система крепления ремней для X в., аналогии которым можно увидеть в погребениях с лошадьё в Бирке (Швеция), Тумби-Биенебек (Германия) и в Гнёздове в погребении Ц-191 (*Новиков*, 2009б. С. 78–88, рис. 14, 16) (рис. 1, 4). Наличие пряжки для крепления подбородочного ремня также реконструируется на основе скандинавских аналогий, хотя этот ремень, вероятно, мог фиксироваться и при помощи узла, как и в случае уздечного набора из камерного погребения Ц-191 (*Новиков, Енисосова*, 2015. С. 218).

Датировка погребения и оголовья относится к середине – третьей четверти X в. (*Новиков*, 2009а. С. 76).

Булкин, 1975 – *Булкин В. А.* Большие курганы Гнёздовского могильника // Скандинавский сборник XX. Таллин, 1975.

Кирпичников, 1973 – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. (САИ; Вып. Е1–36).

Мурашева, 2000 – *Мурашева В. В.* Древнерусские ременные наборы украшения X–XIII вв. М., 2000.

Новиков, 2009а – *Новиков В. В.* Уздечный набор из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове // РА. 2009. № 2.

Новиков, 2009б – *Новиков В. В.* Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. (по материалам погребений и поселений): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Новиков, 2010 – *Новиков В. В.* Об одном типе уздечных украшений на территории Древней Руси X в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат-лы науч. конф. (Новгород, 26–28 янв. 2010 г.). Новгород Великий, 2010. Вып. 24.

Новиков, Енисосова, 2015 – *Новиков В. В., Енисосова Н. В.* Снаряжение верхового коня из погребения 191 Центральной курганной группы второй половины X в. из Гнёздова: результаты комплексного исследования // АВ. СПб., 2015. Вып. 21.

Спицын, 1905 – *Спицын А. А.* Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.

**Bridle of a saddle horse from barrow no. 7
excavated by S. I. Sergeev in the central kurgan group of Gnezdovo**

V. V. Novikov

In 1900, Sergey I. Sergeev excavated a barrow in the central kurgan group of the Gnezdovo archaeological complex with a burial in the rite of cremation (II-65 (7)/Cepr-1900). During construction works in the area of the barrow there was found a bridle set with well-preserved bridle straps.

The metal ornaments of the bridle are represented by a group of rectangular mounts (DI TI S1a according to V. V. Novikov), mounts with a hemispherical protrusion (DI TI S5b, DI TI S5b₁ after V.V. Novikov), strap tips (DII TI S1a after V.V. Novikov) and a pendant in the form of a dragon's head (DII TI S1a after V.V. Novikov). All the metal parts are decorated with a Scandinavian band or ribbon-animal ornamentation in the Borre style. They are made from a non-ferrous metal and gilded.

The leather straps of the bridle include a complete forehead strap, two incomplete cheek straps and isolated fragments of the occipital and chin straps. The forehead and chin straps are one-layered and combined into a single strap. It is 1,5–1,6 cm wide and 0,15–0,16 cm thick. Its total length is 42,5 cm. In its central section there is a composition constituted of two strap tips (DII TI S1a), mounts with hemispherical protrusions

(DI TI S5b, DI TI S5b₁) and pendants in the form of a dragon's head (DII TI S1a). The forehead strap composition was furnished with a separate leather lining.

The cheek straps were combined of three left and two right straps. The straps were stitched through with a leather cord. The width of the cheek straps was 1.6 cm and thickness about 0.2 cm.

The fastening at the crossing of the cheek and forehead straps is not everywhere identical. The left cheek strap is attached to the forehead one so as to cover the latter from the top and it is additionally sewn through. On the right, the forehead strap passed between the upper and lower cheek straps.

As it seems, the length of the complete cheek strap was about 22–24 cm.

The peculiarities of the structure of the bridle enable us to reproduce its outer form. It lacks a nose strap and it is impossible to reconstruct it with any reliability. The bridles without a nose strap (variant no. 4 after V. V. Novikov) were a widespread system of fixing the straps in the 10th century.

The assemblage under consideration is dated to the middle or the third quarter of the 10th century.

КЛЕЩИН – ЦЕНТР СРЕДНЕВЕКОВОГО РАССЕЛЕНИЯ НА ПЛЕЩЕЕВОМ ОЗЕРЕ¹

Н. А. Макаров, О. А. Несмиян, Т. Ю. Муренцева²

Аннотация. В статье представлены результаты новых исследований Клещинского археологического комплекса – крупного центра средневекового расселения на Плещеевом озере, предшественника Переяславля-Залесского, раскрывается значение Клещина в экономической жизни и организации управления в Ростово-Суздальской земле в X–XI вв.

Annotation. In this paper there are presented results of new investigations of the Kleshchin archaeological complex – a large centre of mediaeval settlement at Lake Pleshcheyevo and the predecessor of the town of Pereyaslavl-Zalessky and demonstrates the importance of Kleshchin in the economic life and organisation of the administration in the Rostov-Suzdal Land in the 10th–11th century.

Ключевые слова: средневековое расселение, раннегородские центры, урбанизация, Северо-Восточная Русь, Ростово-Суздальская земля, городища, селища, «большие поселения», древнерусская культура.

Keywords: medieval settlement, early urban centers, urbanization, North-Eastern Rus', Rostov-Suzdal Land, hillforts, unfortified dwelling sites, large unfortified settlements, Medieval Russian culture.

Тема «парных» центров, сосуществования и преемственности в развитии городов и торговоремесленных поселений, сформировавшихся в тесном соседстве, и «переноса городов» в связи с экономическими или социально-политическими трансформациями сохраняет свою притягательность и актуальность в средневековой археологии (Петрухин, Пушкина, 1979. С. 100–112; Куза, 1989. С. 151; Носов, 2002. С. 23–26; Носов и др., 2005. С. 19–22; Захаров, 2004. С. 98–108, 118–121; Петрухин, 2013. С. 233–245). Среди наиболее известных «парных центров», изучение которых некогда подтолкнуло к специальному обсуждению этого явления как отражения возможного противостояния различных социальных групп и перемен в социально-экономических отношениях и организации власти – Гнездово и Смоленск, Новгород и Рюриково городище, Сарское городище и Ростов, «два городка Белоозерских». Осознание многообразия реальных исторических ситуаций, соответствующих археологической картине сосуществования дуальных поселенческих комплексов, признание искусственности выделения некоторых «парных центров»

(Захаров, 2004. С. 107–108, 118–121) и рисков, связанных с использованием термина «перенос городов», скрывающего сложность процессов затухания старых поселений и кристаллизации новых центров, не снимает эту тему с повестки.

Средневековый Клещин, находящийся на Плещеевом озере в 4 км к северу от Переяславля-Залесского (рис. 1), неоднократно привлекал внимание историков и археологов в связи с обсуждением «переноса городов» (Смирнов, 1919. С. 9–14; Воронин, 1961. С. 56; Третьяков, 1963. С. 51–53; Дубов, 1982. С. 64–65, 99–103, Кучкин, 1984. С. 84; Куза, 1996. С. 118–119). Действительно, это единственный на территории центра Ростово-Суздальской земли памятник, отмеченный в летописи как первоначальный город, от которого городской центр был «переведен» князем на новое место. Под 1152 г. Типографская летопись помещает перечень городов, построенных Юрием Долгоруким, в их числе Переяславль, переведенный «от Клещина» (ПСРЛ, 1921. Т. XXIV, с. 77).

Первые раскопки у с. Городище на Плещеевом озере, где, по общему мнению исследователей, локализуется Клещин, были произведены в 1853 г. П. С. Савельевым (Уваров, 1872. С. 24–26). В дальнейшем памятники Клещинского комплекса обследовались в 1938 г. П. Н. Третьяковым, в 1975–78 гг. К. И. Комаровым и И. В. Дубовым и в 1988 г. А. Е. Леонтьевым. Документация, составленная П. С. Савельевым, включающая дневники раскопок

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-0042а «Феномен больших поселений IX–XI вв. в центральных районах Северо-Восточной Руси»).

² Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН.

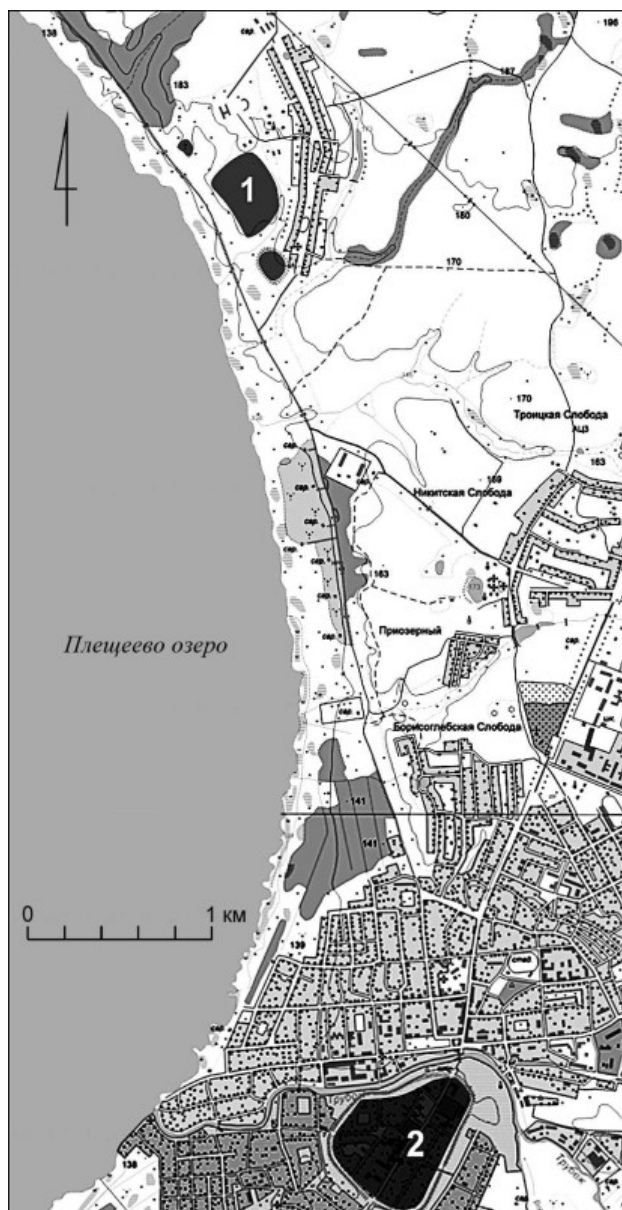

Рис. 1. Основные центры средневекового расселения на юго-восточном берегу Плещеева озера: 1 – Клещинский комплекс; 2 – Переяславль

Fig. 1. Main centres of mediaeval settlement on the south-eastern bank of Lake Pleshcheyevo: 1 – settlement-site of Kleshchin; 2 – Pereyaslavl

1853–1854 гг. и графические материалы (НА ИИМК, РО. Ф. 2, ДД. № 2, 4, 5; Ф. 8. Д. № 6), оставалась при этом важнейшим источником для характеристики Клещинского комплекса. К. И. Комаров использовал эту документацию для реконструкции общей сети расселения на Плещеевом озере (Комаров, 1995). Однако новые полевые работы, производившиеся на Клещине после раскопок 1853–1854 г., были небольшими и не ставили перед собой задачи прояс-

нения общей картины расселения на этом участке в ее динамике. Шурфы и траншеи 1970–1980-х гг. не дали сколько-нибудь представительных керамических и вещевых коллекций, необходимых для проверки и уточнения датировки памятников. Появление Суздальской экспедиции ИА РАН на Клещине связано с чрезвычайными обстоятельствами. В 2013 г. земельный участок между двумя городищами, где располагается неукрепленная часть поселения, был передан под застройку. Чтобы остановить строительство коттеджного поселка, потребовалось определить границы памятников и составить подробную учетную документацию, фиксирующую городище и селище в их современном состоянии. Полевые работы 2015 г. включали шурфовку городища и селища, топосъемку и сбор подъемного материала, в том числе на участках, где для строительства коттеджей была проложена новая дорога. Хотя в шурфах вскрыты небольшие площади, впервые на городище Городок и селище собран значительный вещевой и керамический материал, позволяющий расширить и уточнить наши представления о средневековом Клещине.

Клещинский археологический комплекс включает два городища, находящиеся на высоких отрогах озерной террасы Плещеева озера, на расстоянии примерно 700 м друг от друга, большое неукрепленное поселение на озерной террасе и несколько курганных групп со следами старых раскопок на склонах террасы и выходящих к озеру оврагов (рис. 2). Очевидно, это только часть поселенческой агломерации, в которую входило еще несколько селищ, одно из которых находится под застройкой современного села Городище. Северное городище «Александрова гора» имеет в своей основе дьяковское поселение. Оно было полностью раскопано П. С. Савельевым, материалы раскопок подробно проанализированы К. И. Комаровым (Комаров, 2014. С. 140–146). Южное городище «Городок» – с площадкой в форме неправильного овала, окружено валом высотой от 2 до 4 см, по своему внешнему облику соответствует средневековым памятникам. А. С. Уваров насчитывал у с. Городище 13 курганных групп с 1341 курганной насыпью. Хотя большая часть курганов, раскопанных П. С. Савельевым, в настоящее время визуально не прослеживается, Клещинский комплекс до недавнего времени оставался одним из наиболее выразительных средневековых археологических ландшафтов Волго-Клязьменского междуречья, сохранившим исторический облик территории, где располагался один из крупных центров древнерусского расселения.

Рис. 2. Клещинский археологический комплекс. Вид с юга
Fig. 2. Archaeological site of Kleshchin. View from south

Клещин – древнее название Плещеева озера и находившегося вблизи него поселения. Это географическое название впервые появляется в «Повести временных лет» в ее древнейшей недатированной части («Клещин озеро» – место расселения мери), но в целом осталось малоупотребительным в источниках. Как населенный пункт Клещин упомянут в письменных источниках дважды: под 1152 г. как место, откуда Переяславль был «переведен» на устье Трубежа (ПСРЛ, 1921. Т. XXIV. С. 77) и в «Списке городов русских дальних и ближних», в числе залесских городов, где он стоит перед Переяславлем (Тихомиров, 1979. С. 96). Публикуя материалы раскопок П. С. Савельева на Александровой горе и на Городке, А. С. Уваров впервые отождествил Городок с летописным Клещиным. «Про городок предание говорит, что здесь заложен был первоначально город и отсюда потом перенесен на нынешнее место Переяславля, на берег Трубежа. Предание подтверждается сказанием летописи» (Уваров, 1872. С. 24). А. С. Уваров рассматривал оба городища и окружающие их курганные могильники как единую группу памятников, уделив ей большое внимание как одному из центров мерянского (в его понимании) расселения. После публикации А. С. Уварова за городищем Го-

родок в научной литературе и археологической документации закрепилось название «Клещин». Высказывались и иные точки зрения, так, П. Н. Третьяков полагал, что Клещин располагался на Александровой горе, а городище «Городок» – первоначальный Переяславль, построенный Юрием Долгоруким до строительства крепости в устье р. Трубеж (Третьяков, 1963. С. 49–53).

Городище Городок. Городище Городок рассматривается в большинстве современных публикаций как крепость, сооруженная во времена Владимира Мономаха, на рубеже XI–XII вв. и продолжавшая свое существование в позднее средневековье, после переноса города на свое современное место (АКР, Ярославская область, 2005. С. 164–165; Леонтьев, 2012³. С. 176). Основанием для подобных хронологических определений до последнего времени служили материалы раскопок П. С. Савельева и К. И. Комарова. Раскопки П. С. Савельева на Городке «внутри валов» включали закладку «55 перекрестных канав длиной от 4 до 30 аршин и глубиной от ½ до 2 аршин». На площадке городища П. С. Савельев

³ Ранее А. Е. Леонтьев предположительно относил строительство Клещина ко времени княжения Юрия Долгорукого (Леонтьев, 1996. С. 284).

обнаружил «признаки старой стройки», основание церкви и кладбище, а также черепки глиняных сосудов, девять ножей, молоток, замок, серпы, грузила от неводов и точильные камни. На плане «Переславского уезда села Городищ с обозначением мест, в которых произведены были археологические розыскания в 1853 г.» (рис. 3), снятом сотрудниками П. С. Савельева, показаны остатки церкви и клад-

бища и четыре вытянутых вдоль длинной оси городища линии, очевидно, «следы старой стройки». При обследовании городища в 1975 г. К. И. Комаров заложил в южной части памятника в месте скопления костей на распашке две перпендикулярные траншеи площадью около 50 кв. м. На чертежах К. И. Комарова в траншеях показаны два слоя – верхний, пахотный, и нижний, перемешанный слой

Рис. 3. Клещинский археологический комплекс. Ситуационный план 1853 г. (полевая документация П. С. Савельева, Архив ИИМК РАН, Ф. 8. Д. № 6, л. 1): 1 – городище Александрова гора; 2 – городище «Городок»; 3 – курганная группа

Fig. 3. Archaeological site of Kleshchyn. Situation plan of 1853 г. (field documents of P. S. Savel'ev, Archives of IIMK RAS, Collection 8, file 6, sheet 1): 1 – hillfort of Aleksandrova Gora; 2 – hillfort of 'Gorodok'; 3 – group of kurgans

с костями переотложенных погребений. В одной из траншей были расчищены четыре непогребенных погребения с юго-западной ориентировкой и руками, сложенными на груди. Согласно наблюдениям К. И. Комарова, кладбище на этом участке функционировало длительное время, возможно, оно было перекопано траншеями П. С. Савельева. Отмечено присутствие в культурном слое древнерусской круговой и позднесредневековой керамики с преобладанием последней, в траншее найден нож с широким лезвием, рядом с ней – шиферное пряслице. В отчете и в публикациях К. И. Комарова указана мощность культурного слоя до 1,4 м (АКР, 2005. С. 164–165; Крайнов, 1975. Л. 29–32), однако основную часть этой толщи составляет перемешанный слой кладбища. Отметив присутствие на городище круговой керамики XII–XIII вв. и находку шиферного пряслица, К. И. Комаров датировал его основание рубежом XI–XII вв., ссылаясь на наличие рядом с ним курганного могильника этого времени (Комаров, 1995. С. 137–172).

Полевые работы на городище Городок в 2015 г. включали закладку трех шурфов размерами 2 × 2 и 2 × 3 м в западной, восточной и центральной его частях, зондажи культурного слоя ручным буром по сетке и сбор подъемного материала в обнажениях. При этом сборы производились с таким расчетом, чтобы охватить всю площадку. Всего при обследовании собрано 67 предметов из металла, кости и стекла (семь – найдены в шурфах, 60 – на поверхности) и 1020 фрагментов керамики (687 – в шурфах, 333 – на поверхности).

Топоъемка позволила уточнить размеры и пространственные характеристики памятника (рис. 4). Длина площадки городища около 180 м, ширина – 112 м. Площадь территории, ограниченной валами, – 2 га, площадь городища с учетом вала и рва – около 3 га. В юго-западной части площадки зафиксирована округлая западина диаметром около 10 м и глубиной до 1,5 м – остатки средневекового пруда, впервые отмеченного на топографическом плане П. С. Савельева 1853 г. Ширина основания вала

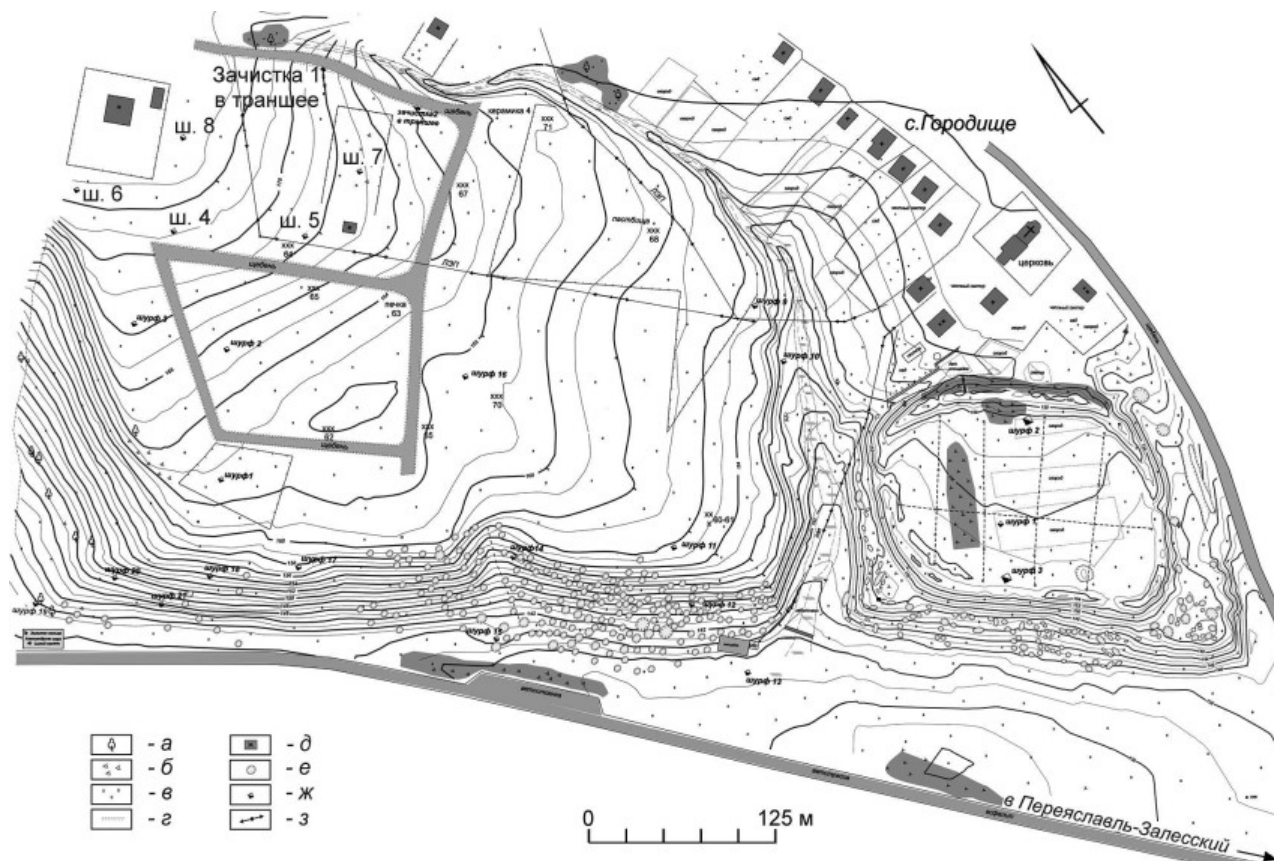

Рис. 4. Клешицкий археологический комплекс. Городище «Городок» и неукрепленная часть поселения. План (а – дерево; б – кустарник; в – луговая растительность; з – траншея вдоль дороги; д – жилой дом; е – яма; ж – шурф; з – опора ЛЭП)

Fig. 4. Kleshchin archaeological site. Townsite of 'Gorodok' and unfortified part of the settlement. Plan (a – tree; б – bushes; в – meadow plants; з – trench along the road; д – dwelling house; е – pit; ж – test pit; з – pylon of the electric power line)

составляет от 8 до 18 м. С напольной стороны городище отделено от основной части плато рвом, глубина которого относительно площадки городища составляет 12 м. Культурный слой в шурфах и зондажах представляет собой серую супесь, почти повсеместно перемешанную распахкой. Его мощность составляет 0,35–0,70 м. Под пахотным слоем отсутствуют погребенные луговые или лесные почвы, очевидно, они полностью уничтожены распахкой или срезаны при сооружении валов. В шурфе, заложенном в центральной части городища, расчищено несколько ям, содержавших позднесредневековую керамику. Основная масса вещей находок и керамики собрана в центральной и юго-западной части городища, пахотный слой здесь выделяется более темной окраской. Памятник сильно пострадал от грабительских посещений, значительная часть металлических вещей извлечена из культурного слоя.

В составе вещевого коллекция 14 предметов из цветного металла, 50 предметов из железа и три предмета из камня. Выразительные в хронологическом отношении находки немногочисленны. Среди предметов из цветного металла два медных московских пула конца XV – начала XVI в. (определение П. Г. Гайдукова) (рис. 5, 4), два фрагмента наперсного креста с прямоугольными выступами на концах с изображениями святых (рис. 5, 3, 6), пластинчатый перстень со щитком, украшенным черненым геометрическим декором (рис. 5, 2), пуговица с плоским щитком, бронзовое разделительное кольцо, пластина от котла. Среди железных предметов 13 целых ножей и фрагментов (рис. 5, 8–11), в том числе два узколезвийных и один – с накладной рукоятью, четыре ключа (типы В1, Д, Е) (5, 16–19), три фрагмента навесных замков (рис. 5, 13–15), три шила, две косы, оковка лопаты, конские подковы, ременная сегментовидная пряжка. В числе наиболее выразительных вещей – железное писало (рис. 5, 20) и предметы вооружения и воинского снаряжения: два наконечника стрел – долотовидный с короткой круглой шейкой и упором (рис. 5, 12) и лавролистный с шейкой круглого сечения и упором (рис. 5, 5), вток от копья и сердцевидная накладка с кольцом (рис. 5, 1). Каменные предметы представлены фрагментом жернова, заготовкой сланцевого пряслица и пиррофиллитовым пряслицем (рис. 5, 7). В коллекции присутствуют находки, верхняя граница бытования которых не выходит за рамки середины XII в. (узколезвийные ножи), и вещи, период бытования которых охватывает XI–XIII вв. или XII–XIV вв. (стиль для письма, лавролистный наконечник стрелы,

пиррофиллитовое пряслице). Однако более многочисленны хроноиндикаторы позднего средневековья и раннего нового времени, среди которых ключи типов В1 и Д, сердцевидная железная накладная рукоять, медные пула, наперсный крест, перстень. Существенно, что, несмотря на значительные утраты, связанные с деятельностью грабителей, культурный слой сохраняет отдельные находки, указывающие на административные и военные функции поселения.

Почти вся керамика, собранная на городище – круговая, в коллекции лишь четыре фрагмента стенок лепных (?) сосудов. Круговые венчики с профилировкой, характерной для домонгольского времени (XII–XIII вв.), составляют чуть менее 9 % (24 экз.). Они представлены I, III, IV VIIIa типами по классификации В. А. Лапшина (*Лапшин*, 1992. С. 90–102).

В керамической коллекции преобладают сероглиняные сосуды с профилировкой XV–XVI вв. Более 30 % венчиков принадлежат сосудам, близким по форме московской красноглиняной керамике (*Розенфельдт*, 1968. С. 81, табл. 2.2; *Бойцов*, 1991. С. 38, табл. 97, 98, 102А). Белоглиняная керамика, также датирующаяся этим временем, представлена 12 фрагментами венчиков и девятью фрагментами стенок.

Таким образом, начало заселения площадки городища следует датировать временем не ранее второй половины XII в. Находок, указывающих на заселение площадки в первой половине XII в., в материалах из шурфов и сборов нет. Весьма скромны в количественном отношении и материалы второй половины XII – первой половины XIII в. Нельзя исключить, что ранний культурный слой или курганные насыпи, находившиеся некогда на площадке, были целиком срыты при сооружении монументальных земляных валов, но конкретных подтверждений этого полевые работы 2015 г. не дали. Судя по составу вещевого и керамической коллекции, время наиболее активной жизни на площадке городища приходится на XIV–XVI вв.

Неукрепленное поселение. Первые сведения о существовании селища или открытого посада у с. Городище к югу от Александровой горы приводятся в статье П. Н. Третьякова о летописном Клещине со ссылкой на полевые работы 1938 г. (*Третьяков*, 1963. С. 51–53). В 1974 г. селище было обследовано К. И. Комаровым. К. И. Комаров высказал мнение, что селище является посадом летописного Клещина, и датировал культурный слой XI–XII вв., основываясь на подъемном материале (*Крайнов*,

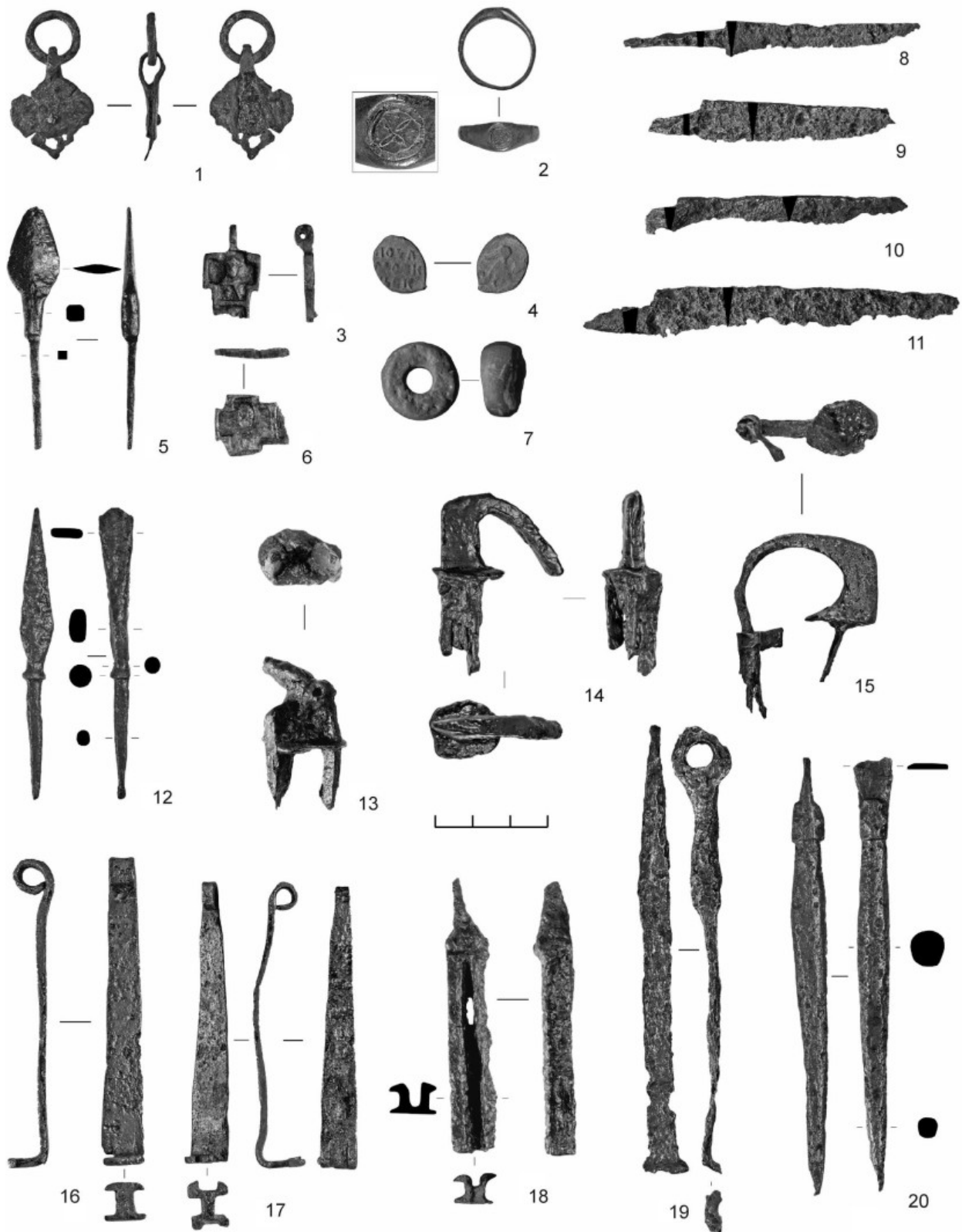

Рис. 5. Клещин. Городище «Городок». Находки из сборов на поверхности: 1, 5, 8–20 – железо; 2–4, 6 – цветной металл; находки из шурфов: 7 – пирофиллит

Fig. 5. Kleshchin. Townsite of 'Gorodok'. Surface finds: 1, 5, 8–20 – iron; 2–4, 6 – non-ferrous metal; finds from excavated pits: 7 – pyrophyllite

1974. ЛЛ. 110–111; *Комаров*, 1975. С. 63) В 1977–1978 гг. памятник был обследован и документирован Ярославским отрядом Ленинградского университета под руководством И. В. Дубова. На озерной террасе вблизи д. Городище на распаханном поле зафиксирован культурный слой на площади 6–7 га. Вблизи края террасы было заложено шесть шурфов и траншея площадью 20 кв. м. В шурфах выявлены культурные напластования с лепной и круговой средневековой керамикой, содержащие также печную обмазку и шлаки, мощностью от 30–40 см до 100 см в ямах. В одной из ям в траншее был расчищен развал лепного сосуда. И. В. Дубов датировал селище IX–XI вв. и отметил его «типологическое сходство» с Тимеревским и Гнездовским поселением (*Дубов*, 1979. С. 61; 1983. ЛЛ. 21–22, рис. 266–267, 276–277). Основываясь на результатах полевых работ 1977–1978 гг., И. В. Дубов предложил рассматривать селище как древнейшую часть «Клецинского комплекса памятников», отметив, что на городище Городок нет материалов ранее первой половины XII в. (*Дубов*, 1982. С. 96).

В ходе полевых работ 2015 г. был проведен тщательный сбор подъемного материала на всей территории плато между двумя городищами и заложено 21 шурф. При сборе подъемного материала особое внимание было уделено участкам вблизи проложенных застройщиками дорог, где культурный слой был частично срезан, и отвалам из канав, вырытых вдоль дорожных насыпей. Промыто более 800 л культурного слоя из отвалов на этих участках. Всего на поверхности поселения и в шурфах собрано 130 индивидуальных находок и около 1370 фрагментов керамики. Основная масса этого материала происходит из сборов.

Установлено, что культурный слой залегает на большей части плато между оврагами, отсутствие гумусированных напластований и керамики отмечено лишь в северо-восточной части плато в шурфах 6 и 8. Пятно культурного слоя в плане имеет форму неправильного овала, длина его по направлению север – юг – около 500 м, ширина – около 300 кв. м, площадь – около 12 га. Культурный слой представляет собой бурый, темно-бурый, темно-серый или черный суглинок, содержащий камни с термическими сколами, фрагменты керамики, кости и фрагменты печной обмазки. Мощность его от 25 до 90 см. Насыщенность культурных напластований керамикой и находками снижается по направлению к северо-западу. Наибольшая насыщенность слоя культурными остатками отмечена в южной и центральной части поселения. Здесь

культурный слой имеет густую темно-серую или черную окраску. В шурфах 2 и 16 культурный слой отличается наибольшей мощностью (до 90 см), гумусированной окраской и концентрацией пережженных камней. Выделяется несколько локальных участков с высокой концентрацией культурных остатков и находок. Один из них локализуется в центральной части селища вблизи схождения двух дорог. Пережженные камни составляют здесь не менее 30% всего объема грунта. Второй участок концентрации печных камней отмечен вблизи места выхода дороги к краю террасы, однако насыщенность культурного слоя средневековыми остатками здесь ниже. Средневековая керамика присутствует в сборах в центральной, южной и восточной частях памятника, в том числе в обнажениях канав, расположенных вдоль насыпей дорог, а также в 14 шурфах и в зачистке 2 в восточной части селища. Находки средневековой лепной керамики зафиксированы практически на всей площади селища. Большинство вещевых находок собрано в центральной и западной части поселения, очевидно, здесь локализуется один из участков наиболее активной жизнедеятельности.

В составе коллекции из сборов два предмета из серебра, 60 предметов из цветного металла, 36 предметов из железа, один предмет из камня, два предмета из глины, три предмета из стекла.

В коллекции из сборов выделяются вещи различных хронологических периодов. Выразительную группу составляют предметы X–XI вв. К ним относятся фрагмент саманидского дирхема X в. (определение А. А. Гомзина), обломок трапециевидной подвески с княжеским знаком (рис. 6, 2), четырехугольная накладка с перехватами, растительным декором и углублением в центре (рис. 6, 3), навершие рукояти плети в виде головы птицы (рис. 6, 4), два бронзовых грушевидных крестопорезных бубенчика (рис. 6, 7–8), крючок для крепления чулок (рис. 7, 14), треугольная привеска с ушком (рис. 6, 1), синяя навитая бусина, пластинчатое кресало (рис. 6, 5), нож с прямой спинкой, четыре ножа с узким клиновидным лезвием (рис. 6, 9–12). Присутствие в этой группе находок пластинчатого кресала позволяет датировать начало средневекового освоения площадки временем не позднее X в. Также многочисленны предметы, датирующиеся в широких хронологических рамках XI–XIII вв. или в более узком интервале второй половины XI – первой половины XIII в. Это, прежде всего, кресты с круглыми средокрестиями. Лопастей одного имеют криновидные завершения (рис. 7, 2), а лопастей четырех – де-

Рис. 6. Клещин. Селище. Находки из сборов на поверхности: 1–4, 6–8 – цветной металл; 5, 9–12 – железо
Fig. 6. Kleshchin. Unfortified settlement-site. Surface finds: 1–4, 6–8 – non-ferrous metal; 5, 9–12 – iron

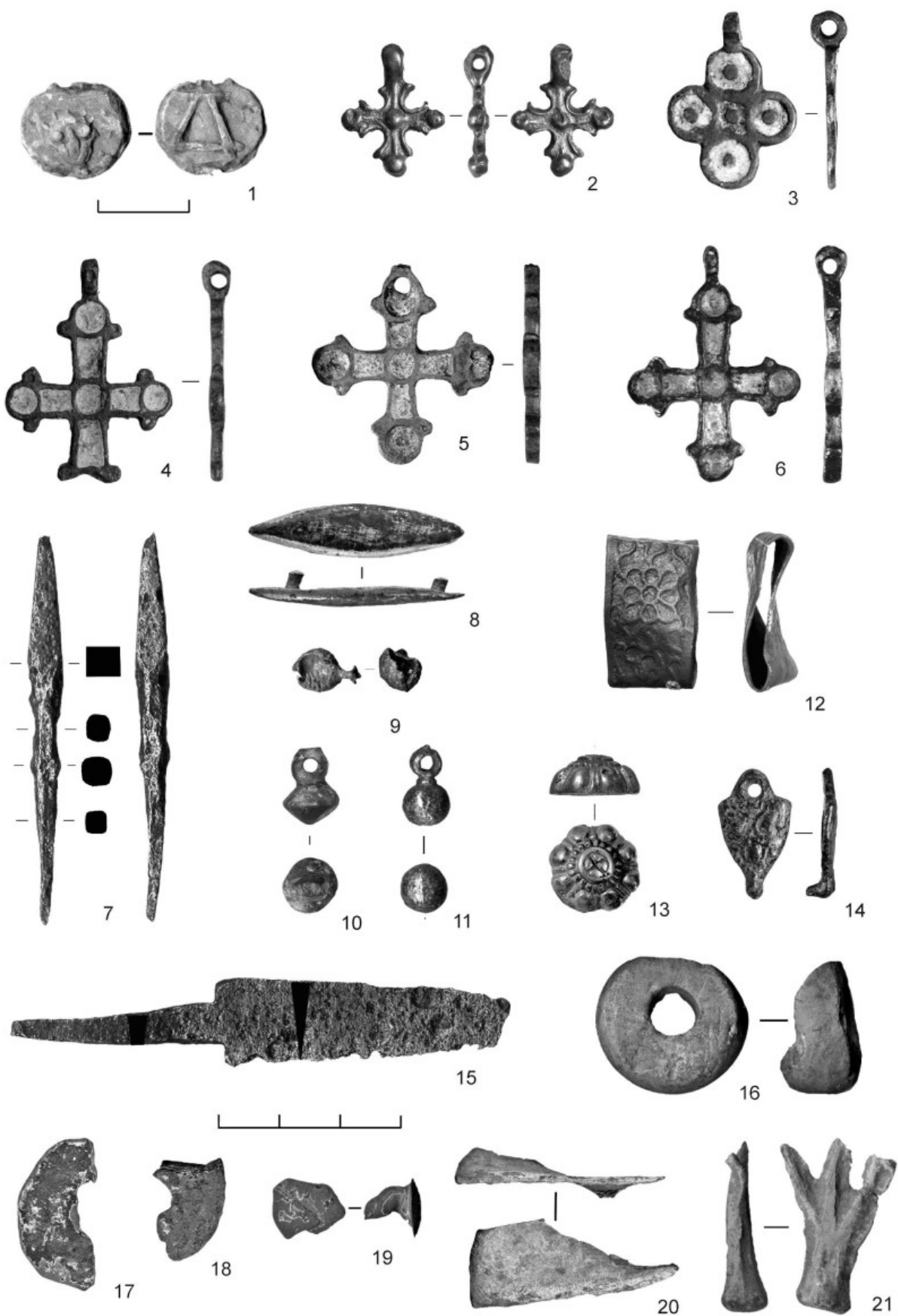
корированы желтой эмалью (рис. 7, 3–6). Из других находок необходимо упомянуть перстнеобразное височное кольцо с одним уплощенным концом, щиток от перстня с рельефным орнаментом, полу шаровидную бронзовую бусину с ложной сканью от височного кольца (рис. 7, 9), узкопластинчатый браслет с пуансонным орнаментом, позолоченную на-

кладку с заостренными концами (рис. 7, 8), шаровидную пуговицу, шиферное пряслице (рис. 7, 16), три ножа с широким плоским лезвием, пластины и заклепки от котлов (рис. 7, 17–20).

Обе находки из серебра – монеты. Это обрезанный фрагмент саманидского дирхема X в. и неопределимая чешуйка с сильно стертой поверхностью.

Рис. 7. Клещин. Селище. Находки из шурфов: 1, 21 – цветной металл; 15 – железо; находки из сборов на поверхности: 2–6, 8–14, 17–20 – цветной металл; 7 – железо; 16 – камень

Fig. 7. Kleshchin. Unfortified settlement-site. Finds from excavated pits: 1, 21 – non-ferrous metal; 15 – iron; surface finds: 2–6, 8–14, 17–20 – non-ferrous metal; 7 – iron; 16 – stone

Состав находок из цветного металла разнообразен. В их число, кроме вышеперечисленных, входят: круглая пластинчатая ременная накладка с волнистым краем и линейным декором по периметру; обоймица-муфта с растительным орнаментом (рис. 7, 12); круглая выпуклая билоновая накладка с литым рельефным растительным узором (рис. 7, 13); три пуговицы (шаровидная, биконическая и пластинчатая с ушком); сегментовидная пряжка; фрагмент иглы от фибулы; три монеты (две полушки – одна неопределимая, вторая – 1733 г. и 5 копеек 1860 г.); свинцовая пломба; восемь фрагментов котлов (пластины и заклепки); 17 пластин различных форм и размеров; три выплеска из бронзы и свинцово-оловянистых сплавов. Среди предметов из железа отметим 14 целых ножей и фрагментов, в том числе нож с горбатой спинкой, часть ножа с прямой спинкой (рис. 7, 15), четыре целых и обломки ножей с узким клиновидным лезвием; два лезвия топоров; фрагмент тесла; кресало; два обломка шильев; два пробоя; кольцо; гарда (?); пять стержней различного сечения. Изделия из глины представлены двумя грузилами для сетей. Зафиксированы три стеклянные бусины (две синие навитые и одна трапециевидная), а также обломки бисерины.

Находок из шурфов в общей сложности 23. В их числе три предмета из цветного металла, 15 предметов из железа, три предмета из камня и два предмета из глины. К наиболее ранним находкам, верхняя граница бытования которых не выходит за рамки середины I тыс. н. э., относятся нож с горбатой спинкой и обломок глиняного биконического пряслица. Предметы из цветного металла представлены свинцовой plombой с изображением головы святого и буквенным знаком (рис. 7, 1); литником (рис. 7, 21) и бронзовой пластиной. Кроме того, в группу предметов из железа входят нож и черенок ножа, фрагменты цилиндрического и навесного (типа Е?) замков; игла (?); обломок лезвия топора; а также маловыразительные пластины и стержни, брусок и т. п. Изделия из глины обломок биконического пряслица и шарик.

В керамической коллекции, собранной в обнажениях на поверхности поселения и в шурфах, представлены единичные фрагменты сосудов эпохи бронзы и раннего железного века и обильные средневековые материалы. В составе коллекции два фрагмента лепной керамики с ямочным орнаментом, относящейся к эпохе бронзы, и два фрагмента лепной керамики с текстильной поверхностью эпохи бронзы или раннего железного века. Лепная средневековая керамика представлена

61 фрагментом венчиков сосудов, 632 фрагментами стенок и семью донцами. Преобладает керамика с грубой шероховатой поверхностью, с примесью крупной дресвы в тесте, однако в коллекции присутствуют также 15 фрагментов лепной керамики с лощеной поверхностью. Количество средневековой круговой керамики (X–XIII вв.) примерно то же – 69 фрагментов венчиков и 634 фрагмента стенок, значительная часть которых украшена линейным орнаментом. Среди венчиков круговых сосудов преобладают типы I и IV по классификации В. А. Лапшина (*Лапшин*, 1992. С. 90–102), характерные в большей степени для второй половины X – начала XII в. Выделяется серия венчиков с профилировкой, характерной для раннекруговой керамики (типы I, II IV по В. А. Лапшину), и типичные для этой группы стенки сосудов с плотной линейной и волнистой орнаментацией по всему тулову. Керамика удельного и московского периода в коллекции представлена единичными фрагментами, – соответственно, 1 и 2 венчиками.

Исключительное значение для характеристики поселения имеет находка фрагмента трапециевидной подвески с княжеским знаком (рис. 6, 2), которая более подробно рассматривается в специальной публикации (*Макаров*, 2016. В печати). Трапециевидные подвески – одна из немногих категорий вещей X–XI вв., на которые княжеские тамгообразные знаки помещались изначально, в момент их изготовления (в отличие от знаков, процарапанных на монетах, керамике) и которые, очевидно, специально производились как официальные предметы, демонстрирующие княжеские тамги (*Рыбаков*, 1940; *Молчанов*, 1976; *Белецкий*, 2004). Находка из Клещина представляет собой часть трапециевидного щитка из белого металла, на лицевой стороне которого геометрическая фигура и растительные завитки. Сопоставление с целыми подвесками показывает, что фрагмент, размер которого $2,7 \times 1,2$ см, составляет чуть более трети щитка, на сохранившейся части – боковой зубец трезубца с растительным орнаментом и край центрального зубца с округлым завитком. Щиток покрыт полудой, обратная сторона его гладкая, без изображений, с наплывом коррозии. Хотя сохранившийся фрагмент – меньшая часть предмета, находка надежно атрибутирована по очертанию сохранившегося края подвески и по рисунку бокового зубца – трезубца «кинжаловидной» формы, повторяющегося на целых экземплярах подвесок и на монетах. Размеры и техника исполнения подвески из Клещина, гладкая оборотная сторона и четкий рисунок трезубца соответствуют подвескам, кото-

рые определяются исследователями как официальные значки княжеских чиновников (*Белецкий, 2004; Михеев, 2014*). Персональная атрибуция княжеского знака невозможна, можно полагать, что это трезубец Владимира, Ярослава или тамга кого-то из их ближайших родственников. находка из Клещина – первая подвеска с княжеским знаком, обнаруженная на территории Северо-Восточной Руси, при том что многие центры расселения X – начала XI в. в этой части Руси археологически неплохо изучены и являются местами сбора богатых археологических коллекций.

Набор вещей X – начала XII в. включает бытовые предметы, украшения и металлические детали одежды обычных типов, получивших широкое распространение на памятниках лесной полосы Восточной Европы в этот период. Присутствие в коллекциях височных колец, крестов-тельников, шумящих привесок, бубенчиков, щитков от перстней с рельефным орнаментом, ременных накладок, фрагментов саманидских дирхемов характерно для больших поселений Суздальского Ополья (*Макаров, Федорина, 2015*). Однако в коллекциях из сборов на неукрепленной части поселения представлен и ряд предметов, редких на памятниках Северо-Восточной Руси, в числе которых крючок для крепления чулок, фрагмент ажурного украшения, орнаментированного плетенкой (обломок круглой фибулы?), навершие рукояти плети в виде головы птицы, аналогичное найденному в 1854 г. на Александровой горе (*Комаров, 2014. С. 140–146*).

Курганы. Судя по документации П. С. Савельева, в непосредственной близости от селища и двух городищ находилось около 900 курганов, в двух курганных группах насчитывалось 864 насыпи, еще ряд небольших курганных групп был расположен обособленно к северу от Александровой горы и к югу от Городка и Лисьего оврага. Этот массив составляет более 40 % от всех курганов, исследованных П. С. Савельевым в районе Плещеева озера (*Савельев, 1859. С. 160–166*). Самая большая курганная группа, насчитывавшая 627 насыпей, располагалась рядом с селищем, на склоне террасы и у ее подножия. К. И. Комаров обосновал общую датировку курганных групп вблизи Клещина в рамках X–XII вв. Детализировать хронологию после депортации основной массы вещевых материалов затруднительно (*Комаров, 1995*). По подсчетам К. И. Комарова, 20 % в этой группе содержали остатки кремаций.

Специальное изучение остатков курганов не входило в задачи экспедиции в 2015 г., в рамках

полевых работ были выполнены лишь обследования, необходимые для локализации остатков трех курганных могильников, находившихся на склонах озерной террасы, оценки их состояния и сопоставления современной топографической картины с чертежами и дневниковыми описаниями П. С. Савельева (**см. ил. на четвертой странице обложки**). На западных склонах двух отрогов террасы, на которых располагаются неукрепленная часть поселения и городище, зафиксированы ямы и бугры неясных очертаний. Максимальная высота их от поверхности склона составляет 20–30 см, размеры в поперечнике – от 4 до 10 м. Некоторые объекты имеют вид неглубоких округлых котлованов с кольцевидными возвышениями по краю, высотой до 30 см. Контуров их неотчетливые. Всего на снимке в 2015 г. топоплане отмечено 343 таких объекта (рис. 3), 219 – на склонах рядом с селищем, где на чертеже П. С. Савельева показана группа **g**, и 124 – на склонах рядом с городищем и на краю площадки террасы, где на плане П. С. Савельева показаны курганные группы **d** (237 курганов) и **e** (5 курганов). Участок, на котором в настоящее время прослеживаются бугры и углубления, занимает большую площадь, чем зона распространения курганов на плане П. С. Савельева. Правомерность определения отдельных ям и неровностей как раскопанных курганов остается под вопросом, как и сама возможность размещения здесь 864 курганных насыпей. Однако в целом идентификация этого участка как места трех курганных могильников, исследованных Савельевым, среди которых самый крупный: «У села Городище по правую сторону Глининского оврага (**g**)», не вызывает сомнений.

Таким образом, наблюдение о концентрации вблизи Клещина значительной массы средневековых курганов, представленное и прокомментированное в целом ряде публикаций, посвященных памятникам Плещеева озера (*Уваров, 1872. С. 24–26; Дубов, 1982; Комаров, 1995*), в полной мере соответствует данным новейших обследований, документированных топосъемкой. Крупным размерам поселенческого комплекса в данном случае соответствует выдающийся по своим размерам некрополь.

Необычная особенность курганных могильников вблизи Клещина – расположение их на склонах террас, на наклонных участках, в том числе на бортах оврагов, ниже уровня площадок, на которых располагались поселения. Подобная модель размещения могильников принципиально отличается от обычной для северных областей лесной полосы

приуроченности курганов к возвышенным участкам, доминирующим над поселениями. Традиция устройства могильников на возвышенностях, на отметках, превышающих отметки высот поселений, кажется естественной формой организации культурного ландшафта, если рассматривать курганы не только как надмогильные сооружения, но и как памятные знаки, имеющие символическое значение, в том числе, возможно, маркирующие права на земельные участки. Такие знаки должны были быть видимыми в ландшафте. Существование традиции размещения могильников на возвышенностях в Волго-Клязьменском междуречье убедительно подтверждается материалами обследований селищ и связанных с ними некрополей в Суздальском Ополе, в том числе в Василькове и Шекшове (*Ланшин, Мухина, 1988. С. 132–149; Макаров, 2012. С. 208–209; Макаров и др., 2013*). На Плещеевом озере, в округе Клещина, на плане П. С. Савельева показана целая серия курганных групп на склонах оврагов, свидетельствующая о существовании и иной модели. Объяснить это необычное явление станет возможно после целенаправленного поиска и изучения могильников, размещение которых подчинено подобным правилам.

Обсуждение результатов. Полевые исследования 2015 г. впервые позволили оценить размеры Клещинского комплекса поселений, уточнить его хронологию и хронологическое соотношение различных частей. Общая площадь, занятая средневековым культурным слоем, с учетом площади городища Александрова гора, составляет не менее 15 га. Истинная площадь поселения, несомненно, больше, по крайней мере, на 5 га, поскольку средневековый слой присутствует также на территории современного села, на участке, примыкающем ко рву городища, где разведки со сплошным обследованием поверхности пока не проводились. Площадь поселения X–XI вв. может быть примерно определена по находкам лепной керамики, она составляет не менее 13 га.

Основной и древнейшей частью Клещинского комплекса является крупное неукрепленное поселение на озерной террасе, между оврагом Глининским и Александровой горой, возникшее не позднее X в. Здесь зафиксированы наиболее мощный и насыщенный находками культурный слой и следы плотной застройки. Жизнь на этом поселении продолжалась, вероятно, до середины XIII в., однако основная масса находок и керамики датируется в интервале второй половины X – первой половины

XII в. Земляные валы на площадке между оврагами Глининским и Лисьим были сооружены, по видимому, в середине XII в., поскольку керамика и датирующие находки первой половины XII в. на городище не представлены. Напомним, что сходное мнение о времени сооружения валов Городка было некогда высказано П. Н. Третьяковым (*Третьяков, 1963. С. 49–53*). По своим размерам городище близко целому ряду укрепленных поселений центра Ростово-Суздальской земли, появление которых относят к середине – второй половине XII в., таких как Осовец, Семьинское, Мстиславль, Стародуб, Ярополч. Бедность вещевых материалов второй половины XII – первой половины XIII в. свидетельствует о том, что городище так и не стало в этот период местом сосредоточения населения, хозяйственной и административной деятельности.

Интерпретация неукрепленной части Клещина как его ядра не является революционной, сходные оценки высказывались И. В. Дубовым, рассматривавшим «селище» как древнейшую часть «Клещинского комплекса памятников» (*Дубов, 1982. С. 96*), и А. Е. Леонтьевым, идентифицировавшим селище как «древний Клещин», возникший на столетие раньше укрепленного поселения (*Леонтьев, 2012. С. 176*). Однако лишь после получения достаточно представительных материалов, характеризующих хронологическое соотношение различных частей и документирующих достаточно высокий социальной статус насельников его неукрепленной части, обоснование этой версии развития Клещина можно считать достаточно надежным.

Городок между оврагами Глининским и Лисьим был заселен и активно использовался в XIV–XVI вв. Этим временем датируется основная часть собранных здесь археологических материалов. На Александровой горе не позднее 1339 г. возник монастырь. Вклады сёл «святому Олександру себе на поминание» упоминаются во второй духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты (ДДГ, 1950. № 16. С. 10), в духовных грамотах Ивана Ивановича (ДДГ, 1950. № 4) и Дмитрия Ивановича (ДДГ, 1950. № 8). Один из игуменов Александровского монастыря – Андрей – назван заказчиком праздничной Минеи, написанной в 1569 г. в Переяславле (Опись старинных..., 1897. С. 30). Участок, который занимал монастырь, вскрыт раскопками П. С. Савельева, подробный анализ этих материалов недавно произведен К. И. Комаровым (*Комаров, 2014*). Основная часть площадки, которую в X–XIII вв. занимал Клещинский комплекс, – выступ террасы между

Глининским оврагом и Александровой горой, в XIV–XV вв. оставалась незаселенной.

По своим характеристикам Клещин X–XI вв. близок «большим поселениям» Суздальского Ополя. Их сближают размеры (у суздальских поселений – от 4 до 15 га), неукрепленный характер поселения, общая близость материальной культуры, присутствие в вещевых коллекциях престижных украшений и предметов, связанных с торговлей и военно-административной деятельностью (Макаров, Федорина, 2015). В коллекциях суздальских больших поселений нет аналогий лишь некоторым категориям находок, связанных со сферой управления (подвеска с княжеским знаком) и воинским бытом (навершие рукояти плети). Вероятно, вблизи Плещеева озера в это время существовали и другие большие поселения, обладающие теми же признаками и тем же статусом (Веськово, Криушкино?), но их конкретный облик недостаточно прояснен.

Переяславль, заложенный Юрием Владимировичем в середине XII в. в устье Трубежа, в 17 раз превышал по площади своей укрепленной части городок на Клещине и в два раза – общую площадь Клещинского комплекса. Город, изначально спланированный как крупное поселение, выделяющееся по своим масштабам среди основной массы «городков» Волго-Клязьменского междуречья, был основан на ранее незаселенном участке. Никаких следов культурного слоя X – первой половины XII в. внутри валов пока не обнаружено, в том числе на участке строительства Спасо-Преображенского собора. Перевод города не привел к одномоментному запустению Клещинского комплекса поселений, однако стал определенным хронологическим рубежом снижения активности жизни на Клещине. Наиболее устойчивой и жизнеспособной частью старого поселения в удельное время оказалась его укрепленная часть, городок между Глининским и Лисьим оврагами, очевидно, не утративший своего оборонительного значения после возведения монументальных земляных укреплений Переяславля.

АКР, 2005 – Археологическая карта России: Ярославская область. М., 2005.

Белецкий, 2004 – Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2003 г.: Сб. статей. СПб., 2004.

Бойцов, 1991 – Бойцов И. А. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Воронин, 1961 – Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. I.

ДДГ, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л., 1950.

Дубов, 1979 – Дубов И. В. Работы на озере Плещеево // АО 1978. М., 1979.

Дубов, 1982 – Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

Дубов, 1983 – Дубов И. В. Отчет о работах Ярославской экспедиции в 1977–1978 гг. // Архив ИА РАН. Р–1. № 9147, 9147а.

Захаров, 2004 – Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Крайнов, 1974 – Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1974 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 5992.

Крайнов, 1975 – Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции ИА РАН за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 6903.

Комаров, 1975 – Комаров К. И. Работа Славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях // АО 1974. М., 1975.

Комаров, 1995 – Комаров К. И. К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ярославль, 1995. Вып. VIII.

Комаров, 2014 – Комаров К. И. Городище Александра Гора – памятник археологии V в. до н. э. – XVII в. н. э. // РА. 2014. № 3.

Куза, 1996 – Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996.

Куза, 1989 – Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Кучкин, 1984 – Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. М., 1984.

Лапишин, 1992 – Лапишин В. А. Керамическая шкала средневекового Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992.

Лапишин, Мухина, 1988 – Лапишин В. А., Мухина Т. Ф. Ранне-средневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.

Леонтьев, 1996 – Леонтьев А. Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Леонтьев, 2012 – Леонтьев А. Е. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., Вологда, 2012.

Макаров, 2012 – Макаров Н. А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. М., Вологда, 2012. С. 195–211.

Макаров, 2016 – Макаров Н. А. Подвеска со знаком Рюриковичей из летописного Клещина // КСИА. 2016. Вып. 243 (в печати).

Макаров, Федорина, 2015 – Макаров Н. А., Федорина А. Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238.

Макаров и др., 2013 – Макаров Н. А., Красникова А. Е., Зайцева И. Е. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок А. С. Уварова // КСИА. 2013. Вып. 230.

- Михеев*, 2014 – *Михеев С. М.* К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. М., 2014. Вып. 4 (58).
- Молчанов*, 1976 – *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // *ВИД*. Л., 1976. [Т.] VII.
- НА ИИМК, РО. Ф. 2, Д. № 2: *Савельев П. С.* Дневник археологических разысканий во Владимирской губернии в 1853 г.; Д. № 4: *Савельев П. С.* Дневник археологических разысканий во Владимирской губернии и опись древностям, найденным в Ростовском у. Ярославской губ. Раскопки П. Савельева. 1854; Д. № 5: *Савельев П. С.* Черновой дневник археологических розысканий во Владимирской и Ярославской губерниях П. С. Савельева в 1854 г.
- НА ИИМК, РО. Ф. 8, Д. № 6: *Савельев П. С.* Иллюстративный материал к раскопкам Савельева во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг.
- Носов*, 2002 – *Носов Е. Н.* Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // *Исторические записки*. М., 2002. Вып. 5 (123).
- Носов и др.*, 2005 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.
- Опись старинных...*, 1897 – *Опись старинных славянских и русских рукописей собрания И. И. Шукина*, составленная А. И. Яцимирским. М., 1897. Вып. 2.
- Петрухин*, 2013 – *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X вв. От признания варягов до выбора веры. М., 2013.
- Петрухин, Пушкина*, 1979 – *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // *История СССР*. 1979. № 4.
- ПСРЛ, 1921 – Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. XXIV: Летопись по Типографскому списку.
- Розенфельдт*, 1991 – *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1991. (САИ; Вып. Е1–39).
- Рыбаков*, 1940 – *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // *СА*. 1940. Т. VI.
- Савельев*, 1859 – *Савельев П. С.* Известия о курганах и городищах. Курганы у села Городищ Переславского уезда Владимирской губернии // *Известия Императорского русского археологического общества*. СПб., 1859. Т. 1.
- Смирнов*, 1919 – *Смирнов М. И.* Александрова Гора // *Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества*. Переславль-Залесский, 1919. Вып. VI.
- Тихомиров*, 1979 – *Тихомиров Н. М.* Русское летописание. М., 1979.
- Третьяков*, 1963 – *Третьяков П. Н.* Древнерусский город Клещин // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских земель*. М., 1963.
- Уваров*, 1872 – *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.

Kleshchin – a centre of medieval settlement at Lake Pleshcheyevo

N. A. Makarov, O. A. Nesmiyan, T. Yu. Murentseva

In this paper there are presented results of new investigations of the Kleshchin archaeological complex – a large centre of mediaeval settlement at Lake Pleshcheyevo and the predecessor of the town of Pereyaslavl-Zalessky. Field works carried out in 2015 have allowed archaeologists to identify more exactly the dimensions of this agglomeration including two townsites and a number of unfortified settlements, as well as to clarify the chronological relation between its different parts. It has been demonstrated that the

basic and most ancient part of Kleshchin was the unfortified settlement on the lake terrace with a cultural layer rich with archaeological finds and traces of closely built houses. It arose not later than the 10th century. The presence of personal ornaments of prestige and objects pertaining to trade and military-administrative activities demonstrates the importance of Kleshchin in the economic life and organisation of the administration in the Rostov-Suzdal Land in the 10th–11th century.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ СФРАГИСТИКИ В ЛАТВИЙСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ¹

Р. Спиргис²

Аннотация. В публикации представлены данные о трех свинцовых буллах, найденных на территории Латвии, их идентификация, дата и археологический контекст. Несмотря на то что примеры древнерусской сфрагистики редко встречаются в Балтийском регионе, отдельные буллы из городищ Кокнесе, Сабиле и Даугмале являются важными свидетелями общения между людьми, живущими на современной латвийской территории и Древней Руси в конце XI и в XII в.

Annotation. This publication presents data on three lead bulls found in Latvian territory, their identification, date and archaeological context. Despite the fact that examples of Old Russian sigillography are rare in the Baltic region, particular bulls from the hillforts of Koknese, Sabile and Daugmale are important witnesses to the communication between the people living in today's Latvian territory and Old Rus' in the end of the 11th and in the 12th century.

Ключевые слова: древнерусская сфрагистика, свинцовые печати, княжеские буллы.
Keywords: Old-Russian sfragistics, lead seals, Princes' bulls.

Древнерусские свинцовые печати в латвийском археологическом материале являются редчайшей находкой. До недавнего времени была известна только одна свинцовая булла из раскопок городища Кокнесе. Так как акты печати являются важными свидетелями политических отношений, эта находка вызвала живой интерес исследователей, неоднократно публиковалась в латвийской археологической литературе и использовалась в работах русских и белорусских исследователей. В 1999 г. автором данной статьи была опубликована небольшая работа, в которой проводилась попытка сопоставить атрибуцию этой печати с археологическим контекстом раскопок городища Кокнесе (*Spirgīis*, 1999. 5.–15. lpp.).

По прошествии нескольких лет в поле зрения попали еще две свинцовые печати, причем если одна была найдена в ходе археологических раскопок на посаде городища Сабиле в 1978 г., то вторая является случайной находкой на размыве Даугмальского городища в 1983 г. (рис. 1). Надо отметить, что булла

из Сабиле руководителем раскопок была зарегистрирована как бронзовый диск, а находка из Даугмале работниками музея идентифицирована как свинцовая печать.

Целью данной публикации является попытка обобщить данные обо всех трех найденных на территории Латвии печатях и атрибутировать новые находки.

1. Булла из Кокнесе (рис. 2, 1, 1а).

Описание. Булла имеет не совсем правильную форму, диаметр колеблется в пределах 22,5–24,5 мм, толщина – 4 мм. Сквозь буллу проходит отверстие от шнура запечатанного документа. С одной стороны в пунктирном круге изображена женщина в полный рост, в длинном одеянии до земли, на плечах плащ, на голове – небольшая облегающая шапка. Правой рукой она прижимает к груди крест – канонический атрибут святого мученика. Над головой женщины пунктиром изображен нимб. По обеим сторонам изображения расположена греческая надпись: *Агя София* («Святая София»). На другой стороне буллы в пунктирном круге изображен мужчина в полный рост. Он одет в длинный кафтан до колен и плащ. На голове небольшая облегающая шапка. В его правой вертикально поднятой руке копьё, в левой – опущенный щит. Над головой пунктиром изображен нимб. По обеим сторонам от мужчины тоже расположена греческая надпись: *Оагѝос Георгѝос* («Святой Георгий»).

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Научного Совета Латвии (проект № 660/2014 «Миграция культуры в Латвии»).

² LU Latvijas vēstures institūts. O. Kalpaka bulv. 4-121. Rīga; LV 1050. Latvija (Институт истории Латвии при Латвийском университете. Бульвар О. Калпака 4-121. Рига; LV 1050. Латвия). E-mail: spirgis@inbox.lv.

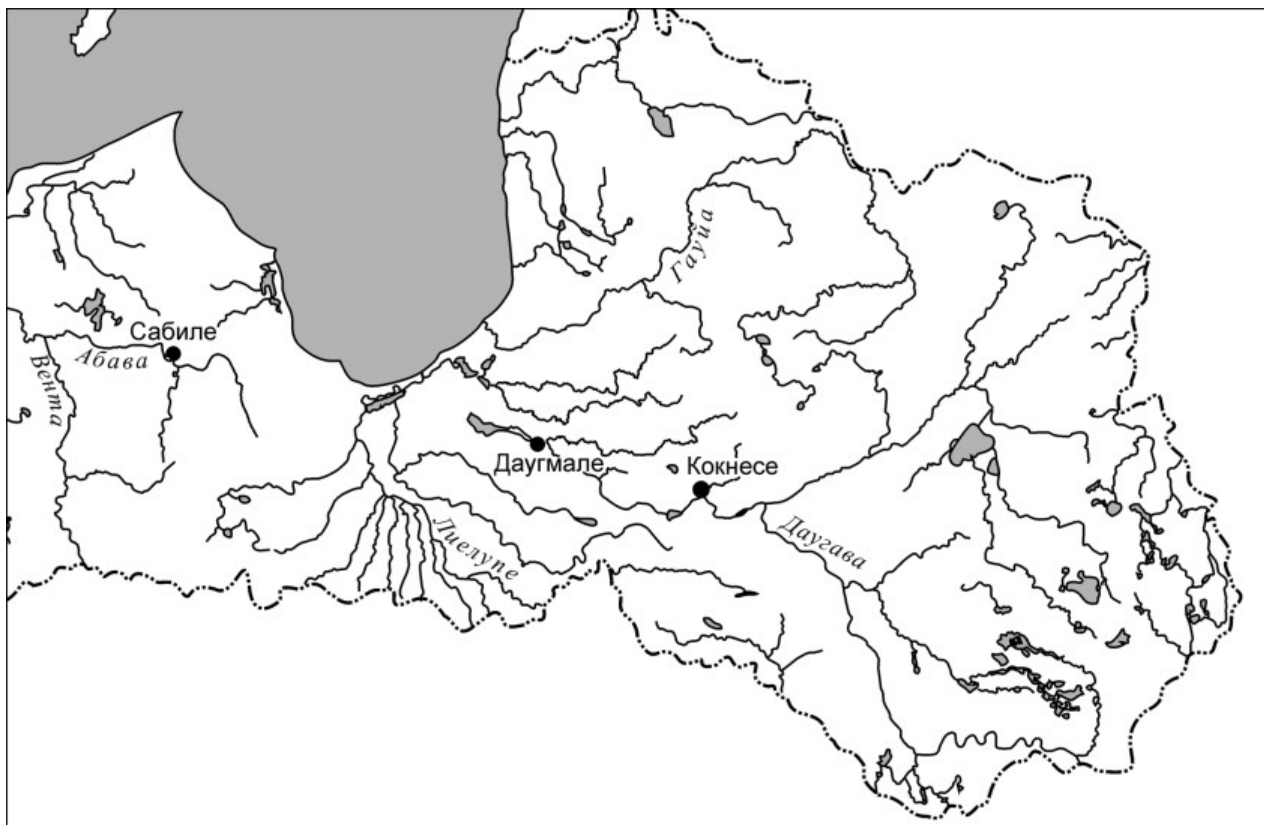

Рис. 1. Карта находок свинцовых булл в Латвии

Fig. 1. Map of findspots of lead bulls in Latvia

Изображение с обеих сторон буллы сохранилось очень хорошо, буквы вертикальных надписей расположены с каллиграфической красотой и их четкий рельеф легко читается. Печать принадлежит к лучшим образцам художественной резьбы своего времени³.

Место и обстоятельства находки. По данным Ливонской хроники Генриха Латвийского, Кокнесе являлось важным центром, где совместно проживали латгалы, селы, русские и правил православный князь Вестсеке (в русской литературе – Вячко⁴). После конфликта с крестоносцами Вестсеке в 1208 г. сам сжег городище и ушел на Русь. Погиб при защите Тарту (Юрьева) в 1224 г. На месте же деревянного городища в Кокнесе немцами был построен каменный замок. Возле замка возник город (городское право получено в 1277 г.). Кокнесе был одной из резиденций Рижского архиепископа. Замок прекратил свое существование в 1701 г. в начале Северной войны (Стубавс, 1967. С. 287).

³ В настоящее время булла из Кокнесе находится в постоянной экспозиции Национального музея истории Латвии.

⁴ В этой статье мы не будем касаться вопроса об этническом происхождении князя Вестсеке, который подробно рассмотрен в статье Е. Л. Назаровой (Назарова, 1995).

Археологические исследования Института истории Латвии при Академии наук ЛССР в Кокнесе под руководством Адольфа Стубавса (1913–1986) проводились в 1961–1966 гг. в связи со строительством Плявиньской ГЭС. Как показали раскопки, городище было населено с конца первого тысячелетия до н. э., но больше всего находок содержали слои X/XI – начала XIII в. Благодаря плохому доступу воздуха и постоянной сырости грунта хорошо сохранились предметы из органических материалов и были получены важные свидетельства о деревянных постройках и строительной технике. Важным открытием является находка в слое второй половины XII в. овального в плане каменного фундамента и фрагмента бронзового колокола, которые автор исследований интерпретировал как остатки православной церкви (Стубавс, 1967). Интересующая же нас булла была найдена в 1962 г. во 2-м раскопе форбурга, на глубине 3,56 м, в 11-м слое.

В течение XI – начала XIII в. форбург замка горел и восстанавливался заново, но уже в другой планировке пять раз. Всего же на раскопках форбурга Кокнесского городища в 1961–1963 гг. на трех

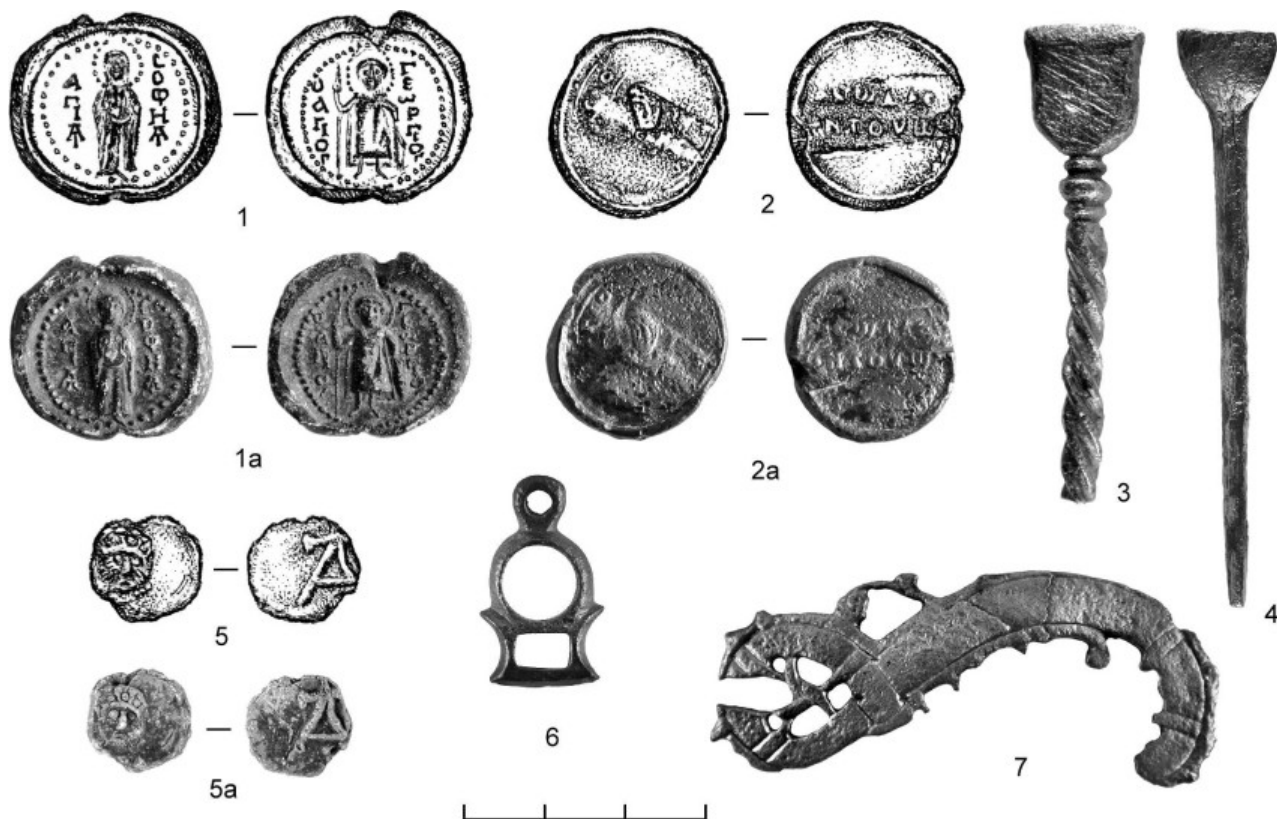

Рис. 2. Свинцовые печати и предметы, связанные с письмом в Латвии: 1, 1а – свинцовая булла из Кокнесе (VI 62: 2074); 2, 2а – свинцовая булла из Сабиле (VI 200: 1014), 3 – бронзовый стилус из Даугмальского городища (A 11970: 1415); 4 – возможный бронзовый стилус из Айзкраукле (A 12222: 34); 5, 5а – свинцовая пломба или печать из Даугмале (A 13136: 6); 6 – бронзовая книжная пряжка из Даугмале (A 9964: 7943); 7 – бронзовая книжная накладка из Даугмале (A 9964: 4743)

Фото – Р. Спиргис, рисунки – Айга Ивбуле

Fig. 2. Lead seals and objects related to writing in Latvia: 1, 1а – lead bull from Koknese (VI 62: 2074); 2, 2а – lead bull from Sabile (VI 200: 1014); 3 – bronze stylus from the Daugmale hillfort (A 11970: 1415); 4 – presumable bronze stylus from Aizkraukle (A 12222: 34); 5, 5а – lead seal from Daugmale (A 13136: 6); 6 – bronze book buckle from Daugmale (A 9964: 7943); 7 – bronze book plate from Daugmale (A 9964: 4743)

Photos – R. Spigis; drawings – Aiga Ivbulē

раскопах (№ I, II и VII) общей площадью 483 кв. м найдено 3548 предметов, из которых 1270 происходят из слоев до постройки каменного замка. Найденные предметы характеризуют как домашнее хозяйство и ремесло, так торговые и культурные связи населения (*Stubavs, 1963. 158. lpp.*).

На форбурге городища Кокнесе в слоях XI–XIII вв. отмечены наземные постройки с глинобитным полом или полом из тесаных бревен (иногда полубревен), а культурный слой имел последовательную стратиграфию. Булла найдена в 11-м строительном горизонте на глубине 4,3 м в сером культурном слое между деревянными останками постройки № 25 и постройкой или оградой № 26. На этом месте слой перекрывают остатки 19-й постройки 9-го

строительного горизонта и 15–18-сантиметровый слой навоза со щепой⁵.

Чтобы проверить датировку строительных горизонтов, автор данной статьи предпринял в свое время небольшое исследование хронологии найденных предметов, которое позволяет скорректировать и несколько «омолодить» предложенную А. Стубавом хронологию слоев. Большинство украшений и бытовых предметов из 10–12-го строительного горизонта может быть отнесено как к XI, так и к XII в. Все же на XII в. 11-го горизонта указывает большинство стеклянных бус, а также форма и раз-

⁵ Документация Кокнесской археологической экспедиции. Хранится в Археологическом отделении Института истории Латвии при Латвийском университете.

меры пряслиц из розового шифера – здесь найдено восемь биконических пряслиц с диаметром отверстия 5,5–6,5 мм⁶. В свою очередь находки верхних 9–7-го слоев относятся ко второй половине XII в. – началу XIII в. (*Spirģis*, 1999. 9.–13. lpp.).

Публикации. Материалы из Кокнесе не были сведены руководителем раскопок в отдельную монографию, и в кратких сообщениях о результатах исследований А. Стубавс только вкратце упомянул находку свинцовой буллы⁷ и опубликовал изображение одной стороны печати в научно-популярном календаре (*Stubavs*, 1963. 158, 162. lpp., 3. att., 5). В свою очередь Э. Мугуревич опубликовал фотографии обеих сторон буллы и дал более подробное описание, датировав находку XI в. (*Мугуревич*, 1965. С. 91, 101, рис. 44, 8).

Аналогии. Из коллекции Н. П. Лихачева происходит найденная в Новгороде на Рюриковом городище печать, аналогичная булле из Кокнесе (*Лихачев*, 1930. С. 40, табл. 1, 17). Точное время находки новгородской буллы неизвестно, но первые архивные данные о ней относятся к 1906 г. (*Янин*, 1962а; 1970. С. 6–9). Несмотря на то что по сравнению с экземпляром из Кокнесе эта булла сохранилась хуже (особенно нижняя часть), идентичность сохранившихся деталей доказывает происхождение изображений обоих оттисков от одного буллятория.

Атрибуция буллы. Находка из Кокнесе является княжеской буллой с изображением двух святых, которые являлись покровителями владельца печати (*Лихачев*, 1928. С. 81–82). Такие буллы были самым распространенными в XI – первой половине XIII в. (405 из 746 зарегистрированных на 1970 г. булл), но особый интерес вызывает тот факт, что печати с изображением женщин, за исключением епископских печатей с изображением богородицы как церковного символа, встречаются исключительно редко. В древнерусской сфрагистике известны только десять булл, которые принадлежали семи княгиням (*Янин*, 1962б. С. 168–169; 1970. С. 87, 102).

⁶ VI 62: 2031, 2032, 2058, 3388, 3714, 3727, 3735, 3741. При упоминании шифров археологических коллекций использованы следующие сокращения: А – шифр основной коллекции Археологического отделения Национального музея истории Латвии; VI – коллекция Института истории Латвии (в настоящее время хранится в Археологическом отделении Национального музея истории Латвии).

⁷ Изначально булла интерпретирована как «свинцовая пломба» (в латышском тексте – товарный знак) и уже после выхода публикации во всем тираже слово «пломба» переправлено на «печать» (*Стубавс*, 1963. С. 37).

Относительно печатей с изображением св. Софии и св. Георгия в литературе имеется две версии. Новгородской булле посвящена специальная статья Б. А. Рыбакова (*Рыбаков*, 1945). По мнению академика, эта печать отражает сложную политическую ситуацию, которая сложилась в Киеве в середине XII в., причем св. София интерпретировалась им как символ киевского вече, а св. Георгий – как крестное имя князя Игоря Ольговича, который взшел на престол 1 августа 1146 г. Но новый правитель укрепиться на престоле не смог, прокняжив в Киеве только 13 дней, был свергнут и убит.

Находка буллы в Кокнесе позволила вернуться к этому вопросу. В 1965 г. против гипотезы Б. А. Рыбакова выступил белорусский археолог Г. В. Штыхов, интерпретацию которого впоследствии поддержал В. Л. Янин. Найденную в Кокнесе буллу трудно как-то связать с событиями в Киеве. Кроме того, не соответствует символика: София-Мудрость была символом вече, но в такой ипостаси ее изображали как огненного ангела с короной на голове, тогда как на рассматриваемых печатях у св. Софии в руке мученический крест, что указывает на личностно-патрональный характер изображения. Это говорит о том, что печать принадлежала конкретной женщине, имя которой в крещении было София, а имя отца или мужа – Георгий (*Штыхов*, 1965; *Янин*, 1970. С. 102).

Поэтому возобладало высказанное Г. В. Штыховым мнение о том, что эта печать принадлежала жене полоцкого князя Святослава Всеславича (крестное имя – Георгий) Евдоксии Владимировне (крестное имя – София). К такому выводу исследователя подтолкнуло расположение этих же святых на знаменитой полоцкой святыне – кресте св. Евфросиньи, где они выступают в качестве патрональных заступников родителей Евфросиньи (*Штыхов*, 1965; *Янин*, 1970. С. 102).

Надо отметить, что деятельность мужа Евдоксии-Софии, полоцкого князя Святослава Всеславича, была напрямую связана с Прибалтикой – он вместе с остальными сыновьями князя Всеслава Брячиславича участвовал в неудачном походе на земгалов в 1106 г. (*ПВЛ*, 1950. С. 187). Позднее усилилось противоборство Полоцка и Киева, которое привело к ссылке всех Всеславичей в Византию в 1129 г. Предполагается, что Святослав вскоре умер, а остальные Всеславичи возвращаются в родной город только в 1140 г. С 1133 по 1144 г. в Полоцке княжит сын Святослава Василько. Сколько ему было тогда лет – неизвестно, но можно предположить, что его мать Евдоксия-София принимала

активное участие в государственных делах. В это время у Софии как неотъемлемый атрибут власти должна была быть в пользовании собственная печать с изображением ее святого покровителя – св. Софии, и покровителя мужа – св. Георгия. Позже влияние Евдоксии-Софии переняла и ее дочь княгиня Предслава-Ефросинья, у которой была своя печать. Поэтому, основываясь именно на данных сфрагистики, 30–50-е годы XII в. в истории Полоцка зачастую трактуют как период «Полоцкого матриархата» (Пушкарева, 1989. С. 36–37). Таким образом, 30–40-е годы XII в. – это тот промежуток времени, когда интересующая нас печать была в употреблении и могла быть оттиснута на найденной в Кокнесе свинцовой булле.

2. Булла из Сабиле (рис. 2, 2, 2а).

Описание. Булла овальной формы, размером 21 × 23,3 мм, толщиной 2–2,3 мм. Оттиск печати выполнен неудачно, и изображение отпечаталось только на узкой полосе свинца шириной в 9 мм по шнуру документа. Поверхность сильно повреждена коррозией металла. На передней стороне в центральной части сохранились остатки горизонтального греческого текста. Буквы нечеткие, читаются с трудом. Можно различить слова: ... до(ул)ω дав(д ар)хонто, то есть «помоги Давиду архонту». Таким образом, эта булла принадлежала какому-то князю Давиду.

На другой стороне в пунктирном круге видно поясное изображение святого, от которого сохранилось только лицо и плечи. Над головой пунктиром был изображен нимб. По краям шла надпись, от которой с левой стороны сохранилась буквы *gio* – часть греческого слова „*οαγιος*” – «святой». От надписи справа от изображения святого сохранилась только одна неразборчивая буква.

Место и обстоятельства находки. Раскопки Института истории Латвии под руководством Э. Мугуревича в городе Сабиле проходили в течение пяти лет с 1975 по 1979 гг. Хотя небольшие работы – разрез северного склона – проходили и на самом городище (Мугуревич, 1978. С. 448), основное внимание было обращено на исследование посада, где всего было вскрыто более 4000 кв. м, что составляет почти половину его территории. Констатировано 42 постройки, 55 печей и 96 очагов. Выделены два строительных периода: XI–XIII и XIV–XVI вв. В первый период преобладали углубленные постройки с очажным отоплением. Во второй период увеличивается число наземных построек.

Находки (всего 1200 предметов) заготовок и отходов косторезного ремесла, каменных литейных форм, тиглей, грузил от вертикального ткацкого стана, пряслиц, ножей, шильев и других инструментов, а также открытие сыродутной печи, показывают в основном ремесленный характер поселения. Ряд предметов – фрагменты железных сошников и кос – говорят о занятии сельским хозяйством. Надо отметить, что, хотя Сабиле располагается на берегу реки Абавы, на пересечении важных торговых путей, находки, свидетельствующие о торговых связях, – фрагмент серебряного слитка и монеты – относятся только ко второму строительному периоду. Находки украшений свидетельствуют о том, что если в первый период Сабиле населяли ливы, то позднее доминируют формы, характерные для куршей (*Mugurēvičs*, 2001. 70. lpp.).

Свинцовая печать обнаружена на раскопе № XXIII в пахотном слое на глубине всего 15 см. Этот раскоп располагался на периферии, а сама булла найдена на незастроенной территории вне посада в 6 м с внешней стороны защитного рва.

Аналогии. Аналогии найденной в Сабиле булле автору неизвестны.

Атрибуция буллы. Находка принадлежит к типу так называемых княжеских булл с горизонтальной греческой надписью, на которых использовалась стандартная формула – «Господи помоги рабу твоему (имя князя) архонту России», датирующихся серединой XI в. – самым началом XII в. (*Янин*, 1970. С. 33).

Расположение букв в строчной надписи на булле из Сабиле очень похоже на надпись на печатях волынского князя Давида Игоревича, которые датируются 1084–1112 гг. До сих пор были известны шесть булл этого князя, пять из которых найдены на территории современной Польши южнее Люблина и одна – во Владимире Волынском (*Янин, Гайдуков*, 1998. С. 21).

Давид Игоревич – князь-изгой и активный разжигатель княжеских междоусобиц. После того как он пленил и ослепил князя Василька, гонимый великим князем Святополком Изяславичем, Давид был вынужден бежать в Польшу к королю Владиславу I. Позже, борясь со своими политическими соперниками, пригласил на Русь половецкое войско. Найденная в Сабиле булла, если бы она действительно принадлежала Давиду Игоревичу, могла бы свидетельствовать о его попытках найти себе союзников в Прибалтике. Все же принадлежность интересующей нас буллы этому князю сомнительна, так как его деятельность связана

с югом Древнерусского государства. Кроме того, на печатях Давида Игоревича св. Давид изображался в полный рост, а на находке из Сабиле изображение поясное.

Во второй половине XI в. и в начале XII в. Давид Игоревич был не единственным русским князем с таким именем. Не исключено, что булла из Сабиле могла принадлежать тезке и двоюродному брату Давида Игоревича – Давиду Святославичу, который упоминается в летописях с 1094 по 1123 год. К тому же, в отличие от Давида Игоревича, Давид Святославич какое-то время правил в соседних с Прибалтикой землях. Первое его княжение было в Переяславле (1073–1076 гг.), затем в Муроме (1076–1093), Смоленске (1093–1095 и 1096–1097), Новгороде (1095–1096), Чернигове (1097–1123). Таким образом, во время княжения этого князя в Смоленске или Новгороде мог быть составлен какой-то документ, который затем был отправлен на север Курземе в Сабиле. Надо отметить, что В. Л. Янин предположительно связывает с князем Давидом Святославичем одну очень плохо сохранившуюся буллу с Рюрикова городища. На одной стороне этой буллы оттиснуто поясное изображение св. Давида, а на другой – остатки горизонтального текста с русской благопожелательной надписью (Янин, 1970. С. 71, 189, 259, № 113). Возможно, что булла из Сабиле с надписью на греческом языке – это более ранняя печать Давида Святославича. Позднее благопожелательный текст на греческом языке был заменен на русский.

3. Печать или пломба из Даугмале (рис. 2, 5, 5а).

Описание. Свинцовый кружок неправильной формы, диаметр – 13,5 мм, толщина – 3 мм. Предмет сохранился плохо, в результате коррозии края разъело, металл местами вздулся и растрескался. Несмотря на плохую сохранность, рельефные изображения не затерты и четко просматриваются. С одной стороны изображен непоименованный бородатый мужчина в короне без нимба. С другой – расположен знак, который напоминает букву «малый юс» с крестовидной перекладиной сверху.

Место и обстоятельства находки. Расположенный в 30 км от устья Даугавы археологический комплекс в Даугмале состоит из городища, двух посадов и двух могильников. Раскопки комплекса проводил Музей истории Латвии в 1933, 1935–1937 гг. под руководством В. Гинтера, в 1966–1970, 1979 гг. – В. Уртанса, в 1997 г. – Ю. Уртанса, в 1986–1987 гг. – А. Радиньша и Г. Земитиса, а в 1988–1996 гг. – Г. Земитиса. Количество найденных предметов достигает 20 000 единиц, находки керамики насчитывают 200 000 черепков.

Городище возникает уже в первом тысячелетии до н. э.; наблюдается несколько периодов расцвета, последний из которых начинается в X в. и завершается на рубеже XII–XIII вв. Артефакты характеризуют Даугмале как полиэтническое поселение городского типа с высокоразвитым ремесленным производством. Многие находки из Даугмале имеют большое культурно-историческое значение и привлекают особое внимание исследователей, например половина доломитовой булавы с рунической надписью (*Radiņš, Zemītis*, 1992. S. 137, Abb. 2), бронзовые фигурки всадников и «викингов» (*Zemītis*, 1998; *Snurģis*, 2013. С. 374–375, 455, рис. 5, 6; с. 456, рис. 7), бронзовая форма для отливки круглых подвесок с изображением головы быка (*Radiņš*, 1994; *Snurģis*, 2013. С. 374–375, 457, рис. 10, 5) и т. д. Особое место в хозяйстве центра занимала торговля. Беспрецедентное количество находок монет VIII–XII вв. – 130 отдельных находок и два клада с еще 60 монетами (*Berga*, 1994. 41. lpp.), разновесов – 70 экз. (*Berga*, 2009. 28. lpp.) и фрагментов весов – 26 экз. (*Berga*, 1996. 54. lpp.) характеризует Даугмале как крупнейший торговый центр в Восточной Прибалтике, который благодаря своему выгодному географическому положению контролировал торговлю по Даугаве и являлся предшественником Риги (*Caune*, 1992).

Свинцовая печать или пломба была найдена 18 августа 1983 г. «энтузиастом старины» Андрисом Пупиньшем. После введения в эксплуатацию Рижской ГЭС воды возникшего водохранилища стали интенсивно размывать ряд расположенных по берегам археологических памятников. Упомянутый искатель древностей регулярно посещал эти объекты и собрал большую коллекцию. Самым богатым местом находок стало именно Даугмальское городище, северный склон которого интенсивно размывало. Предмет был найден вымытым из обвала склона, у подножья, на самой линии воды. В 1999 г. его вместе с еще несколькими артефактами приобрел Национальный музей истории Латвии.

Аналоги. В 2004 г. в Смоленске в Резницком (Смолиговом) овраге (раскоп Ленина-15) был обнаружен центр производства пломб конца XI – XII в. с большим числом заготовок, полуфабрикатов и самих свинцовых пломб (312 экз.). По данным краткой публикации О. М. Олейникова, среди них имеются и точные аналоги даугмальской находке (*Олейников*, 2014. С. 7, 10, 14, 15 рис. 10, 12; рис. 11, 9; рис. 12, 1).

Атрибуция буллы. Из-за того, что края свинцового кружка сильно повреждены коррозией, изначально печать была воспринята как сохранившийся центр буллы обычного размера. Поэтому до появления публикации о смоленских находках даугмальский экземпляр был отождествлен с типом булл, на которых изображена княжеская тамга (*Spirgis*, 2012. P. 701). Всего на территории Древней Руси найдена 91 такая булла (*Янин*, 1970. С. 132–133; *Янин, Гайдуков*, 1998. С. 57). Изображенный на булле знак может быть отнесен к выделенной В. Л. Яниным третьей подгруппе знаков колоколовидной формы с отрогом в основании в виде креста. Хотя на даугмальской находке форма знака больше напоминает букву, нежели видоизмененный трезубец. Причем наибольшее сходство он имеет с буллами, содержащими на обороте поясное изображение св. Иоанна Богослова (*Там же*. С. 366, табл. 108, 302–3).

Кроме того, изображенный на даугмальской булле бородатый мужчина схож с изображением на двух буллах с Рюрикова городища и одной – из Черниговщины, на другой стороне которых видна русская благопожелательная надпись. Бородатая коронованная особа оттисков была интерпретирована В. Л. Яниным как изображение Св. Константина, а буллы атрибутированы Константину Моисеевичу, который был выбран на новгородское посадничество в 1118–1119 гг. (*Янин*, 1970. С. 72, 73 № 125; *Янин, Гайдуков*, 1998. С. 42).

Новые находки из Смоленска позволяют по-иному взглянуть на даугмальскую находку. Малый размер смоленских находок указывает на то, что перед нами так называемые пломбы дрогичинского типа. Эти пломбы на территории Древней Руси известны в числе многих тысяч и до сих пор не сведены в одном исследовании. Назначение их до сих пор не ясно. В литературе можно встретить различные версии об их назначении: торговые или производственные товарные пломбы или знаки, пломбы для меховых денег, малые вислые печати посадников и т. д. (*Янин*, 1970. С. 132; *Олейников*, 2014. С. 7) В любом случае находки аналогичных пломб в Даугмале и Смоленске свидетельствуют о связях между обоими центрами.

Надо отметить, что вместе с пломбами в Смоленске была найдена хорошо сохранившаяся булла с погрудным изображением бородатого святого в короне и краткой благожелательной греческой надписью. Такие печати уже ранее были найдены в Смоленске, Западной Украине, Рязани, Киеве

и Чернигове – всего шесть экземпляров. Причем их было принято связывать с правившим в 1057–1060 гг. в Смоленске князем Игорем Ярославичем, хотя его крестное имя и неизвестно (*Янин*, 1970. С. 32–33, № 33; *Янин, Гайдуков*, 1998. С. 24, № 33). В свою очередь на второй, найденной в 2004 г. смоленской булле рядом с изображением царя четко читается аббревиатура имени Давид, благодаря чему автор раскопок связывает ее с уже упомянутым в связи с буллой из Сабиле князем Давидом Святославичем (*Олейников*, 2014. С. 10, 13, рис. 8, 1). Таким образом, если ранее портреты святого бородатого царя обычно интерпретировались как изображения императора Константина, то эта находка указывает на то, что так мог быть изображен еще и библейский царь Давид⁸. А значит, у ряда булл может быть иная атрибуция.

Как видно из обзора находок свинцовых булл на территории Латвии, все три печати происходят с городищ, точнее одна найдена на форбурге, вторая на посаде и третья вымыта из культурного слоя самого городища. Два городища – Даугмале и Кокнесе – расположены на берегу важнейшей магистрали – реки Даугавы, одно – Сабиле – находится в северной части Курляндии на берегу реки Абавы (приток р. Венты).

Как письменные источники, так и археологический материал характеризуют Кокнесе как важный древнерусский опорный пункт, центр православия и торговую факторию на территории, пограничной между ливами, латгалами и селами, где, по сведениям хроники Генриха Латыша, правил православный князь с русской дружиной (ИН, XI: 8, 9). Поэтому ведение здесь делопроизводства и находка свинцовой буллы кажутся закономерными. Атрибуция буллы как оттиска печати полоцкой княгини подтверждает влияние и политические интересы Полоцка в низовье Даугавы.

Две другие печати происходят с территорий, населявшихся ливами. Письменные источники сообщают, что уже в начале XII в. ливы находились в даннических отношениях с Древней Русью. В рядах полоцкого войска в 1181 г. ливы участвовали в походе против смоленского князя Давида Ростиславича. В конце XIII в. влияние Полоцкого княжества на землях даугавских ливов было общепри-

⁸ Одним из иконографических типов были изображения Давида, царя и пророка, с округлой аккуратной бородой, в царском венце, в царских одеждах и в мантии, скрепленной фибулой у правого плеча (*Журавлева*, 2006. С. 554; *Spitzing*, 1989. S. 81), что полностью совпадает с портретом на рассматриваемых буллах.

звано, и первый епископ Ливонии Мейнард просил у полоцкого князя разрешение на проповедь католичества среди местного населения (ИН, I: 3), а само епископство на Даугаве в официальных документах именовалось как «Икшкильское епископство на Руси» (*Ikscolanensem episcopatum in Ruthenia*) (SLVA, 1937. 16. lpp., nr. 24; Назарова, 1986. С. 178, 181, 182).

Кроме того, так как культура ливов несет сильный скандинавский отпечаток, то в литературе высказано мнение, что первый полоцкий князь Рогволод прибыл в город по Даугаве и был связан со скандинавскими переселенцами из низовья Даугавы, а дань, которую ливы платили Полоцку, – результат завоевания полоцкими князьями, а унаследованная традиция, связанная с приходом скандинавов (*Radiņš*, 2000. 106, 108. lpp.). Еще одно, хотя и спорное, свидетельство связей ливов со скандинавами на Руси находим в договоре 945 г. между Русью и Византией, где среди ближайших соратников князя Игоря упомянут лив Арфаст (либи Арьфастов)⁹. Поэтому правящая верхушка ливов, благодаря своему скандинавскому происхождению, могла изначально иметь тесные связи со скандинавами на Руси, знать древнерусский язык, уметь читать и писать и была знакома со значением письменного документа.

Это подтверждают и находки. Так, на Даугмальском городище найден фрагмент бронзового писала с тордированной ручкой и бокалообразной лопаткой (рис. 2, 3), а также маленькая книжная пряжка с четырехугольным основанием и фигурной передней частью (рис. 2, 6). Оба предмета – типичные находки для древнерусского материала XII–XIII вв. Еще одно возможное писало происходит с городища Айзраукле, расположенного на приграничной территории между ливами, селами и латгалами (рис. 2, 4).

Надо отметить и фрагмент выполненной в зверином стиле (так называемый *Mammenstil*) ажурной книжной накладки овальной формы (рис. 2, 7) с изображением сложно переплетенного тела дракона. Идентичная находка известна в Новгороде из слоев 70–90-х гг. XII в. Местом изготовления этих накладок считается Готланд, где найдено четыре экземпляра. Именно с этого острова книги в пере-

⁹ Возможны и другие толкования, так как в договоре использована необычная форма – *либи*, которая соответствует притяжательному падежу, хотя этнонимы обычно использовались в именительном. Кроме того, в отличие от Ипатьевской летописи, в Лаврентьевской имя посла записано как Либиар Фастов (Назарова, 1986. С. 17).

плетах с такими накладками распространялись в Финляндии, Дании, Ирландии, Польше и о. Сааремаа (Седова, 1981. С. 163).

В этой связи стоит упомянуть, что в Новгороде в слое середины XII в. найдена грамота, адресованная в Псков ливу по имени Мостке с требованием вернуть долг и угрозами (*Янин и др.*, 2004. С. 10–14). Эта находка свидетельствует о том, что ливские торговцы не только посещали и продолжительно гостили в городах Древней Руси, а также владели языком и грамотой. Так как при обучении чтению и письму использовались тексты религиозного содержания, то такие торговцы должны были быть христианами.

Очевидно, что с восточным христианством были хорошо знакомы и простые ливы, которые не покидали низовья Даугавы. Судя по большому количеству найденных нательных крестиков – 85 экземпляров, а также других связанных с православием предметов – глиняных писанок, фигурки в виде ангела и других христианских древностей – можно предположить, что Даугмальское городище было важным центром распространения христианства у ливов (*Спиргис*, 2012; 2013; 2014).

С интересами Новгорода или Смоленска в Прибалтике связана булла из Сабиле. Эта находка в известной мере может изменить представление о политической ситуации в регионе во время похода Всеславичей на земгалов в 1106 г. Латвийские ученые достаточно скептически рассматривают возможность того, что упомянутый в Повести временных лет поход псковских Всеславичей на земгалов проходил действительно в Земгале. Считается, что к началу XII в. левый берег Даугавы, который, судя по Хронике Генриха, традиционно считался земгальским, еще не попал под власть Полоцка, и боевые действия были направлены против округа, контролируемого Даугмальским городищем (*Радиньш*, 2003. С. 158). В свою очередь, находка свинцовой буллы в Сабиле может свидетельствовать о том, что на рубеже XI–XII вв. уже и север Курземе входил в орбиту интересов Древнерусских княжеств. В таком случае вторжение вглубь Земгале по направлению из низовья Даугавы больше не кажется столь невозможным, так как к моменту неудачного похода Всеславичей угроза нападения ливов Курземе с тыла могла быть нейтрализована в том числе дипломатическими методами.

В заключение хотелось бы отметить, что процесс письма в древности был глубоко сакрализован. В способности человека записать и прочитать текст

видели чудо. В христианстве, как религии Писания, проявляется максимальное внимание к письменному слову, а создатели письма обычно канонизировались. «Для средневекового мышления текст – это не только имя или Евангелие, но и ритуал, и храм, и небеса» (Мечковская, 1998. С. 70).

Не менее символична и печать, запечатывающая текст. Слова Писания (Откр. 7: 2): «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого», – свидетельствуют о том, что печать была знаком бога. Недаром драматизм поступательных событий конца света в «Откровении» Иоанна передается через последовательность снятия семи печатей свитка Апокалипсиса, где число семь выступает в качестве символа семи таинств (Овчинников, 1999. С. 316). Таким образом, использование булл кроме сугубо практической функции имело большое значение в качестве символа божественного происхождения власти князя и других структур аппарата власти, использующих печати.

Конечно, содержание и характер документов, скрепленных печатями, рассмотренными в статье, никогда не будут известны. В свою очередь новые находки могут внести значительные коррективы в предложенные атрибуции, а загадочные печати/пломбы так называемого дрогиченского типа еще только ждут своего исследователя, немногочисленные сфрагистические находки с территории Латвии являются важным свидетельством связей этого региона с верховной властью и административными структурами княжеств Древней Руси.

Журавлева, 2006 – Журавлева И. А. Иконография / Давид, пророк // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIII.

Лихачев, 1928 – Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Т. I.

Лихачев, 1930 – Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1930. Т. II.

Мечковская, 1998 – Мечковская Н. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий». М., 1998.

Мугуревич, 1965 – Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965.

Мугуревич, 1978 – Мугуревич Э. С. Раскопки в Сабиле // АО 1977 г. М., 1978.

Назарова, 1986 – Назарова Е. Л. Из истории взаимоотношений ливов с Русью // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год / отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1986.

Назарова, 1995 – Назарова Е. Л. Русско-латгальские контакты в свете генеалогии князей Ерсика и Кокнесе // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1992–1993 год. М., 1995.

Овчинников, 1999 – Овчинников А. Н. Символика христианского искусства. М., 1999.

Олейников, 2014 – Олейников О. М. Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на улице Ленина, 15 в Смоленске 2004 г. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2014. Вып. 7.

ПВЛ, 1950 – Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1.

Пушкарева, 1989 – Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

Радиньш, 2003 – Радиньш А. Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов // Archaeologia Lituana, 4. Vilnius, 2003.

Рыбаков, 1945 – Рыбаков Б. А. Печать Георгия и Софии (Из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в.) // КСИИМК. 1945. № 29.

Седова, 1981 – Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Спиргис, 2012 – Спиргис Р. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // Stratum plus. 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, мера и инии языци.

Спиргис, 2013 – Спиргис Р. Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова. Мат-лы 58-го заседания. М.; Псков, 2013.

Спиргис, 2014 – Спиргис Р. Средневековый bestiary как источник по интерпретации ливских зооморфных подвесок // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Мат-лы 59-го заседания. М.; СПб., 2014. Вып. 29.

Стубавс, 1963 – Стубавс А. Археологические раскопки в Кокнесе в 1962 году // Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 года. Рига, 1963.

Стубавс, 1967 – Стубавс А. Археологические раскопки в замке Кокнесе // АО 1966 г. М., 1967.

Штыхов, 1965 – Штыхов Г. В. Печать XII в. из Полоцка // СА. 1965. № 3.

Янин, 1962а – Янин В. Л. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева // СА. 1962. № 2.

Янин, 1962б – Янин В. Л. Печати с надписью «Дьнеслово» // СА. 1962. № 2.

Янин, 1970 – Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1.

Янин, Гайдуков 1998 – Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. М., 1998.

Янин и др., 2004 – Янин В. Л., Зализняк А. А., Гунтуис А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

Berga, 1994 – Berga T. Daugmales pilskalna monētas (8.-12. gs.) (Zusammenfassung: Münzen vom Burgberg Daugmale (8.–12. Jh)) // Arheoloģija un etnogrāfija, 17. Rīga, 1994.

Berga, 1996 – Berga T. Saliekamie svairiņi Latvijā (10.-13. gs.) (Zusammenfassung: Feinwaagen in Lettland (X.–XIII. Jh.)) // Arheoloģija un etnogrāfija, 18. Rīga, 1996.

- Berga*, 2009 – *Berga T.* Daugavas lībiešu tirdzniecības inventārs. Atsvaņņu komplekti no kapulaukiem (Summary: trading equipment of the Daugava livs. Sets of weights for scales from burial grounds) // *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. 2009. Nr. 3. 28.–48. lpp.
- Caune*, 1992 – *Caune A.* Die Siedlungszentren des 10.–12. Jh. im Gebiet des Daugava-Unterlaufs und ihre Beziehungen zu skandinavischen Ländern // *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter: internationale Konferenz*, 23.–25. Oktober 1990, Riga / Ed. A. Loit, Ē. Mugurēvičs, A. Caune. Stockholm, 1992. (Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia Baltica Stockholmiensia; Vol. 9).
- ИИ, 1993 – *Indriķa hronika*. *Heinrici Chronicon* / Ā. Feldhūna tulk.; Ē. Mugurēviča priekšv. un koment. Rīga, 1993.
- Mugurēvičs*, 2001 – *Mugurēvičs Ē.* Burg und Siedlung Sabile (Zabeln) im 11.–16. Jh. // *Lietuvas Archeologija*, 21. Vilnius, 2001.
- Radiņš*, 1994 – *Radiņš A.* Daugmales pilskalnā atrastā 12. gs. bronzas veidne (Zusammenfassung: Die in Burberg Daugmales gefundene bronzene Gußform) // *Arheoloģija un etnogrāfija*, 17. Rīga, 1994.
- Radiņš*, 2000 – *Radiņš A.* Daugavas ceļš un Daugmale // *Cauri gadsimtiem*. Rakstu krājums veltīts Valdemāram Ģinteram (1899–1979) (Latvijas vēstures muzeja raksti, 7). Rīga, 2000.
- Radiņš, Zemītis*, 1992 – *Radiņš A., Zemītis G.* Verbindungen zwischen Daugmale und Skandinavien // *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter: internationale Konferenz*, 23.–25. Oktober 1990, Riga. Stockholm, 1992. (Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia Baltica Stockholmiensia; Vol. 9).
- SLVA 1937 – *Senās Latvijas vēstures avoti*. Rīga, 1937. II sējums, 1. burtnīca (līdz 1237. gadam).
- Spirģis*, 1999 – *Spirģis R.* Kokneses pilskalnā atrastā 12. gs. svina bulla (Zusammenfassung: Der auf Burgberg Koknese gefundene Bleistempel des 12. Jahrhunderts) // *LVIŽ*. Rīga, 1999.
- Spirģis*, 2012 – *Spirģis R.* Archaeological evidence on the spread of Christianity to the Lower Daugava area (10th–13th century) // *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe Archaeological and Historical Evidence*. Salomon M., Wołoszyn M., Musin A., Perica Špehar P. (ed.). Kraków, Leipzig, Rzeszów, Warszawa, 2012.
- Spitzing*, 1989 – *Spitzing G.* Lexikon byzantinisch christlicher Symbole. München, 1989.
- Stubavs*, 1963 – *Stubavs A.* Jauni arheoloģiski dati par seno Koknesi // *Dabas un vēstures kalendārs* 1964. Rīga, 1963.
- Zemītis*, 1998 – *Zemītis G.* Bronzefiguren aus Lettland. Bewaffnete Männer zu Pferde und zu Fuß // *Studien zur Archäologie des Ostseeraums. Von der Eisenzeit zum Mittelalter: Festschrift für Michael Müller-Wille*. Neumünster, 1998.

Relics of Old-Russian sphragistics in Latvian archaeological materials¹⁰

R. Spirģis

At the moment, only three lead bulls are known from Latvian territory. They come from different hillforts: one was found during archaeological excavation at the hillfort of Koknese (Fig. 3); the second was discovered in the early townsite near the Sabile hillfort (Fig. 4); and the third was a stray find from the eroded hillside of Daugmale (Fig. 5). The hillforts of Daugmale and Koknese are located on the important waterway – the riverside of the Daugava. Sabile, in turn, is located to the north from Kurzeme on the bank of the Abava (a tributary of the Venta) (Fig. 1).

The bull from Koknese represents two Saints – Sophia and George (Fig. 2, 1, 1a). Some researchers believe that this seal belonged to Yevdoksiya Vladimirovna, the wife of the Prince of Polotsk Svyatoslav Vseslavich, and that it is dating back to the 1130s–1140s. The bull found in Sabile depicts King David (Fig. 2, 2, 2a) and, probably, it can be linked with Prince David Svyatoslavich. It thus may be dating from the very end of the 11th cen-

tury when this prince reigned in Novgorod or Smolensk. One side of the bull found in the hillfort of Daugmale depicts an unnamed bearded man with a crown but without a nimbus, while the other side – a sign, reminiscent of the Russian letter *small Yus* (Fig. 2, 5, 5a). The diameter of this seal is significantly smaller than that of the bulls which are attached to documents. This fact allows us to attribute this artefact to the so-called Drogichin type of seals. Direct parallels to the discovery in Daugmale are known in Smolensk and are dated to the end of the 11th or the 12th century.

Both written sources and archaeological material characterize Koknese as an important supporting base of Old Rus', a center of the Orthodoxy and a trading factory in the juncture of the Livonian, Latgalian and Selonian lands. During the aggression of the German Crusaders it was ruled by an Orthodox Prince with his armed forces. Therefore the discovery here of a bull belonging to the Princess of Polotsk seems etiological and demonstrates the influence and interest of Polotsk in these lands.

¹⁰ Перевод на английский Майи Крумини и Алексея Гилевича.

The two other seals come from areas populated by the Livs. Written sources indicate that as early as the 12th century the Livs were under vassalage to Polotsk and took part in military expeditions of Polotsk forces. The influence of the Polotsk principality upon the lands of the Daugava Livs in the end of the 12th century is also proved by the fact that the first Bishop of Livonia Meinhard asked permission of the Prince of Polotsk for preaching Catholic faith to the local population. Besides, the newly created diocese on the banks of Daugava was called in official documents the 'Diocese of Ikšķile in Russia'.

Due to their Scandinavian origin, ruling elites of the Livs can have been closely related to the Scandinavians in Old Russia from the ancient times. They must

have known the Old Russian language and also been able to read and write in it. Moreover, some Liv traders knew how to read and write, as evidenced by a birch-bark letter found in Novgorod and addressed to a Liv, named Mostke, who lived in Pskov with a requirement to return his debt. Since religious texts were used in teaching, those Livs who were able to read and write must have been Christians.

In ancient times the process of writing was deeply sacred. No less symbolic was the stamp that sealed the text. Stamp was a God's sign and it had great significance as a symbol of the Prince's divine origin. Therefore, sigillographic finds, although they are rarely discovered in the Latvian territory, are important witnesses to relations with state structures of Old Rus'.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ДОМСТИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АБХАЗСКОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ДРЕВНЕЙШИЕ ОЧАГИ ЗАРОЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ СКОТОВОДЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Д. А. Канделаки²

Аннотация. В статье рассматривается проблема зарождения скотоводства на территории Абхазского Причерноморья. Дается обзор ископаемой фауны, которая, по мнению автора, представляла собою потенциал для последующей доместикации исходных диких видов и появления здесь домашних животных. Тем самым территория Абхазии могла явиться зоной, где шло зарождение скотоводства.

Annotation. This paper considers the problem of the origin of animal-breeding in the area of the Abkhazian Black Sea littoral. A review is presented of the fossil fauna which, in the opinion of the present author, was a potential for the domestication of the originally wild species and appearance of domestic animals here. Consequently, the territory of Abkhazia may have been a zone where animal husbandry was taking birth.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, домашние животные, доместикация, палеолит, мезолит, неолит, неолитическая революция, скотоводство, энеолит.

Keywords: Eastern Black Sea littoral, domesticated animals, domestication, Palaeolithic, Mesolithic, Neolithic, Neolithic revolution, animal breeding, Eneolithic.

В современной науке главными причинами зарождения производящей земледельческо-скотоводческой экономики, которую нередко именуют периодом неолитической революции, считают климатические изменения, происходившие с окончанием последнего ледникового периода, с завершением которого начинается новая геологическая эпоха голоцена. В целом наиболее жестко эти изменения ощущались в переходных субтропических климатических областях северного полушария, примыкавших к глобальному альпийскому горному поясу (Долуханов, 1978). Эти изменения негативно отразились не столько на сокращении количественного состава видов флоры и фауны, сколько на глобальном перераспределении ланд-

шафтных зон. Особенно остро они ощущались во внерефугиумных областях, ближайшей из которых следует считать территорию Ближнего Востока, где мы наблюдаем первые попытки формирования ближневосточной модели неолитической революции. Следует отметить, что истинные причины перехода к доместикации пока до конца не выяснены, так как подобные климатические изменения имели место на протяжении всей длительной истории человечества³. Но ближневосточный центр был не единственным, где шел процесс зарождения новой экономики. К таковому следует относить и территорию Восточного Причерноморья и Абхазского Причерноморья в частности, которая на протяжении всего плейстоцена оставалась крупным фауно-флористическим и климатическим рефугиумом и убежищем третичной и эндемичной флоры вообще (Куфтырева и др., 1961).

¹ Обзор зарождения земледелия на территории Абхазии автором представлен в одной из предыдущих его работ (см.: Канделаки, 2014а).

² Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44. Абхазский институт гуманитарных исследований Академии наук Абхазии им. Д. И. Гулиа. Отдел истории.

© Д. А. Канделаки, 2016

³ Разбор этой проблемы дан автором в докладе «Неолитическая революция: Восточнопричерноморский сценарий» на юбилейной конференции В. В. Бжания (Канделаки, 2014б).

Вероятно, различие климатических процессов на Ближнем Востоке и в Восточном Причерноморье диктовало разнообразные модели адаптации древнего общества. В отличие от ближневосточных центров древнее население Абхазского Причерноморья испытывало так называемый «неолитический стресс» в меньшей степени. Здесь отсутствовали резкие климатические колебания и не имел место кризис охотничьей фауны, так как сокращение видового состава носило незначительный характер. В то же время полностью остается неизменным видовой состав флоры, что способствовало несколько иному пути развития общества и ходу зарождения производящей экономики. Какая же модель неолитической революции могла иметь место на территории Абхазии? Для этого следует обратиться к материалам более раннего мезолитического периода. Здесь в Абхазии уже в начале мезолита отмечается увеличение доли ихтиофауны в рационе питания древних жителей, что вероятно обусловлено увеличением количественного и видового состава рыбы Черного моря и внутренних вод нашего региона⁴. Возможно, что началу перехода к первым навыкам земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке, в Восточном Причерноморье соответствовал первоначально процесс активного перехода сначала к рыбоохоте, а за тем и к рыболовству, что зафиксировано находками остатков костей рыб и инвентаря, связанного с рыболовством. Так, среди ихтиофаунистических остатков подавляющее число костей принадлежит черноморскому лососю (*Salmo trutta labrax*). Они встречаются в верхнепалеолитических и мезолитических слоях таких памятников, как Холодный грот, Ацинская пещера, Джампала и Ахштырская пещера (Соловьев, 1961; Церетели, 1991; Кушнарева, 1993; Любин, 1994; Барышни-

⁴ В этой связи интересно отметить, что в прибрежных зонах формировался еще один вид хозяйственной деятельности, в частности сбор моллюсков или, правильнее сказать, морепродуктов, что зафиксировано наличием у нас в Восточном Причерноморье так называемых «раковинных куч», аналогичных тем, что обнаружены в Циркумбалтийском регионе Севера Европы, правда, не таких масштабов. Это говорит о том, что в схожих ландшафтных условиях складывались типологически схожие модели адаптивной стратегии жизнеобеспечения населения. Еще одним таким примером может служить и охота на морского зверя. Так, у нас в Восточном Причерноморье известна охота на дельфина. Тогда, следовательно, можно говорить о наличии элементов такого хозяйственно-культурного типа, как охотники на морского зверя субтропического пояса, правда, занимающего несравненно более скромное место по отношению к другим видам хозяйственной деятельности.

ков, 2012). Встречается лосось и в мустье Малой Воронцовской пещеры (Чистяков, 1986; Любин, 1989). Вероятно, высокая продуктивность рыболовства в некоторой степени не способствовала на первоначальном этапе процессу domestikации⁵.

Одной из важнейших составляющих зарождения производящей экономики следует считать возникновение скотоводства или, лучше сказать, животноводства. Каково место Абхазии, да и всего Восточного Причерноморья в процессе domestikации животных? Несомненно, все предпосылки к domestikации животных в Абхазии лимитировались наличием исходных диких форм и кормовой базы, перспективных domestikатов, а самое главное – знанием древними охотниками динамики сезонности популяции и их ареальной плотности, экологической адаптабельности и, разумеется, этологических, то есть поведенческих особенностей животных⁶. Учитывая наличие лесных массивов, здесь несомненно должен был идти процесс domestikации животных, имевших большую численность и обитавших в горных и лесных зонах. Среди них подавляющее большинство и сейчас представлено копытными видами, такими как кабан или дикая свинья (*Sus scrofa atilla*); косуля кавказская (*Capreolus capreolus caucasicus*); косуля обыкновенная (*Capreolus capreolus capreolus*); европейский благородный

⁵ Ихтиофаунистические остатки на протяжении всей истории Закавказья и Восточного Причерноморья встречаются хронологически неравномерно. Так, их основной пик приходится либо на эпоху ашель, либо на конец плейстоцена и начало голоцена, то есть имели место два основных пика использования рыбы в пищевом рационе. Скорее это как-то связано с климатическими колебаниями, совпадающими по времени с периодами межледниковых потеплений, способствовавших увеличению биомассы ихтиофауны. Возможно и три таких пика, включая и мустье (Любин, 1994).

⁶ Заслуживает внимание тот факт, что большую, если даже не основную роль в domestikации сыграли этологические особенности животных. Учитывая объем статьи, автор оставляет в стороне имеющуюся обширную литературу и лишь отмечает свое согласие с выводами специалистов о том, что domestikация животных шла не только по принципу «от человека к животному». Скорее всего, сами животные адаптировались к новой экологической нише, которая формировалась вокруг отдельных стоянок и поселений, где они, особенно хищники, находили постоянный стабильный источник пищи в виде пищевых – «кухонных» – отходов человека. Это была своего рода domestikация «от животных к человеку». Животные сами постепенно сближались с человеком, все чаще располагаясь неподалеку от места его обитания. Вероятно, так произошло приручение волков и их последующая domestikация. Не исключено, что аналогичным образом происходила domestikация птиц, в частности куриных.

олень (*Cervus elaphus maral*); каменный козел или тур (*Capra severtzowi*); кавказская серна (*Rupicapra rupicapra*). (Куфтырева и др., 1961)⁷.

Сегодня сложно сказать, какое животное было одомашнено первым на территории Причерноморья⁸. Очевидно, аналогично одомашниванию

⁷ В данной статье автором не рассматривается проблема приручения и одомашнивания лошади (*Eguus ferus caballus*), которая, как и в случае с собакой, в целом не имела утилитарный характер. Данная проблема требует отдельного специального рассмотрения, отмечу лишь, что могло иметь место проникновение коневодства в Причерноморье Абхазии из областей Приазовья еще в конце V – начале IV тыс. до н. э., либо несколько позже – с территории Ближнего Востока. Судя по литературе, известной автору, лошадь была, скорее всего, одомашнена представителями Ботайской культуры, этническим эквивалентом которой следует считать представителей праенисейской общности сино-кавказской макросемьи (Иванов, 2011). Предполагают, что в индоевропейский праязык слово «лошадь» перешло через праенисейское посредство. Возможно, что таких центров одомашнивания было несколько. Важно, что в данном контексте приоритет одомашнивания лошади не обязательно связывать с местами предполагаемых гипотетических прародин индоевропейской общности. Не следует забывать, что лошадиные достаточно широко были распространены в плейстоцене и палеоцене Евразии. В некоторых местах Закавказья они известны и как утилитарный фаунистический компонент, например в пещерах Мгвимеви, Сакажия и Зуртакетской стоянке, но почему-то дальнейшее одомашнивание лошади не получило тут распространение. Требуется проверки наличие домашней лошади, но, разумеется, не связанное с коневодством, в мезолитическом слое поселения Чох (Верещагин, 1959). К несколько позднему периоду относятся остатки домашней лошади в культурных слоях энеолита Арухло I (Шнирельман, 1989).

⁸ Собака (*Canis lupus familiaris*), которая была, несомненно, приручена в конце верхнего палеолита, нами не рассматривается лишь по той причине, что она представляет собою вспомогательное животное при собирательстве и охоте и не несет утилитарной нагрузки как ценный источник пищи. Для нас важнее животные, которые стали источником поступления стабильной пищи, и очевидно первоначально мясной, а затем несколько позже кисломолочной. На территории Абхазии и соседней Западной Грузии, как предполагают, следы одомашненной собаки встречены в мезолитических и даже в финально-верхнепалеолитических слоях ряда пещер. Так, кости домашней собаки уже встречались в отложениях Холодного Грота (Грот Хупынипшауа) (Бендукидзе, 2010). В связи с этим следует отметить одну закономерность и взаимосвязь между одомашниванием утилитарных и не утилитарных домашних животных. Среди них, преимущественно, преобладают утилитарные домашние животные из числа травоядных, которые были более успешно одомашнированы, прежде всего, с экономической точки зрения. Понятно, что одомашнивание собаки для использования ее в качестве пищи было крайне нерентабельно, так как для откорма этого вида животного требовалось мясо (Сергин, 1971). Следует сказать еще об одном «животном-компаньоне» из семейства кошачьих, в частности обыкновенной домашней кошке (*Felis silvestris catus*), подвиде лесной кошки (*Felis silvestris*). В Восточном Причерноморье остатки кошки известны уже в мустье Ахштырской пещеры (Барышников, 2012). Встречается кошка и в верхнем палеолите пещеры Апианча (Кеп-Богаз)

растений уже шел процесс постепенного отбора и видового состава животных⁹. Первоначально могла иметь место так называемая промежуточная модель одомашнивания животных, которые, не отрываясь от своей первоначальной естественной среды и своего дикого состояния, уже прочно могли находить ночлег вблизи поселений и активно использовать пищевые отходы древних жителей. Подобная переходная форма состояния могла быть хронологически растянута на 100 или даже 1000 лет. Скорее всего первым таким животным, которое шло по пути первичного приручения и последующего одомашнивания, следует считать свинью. В условиях горно-лесного зарождения скотоводства дикий кабан и может считаться таким видом. Здесь это животное находило большие экологические возможности для реализации своих пищевых стратегий, параллельно используя подкормку с поселений древних мезо- и неолитических жителей. Кабан или дикая свинья (*Sus scrofa atilla*) считается одним из широко распространенных видов животных северного полушария и типич-

(Бурчак-Абрамович, 1977). Остается открытым вопрос, происходило ли приручение кошки здесь, в Абхазии. Данные ДНК показывают, что домашняя кошка происходит от степной кошки, обитавшей в Северной Африке, и этим же можно подтвердить факт того, что в индоевропейские языки слово «кошка» перешло через праафразийское или прасемитское посредство. Древнейшие документированные остатки домашней кошки известны с острова Кипр, куда она уже в одомашненном виде попала, как считают, из Южной Анатолии, где, возможно, произошло одомашнивание кошки примерно 9500 лет назад.

⁹ В категорию домашних животных входит достаточно обширная группа, исчисляемая десятками видов, составляя при этом некоторые промежуточные группы так называемых синантропных животных, в том числе промежуточных синантропно-одомашниваемых и животных, которые в большей части являются не одомашненными, а прирученными. Отдельная проблема – это хозяйственное назначение таких домашних животных, диапазон которых был и остается очень широким; к примеру, почтовые голуби, тягловые, пахотные животные. Есть группа, которая вообще сложно классифицируется, например, очевиден факт несколько условного содержания такого понятия, как, к примеру, «домашняя пчела». Еще более отдаленными аналогиями можно считать выращивание морской фауны, например в ряде стран тихоокеанского региона. Сюда же можно отнести тутового шелкопряда, который хоть и имеет хозяйственное значение, но вряд ли может быть отнесен к категории домашних животных. Еще один пример – использование пеликанов и цапель для ловли рыбы у ряда этнических групп Южного Китая. В контексте данной проблемы мы останавливаемся в принципе на незначительной группе животных, которые имеют непосредственное значение для воспроизводства постоянного источника мясной пищи и других производных, в первую очередь молока, яиц, шкур, меха, пуха и т. д., то есть сельскохозяйственных животных.

ным представителем фауны Восточного Причерноморья. Кабан занимает существенное место среди фаунистических охотничьих остатков палеолитических памятников. Причем в условиях Восточного Причерноморья он занимает одно из лидирующих мест в процентном отношении среди фаунистических остатков, представляя собою один из важнейших объектов охотничьей деятельности первобытного человека. Для данной территории начиная с мустьерской эпохи и вплоть до мезолита включительно среди фаунистических остатков характерны кости дикого кабана (*Бендукидзе, 2011*). Так, его остатки отмечены в пещерах Восточного Причерноморья и Западной Грузии, к примеру, Ахштырь, Апианча (Кеп-Богаз), Окум, гроте Хупынипшахуа (Холодный грот), далее они отмечены в Цуцхвати, Цоне, Кударо, Сакажи, Джручуле, Белой, Гварджилас-Клде, Ортвала-Клде, Котиас-Клде (*Бурчак-Абрамович, 1977; Векуа и др., 1981; Тушабрамишвили и др., 1990; Бар-Оз и др., 2009*). Вероятно, в условиях лесных экологических группировок кабаны занимали перспективную для domestikации группу животных. Видимо, domestikация кабана или дикой свиньи послужила основой для зарождения здесь древнего свиноводства, и Абхазия может считаться наряду с другими областями одной из ранних областей свиноводства на земном шаре. Вероятно, наличие среди лесных массивов разного рода подножного корма (желуди, косточки, орешки) и в целом неприхотливость в выборе пищи способствовали легкости приручения и дальнейшего одомашнивания дикой свиньи и формирования свиньи домашней (*Sus scrofa domestica*). Останки домашней свиньи у нас крайне редки. Самой ранней для Восточного Причерноморья находкой домашней свиньи является находка из Ахштырской пещеры, правда, без четкой хронологической привязки с условным обозначением «постпалеолитический этап», но, скорее всего, речь может идти о мезолитическом периоде (*Верещагин, 1959*). Следует отметить, что уже после domestikации свиньи дикая исходная форма продолжала занимать существенное место среди фаунистических остатков. Это свидетельствует о том, что и после одомашнивания свинья оставалась объектом интенсивной охоты. Имеются такие остатки и в устье реки Ингур на поселении Анаклиа, но относящиеся к несравненно более позднему этапу – эпохе бронзы (*Там же, 1959*). Самые древние находки домашней свиньи мы находим на Ближнем Востоке, где то в промежутке от середины VI до начала V тыс. до н. э. А начало domestikации мы относим к периоду 13 000–12 700 лет

назад в бассейне реки Тигр¹⁰. Имеются останки свиньи в период 11 400 лет назад на острове Кипр. Проведенный анализ ДНК свиней в Европе также свидетельствует, что свиньи появились здесь 8000 лет назад из Передней Азии в эпоху неолита (*Шнирельман, 1989*)¹¹.

Еще одним претендентом на раннюю domestikацию, которая происходила, видимо, даже параллельно с domestikацией свиньи, следует считать козу. На Кавказе имеется ряд видов коз, которые, вероятно, могут быть связаны с исходными domestikцированными видами. Сегодня на территории Абхазии обитает так называемый каменный козел или тур (*Capra severtzowi*), который является единственным представителем коз в Абхазии. Однако здесь в палеолите и мезолите обитало несколько видов коз, таких как *Capra caucasica*, *Capra cf. Priscus*, *Capra aegagrus*.

Несомненно, большой видовой состав коз в Абхазии способствовал domestikации этого животного с учетом его особой неприхотливости. Здесь обитали и безоаровые козы (*Capra aegagrus hircus*), которые, как считают специалисты, послужили основой для domestikации козы домашней. Большинство специалистов, исходя из наличия остатков домашней козы, считают, что вероятный центр одомашнивания коз был приурочен к областям восточно-средиземноморских нагорий, включающих Малую Азию, Палестину, области Армянского нагорья и гор Загроса. В северной части Малой Азии расположен и ареал известной ангорской козы. Время начала domestikации козы относят к 9000 лет назад. Реликты безоаровых коз отдельными ареалами до сих пор сохраняются на некоторых островах Эгейского моря (*Там же, 1989*). Козы очень часто встречаются в фаунистических остатках палеолитических и мезолитических памятников. Они найдены в палеолитических отложениях пещеры Окум, в которых представлены безоаровые козы,

¹⁰ Некоторые специалисты связывают проникновение в Восточное Причерноморье свиноводства с миграцией из южных областей Анатолии и Северной Месопотамии земледельческо-скотоводческого населения, связанного с резким похолоданием и аридизацией климата на Ближнем Востоке в начале среднего голоцена (ок. 7500 лет назад). Именно благоприятные условия, сложившиеся в Причерноморье с распространением здесь широколиственных лесов, способствовали активному разведению свиней (*Трифонов, 2009*).

¹¹ Древнейшие очаги domestikации свиньи приурочивают к области верховьев Тигра, где, в частности, на таком эталонном памятнике, как Чейюню-Тепе были найдены следы одомашнивания свиньи, то есть именно в этом регионе и была одомашнена свинья примерно в период где-то середины VIII тыс. до н. э.

тот же вид отмечен и для пещеры Джрчула (*Векуа и др.*, 1981). Подавляющее количество остатков относятся к такому распространенному и в наши дни виду, как западно-кавказский тур (*Capra caucasica*). Он в большом количестве отмечен в пещерах Цуцхвати, Цона, Кударо, Сакажия, Джрчула, Белая, Апианча, Окум, Гварджилас-Клде, Холодный грот (*Там же*). Таким образом, и наша территория, где в охотничьих остатках встречается безоаровая коза, может считаться центром domestikации и появления козы домашней (*Capra hircus hircus*), так как влажный колхидский субтропический лес – прекрасное место обитания для коз (сочная трава, молодые побеги).

Пока сложно ответить на вопрос о domestikации диких баранов. Дикие бараны (*Ovis orientalis* или *Ovis gmelin* по новой классификации) или, как их еще называют, муфлонообразные бараны, пока неизвестны на территории Абхазского Причерноморья. За исключением, правда, единственного случая обнаружения муфлонообразного барана в верхнем палеолите пещеры Окум I (*Бурчак-Абрамович*, 1981). Однако здесь обитали бараны, которые в голоцене мигрировали на юг в Переднюю Азию. Встречаются остатки барана, правда, в ряде палеолитических и мезолитических пещерных памятников Западного Закавказья. Обычно происхождение домашней овцы (*Ovis aries*) связано с муфлонообразными баранами, достаточно широко распространенными во всем альпийском поясе. Это предполагает, вероятно, и полицентризм, или многошаговость, сложения домашних видов. Самые ранние следы domestikации диких баранов, в частности муфлонов, отмечены в Турции и Сирии около 8000 лет назад. На территории Абхазии известны несколько ископаемых видов баранов, происходящие из палеофаунистических остатков пещер палеолита и мезолита. Так у нас встречен баран муфлон (*Ovis cf. ofion Blyth*) и архар (*Ovis cf. Ammon Blyth*) (*Кушнарева*, 1993). Но, еще раз повторюсь, пока мы не можем иметь доказательств наличия domestikации баранов в Абхазии.

Domestikация крупного рогатого скота, в частности, от которого ведет свой род собственно обыкновенная домашняя корова (*Bos taurus taurus*), пока для Абхазии тоже не известна. На сегодняшний день исследование происхождения и породообразования домашней коровы уже позволяет говорить о некоем полицентрическом сценарии одомашнивания этого важнейшего вида животных. Считается установленным, что domestikация коровы происходила путем одомашнивания дикого

первобытного быка *Bos primigenius*, или *Bos taurus primigenius*. Центром одомашнивания коровы являлись несколько очагов, в том числе и ближайший к Восточному Причерноморью Переднеазиатский очаг. Пока сложно сказать, осуществлялась ли domestikация коров на нашей территории. Следует отметить, что крупный рогатый скот является значительно более поздним из одомашненных животных, так как происходило преимущественно одомашнивание мелкого рогатого скота. Правда, в Абхазии имеются палеозоологические находки остатков первобытных быков вида *Bos primigenius*, однако достоверные следы его domestikации пока маловероятны для лесистых областей Абхазского Причерноморья. На территории Абхазии имеются остатки фауны, среди которых представлен дикий бык¹². Так, он отмечен в Ахштырской пещере (*Барышников*, 2012), а также в палеолитических слоях Апианча, Окум и Гварджилас-Клде (*Бурчак-Абрамович*, 1981; *Векуа и др.*, 1981). Таким образом, не исключено, что domestikация крупного рогатого скота сопряжена с взаимодействием с южными переднеазиатскими центрами. Известно, что район, где происходила domestikация крупного рогатого скота, преимущественно был связан с северо-месопотамскими центрами, откуда возможно и происходило проникновение нового domestikата. В Восточном Причерноморье кости домашней коровы зафиксированы в районе Дарквети (*Формозов*, 1964). Вероятно, уже в последующие эпохи здесь стала формироваться характерная для влажных субтропиков Западного Закавказья так называемая низкорослая порода крупного рогатого скота (*Лордкипанидзе*, 1967). Следует отметить, что на Кавказе, да и у нас в Восточном Причерноморье, первобытный бык, скорее всего, был истреблен уже в начале голоцена (*Шнирельман*, 1989). Видимо то же следует сказать об ослax и некоторых других видах крупных животных.

Еще на одном важном аспекте domestikации животных следует остановиться особенно подробно. Речь идет о вероятном возникновении здесь, в Абхазском Причерноморье, птицеводства и, в частности, куроводства¹³. В наши дни известно восемь видов современных диких куриных, из которых шесть видов встречаются здесь в ископаемом

¹² На Кавказе первобытные быки известны как минимум со среднего плейстоцена, где они имели несколько подвидов.

¹³ Следует отметить сравнительно позднюю по отношению к другим животным domestikацию кур, в период примерно 3500 г. до н. э. В неолите Передней Азии автору неизвестны останки куриных, что странно, с учетом активного развития domestikации животных в этом регионе, по меньшей мере, с VIII тыс. до н. э.

состоянии и относятся к эпохам плейстоцена и голоцена. Среди них и один вымерший вид *Gallus spelaea*. Так, у нас известны кавказский тетерев (*Lyrurus mlokisewiczi* Tacz.), фазан (*Phasianus colchicus* L.), кеклик (*Alectoris kakekli* (Faik)), серая куропатка (*Perdix perdix* L.), перепел (*Coturnix coturnix* L.), горная индейка (*Tetragallus caucasicus* (Pall.)) (Куфтырева и др., 1961). Эти же виды встречаются в большом количестве на многих палеолитических памятниках Восточного Причерноморья и далее в пещерах на территории Грузии, что свидетельствует о все более возрастающей роли птицы в рационе питания. Но особый интерес представляет, конечно же, находка у нас в Восточном Причерноморье настоящей дикой курицы (*Gallus spelaea*), представляющая исключительный интерес в контексте нашей тематики¹⁴. Со всей очевидностью мы можем считать, что Абхазия является родиной зарождения птицеводства вообще и куроводства в частности. Вероятно, Абхазия была зоной, где шла domestикация дикой курицы (*Gallus spelaea*) и появление домашней курицы (*Gallus domesticus* L.), которая несколько позже фиксируется в слоях античного времени в Пицунде (Древнейшие государства..., 1985)¹⁵.

Несомненно, становление животноводства, как и земледелие в условиях Абхазского Причерноморья имело свои специфические особенности, связанные с определенными экологическими факторами. Ве-

¹⁴ Вопрос о признании возникновения у нас в Восточном Причерноморье птицеводства наталкивается на противоречие, связанное с тем фактом, что в науке превалирует в основном моноцентрический сценарий происхождения домашней курицы, которую связывают с исходной банкивской джунглевой курицей. Более того вызывает интерес и наличие разветвленной птицеводческой лексики в исходном прасеверокавказском языке, где представлена не только домашняя курица, но и вообще хозяйственная терминология, связанная с птицеводством. Объяснить данное обстоятельство можно следующим образом: либо имел место полицентрический сценарий domestикации курицы, либо возникновение куроводства базировалось в Причерноморье и соседних районах за счет domestикации иных видов куриных. Термины, связанные с курицей и птицеводством (куроводством) вообще, затем были перенесены на обыкновенную домашнюю курицу с появлением ее здесь в раннеантичную эпоху.

¹⁵ О зарождении и развитии в Абхазии птице- и куроводства свидетельствуют, в том числе, и лингвистические данные реконструируемой культурной лексики прасеверокавказского и прасеверокавказского языков. Здесь представлены не только слово курица, но и термины, связанные с птицеводством, то есть квочка, наседка. Эти факты свидетельствуют в пользу наличия развитого птице- и куроводства в период, когда прасеверокавказская или даже прасеверокавказская общности находились в едином праязыковом состоянии минимум за нескольких столетий до их распада, хронологические рамки которого находятся на рубеже мезолита и неолита.

роятно, в процессе domestикации были сделаны попытки одомашнивания многочисленных представителей групп оленьих, что весомо подтверждается наличием целого пласта мифологических сюжетов. Например, имя героя «Джамхух – сын оленя», несомненно, восходит к доисторическому времени, когда шла попытка domestикации этой группы животных¹⁶. В отдельных случаях оно не пошло дальше попытки приручения, например, оленя, которого затем и вовсе пришлось исключить из претендентов на роль domestикатов. Вероятно, подобные попытки могли иметь место и с другими видами животных, например, зубром, первобытным быком, кавказским лосем и т. д. В отдельных случаях, с учетом лимитирующих экологических факторов, имелись положительные результаты domestикации свиней, коз, баранов и, особенно, куриных. Другие domestичированные виды проникают сюда, очевидно, несколько позже. Большинство данных недвусмысленно свидетельствуют о том, что на территории Восточного Причерноморья имелись все предпосылки для становления скотоводства, что было обусловлено наличием большинства исходных видов животных – базовых domestикатов. К сожалению, пока на территории Абхазии и прилегающих областей нет таких материалов, позволяющих проследить эволюцию одомашнивания. Лучше представлен фаунистический материал палеолита и мезолита и, в какой-то мере, аналогичный материал для периодов поздней бронзы и античности. Основной пробел падает именно на неолит и энеолит, указывая на то, что в это время области Западного Закавказья базировались на присваивающем хозяйстве, и лишь позже произошла передача неолитических достижений из южных более передовых центров Анатолии и Передней Азии. Автор данных строк не склонен к такому утверждению. Несомненно, темпы, характер, ход и специфика зарождения скотоводства лимитировались определенными природными факторами.

По нашему мнению, учитывая состояние науки первой половины XX в., большинство хрестоматийных неолитических памятников Закавказья были изучены не на должном методическом уров-

¹⁶ Очевидно, одомашнивание оленей, которое имело место на севере Евразии, могло происходить и в более южных областях. Видимо, по пути к domestикации животных шел процесс видового отбора претендентов на одомашнивание, первоначального приручения животных. Их диапазон мог быть очень широк. Подобная ситуация могла сложиться и с оленями. В частности, это подтверждается известным на древнеегипетских фресках сюжетом приручения оленей. Очевидно, и на Кавказе, и Ближнем Востоке имела место такая попытка.

не и не исключено, что ряд важной информации утерян навсегда. Возможно, будущие исследования с учетом новых методов и технологий внесут свои коррективы в решение этой проблемы.

Важно это и потому, что исследование проблемы зарождения производящей скотоводческой экономики и вообще неолитической экономики, включая, разумеется, и земледелие, играет большую роль в изучении проблем этногенеза и этнической истории древних обществ Восточного Причерноморья, особенно на ранних, не освещенных письменными источниками этапах. Как известно, при изучении этногенеза большая роль отводится и проблеме определения культурного облика древних народов – предположительно предков современных абхазо-адыгских народов. Восстанавливаемый облик древнего предка или предков этих народов по данным археологии, этнографии и историко-сравнительного языкознания помогает решить проблему поиска прародин этих народов, определения исходных очагов, откуда шли последующие миграции, если таковые имели место¹⁷. Правильная оценка археологического материала и его теоретическое осмысление, несомненно, вносят большие коррективы в изучение ранних этапов этногенеза. В данном контексте автор решил показать, что все данные, связанные с зарождением земледелия и скотоводства, которые фиксируются в исходной лексике, несомненно, отражают тот факт, что облик прасевернокавказской, а позже и абхазо-адыгской общности формировался в местах своего прежнего расселения. Об этом автор неоднократно указывал и в других своих работах (*Канделаки*, 2010; 2011; 2013; 2014а; 2014б).

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем говорить о некоем Восточно-причерноморском сценарии перехода к производящей неолитической земледельческо-скотоводческой экономике, обусловленной доместикационным потенциалом Абхазского Причерноморья.

¹⁷ В науке нередко данные сравнительно-исторического языкознания по абхазо-адыгским и вообще прасевернокавказским общностям при определении их историко-культурного облика нередко истолковываются как важные свидетельства того, что они мигрировали из более южных областей, исходя из того факта, что портрет этих общностей не соответствует облику неолита Закавказья. Это порождает миграционные теории и гипотезы. Иногда исходную прародину находят на севере Месопотамии, либо традиционно в Анатолии, либо в областях Балкано-Карпатского региона. В какой-то степени к такому выводу приходят и на основе анализа данных металлургической терминологии, связывая, например, расцвет Балкано-Карпатских металлургических центров с приходом туда носителей прасевернокавказской семьи (*Старостин*, 1988; *Сафронов*, 1989; *Канделаки*, 2013).

- Бар-Оз и др.*, 2009 – *Бар-Оз Г., Бельфер-Коев А., Мешвелиани Т., Жакели Н., Мацкевич З., Бар-Йозеф О.* Охота на медведя в мезолите на Южном Кавказе // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск, 2009. Вып. 1 (37).
- Барышников*, 2012 – *Барышников Г. Ф.* Обзор ископаемых остатков позвоночных из плейстоценовых слоев Ахштырской пещеры (Северо-Западный Кавказ) // *Труды Зоологического института РАН*. СПб., 2012. Т. 316. № 2.
- Бендукидзе*, 2010 – *Бендукидзе О.* Об остатках домашних собак из археологических памятников Южной Грузии // *Международ. науч. конф. «Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа»: Сборник кратких содержаний докладов* (Тбилиси, 25–27 июня 2009 года). Тбилиси, 2010.
- Бендукидзе*, 2011 – *Бендукидзе О.* Дикая свинья и домашняя свинья, их значение и роль для человека преисторического и исторического периодов на территории Грузии // *Международ. науч. конф. «Археология, Этнология, Фольклористика Кавказа»: Сборник кратких содержаний докладов* (Тбилиси – Гори – Батуми, 27–30 сентября 2010 г.). Тбилиси, 2011.
- Бурчак-Абрамович*, 1977 – *Бурчак-Абрамович Н. И.* Материалы к изучению ископаемых позвоночных из пещеры Кеп-Богаз в Абхазии // *Известия Абхазского института языка, литературы и истории*. Тбилиси, 1977. Вып. 7.
- Бурчак-Абрамович*, 1981 – *Бурчак-Абрамович Н. И.* Ископаемые позвоночные верхнепалеолитической стоянки пещеры Окуми в Южной Абхазии // *Пещеры Грузии*. Тбилиси, 1981. Т. 9.
- Векуа и др.*, 1981 – *Векуа А. К., Габелая Ц. Д., Мухелишвили А. Т.* Палеолитическая фауна позвоночных из пещер Западной Грузии // *Пещеры Грузии*. Тбилиси, 1981. Вып. 9.
- Верещагин*, 1959 – *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа. М., 1959.
- Долуханов*, 1978 – *Долуханов П. М.* География каменного века. М., 1978.
- Древнейшие государства... 1985 – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М., 1985. (Археология СССР).
- Иванов*, 2011 – *Иванов В. В.* Современное состояние индоевропейской проблемы // *Вестник РАН*. М., 2011. Т. 81. № 1.
- Канделаки*, 2010 – *Канделаки Д. А.* Становление производящей экономики на территории Абхазии // *Человек: его биологическая и социальная история: Труды Международ. конф., посв. 80-летию академика РАН В. П. Алексеева* (Четвертые Алексеевские чтения) (г. Москва, 9–12 ноября 2009 г.). М., 2010.
- Канделаки*, 2011 – *Канделаки Д. А.* Ранние этапы этногенеза абхазо-адыгов и географическая среда их обитания (к постановке проблемы) // *Абхазоведение: История. Археология. Этнология*. Сухум, 2011. Вып. V–VI.
- Канделаки*, 2013 – *Канделаки Д. А.* Об этногенезе абхазов. Некоторые проблемы источниковедения и историографии // *Абхазоведение: История. Археология. Этнология*. Сухум, 2013. Вып. VIII–X.
- Канделаки*, 2014а – *Канделаки Д. А.* Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей земледельческой экономики // *Труды Ботанического института*. Сухум, 2014. Вып. III.
- Канделаки*, 2014б – *Канделаки Д. А.* Неолитическая революция: Восточно-причерноморский сценарий: Докл. на науч. конф., посв. 80-летию В. В. Бжания. Сухум, 11 марта 2014.

- Кушнарева, 1993 – Кушнарева К. Х. Южный Кавказ IX–II тыс. до н. э.: Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993.
- Куфтырева и др., 1961 – Куфтырева Н. С., Лашихия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. Сухуми, 1961.
- Лордкипанидзе, 1967 – Лордкипанидзе Г. А. Животноводство и промыслы античной Колхиды // СА. 1967. № 1.
- Любин, 1989 – Любин В. П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. (серия «Палеолит мира»).
- Любин, 1994 – Любин В. П. Адаптация человека в горах Кавказа в верхнем палеолите и мезолите // РА. 1994. № 2.
- Сафронов, 1989 – Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Сергин, 1971 – Сергин В. Я. Об одной гипотезе одомашнения собаки // СА. 1971. № 1.
- Соловьев, 1961 – Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшаква в 1960 г. // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка и литературы им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1961. Т. XXXII.
- Старостин, 1988 – Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Трифонов, 2009 – Трифонов В. А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб., 2009.
- Тушабрамишвили и др., 1990 – Тушабрамишвили Д. М., Тушабрамишвили Н. Д., Буачидзе Ц. И., Лордкипанидзе О. Д., Твалчрелидзе М. Г. Палеолитическая стоянка Ортвала-Клде // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990.
- Формозов, 1964 – Формозов А. А. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований // СА. 1964. № 3.
- Чистяков, 1986 – Чистяков Д. А. Исследование Малой Воронцовской пещеры в Сочинском Причерноморье // СА. 1986. № 3.
- Церетели, 1991 – Церетели Л. Д. К вопросу о древнейшем рыболовстве в Грузии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
- Шнирельман, 1989 – Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства: Проблема первичных и вторичных очагов. М., 1989.

Domestication potential of the Abkhazian Black Sea littoral and the most ancient centres of the origin of the food-producing pastoralist economy

D. A. Kandelaki

The appearance of animal breeding must be considered as an extremely important component of the origination of a food-producing economy. What is the place of Abkhazia, as well as of the entire eastern Black Sea region, in the process of domestication of animals? Undoubtedly, all the prerequisites for domestication of animals in Abkhazia were limited by the presence of the original wild animal species. Pig should be considered as the first animal which had been primarily tamed and subsequently domesticated. Pig holds an essential place among the faunistic finds from Palaeolithic sites. Thus its remains have been recorded in caves of eastern Black Sea littoral and Western Georgia, e.g. those of Akhshtyr, Apiancha (Кер-Богаз), Okum, the Khupynipshakhua Grotto (Cold Grotto), farther on they were found in Tsutskhvati, Tsona, Kudaro, Sakazhia, Dzhruchula, Belaya, Gvardzhilas-Klde, Ortvala-Klde, Kotias-Klde. Goat must have been another pretender for an early domestication which was taking place apparently even simultaneously with the domestication of pig. Records of bezoar ibex (*Capra aegagrus*) come e.g. from Palaeolithic deposits in the Okum cave; the same species was found in the Dzhruchula cave in Georgia. Thus the

Abkhazian territory where bezoar goat (*Capra aegagrus*) is found among the hunting remains can be considered as a centre of its domestication and breeding of the domestic goat (*Capra hircus hircus*). It is so far difficult to solve the problem of the domestication of wild sheep. A single by now occurrence of mouflon-like sheep has been reported from the Upper Palaeolithic of the Okum I cave. In the territory of Abkhazia, possibly also domestication of large horned cattle (*Bos taurus taurus*) took place. There are found here fauna remains including wild bovines (*Bos primigenius*), e.g. in the Apiancha and Okum caves. Remains of wild bulls are found also in the Akhshtyr cave (Russian Federation) and Gvardzhilas-Klde (Georgia). Possibly, the Abkhazian Black Sea area was also a centre of arising aviculture, in particular, hen-keeping. In Abkhazia, eight species of Gallinaceae are known in a fossil state including the genuine wild hen (*Gallus spelaea*) which served as a basis for breeding the domestic hen (*Gallus domesticus* L.).

Summing up all the above, we are justified to speak about some Eastern Black Sea scenario of the transition to the Neolithic food-producing agricultural and herding economy based on the domestication potential of the Abkhazian Black Sea littoral.

ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

В. А. Алёшкин¹

Аннотация. В статье анализируется структура археологического погребального обряда, а также характеризуются заложенные в нем шесть информационных блоков и обоснована методика их изучения. Предложенный в статье подход к исследованию древних захоронений направлен как против чрезмерного скептицизма, свойственного некоторой части научного сообщества о возможности социологических и идеологических реконструкций по данным погребальных памятников, так и против склонности периодически кардинально менять принципы анализа одного из важнейших археологических источников, при этом отклоняя прежние подходы к его изучению.

Annotation. This article analyses the structure of archaeological burial rite and characterises the six information blocks it contains grounding the method of their studies. The approach to studies of ancient burials proposed in the paper is oriented against an excessive scepticism which is inherent to a part of the scientific community concerning sociological and ideological reconstructions through funeral sites. At the same time, it rejects the propensity to change from time to time cardinally the principles of analysis of this important archaeological source disregarding completely the previous approaches to its study.

Ключевые слова: захоронение, стандартный погребальный обряд, погребальный инвентарь, информационный блок, половозрастные группы, семейно-брачные отношения, социальная и имущественная дифференциация, богатые и бедные погребения, культурогенез, палеодемография.

Keywords: burial, standard funerary rite, grave goods, information block, sex and age groups, family and marital relations, social and property differentiation, rich and poor burials, cultural genesis, palaeodemography.

Тридцать пять лет назад я опубликовал две небольшие статьи (Алёшкин, 1981а; 1981б) и через два года англоязычную работу (Alekshin, 1983), в которых определил объем сведений, отразившихся в таком археологическом источнике, как погребальный памятник. В моих исследованиях анализировалась структура археологического похоронного ритуала², введено понятие «стандартный погребальный обряд», а также дана характеристика заложенных в нем шести информационных блоков и предложена методика изучения четырех из них. Основные выводы этих работ выдержали проверку временем, а понятие «стандартный погребальный обряд» вошло в отечественную археологическую науку. Вместе с тем, некоторые исследователи не согласились с предложенным мною подходом к изучению древних могильников и подвергли кри-

тике полученные на его основе результаты. С другой стороны, за истекшие годы стало ясно, что отдельные формулировки, высказанные мною в упомянутых выше работах, требуют уточнения или дополнения. Обе причины побудили меня вернуться к рассмотрению археологического погребального обряда, чтобы внести коррективы в сделанные ранее выводы и одновременно ответить на высказанные оппонентами критические и, по моему мнению, ошибочные, суждения.

Заключение о том, что похоронные ритуалы несут разнообразную информацию о традиционных обществах, базируется на этнологических данных (Алёшкин, 2014. С. 13–14). Следовательно, раскапывающие погребальные памятники археологи имеют уникальную возможность изучать различные стороны быта древних социумов. Для успешного решения этой задачи необходима систематизация исследуемых захоронений, на основе которой вначале нужно реконструировать похоронный обряд, свойственный тому или иному могильнику, и затем – их совокупности. Эта последняя характеризует погребальную практику

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² Термины «похоронный ритуал (обряд)» и «погребальный ритуал (обряд)» используются как синонимы.

населения, обитавшего в определенном культурном ареале.

Разумеется, археолог не может в полной мере восстановить все детали похоронного ритуала, поскольку из его поля зрения выпадают разнообразные обрядовые действия, которые живые совершали с телами умерших до их похорон и при обустройстве для них погребальных сооружений (Алёкшин, 1981а. С. 3; Леонова, Смирнов, 1977. С. 17–19; Ольховский, 1986. С. 70, 72). Время уничтожило также большую часть свидетельств о поминальных церемониях, происходивших на месте погребения по завершении похорон или спустя какое-то время после них. Таким образом, исследователь древностей находится в более сложном положении, чем этнолог, который при изучении живых социальных организмов основывает свои суждения о них посредством личного наблюдения либо анализируя данные, полученные от информаторов. В отличие от этнологии, которая исследует явления, не нашедшие отражения в материальной культуре (например, погребальные плачи и танцы во время похорон, поминки в доме покойного), археология, имеющая дело с мертвыми социальными организмами, анализирует лишь те их звенья, от которых сохранились вещественные свидетельства, зафиксированные во время раскопок.

Исходя из этого, некоторые ученые пришли к выводу о том, что в археологии понятия «похоронный обряд» и «погребальный памятник» не являются синонимами (Гуляев, Ольховский, 1999. С. 13; Леонова, Смирнов, 1977. С. 17–19; Ольховский, 1986. С. 70, 72; 1995. С. 87–88). Самым последовательным сторонником этой точки зрения был В. С. Ольховский, который считал, что «погребальный обряд по определению не может полностью отразиться в своем результате – погребении, а тем более в погребальном памятнике, поврежденном многовековым процессом естественного разрушения; изучение же погребального памятника далеко не равнозначно изучению погребальной обрядности» (Ольховский, 1995. С. 88). Представляется, что такая его позиция сформировалась под сильным влиянием этнологии.

Однако в отличие от этнологии археология изучает структуру погребального обряда в редуцированном виде, то есть только те ритуальные действия, которые устанавливаются в результате раскопок древнего погребения. Впрочем, раскопав одно захоронение, нельзя выявить все детали погребального ритуала, ибо он формировался под воздействием ряда факторов, о которых подробнее

будет сказано ниже. Таким образом, похоронный обряд какой-либо археологической культуры можно реконструировать лишь после изучения серии захоронений, и только в этом смысле отдельный погребальный памятник не тождественен похоронному ритуалу в целом.

Итак, раскопки захоронений, даже самые совершенные в методическом отношении, дают материалы, свидетельствующие лишь о части некогда совершенных похоронных ритуалов. Однако именно эта информация представляет собой основу для реконструкции погребального обряда в археологии, при этом, чем больше будет раскопано могильников той или иной археологической культуры, тем полнее будут сведения о похоронных ритуалах ее носителей.

Археологический погребальный обряд как совокупность символических действий, выявленных в результате раскопок могильников, служит незаменимым источником для получения культурных, религиозных, социологических и демографических сведений о древних племенах и народах. Таким образом, *анализ погребального обряда*, включающий способ захоронения (кремация, ингумация, мумификация, выставление и т. д.), тип захоронения (одиночное, двойное, тройное, коллективное), позицию умершего, форму погребального сооружения, ритуальные действия в момент похорон и после них, набор погребального инвентаря, а также локализацию могильников, дает ключ к интерпретации археологических погребальных памятников (Алёкшин, 1981а. С. 3; 1981б. С. 19; Alekshin, 1983. P. 138).

Погребальный обряд любой археологической культуры состоит из *двух компонентов*. **Первый компонент** представлен находками, свидетельствующими о различных традиционных ритуальных действиях, которые происходили в момент похорон или сразу после них. Речь идет о таких особенностях обряда, как способ захоронения (обращение с телом покойного); устройство интерьера погребального сооружения (различные подсыпки, красная краска, продукты горения на дне/полу или в заполнении; циновки на дне/полу и/или на стенах; перекрытие); состав инвентаря и его местоположение в могиле; поза усопшего, важнейшими характеристиками которой являются ориентация тела относительно стран света и положение кистей умершего; а также находки, свидетельствующие о тризне. Все эти символические действия необходимы для перевода в потусторонний мир скончавшихся членов общины, составляющих ее основное ядро

и связанных общим родством (Алёкишин, 1981а. С. 3; 1981б. С. 19–21; Alekshin, 1983. Р. 137–138).

Второй компонент включает в основном те составляющие похоронного ритуала (форма погребального сооружения, набор инвентаря, место захоронения на территории могильника, иногда специфическая поза тела), которые отражают общественное положение усопшего (*Там же*).

Совокупность двух компонентов составляет *стандартный (традиционный) погребальный обряд* той или иной археологической культуры. Эти два взаимосвязанных компонента нельзя рассматривать изолированно друг от друга или противопоставлять друг другу, поскольку для извлечения любой информации необходимо детально анализировать погребальный обряд в целом (*Там же*).

К близким выводам пришел и В. С. Ольховский (1986. С. 67–68; 1991. С. 4–5; 1993. С. 85–86), различающий два уровня в похоронном ритуале. Один из них характеризует его религиозно-идеологическое содержание, а другой – его практическое воплощение, которое является системой символических и реальных действий, осуществленных при захоронении умершего. По его мнению, оба уровня органически слиты, хотя и обладают относительной самостоятельностью.

Свои взгляды на структуру погребального обряда В. С. Ольховский считал правильными, а приведенную выше мою точку зрения трактовал, во-первых, как выражение крайнего огрубления, которое отличается неполным представлением о содержании и структуре погребальной обрядности, «понимаемой <...> как механический набор информационных блоков...», а, во-вторых, как логически некорректное объединение процесса (ритуальные действия) с материальными объектами (инвентарь) и даже субъектами (погребенные) (Ольховский, 1995. С. 87). В этой связи следует отметить, что суждение В. С. Ольховского о наличии неких границ в похоронном обряде между ритуальными действиями, материальными объектами и погребенными не только противоречит ранее высказанной им же идее об органическом слиянии двух уровней похоронного обряда, но и лишает перспектив аналитические исследования погребальных памятников. Их правильная трактовка зависит от восстановления стандартного погребального обряда в том виде, в каком его можно реконструировать, что основывается на сумме всех фактов и наблюдений, зафиксированных во время раскопок (погребальные сооружения, останки умерших, наборы инвентаря, а также

артефакты, свидетельствующие о ритуалах, совершенных во время или сразу после похорон).

В похоронном ритуале как археологическом источнике потенциально заложена весьма разнообразная информация. А. Хойслер считал, что, исследуя погребальные обряды, можно установить половозрастную и социальную дифференциацию общества, а также частично реконструировать форму семьи и брака в эпоху первобытности (Häusler, 1975. S. 83–94). С моей точки зрения, он существенно сузил объем сведений, которые можно извлечь, изучая похоронные ритуалы.

Анализ погребальных обрядов следует проводить по **шести информационным блокам**. Каждый из них освещает определенную сторону культуры древних обществ. Для первых четырех блоков в равной степени важны оба вышеупомянутых компонента похоронного ритуала.

Первый информационный блок содержит данные по вопросам культурогенеза, которые позволяют исследовать проблемы происхождения археологической культуры, ее развития и замены иной или иными культурами. При смене одной археологической культуры другой возможно полная или частичная трансформация погребального обряда. Полная замена стандартного похоронного ритуала другим, видимо, свидетельствует об исчезновении в социуме прежних культурных традиций, что могло быть вызвано вторжением носителей другой культуры, которые вытеснили прежних обитателей с мест их традиционного расселения. Такого рода перемещения племен обычно происходят вследствие экологического кризиса, военного разгрома или эпидемий.

Частичное изменение стандартного погребального обряда, то есть модификация многих элементов, составляющих прежний стандартный похоронный ритуал, и трансформация его в новый стандартный погребальный обряд, говорит о проникновении в среду носителей какой-либо археологической культуры пришлого населения с иными культурными традициями. Эти события приводят к формированию третьей археологической культуры, отличающейся от двух первых, причем внешнему воздействию может подвергнуться любой из традиционных элементов прежнего стандартного погребального обряда. Как правило, в этой ситуации изменяются тип захоронения, ритуальные действия, состав инвентаря, иногда форма погребального сооружения.

Соотношение в новом стандартном похоронном ритуале старых традиционных черт и привнесен-

ных элементов должно ответить на вопрос, какой культурный компонент (местный или пришлый) стал ведущим при формировании новой археологической культуры.

Кроме того, следует иметь в виду, что социумы, населявшие ареалы, в которых контактировали носители двух археологических культур, влияли друг на друга, но это взаимодействие, отражавшееся в погребальных обрядах, не сопровождалось племенными передвижениями.

Похоронные ритуалы могут также служить источником для изучения дальних и близких торговых связей древних общин.

Изменения в похоронных ритуалах могли рождаться также в результате внутреннего развития материальной и духовной культуры общин, а также эволюции их общественного строя. Новации, вызванные этими причинами, не ведут к кардинальной трансформации прежних погребальных обрядов.

Наряду с указанными возможностями, изучение похоронных ритуалов позволяет выявлять древние социумы с идентичными погребальными обрядами, что предполагает родство этих коллективов, за которым, видимо, кроется их общий культурный субстрат (Алёшкин, 1981а. С. 4; 1981б. С. 19, 21; Alekshin, 1983. P. 138–139).

Второй информационный блок связан со спецификой данного археологического источника и отражает представления людей о посмертной судьбе человека. Изучая погребальные обряды, можно проследить эволюцию верований о потустороннем мире, а также установить отношение людей, живших в отдаленные исторические эпохи, к смерти и умершим (Там же). При исследовании этого круга вопросов следует использовать этнологические источники, а также данные по мифологии, фольклору и эпосу³.

Третий информационный блок позволяет анализировать общественное положение различных половозрастных групп в древних социумах, поскольку в похоронных ритуалах, судя по данным этнологии, отражаются половозрастные различия умерших (Алёшкин, 2014. С. 13–14). Эта особенность погребального обряда, зафиксированная уже в мустьерское время (Алёшкин, 1995. С. 208), существовала на протяжении всех археологических эпох вплоть до распространения мировых религий.

³ Круг вопросов, связанных с этим информационным блоком, подробно рассмотрен в моей недавно опубликованной статье (см. Алёшкин, 2014).

Поскольку имеются закономерности распределения инвентаря в могилах, коррелирующие с полом и возрастом умершего, то возможна реконструкция похоронных ритуалов, характерных для различных половозрастных групп коллектива, оставившего тот или иной могильник. Решение этой задачи только антропологическими методами возможно далеко не всегда из-за плохой сохранности человеческих останков. Поэтому разработан комбинированный способ воссоздания половозрастной структуры социума, которому принадлежало кладбище. Вначале, основываясь на антропологических данных, устанавливают закономерности распределения инвентаря, соответствующие полу и возрасту погребенных, затем переносят установленные пропорции на те захоронения, для которых невозможна антропологическая экспертиза из-за плохой сохранности скелетов (Алёшкин, 1981а. С. 4). Следовательно, вопреки мнению некоторых исследователей (Смирнов, Гендрякова, 1990. С. 72), существуют не только антропологические методы определения пола и возраста покойного. Впрочем, полученные таким комбинированным способом наблюдения, характерные для одного могильника, нельзя механически переносить на другое кладбище той же культуры.

Восстановив половозрастную структуру какого-либо могильника, следует в отдельности рассмотреть три большие серии захоронений: мужчин, женщин и детей. Каждую из них необходимо по возможности разбить на возрастные группы, для которых нужно определить стандартный погребальный обряд и, ориентируясь на него, судить о социальном положении той или иной половозрастной группы населения, оставившего это кладбище. В том случае, когда большинство умерших похоронено в соответствии с одним и тем же стандартным обрядом, следует признать, что различия, обусловленные полом и возрастом усопшего, не отражаются в погребальном ритуале данного могильника (Алёшкин, 1981а. С. 4–5; 1981б. С. 19; Alekshin, 1983. P. 139–140).

Четвертый информационный блок открывает возможность исследовать, хотя и в довольно узких пределах, вопросы семейно-брачных отношений. Изучение истории семьи должно быть ограничено анализом двойных, тройных и коллективных захоронений, причем необходимо установить их вертикальную или горизонтальную стратиграфию в курганных или грунтовых могильниках. Нужно также определить последовательность подзахоронений или одновременность захоронений в этих

могилах, хронологическая эволюция которых дает шанс проследить основные тенденции развития семьи в древних социумах. Что же касается принятого в том или ином коллективе счета родства (материнский или отцовский), то его нельзя восстановить по данным похоронного ритуала.

Вопрос о формах брака можно рассматривать лишь в тех случаях, если на каком-либо кладбище похоронены «чужаки», могилы которых можно было бы истолковать как свидетельства брачных контактов данного коллектива с соседними общинами. Как указано выше, стандартный погребальный обряд включает ряд одобренных традицией ритуальных действий, необходимых для перевода в потусторонний мир умерших членов коллектива, связанных общим родством. Отклонения от этих норм, улавливаемые на археологическом материале, следует связывать с практикой захоронения на кладбище членов разных родов, то есть с появлением общинных могильников, в которых члены основного ядра общины похоронены в соответствии с традиционными погребальными традициями, а «чужаки» (мужчины и женщины) – в соответствии с ритуалами, в которых сочетаются нормы погребальной обрядности, характерные как для местного, так и для пришлого населения. Захоронения «чужаков» на общинном кладбище возможны только при постоянном общении различных коллективов, которое, прежде всего, было необходимо для регулирования норм семейно-брачных отношений в древних социумах. Могильник, на котором нет захоронений «чужаков», видимо, является родовым. Анализ половозрастных характеристик «чужаков», похороненных на общинных кладбищах, сможет пролить свет на существовавшие в древности формы брака.

В результате изучения похоронных ритуалов возможно установление родства по сватовству для людей, погребенных в парных, тройных и коллективных могилах. Если при исследовании этих захоронений установлено смещение признаков стандартных погребальных обрядов, характерных для двух различных могильников, то, скорее всего, в этих могилах лежат происходившие из разных социумов люди, которые при жизни были соединены брачными узами. Если такое смещение ритуальных черт отсутствует, то логичнее предположить обратное: в данной могиле похоронены кровные родственники, степень родства которых, исходя только из анализа погребального ритуала, установить нельзя (Алёкшин, 1981а. С. 7; 1981б. С. 19–20; Alekshin, 1983. P. 143–145).

Пятый информационный блок содержит сведения о социальном расслоении древних обществ, которое, в большинстве случаев, отражалось в похоронных ритуалах (Алёкшин, 2014. С. 13–14). Однако вплоть до сегодняшнего дня в науке идет полемика между противниками и сторонниками этой точки зрения.

Еще в 1927 г. А. Крёбер, изучавший культуру аборигенов Калифорнии, выдвинул гипотезу о том, что погребальные обряды изолированы от экономической и общественной сферы социума. Как ритуальные действия они не стабильны и поэтому не могут являться источником информации о социальной стратификации традиционного общества (Kroeber, 1927). Спустя три года Э. Бенденн опубликовала монографию, в которой, обобщив многочисленные этнологические материалы, показала, что социальный фактор (статус персоны) все же влиял на погребальную практику различных традиционных социумов в Новом Свете, Южной и Восточной Азии, Австралии и Меланезии (Bendann, 1930. P. 268–272). После выхода в свет этой книги стало ясно, что концепцию А. Крёбера нельзя абсолютизировать.

Выводы Э. Бенденн были впоследствии подтверждены Л. Бинфордом. Суммировав данные современной этнологии, он пришел к выводу о том, что в традиционных обществах существовала корреляция между социальным строем и похоронными обрядами, причем изменения общественных отношений порождают трансформацию форм погребальных ритуалов. В оседло-земледельческих общинах существует прямая взаимозависимость между сложностью похоронных обрядов и системой различных социальных статусов умерших, тогда как у собирателей и охотников погребальный ритуал отражает в основном половозрастную дифференциацию покойных (Binford, 1971. P. 10–15, 17–20).

Социальным расслоением общества следует объяснять все разнообразие похоронных ритуалов, которые были выявлены по материалам могильника, оставленного единым по культуре населением, при условии того, что, во-первых, все захоронения этого кладбища относятся к сравнительно непродолжительному хронологическому периоду, во-вторых, выявлены все особенности обряда, связанные с половозрастными характеристиками умерших, и, в-третьих, в ритуале не прослеживается культурное влияние извне. В силу этих обстоятельств исчезают и все основания для объяснения различных вариантов обряда эволюцией религиозных верований (Алёкшин, 1975. С. 50).

Однако скептики, разделяющие взгляды А. Крёбера, по-прежнему отвергают социологический подход к интерпретации древних погребальных памятников. Самую бескомпромиссную позицию среди них занимал П. Акко. Ссылаясь на результаты отдельных этнологических исследований, авторы которых выявили отсутствие корреляции между похоронным ритуалом и социальным устройством общества, П. Акко отрицает возможность создания надежной методики для восстановления общественных процессов в древности. Социальная значимость археологических погребальных памятников, по его мнению, утрачена, и ее нельзя восстановить. П. Акко также убежден в том, что нет объективных критериев оценки бедности и богатства погребального инвентаря (Ucko, 1969. P. 266–272). Впрочем, взгляды П. Акко имеют и положительную сторону. Они предостерегают специалистов от прямолинейных реконструкций общественного строя древних обществ, которые периодически появляются в археологической литературе.

В отечественной науке близкую точку зрения высказал, как это ни покажется странным, В. С. Ольховский. Теоретически допуская возможность социологических реконструкций в археологии, вместе с тем он полагал, что различающиеся по наборам инвентаря группы погребений, выделяемые с помощью статистико-комбинаторных методов, являются лишь «идеальными моделями погребальных комплексов», несущими разнобразную информацию и поэтому имеющими «прямое отношение не только к сугубо социальной, но и к другим сферам жизни палеообщества». Согласно его представлениям, модели нельзя рассматривать в качестве слепков социальных групп, их содержание «более широко и многогранно, а иногда и не столь определено». Модели подлежат дальнейшему анализу и верификации на основе методики, создание которой является делом будущего (Ольховский, 1995. С. 96–97).

Впрочем, не все отечественные исследователи согласны с этим выводом и полагают, что изучение социальной структуры древних обществ по их погребальным памятникам вполне возможно (Мышкин, 1999. С. 279–280, 284).

Сомнения в правильности социологического подхода к изучению погребальных обрядов высказал также Й. Ходдер. Он и его сторонники считают, что религиозные воззрения, мифология и космология оказывали ключевое влияние на формирование похоронных ритуалов, препятствуя тем самым адекватному отражению в них соци-

альной дифференциации населения. Эта группа ученых полагает, что основными задачами археологов, анализирующих погребальный обряд, являются исследование символики его различных элементов и изучение вопроса о влиянии идеологии на погребальную практику (Антонова, 1999; Антонова, Раевский, 1984; Гуляев, 2006. С. 10–11; Hodder, 1982a. P. 9–11; 1982b; Parker Pearson, 1982; Shennan, 1986). Впрочем, некоторые исследователи, разделяющие основные идеи Й. Ходдера, признают, что методологические основы этого подхода и его процедура еще слабо разработаны, в частности, нет четкой дефиниции для понятия «контекст», которое в рамках данного направления является ключевым при рассмотрении погребальных памятников (Härke, 1997. P. 21).

И все же скептицизм ученых, отвергающих социологический подход к исследованию погребальных памятников, не оправдан. Возможность создания методики, позволяющей изучить социальную структуру коллектива на основе интерпретации похоронного ритуала, все-таки существует (Алёкшин, 1975; 1981a. С. 5–7; 1981b. С. 19–20; Alekshin, 1983. P. 140–143).

При анализе социальной дифференциации древних обществ главное внимание следует обратить на второй основной компонент погребального обряда – форму погребального сооружения, набор инвентаря, место захоронения на территории могильника. По возможности следует учитывать и сопровождающие похороны ритуальные действия.

Важнейшим признаком социального расслоения коллектива, оставившего тот или иной могильник, является наличие на этом кладбище захоронений, которые отличаются неравноценными в имущественном отношении наборами инвентаря, содержащими различные по своему функциональному назначению артефакты.

Для каждой половозрастной группы умерших какого-либо могильника следует установить стандартный набор погребального инвентаря, который является нормой для данной группы захоронений и сам по себе ни беден, ни богат. Если в погребениях встречены только стандартные наборы, то социальная дифференциация общества либо не имела места, либо не отражена в похоронном ритуале. Следует отметить, что внутри каждой половозрастной группы может оказаться несколько типов стандартного инвентаря.

Наличие захоронений без инвентаря наряду с погребениями, в которых найдены стандартные

наборы, отнюдь не свидетельствует о социальной дифференциации древнего социума, так же как и присутствие захоронений, инвентарь которых «беднее» стандартных. Такое распределение артефактов в могиле может быть обусловлено как плохой сохранностью вещей в погребениях, так и обстоятельством смерти человека, причина которой могла предопределить скудость инвентаря.

Однако и появление богатых погребений далеко не всегда указывает на то, что в обществе уже начался процесс имущественного и социального расслоения населения. Богатые детские захоронения, столь широко представленные во многих археологических культурах, служат свидетельством того, что вера в магическую силу некоторых детей, которым покровительствовали добрые духи, была широко распространена у древнего населения Евразии (Алёшкин, 1981а. С. 6).

Богатство, обнаруженное в погребениях женщин, часто представлено только их личными украшениями, количество которых, в первую очередь, зависело от возраста покойницы. Таким образом, богатые могилы, в которых найдены останки женщин, похороненных вместе с разнообразными украшениями и аксессуарами туалета, могут указывать лишь на сложившуюся в коллективе систему половозрастных классов (Там же).

Социальное расслоение общества фиксируется, как правило, благодаря богатству захоронений мужчин. Поэтому мужские погребения, инвентарь которых богаче стандартного набора, могут свидетельствовать о том, что социум, оставивший данный могильник, представлял собой коллектив, в котором уже существовала система различных социальных рангов. Захоронения богатых мужчин в погребальных сооружениях, форма которых отличается от общепринятых, бесспорно указывают на социальную дифференциацию данного общества. Выявленные бедные, стандартные и богатые захоронения являются источником социологических реконструкций.

Следует также отметить, что богатейший инвентарь, который был найден в так называемых гробницах знати и который, как полагают некоторые исследователи, характеризовал умершего не как обладателя верховной власти или состоятельного владельца каких-либо имуществ, а как носителя религиозно-магических функций, представляющего интересы социума перед миром богов и духов (Антонова, Раевский, 1984. С. 160–167), был все же помещен в могилы лиц, несомненно, занимающих высокое общественное положение.

По мнению В. С. Ольховского (1995. С. 90), эти погребения подтверждают наличие мифологической социальной структуры общества, то есть указывают на божественное происхождение той или иной семьи или рода. Однако, прежде всего, богатство захоронений знати, зависящее, вероятно, от влияния идеологии на похоронный ритуал, свидетельствует о далеко зашедшем процессе социальной дифференциации тех обществ, которым принадлежали такие пышные гробницы.

Критерии богатства погребального инвентаря являются непостоянными величинами, меняясь в зависимости от конкретных хронологических периодов. Универсальные критерии, применимые для всех археологических эпох, не существуют. Однако методы оценки богатства инвентаря должны быть едиными и универсальными. Вначале по степени богатства следует сравнивать захоронения с одинаковыми стандартными наборами инвентаря (например, с сосудами), затем – захоронения с различными стандартными наборами инвентаря (например, с оружием и с орудиями труда).

Имеется несколько методов оценки богатства погребального инвентаря. Согласно одному из них, чем больше вещей найдено в захоронении, тем оно богаче. В соответствии со вторым методом необходимо подсчитывать количество типов вещей в погребении: чем больше их представлено в могиле, тем она богаче. Третий метод учитывает частоту встречаемости вещей в захоронениях: чем реже находят какой-либо предмет в могиле, тем ценнее набор, составной частью которого является эта находка (Алёшкин, 1981а. С. 6).

Однако все эти методы не учитывают материал, из которого сделаны вещи. На практике это ведет к тому, что, с формальной точки зрения, захоронение с десятью кремневыми и костяными орудиями следует считать богаче погребения с тремя различными металлическими изделиями (первый метод); захоронение с золотым сосудом нужно расценивать как более бедное по сравнению с погребением, в котором обнаружены глиняный сосуд, бронзовая подвеска и каменные бусы (второй метод); деревянное блюдо, найденное в одном из захоронений, надлежит рассматривать как более дорогую вещь, чем металлическую посуду, которую гораздо чаще клали в могилы (третий метод).

При помощи первых двух методов можно сравнивать только качественно однородные наборы инвентаря, которые в основном характерны для эпохи камня (верхний палеолит, мезолит, неолит). Эти методы не применимы для более поздних

археологических эпох, когда инвентарь захоронений становится значительно разнообразнее.

Некоторые специфические изделия из камня, кости, рога и глины (булавы, жезлы, печати, статуэтки) очень редко встречаются в погребениях каменного века. Однако данное обстоятельство отнюдь не указывает на высокую стоимость этих предметов. Видимо, они являлись символами особого статуса умерших.

Следующие два метода оценки богатства инвентаря учитывают степень его насыщенности металлическими изделиями в соответствии с их количеством или весом (*Там же*. С. 6–7). Таким образом, оцениваются количество и качество только определенной части инвентаря. Впрочем, самый последний метод вряд ли применим в широких масштабах. Например, в эпоху энеолита благодаря украшениям вес металлических изделий, найденных в женских захоронениях, превосходит суммарный вес металлических предметов, обнаруженных в погребениях мужчин. Однако это не означает, что женские захоронения богаче мужских. Подобные факты нужно интерпретировать как следствие половых различий умерших.

Для эпохи бронзы и железного века следует использовать метод оценки богатства инвентаря, который учитывает количество металлических изделий в захоронении. Однако в этот метод необходимо внести две поправки. Во-первых, нужно принимать во внимание весь набор погребального инвентаря. Во-вторых, следует брать в расчет характер металлического сырья (медь, бронза, серебро, золото) и конкретные типы металлических изделий, которые более важны для сравнения: оружие, орудия труда, печати, посуда.

Самыми богатыми захоронениями являются погребения с престижными вещами из золота, серебра, электры и бронзы (парадное оружие, столовая посуда, символы власти, печати). Затем по мере убывания ценности инвентаря следуют захоронения, в которых вещи из металла представлены обычными изделиями, и, наконец, погребения, где металлические изделия отсутствуют. Таким образом, при помощи этого метода можно сравнивать качественно разнородные наборы погребального инвентаря.

Выделив бедные, стандартные и богатые захоронения, следует приступить к функциональному анализу наборов их инвентаря. Благодаря такому исследованию существует возможность выявить захоронения элиты общества при условии,

что социальные ранги составляющих ее людей нашли отображение в наборах сопроводительных вещей. Однако следует иметь в виду, что отсутствие инвентаря в могиле далеко не всегда говорит о неполноправном статусе умершего.

Некоторые археологи с большой осторожностью отнеслись к предложенной мною методике изучения социальной структуры древних обществ (*Антонова*, 1989. С. 263–265) или дали ей отрицательную оценку, поскольку, по их мнению, такой поверхностный и механистический подход игнорирует духовную составляющую обрядности, выдавая за реконструкцию общественного строя «результаты статистико-комбинаторного ранжирования совокупности погребений» (*Гуляев, Ольховский*, 1999. С. 14).

Столь жесткая критика обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, оппоненты не желали разобраться в существовании предложенного подхода, согласно которому сведения о социальной структуре древних коллективов составляют лишь один блок информации, содержащийся в похоронном ритуале, который включает и другие блоки, в том числе и мировоззренческий.

Во-вторых, критики моей методики, говоря о социальной информативности археологических погребальных памятников, вольно или невольно следуют в русле этнологического, а не археологического подхода к исследованию погребальных обрядов. Ориентируясь на этнологические параллели и аналогии, эти ученые создали идеальную модель структуры похоронного ритуала и его анализа. Однако попытка практического применения этой модели, например, для изучения скифских погребений Северного Причерноморья не дала ожидаемого эффекта. Полученные результаты содержат лишь перечисление обычных действий участников похоронного ритуала, в том числе и такого их поведения, которое никак не могло отразиться в археологическом материале (подготовка тела к захоронению, выбор места погребения старейшинами и прорицателями, способы подготовки места захоронения, количество землекопов, роющих могилу, периодичность поминок и т. д.) (*Ольховский*, 1991. С. 172–178). Таким образом, оказалось, что на практике эта модель не может реализовать те принципы анализа древних захоронений, которые она предлагает. Более того такая модель ориентирована на извлечение и той информации, которую источник заведомо не может предоставить.

Констатация этих фактов отнюдь не является голословным упреком. Обратимся, например, к рекомендациям, которые В. С. Ольховский (1995. С. 93–94) давал археологам, изучающим проблемы социальной дифференциации древних коллективов по данным похоронных ритуалов. Справедливо отметив необходимость критики источников и анализа погребальных обрядов в их хронологическом развитии, он упрекнул своих оппонентов в том, что они оперируют лишь элементами погребального памятника и фактами, а не реконструируемыми действиями (*Там же*. С. 92), как будто в археологии возможна иная процедура исследования. Кроме того непонятно, чем факт (например, ритуальная поза скелета, ориентированного черепом в направлении той или иной страны света) отличается от реконструируемого действия, то есть от размещения тела в могиле в соответствии с требованиями похоронного ритуала. В. С. Ольховский также считал, что привлечение максимально возможного количества признаков погребальных памятников для создания достоверной социологической реконструкции, не имеет достаточных оснований (*Там же*. С. 93), хотя именно такой подход позволяет воссоздать погребальный обряд и отделить его существенные признаки (например, расположение кистей усопшего) от менее значимых (например, степень согнутости ног покойного в тазобедренных суставах).

Вызывает возражение и принятый В. С. Ольховским за аксиому тезис о том, что социологическая информация весьма редко входит напрямую «в содержание элементов погребального памятника», являясь, таким образом, информацией «второго порядка» (*Там же*. С. 93). Однако в опубликованной им ранее монографии, посвященной скифским погребальным памятникам степной зоны Восточной Европы, на это нет и намека. Судя по этой книге, он исследовал социальную дифференциацию скифского общества, используя традиционные методы анализа различных погребальных сооружений и наборов сопроводительного инвентаря (*Ольховский*, 1991. С. 64–65, 134, 149). Действительно, изучая погребальные обряды, можно сравнительно быстро установить, отражалось ли социальное расслоение общества в захоронениях или нет, тогда как, например, причину смерти покойного, опираясь лишь на археологические данные, удастся определить лишь в исключительных случаях. Нельзя признать верным и суждение В. С. Ольхов-

ского о том, что инвентарь следует рассматривать, в первую очередь, «как средство обеспечения успешного перехода в ‘мир иной’ и существования в нем, а не как знак определенного социального ранга погребенного» (*Ольховский*, 1995, С. 94). Такая трактовка оставляет открытым вопрос о том, почему, например, в древнеземледельческих обществах одному покойному для путешествия в страну мертвых требовалось несколько десятков сосудов и разнообразная экипировка, а другому для этой же цели хватало и двух горшков.

В. С. Ольховский считал весьма полезным такой индикатор социального ранга умершего, как трудовые затраты на возведение погребального сооружения (*Там же*. С. 94–95). Однако подсчеты подобных издержек всегда приблизительны, да и точность полученных результатов практически отсутствует. Эти конструкции нужно оценивать по их размерам (длина, ширина, высота/глубина, объем в кубических метрах), которые дают представление о количестве труда, необходимым для сооружения того или иного погребального памятника.

В-третьих, мои оппоненты и я по-разному представляем себе конечный результат исследования социальной структуры древних обществ. С точки зрения моих критиков, ее изучение возможно лишь после завершения шести других этапов исследования (восстановление структуры погребального памятника, выявление «идеальных моделей» захоронений, антропологическое определение костного материала, реконструкция погребального обряда, религиозно-мифологических представлений, а также восстановление «гипотетической» социальной структуры на основе данных об уровне экономического развития общества) (*Там же*. С. 97; *Гуляев, Ольховский*, 1999. С. 14). Однако они не раскрывают, каким именно образом следует анализировать ранговую структуру социума, и какая информация в ней заключена. Создается впечатление, что сторонники этого направления действительно рассчитывают получить исчерпывающие сведения о социальном устройстве того или иного древнего коллектива.

Однако нужно иметь в виду, что социологический анализ не должен выходить за пределы возможностей источников, в данном случае – погребальных памятников. Например, при отсутствии письменных документов вывод о том, что гробницы знати, вероятно, свидетельствуют о перерастании имущественного неравенства населения

в социальное (Гуляев, 1976. С. 226–227), неправомерен. Такой подход уже был подвергнут критике в литературе (Антонова, Раевский, 1984. С. 156–157), так как на основании археологических источников нельзя установить, находились ли обнаруженные в богатых гробницах вещи в частной собственности умерших или нет.

По моему мнению, реконструкция социальной структуры древних обществ по данным погребального обряда предполагает решение *двух задач*. На первом этапе необходим анализ захоронений с различными типами инвентаря, который включает гетерогенные по своему функциональному назначению артефакты. Именно такие группы погребений указывают на социальную неоднородность того или иного коллектива и являются индикаторами его сложности или ранжированности. Сравнивая в соответствии с этим показателем могильники различных археологических культур, можно проследить три основные тенденции развития древних обществ. Их социальная структура со временем либо усложняется (дальнейшая диверсификация наборов инвентаря и увеличение количества его типов), либо характеризуется застоем (количество типов инвентаря не изменяется) или даже деградацией (сокращение численности типов инвентаря). Эти пути развития социумов могут быть подтверждены археологическими материалами.

Второй этап предусматривает выявление корреляции между численностью типов погребального инвентаря и соотношением бедных, стандартных и богатых захоронений в том или ином обществе. Такое исследование может ответить на вопрос о том, в какой степени усложнение или деградация социальной структуры коллектива (то есть расцвет ранжированного общества или его упадок) влияли на количество и качество инвентаря, помещенного в могилы людей, имеющих различные статусы.

Полученные результаты, характеризующие социальное расслоение древнего населения, не могут быть описаны в терминах современной социологии, экономики и этнологии. Адекватное использование понятий, которыми оперируют эти науки, в данном случае невозможно, хотя не исключено, что в отдельных случаях наборы инвентаря все же указывают на профессиональные занятия покойного (мастера и торговцы). Однако, изучая социальный строй раннеклассовых обществ по материалам могильников, археологи вправе использовать для его характеристики терминологию, заимствованную из

древнейших письменных документов, если в них достаточно полно отражена реальная социальная иерархия первых государственных образований. В связи с этим необходимо указать, что вопрос о том, «какую из относительно хорошо известных социально-терминологических схем (вавилонскую, древнекитайскую, древнеиндийскую и т. п.) следует применять, например, при изучении носителей катакомбной, срубной, карасукской и других культур», вероятно, возник у В. С. Ольховского только по недоразумению (Ольховский, 1995. С. 89).

Шестой информационный блок содержит некоторые сведения о палеодемографии. Изучая похоронные ритуалы, можно систематизировать данные о пищевом рационе, продолжительности жизни, болезнях, травмах и причинах смерти древнего населения (Федосова, 1995. С. 106, 109) и, кроме того, изучать изменения его половозрастной структуры (Кислый, 1995). Следует также иметь в виду, что в традиционных обществах обстоятельства смерти иногда оказывали влияние на формы погребальной обрядности (Schwidetzky, 1965).

Палеоантропология помогает решать и некоторые чисто археологические задачи. Например, анализ краниологических и одонтологических данных позволяет получить ответ на вопрос, было ли население, оставившее тот или иной могильник, однородно по расовому составу или оно смешивалось с иноэтничными (иного расового состава) группами. В отдельных случаях палеоантропологи, используя методику определения дискретно-варьирующих признаков, определяют наличие семейных групп на могильнике, выявляя генетическое сходство между родителями и детьми. Родственные отношения между индивидами устанавливаются также при изучении патологических изменений, которые связаны с наследственными заболеваниями. Современные анализы костного материала дают иногда такие результаты, которые могут оказать помощь в установлении социального ранга умершего. Например, длина и вес тела зависели от качества питания, то есть от общественного статуса умершего. Сословную принадлежность индивида можно также определить, анализируя содержащиеся в костях микроэлементы. Если в них выявлено повышенное содержание свинца, то индивид питался преимущественно мясной пищей, чрезмерная концентрация стронция, наоборот, указывает на углеводную диету. Разная интенсивность потребления мясной пищи характеризует различия социальных рангов умерших. Кроме того,

профессиональная деятельность некоторых погребенных, контактировавших при жизни в силу специфики их рода занятий с различными химическими элементами и соединениями, приводила к накоплению этих веществ в организме человека. Таким образом, появляется шанс узнать, каким ремеслом занимался индивид (Федосова, 1995. С. 104–105, 107–109). Исследование различного рода изотопов, содержащихся в костях людей, позволяет устанавливать не только модели их питания, но и выявлять маршруты сезонных перекочевок тех или иных групп древнего населения (Шишлина, 2015).

Что же касается возможности определения численности древних популяций (Гей, 1990; Федосова, 1995. С. 106), то вслед за И. Швидетцки (Schwidetzky, 1965. S. 244), видимо, следует признать эту задачу невыполнимой, по крайней мере, на уровне современных возможностей науки. Два обстоятельства препятствуют положительному решению этой проблемы. Во-первых, не ясен ответ на вопрос, имеется ли достаточное количество полностью раскопанных могильников той или иной археологической культуры, чтобы установить число ее носителей. Во-вторых, некоторых умерших могли не хоронить на общем кладбище. Речь идет, прежде всего, о новорожденных младенцах и детях младше семи лет (Иванова, 2002. С. 34). Кроме того, в древности один и тот же коллектив людей мог использовать различные способы погребения, в том числе и такие, которые вели к полному уничтожению останков человека. В любом случае те выборки погребений, которые ныне имеют в своем распоряжении исследователи, пока не дают им возможности проводить обоснованные подсчеты количества обитателей, населявших в древности тот или иной ареал.

Анализ похоронных ритуалов по всем информационным блокам возможен лишь при условии соблюдения требований современной полевой методики, тщательно фиксируя все сохранившиеся детали исследуемого погребального памятника, ибо достоверная реконструкция похоронного ритуала вероятна лишь на основе правильной реконструкции погребальных памятников (Ольховский, 1986. С. 72). Следует установить абсолютную хронологию, а также вертикальную и горизонтальную стратиграфию всех раскопанных могильников какой-либо археологической культуры. Скелетные останки людей должны быть изучены антропологом (Хлопин, 1987. С. 44). Необходимо учитывать разрушенные и разграбленные погребения, а также захоронения, методика раскопок которых ныне

признана неудовлетворительной. Все эти погребальные памятники нужно подвергнуть тщательному анализу, чтобы извлечь из них информацию, которая могла в них еще сохраниться.

Изложенный здесь подход к исследованию древних захоронений направлен как против чрезмерного скептицизма, свойственного некоторой части научного сообщества, о возможности социологических и идеологических реконструкций по данным погребальных памятников (Смирнов, Тендрякова, 1990), так и против склонности периодически кардинально менять принципы анализа одного из важнейших археологических источников, отбрасывая прежние подходы к его изучению. Археологам, представляющим различные научные направления, давно уже следовало бы признать, что при интерпретации похоронных ритуалов есть место и работам по исследованию закономерностей развития археологических культур, и трудам, посвященным рассмотрению символики погребальных обрядов, и разработкам в сфере общественных отношений. Будущее археологии принадлежит именно таким комплексным исследованиям, в которых погребальные памятники станут предметом всестороннего анализа.

Алёшкин, 1975 – Алёшкин В. А. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Мат-лы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР. Апрель 1975 / отв. ред. В. Н. Боряз, В. М. Массон. Л., 1975.

Алёшкин, 1981a – Алёшкин В. А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. 1981. Вып. 167.

Алёшкин, 1981b – Алёшкин В. А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Мат-лы методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии / отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л., 1981.

Алёшкин, 1995 – Алёшкин В. А. Мустьерские погребения Западной Европы // АВ. 1995. № 4.

Алёшкин, 2014 – Алёшкин В. А. Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1919–19.02.2010) / отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб., 2014.

Антонова, 1989 – Антонова Е. В. Рецензия на книгу В. А. Алёшкина «Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока)». Л.: Наука, 1986. 191 с. // СА. 1989. № 3.

- Антонова*, 1999 – *Антонова Е. В.* Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / отв. ред. В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский. М., 1999.
- Антонова, Раевский*, 1984 – *Антонова Е. В., Раевский Д. С.* «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ: Сб. науч. тр. / отв. ред. Е. П. Бунытян. Киев, 1984.
- Гей*, 1990 – *Гей А. Н.* Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы: по погребальным памятникам Прикубанья // КСИА. 1990. Вып. 201.
- Гуляев*, 1976 – *Гуляев В. И.* Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства / отв. ред. А. И. Першиц. М., 1976.
- Гуляев*, 2006 – *Гуляев В. И.* Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // РА. 2006. № 2.
- Гуляев, Ольховский*, 1999 – *Гуляев В. И., Ольховский В. С.* Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / отв. ред. В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский. М., 1999.
- Иванова*, 2002 – *Иванова С. В.* О социальной позиции детей в ямном обществе (по материалам Северо-Западного Причерноморья) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. X.
- Кислый*, 1995 – *Кислый А. Е.* Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего коллектива // РА. 1995. № 2.
- Леонова, Смирнов*, 1977 – *Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А.* Погребение как объект формального анализа // КСИА. 1977. Вып. 148: Методика археологических исследований и раскопки археологических памятников.
- Мышкин*, 1999 – *Мышкин В. Н.* К проблеме взаимосвязи социальной структуры и погребальной обрядности в древних обществах // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.
- Ольховский*, 1986 – *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1.
- Ольховский*, 1991 – *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- Ольховский*, 1993 – *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1.
- Ольховский*, 1995 – *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.
- Смирнов, Тендрякова*, 1990 – *Смирнов Ю. А., Тендрякова М. В.* 1990. О роли обыденного создания в археологической реконструкции: погребальный обряд // КСИА. 1990. Вып. 201: Проблемы теории и методики в современной археологической науке.
- Федосова*, 1995 – *Федосова В. Н.* О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций // РА. 1995. № 2.
- Хлопин*, 1987 – *Хлопин И. Н.* К методике интерпретации погребальных памятников (по сумбарским могильникам) // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1987. № 6.
- Шишлина*, 2015 – *Шишлина Н. И.* Идентификация сезонных и длительных миграций населения южнорусских степей и Северного Кавказа в бронзовом веке по данным геохимического анализа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур и культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Мат-лы междунар. науч. конф. и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург) / ред. М. Т. Кашуба и др. СПб., 2015.
- Alekshin*, 1983 – *Alekshin V. A.* Burial Customs as an Archaeological Source // Current Anthropology. 1983. V. 24. No 2.
- Bendann*, 1930 – *Bendann E.* Death Customs: an Analytical Study of Burial Rites. London, 1930.
- Binford*, 1971 – *Binford L. R.* Mortuary practices: their studies and their potential // Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices / J. A. Brown (ed.). Washington, 1971 (Memoirs of the Society for American Anthropology, No. 25).
- Häusler*, 1975 – *Häusler A.* Zur Problematik der Gräbersozologie // Moderne Probleme der Archäologie / Hrsg. K.-H. Otto, H.-J. Brachmann. Berlin, 1975.
- Härke*, 1997 – *Härke H.* The nature of burial date // Burial and society. The chronological and social analysis of archaeological burial date / C. K. Jensen, K. H. Nielsen (eds.). Aarhus, 1997.
- Hodder*, 1982a – *Hodder I.* Theoretical archaeology: a reactionary view // Symbolic and structural archaeology / I. Hodder (ed.). Cambridge, 1982.
- Hodder*, 1982b – *Hodder I.* Sequences of structural change in the Dutch Neolithic // Ibid.
- Kroeber*, 1927 – *Kroeber A. L.* Disposal of the Dead // American Anthropologist. 1927. n. s. V. 29. No 3.
- Parker Pearson*, 1982 – *Parker Pearson M.* Mortuary practices, society and ideology: an ethnoarchaeological study // Symbolic and structural archaeology / I. Hodder (ed.). Cambridge, 1982.
- Schwidetzky*, 1965 – *Schwidetzky I.* 1965. Sonderbestattungen und ihre paläodemographische Bedeutung // Homo. 1965. Bd. XV. Hf. 4.
- Shennan*, 1986 – *Shennan St.* Central Europe in the third millennium B. C.: an evolutionary trajectory for the beginning of the European Bronze Age // Journal of Anthropological Archaeology. 1986. V. 5. No 2.
- Ucko*, 1969 – *Ucko P. J.* Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. 1969. V. 1. No 1.

Information capacity of archaeological funerary sites

V. A. Alekshin

Archaeological funerary rite as the aggregate of symbolic activities discovered through excavations of burial grounds is an indispensable source for obtaining cultural, religious, social and demographic information on ancient peoples. Analysis of the funerary rite therefore provides a key to interpretation of archaeological burial sites. This analysis includes consideration of the type of interment (cremation, inhumation, mummification, exposition, etc.), the characteristics of the burials (single, paired, triple, collective), the type of the mortuary structure, ritual activities during the burial and afterwards, the set of the grave goods, the position of the deceased, as well as the situation of the burial grounds. It thus provides us with a key to interpreting archaeological funerary sites.

Burial rite of any archaeological culture includes two constituents. The first is represented by finds characterizing approbated by tradition different ritual activities which took place during the interment or immediately after it. The features concerned are such peculiarities of the rite as the method of burying (treatment of the body of the deceased), the interior of the mortuary installation (the presence or absence of different beddings on its bottom/floor or in its fill, red dye, traces of burning; mats covering the bottom/floor and/or the walls of the grave or its ceiling), the composition of the grave goods and its distribution in the grave, the position of the deceased characterised mainly by the orientation of the body on the cardinal points and the position of the hands of the skeleton. Also of importance are finds telling us about the funerary feast. All these symbolic activities were intended to see off the deceased members of the community to the other world.

The second constituent comprises a series of predominantly material elements of the funerary ritual (the form of the mortuary installation, the set of grave gifts, the place of interment within the cemetery, sometimes the specific ritual position of the body) symbolising the social position of the deceased.

The aggregate of these two components constitutes the standard (traditional) burial rite of a given archaeological culture. The two components both should not be considered in isolation or opposed to each other since it is necessary to analyse in detail the entire funerary rite in order to extract any information from it.

Analysis of burial rites must be conducted through six information blocks. The first contains data related with the cultural genesis enabling us to explore the problems of the origin of an archaeological culture, its evolution and its replacement by a new culture or cultures. The second block concerns the specifics of the given archaeological source and reflects the notions of people about the post mortem fate of man. The third block gives us the possibility to examine the social positions of different sex and age groups of ancient people. The fourth block opens the prospects of studying questions of family and marital relations. The fifth block contains information on the social stratification of ancient communities. Finally, the sixth block constitutes some information on the palaeodemography.

Archaeologists representing different scientific directions must have already long ago recognized that during interpretation of funerary rituals there is place to studies of regularities of evolution of archaeological cultures and examination of the symbolism of burial rite as well as investigations concerned with social relations. The future of archaeology pertains exactly to interdisciplinary studies of this kind while funerary sites will become a subject of a comprehensive analysis.

ДРЕВНИЕ ВЕЩИ В ПОЗДНИХ КОНТЕКСТАХ, ИЛИ ИСТОРИЯ СОСУДА ИЗ КУРГАНА ПАРКАНЬ 97 В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ¹

М. Т. Кашуба²

Аннотация. В статье рассматривается известное явление в развитии «мира вещей», когда предметы наделяются ранее несвойственной им знаковой функцией. Как пример взят кубок из раннекочевнического погребения из кургана 97 у с. Паркань в Северо-Западном Причерноморье. Приводятся полное описание предмета и новая датировка. Анализируются перипетии его истории – от раскопок до попадания в частное владение в Берлине (Германия) и возвращения обратно в экспозицию музея г. Херсон (Украина). Диахронные примеры подобного рода позволяют выявить этапы функционирования некоторых древних предметов, ставших престижными объектами, символами или оберегами.

Annotation. This article considers the well-known phenomenon in the evolution of the 'world of things' where a symbolic function uncharacteristic of an artefact is imparted to it. As an example, a beaker from an early nomadic burial in kurgan no. 97 near the village of Parkan in the north-western Black Sea littoral is considered. Here, an extensive description of this object as well as its new dating is proposed. The turns and twists of its history are traced from the time when it was found during an excavation until it got to a private property in Berlin (Germany) and then returned back to the exposition of the museum in the city of Kherson (Ukraine). Diachronic examples of this kind allow us to identify the stages of use of certain ancient objects which came to be pieces of prestige, symbols or amulets.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, ранний железный век, ранние кочевники, погребение, сосуд, орнамент, знаковая функция, предмет «на удачу».

Keywords: North-Western Black Sea region, Early Iron Age, early nomads, burial, jar, ornamental pattern, symbolic function, amulet, talisman.

Введение. Вскоре после объединения Германии в 1991 г. в Музей преистории и ранней истории в Берлине, находящийся тогда по старому адресу в замке Шарлоттенбург, пришла пожилая женщина³. Она принесла небольшой глиняный кубок. В древности у сосуда была отбита верхняя часть, сам он – чернолощенный, богато украшенный резным и штампованным узором (рис. 1, 2). Она попросила принять эту вещь в фонд музея и выразила надежду, что когда-нибудь сосудик вернется обратно в Украину, в Херсонский музей. В свое время единственной вещицей, которую принес ее

муж с Восточного фронта⁴, был этот сосудаик как память о том, что он смог вернуться домой целым и невредимым. Почти полвека кубок был его талисманом и хранился в семье на почетном месте. Перед смертью этот человек завещал вернуть сосудаик обратно... Единственное, что тогда было известно сотрудникам музея в Берлине – место предыдущего хранения: Херсонский музей. Остальные детали оставались не ясными.

Через несколько лет, весной 1994 г. Херсонский краеведческий музей получил из берлинского Музея преистории и ранней истории около 100 предметов из числа пропавших вещей из экспозиции во время оккупации Херсона в 1941–1944 гг. Возвращенные экспонаты относились к разным эпохам и представляли собой разрозненные предметы из различных коллекций, а в качестве места находки было записано «юг России» (*Былкова, Василенко*,

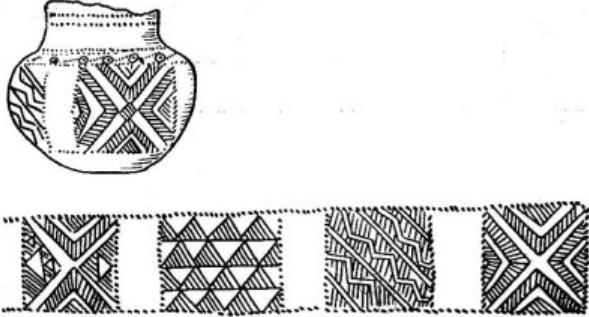
¹ Работа выполнена в рамках проекта № 90 216, поддержанного Фондом Фольксваген (Германия).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

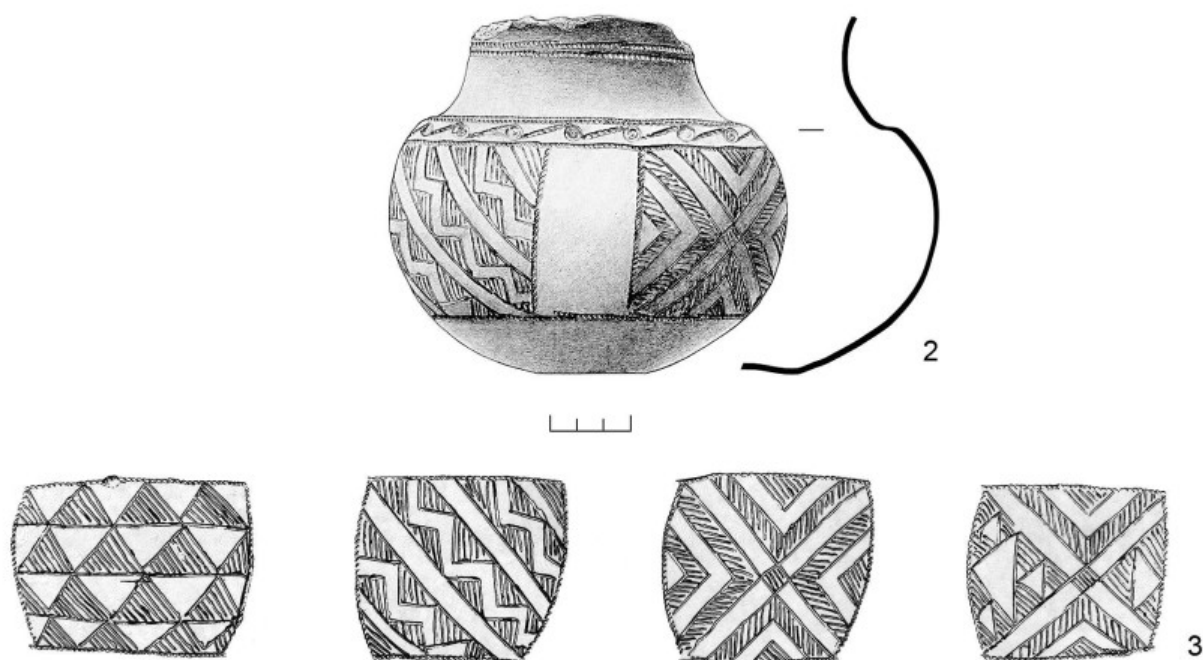
³ Автор выражает благодарность проф. Бернхарду Хэнзелю и докт. Алекс Хэнзель (Берлин, Германия) за любезно предоставленную информацию.

© М. Т. Кашуба, 2016

⁴ Восточный фронт Второй мировой войны или Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры могилы, м	Погребальный инвентарь
1	Парканы 97	Погребение на горизонте 	—	

1

3

Рис. 1. Погребение Паркань 97 в Северо-Западном Причерноморье: 1 – погребение и сосуд (Мелюкова, 1962. Табл. 1, 1); 2, 3 – сосуд с разверткой орнамента (рисунок с натуры, Берлин/Германия)

Fig. 1. Burial Parkan 97 in north-western Black Sea region: 1 – grave and a vessel (2, 3 – vessel with scan-out of the decoration (drawing from life, Berlin/Germany)

1999. С. 76 сл.). Лишь на четырех предметах сохранились номера и надписи, «остальные были определены по сохранившейся в Херсонском музее документации и публикациям» (*Там же*). Среди этих предметов оказался и возвращенный из частного владения лощеный кубок, который вместе с другими экспонатами находился в Херсонском

музее предположительно до 1944 г. (подробнее о коллекциях: *Костенко*, 2015. С. 174–175).

Выяснилось, что уже после своей «пропажи» впервые детально кубок был опубликован И. В. Фабрициус. Рисунок вещи был сделан с натуры в 1938 или 1939 г. (*Фабрициус*, 1951. С. 9. Табл. VI, 1a, 1б), то есть до «пропажи». Это позволило

впервые надежно идентифицировать сосуд как происходящий из кургана 97 у с. Паркань⁵ на Нижнем Днестре. Далее этот же рисунок до 1980-х гг. трижды переиздавался при рассмотрении степных погребений предскифского времени, как это видно из работ А. И. Мелюковой (рис. 1, 1 – Мелюкова, 1962. С. 116–117, 153. Табл. 1, 1), А. И. Тереножкина (*Тереножкин*, 1976. С. 40, 56–57. Рис. 13, 9) и Н. А. Гаврилюк (1979. С. 31, 33. Рис. 6, 4; 8, 9), а также в неизменном виде попал в последние публикации начала 2000-х гг. (*Махортых*, 2005. С. 222. Рис. 125, 10; *Бруяко*, 2005. С. 29. Рис. 3, 13).

В настоящее время все вернувшиеся из берлинского музея находки составляют отдельный фонд «Возвращенные ценности» в Херсонском областном краеведческом музее, номер кубка из Паркань 97 – ХКМ-а-9041 (<http://hokm.ks.ua/kraeznavchi-kolekcii/arheologija/162-arheologichna-kolekcija.html?start=7>; доступ 27 марта 2016 г.).

История этого артефакта в XX в. являет собой примечательный опыт бытования древних вещей в поздних контекстах (рис. 2), но прежде обратимся к самой находке.

Раскопки курганов в конце XIX – начале XX в. в Нижнем Поднестровье. Свой первый Открытый лист за № 278 на раскопки курганов в Тираспольском уезде Херсонской губернии титулярный советник, смотритель земской больницы и арестного дома в г. Тирасполь Иоиль Яковлевич Стемпковский получил в 1896 г. благодаря хлопотам и рекомендации В. И. Гошкевича (НА ИИМК, РА, ф. 1, 1895 г., д. 214)⁶. Под руководством И. Я. Стемпковского «правильные раскопки курганов велись <...> в 14 пунктах Тираспольского – 388 курганов <...> уезда», которые были раскрыты до издания книги В. И. Гошкевича, то есть до 1903 г. (*Гошкевич*, 1903. С. 88). Всего с 1896 по 1914 гг. (с перерывами) было раскопано около 412 курганов (*Фабрициус*, 1951. С. 15. Прим. 10).

В Херсонский археологический музей (так в конце XIX – начале XX в. назывался музей в г. Херсоне) до 1903 г. на хранение «были переданы все предметы, добытые раскопками И. Я. Стемпковского и дневники его работ, с согласия Импе-

раторской Археологической комиссии» (*Гошкевич*, 1903. С. 128).

Судя по описанию курганов, В. И. Гошкевич держал в руках полную версию дневников И. Я. Стемпковского (*Там же*. С. 114–128). Напротив, в нескольких делах ИАК, имеющихся в рукописном архиве НА ИИМК РАН, дневники раскопок И. Я. Стемпковского представлены лишь частично (ф. 1, 1897 г., д. 62; ф. 1, 1898 г., д. 10; ф. 1, 1899 г., д. 23; ф. 1, 1900 г., д. 47; ф. 1, 1910 г., д. 333). Просмотренные дела ИАК не дали сведений об интересующей нас находке. В свою очередь, в первой публикации сосуда отсутствуют данные о том, из какого именно кургана он происходит, кроме общего упоминания о местонахождении (*Фабрициус*, 1951. Табл. VI, 1а, 1б). Поэтому в поисках более точных сведений приходится ориентироваться на сделанную В. И. Гошкевичем систематизацию⁷, а также опубликованные данные. Они гласят, что сосуд из кургана, получившего, согласно В. И. Гошкевичу, № 97 (возле Паркань было вскрыто в 1897 г. – 87, в 1898 г. – 11 и в 1899 г. – 25 курганов), мог быть найден, скорее всего, при раскопках 1898 г., хотя данные о нем в книге В. И. Гошкевича отсутствуют (*Гошкевич*, 1903. С. 87, 114 сл.).

Комплекс Паркань 97. Что известно о кургане 97 у с. Паркань? Имеются лишь сведения И. В. Фабрициус, которая при описании раскопанных возле с. Паркань курганов опиралась на соответствующие страницы текста рукописи В. И. Гошкевича (*Фабрициус*, 1951. С. 27. Прим. 33). Читаем: «непонятны явления в кургане 97, грабленом. Под северной частью насыпи на материке протянутый костяк, головой на запад, в левой руке – железный нож. На расстоянии 0,71 м к юго-западу от его головы – плита каменная, на ней установлен череп человека с двумя клыками и заросшими гнездами от остальных зубов. На запад от плиты – два сосуда: расписной из желтой глины (табл. II, 3) и черный, грубый» (*Там же*. С. 27. Прим. 35). Соотнести между собой описанные материалы, в том числе решить, могли ли они составлять единый комплекс, сегодня не представляется возможным. Например, один из упомянутых сосудов – позднетрипольский (*Там же*.

⁵ Современное написание – Паркань (Parcani), в начале XX в. писалось – Паркань (рус. Парканы).

⁶ Далее при архивных ссылках на материалы рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН название архива не повторяется.

⁷ В своей работе И. В. Фабрициус указывала, что «в оригиналах дневников нумерация ведется по годам и местностям, очень сбивчивая. В. Гошкевичем принята <...> единая нумерация в хронологическом порядке, использованная и для этой публикации (№ 1–412)» (*Фабрициус*, 1951. С. 15. Прим. 10).

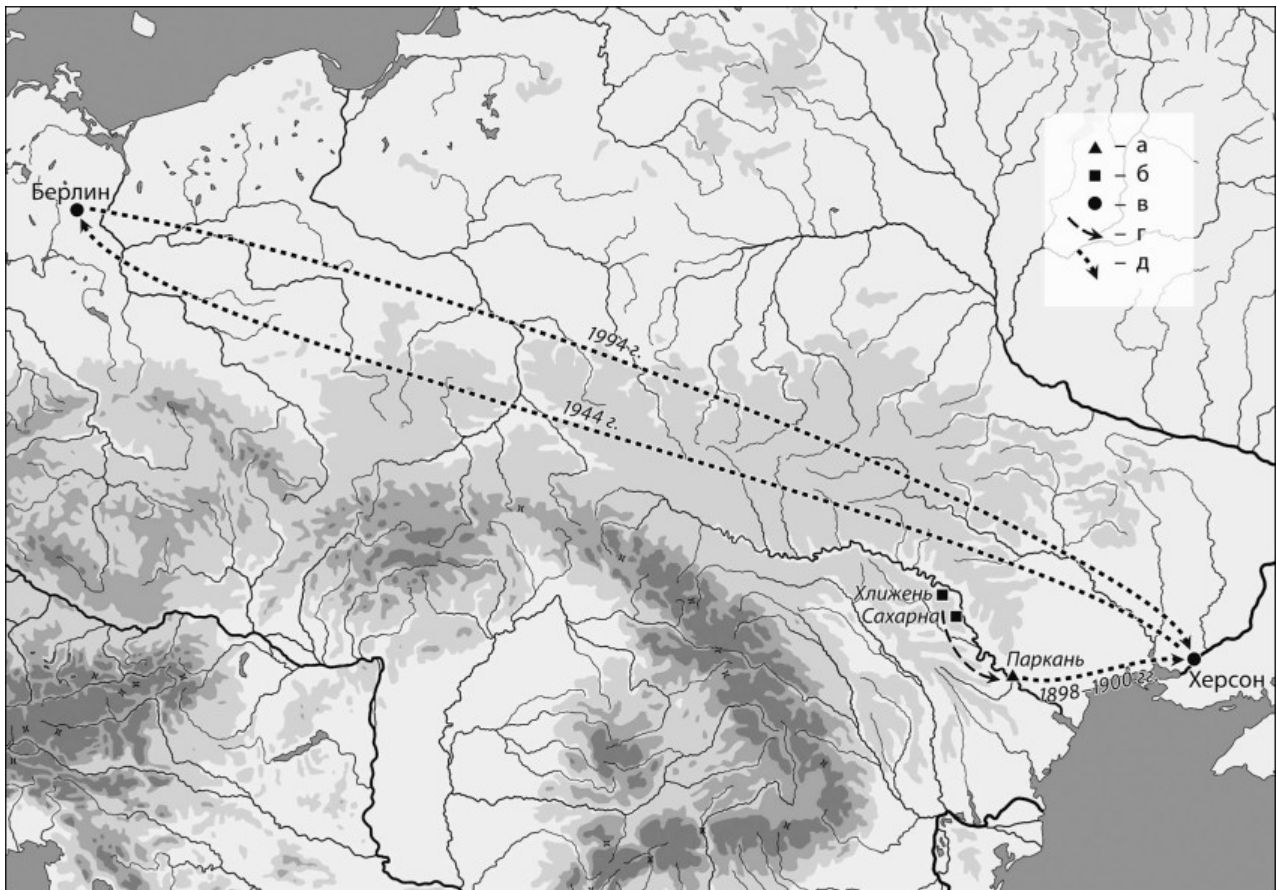

Рис. 2. Перемещения сосуда из погребения Паркань 97 в древности и в XX в.

Условные обозначения: *a* – местонахождение комплекса; *b* – поселения и городища раннегалльстатской культуры Козия-Сахарна; *v* – современные города; *z* – вероятное перемещение сосуда в древности; *d* – перемещения сосуда в XX в.

Fig. 2. Movement of the vessel from the burial Parkan 97 in antiquity and in the 20th century

Notation: *a* – location of the site; *b* – settlements and fortified sites of the early Hallstatt culture of Kozia-Saharna; *v* – modern towns; *z* – presumable movement of the beaker in antiquity; *d* – movements of the vessel in the 20th century

Табл. II, 3), а был ли второй сосуд – «черный, грубый» – тем кубком, о котором идет речь (рис. 1, 2), неизвестно.

А. И. Мелюкова, обратившись к материалам раннего железного века из раскопок Стемпковских в Нижнем Поднестровье, отнесла этот комплекс к предскифскому времени. Она посчитала его погребением на горизонте (рис. 1, 1), по какой-то причине не упомянув о находке железного ножа (Мелюкова, 1962. С. 116–117, 153. Табл. 1, 1). За исключением справедливого уточнения о характере захоронения (в насыпи, погребальная яма не прослежена – Бруяко, 2005. С. 36. Табл. III), так комплекс вошел в научную литературу (Махортых, 2005. С. 350).

Кубок. Приведу отсутствующее до сих пор полное описание сосуда (рис. 1, 2). Это сравнительно высокий кубок с утраченным в древности вен-

чиком, край которого, судя по сохранившейся части, был отогнут наружу. Шейка длинная, изогнутая. Тулово высокое, шаровидное, максимальный диаметр приходится на середину высоты сосуда. Место перехода шейки в тулово выделено небольшим уступом. Дно небольшое, уплощенное, слегка вогнуто внутрь. Внешняя поверхность темно-серого/черного цвета, лощеная. Кубок украшен сложным и разнообразным геометрическим резным и штампованным узором. Под венчиком в верхней трети шейки имеется двойная линия из отпечатков зубчатого штампа. Тулово сосуда, за исключением придонной части, украшено широким двойным поясом узора, ограниченным снизу одинарной линией из отпечатков зубчатого штампа. В верхней части тулова – узкий поясок узора (шириной 1 см) в виде мотива «касательные к окружностям» из отпечатков двойного кольчатого

и зубчатого штампа, ограниченный с двух сторон одинарными линиями из оттисков зубчатого штампа. Ниже – широкая полоса четырехзонального узора, который чередуется с четырьмя неорнаментированными зонами, разделенными вертикальными одинарными линиями из оттисков зубчатого штампа. Композиции узора различны: 1 – четыре ряда заштрихованных треугольников; 2 – три полосы направленных друг к другу заштрихованных треугольников, образующих посередине неорнаментированную ломаную линию; 3 – розеточный узор с косым заштрихованным ромбом в центре, от которого отходят узкие заштрихованные линии, образующие вписанные друг в друга углы; 4 – розеточный узор с косым заштрихованным ромбом в центре, от которого сверху и снизу отходят вписанные друг в друга частично заштрихованные углы, а по бокам – большие треугольники, внутри разделенные на несколько более мелких треугольников. Часть орнаментальных линий заполнена белой пастой. Размеры: сохранившая высота – 17,8 см, высота тулова – 9 см, диаметр шейки – 8 см, максимальный диаметр тулова – 14,2 см, диаметр дна – 4 см, толщина стенок – 0,5–0,6 см, ширина пояса узора – 7,2 см, ширина неорнаментированных зон – 3,5–3,8 см, размеры четырех зон узора – 4,4/3,2–3,9/3,2–3,9/3,6–3,7/3,2 см.

Датировка и аналогии. Принадлежность погребения Паркань 97 к степным раннекочевническим комплексам не вызывает сомнений у специалистов. Согласно сохранившимся данным о положении скелета (вытянуто на спине, головой на запад), погребение отнесено к новочеркасской группе, а сосуд из него сравнивался с керамикой из лесостепных памятников Правобережной Украины (Жаботинское поселение) и поселениями типа Сахарна на Днестре (Мелюкова, 1962. С. 153; Тереножкин, 1976. С. 170; Гаврилюк, 1979. С. 29 сл.; 1999. С. 93; Махортых, 2005. С. 106 сл. Рис. 40, 12). Как известно, хронология и памятников, и конкретных комплексов, с которыми проводилось сравнение нашего кубка, с конца прошлого века не раз понижалась. Учитывая эти данные, а также особенности орнаментальной композиции на кубке («своего рода сложная дожаботинская “геометрия”» – Бруяко, 2005. С. 31), погребение Паркань 97 было датировано в широких пределах конца IX – первой половины VIII в. до н. э. (Там же. С. 31). Появившиеся в последнее время данные позволяют немного сузить датировку комплекса, а также высказаться о вероятном месте производства самого кубка.

Одно из направлений изучения лепной глиняной посуды, найденной в погребениях ранних кочевников (так называемых киммерийцев и носителей раннескифского комплекса) Северного Причерноморья – это анализ морфологии и орнаментации сосудов. Возможности таких исследований далеко еще не исчерпаны, поэтому рассмотрим в этом ключе кубок из Паркань 97.

Находки кубков типичны для раннекочевнических захоронений юга Восточной Европы (Тереножкин, 1976. С. 24 сл., 161 сл.; Гаврилюк, 1979. С. 25 сл.; Махортых, 2005. С. 72 сл., 107 сл.). В отличие от парканского экземпляра позднейшие кубки и кубковидные сосуды имеют иные морфологические признаки: они приземистые, с короткой или, напротив, очень вытянутой шейкой и раздутым (реповидным) туловом, когда максимальный его диаметр приходится на нижнюю треть высоты сосуда (Гаврилюк, 1979. С. 29 сл. Рис. 6; Бруяко, 2005. С. 29. Рис. 3, 15, 22, 23). Кубок из Паркань 97 имеет иные пропорции и обнаруживает морфологическую близость кубкам предшествующих культур – степной белозерской культуры (Гаврилюк, 1979. С. 20 сл., 29. Рис. 1; 1999. С. 86 сл. Рис. 1; 2; Ванчугон, 1990. С. 66 сл.; Махортых, 2005. С. 72 сл. Agulnikov, 1996. Fig. 4, 2; 5, 2, 4, 8; 6, 11, 15; 14, 2–4; etc.), а также раннегальштаттской культуры Козия-Сахарна, распространенной в лесостепи Среднего Поднестровья (Гольцева, Кашуба, 1995. С. 22 сл.; Кашуба, 2000. С. 303. Рис. XIX, 7–10, 14, 16). В ареале последней парканскому кубку имеются прямые аналогии не только морфологического характера, вплоть до полного совпадения размеров сосудов (ср. кубки из ритуальных скопления 1, 12 и 13 городища Хлижень II-Ла Шани) (Гольцева, Кашуба, 1995. Табл. XIX, 4; XXVII), но, что не менее важно, орнаменту. В свое время было установлено, что в культуре Козия-Сахарна геометрическим узором орнаментирована треть лощеной посуды; доля штампованного узора увеличивается на поздних памятниках; характерны горизонтальные орнаментальные пояса, которые становятся широкими, многорядными наряду с появлением «розеточного» или центрического построения узора на керамике более поздних местонахождений (Кашуба, 2000. С. 308 сл. Рис. XXII; XXIII). Здесь же находим и мотив «касательные к окружности», ломаные вертикальные или косые линии, заштрихованные свисающие треугольники и различные их комбинации, а также вписанные друг в друга углы и большие треугольники, разделенные на шесть-восемь

малых треугольников (*Кашиба*, 2000. С. 308 сл.). Эти наблюдения были подтверждены многочисленными материалами новых масштабных исследований памятников этой культуры, которые последние 15 лет активно проводятся в микрорайоне Сахарна на Среднем Днестре (*Niculita et al.*, 2008. Fig. 42, 2; 50, 7, 15; 52, 6–19; 54, 1; 61; 71; 79; 82–84; etc.). Особенно показательны находки на поселении Сахарна-Цыглэу, большая часть материалов которого относится к позднему этапу развития раннегалыштатской культуры Козия-Сахарна (*Niculita, Nicic*, 2014. P. 84 ff. Tab. 9–21).

Согласно принятым для раннегалыштатской культуры Козия-Сахарна датам, ее поздние материалы не выходят далеко в VIII в. до н. э. (*Kasuba*, 2007. S. 127 ff.; 2008a. S. 210 ff.; 2008b. P. 37 ff.), то есть по прямым аналогиям кубок из Паркань 97 можно датировать концом IX – началом VIII в. до н. э. В пользу этого свидетельствуют и новые датировки Жаботинского поселения: именно наличие на нем элементов культуры поздняя Сахарна явилось твердым аргументом, чтобы считать дату около 800 г. до н. э. временем его основания, а горизонт Жаботин-I, соответственно, относить к первой половине VIII в. до н. э. (*Дараган, Кашиба*, 2008. С. 59; *Дараган*, 2011. С. 531 сл., 545 сл.).

В свете изложенного выше полагаю, что кубок, найденный в раннекочевническом погребении кургана 97 у с. Паркань, мог быть произведен керамистами культуры Козия-Сахарна, скорее всего, на городище Хлижень II-Ла Шанц. Можно думать, что большинство подобных кубков из раннекочевнических погребений Северного Причерноморья были сделаны в ареале этой же культуры. Речь идет о сосудах неорнаментированных (например, кубок из погребения 1 кургана III у Слободзеи – *Яровой и др.*, 2002. С. 290 сл. Рис. 4, 2) или о сосудах без выраженных элементов жаботинской орнаментации – без «щетки», «клетки» и пр. (ср. *Дараган*, 2011. С. 411 сл.; *Дараган, Подобед*, 2012. С. 334 сл.), таких как сосуды с «розеточным» или зональным узором: погребение 3 кургана 8 Тамарино, погребение 1 кургана 4 Васильевка и др. (*Дараган, Подобед*, 2013. Рис. 4, 1, 2). Эти сосуды следует датировать до рубежа IX/VIII вв. до н. э., то есть временем до Жаботинского поселения, которое в таком случае не может быть местом их производства (ср. противоположную точку зрения – *Там же*. С. 36 сл.). Здесь я поддерживаю разработки Н. А. Гаврилюк, которые направлены на поиск всех компонентов материальной культуры раннекочевнических объединений черноморской

и новочеркасской групп в Северном Причерноморье (*Гаврилюк*, 1999. С. 85 сл.). Разумеется, эта тема требует дальнейшей разработки, однако стоит принимать во внимание, что глиняные сосуды в погребениях ранних кочевников зачастую являются результатом их взаимодействия с оседлым населением региона.

Древние вещи в поздних контекстах – диахронная перспектива. В археологии Восточной Европы, в том числе в Северном Причерноморье, известны отдельные предметы, которые, исходя из контекстов находок и характеристик, были наделены ранее несвойственной им иной знаковой, функцией, выступая как престижные предметы, символы или обереги.

Это много раз отмеченное явление в развитии «мира вещей» широко обсуждается исследователями (например, *Plisson*, 1999, 127 f.; *Пазумов*, 2001, 27 сл.; и мн. др.). Когда изделие находилось в области материальной культуры, то первоначально актуализировалось его качество как «вещность» (утилитарные функции и прагматическое назначение), но в силу разных причин (передача в иную культурную среду, нанесение искусственных изображений и пр.) оно становится знаком, получает символические черты и приобретает иной семиотический статус, передавая новую (например, ритуальную) информацию (*Байбури*, 1981. С. 216 сл.; *Антонова, Раевский*, 1991. С. 212 сл.; *Маслихова*, 2006. С. 120 сл.).

В этом ключе весьма показательно функционирование в поздней культурной среде древних (старинных) предметов. Вот некоторые примеры. Интерес представляет каменный привязной топор из Шолдэнешть на Среднем Днестре. Изготовленный в раннем бронзовом веке, первоначально он использовался как орудие труда. Далее по торговым путям или в качестве военного трофея он попал в среду носителей срубной культуры Восточной Европы, где на одной из его сторон была нанесена первая группа из трех знаков. Топор окончательно утратил утилитарность и приобрел знаковую функцию престижного предмета. Достаточно долгое время предмет находился в среде носителей срубной культуры, где мог не один раз сменить собственников, один из которых стер старые рисунки и на его обратной стороне нанес новое изображение. Этот новый рисунок, наряду со старыми знаками, окончательно закрепил за топором знаковую функцию, что усилило его магические свойства как престижной вещи. Далее где-то

в среднем течении Днестра он был окончательно утерян (*Kaşuba, Kaiser*, 2009. 175 ff. Taf. 1–3; 10).

В позднем бронзовом веке известна мастерская по обработке камня и дерева со специализацией на производстве стрел. Она зафиксирована при раскопках поселения Ходосовка-Дибова в Среднем Поднепровье (киевско-житомирская группа тшинецкого культурного круга). В ней были обнаружены специально подобранные наконечники стрел более раннего времени (мезолит – ранний бронзовый век), которые могли использоваться как вторично, так и в обрядовой практике, связанной с изготовлением лука и стрел (*Лысенко, Разумов*, 2006. С. 65–69. рис. 1, 1, 4, 5).

В упоминавшейся культуре Козия-Сахарна (ранний железный век) на городище Хлижень II-Ла Шанц было раскопано парное захоронение. Возле одного из умерших обнаружен амулет (со следами привязывания?) из окаменелой трубчатой кости животного третичного периода (*Гольцева, Кашуба*, 1995. С. 19. Табл. XXVI, 1).

Примечательна также находка в средневековом Киеве, где найден каменный энеолитический топорик с христианскими изображениями XII в. из Михайловского Златоверхого монастыря. Топорик бы расколот в месте, где расположено отверстие для рукояти, и в XII в. превращен в подвеску. В верхней его части древними ювелирами были сделаны небольшие каналы и круговой паз для серебряной оправы и шнура. Каменные орудия предшествующего (первобытного) периода в средневековье во всей Европе считались своего рода материальным проявлением удара молнии или «громовыми стрелами», символизируя собой мифологическую связь удара молнии и камня (*Ивакин, Чернецов*, 2001. С. 36–38).

Возвращаясь к сосуду из Паркань 97, можно высказать предположение о том, что перипетии его истории, описанные выше, говорят о двух этапах его бытования. Этап I – утилитарность: изготовление сосуда и использование в качестве емкости для жидкости; этап II – знаковость, который делится на две фазы: фаза II.1 – попадание сосуда (обмен? покупка? подарок?) в чуждую культурную среду (ранние кочевники) и его депонирование в погребении, что означало наделение предмета знаковой функцией; фаза II.2 – использование предмета как талисмана в современное время, то есть неожиданное усиление знаковой функции. Представляется, что период утилитарного значения предмета (изготовление и использование кубка) мог охватывать время жизни примерно одного поколения (20–25 лет) где-то в конце IX в. до н. э., а к началу VIII в. до н. э. сосуд был

депонирован. Знаковая функция предмета, который в XX в. находился в частном владении, неожиданным образом усилилась – почти на полвека кубок стал носителем новой информации, будучи талисманом или предметом «на удачу».

Антонова, Раевский, 1991 – Антонова Е. В., Раевский Д. С. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока: Сб. статей / ред. Б. А. Литвинский. М., 1991.

Байбури, 1981 – Байбури А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: сб. статей / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1981.

Бруяко, 2005 – Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинев, 2005. (Сер. «Археологические источники Восточной Европы»).

Былова, Василенко, 1999 – Былова В. П., Василенко М. В. Экспонаты Херсонского музея, возвращенные из Берлина // Краткие сообщения Одесского археологического общества / отв. ред. С. Б. Охотников, В. Г. Петренко. Одесса, 1999.

Ванчуг, 1990 – Ванчуг В. П. Белоцерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.

Гаврилюк, 1979 – Гаврилюк Н. А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья / отв. ред. А. И. Терножкин. Киев, 1979.

Гаврилюк, 1999 – Гаврилюк Н. А. Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры (По материалам керамики) // ВДИ. М., 1999. № 1.

Гольцева, Кашуба, 1995 – Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. Глинь II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978–79 гг. и 1989–90 гг.). Тирасполь, 1995.

Гошкевич, 1903 – Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Кн. первая с художественными ил. Херсон, 1903.

Дараган, 2011 – Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. Киев, 2011.

Дараган, Кашуба, 2008 – Дараган М., Кашуба М. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista Arheologică, s. n. Chişinău, 2008, vol. IV, nr. 2.

Дараган, Подобед, 2012 – Дараган М. Н., Подобед В. А. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологические соотношения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова / ред. В. А. Алёшкин и др. СПб., 2012. Кн. 2.

Дараган, Подобед, 2013 – Дараган М. Н., Подобед В. А. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологические соотношения // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сб. науч. трудов, посвящ. 65-летию проф. В. П. Копылова. Ростов н/Д, 2013.

Ивакин, Чернецов, 2001 – Ивакин Г. Ю., Чернецов А. В. Уникальный амулет из Златоверхого // Древний мир. Киев, 2001. № 2.

- Кашиба*, 2000 – *Кашиба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. № 3: Мельпомена археологическая.
- Костенко*, 2015 – *Костенко А. В.* Археологічні фонди херсонських музеїв до завершення II Світової війни: історіографічний нарис // П'яті Зарембівські читання: Матеріали П'яти Всеукраїнських Зарембівських наукових читань «Українське пам'яткознавство: сучасні проблеми та тенденції», присвячених 100-річчю від дня народження академіка П. Т. Тронька (м. Київ, 15 квітня 2015 р.). Київ, 2015.
- Лысенко, Разумов*, 2006 – *Лысенко С. Д., Разумов С. Н.* Производственный комплекс эпохи поздней бронзы на поселении Ходосовка-Дибова // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Мат-лы тематической науч. конф. / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2006.
- Маслихова*, 2006 – *Маслихова Л. И.* Знаковая сущность древних вещей и современные подходы к ее интерпретации // Археологические памятники Восточной Европы, вып. 12: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж, 2006.
- Махортых*, 2005 – *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. (Сер. «Bibliotheca Vita Antiqua»).
- Мелюкова*, 1962 – *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских) // Памятники скифо-сарматской культуры / отв. ред. К. Ф. Смирнов. М., 1962. (МИА; № 115).
- Разумов*, 2001 – *Разумов С. Н.* Кремень в обрядовой практике племен бронзового века (постановка вопроса) // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1: Археология / ред. П. Ф. Добров. Донецк; Макеевка, 2001.
- Тереножкин*, 1976 – *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Фабрициус*, 1951 – *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. I. Киев, 1951.
- Яровой и др.*, 2002 – *Яровой Е. В., Кашиба М. Т., Махортых С. В.* Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности: Сб. науч. трудов / отв. ред. Н. А. Кетрару. Тирасполь, 2002.
- Agulnikov*, 1996 – *Agulnikov S.* Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia. București, 1996. (Bibliotheca Thracologica. Vol. XIV).
- Kašuba*, 2007 – *Kašuba M.* Das Siedlungswesen zu Beginn der Früheisenzeit im Mitteldnestrgebiet (Nordwestpontikum) // Die unteren Zehntausend – auf der Suche nach den Unterschichten der Eisenzeit: Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der Jahrestagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung e.V. in Xanten 2006 / Hrsg. P. Trebsche et al. Langenweißbach, 2007 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas; Bd. 47).
- Kašuba*, 2008a – *Kašuba M.* Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // *Eurasia Antiqua*. Berlin, 2008. 14.
- Kašuba*, 2008b – *Kašuba M.* Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu – observații preliminare // *Tyragetia*, s. n. Chișinău, 2008. Vol. II[XVII], nr. 1.
- Kašuba, Kaiser*, 2009 – *Kašuba M., Kaiser E.* Ein Rillenhammer mit geritzten Darstellungen aus Șoldănești, Nordwestliches Schwarzmeergebiet // *Aes aeterna. Omagiu domnului Tudor Soroceanu, cu ocazia împlinirii a 65 de ani* / Hrsg. L. und O. Dietrich u.a. *Analele Banatului*, s. n. Arheologie – Istorie. Timișoara, 2009. Vol. XVII.
- Niculică et al.*, 2008 – *Niculică I., Zănochi A., Arnăuț T.* Habitatul din mileniul I a. Chr. În regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). Chișinău, 2008 (Biblioteca "Tyragetia". Vol. XVIII).
- Niculică, Nicic*, 2014 – *Niculică I., Nicic A.* Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țigla. Chișinău, 2014 (Biblioteca "Tyragetia". Vol. XXV).
- Plisson*, 1999 – *Plisson H.* Typologie et fonction: elements pour un debat // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии: Первые Семеновские чтения / отв. ред. Г. Ф. Коробкова. СПб., 1999.

Older artefacts in later contexts or the history of a beaker from the barrow of Parkan 97 in the north-western Black Sea region

M. T. Kashuba

This article considers the well-known phenomenon in the evolution of the 'world of things' where a symbolic function uncharacteristic of an artefact is imparted to it. When an object originally is pertaining to a material culture then primarily its utilitarian functions and pragmatic purposes are actualized. However, due to different circumstances (transferrence to another cultural medium, application of artistic representations etc.), it obtains symbolic functions. In this case, it acquires another semiotic status bearing new information. In these terms, it is remark-

able how more ancient/older objects are functioning in a new later cultural medium.

For instance, here is considered a beaker from an early nomadic burial in kurgan no. 97 near the village of Parkan in the north-western Black Sea area. This vessel was found in 1898 during large-scale excavations conducted by I. Ya. Stempkovskiy in the Tiraspol District of Kherson Province. Together with other finds and field diaries covering the period until 1903 it was transferred to the Kherson archaeological museum. Sometime in 1944, under unknown circum-

stances, it was brought to Berlin by a German soldier as a symbol of his safe and sound return to home in Germany. Almost half a century, the beaker had been kept in a private collection as a talisman or a piece of luck. After the re-union of Germany, the beaker was returned in 1991 to the Berlin museum and in 1994 it was returned to the exposition of the Kherson Museum of Local Lore (Ukraine).

Analysis of the available information suggests that the beaker under consideration was found in a burial pertaining to the Novocherkassk group of early nomads of the northern Black Sea region. Here, the complete description of this find and its drawing made from life are presented. According to known analogues and the shape and ornamentation of this vessel, it is dated to the 9th or the early 8th century BC. It was possibly manufactured in the area of the early Hallstatt culture of KoZIA-Saharna in the forest-steppe part of the Middle Dniester region.

Two stages of the use of this beaker have been identified. Stage I is marked by a utilitarian purpose of making and employment of the vessel as a capacity for storing liquids. Stage II is concerned with its symbolic meaning: transference of the vessel (exchange? purchase? gift?) to an alien cultural medium (early nomads) and its deposition in a burial. Moreover, the vessel served in the modern time as a talisman, i.e. a sudden increase of its symbolic function took place while for half a century it became a carrier of new information as a talisman or a 'piece of fortune'.

Diachronic examples of a similar history are here presented (a stone axe from Şoldăneşti with two groups of different artificial representations and a small stone Eneolithic axe with Christian images of the 12th century from St. Michael's Golden-Domed Monastery). These enable us to identify the phases of functioning of certain ancient artefacts which became objects of prestige, symbols or amulets.

АРЖАН В ТУВЕ ИЛИ АРЖААН В ТЫВЕ?¹

Заметка редактора

Н. Ю. Смирнов²

Аннотация. В настоящей заметке рассматривается вопрос о нормах правописания названия кургана Аржан-1 в русскоязычной археологической литературе и публикуется соответствующее письмо М. П. Грязнова из фондов Научного архива ИИМК РАН. На примере Тувы поднимается вопрос о некорректном использовании административно-территориальных наименований при указании на принадлежность памятников археологии к географическому региону.

Annotation. The present note considers the question of standard spelling of the name of the kurgan of Arzhan-1 in Russian-language archaeological literature and publishes a letter of Mikhail P. Gryaznov from the collections of the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture (IIMK RAS) concerned with this problem. Also a question is raised concerning the incorrect use of the administrative territorial names for specification of archaeological sites in particular geographic regions (example of Tuva).

Ключевые слова: Тува, курган Аржан-1, М. П. Грязнов, правописание названия археологического памятника и названия географического региона.

Keywords: Tuva, barrow of Arzhan-1, Mikhail P. Gryaznov, orthography of the name of an archaeological site and of a geographic region.

«Возникло то, что называется разбродом и шатанием.
Говорящие и пишущие сбиты с толку, дезориентированы...»

Б. И. Татаринцев

Курган Аржан-1 – это хорошо известный всем исследователям евразийских степных древностей I тыс. до н. э. археологический памятник. Он был раскопан в 1971–1974 гг. на территории Тувы экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола, и навсегда вошел в золотой фонд археологического достояния России, да и всего мира.

Количество работ, посвященных кургану Аржан-1 и отдельным аспектам его исследования, огромно. Это нескольких десятков статей только на русском языке, а еще имеются работы на евро-

пейских языках – английском, немецком и французском³. Здесь же можно упомянуть сотни научных статей и монографий, в которых так или иначе упоминается название этого памятника, не говоря уже о газетной и журнальной публицистике. Сюда следует отнести многочисленные упоминания названия кургана Аржан-1 в музейных каталогах, выставочных этикетках на постоянных экспозициях в Национальном музее Республики Тыва (г. Кызыл), Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург) и временных выставках в России и за рубежом, а также в текстовых (стендовых) музейных материалах.

Последние годы мое внимание все чаще привлекает такая пагубная тенденция, проявляющаяся и в научном мире, как сознательное или бессознательное искажение наименований памятников, названий географических регионов и их производных, и даже названий ранее опубликованных работ в библиографических списках. Особенно

¹ Данная заметка была частично опубликована в сборнике материалов V конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», вышедшем в Кызыле в 2014 г. (Смирнов, 2014. С. 254–255). Публикация полной авторской версии заметки обусловлена необходимостью исправить досадное недоразумение, проявленное редакторами кызылского сборника, которые ничтоже сумняшеся выкинули из моего текста *все* примечания, тем самым наполовину его обесмыслив.

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

© Н. Ю. Смирнов, 2016

³ Я сознательно не упоминаю статьи и монографии, написанные на тувинском языке, так как здесь рассматриваются нормы русского правописания.

страдает от этого тувинская археология и конкретно курганы Аржан-1 и Аржан-2. Отчасти это связано с приходом в российскую археологическую науку нового поколения исследователей, лучше знакомых с современной топонимикой и административно-территориальным наименованием субъекта федерации, чем с соответствующей археологической литературой, отчасти с трудностями в процессе становления региональных и национальных археологических школ. Кроме того, это очевидный недостаток со стороны многоуважаемых редакторов многочисленных сборников конференций, монографий и коллективных трудов, потому что именно они – суть та, конечная инстанция, отвечающая за рождение печатного текста.

Приведу несколько ярких примеров описанной тенденции. В 2010 г. из печати вышли материалы международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», проходившей в г. Улан-Удэ 20–24 сентября 2010 г. (Древние культуры..., 2010). Сборник статей опубликован под грифом *четырнадцати* учреждений науки и образования, среди которых Министерства науки и образования России и Монголии, Академии наук двух стран, целый ряд университетов и институтов... В составе редакционной коллегии сборника упомянуты четыре доктора наук, а в списке рецензентов можно обнаружить хорошо известные в отечественной археологии фамилии (Там же. С. 4).

Между тем в статье моих коллег К. В. Чугунова и Н. А. Кушаковой, опубликованной в этом сборнике, после редакторской правки⁴ появился такой «монстр», как «Саяно-Тувинская экспедиция» (Кушакова, Чугунов, 2010. С. 148) – надо ли говорить, что такой экспедиции никогда не существовало? Была широко известная Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР, работавшая почти четверть века под руководством А. Д. Грача, а затем С. Н. Астахова в бассейне Енисея, на территории будущей зоны затопления. В той же статье в восьми из десяти случаев название географического региона – Тува – было заменено на официальное название субъекта федерации – Республика Тыва, данное в искаженном и урезанном виде. Вследствие этого читатель сталкивается со следующей лингвистической галиматей: «в центральной Тыве⁵; в Тыве;

в комплексах Тывы; в Тыве; из Тывы; в Тыве; ... времени Тывы» (*sic!*) (Там же. С. 148–152). Отмечу, что в последнем случае вообще было искажено название опубликованной еще в 2000 г. работы К. В. Чугунова⁶ (Там же. С. 152).

Странно напоминать пишущим коллегам и коллегам-редакторам, что есть тувинско-русские и русско-тувинские словари, где всегда можно почерпнуть правила употребления того или иного тувинского слова. Открываем и читаем, что тувинское слово «тыва» в переводе на русский язык означает «тувинский» (напр. Краткий..., 1994), оно не склоняется ни в тувинском языке, ни, как заимствованное иноязычное слово, в русском. Поэтому при упоминании названия субъекта федерации пишут «Республика Тыва», при этом в норме склоняется только слово республика, а при назывании географического региона используют слово «Тува» – в норме склоняющееся, и производные от него – «тувинский», «тувинцы» и пр.

Не менее очевидна нелепость ситуации, связанной с постоянным искажением названий таких всемирно известных археологических памятников, как курганы Аржан-1 и Аржан-2. В археологию и историю науки оба эти памятника вошли именно в таком виде – «Аржан», с одной буквой «а» во втором слове. Однако в целом ряде случаев, особенно это касается музейных этикеток, стендов и брошюр в Национальном музее Республики Тыва (убедиться в этом можно, посмотрев материалы интернет-сайта музея), не говоря уже о многочисленных публикациях в средствах массовой информации и сети Интернет, с завидным упорством их названия искажаются. В итоге мы получаем мифические, никогда не существовавшие археологические памятники «Аржаан» и «Аржаан 2» (*sic!*). Понятно, что в тувинском языке слово «аржаан», означающее в переводе на русский «(священный) источник», пишется с двумя буквами «а» во втором слове, что на письме отражает его ударность. Но как бы ни хотели тувинские коллеги подчеркнуть хорошо известную связь названия кургана Аржан с источником, когда-то существовавшим в пределах его наземного сооружения, в русскоязычную и ино-

звание статьи ошибки не содержит. Там читаем: «...в Центральной Тыве» (Древние культуры..., 2010. С. 356).

⁶ В 2000 г. К. В. Чугунов написал статью, которая называется «Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы» (Чугунов, 2000). Автором загадочной работы «Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тывы» (*sic!*), вероятно, нужно считать одного из редакторов сборника «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири».

⁴ То, что эти изменения действительно связаны с работой редакционной коллегии, подтвердили мне в личной беседе авторы статьи.

⁵ Показательно, что эта ошибка зафиксирована в заголовке статьи (!), в то время как в оглавлении сборника на-

странную литературу название этого памятника вошло в конкретной транскрипции (Аржан – рус.; Archàn – франц.; Arschan/Aržan – нем.). И дело здесь не в этимологии, а в исторической традиции употребления!

Поднимаемый мной вопрос имеет свою историю. Проблема «переименования» памятника возникла еще в годы его раскопок, и, казалось бы, еще тогда была успешно разрешена в процессе общения редактора и авторов статьи. Об этом свидетельствуют публикуемое ниже письмо М. П. Грязнова к В. А. Дубровскому (*Грязнов, 1973. Л. 11, об.*), написанное в 1973 г., по поводу написания названия кургана Аржан, а также вышедшая в том же году предварительная публикация его материалов в XVI выпуске Ученых записок ТНИИЯЛИ, где название кургана писалось изначальным и единственно верным образом – «Аржан» (*Грязнов, Маннай-оол, 1973*).

Приведу полностью текст этого письма с некоторыми необходимыми комментариями. Авторский стиль при публикации полностью сохранен, все слова, отмеченные подчеркиванием или кавычками, выделены так М. П. Грязновым в рукописном варианте.

«Многоуважаемый Владимир Андреевич⁷!

Я все-таки не могу согласиться с Вами, что в статье вместо «Аржан» надо писать «Аржаан». Слово аржан, что по-русски значит священный целебный источник, употреблено в статье один раз (стр. 3, строка 10 сверху)⁸. Можно пояснить, что по тувински оно пишется аржаан. Так и в «Тувинско-русском словаре» под ред. Тенишева, М., 1968⁹, написано, что тувинское «аржаан» по русски пишется «аржа́н». (Ведь в тувинском языке ударные гласные удваиваются). Пишут, например, Маннай-оол и Биче-оол, а говорят Манна́й-о́л и Биче́-о́л. (но в паспорте написано 2 о, поэтому и в литературе тоже пишут 2 о).

В остальных случаях в статье говорится о поселке «Аржан» (стр. 1 – четыре раза)¹⁰ и об «Аржанской средней школе» (стр. 2, первая

⁷ Владимир Андреевич Дубровский – историк, архивист, с 1962 г. возглавлял сектор истории и этнографии ТНИИЯЛИ, входил в редакционную коллегию Ученых записок ТНИИЯЛИ, в том числе XVI выпуска, где была опубликована статья М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола, посвященная раскопкам кургана Аржан.

⁸ В публикации 1973 г. это с. 191.

⁹ Тувинско-русский..., 1968.

¹⁰ В публикации 1973 г. это с. 191.

строка)¹¹. Но ведь их мы не имеем права переименовывать. В официальном справочнике почтового ведомства 1971 года пишется пос. «Аржан». На всех печатях и штампах почтового отделения Аржана написано – Аржан. Это я на почте все проверил.

Сам курган во многих местах статьи мы называем «Аржан». И здесь переименовывать это слово ни в коем случае нельзя. Оно в таком начертании вошло в археологическую литературу еще с прошлого века (Archàn, франц.)¹². В тюркологической литературе в ряде работ говорится о камне «Уюк-Аржан», вывезенном в прошлом веке с территории нынешнего поселка Аржан. Зачем теперь переименовывать это на Аржаан? В примечании к стр. 24¹³ начертание слова «Аржан», вообще нельзя изменять.

Итог. На стр. 2, 10-ая строка сверху¹⁴, можно вставить – «по тувински аржаан», но не обязательно. Во всех остальных случаях надо оставить по-прежнему «Аржан».

19.VI.1973.

М. Грязнов».

Как известно, убедительное объяснение М. П. Грязнова подействовало, и раскопанный им памятник вошел в отечественную и мировую археологию под именем «Аржан». Закономерно, что и другие крупные курганы этой части Турано-Уюкской котловины (относящиеся к «Аржанскому могильному полю» по схеме К. В. Чугунова)

¹¹ В публикации 1973 г. это с. 192.

¹² Имеется в виду опубликованный в 1889 г. И. Р. Аспелином оленный камень с рунической надписью, получивший название «Ouyug-Archàn» (Уюк-Аржан), который был обнаружен им в 1888 г. в 1 км от кургана Аржан (*Aspelin, 1889. P. 16*). Л. Р. Кызласов специально обращает внимание на то, что именно в этой, французской транскрипции (ошибочной в случае немецкого языка), название Аржан вошло, с подачи В. В. Радлова, в немецкоязычную литературу в 1895 г. (*Кызласов, 1960. С. 98*). О. Х. Аппельгрэн-Кивало, публикуя в 1931 г. материалы Аспелина из его поездок по Монголии и Сибири в 1887–1889 гг., отчасти исправляет эту ошибку, приводя более правильную для немецкого языка транскрипцию французского варианта названия — «Archàn» (*Appelgren-Kivalo, 1931. S. 65*). Однако еще в 1909 г. Й. Г. Гране, описывая курган Аржан, который он осматривал во время своего путешествия по Туве в 1906 г, приводит правильную немецкую транскрипцию названия памятника — Aržan (*Granö, 1909. S. 5*). Замечу, что ни во французском, ни во всех немецких вариантах вторая буква «а» не удваивается!

¹³ В публикации 1973 г. это с. 205, сноска 11. Там приводится библиографическая ссылка на работу В. И. Бидзили и Э. В. Яковенко, в названии которой упоминается курган Аржан.

¹⁴ В публикации 1973 г. это с. 191.

отличаются в своих наименованиях только индексом, например, курганы Аржан-2 и Аржан-5.

К сожалению, социально-экономические и политические пертурбации последних десятилетий и связанные с ними амбиции отдельных деятелей науки и культуры привели к утрате ясного понимания того, что единожды названные памятники археологии, уже вошедшие в науку, переименовывать нельзя. Хочется надеяться, что настоящая заметка привлечет внимание коллег к этому, говоря словами академика Л. В. Щербы, «хотя и маленькому, но общественному бедствию», а публикация давнего письма М. П. Грязнова вернет всех пишущих о кургане Аржан в историческую реальность.

Грязнов, 1973 – Грязнов М. П. Письмо к Владимиру Андреевичу Дубровскому от 19 июня 1973 г. // НА ИИМК РАН, РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. № 240. Л. 11, об.

Грязнов, Маннай-оол, 1973 – Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Курганы Аржан – могила «царя» раннескифского времени // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1973. Вып. XVI.

Краткий..., 1994 – Краткий русско-тувинский словарь / под ред. Д. А. Монгуша. Кызыл, 1994.

Кушакова, Чугунов, 2010 – Кушакова Н. А., Чугунов К. В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Тыве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат-лы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сент. 2010 г.) / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сб. науч. тр. Улан-Удэ, 2010. Вып. 4.

Кызласов, 1960 – Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3.

Смирнов, 2014 – Смирнов Н. Ю. Аржан или Аржаан? // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат-лы V Междунар. науч. конф. (Кызыл, 15–19 сент. 2014 г.), в 2 ч. Кызыл, 2014. Ч. 1.

Тувинско-русский..., 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968.

Appelgren-Kivalo, 1931 – Appelgren-Kivalo H. Alt-Altische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931.

Aspelin, 1889 – Aspelin J. R. Inscriptions de l'Iénissei recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archeologie. Helsingfors, 1889.

Granö, 1909 – Granö J. G. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907 // Journal de la Société de la Finno-Ougrienne. Helsinki, 1909. Jour. XXVI.

Arzhan in Tuva or Arzhaan in Tyva? Editor's note

N. Yu. Smirnov

This brief note is devoted to problems of the orthography of names of archaeological sites and historico-geographic regions with consideration of the example of the world-known barrow of Arzhan-1 and a particular historical and geographical region of Tuva.

It is pity that during recent decades, mutual heedlessness of particular authors and editors of some articles and collections resulted that in the to-day Russian archaeological historiography, moreover often in archaeological historiography of CIS, some mythical objects of the cultural heritage, or even entire historical and geographic regions, began to appear. A vivid example of such distortion of reality, most frequently caused by misunderstanding, or sometimes by poor mastery of the Russian language, is found in the senseless neologisms like the 'barrow of Arzhaan' or wrong

and illiterate official name of the constituent territory of the Russian federation 'Republic of Tyva'.

In the first case, the name of the site which has solidly established itself in archaeological science as the 'kurgan of Arzhan' is grossly misrepresented. In the second case, such chimeras arise as the 'Tyva State University' (instead of 'Tuva State University'), 'Sayan-Tyvan Expedition of the Academy of Sciences' (instead of 'Sayan-Tuvan Expedition RAS), 'sites of Tyva' (instead of 'sites of Tuva'). Regular replication of these rough mistakes, particularly in regional collections of articles and papers of authors from CIS is not just a regretful distortion of the norms of orthography but also it clutters up the scientific literature.

Here we present Mikhail P. Gryaznov's letter of June, 1973, where he substantiates the name he gave to the site he investigated – 'Kurgan Arzhan'.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

КАНОЗЕРСКАЯ СОКРОВИЩНИЦА НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА¹

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера.
СПб.: Искусство России. 2012. 424 с. ISBN 978-5-98361-165-8

Ключевые слова: петроглифы, Северная Фенноскандия, Канозеро
Keywords: petroglyphs, Northern Fennoscandia, Kanozero

Обнаруженные в 1997 г. петроглифы на озере Канозеро, на Кольском полуострове в Северо-Западе России являются, несомненно, одним из самых выдающихся памятников наскального искусства Северной Фенноскандии. В настоящее время здесь уже зафиксировано более 1200 изображений, и, вполне возможно, много еще будет открыто в дальнейшем. К сожалению, часть древних фигур повреждена туристами. Уничтожение петроглифов представляет реальную угрозу для наскального искусства Канозера. В значительной степени по этой причине необходимо документирование всех изображений. Хотя некоторые из них были вкратце опубликованы ранее (например, Кольский сборник..., 2007; *Kolpakov u dr.* 2008. P. 86–96; *Gjerde*, 2010), монография *Rock Carvings of Kanozero* (2012) является первой полной, обширной публикацией этого выдающегося памятника наскального творчества.

Авторы, Евгений Колпаков (1956 г. р.) и Владимир Шумкин (1947 г. р.), изучали и документировали петроглифы Канозера на протяжении более десяти лет. Опубликованная книга – результат этих замечательных исследований. Поскольку каждая из 1200 фигур изображена в реальном масштабе, *Rock Carvings of Kanozero* представляет собой превосходный и всеобъемлющий источник для изучения наскального искусства Канозера. Более того, *Rock Carvings of Kanozero* это гораздо больше, чем просто иллюстрированный каталог петроглифов. Эта книга предлагает читателю обширнейшую и глубокую информацию о наскаль-

ном искусстве Канозера и его связи с северо-европейским наскальным творчеством вообще.

Монография *Rock Carvings of Kanozero* содержит восемь глав. Ее вступительная часть сфокусирована на истории исследований в Канозере и на обзоре различных способов выявления и фиксации изображений, разработанных и использованных на памятнике. В итоге исследователи остановились на очерчивании мелом контура выбивки как одном из наиболее точных способов фиксации петроглифов. Обведенные мелом изображения фотографируются в масштабе цифровой камерой и по фотографиям с помощью компьютерной программы AutoCAD прорисовываются контуры выбивок. Такие методы, по-видимому, наиболее эффективны при документировании и других объектов наскального искусства, сходных с теми, что обнаружены в Канозере.

Во второй главе представлены все местонахождения петроглифов Канозера. Вероятно, Канозеро было пресноводным озером, отделенным от Белого моря уже тогда, когда выбивали эти наскальные образы. Петроглифы расположены на трех островах (Горелый, Еловый, Каменный) и на одной отдельной скале (Одинокая) на берегу озера Канозера. Аэрофотосъемка и подробные карты, а также детальные описания в совокупности дают полное представление этих памятников для читателя.

Подробнейшее описание всех групп наскальных знаков дается в третьей главе. Эти группы изображены в масштабе 1:50 и даны в той последовательности, в какой они расположены на скальных поверхностях. Наиболее крупные композиции изображены в масштабе 1:100, а самые малочисленные – в масштабе 1:25. Каждая

¹ Перевод с английского А. В. Гилевич и Л. Г. Шаяхметовой.

группа петроглифов описывается системно вместе с информацией об их расположении, общем количестве изображений и их содержании. Необходимо отметить значительные отличия между группами этих наскальных выбивок. В то время как некоторые из них включают лишь несколько фигур, группа Каменный-7 с 612 изображениями значительно превосходит по количеству выбивок остальные композиции и, вследствие своего особого содержания, уникальна не только для Канозера, но и для всего наскального искусства Северной Европы.

По большей части отдельные фигуры классифицируются довольно широко как «зооморфные» или «антропоморфные». Однако в некоторых случаях их мотивы представлены более определенно. Например, характерная для Канозера крупная «молящаяся» фигура с фаллосом, имеющая правую руку с пятью пальцами и левую – с шестью пальцами, интерпретируется как «бес» русского фольклора. К сожалению, большинство других выбивок так подробно не обсуждается.

Глава 4 содержит 200-страничный каталог всех 1200 наскальных изображений Канозера. Бесспорно, этот каталог производит большое впечатление и можно только догадываться, какого труда стоило исследователям его составить. В каталоге каждое отдельное изображение приведено в масштабе под своим индивидуальным номером, так что каждый наскальный образ можно легко идентифицировать среди сложных композиций. Все изображения, кроме того, сопровождаются текстом, описывающим их содержание. Несколько смущает то обстоятельство, что хотя все остальные главы представлены параллельно на английском и на русском языках, как раз данная глава почему-то дана только на русском. Текстовые описания здесь, таким образом, будут малодоступны англоязычному читателю, что, на мой взгляд, является значительным недостатком данного издания. Несомненно, для англоязычного читателя было бы очень интересно ознакомиться с авторским толкованием изображений Канозера.

Пятая глава это краткий обзор приемов, которые использовались для нанесения изображений в Канозере. В то время как некоторые из петроглифов четко различимы, другие плохо сохранились, и это затрудняет изучение техники выбивки. Исследования в этом направлении еще продолжаются, но уже сейчас понятно, что при создании местных петроглифов использовались как каменные орудия, так и металлические предметы, а также

разнообразные приемы нанесения. Кроме того, для Канозера характерно отсутствие контурных изображений, как это нередко имеет место на других «восточных» памятниках наскального искусства севера России. Детальные фотографические иллюстрации в данной главе проливают существенный свет на различия определенных приемов создания петроглифов.

Наиболее глубокие идеи приведены в шестой главе, где обсуждается типология петроглифов с выделением атрибутов наскальных изображений Канозера. Во-первых, рассматриваются категории изображений, затем фигурные композиции и, в-третьих, наиболее крупные группы петроглифов со сравнением между собой их характеристик. Наконец, Канозеро сравнивается с памятниками наскального искусства остальной части Северной Европы. Типологический анализ информативен и универсален, так как он предлагает всестороннее рассмотрение всей совокупности изображений Канозера.

Главной темой наскального искусства Канозера является охота (особенно на китообразных), и самые близкие параллели этих изображений могут быть, без сомнения, найдены среди петроглифов Белого Моря (см., например, *Равдоникас*, 1938; *Савватеев*, 1970). Картины морской охоты в Канозере и на Белом море имеют особенно большое сходство по сравнению с другими памятниками наскального искусства Северной Европы, хотя некоторые примечательные различия – например, в изображениях лодок с лосиными головами, антропоморфных фигур, луков и стрел, также имеются. Большинство мотивов Канозера, тем не менее, обычны для наскального искусства Фенноскандии в своих основных чертах, таких как антропоморфы, лодки с лосиной головой и фигуры лосей без рогов.

Уже упоминавшийся «бес», в особенности в комбинации с «женщиной», является наиболее примечательным изображением. Сцена с «бесом и женщиной» присутствует почти во всех группах петроглифов в Канозере, и эта тема явно имеет особое значение, хотя она нетипична для собственно этнографии или фольклора.

Проще говоря, петроглифы Канозера выделяются как сходством, так и различиями при сравнении с другими памятниками наскального искусства Северной Европе. Ничего необычного в этом нет. Фактически данное замечание относится ко всем крупным памятникам наскального искусства

Северной Фенноскандии — все они имеют свои индивидуальные особенности и, тем не менее, сохраняют много общего. Авторы предполагают, что это обстоятельство указывает на аборигенное развитие населения, практиковавшее наскальное творчество. Ответ на этот вопрос, по мнению авторов, объясняется не только миграцией, заимствованием или влиянием извне, а «общностью происхождения и близостью экономической и культурной жизни у людей, которые оставили шедевры наскального искусства» (с. 348). Также авторы особо подчеркивают сходство некоторых изображенных композиций и интерпретируют сложные сцены, такие как «любовь», «любовные треугольник» или антропоморфные фигуры с лосиноголовыми топориками, как общие мифологические сюжеты у древних североевропейских народов.

Седьмая глава представляет собой одностраничный раздел с датировками канозерских петроглифов. Из-за такой краткости можно удивляться, зачем эта часть вообще выведена в отдельную главу, а не дана во введении. Как бы там ни было, но датирование изображений Канозера представляет собой трудную задачу. Первоначальные палеогеографические исследования показали, что канозерские петроглифы невозможно датировать по их высотным отметкам. Остается только использовать типологические аналогии. Соответственно, ближайшее сходство с петроглифами Канозера показывают наскальные изображения Белого моря и предметы мелкой пластики из могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Так как оба эти памятника относятся к IV–II тысячелетиям до н. э., такая широкая датировка вероятно корректна и для Канозера. Авторы книги также кратко упоминают некоторые единичные артефакты из раскопок, примыкающих к группам петроглифов Еловый-6 и Каменный-7, которые по видимому подтверждают приведенную датировку. Однако эти находки подробно в книге не обсужда-

ются, хотя было бы интересно узнать подробнее об упомянутых раскопках.

Последняя глава содержит обширнейшую галерею из ок. 200 цветных фотографий петроглифов Канозера. Снятые в различных погодных условиях, с разных расстояний и под разными углами, они дают очень хорошее представление об отдельных изображениях, а также о состоящих из них более крупных композициях. Кроме того, эти фотографии наглядно показывают, какие гигантские усилия понадобились авторам, чтобы иллюстрировать страницы этой книги.

Книга *Rock Carvings of Kanozero*, кроме того, весьма впечатляющая работа. Благодаря многочисленным фотоиллюстрациям и нескольким сотням скрупулезных описаний фигур она является бесценным источником для всех, кто интересуется наскальным искусством Канозера и вообще Северной Фенноскандии. Хотя эта монография больше сосредоточена на описании, чем интерпретации петроглифов, все-таки радуется, что авторы не ограничились просто изображением фигур. В самом деле, несмотря на то что в книгу можно было бы включить более развернутое обсуждение наскальных изображений, даже и в таком виде можно получить огромное количество интереснейшей информации относительно наскального искусства Канозера и его контекста. Более того, эти данные представлены таким образом, что даже неподготовленный читатель имеет возможность получить исчерпывающее представление о наскальном искусстве Канозера. Книга построена ясно и доходчиво, и хотя в ней отсутствует алфавитный указатель, можно легко найти интересующий образ. В заключение можно сказать, что даже несмотря на некоторые недостатки, *Rock Carvings of Kanozero* — это знак восхищения древним творчеством, и эта книга, несомненно, принадлежит к наиболее выдающимся работам по наскальному искусству из изданных в последние годы.

Вилле Мантере,
Финляндия, Турку,
Отделение археологии
университета г. Турку

ВАЖНОЕ НАЧИНАНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЮГА АРАВИИ

С. А. Французов. История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества.

Т. I. История Хадрамаута в эпоху древности.

СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2014. ISBN 978-5-4318-0015-3

ISBN 978-5-4318-0016-0 (т. 1) – 336 с., 19 илл., 6 карт

Ключевые слова: Юг Аравии, Хадрамаут, древние цивилизации, эпиграфические источники, торговля благовониями.

Keywords: Southern Arabia, Hadramaut, ancient civilizations, epigraphic sources, trade in incenses.

Монография известного петербургского востоковеда С. А. Французова открывает серию обобщающих исследований, посвященных истории Хадрамаута. Этой культурно-исторической области Йемена по праву принадлежит особое место в отечественной науке об арабском Востоке. С 1983 по 1991 гг. здесь трудилась Советско-Йеменская комплексная экспедиция (СОЙКЭ), а затем – Российская комплексная экспедиция в Йеменской республике. В работах последней в 2004, 2005, 2007 и 2008 гг. самое деятельное участие принимал автор рецензируемого исследования. Теперь уже с уверенностью можно признать, что эта экспедиция стала гордостью отечественной науки, результаты ее работы получили самую высокую оценку у российских и иностранных специалистов.

Монография состоит из введения, трех больших глав, заключения, необходимых приложений и указателей. *Первая глава* «Письменные источники по истории древнего Хадрамаута: характеристика и классификация» определяет очень многое в структуре всего исследования. С. А. Французов, являющийся первоклассным эпиграфистом, обращается в ней к вопросам степени достоверности и проблеме датировки древних надписей.

Хорошо известно, что существуют два подхода к датировке южноаравийских эпиграфических памятников, обычно именуемые «короткой» и «длинной» хронологиями. Жаклин Пиренн, сопоставляя эти памятники с надписями классической Греции, пришла к заключению, что эпиграфическая традиция Йемена не может быть старше «века Перикла». Такой подход сегодня полностью отвергнут. Современные методы датировки позволяют считать, что письменность на территории Йемена существовала уже в начале I тыс. до н. э., приблизительно тогда же сформировалась и древнейеменская (сабейская) цивилизация (с. 30–31).

Поскольку на Юге Аравии крайне редки надписи, имеющие привязку к хорошо известным датам, а также отсутствуют списки эпонимов, то особое значение приобретает относительная хронология этих документов, базирующаяся на особенностях написания букв. Ее сложность заключается в том, что на территории, занимаемой южноаравийской цивилизацией, могли сосуществовать несколько палеографических стилей. С. А. Французов склонен поддержать концепцию итальянской исследовательницы Алесандры Аванцини, согласно которой в рамках сабейского письма можно выделить периоды, охватывающие большие временные отрезки – от 120–150 до 250 лет (с. 37–38).

Из сказанного понятно, что среди эпиграфических памятников Юга Аравии очень немного таких, которые можно назвать историческими, то есть описывающими некие политические события (войны, межгосударственные договоры и пр.). Подавляющее их большинство является текстами частных лиц, посвященными божествам. К большому сожалению, античные авторы опять же оставили мало сведений о политической истории Хадрамаута. Несмотря на все сложности, С. А. Французов сделал весьма успешную попытку обрисовать развитие этого государства на протяжении нескольких веков.

Вторая глава «Хадрамаут в I тысячелетии до н. э.: эпоха ранней древности» начата автором с проблемы возникновения южноаравийской цивилизации. Результаты современных археологических исследований позволяют считать, что эта цивилизация, основанная на поливном земледелии, сложилась на рубеже II–I тыс. до н. э. Она объединяла несколько государств: Саба, Катабан, Хадрамаут, Аусан и др. Наиболее влиятельным было Сабейское государство. С. А. Французов, однако, не об-

ходит вниманием и более ранней культуры Юга Аравии, получившей название культура Сабир, относящейся к бронзовому веку. Она процветала на территории прибрежной равнины южного Йемена с второй половины II тыс. до н. э. до IX в. до н. э. Известный египтолог Кеннет Китчен полагает, что этот район с середины XV в. до н. э. был включен в торговые операции Египта, известные как походы в Пунт. С. А. Французову такая трактовка представляется умозрительной (с. 62–63), хотя, по всей видимости, она заслуживает большего внимания. Во всяком случае, влияние африканских культур на культуру бронзового века Йемена сейчас выглядит весьма серьезным. Вместе с тем, автор вполне прав в ином – на формирование сабейской цивилизации Сабир не оказал особого воздействия.

Сложение этой цивилизации обычно связывают с миграцией части населения из Северо-Западной Аравии, принесшего с собой новые традиции домостроительства, новые керамические формы и т. д. Только после этого переселения возникают названные выше государства, развитие которых шло при культурном доминировании сабейцев.

С. А. Французов весьма подробно и основательно рассматривает властную номенклатуру Южной Аравии, основными понятиями которой были два – *малик* и *муккариб*. Первый из них определяется как «царь» города-государства, второй – как владыка территориального государства (с. 81). Наряду с царской властью существовало городское самоуправление, важную роль в котором играли *кабиры* («начальники»), которые чаще всего понимаются как градоначальники или главы общин (с. 107). *Кайны* же, как представляется, были городскими магистратами (с. 113). Классического рабства древний Хадрамаут не знал. Наряду с частной собственностью на воду и землю существовала и собственность коллективная.

Автор обращает особое внимание на отсутствие в Хадрамауте родовой структуры – она здесь очень рано трансформировалась в территориальную. Любопытно, что потом эта структура опять возникнет, но это «возрождение», как представляется, можно связывать с влиянием кочевников (с. 117).

Очень своеобразной рисуется религия Хадрамаута, в которой нет и намек на теогонию. Государственнообразующий характер, по выражению автора, носил культ бога Сийана. Весьма популярным было почитание бога Альмахаха; он считался «владыкой каменных козлов», и многочисленные изображения этих животных, происходя-

щие из хадрамаутских храмов, связаны с его культом. К богине 'Астар обращались женщины с просьбами об исцелении различных недугов. Почитание богини Зāt Химйам связывается с распространением сабейского влияния, а бога 'Амма – катабанского.

Наиболее изученным районом, в котором было сконцентрировано большое количество храмов и который, скорее всего, был религиозным центром обширной территории Внутреннего Хадрамаута, был Райбун (с. 166). На протяжении многих сезонов Райбун был основным объектом исследований археологического отряда СОЙКЭ. В раскопанных здесь храмах обнаружено огромное количество эпиграфического материала, но в них нет статуй, рельефов или рисунков с изображениями богов и богинь. В этой системе господствовал аниконизм.

Для существования южноаравийской цивилизации очень важное значение имел контроль над торговыми путями, через которые распространялись ладан и иные благовония. Возникавшие на этой почве конфликты между государствами региона, порой приводили к затяжным войнам. Вторжение катабанцев в Хадрамаут во второй половине I в. до н. э. и вызванное им разрушение Райбуна и других поселений, по мнению автора, стало символическим концом эпохи ранней древности в хадрамаутской истории (с. 189).

Третья глава «Хадрамаут в первой половине I тысячелетия н. э.: неудавшаяся попытка формирования империи в древнем Йемене» посвящена сложнейшему периоду в истории Юга Аравии, когда этот регион становится объектом непосредственных интересов мощных внешних сил.

С развитием морской торговли между Средиземноморьем и Индией весьма острой становится борьба за порты, через которые южноаравийские благовония могли поступать на внешний рынок. Очевидно, еще в конце I в. до н. э. был возведен хадрамаутский порт Кани', в изучение которого огромный вклад внесли российские (советские) археологи. С целью доминирования на рынке происходит колонизация Дофара и строительство там порта Сумхурам (с. 207). Из «Перипла Эритрейского моря» (§ 31) известно, что царю Ладаноносной страны, то есть Хадрамаута, принадлежал остров Сокотра (в этом документе он назван островом Диоскурида), занимающий важное место на пути в Индию.

Враждебные устремления соседей, однако, свели на нет все эти успехи, и Хадрамаут потерпел поражение в борьбе за гегемонию на Юге Аравии.

Империя, как отмечает С. А. Французов, на этой территории так и не сложилась (с. 242). Можно сказать и большее – она и не могла здесь сложиться, поскольку, как представляется, империя могла бы возникнуть и существовать только в пределах всего Аравийского полуострова, но эти сугубо теоретические рассуждения не имеют особого значения.

Хадрамаут был завоеван Химйаритским царством, очевидно, к концу первой четверти IV в., хотя и не полностью. В конце этого столетия произошло обращение Химйара в иудаизм, что нашло свое отражение и в Хадрамауте (с. 261). Заключительную часть своей монографии С. А. Французов посвятил рассмотрению проблемы появления монотеистических культов на Юге Аравии. Что касается христианства, то автор считает, что оно получило здесь распространение довольно рано. Надпись некоего Косьмы, обнаруженную на упавшей со стены штукатурке здания в порту Кани⁷, которое традиционно считают синагогой, он не без основания считает христианской (с. 261–263). Эта надпись датирована второй половиной IV в., но во Внутренний Хадрамаут христианство, конечно, проникло позже.

Среди жертв гонений, развязанных иудеями против христиан на Юге Аравии в 523 г., были и жители Хадрамаута. Свидетельства об этих гонениях проанализированы С. А. Французовым с должной тщательностью. Практически нет сомнения, что мученичество тогда приняли христиане города Хагарейн, который следует отождествлять с современным Хаджарейном, расположенным во Внутреннем Хадрамауте, недалеко от упоминавшегося выше городища Райбун.

В заключение необходимо признать, что С. А. Французову удалось достаточно полно обрисовать более чем полуторатысячелетнюю историю Хадрамаута от возникновения на Юге Аравии сабейской цивилизации до вступления этого региона в эпоху средневековья. Его исследование является важным вкладом в отечественную сабейистику. Монография посвящена памяти учителя С. А. Французова – Петра Афанасьевича Грязневича, одного из создателей и руководителя Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Я ничуть не сомневаюсь, что учитель мог бы гордиться трудом своего ученика.

*Ю. А. Виноградов,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
Материальной культуры РАН,
Отдел истории античной культуры*

НУЖЕН ЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СВОД В ТАКОМ ВИДЕ?

Курганные погребения раннего бронзового века с Нижнего Подонья.
Свод археологических источников / сост. А. В. Файферт. Ростов н/Д, 2014.
ISBN 978–5–600–00758–1. 500 с., 342 илл.

Ключевые слова: бронзовый век, курганы, погребения, археологические источники, хронология.
Keywords: Bronze Age, barrows, burials, archaeological sources, chronology.

Полтора года назад из печати вышел солидный труд А. В. Файферта «Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья. Свод археологических источников». Впечатляет объем работы – 500 страниц, 342 рисунка и 19 таблиц. Работа состоит из двух частей. Первая, объемом 460 страниц называется «Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья. Свод археологических источников», вторая, объем которой составляет 38 страниц, называется «Ранние курганные погребения (общая характеристика, относительная хронология и материальная культура)». В первой части А. В. Файферт обозначил себя как составителя, во второй – как автора. Работы такого рода выходят нечасто. Автор поставил перед собой большую и серьезную задачу донести до исследователей информацию о курганных материалах, отобранную по хронологическому признаку. До середины 80-х годов прошлого века считалось, что в курганах Нижнего Подонья присутствуют захоронения трех культур бронзового века: ямной, катакомбной и срубной, которые соответственно датируются эпохами ранней, средней и поздней бронзы. За прошедшее время количество раскопанных курганов многократно увеличилось, возрос объем материалов ранней бронзы и стало ясно, что кроме погребений ямной культуры в курганах присутствуют захоронения и других культурных групп, относящихся к эпохе ранней бронзы (*Кияшко*, 1974; 1994).

Работа начинается с карты, на которой указаны 125 пунктов памятников (на самом деле их гораздо больше, так как иногда из-за близкого расположения под одним номером скрываются несколько наименований). Вся исследуемая территория разделена на 15 районов, границами которых избраны водные преграды. Несмотря на, казалось бы, естественные рубежи, деление получилось условным. Так могильник Приморский I (№ 6, группа 3) на-

ходится гораздо ближе к группе 4, привязанной к бассейну рек Еланчик, Миус, Самбек; памятники № 112–114 относятся скорее к Дону, чем к Нижнему течению Сала; в свою очередь № 116, включенный в группу 15, ближе к № 111–112 (группа 14), а № 117 и 122, расположенные на берегу Цимлянского водохранилища, достаточно удалены от памятников № 119, 120, 123, которые входят с ними в одну группу. Встает вопрос, насколько принятые автором условные границы соответствуют реальному распространению групп памятников и на какие регионы в древности действительно разделялась территория Нижнего Подонья, но такая работа, к сожалению, не была проведена.

Номера глав Свода соответствуют номерам выделенных районов, правда в оглавлении они обозначены арабскими цифрами, а в тексте книги римскими, в подписях же к карте цифровые обозначения от 1 до 125 даны только для памятников. Жаль, что эти номера не повторяются в Своде при описании курганных групп. Тогда бы памятники перечислялись в порядке, соответствующем нумерации на карте, и было бы легче избежать разнобоя в группировке памятников, так например, могильник Бессергеновский III (№ 29) помещен после могильника Озерки X (№ 33) перед Раздорским (№ 34), хотя он даже входит в другую группу, а именно 6-ю, а не 7-ю; могильник Золотые Горки I (№ 32) рассматривается между Черевково I (№ 38) и Молокановским III (№ 39); Тузлов (№ 31) – после Юдинского III (№ 26) и перед Остаповым (№ 27); Красный IV (№ 25) – после Соколовского (№ 28). Все это затрудняет работу со Сводом.

Удивляет, что все названия памятников даны в кавычках. В словаре Д. Н. Ушакова можно прочесть, что «кавычки нужны для выделения чужих слов, цитаты, прямой речи, а также названий литературных и других произведений и слов, употребляющихся в ироническом или условном,

несобственном смысле». Непонятно, что в названиях памятников смутило автора, почему он счел их ироническими или условными.

В кратком вступлении «От составителя» А. В. Файферт отмечает, что «в работе приведены материалы около 1100 погребений эпохи энеолита – ранней бронзы из примерно 250 памятников... приведено около двухсот планов курганов и более полутора тысяч предметов». Он обозначил свою позицию таким образом: «...введение любых новых материалов в научный оборот – важнейшая задача для дальнейшего развития науки. Без публикации источников невозможно сделать дискуссии ученых предметными и результативными». При этом автор не сообщил, с помощью каких методов он будет добиваться поставленной перед собой цели.

Рассматривая карту памятников и не обнаружив на ней Лысого кургана, я ощутила себя в положении географа из «Золотого теленка», не нашедшего на карте Берингова пролива. Позже недоразумение разъяснилось. Виноват оказался метод *sору-past*, избранный автором в качестве основного при составлении Свода. Дело в том, что у С. Н. Братченко в его классическом труде, в сводке памятников сначала указывался район, а потом название кургана или могильника (*Братченко, 1976. С. 13*). Издержки метода превратили Лысый курган в «Багаевский (Лысый) курган». У С. Н. Братченко несколькими страницами ниже читаем: «Багаевская, 1960, Лысый к.» (Там же. С. 186); «Багаевский, курган 2 (1960)... находился в 80 м к востоку от Лысого кургана...» (Там же. с. 231). И никаких кавычек!

Есть и другие искажения наименований памятников. Название «Ростовские курганы» появилось только в рецензируемой книге. С момента раскопок и до последнего времени могильник назывался «курганы на западной окраине Ростова». А. В. Кияшко, ссылаясь на эти материалы, указывал «Ростов, к. № , п. №» (*Кияшко, 1999. С. 5, 122–123*).

Для курганного могильника Донской в районе строительства Новочеркасской ГРЭС ссылка на источники дана без фамилий авторов раскопок. Один из отчетов (за 1961 г.) написан В. Я. Кияшко, другой – за 1962 г. – А. Н. Мелентьевым. В более ранних публикациях часть курганов, а именно № 5–7, относили к могильнику у хутора Донской, а № 2–3 – к могильнику у Новочеркасской ГРЭС (*Братченко, 1976. С. 154–158*). До данной публикации могильника Донской не существовало. Были курганы у хутора Донской и курганы в районе строительства Новочеркасской ГРЭС. Вполне возможно, эти курганы относятся к одному мо-

гильнику, но нужно было дать соответствующие разъяснения.

Могильник Западный II (Байков), частично раскопанный С. А. Науменко в 2009 г. (с. 35), называется Западный II. Байков – это самый большой в могильнике курган.

Могильник Шибельный (Грушевский) (с. 134). Могильник назывался Шибельная группа, раскопки в 1963 году проходили под руководством С. И. Капошиной, в 1964 гг. – И. Б. Брашинского; курган № 3 – раскопки В. Я. Кияшко, курган № 7 – А. И. Демченко. Грушевский курган в 1963 г. – раскопки В. Я. Кияшко (*Там же. С. 11*).

Могильник Чумной (с. 385) находится у хутора Ажинов, недалеко от могильника Ажинов I, а вовсе не рядом с Кузнецовским II (*Рябова, 1983. С. 99*).

Как видим, готовя труд к публикации, автор не провел элементарный источниковедческий анализ. Жаль, что в Своде не представлены планы могильников, части подобных ошибок можно было бы избежать, если бы на них было отмечено, когда какие курганы исследовались и кем.

Основным недостатком Свода является то, что автор не выработал единый унифицированный язык и терминологию для описания погребений. Избранный им метод привел к тому, что рядом с емкими и деловыми описаниями многих археологов находятся лапидарные сообщения И. Н. Парусимова и ужасающе многословные сочинения первых лет существования Донской экспедиции ИА РАН, в которых просто вязнешь, что, безусловно, затрудняет работу со Сводом. Единый язык описания необходим, чтобы избежать хотя бы таких перлов, как, например, «у погребенного мощная посыпка мелом» – знакомые с темой понимают, что посыпка находится на дне, а не на погребенном.

Что касается иллюстративных материалов, то они подверглись переработке, хотя и не профессиональной. С общих планов курганов убраны погребения поздних эпох, что само по себе некорректно, особенно для связок погребений, когда катакомбное захоронение прорезает погребение ранней бронзы, а на плане видна только сохранившаяся часть. Планы погребений, в основном, ориентированы на север и сведены к одному масштабу. Рисунки вещей тоже постарались сделать одномасштабными для одинаковых категорий вещей. Но при этом качество иллюстраций чрезвычайно низкое, как будто автор заботился о том, чтобы их нельзя было скопировать. Линии расплывчатые или сливаются в пятна. На многих планах курганов

проведены жирные окружности, неизвестно что они обозначают – линию древнего горизонта или край насыпи. Для подавляющего большинства курганов и погребений нет профилей и разрезов, хотя бровки обозначены на планах. На планах погребений сняты все обозначения находок.

В приведенных иллюстрациях нет общей легенды для условных обозначений, а ведь материалы раскопок охватывают большой временной интервал, от начала 60-х прошлого века до начала нынешнего. Обозначений для характеристики деталей погребального обряда не так уж много – это различные подстилки, охра, дерево и древесный тлен, но разные авторы раскопок их обозначали по-разному и о наличии тех или иных деталей можно узнать только из описаний, а они, как уже говорилось, не равнозначного качества.

Часто на одной иллюстрации соединены комплексы из одного могильника, но из разных курганов вне какого-либо порядка, скорее всего, по принципу сколько поместится на лист. Позиции на рисунках не пронумерованы, к комплексам даны обозначения, но на планах курганов номеров погребений нет. В результате работа больше похожа на ребус или игру «догадайся сам». Так, например, на рис. 24 изображены общий план Байкова кургана, а также четыре погребения. Номера погребений обозначены только в подписи к рисунку, а не на плане кургана. На рис. 26 (могильник Западный II, курган 4, погребение 6) отсутствуют разрезы бровок. Погребение двухчастное, из описания узнаем, что тут связка из погребений № 5 и 6, но погребение № 5 не обозначено ни на рисунке, ни в подписи к нему.

Что обозначает формула «Текст не найден, отсутствует или не приведен»? Если при этом дана ссылка на отчет, например, кург. мог. «Грушевский» («Шибельный»), раскопанный Е. И. Савченко в 1978 г. (Архив ИА РАН, Р. 1, № 7112), и приводятся данные о погребениях № 3 и 4 кургана 10, а для погребения № 5 кургана 11 нет описания, что имеется в виду: вырваны страницы из отчета (так в Ростове должен быть второй экземпляр отчета), не успели переписать или скопировать, утеряли данные при компоновке свода??? А когда ссылка дана на печатную работу, как, скажем, на Кузнецовский могильник, а соседнюю статью, с публикацией Чумного могильника, не заметили??? Что значит пометка «нет в картотеке», если после нее даны и описания, и рисунки, как в случае с Юдинским III могильником?

Нет сведений о могильнике у хутора Кудинов, раскопанном в 1961 г. курганным отрядом Кобяков-

ской экспедиции ЛОИА. По сообщению А. Н. Мелентьева, в двух курганах было раскопано четыре ямных погребения (№ 6, 7, 8 в кургане 1 и № 11 в кургане 2). Там были обнаружены два круглодонных сосуда, один из которых расслоился, кремневый отбойник, фрагмент сланцевой плитки со следами растирания, топор из серпентинита, ожерелье из 40 зубов ископаемых рыб *Sparus* или *Sparnodus*, створки раковины моллюска и четыре обработанные плечевые кости птицы (одна – дрофы, остальные – птиц отряда гусеобразных) (Мелентьев, 1965. С. 53–57, рис. 19, 1, 9–10; 20, 4).

Качество изображения сосуда из погребения № 3 кургана 9 Соколовского могильника было улучшено по сравнению с публикацией, но при этом оказались утраченными оттиски веревочки в придонной части, о которых говорилось в описании и которые, несмотря на низкое качество печати, были видны на рисунке (Каталог..., 1985. С. 36–37, табл. 43, б). В случае с Соколовским могильником приличное качество чертежей оказалось утраченным (сравни: Каталог..., 1985. Табл. 7, пог. 7 и *Файферт*, 2014, рис. 102). Автору, скорее всего, осталось неизвестным это издание, так как ссылается он только на отчет.

Погребение № 7 кургана 5 Соколовского могильника (Каталог..., 1985, с. 28, табл. 26; 31, 7) приведено в Своде как погребение № 7 кургана 5 Кировского могильника.

Для курганов могильника Донской, объединившего курганы у хутора Донской и курганы в районе Новочеркасской ГРЭС, даны только чертежи, описаний нет, между тем в погребении 30 кургана 5 «на черепной коробке одного из погребенных в области затылочной и теменной костей имеется искусственное отверстие» (Мелентьев, 1966. С. 96), а «на правой берцовой кости погребенного в могиле 7 кургана 7 сохранился слабый отпечаток орнамента. Вероятно, на кости отложилась краска, которой были расписаны сапоги, надетые на покойном. Геометрический орнамент – узор в виде диагонально разделенных ромбов – образован пересекающимися полосами, состоящими из четырех параллельных линий» (Там же. С. 96–97).

Для курганного могильника Сагванский I дана ссылка на два отчета, за 1977 и 1978 гг. В 1977 году Слободской отряд Донской экспедиции раскопал Балабинский II могильник, не упомянутый в Своде, и два кургана Сагванского I.

Несмотря на то что книга называется «Курганные погребения эпохи ранней бронзы», в ней приведены сведения о поселениях Мишкин I, Большой

Лог, Мыс, Монастырское II» (с. 149). Обратившись к работам Ю. Н. Зорова, благодаря ссылке А. В. Файферта, узнаем, что на памятнике Мишкин I среди разновременных находок удалось выделить небольшую группу находок, которую можно датировать временем раннего энеолита (*Там же*. С. 226–234); Большой Лог – местонахождение, известное по сборам, в которых присутствуют кремневые орудия энеолитического облика (*Там же*. С. 226); Мыс – местонахождение с разновременными находками, среди которых имеются «два фрагмента верхних частей наконечника, датировать которые эпохой энеолита можно только условно» (*Там же*. С. 234–235); Монастырское II – местонахождение, с которого происходит один флажковидный наконечник (*Зоров*, 2000. С. 235). Для чего в своде помещено Самсоновское поселение (с. 164) и другие? Если для аналогий и хронологических сопоставлений, то их нужно было помещать в аналитическую часть.

На местонахождении Мартышкина Балка (с. 256–257) описано погребение № 90 и подкурганная (!) стремеvidная яма с кладом кремневых изделий и оригинальной литейной формой. Мне пришлось обратиться к источнику, на который сослался автор, чтобы понять, что это не местонахождение, а грунтовый могильник средневекового времени, под которым находился более ранний курган (*Гудименко, Кияшко*, 1997. С. 102–112).

Для местонахождения Заливное (с. 257) ссылка на вып. 5 Известий РОМК неверна. В этом выпуске такой статьи нет.

На с. 213–216 помещены сведения о скипетрах из ст. Мариинской и неизвестного места и стеле из Скосырской. Вещи происходят не из погребений, вряд ли их стоило помещать в Свод. Думаю, их место во второй части монографии, в качестве аналогий.

По всему Своду рассыпано множество мелких и крупных ошибок. Приведу некоторые из них.

На рис. 163 изображены погребения № 6 и 7 кургана 5 могильника Раздорский. При этом захоронение 6 полностью разрушило яму погребения 7. В описании читаем: «пог. 6 располагалось в 3,5 м к СЗ от репера», «погребение 7... яма... располагалась на расстоянии 2,3 м к З от репера». На чьей совести это несовпадение – авторов отчета или составителя?

Из кургана 1 Кузнецовского II могильника приведены два погребения: № 7, основное, скорченное на спине, ориентированное на СВ, и № 3, скорченное на левом боку, ориентированное на З. Аналогичное

погребение № 4, ориентированное к СЗ, не попало в сводку, возможно, из-за того, что автор отнес его к средней бронзе, но тогда почему учтено погребение № 3? А. А. Узянов, кстати, отметил схожесть этих погребений и указал, что А. А. Иерусалимская относил подобные погребения к раннему этапу предкавказской культуры, а Н. Я. Мерперт – к IV группе нижнедонского варианта древнеямной культурной общности (*Узянов*, 1983. С. 138).

Из курганного могильника Поляков опубликованы три кургана, два из которых сооружены в эпоху ранней бронзы, но почему-то приведены данные только по одному, № 1, причем контуров кургана нет, прерывистой линией даны контуры то ли насыпи, то ли древнего горизонта. Курган 5, созданный в эпоху ранней бронзы над погребением № 5, с досыпкой над погребением № 6, с однотипными впускными погребениями (№ 2, 4) в ямах с заплечиками, с коричневым тленом на дне и посыпкой охры и с находками в одном из них (№ 2) антропоморфных статуэток из необожженной глины (*Парусимов*, 2005. С. 200–201, рис. 11, 3–6), в свод не попал.

Мокрый Керчик I. Погребение № 7 кургана 1 повернуто севером вверх, но искажено, сжато по горизонтали; у погребения № 4 кургана 2 при копировании утрачены контуры тлена на дне, нет разреза, на котором в публикации показано, что края ямы обвалились (*Труды НАЭ...*, 2002. С. 22, рис. 54, 5); погребение № 3 кургана 4 по описанию и по плану с разрезом – катакомбное, срезанное почти до дна (*Там же*. С. 26, рис. 63, 3–5), неясно почему попало в Свод; погребение № 4 кургана 7 в своде ошибочно дано под номером 1 (в публикации *Трудов НАЭ – поздняя бронза*); на рисунке отсутствует фрагмент подвески (*Там же*. Рис. 73, 9) из погребения № 3 кургана 9, хотя в тексте он упомянут (тут метод *sору-past* работал в плюс).

Золотые Горки II. Для кургана 1 не приведено погребение № 57 и разрушенное погребение № 58, с круглодонным сосудом, орнаментированным елочкой из оттисков палочки по плечикам и оттисками зубчатого штампа по венчику (*Там же*. С. 8, рис. 10, 5–6).

Золотые Горки IV (курган 2, погребение № 4) – на рисунке нет изображения серебряного височного кольца в 1,5 оборота (*Там же*. Рис. 31, 9), в описании есть.

Бессергеновский III (курган 23, погребение № 3) – план искажен, стал более узким.

Золотые Горки V (курган 3, погребение № 5) – разрез не соответствует плану.

Для могильников Гать III (Керчик) и Озерки X (Керчик) неверно указана ссылка на источник (Труды НАЭ не 2002, а 1999, это вып. 4).

Озерки X (курган 20, погребение № 19) – искажены пропорции плана погребения и сосуда.

Гать II (курганы 4–8) – не учтены погребение № 24, основное для 1-й насыпи, разрушенное срубным погребением № 23, и погребение № 27, основное для западной части кургана, совершенное в яме, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, с меловой посыпкой и коричневым тленом на дне, на котором в скорченном состоянии на спине находился костяк мужчины, ориентированный к ЮЗЗ (Труды НАЭ..., 1999, с. 6–7, рис. 10, 9; 11, 3).

Озерки XIII (курган, 9 погребение 8) – не учтено женское захоронение на правом боку, головой к югу, в яме, коричневый тлен на дне, срезанное катакомбой № 9 (*Там же*, с. 8, рис. 14, 7).

На с. 165 находится чертеж неизвестного погребения; на рис. 128 приведено восемь комплексов из пяти курганов, и читатель должен сам сообразить, план какого кургана ему довелось увидеть. Примерно то же на рис. 134.

На рис. 147 курган 1 могильника Константиновский, из погребений № 10, 13, 15 проаннотировано только № 13, номеров нет и на общем плане.

Курганный могильник Сладковский представлен курганом 26 с погребениями № 6, 7, 9, 10, 12, ссылка дана на три отчета: за 1976, 1977 и 1982 г. Вряд ли этот курган копали три года. Скорее всего, это очередная небрежность. На плане кургана явно несколько выкидов и досыпок, никаких объяснений нет, условные обозначения также отсутствуют. Планы погребений плохо читаются.

Могильник Круча I (курган 1) – погребение № 2 эпохи ранней бронзы разрушено более поздним погребением № 3. На рисунке дан разрез, наверное, верстальщик решил, что это край ямы. Жаль, что он мало что дает. Автор считает, что кости из разрушенного погребения были сложены «пакетом» в углу погребения № 3, но, не дает никаких указаний на глубину залегания. Мне неизвестны случаи «пакетов» в ранней бронзе, они появляются в период развитой средней бронзы. Очень сомнительно, что представители другой по времени культуры аккуратно сложили кости своего предшественника в углу могилы, скорее всего, эти кости происходят не из погребения 2.

На с. 218–223 помещен чрезвычайно интересный материал о петроглифах в гроте у хутора

Скельновский и о материалах из раскопа у западного входа в грот, к сожалению, не имеющих отношения к теме монографии.

На рис. 163 представлены материалы из могильника Кулешовка, однако текста нет, а рисунки не проаннотированы.

Курганные могильники. Красногоровка и Красногоровка I. В первом курганы 1–13, во втором 14–24, почему эти курганы отнесены к разным могильникам? В ТНАЭ указано, что «Могильник... состоял из 24 насыпей. Были раскопаны курганы 14–23 (Труды НАЭ..., 2000, С. 6, рис. 9, 1). Курганы 1–13 исследовались Е. И. Беспалым в 1984–85 гг.» (Труды НАЭ..., 2002. С. 6). Неясно, почему курган 13 относится к могильнику Красногоровка, а курганы 1, 14, 16, 22, 23 – к могильнику Красногоровка I, а ссылка на ТНАЭ дана для кургана 1, которого там нет.

Красногоровка I (курган 14, погребение № 3, рис. 185), приведены разрезы, но прилично изданный в ТНАЭ комплекс совершенно испорчен в Своде, вещи слишком мелкие; на рис. 187 срезан правый край иллюстрации, западные стороны захоронения; погребение № 1 в кургане 21, являвшееся кенотафом ранней бронзы (Труды НАЭ..., 2000. С. 11, рис. 19, 6), над которым была сооружена первая насыпь, не упомянуто в Своде и нет рисунков.

Для могильника Красногоровка III (с. 245) приводятся данные пяти курганов, при этом ссылка дана на четыре отчета и неясно, кто из исследователей что копал. В погребении № 16 кургана 5 (рис. 179) в яме с заплечиками находилось захоронение ребенка, сопровождавшееся комплексом вещей из пяти молоточковидных булавок с гравировками, трех слабобыпуклых бронзовых блях с пуансонным орнаментом, подвесок из двух видов раковин и из плечевых, бедренных и берцовых костей черепахи и полых длинных костей птицы. Все эти вещи совершенно не видны на рисунках. Скорее всего, в отчете была крупномасштабная врезка с расположением этих предметов. Хотелось бы видеть ссылку на определение видов костей и раковин, наверняка в отчете были определения В. С. Байгушевой или другого палеозоолога. Для ранней бронзы не так уж много ярких комплексов и жаль, что автор-составитель обошелся с ним так небрежно.

Все эти примеры говорят об излишней поспешности и небрежности в составлении Свода и подготовке его к печати. Небольшую часть материалов свода можно проверить по публикациям. В той части, что мне удалось проверить, ошибки составляют от 20 до 50 %.

Ф. Г. Раневская говорила, что сняться в плохом фильме – все равно что плюнуть в вечность. А издать слабо подготовленную, недоработанную, с некачественными иллюстрациями книгу?

Список литературы дан только ко второй части монографии и включает всего 34 работы. Литература, на которую ссылается автор в Своде, в этот список не вошла. Списка архивных материалов тоже нет.

Для удобства работы нужны алфавитные указатели памятников и исследователей.

Вторая часть монографии значительно уступает Своду по объему. Тут все очень коротко и напоминает обычную публикацию материалов, когда в конце автор пишет страничку – две, перечисляя особенности погребального обряда, инвентаря и аналогии. История изучения памятников региона заняла чуть более одной страницы. Статья на ту же тему об Аксайском районе в сборнике «Аксайские древности» имела примерно в три раза больший объем.

Автор попытался решить различные задачи, в том числе разделить общий массив погребений эпохи ранней бронзы на группы и увязать их с поселенческими памятниками. Ему удалось сделать довольно много, но еще больше осталось нерешенных вопросов.

Для такого объема материалов вполне можно было бы ожидать выигрышную презентабельную статистику, но ее нет.

Основной и характерной чертой второй части для таблиц и довольно большой части выводов является их слабая убедительность. Для доказательства положения, что «отличием доянных и ямных погребений является выбор места для кургана или грунтового захоронения» (с. 477) недостаточно двух абзацев слов. Во-первых, получается, что все захоронения, предшествующие ямным погребениям, составляют одну группу, а во-вторых, доказательством этого может быть только карта с обязательной маркировкой могильников.

Очень интересная гипотеза о том, что ранние курганные погребения ориентированы по направлению течения реки, требует более серьезных доказательств, чем шесть погребений, показанных на таблице 3, этнографических параллелей и, возможно, более детального картографирования.

Выделение обрядово-стратиграфических групп сделано на словах, не подтверждено графически и статистически. Таблицы 4–8, призванные показать и доказать стратиграфическое соотношение различных групп погребений, не вызывают доверия.

Стратиграфические соотношения можно установить по относительной или прямой стратиграфии, когда одно погребение прорезает другое, при помощи составления стратиграфических колонок, которые можно связать между собой по чертам погребального обряда и общим категориям инвентаря. А перед нами набор картинок с непроаннотированными погребениями, которые нельзя проверить и которые в таком виде являются просто впечатлениями автора от работы с материалами. Таблицы 9, 12, представляющие, по мнению автора, корреляцию признаков погребального обряда различных групп, не являются корреляционными. Корреляция, (от лат. *correlatio* «соотношение, взаимосвязь») или корреляционная зависимость – статистическая взаимосвязь двух или более случайных величин (либо величин, которые можно с некоторой допустимой степенью точности считать таковыми). При этом изменения значений одной или нескольких из этих величин сопутствуют систематическому изменению значений другой или других величин. Чтобы таблица стала выглядеть корреляционной, по одной стороне ее, например, должны располагаться позы погребенных, а по другой – особенности погребальных конструкций.

Таблица 13, призванная показать читателю эволюцию погребального обряда, во-первых, плохо читается, планы погребений слишком мелкие, а во-вторых, она не проаннотирована и не проверяема.

Таблицы 18–19, показывающие соотношение керамики, металла и обрядово-стратиграфических групп, не являются корреляционными. Это просто встречаемость групп погребений с типами керамики или металлических ножей. У них все тот же недостаток – не назван ни один предмет, а в таблице с керамикой даже группы погребений не обозначены. Могут сказать только, что второй снизу левый сосуд найден в разрушенном детском погребении № 4 кургана 11 Сагванского I могильника, в насыпи, с непрослеженной погребальной конструкцией. Усеченно-биконический сосудик, второй слева в верхнем ряду этой же группы, происходит из детского катакомбного погребения № 12 кургана 4 того же могильника, у него была прослежена только нижняя часть погребальной камеры. Не знаю, какие у автора были основания поместить их в VIII группу.

Возвращаясь к литературным аллюзиям, хочется вспомнить слова В. В. Маяковского: «Я б Америку закрыл, слегка почистил, а потом опять открыл – вторично!»

Эта книга очень нужна, но требует основательной переработки первой и полной переработки второй части.

- Братченко, 1976* – Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Гудименко, Кияшко, 1997* – Гудименко И. В., Кияшко А. В. Оригинальная литейная форма палеометаллической эпохи // ИАИАИАНД. Азов, 1997. Вып. 14.
- Зоров, 1998* – Зоров Ю. Н. Некоторые итоги археологических разведок в Аксайском районе в 1995–1997 гг. // ИАИАИАНД. Азов, 1998. Вып. 15.
- Зоров, 2000* – Зоров Ю. Н. Местонахождения эпохи неолита – энеолита на территории Аксайского района // ИАИАИАНД. Азов, 2000. Вып. 16.
- Каталог...*, 1985 – Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск, 1985.
- Кияшко, 1974* – Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Кияшко, 1994* – Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.
- Кияшко, 1999* – Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Мелентьев, 1965* – Мелентьев А. Н. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье // КСИА. 1965. Вып. 103: Древности северного Причерноморья.
- Мелентьев, 1966* – Мелентьев А. Н. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. 1966. Вып. 106: Археологические памятники эпохи неолита и бронзы.
- Рябова, 1983* – Рябова В. Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.
- Парусимов, 2005* – Парусимов И. Н. Раскопки курганов могильника Поляков // Археологические записки. Ростов н/Д, 2005. Вып. 4.
- Узянов, 1983* – Узянов А. А. Курган 1. Кузнецовского II могильника // Древности Дона. М., 1983.
- Труды НАЭ...* – Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Азов; Новочеркасск; Ростов н/Д, 1997–2002 гг. Вып. 1–6.

*В. Я. Стеганцева,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел Центральной Азии
и Кавказа*

КОЖЕВЕННОЕ РЕМЕСЛО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ

Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи
(по материалам раскопок в Московском Кремле).
М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН». 2014. – 269 с., 88 илл.

Ключевые слова: кожевенное и сапожное ремесло, средневековая Россия, Московский Кремль, средневековые кожаные предметы.

Keywords: leather-making and boot-making crafts, mediaeval Russia, Moscow Kremlin, mediaeval leather objects.

Книга московского археолога Д. О. Осипова, специалиста по кожевному ремеслу средневековой России, освещает результаты изучения кожаных предметов, полученных при охранных археологических раскопках 2007 г. на территории Московского Кремля. Как и ранние книги этого специалиста, настоящая написана в научно-популярном стиле, что делает ее привлекательной и понятной широкой читательской аудитории. В то же время в книге правильно отражены существующие научные взгляды на развитие кожевного ремесла и его продукции в русском средневековом обществе.

Письменные документы и археологические материалы наиболее полно характеризуют городскую среду, поэтому каждый раскоп в черте средневекового города вызывает повышенный интерес специалистов. В монографической работе Д. О. Осипова изложены археологические данные по кожевному ремеслу в средневековой Москве, а также приводится их культурно-историческая трактовка. Высокую ценность ей придают большая площадь раскопок, охвативших территорию древнейшей застройки Москвы, где мощность культурных слоев достигает 11 метров. В процессе полевых исследований применялись современные приемы, включая сбор всех отходов жизнедеятельности и анализы материалов естественнонаучными методами.

В восьми главах книги рассмотрены письменные источники по средневековому кожевному ремеслу, история археологического изучения Московского Кремля, а также полевая методика сбора и фиксации кожаных изделий. В них подробно рассмотрены все найденные формы обуви и раз-

нообразные кожаные изделия, а также изделия из металла и органических материалов, непосредственно связанные с кожевным ремеслом. Особые разделы посвящены технологическим и техническим аспектам русского средневекового кожевного ремесла. В приложениях к работе даны сводные таблицы находок, терминологический словарь, а также изложены способы определения пород животных по археологической коже, включая их хромотограмметрический анализ.

Умение выделывать шкуры животных является одним из древнейших навыков жизнеобеспечения в процессе становления человечества. Благодаря ему человек нашел защиту тела от перегрева и переохлаждения, а также создал мобильные средства защиты на своих временных стоянках – жилища. На всех этапах истории человечества навыки обработки сырых шкур изменялись и совершенствовались, приспосабливаясь к климату и природе среды обитания. Свойства минералов и растений, открытых в каждом регионе мира, определяли своеобразие методов обработки шкур и получаемый при этом конечный продукт – выделанные шкуры и кожи.

Для изучения истории кожевного ремесла на территории средневековой Руси – России специалисты собрали внушительный объем письменных и археологических источников, а также многочисленный изобразительный материал. Каждая группа источников требует первичной «внутренней критики», то есть объяснения причин и времени их появления, накопления и степени сохранности.

В первой главе автор дает краткую характеристику письменным источникам по теме русского

средневекового кожевенного ремесла. Он совсем остановился только на отдельных наблюдениях иностранцев, изложенных в записках об их путешествиях по России в XVI–XVII вв. В раздел не включен анализ ранних названий кож и кожевенного сырья, а также кожаных изделий, имеющих в берестяных грамотах, житийной литературе и летописных статьях, в которых отражается материальная культура XI–XV вв. Не совсем понятно и включение в главу небольших разделов об изображениях обуви в графических и декоративно-прикладных памятниках.

В главе 2 кратко изложены основные этапы изучения древностей на территории Московского Кремля. Из них становится очевидным, что единственные масштабные раскопки древнейших культурных слоев связаны со строительством Дворца съездов и проведены в период с мая по август 1959 г. В условиях жесткого ограничения сроков раскопки не были закончены, а материалы на большей части площади утрачены для науки.

В главе 3 показана методика полевой фиксации кожаных находок в раскопах 2007 г. на площади 693 кв. м и дана общая характеристика коллекции. Впервые в Москве получены полные комплексы археологических материалов, связанных с кожевенным производством и использованием кожи на протяжении значительного исторического периода с конца XII до середины XVII в. В коллекции объемом более 15 тысяч находок основную массу (75,4 %) составляют обрезки от раскроя и обрывки обуви. Выделено 3253 обувные детали, среди которых низкие варианты обуви составляют менее 1 %, и 158 других изделий. Кроме кожаных деталей в коллекцию включены войлочные и шерстяные стельки, берестяные вкладыши в задник и железные обувные подковки. Ценность коллекции повышают редкие для Москвы находки XII–XIV вв. и наличие «условно закрытых комплексов», позволяющих предельно «узко» датировать конкретные изделия.

Исследователи фиксировали расположение находок в слое и по объектам. Установлено, что «фоновое» содержание кожаных предметов в слое составляет от 20 до 50 единиц на раскопный квадрат (4 кв. м) в каждом пласте. Выявлены и более массовые скопления кожаных предметов, маркирующие места работы кожевников.

В главе 4 подробно описаны обувные детали и реконструкция форм обуви. Автор использует

принципы системного подхода, с отдельным описанием морфологических и технических признаков деталей. Морфология учитывает классификацию элементов конструкции, ориентированную на традиции обувного производства, и включает основные и дополнительные детали для верха и низа обуви.

В коллекции присутствует необычно много деталей голенищ – 110, что позволяет дать их статистическую оценку. За одним исключением (в слое конца XIII в.) все голенища двучастные. Выделены фрагменты верхней части голенищ с кожаными ремешками – петлями, которыми голенища крепились на поясе. Такая атрибуция находок, по нашему мнению, неверна и найденные обрезки следует считать верхними углами фартуков, которые посредством дополнительных ремней набрасывались на плечи человека и закрывали его тело при различных работах. Подобные обрезки встречены в коллекциях Твери, Пскова и других городов (*Курбатов*, 2009а. С. 195 и сл.; 2012а. С. 162 и сл.).

Современное состояние источников позволяет считать, что сапоги с высокими голенищами, закрепленными на поясе с помощью ремней, бытовали в средневековой культуре народов Северного Кавказа. Они отмечены в погребальных памятниках и изображены на многочисленных половецких статуях. Судя по историческим источникам, которые показывают связи Северного Кавказа с русскими княжествами, можно предполагать присутствие в древнерусских городах выходцев с Северного Кавказа (*Курбатов*, 2014а. С. 28–33). Но, поскольку крепление кожаных ремней на верхнем крае высоких голенищ конструктивно отлично от способа крепления ремней на кожаных фартуках, вряд ли их можно относить к кавказским сапогам.

Головки сапог (673 предмета) составляют 20,6 % от общего числа обувных деталей. По форме раскроя автор выделил несколько групп, характерных для разных исторических периодов. В целом такое разделение соответствует представлениям, основанным на изучении археологических материалов других русских городов, хотя выделение некоторых предметов в особые группы, на наш взгляд, неправомерно. Головки с зауженным и вытянутым носком, зафиксированные в слоях третьей четверти XV в. (с. 41), правильнее связывать с аналогичной группой (п. 3 – там же), которую автор относит к рубежу XV–XVI вв. Подобные сапоги появляются в русских городах после женитьбы Ивана III на

Софье Палеолог в 1472 г. В период переговоров о свадьбе и после нее в Москву приезжали приглашенные мастера-иностранцы, привозящие европейскую моду в Россию. Такая форма сапог, с вытянутым вперед и зауженным носком, просуществовала в России до рубежа XV–XVI вв. К ним же следует относить и головку, показанную на илл. 21: 7, поскольку она имеет отрезанный кончик вытянутого вперед небольшого зауженного носка (с. 41). Эту находку автор считает переходным вариантом к головкам первой половины XVI в., у которых в вырез на переднем крае вшивался загнутый заостренный носок подошвы. В данном случае форма носка и пропорции детали соответствуют моделям последней четверти XV в., которые надо считать репликами западных фасонов. Такие обрешанные носки встречены в комплексе раннемосковского времени на Затьмацком посаде Твери (Курбатов, 2004а. С. 277–280) и на Петровских раскопах в Пскове, где они отмечены как сапоги первого варианта (Курбатов, 2008а. С. 219).

Именно в этих западных фасонах сапог последней четверти XV в. использовался неполный поднаряд, закрывавший только пальцы стопы. Тогда как в моделях сапог первой половины XVI в., имевших отчетливый вырез спереди и подшитый к нему носок подошвы, поднаряд уже был полным, то есть соответствующим по форме головке. В работе Д. О. Осипова такие различия в моделях конца XV в. и начала XVI в. не получили отчетливого разделения как признак разновременных конструкций.

В конструкции сапог первой половины XVI в. появились существенные новации по сравнению с конструкцией сапог последней четверти XV в. Это: вырез в носке, в который подшивался заостренный носок подошвы, полный (однотельный или двучастный) поднаряд и поперечное тиснение на головке. Такая конструкция была оригинальным русским вариантом развития «жесткой» формы сапог с внутренними деталями. В них поперечное тиснение головки, как правило, не доходило до боковых краев детали, как это показано в работе Д. О. Осипова (илл. 21: 9).

Детали задников в кремлевской коллекции составляют 24,8 % от всех деталей сапог, что близко к количеству головок. Автор правомерно разделяет их по форме и соотносит с обувью разного времени. Однако, на наш взгляд, имеются неверные оценки

материала. Наборы кожаных и берестяных вкладышей в задник, в отличие от одиночных вкладышей, появляются в моделях сапог только с XVI в., а не в XIV–XV вв., как пишет Д. О. Осипов (с. 44).

В коллекции учтены 1268 подошв (38,9 % всех деталей обуви), самые ранние из которых найдены в слоях второй половины – конца XII в. Подошвы различаются по способу соединения с верхом обуви. Детали XII – первой половины XIV в. сшивались с верхом сквозным вертикальным (сандальным) швом. Обычно такие подошвы делали из двух-трех слоев кожи, а не только из одного слоя, как отмечает автор. Но далее автор пишет, что однослойные подошвы толщиной 2–2,5 мм соединялись с верхом «при помощи сквозного или точного шва» (с. 45). В такой записи ощутимо смешение описаний двух разных типов конструкций – 1) относительно толстая подошва (2–2,5 мм) имеет выворотный или точной основной шов, соединяющий ее с верхом обуви и 2) подошвы из двух-трех слоев тонкой кожи (1–1,2 мм) соединяются с верхом вертикальным сквозным (сандальным) швом. Обе конструктивные формы зафиксированы в Твери в слоях последней четверти XIII – первой половины XIV вв. и отражены в прилагаемых схемах сборки (Курбатов, 2004б. С. 43, рис. 2). Здесь показаны сапоги с однослойной подошвой и точным основным швом (№ 8), со сквозным вертикальным (сандальным) швом (№ 10) и со швом «в подтай» (№ 11) (Там же). По нашему мнению, конструкция сапог, где подошва соединяется с верхом сквозным вертикальным (сандальным) швом, появляется не в XII в., как можно понять из текста, а не ранее второй половины XIII в.

В слоях середины XIV в. появляются подошвы с основным швом «в подтай». Это согласуется с нашими наблюдениями в Тверском кремле, где появление нового типа сапог произошло в то же время (Курбатов, 2015). Подошвы, соответствующие верху с зауженным и вытянутым вперед носком, Д. О. Осипов относит к третьей четверти XV в. (с. 46), тогда как, по нашему мнению, следует говорить о последней четверти столетия. Подошвы, отнесенные к XVI в., имеют вытянутый заостренный носок, загнутый назад и подшиваемый в соответствующий вырез головки, и иногда были украшены набойкой из мелких гвоздиков. Такие детали находят многочисленные аналоги в коллекции обуви из Ивангородской крепости (Курбатов,

1991. С. 71 и сл.). Единственный экземпляр подошвы «с ярко выраженным тупым носком» (с. 46–47) автор относит к импортной обуви, не уточняя место и время ее пошива.

Представляют интерес находки подошв с тисненными знаками, которые можно считать знаками мастеров или оптовых торговцев обувью. Такие знаки-клейма появляются в русских городах на изделиях из слоев первой половины XVII в., тогда как Д. О. Осипов называет вторую половину столетия (с. 48), хотя в других своих работах он писал о появлении знаков на обуви в русских городах в первой половине XVII в. (Осипов, Соболев, 2014. С. 353). Подтверждением нашего мнения служит большой комплекс обуви из заполярного города Мангазеи, где встречены 33 клейма десяти разновидностей (на 19 % подошв «с крокулем») (Визгалов и др., 2011. С. 51–52). Основная часть коллекции может быть датирована периодом до 1642 г., когда город сильно выгорел и большинство жителей (стрельцы, промышленники и администрация) переселились в Новую Мангазею – Туруханск (Курбатов, 2010а. С. 227; 2014б. С. 188).

Кроме отдельных деталей, в коллекции имеются и целые формы обуви, также подробно описанные. Так, в слое второй половины XVI в. встречена туфля с большим язычком на подъеме. Пара отверстий в язычке служила для продевания ремешков-завязок, а не для крепления пряжки, как пишет Д. О. Осипов (с. 54, ил. 35.5). Западные модели башмаков такого рода хорошо описаны в ряде городов, например в Турку и Выборге (Курбатов, 2003а; Harjula, 2008).

В слое первой половины XIV в. была найдена деталь низкой обуви с продольным швом на подошвенной зоне. Д. О. Осипов считает ее специальной обувью монахов, где шов на подошве призван вызывать страдания для носителя во время хождения и выводить его на путь смирения. Пошитая современная реплика такой туфли, как отметил автор, приносит сильную боль при ношении, которую не устраняют даже вкладные стельки (с. 56–57). На наш взгляд, данный эксперимент мало что доказывает. С одной стороны, средневековая кожа была достаточно эластичной, а с другой – практика хождения босиком большую часть года делала стопу малочувствительной к неровностям почвы. В книге Юны Свенн по истории средневековой обуви в северной Европе описывается практика

хождения босиком в Швеции еще в начале XX в. О том же писал и Эллиас Лёнротт в первой половине XIX в. (Swann, 2001. P. 240, Fig. 315, 316).

Дискуссия о причинах появления обуви с продольным швом на подошве открылась несколько лет назад, после публикации находок образцов такой обуви в Новгороде, Старой Руссе, Твери (Курбатов, 2012а. С. 163). Аргументируя критику взгляда Д. О. Осипова, автор настоящей рецензии предложил признать, что монахи выбрали самый ненадежный путь к достижению душевной чистоты и святости. Выведенные внутрь обуви швы на подошве могли вызывать только легкое неудобство, поскольку сама кожа обуви очень эластична и легко сминается под давлением стопы. Кроме того, при ношении внутрь вкладывали войлочные стельки, которые были найдены при раскопках непосредственно внутри такой обуви. Для самоистязания плоти средневековые монахи знали куда более действенные способы. Один способ описан в Повести об Ульянии Осор[бин]ской XVII в.: «В сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе... ореховы скорлупы и чрепие острые вместо стелек подкладаше». Второй пример описан в Житии Пахомия из Успенского сборника (XII–XIII вв.): «Она же... не обувавъши ся никъгда же» (СлРЯ XI–XVII вв., 1987. С. 176). Сходен и третий пример: «[1663] И в то время онъ бос ходилъ, а подошва у ног его толщиною на три перста narосла и тверда как рог» (СлРЯ XI–XVII в., 2011. С. 416). Кроме того, статистика деталей обуви, найденной в Тверском кремле, показывает, что «комнатные туфли» с продольным швом на подошве количественно значительно преобладали над другими формами обуви. Их можно назвать самой популярной тверской обувью последней четверти XIII – первой половины XIV в. Следуя логике Д. О. Осипова, мы должны будем считать монахами большую часть населения древней Твери.

Д. О. Осипов приводит отрывок из Никоновской летописи с упоминанием названия обуви «поршни» в статье 1074 г. о жизни Феодосия Печерского, вероятно, предлагая считать название употребимым в древнерусское время (с. 57). Однако данный летописный список был написан в XVI в., когда отмечают и частые упоминания поршней в деловых записях (Вахрос, 1959. С. 157–158; СлРЯ XI–XVII вв., 2004. С. 112). В ранних по времени составления летописях – Лаврентьевской и Ипатьевской – данный текст записан иначе:

«Егда же приспеяше зима и мрази лютии, станяше в прабошняхъ в черевяхъ в протоптанных» (СлРЯ XI–XVII вв., 1992. С. 96). Название *прабошни* из других текстов есть только в Печерском Патерике Новгородского извода XV в. (*Вахрос*, 1959. С. 152), тогда как в более раннее время в текстах выступает слово *черевия*. В церковнославянском языке оно отражено в Синайском Патерике XI в. и в Четвероевангелии 1144 г. (*Там же*. С. 191). В разговорном бытовом языке мы знаем слово *черевия* в новгородской берестяной грамоте № 349 («на церевахо 5 коуно»), которая стратиграфически датируется второй половиной XIII в. (*Янин*, 1975. С. 156): Здесь слово «церевахо» – *черевия* могло иметь значение и мех с брюха животного, и обувь «черевики», типа мягких башмаков (*Арциховский*, 1963. С. 38). Учитывая названные тексты, следует считать, что в средневековых русских городах обувь из одного куска кожи не называли *поршнями*, хотя это название и закрепилось за ней в современной научной литературе.

Особый интерес в московской коллекции вызывает находка в слоях XV–XVI вв. четырех фрагментов обуви, плетеной из кожаных ремешков. По форме обувь представляет туфли без задников. Подобную обувь ранее находили на территории Зарядья в слоях с неясной датировкой (*Рикман*, 1955. С. 87; *Рабинович*, 1955. С. 80, рис. 27, 2), на Загородском посаде в Твери, в слоях, которые, видимо, следует датировать первой половиной XVIII в. (*Курбатов*, 2001. С. 226), а также в подмосковных курганных погребениях вятичей XI–XII вв. (*Арциховский*, 1930. С. 102). Можно предполагать, что обувь, сплетенная из узких кожаных лент, подобных лыковым, в средневековье имела более широкое употребление, чем можно было считать, исходя из находок прошлых лет. Подтверждением этому служит недавнее открытие лыковых лаптей с вплетенной подошвой из кожаных ремешков на селище Вежи в Костромском Поволжье, где они датированы временем не ранее конца XV в. Из текста: «Подошва у таких лаптей плелась из двойных полосок: кожи (она была с наружной стороны) и лыка (с внутренней стороны). После завершения подошвы кожа продолжалась буквально по 2 см с каждой стороны, а далее лапоть плелся уже только из лыка. По всей вероятности, такие модели плелись для ношения в холодное время года (зиму?)» (*Кабатов*, 2006. С. 77–78).

Следует обратить внимание на описание декора московской обуви. Здесь Д. О. Осипов продолжает отстаивать тезис, как и в ранних своих работах, о декоративном назначении круглых вырезов, встречаемых в верхней части голенищ сапог XVI в. (с. 79–80). Эту деталь сапог он связывает с «проникновением в Россию западноевропейской моды» (*Осипов*, 2011. С. 189). Такой взгляд казался приемлемым еще недавно, хотя вшитых тканей в голенищах до сих пор не находили. Но сегодня имеются свидетельства противоположного характера. Так, в Ивангороде и Пскове найдены *in situ* узкие кожаные прокладки, вшиваемые в такие круглые вырезы у верхней части голенищ (*Курбатов*, 2012а. С. 164, рис. 2). Следы растяжения этих прокладок и краев самих круглых вырезов предполагает использование отверстий вырезов для натяжения голенищ при одевании сапог.

В главе 5 рассмотрены разнообразные изделия из кожи (кроме обуви), используемые жителями средневекового города. Таких выделено 158 единиц, или 4,5 % от всего количества находок, не считая отходов производства. Большое разнообразие форм и декора показывают кожаные вместилища для хранения и ношения бытовых предметов и инструментов. В слоях XV–XVI вв. выделено более 20 чехлов для ножей. Среди них один экземпляр, из слоя середины XVI в., украшен аппликацией. Это западноевропейское изделие имеет серии аналогий в Магдебурге (с. 83–84).

В коллекции имеется 23 сумки, в основном в фрагментированном состоянии из-за повторного использования материала. Поэтому особый интерес представляют полностью сохранившиеся изделия. Одна из них – крупная поясная сумка прямоугольной формы, с клапаном и металлическим замком, имеющая три отделения. Она найдена в заполнении постройки первой половины XVI в. Другая целая сумка, также прямоугольная и с клапаном, найдена в створе уличного настила второй половины XV в. В ней лежала серия вещей: навесной цилиндрический замок, нож, кожаные наперсток и *напалок* (напалечник) для стрельбы из лука, янтарные крестик и бусина, а также двусторонняя каменная иконка в металлическом окладе. Отметим, что описывая такие предметы, следует учитывать, что напальчники для лучной стрельбы трудно атрибутировать в силу отсутствия серийных находок и каких-либо особых условий обнаружения. По на-

шему мнению, только один предположительный предмет такого назначения определен в материалах Неревского раскопа в Новгороде, который был вырезан из шкуры с хвоста бобра (*Курбатов* 2012б. С. 33; *Изьмова*, 1959. Рис. 11, 13).

К редким археологическим находкам относится фрагмент большого кожаного футляра, определяемый как походный футляр – *чемоданец* (с. 87). Ранее деталь чехла подобного назначения была найдена в Тверском кремле в слоях XIV в. (*Курбатов*, 2004а. С. 54). Однако следует отметить, что единственным реальным историческим предметом является походный чемоданец для брони царя Алексея Михайловича, хранящийся в Оружейной палате.

В коллекции выделены два кожаных чехла для ложек, найденные в слоях рубежа XV–XVI вв., а также два чехла для топора – в слоях второй половины XV в. Один из *напопорников* покрывает не только металлическую часть топора, но и часть деревянной рукояти – топорница. Среди персональных бытовых вместилищ в слое XVI в. найдены два прямоугольных небольших футляра, названные чехлами для гребня.

К ремесленному инвентарю Д. О. Осипов отнес 17 деталей рукавиц-*голиц* и четыре наперстка. Среди предметов для игр он определил кожаные мяч, детский колчан и игровой пенал. Последний представляет фрагмент орнаментированной раздвижной коробочки, найденной в слое середины XIV в. В ней могли хранить некоторые личные вещи (складные очки, церы или маленькие книжки), к собственно играм не относящиеся. Такие предметы были широко востребованы в культуре Западной Европы. Еще одна группа предметов – детали конской упряжи. В слое второй половины XV в. найдены два седельных крыльца, деталь, отнесенную к шорам, и некоторые из кожаных ремней.

Среди других бытовых находок определены 12 шайб и прокладок, *кожетоков* для рогатки, одна кожаная пуговица и 15 различной формы накладок, о назначении которых можно только догадываться. Редкими находками являются предметы для вываживания ловчих птиц – *клобучок* из заполнения сооружения рубежа XIV–XV вв., *должик* из заполнения постройки первой половины XVI в., путцы и вертлюги. Кроме того, автор выделил группу ремешков с узлами и петлями.

В 6-й главе работы Д. О. Осипов рассмотрел технические аспекты средневекового кожевенного

ремесла и представил их в том виде, какими они видятся сегодня. Слишком общее описание процессов не позволяет понять, насколько приводимая реконструкция соответствует характеру конкретных материалов. Можно отметить выводы, связанные с определением пород животных. По выборочным образцам автор заключает, что большая часть деталей обуви вырезана из шкур молодых и взрослых особей крупного рогатого скота, а меньшая – из шкур мелкого рогатого скота. Единичные экземпляры скроены из конской шкуры, отличавшейся повышенной пористостью и рыхлостью (с. 110). Последнее уточнение можно считать недоразумением, поскольку конскую шкуру все специалисты называют особо плотной и прочной. Конские шкуры и кожи высоко ценились в разных регионах Евразии, и ранняя международная торговля в Арабском халифате отмечает именно этот вид кож (*Курбатов*, 2009б. С. 122–123). Там же автор предлагает и другой сомнительный тезис: что шкуры свиные «шли на производство конской упряжи и шорных изделий». Остается неясным, откуда могло возникнуть такое предположение применительно к средневековой истории России. Археологические источники прямо показывают единичность и даже уникальность свиных кож даже в крупных коллекциях, тогда как в небольших собраниях свиные кожи не выделяются (*Курбатов*, 2004а. С. 35–36). В средневековых письменных источниках такие кожи упомянуты крайне редко. На сегодня в систематизированных текстах найдено только два таких упоминания: 1) в таможенных книгах Тихвинского монастыря за 1664 г.: «Явил костромитин Микита Иванов Суботин шестьдесят юхтеи боранов красных... двести рогож, сорок кошелее свиных, тритцат(ь) четыре пуда гривы коневы» (СлРЯ XI–XVII вв., 1980. С. 394) и 2) в «Сказании Авраамия Палицына» начала XVII в.: «Посылает же розстрига х крымскому царю з дары безчестны, зделав шубу от кож свиных и в писаниих явля себе приговльшася со всею полунощною страню и грядуща к расхищению крымских жилищ» (СОРЯ, 2014. С. 250). Полные тексты редакций «Сказания» относятся к 1619 г. и к 1620–1623 гг. (Словарь книжников..., 1992. С. 38–39).

Трудности обезжирения свиной шкуры и, следовательно, невозможность ее качественного дубления, а также проницаемость для воды определяют ограниченное использование сырья в средне-

вековом производстве – для сыромяти. Только в Новое время свиные шкуры стали дубить квасцами, а затем и разрезать по толщине на *спилки* (Курбатов, 2010б. С. 178–179). Широкое применение свиных шкур в упряжи и шорных изделиях, а также при изготовлении обуви отмечается только в XX в. (Страхов и др. 1964. С. 88–90). Важно и то, что в образцах из Московского Кремля, приведенных в рецензируемой работе, свиные кожи не выделены (см. Приложение 2).

В 7-й главе рассмотрена техника раскроя и пошива обуви. Материалы показывают профессиональный пошив московской обуви. Здесь Д. О. Осипов последовательно отстаивает представление о раскрое кож по лекалам, известным, по его мнению, с XI в. Данное мнение представляется ошибочным, что ранее было аргументировано (Курбатов, 2003б. С. 181; 2008б. С. 251). Новые данные, которые позволили бы изменить наше мнение, за последние годы не появились.

В слоях XIII–XV вв. в Московском Кремле неоднократно находили скопления кожевенных отходов, которые были нанесены на план палеорельефа Боровицкого холма и подтвердили предположение, что они были использованы при засыпке оврагов или заброшенных подвалов построек. Научный интерес вызывает опыт статистических подсчетов и планиграфического распределения отходов кожевенно-обувного ремесла. Концентрация обрезков от раскроя позволила локализовать мастерские по пошиву кожаных изделий, находившиеся на одном месте, время функционирования которых укладывается в рамки XV–XVI вв. Автор делает вывод, что на территории Кремлевского Подола пошивочные мастерские кожевников существовали в XIV–XVI вв. (с. 127). Остается неясным, имеются ли свидетельства работы конкретных мастерских для XIV в.

Д. О. Осиповым были выделены рабочие места сапожников, в которых встречены инструменты мастеров – два раскройных ножа, деревянная обувная колодка и уникальное скопление из 93 новых железных шильев с ромбическим сечением, компактно лежавших в подклете сгоревшей постройки первой четверти XVI в. Вместе с запасом шильев здесь были найдены несколько кусков воска и точильный камень. Однако в тексте, неожиданно, в последующем изложении число шильев в «кладе» увеличивается до 97 (с. 122), что надо считать досадной опечаткой.

Оценивая найденный инструментарий, автор считает, что в сапожном деле XVI в. определенно использовались сапожные ножи, шилья ромбического сечения, каблучные лекала и деревянная колодка, а также воск (с. 121). Как возможное приспособление отмечена и находка наперстка западноевропейского (голландского) производства в заполнении постройки первой четверти XVI в.

Следует обратить внимание на три необычных предмета, названные «сапожными лекалами для раскроя каблучных фликов», которые были найдены в горизонте второй половины XVI в. (с. 122–123) Это полуовальные в плане деревянные пластины, по форме соответствующие размерам наборного каблука. Д. О. Осипов не учел ранее найденный в Выборге в слоях конца XV – XVI в., вырезанный из сосновой коры такой же предмет. В слоях конца XVI – XVII в. там же найдены и другие деревянные каблучки (Курбатов, 2003а. С. 122 и сл., рис. 17, 6). По нашему мнению, и выборгские, и московские находки служили вариантами деревянных каблучков, обтянутых кожей.

Интересны две кремлевские находки прямоугольных металлических штампов-матриц, размерами 3 × 2,5 см, на одной стороне которых углубленным рельефом отлиты сюжеты двенадцатых праздников – «Сошествие во Ад» и «Преображение». Обе матрицы найдены в заполнении впускной постройки первой четверти XVI в. (с. 123–124). Немногочисленная серия известных матриц со сценами двенадцатых праздников недавно была рассмотрена в связи с техникой выделки кож на Руси (Курбатов, 2009в. С. 198 и сл.). Позднее список таких предметов был расширен публикацией новых находок (Луцко, 2011. С. 60–66). Московские находки определенно подтверждают изготовление монашеских поясов с оттисками двенадцатых праздников непосредственно в Москве в начале XVI в. Но в домонгольской Руси, в XI–XII вв., изготовлением «монашеских поясов», скорее всего, занимались только в одном из монастырей Киевской земли.

Д. О. Осипов продолжил наш с ним ранний спор о времени разделения кожевенных и сапожных мастерских в древнерусских городах (с. 127–137). Он отстаивает взгляд о разделении ремесел еще в домонгольское время. Основанием для этого стал критический анализ материалов ранних раскопок в Московском Кремле и в Новгороде (Осипов, 2010.

С. 206 и сл.). При этом основным археологическим признаком разделения ремесленных специалистов Д. О. Осипов считает разделение мест выделки кож и пошива кожаных изделий. В данном выводе он солидарен с более ранними выводами С. А. Изюмовой, хотя критикует другие положения ее работы. Наша позиция не претерпела изменений под влиянием каких-либо новых находок (*Курбатов*, 2012а. С. 167–168). Вопрос о разделении кожевенного и сапожного ремесел нельзя ставить в зависимость от приводимых этими авторами археологических признаков, которые чрезмерно прямолинейно преобразуются в историко-культурные выводы. Причины разделения производственных мест надо видеть в развитии города, как своеобразного поселенческого организма. Коренные преобразования в организации застройки и жизни в Новгороде происходили в XII – начале XIII в. Сюда входил и регламент устройства дворов (усадеб), и общественные работы по благоустройству территорий, регламент мощения улиц и поддержания их в чистоте. Ограничения в занятиях ремесленников в черте плотной городской застройки касалась, прежде всего, двух видов ремесел: 1) «зловонных», к которым относится и выделка кожи и 2) «горячих», куда входят все работы с металлами, гончарное производство и также выпечка хлебных продуктов.

Жизнедеятельность большого числа людей на ограниченной территории требовала также вынесения из зоны плотной застройки особо опасных ремесел. К ним относится и выделка кож, при которой многие длительные процессы вызывали опасность накопления и активизации болезнетворных микроорганизмов. Поэтому расположение кожевенных мастерских надо рассматривать через призму организации городского хозяйства и особенностей самого процесса выделки (*Курбатов*, 2004б. С. 69–70).

Вопрос о времени разделения кожевенного и сапожного направлений в ремесле надо рассматривать отдельно для каждого города, учитывая уровень развития специализации его ремесел в конкретный период. Это явление следует связывать с развитием производства и расширением торговли необходимыми товарами. В развитии новгородского ремесла вторую половину XII – первую половину XIII в. Б. А. Колчин относил ко **второму периоду**, характерными признаками которого считал резкое расширение ассортимента продукции, высокую специализацию внутри отдельных отраслей ремес-

ла и значительную рационализацию производства, то есть упрощение технологии. Тогда резко проявилась серийность производства и были созданы стандарты изделий. Это было время широкого развития мелкотоварного производства, продукция которого рассчитана на сбыт по всей Новгородской земле (*Колчин*, 1975. С. 53–58).

Таким образом, имеющиеся данные подтверждают, что разделение кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде уже в домонгольское время было весьма вероятным. Но этот вывод нельзя распространять на другие древнерусские города, в том числе Москву (с. 137), где доказать такое же положение автору не удалось, прежде всего, по недостаточной информативности археологических источников.

В главе 8 описаны изделия из разных материалов, кроме кожи, имеющие отношение к одежде и обуви (с. 139–143). К ним относятся 16 обрывков войлочных стелек из слоев XV–XVI вв. и одна вязаная стелька длиной 25 см. Упомянуты также два обрывка лыковых лаптей, шерстяные вязаные тесемки – *гашиники*, служившие для подвязывания одежды, шерстяные плетеные оборы разного назначения и войлочная шапка-колпак из слоев середины XV в., из этнографии известная как *грешневик*.

К железным обувным предметам относятся обувные подковки и шипы. В раскопках 2007 г. найдено 137 подковок, различных по форме и способу крепления на обуви. В раскопках Московского Кремля шипы не найдены, но автор счел уместным дать небольшой экскурс в историю употребления шипов на Руси. Исследователи долгое время не могли определиться с конкретным использованием железных шипов в средневековье. Часто их называли своеобразными конскими подковами для передвижения по льду. Д. О. Осипов поддерживает иное суждение по этому вопросу, сложившееся в последнее время, и рассматривает железные шипы как детали деревянных дощечек-колодок, которые люди привязывали к обуви для хождения по льду (*Курбатов*, 2011. С. 245–246).

В заключении автор справедливо пишет об особенностях коллекции в связи с высоким статусом населявших Московский Кремль людей. В кожевенных изделиях проявляются отличия от других средневековых городов по составу и индивидуальным формам изделий, прежде всего обуви.

Учитывая характер развития форм обуви и других изделий, автор считает нецелесообразным выделять вторую половину XVI – XVII в. как особый период развития кожевенного дела в России, с чем автор данной рецензии не согласен (*Курбатов*, 2012б. С. 39–43).

- Арциховский*, 1930 – *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
- Арциховский*, 1963 – *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958–1961 гг. М., 1963.
- Вахрос*, 1959 – *Вахрос И. С.* Наименования обуви в русском языке. 1: Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Хельсинки, 1959. Приложение к № 6/10.
- Визгалов и др.*, 2011 – *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В.* Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург, 2011.
- Изюмова*, 1959 – *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции: Т. 2 / под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М., 1959. (МИА; Вып. 65).
- Кабатов*, 2006 – *Кабатов С. А.* Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Кострома, 2006. Вып. 2.
- Колчин*, 1975 – *Колчин Б. А.* Становление ремесла древнего Новгорода // Тезисы докладов советской делегации на III Междунар. конгрессе славянской археологии (Братислава, сентябрь 1975 г.). М., 1975.
- Курбатов*, 1991 – *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 205: Славяно-русские древности.
- Курбатов*, 2001 – *Курбатов А. В.* К истории лапта на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. Тверь, 2001. Вып. 4, т. II.
- Курбатов*, 2003а – *Курбатов А. В.* Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2003. Вып. 6.
- Курбатов*, 2003б – *Курбатов А. В.* «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества // АВ. СПб., 2003. № 10.
- Курбатов*, 2004а – *Курбатов А. В.* Комплекс раннемосковского времени с Затьмацкого посада г. Твери // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат-лы 50-го научного семинара. Псков, 2004.
- Курбатов*, 2004б – *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов*, 2008а – *Курбатов А. В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3.
- Курбатов*, 2008б – *Курбатов А. В.* Музееведение и археология – две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец.: Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с.; 323 ил. 2006. М.: ИА РАН. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7 // АВ. М., 2008. № 15.
- Курбатов*, 2009а – *Курбатов А. В.* Кожаные фартуки в археологических коллекциях // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / сост. А. Е. Мусин. М., 2009.
- Курбатов*, 2009б – *Курбатов А. В.* Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009.
- Курбатов*, 2009в – *Курбатов А. В.* «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла // Записки ИИМК РАН. СПб., 2009. № 4.
- Курбатов*, 2010а – Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // Записки ИИМК РАН. СПб., 2010. № 5.
- Курбатов*, 2010б – *Курбатов А. В.* Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 5: «Ремесло археолога».
- Курбатов*, 2011 – *Курбатов А. В.* Предохранительная обувь в средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2011. № 2.
- Курбатов*, 2012а – *Курбатов А. В.* Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. СПб., 2012. № 18.
- Курбатов*, 2012б – *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.
- Курбатов*, 2014а – *Курбатов А. В.* Обувь народов Северного Кавказа в материальной культуре Древней Руси // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Мат-лы XVII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–31 мая 2014 г.). СПб., 2014.
- Курбатов*, 2014б – *Курбатов А. В.* Традиции кожевенного ремесла в Сибири (по материалам раскопок Мангазеи в 2001–2007 гг.) // Археология Арктики / ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург, 2014. Вып. 2.
- Курбатов*, 2015 – *Курбатов А. В.* Обувная мода в средневековой Руси // ТАС. Тверь, 2015. Вып. 10, т. II.
- Осипов*, 2010 – *Осипов Д. О.* К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // Археология Подмосковья. М., 2010. Вып. 6. Мат-лы научного семинара.
- Осипов*, 2011 – *Осипов Д. О.* К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий // АВ. СПб., 2011. № 17.
- Осипов, Соболев*, 2014 – *Осипов Д. О., Соболев В. Е.* Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья. М., 2014. Вып. 10. Мат-лы научного семинара.
- Пуцко*, 2011 – *Пуцко В. Г.* Кожаные пояса с тисненными изображениями из монашеских захоронений средневековой Руси // Русский сборник–6. Брянск, 2011. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. ун-та; Вып. 20).

- Рабинович*, 1955 – *Рабинович М. Г.* Великий посад Москвы // КСИИМК. М., 1955. Вып. 57.
- Рикман*, 1955 – *Рикман Э. А.* Результаты археологических наблюдений в Зарядье (по раскопкам 1949–1951 гг.) // КСИИМК. М., 1955. Вып. 57.
- Словарь книжников..., 1992 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1992. Ч. 1 (А–З).
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 7 (1980); 12 (1987); Вып. 18 (1992); Вып. 24 (2000); Вып. 29 (2011).
- СОРЯ, 2014 – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2014. Вып. 6 (2014).
- Страхов и др.*, 1964 – *Страхов И. П., Аронина Ю. Н., Гайдаров Л. П., Головтеева А. А., Чернов Н. В., Шестакова И. С.* Химия и технология кожи и меха / под общ. ред. И. П. Страхова. М., 1964.
- Янин*, 1975 – *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., 1975.
- Harjula*, 2008 – *Harjula J.* Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeol. Seura, Turku, 2008. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; T. XV).
- Swann*, 2001 – *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001.

*А. В. Курбатов,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел славяно-финской
археологии*

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК – ЗАПАД

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ»

Ключевые слова: палеолит, мезолит, неолит, анализ каменных индустрий, трасология, эксперимент, сырье, техника и технология расщепления камня.

Keywords: Palaeolithic, Mesolithic, Neolithic, analysis of stone industries, trace-wear analysis, experiments, raw materials, techniques and technology of flaking.

Международная конференция «Методы изучения каменных артефактов» состоялась 16–18 ноября 2015 г. в Санкт-Петербурге в стенах ИИМК РАН. Мысль организовать подобное собрание давно обсуждалась на заседаниях Отдела палеолита и Экспериментально-трасологической лаборатории, которые явились основными организаторами конференции, поддержанной грантом РФФИ № 15-06-20601г. Стоит добавить, что многие идеи, нашедшие отражение в докладах конференции, были высказаны на состоявшейся в марте 2014 г. сессии Методического семинара ИИМК РАН, посвященной вопросам классификации в археологии.

Нет нужды говорить, что классификация изделий из камня представляет собой один из основных исследовательских приемов, применяемых в первобытной археологии. Подобная классификация сопровождает все этапы работы археолога с материалом: от первичного описания находок в поле при составлении описи и подготовке полевого отчета до сложнейших построений, касающихся вопросов эволюции культуры, выделения временных и пространственных общностей, прослеживания миграций древнего населения и т. д.

Интерес к классификации изделий из камня возник в отечественной археологии давно. Пик исследовательского внимания к данной проблематике приходится на 60–70-е годы прошлого века, когда в практику изучения палеолита широко входят методы бордовской статистической классификации, которые нашли отражение в ряде публикаций. В этот период несколько исследовательских групп с энтузиазмом занялись разработкой статистико-комбинаторных схем классификации материала

на основе корреляции количественных и качественных признаков. В 1974 и 1976 гг. Сектор палеолита ЛОИА провел две представительные конференции, объединившие практически всех ведущих исследователей палеолита СССР. Эти научные собрания, сопровождавшиеся бурными дискуссиями, были посвящены вопросам изучения зубчато-выемчатых орудий мустье и общим вопросам классификации палеолитических комплексов. Ожесточенные споры разделяли тогда сторонников традиционной типологии и трасологов.

Внимание к этой проблематике в те годы не ограничивалось изучением палеолита и мезолита; значительное число публикаций было посвящено анализу каменной индустрии неолита. В дальнейшем, однако, интерес к классификации постепенно падает, и в центре внимания археологов находятся отныне вопросы реконструкции технологии обработки камня, практиковавшейся древними жителями. Несмотря на то что все исследователи каменного века продолжали пользоваться традиционными классификационными схемами при рутинной работе с материалом, специальный интерес к методике исследовательских процедур почти угасает.

Следует отметить, что, в отличие от основных национальных европейских школ изучения палеолита, российская археология так и не подошла к задаче создания обобщающих трудов по изучению каменных индустрий, которые имеются сейчас в большинстве стран Европы. Как следствие, имеется значительный разрыв в терминологии, употребляемой разными исследовательскими центрами. Осознание сложности и необходимости обсуждения на новом уровне проблем подхода

к анализу каменного инвентаря побудило нас организовать конференцию с приглашением специалистов из ведущих научных центров России, ближнего и дальнего зарубежья.

В работе конференции приняли участие более 70 специалистов из 35 научных и образовательных учреждений России, Азербайджана, Белоруссии, Украины, Испании и Японии. К открытию конференции был опубликован сборник материалов (Методы..., 2015), а также состоялась презентация сборника в честь юбилея В. Е. Щелинского (Следы в истории..., 2015).

Обращаясь к участникам конференции, директор ИИМК РАН В. А. Лапшин напомнил о том, что именно в стенах нашего института С. А. Семенов разработал и внедрил новаторский метод функционально-трассологического анализа, получивший впоследствии всеобщее международное признание. С вступительным словом выступил также руководитель Отдела палеолита С. А. Васильев.

Всего на конференции было заслушано 40 докладов. Они касались как общих, так и конкретных вопросов изучения каменного инвентаря археологических комплексов. Представленные доклады были разделены на ряд крупных тематических блоков, организованных в порядке сужения круга рассматриваемых проблем.

Заседания открылись серией докладов теоретического плана. Мертва ли типология? – подобный отнюдь не риторический вопрос задавали себе докладчики, рассматривая соотношение различных приемов анализа изделий из камня. Первым докладом на конференции стало пространное выступление В. Е. Щелинского (Санкт-Петербург), озаглавленное «Что мы хотим узнать, изучая каменный инвентарь палеолитических стоянок? Основные методы изучения каменных изделий». Автор дал подробную характеристику современных подходов к анализу каменных индустрий, оговаривая познавательные возможности и ограничения каждого метода. Продолжая тему, А. А. Синицын (Санкт-Петербург) указал на важность оценки информативности каменных орудий, предлагая использовать для классификации индустрий некоторые лингвистические понятия. О различных сторонах совершенствования типологического метода в наши дни говорили в своих выступлениях К. Н. Гаврилов (Москва), Е. М. Колпаков (Санкт-Петербург) и А. А. Бессуднов (Санкт-Петербург). Большой интерес участников собрания вызвал полемически острый доклад Е. Ю. Гири (Санкт-Петербург)

«Анализ каменных индустрий: морфология, морфография, контекст». Автор подверг критике формальную типологию, считая, что только изучение следов может быть подлинной основой анализа формообразования артефактов. Е. В. Беляева (Санкт-Петербург) указала на крайнюю степень variability нижнепалеолитических орудий и говорила о важности конвенционального подхода, основанного на договоренности исследователей относительно употребляемых ими терминов.

Первая часть работы конференции завершилась оживленной дискуссией, посвященной вопросам соотношения типологического, технологического, трассологического, экспериментального методов при комплексном изучении каменной индустрии. Большинство участников согласилось, что в наши дни прямое противопоставление типологии и трассологии утратило смысл, необходим синтетический подход с учетом данных всех дисциплин.

Небольшая серия выступлений касалась сложных вопросов символического значения изделий из камня, а также технологии изготовления каменных украшений. Д. К. Еськова и К. Н. Гаврилов (Москва) остановились на описании гравировок, нанесенных на поверхность покрытых коркой участков каменных орудий и нуклеусов из стоянки Хотылево 2. А. Ю. Федорченко (Магадан) говорил о проблемах технологического анализа серии каменных украшений, происходящих из палеолитических слоев Ушковских стоянок на Камчатке. Н. Г. Недомолкина и Н. Н. Скакун (Вологда, Санкт-Петербург) представили результаты трассологического обследования серии кремневых фигурок, найденных на стоянках неолита-энеолита Верхней Сухоны.

Другая особая тема – вопросы, ныне объединяемые в рамках так называемой «петроархеологии», т. е. изучения источников каменного сырья, использовавшегося древним человеком, реконструкции путей его транспортировки, связь облика артефактов с характером используемого сырья. Д. А. Гурулев (Новосибирск) рассмотрел общие свойства горных пород, имеющие значение для расщепления. Н. Е. Белоусова (Новосибирск) поделилась результатами исследования связи сырьевых групп и форм расщепления на основе анализа петрографических характеристик артефактов из стоянки Кара-Бом на Алтае. П. В. Мороз и Г. А. Юргенсон (Чита) дали характеристику палеовулканов Забайкалья как источников минерального сырья для палеолитического человека. В. Я. Шумкин (Санкт-Петербург) рассказал об особенностях кварца, кварцита и иных видов

горных пород как источников сырья, использованных древним населением Кольского полуострова в диапазоне от мезолита до раннего металла.

Далее следовал ряд докладов и сообщений, посвященных вопросам изучения техники и технологии расщепленного камня. К. К. Павленок и К. А. Колобова (Новосибирск) посвятили свой доклад технологии скалывания пластинок в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры Средней Азии. Г. В. Сеницына, А. А. Бесуднов и Е. Ю. Гирия (Санкт-Петербург) дали характеристику технологии снятия пластин в финальнопалеолитических памятниках Валдайской возвышенности. Е. Ю. Гирия и А. А. Прут (Санкт-Петербург, Москва) указали на наличие вторичных боковых сопутствующих сколов как критерия определения отжимной техники. А. В. Тетенькин (Иркутск) выделил три частично сосуществовавших в конце плейстоцена – начале голоцена на Нижнем Витиме технологических комплексов, объясняя эту дифференциацию различными адаптивными стратегиями групп древнего населения. В совместном докладе Игнасио Клемента Конте и Э. Бойды (Барселона, Париж) были представлены результаты трасологического исследования серии галечных орудий из предположительно древнейшего памятника Бразилии – пещеры Педра Фурада. Д. Такакура (Саппоро) продемонстрировал результаты микроскопического исследования обсидиановых микронуклеусов в палеолите Хоккайдо; при этом им был выделен новый критерий идентификации отжимной техники – наличие так называемых «fracture wings». В сообщении Г. Д. Павленок (Новосибирск) содержалась характеристика технологии расщепления камня по материалам верхнего слоя стоянки Усть-Кяхта-3 в Забайкалье. Н. Б. Васильева (Вологда) рассказала о технологии производства тонких бифасов на древнем поселении Усть-Царева-2 на р. Сухоне. А. М. Родионов (Костенки) говорил о результатах экспериментов по обработке мерзлой древесины и выделенных при этом образцов следов на изделиях из камня.

Несколько выступлений затрагивали тему реконструкции хозяйства и образа жизни древнего человека на основе типологического и трасологического анализа. М. Н. Желтова (Санкт-Петербург) на примере группы листовидных острий из Костенок 4 наглядно продемонстрировала, что при анализе конкретных комплексов данные типологии и трасологии успешно дополняют друг друга.

Н. Н. Скакун и В. В. Терехина (Санкт-Петербург) на основе изучения обширной коллекции из трипольского поселения Бодаки на Украине показали значение комплексных исследований производственного инвентаря для интерпретации хозяйственных особенностей археологических объектов. Е. Л. Лычагина и Е. Н. Митрошин (Пермь) использовали как типологический, так и трасологический анализ для характеристики каменного инвентаря неолитических памятников Прикамья.

Далее следовала группа докладов, посвященных отдельным аспектам типологического и функционально-трасологического исследования конкретных индустрий и памятников в широком хронологическом диапазоне от нижнего палеолита до эпохи бронзы, охватывая в территориальном плане пространство Евразии от Русской равнины и Кавказа до Пацифики. Большой интерес участников конференции вызвал доклад А. А. Зейналова и С. А. Кулакова (Баку, Санкт-Петербург) «От курчайской культуры к субкатегории каменных орудий Гараджи». В нем авторы выделили двуручные чопперы-гигантолиты, общие для комплексов нижних слоев пещеры Азых и стоянки Гаранджа. В. В. Ашейчик и А. В. Вайтович (Минск) изложили проблемы классификации наконечников стрел позднего неолита – начала эпохи бронзы со стоянки Дрозды 12 в Белоруссии. О. В. Лозовская и В. М. Лозовский (Санкт-Петербург) дали развернутую характеристику каменной индустрии раннего неолита на стоянке Замостье 2. А. А. Орехов (Магадан) обрисовал основные черты каменного инвентаря ранне-неолитических комплексов на Чукотке.

Еще одна важная проблема, рассмотренная участниками конференции, это изучение постседиментационных нарушений поверхности артефактов из камня. В докладе В. Н. Зенина (Новосибирск) были детально рассмотрены сложнейшие вопросы диагностики сильно поврежденных изделий из камня, происходящих из гравийно-галечных прибрежных морских отложений. Связанные по тематике выступления С. А. Кулакова и Е. Ю. Гири (Санкт-Петербург) «Признаки следов естественных повреждений и искусственной обработки на среднепалеолитических каменных изделиях (на примере Ахштырской пещерной стоянки)», а также С. А. Кулакова (Санкт-Петербург). «Хостинская зубчатая мустьерская культура – феномен или выдумка?» касались давно обсуждаемой темы правомерности выделения культуры зубчатого мустье в среднем палеолите Кавказа. Анализ

тафономических особенностей Ахштырской пещеры, изучение микроследов на орудиях и серия экспериментов показали, что в лице зубчатых орудий мы имеем дело с псевдоизделиями. По поводу предложенной авторами интерпретации материалов группы памятников Сочинского Причерноморья состоялась развернутая дискуссия.

В качестве отдельной темы в ряде докладов были рассмотрены вопросы исследования микролитического инвентаря поздней поры верхнего палеолита, мезолита и неолита. Н. Б. Ахметгалеева и Ю. Э. Демиденко (Курчатов, Киев) изучили функции и морфологию серии треугольников, происходящих из культурных слоев позднего верхнего палеолита группы стоянок Быки (Посеймье). О. И. Александрова и Е. В. Леонова (Москва) на основе находок из памятников Губского ущелья (Северо-Западный Кавказ) сумели реконструировать смену форм охотничьего вооружения культур на рубеже плейстоцена и голоцена. Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил) по материалам пещерного святилища на Камне Дыроватом на Урале выявил группу пластинок-вкладышей. Г. Н. Поплевко и Т. Ю. Гречкина (Санкт-Петербург, Астрахань) изложили результаты трасологического анализа вкладышевых орудий с неолитической стоянки Байбек в Нижнем Поволжье.

Наконец, использование каменных орудий не ограничивалось хронологическими рамками собственно каменного века. Последняя серия докладов была посвящена вопросам изучения оружейных кремней и находок артефактов из камня, подобранных людьми на разных этапах истории, вплоть до средневековья. А. В. Колесник (Донецк) остановился на своеобразной технологии использования камня, сложившейся у племен срубной культуры в позднем бронзовом веке. В этот период наблюдается деградация навыков обработки кремня и вытеснение камня металлом. В выступлении М. Ш. Галимовой (Казань) были рассмотрены трасологиче-

ские критерии различения скребков и ружейных кремней, встреченных при раскопках в исторической части Казани. М. Н. Желтова, О. А. Тарабардина, Е. А. Тянина и А. Е. Мусин (Санкт-Петербург, Москва, Новгород) в совместном докладе рассказали о находках изделий из камня (в основном наконечников стрел и топоров), подобранных обитателями средневекового Новгорода и сохраненных ими в качестве амулетов.

Помимо докладов и дискуссий, в рамках конференции состоялась организованная Е. Ю. Гирей демонстрация опытов по нанесению отжимной ретуши и производству тонких бифасов.

Представленные на конференции доклады открыли широкий круг проблем археологии каменного века. Вероятно, не все аспекты столь сложной и многогранной темы, как изучение изделий из камня, оказались затронутыми. Мы надеемся, что успешно прошедшая конференция явится отправной точной для организации подобных дискуссионных собраний в будущем. Резко полемическая направленность ряда выступлений, особенно касающихся взаимоотношений типологии и трасологии, говорит о насущной необходимости широкого обсуждения данной проблематики. Всем очевидно, что никакого единого универсального метода изучения предметов из камня не существует, каждый из многообразных подходов имеет право на существование в случае соответствия методики конкретным исследовательским задачам.

По результатам работы конференции планируется подготовка тома трудов под названием «Древний человек и камень: технология, форма, функция».

Методы..., 2015 – Методы изучения каменных артефактов. СПб., 2015.

Следы в истории..., 2015 – Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. СПб., 2015.

*С. А. Васильев,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел палеолита*

*В. Е. Щелинский,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Экспериментально-трасологическая
лаборатория*

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «АКТУАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ 3: НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ»

(Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г.)

Ключевые слова: международная научная конференция, актуальная археология, методология, палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы, античность, средневековье.

Keywords: International Conference, the actual archeology, methodology, Palaeolithic, Mesolithic, Neolithic, Bronze Age, Antiquity, the Middle Ages.

В 2016 г. Институт истории материальной культуры при участии Государственного Эрмитажа продолжил традицию проведения международных конференций молодых ученых «Актуальная археология». Заявленная тема мероприятия «Новые интерпретации археологических данных» позволила охватить широкий круг молодых ученых, чья научная деятельность связана с проблемами изучения археологического материала, а также различного рода письменных источников и их интерпретации.

В работе конференции приняли участие молодые специалисты из 29 городов России, ближнего (Минск, Киев, Караганда, Пенджикент) и дальнего (Белград) зарубежья. Общее количество заявленных участников составило 96 человек, из них 60 выступили с докладами лично. К началу работы конференции был издан сборник материалов «Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных» (отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН, 2016. 378 с.). Перед началом заседаний с приветственным словом выступили директор ИИМК РАН д. и. н. В. А. Лапшин и зам. зав. отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Ю. Ю. Пиотровский.

Работа конференции проходила в рамках нескольких тематических блоков. Первый блок был посвящен вопросам истории науки и методическим аспектам работы с археологическими памятниками и материалами. В рамках историографического направления были заслушаны доклады В. А. Басковой (Москва) о вкладе графини П. С. Уваровой в отечественную археологию, Д. Л. Прокопенко (Санкт-Петербург) о полевой методике российских археологов во второй половине XIX – начале XX в., И. В. Метель (Омск) об истории исследования Омской стоянки. Общетеоретические вопросы объекта

и предмета археологии в дискуссиях советских археологов 1960–1970-х гг. рассматривались в выступлении С. В. Палиенко (Киев).

Новые методические направления в археологии освещались в докладах А. М. Хубановой (Улан-Удэ) с соавторами о климатических палеореконструкциях на основании изотопного состава костей мегафауны Западного Забайкалья и Д. А. Демакова (Пермь) о применении палеоруслового метода на примере поиска археологических памятников в пермском Предуралье и низовьях Камы. Возможности реконструкции мобильности древнего населения посредством применения изотопных методов рассматривались в докладе С. А. Ришко с соавторами (Санкт-Петербург) на основании материалов дольмена «Колихо». В выступлении А. А. Евгеньева (Оренбург) были озвучены различные направления естественнонаучных методов, используемые в работе Оренбургской экспедиции. Важности применения палинологического анализа (на примере многослойного памятника Оськино Болото в Притоболье) был посвящен доклад Э. Д. Насоновой (Новосибирск). Результаты использования метода главных компонент были продемонстрированы В. П. Колосовым (Санкт-Петербург) на основании материалов архитектурных фрагментов из Мирмекия. Важную проблему соотношения типологии и функции каменных изделий затронул в своем докладе И. А. Вальков (Барнаул).

Цикл докладов по палеолиту охватил значительную территорию от Испании до Сибири и широкие временные рамки – от раннего до позднего палеолита. О последних антропологических находках и новейших работах в пещере Атапуэрка сообщила Е. А. Шулимова (Краснодар). А. В. Барков (Новосибирск) представил наиболее полные данные о стоянке Малая Сыя в Кузнецком Алатау.

Вопрос о культурной принадлежности палеолитического памятника Пушкари 1 был освещен в дискуссионном докладе Е. Ю. Кононович (Санкт-Петербург). В выступлении А. С. Дятлова (Санкт-Петербург) были продемонстрированы материалы из обнаруженного в 2014 г. в Сочинском Причерноморье грота Ахцу, а также поставлен вопрос о возможном выделении на территории Северо-Западного Кавказа докерамического неолита. А. Н. Денисова (Владимир) представила детальный анализ одной малоизученной категории погребального инвентаря – перстней, обнаруженных в Сунгирьских погребениях. Серия докладов была посвящена планиграфическому анализу культурного слоя: в сообщениях С. П. Медведева (Москва) и К. Н. Степановой (Санкт-Петербург) была проанализирована общая структура, а также рассмотрено пространственное распределение ретушеров в верхнем слое стоянки Каменная Балка II. О пространственном анализе размещения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы сообщалось в докладе А. В. Ларионовой (Санкт-Петербург) и К. Н. Степановой.

Изучению коллекции каменного инвентаря мезолитической стоянки Огурдино был посвящен доклад Е. Н. Митрошина (Пермь). Кремневые изделия эпохи мезолита – раннего неолита с территории Гродненской области Белоруссии были продемонстрированы С. С. Велент-Щербач (Минск).

В ходе работы конференции была представлена серия докладов, относящихся к эпохе неолита. Пространственный охват данного раздела включает в себя оба континента. В докладе Е. С. Левановой (Москва) и С. А. Хохряковой (Москва) были рассмотрены критерии выделения неолита в Южной и Центральной Америки. Отдельно в неолитическом разделе следует упомянуть исследования, проводимые в области изучения керамических традиций. Они основываются на культурно-историческом подходе, разработанном А. А. Бобринским во второй половине XX в. Результаты исследований с использованием технико-типологического анализа представили: А. В. Сомов (Самара) по материалам Ильинской стоянки средневолжской культуры, Н. С. Батуева (Пермь) на основании керамических сосудов камской культуры из Хуторской стоянки в Предуралье. А. С. Попов (Самара) при изучении памятника Комбактэ совместил технико-технологический анализ и радиоуглеродное датирование. Ф. Ф. Гилязов (Самара) рассказал о важности пересмотра уже изученных материалов с привлечением есте-

ственнаучных методов исследования на примере памятников степного неолита.

Н. С. Дога (Самара) представила детальный анализ соотношения керамического и остеологического материала со стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии. Вопросу методики выявления посуды, изготовленной одним мастером, было посвящено выступление А. В. Никитиной (Самара).

В докладе М. И. Ткачевой (Минск) были продемонстрированы результаты исследования поселения на территории Белорусского Посожья, в ходе которых удалось выявить несколько культурных традиций. Работы М. А. Холкиной (Санкт-Петербург) сосредоточены на территории Нарвско-Лужского междуречья, где также выявлены две традиции изготовления керамики.

Анализ формовочного теста керамики поздняяковской культуры с поселения Шава-1 был продемонстрирован А. А. Швецовою (Нижний Новгород). Изучению ткачества по отпечаткам на керамике был посвящен доклад П. С. Медведевой (Челябинск). Е. А. Ионова (Ульяновск) рассказала об использовании технико-типологического анализа при анализе морфологии сосудов.

Доклады по изучению керамических сосудов были продолжены работами Е. А. Каравашкиной (Ульяновск) об орнаментальных традициях неволинской культуры, Н. Д. Улугавы (Москва) о технологии изготовления сосудов могильника Шекшово 9, а также докладом И. М. Сумманен (Петрозаводск) с соавторами об использовании электронно-зондовой микроскопии к изучению состава формовочных масс на примере керамики карелов.

Разработанная типология костяных орудий Кольского полуострова была представлена в выступлении А. М. Киселевой (Санкт-Петербург) и А. И. Мурашкина (Санкт-Петербург).

В. В. Терехина (Санкт-Петербург) продемонстрировала результаты исследований кремневых орудий трипольской культуры. Методике изучения социальной структуры ямной культуры по материалам погребальных памятников Волго-Уральских степей был посвящен доклад А. А. Файзуллина (Оренбург). Результаты работ по выделению металлургических центров Уральско-Мугоджарского региона были освещены в докладе А. В. Фомичева (Орск). И. Ж. Тутаевой (Санкт-Петербург) была продемонстрирована типология прорезных наконечников копий эпохи поздней бронзы с территории Северного Причерноморья.

На конференции были представлены доклады по методике исследования бытовых, культовых и оборонительных сооружений. И. М. Тимушева (Сыктывкар) представила доклад о сооружениях эпохи раннего металла на Северо-Востоке России. Реконструкции жилищ раннего средневековья был посвящен доклад О. С. Абакумовой (Екатеринбург). Д. В. Селин (Новосибирск) рассказал о методике изучения рвов на примере могильника Старый Сад (восточный вариант пахомовской культуры).

Результаты изучения керамических материалов эллинистического времени в Херсонесе Таврическом были представлены в докладе К. С. Ушаковой (Севастополь), а сложности выделения материалов Танаиса в I – первой половине II в. – в докладе Н. Н. Пресновой (Москва). Проблеме интерпретации захоронений некрополя Древняя Мерва было посвящено выступление А. А. Михеевой (Москва).

История изучения и вопросы определения хронологической принадлежности Великой Абхазской стены были представлены в докладе Ш. Г. Кайтан (Сухум). Также им были затронуты проблемы сохранения культурного наследия в Абхазии. О последних исследованиях слоев Пенджикента предмонгольского времени рассказал Ф. Ш. Аминов (Санкт-Петербург).

В ходе конференции также были заслушаны доклады по Средневековью. Они включают в себя работу А. В. Пермяковой (Пермь) о гравировке на щитково-серединных перстнях Пермского Предуралья, В. Н. Кузнецовой (Санкт-Петербург) о подвесках с образами коня и птицы первой трети

II тыс. н. э. Изучение христианской мелкой пластики из металла представлено в докладе А. Ю. Чураковой (Санкт-Петербург), а ювелирные мастерские Владимиро-Суздальского княжества рассмотрены в докладе А. И. Корниенко (Санкт-Петербург). Результаты археологического изучения церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино (Забайкалье) освещены в докладе И. В. Ковалевой (Чита) и Е. А. Филатова (Чита).

Типология колчанов кочевого населения IX–XIV вв. со степей Волго-Уралья была представлена П. В. Харламовым (Оренбург). Н. В. Григорьева (Санкт-Петербург) и К. В. Горлов (Санкт-Петербург) продемонстрировали результаты работ по изучению монет XVI–XVII вв. со Старой Ладogi. Детальный анализ вышивки оловянным бисером в традиции древней мордвы был произведен М. С. Королевой (Саранск).

В рамках конференции участниками были заслушаны доклады ведущих исследователей Санкт-Петербурга: С. А. Васильев (ИИМК РАН) – «Первые люди в Америке», Л. Б. Вишняцкий (ИИМК РАН) – «Последние неандертальцы: география, хронология и причины исчезновения вида», И. Л. Тихонов (СПбГУ) – «О методологии исследований по истории археологии». Всем участникам конференции было предложено посетить с экскурсией реставрационно-хранительский центр Государственного Эрмитажа «Старая Деревня».

Выступавшие высоко оценили уровень организации конференции и выразили надежду на продолжение традиции такого рода встреч молодых исследователей.

*А. А. Бессуднов, Е. С. Ткач,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел палеолита*

МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ГУМБОЛЬДТ-ЛЕКТОРИЙ «КАВКАЗ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ И ПЕРЕДНИМ ВОСТОКОМ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР, КУЛЬТУРА ДИАЛОГА»

(5–8 октября 2015 г., Санкт-Петербург, Россия)

Ключевые слова: Кавказ, Европа, Передний Восток, Александр Миллер, историография, бронзовый век, ранний железный век, археологические культуры, хронология, междисциплинарные исследования, российско-германское научное сотрудничество.

Keywords: Caucasus, Europe, Near East, Alexander Miller, historiography, Bronze Age, Early Iron Age, archaeological cultures, chronology, interdisciplinary investigations, Russian-German scientific collaboration

С 5 по 8 октября 2015 г. в Санкт-Петербурге (Россия) проходила Международная научная конференция «Кавказ и Восточная Европа в древности: диалог культур и культура диалога (к 140-летию А. А. Миллера)» и одновременно с этим Гумбольдт-лекторий «Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller)». Это научное мероприятие состоялось при партнерском участии Института истории материальной культуры РАН, Евразийского отдела Германского археологического института и Государственного Эрмитажа¹. Состоявшийся научный форум объединил стипендиатов Фонда им. Александра фон Гумбольдта и представителей ведущих академических, университетских и музейных научных центров России, республик Кавказа (Азербайджана, Армении, Грузии), Европы (Германии, Франции, Италии, Словакии, Боснии и Герцеговины, Польши, Молдовы) и Австралии. К началу работы конференции был издан сборник тезисов (Кавказ как связующее звено..., 2015). Особо отметим, что это первый Гумбольдт-лекторий в России, посвященный преисторической археологии и российско-германскому сотрудничеству в этой сфере.

Концепция. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий были посвящены процессам культурных взаимодействий в эпоху бронзы на Кавказе, выступавшим своеобразным посредником между Восточной Европой и Передним Востоком.

Во все времена Кавказ с его разнообразными ландшафтами являлся регионом культурного разнообразия и мостом трансферта технических и социальных инноваций между высокими культурами Переднего Востока и евразийской степной зоны. Особенно в эпоху бронзы с IV по II тыс. до н. э. для этих смежных областей Кавказ играл ведущую роль как поставщик металлических руд. Технические инновации преодолевали эти мнимые барьеры, а культуры гор и предгорий были источниками нового образа жизни, в том числе в степях. *Диалог культур* в этом регионе, чье стратегическое значение сказывается и в сегодняшних политических реалиях, происходил в разных сферах, чему и был посвящен этот научный форум.

Освоение природных ресурсов, *генезис культурного пространства* Кавказа как самобытного явления и в кооперации с окружающими сообществами.

Труднодоступные регионы Кавказа были привлекательны своими разнообразными ресурсами, а сырьевой обмен стимулировал *трансферт знаний и умений*. перевалочные дороги открывали пути *техническим и социальным инновациям*, что вело к глубоким социальным изменениям в эпоху бронзы также в соседних регионах.

Кавказ, безусловно, не был периферией и слабо развитым регионом, но мотором многих культурных процессов, что в последнее время становится все более очевидно благодаря коренному пересмотру *хронологических соотношений* между древними культурами Кавказа, Переднего Востока и Европы. С тех пор как радиоуглеродные датировки и первые дендрохронологические данные подтвердили, что майкопская культура раннего бронзового века с ее сенсационными погребениями датируется около середины IV тыс. до н. э., и тем

¹ Проведение конференции было поддержано РГНФ, проект № 15-01-14008г (руководитель гранта А. Д. Резепкин) и Фондом им. Александра фон Гумбольдта (руководители гранта М. Т. Кашуба и С. Райнхольд).

самым древнее на 1000 лет, чем до сих пор было принято, в новом свете предстают культурно-исторические связи как внутри Кавказа, так и с Закавказьем, Месопотамией, а также с Европой. Здесь уникальным образом переплелись нововведения, оказав экономическое и социально значимое влияние на соседние культуры. Наряду с медью и золотом встречается и первое серебро, а из ранних изделий из металла – эффективное боевое оружие, каковым являлись получившие широко распространение проушные топоры. С индивидуальными захоронениями под огромными курганами, которые относятся к древнейшим монументальным сооружениям человечества, впервые связаны социально выделенные индивиды. Следствием этого явилось новое освоение окружающей среды. При этом зародился культурный ландшафт с монументальной погребальной архитектурой, в III и II тыс. до н. э. распространившейся на широких просторах Евразии. Изучение процессов, имевших место во II тыс. до н. э., благодаря современным исследованиям, начатым по стипендии Теодор Люннен Фонда им. Александра фон Гумбольдта, также изменило наши представления о культуругенетических процессах и хронологии позднего бронзового века.

Современные *естественнонаучные методы*, применение которых широко развернулось благодаря международным проектам при участии гумбольдтистов, дают не только новые аргументы в изучение взаимодействия древних культур. Интенсивный диалог методов является неотъемлемой частью всех текущих международных проектов, результаты которых обсуждались на этом научном форуме.

На прошедших Гумбольдт-лекториях, посвященных археологии Черноморского бассейна (Тбилиси 2007 и Кишинэу 2009) или взаимодействию Южного Кавказа и Северной Месопотамии (Венеция 2013), Кавказ рассматривался лишь попутно – *finis terrae* или регион, где диалог заканчивается. На научном форуме в Санкт-Петербурге этот важный геостратегический район находился в центре внимания специалистов. Какие культурные импульсы были усвоены? Какие инновации, как в технологической, так и в социальной сферах, здесь были разработаны и/или переданы? Какие изменения были перенесены в соседние регионы, как быстро осуществлялся культурный трансферт и как при этом изменялись сами культуры? Эти вопросы были подняты на научном форуме, структура которого была построена таким образом, что в дискуссиях приняли участие не только специалисты по Кавказу, но также ученые, изучающие древности соседних регионов.

Известные специалисты из России, Германии, Республик Кавказа (Грузии, Азербайджана) и Республики Молдова, среди которых 10 бывших Гумбольдт- и Теодор Люннен-стипендиатов, изучали не только диалог культур эпохи бронзы во взаимодействии традиционного и чуждого. В нынешней политической обстановке, невзирая на современные границы и культурное разнообразие, диалог должен всячески укрепляться. Многочисленные корпоративные проекты в разных странах региона, развиваемые немецкой стороной, а также встречи людей разных национальностей, в том числе в рамках Гумбольдт-лекториев – это бесценная цементирующая основа, на базе которой набирает силу научное взаимодействие.

Общение вне национальностей, партикуляризм и других ограничений лежало в основе жизненного кредо русского археолога немецкого происхождения Александра Александровича Миллера, памяти которого был посвящен этот научный форум. С полученным в Париже у Габриеля де Мортилье образованием в области только формирующейся дисциплины археологии, он являет собой замечательный пример европейского диалога в области культурной антропологии и археологии в начале XX в. Он внес не только существенный вклад в изучение древних культур Кавказа и Восточной Европы, но также являлся одним из тех ученых, чьи методические установки и постановка задач в исторической перспективе существенно повлияли на развитие археологии России и Кавказа. Его профессиональная деятельность охватила время Российской империи с Императорской Археологической комиссией и ранний советский период. Как и многие ученые своего времени, он был арестован в 1933 г. и умер в исправительно-трудовом лагере в 1935 г. Александр Александрович Миллер был реабилитирован в 1956 г., а его труды продолжают и сегодня вдохновлять исследователей. В этом смысле дискуссия *о культуре диалога в диалоге культур* продолжает и укрепляет высокий научный уровень сотрудничества ученых из разных стран.

В работе конференции приняли участие представители научной общественности из 10 стран, большинство которых – это ученые из России (106) и Германии (30), но также отметим коллег из Словакии (2), Боснии и Герцеговины (1), Республики Молдова (4), Польши (1), Румынии (1), Грузии (1), Азербайджана (1) и Австралии (2). Из 135 участников конференции одну треть составляли докладчики (49), в том числе 10 Гумбольдт-стипендиатов. Важно отметить, что почти четверть присутствующих в зале составили молодые ученые.

Работа конференции. Открытие конференции состоялось 5 октября в театре Государственного Эрмитажа. Среди почетных гостей с российской стороны были заместитель директора Государственного Эрмитажа проф., д-р Г. В. Виллинбахов, главный научный сотрудник ИА РАН, чл.-корр. РАН, проф., д. и. н. Р. М. Мунчаев, директор ИИМК РАН д. и. н. В. А. Лапшин, научный руководитель ИИМК РАН, чл.-корр. РАН, проф., д. и. н. Е. Н. Носов. Среди почетных гостей с немецкой стороны были генеральный консул Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге д-р Х. Пейтш, руководитель Департамента культуры генерального консульства Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге д-р П. Мерло, заместитель Генерального секретаря Фонда им. Александра фон Гумбольдта д-р Т. Хессе, координатор программ по Европе и руководитель Отдела поддержки и связей Фонда им. Александра фон Гумбольдта госпожа Р. Шмитц-Юстен, директор Московского бюро Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG) д-р Й. Ахтерберг, директор Московского бюро Германской службы академических обменов (DAAD, DWIN) д-р Г. Бергхорн. Открытие конференции проходило в режиме онлайн и транслировалось в сети Интернет. В зале присутствовали представители средств массовой информации, «Радио России» и телеканала «Россия-1». Открытие конференции посетили более 250 чел.

После приветственных слов началась работа конференции. По решению организаторов конференцию открыла секция, посвященная презентации германских научно-исследовательских фондов и сообществ, успешно работающих на поприще сотрудничества между германской и российской наукой. Секция открылась с обширного выступления заместителя Генерального секретаря Фонда им. Александра фон Гумбольдта д-р Томаса Хессе, который рассказал о многочисленных программах Фонда. Следующие два доклада были сделаны д-ром Йорном Ахтербергом (DFG) и д-ром Грегором Бергхорном (DAAD, DWIN). Они представили развернутые картины деятельности этих организаций, которые финансируются Министерством иностранных дел и Федеральным министерством образования и научных исследований в рамках внешней политики науки Федеративной Республики Германия. Были показаны сферы деятельности, бюджет, основные направления и пути реализации совместных проектов ученых Германии, стран Европы и мира. Особое внимание докладчики уделили российско-германскому сотрудничеству в области естественнонаучных и гуманитарных наук, в частности, остановились на двусторонних программах сотрудничества с РФФИ и РГНФ.

В этой секции имели возможность выступить представители Гете-Института (д-р А. Ноке) и российско-германского центра встреч при Петерскирхе (А. Немкова) – двух германских организаций, которые внесли большой вклад в развитие германо-российских отношений именно в г. Санкт-Петербурге.

Научные заседания конференции продолжились по тематическим разделам. Отдельное заседание «Александр А. Миллер и кавказская археология: традиции и перспективы» было посвящено Александру Александровичу Миллеру, а также современным германо-российским проектам и новым разработкам в области методологии и хронологии. На нем выступили ученые из России и Германии. В ряде докладов были рассмотрены основные вехи жизненного пути А. А. Миллера (В. А. Алекшин, Санкт-Петербург), переписка с его учителем Ф. К. Волковым (И. Л. Тихонов, Санкт-Петербург), деятельность в Этнографическом отделе Русского музея в 1908–1932 гг. (В. А. Дмитриев, Санкт-Петербург). К этим докладам примыкает и развернутый постер, в котором в полной мере были отражены материалы А. А. Миллера в фондах Научного архива ИИМК РАН (О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская, Санкт-Петербург). Два выступления немецких коллег представляли результаты новейших междисциплинарных германо-российских проектов на тех территориях, на которых когда-то в свое время работали экспедиции под руководством А. А. Миллера. Это новые данные по палеоландшафту и исторической географии Таманского полуострова (Д. Кельтербаум, Кельн, У. Шлотцауер, Берлин), а также междисциплинарные исследования могильников с большими курганами раннего железного века на Северном Кавказе (А. Гасс, Берлин). Доклад А. Ю. Алексева (Санкт-Петербург), посвященный особенностям хронологии скифских курганов и содержащий важные методические аспекты, вызвал результативное обсуждение. Проблемы методико-методологического характера рассматривались в постерах, посвященных понятию «культурогенез» (М. Т. Кашуба, Санкт-Петербург) и концепции Г.-Ю. Эггера о «живой» и «мертвой» культуре (О. В. Шаров, Санкт-Петербург).

В следующие два дня проходили конструктивные научные заседания, посвященные разным сторонам заявленной тематики. Были сделаны важные и интересные доклады, вызвавшие вопросы, оживленные дискуссии и обсуждения. Нужно отметить, что в той или иной степени во всех докладах были затронуты вопросы развития теории и методики современной археологической науки.

Эффективным и интересным оказалось заседание «Археология Кавказа в IV–II тыс. до н. э. – кросс-культурные взаимодействия», которое открывал доклад, посвященный техническим и социальным инновациям на Кавказе в IV тыс. до н. э. (С. Ханзен, зачитан У. Шлотцауером, Берлин). Следующие два доклада были посвящены раннему бронзовому веку на Северном Кавказе (А. Д. Резепкин, Санкт-Петербург) и Южном Кавказе, который был показан на фоне широких перспектив культурных взаимодействий в южном и западном направлениях (А. Сагона, Мельбурн). К этим докладам примыкает развернутый постер, в котором рассматривались культурные трансляции и формирование направлений Великого Шелкового пути в Средней Азии во второй половине IV – начале II тыс. до н. э. (Л. Б. Кирчо, Санкт-Петербург).

На следующих заседаниях «Археология Кавказа в IV–II тыс. до н. э. – трансферт знаний и хронология в IV–II тыс. до н. э.» были заслушаны девять докладов ученых из Германии, Боснии и Герцеговины, России, Азербайджана, Грузии и Молдовы. Отметим новые данные по дольменам (В. А. Трифонов, Санкт-Петербург), одному из эталонных памятников навесу Мешоко (С. М. Осташинский, Е. А. Черленок, Санкт-Петербург), а также по лейлатепинской культуре (Н. Мусеибли, Баку) и ее связям с Ближним Востоком (Р. М. Мунчаев, Ш. Н. Амиров, Москва). Восхищение всех присутствующих вызвало выступление, посвященное раскопкам в 2012 г. большого кургана Ананаури № 3, датирующегося серединой III тыс. до н. э. В нем сохранились деревянная конструкция, уникальные артефакты и органические материалы: изделия из кожи и текстиля, плетеные корзины, орехи, каштаны и лесные ягоды (З. Махарадзе, Тбилиси). Ряд докладов был посвящен трансферту знаний, среди которых: миф о Древе жизни по вазам из Хафаджи (Месопотамия), Джирофта (Иран) и Майкопского кургана (С. Н. Кореневский, Москва); изобразительное искусство майкопской культуры (Б. Говедарица, Сараево/Берлин); особенности расположения статуэток в позднеэнеолитической погребальной традиции Северного Причерноморья (И. В. Манзура, Кишинев); истоки формирования и сравнительный анализ святилищ с бронзовой антропоморфной пластикой Кавказа и Переднего Востока (IV–I тыс. до н. э.) (О. А. Брилева, Москва).

На отдельном заседании, на котором выступили ученые из России и Германии, было уделено пристальное внимание проблемам технологии, инновациям и современным естественнонаучным

методам. Доклады по палеогенетике, сделанные А. В. Недолужко (Москва) и В. Хааком (Йена), стимулировали длинное и интенсивное обсуждение, которое продолжилось в перерывах и вечером. Эти методы, несмотря на разные подходы и различающиеся интерпретации генетических связей между Кавказом и Европой, несут высокий эвристический потенциал. С другой стороны, необходимость таких разработок обусловлена поиском новых методических перспектив в разработке моделей культурогенеза, трансферта технологий и знаний, мобильности и миграций. Именно эти вопросы рассматривались далее на заседании: производство и распространение мышьяковой меди в IV тыс. до н. э. (Э. Перничка, Маннхайм/Хайдельберг); стратегии существования и питания в степях Северного Причерноморья в 3500–2500 гг. до н. э. (Э. Кайзер, Берлин); идентификация сезонных и длительных миграций населения южнорусских степей и Северного Кавказа в бронзовом веке по данным геохимического анализа (Н. И. Шишлина, Москва); технология изготовления керамики в энеолите – раннем бронзовом веке на Северо-Западном Кавказе (Г. Н. Поплевко, Санкт-Петербург).

Отдельно состоялся праздничный доклад Ю. Ю. Пиотровского (Санкт-Петербург), посвященный Майкопскому кургану. Слушателям впервые были продемонстрированы неизвестные архивные материалы, погребальная конструкция и материальный комплекс этого экстраординарного памятника IV тыс. до н. э. Евразии.

На нескольких заседаниях работа была сосредоточена в области инноваций, культурогенеза и хронологии Кавказа в III–II тыс. до н. э. Здесь отметим выступления, посвященные как дальним и западным контактам Кавказа (доклады М. Шмит, Познань и Й. Баторы, Братислава), так и разработки терминологии для раннего бронзового века Кавказа (Е. Рова, Венеция). Вопросы хронологии и инноваций детально рассмотрены в докладе В. С. Бочкарева (Санкт-Петербург), который представил схему развития металлопроизводства в позднем бронзовом веке от Урала до Восточного Прикарпатья. Широкие хронологические (бронзовый – раннежелезный века) и территориальные (Карпаты, Северный Кавказ и Урал) перспективы бытования металлических сосудов были продемонстрированы в совместном докладе Т. Сорочяну (Берлин) и Е. Савы (Кишинев). Отметим серию докладов по культурогенезу, трансферту знаний и хронологии Кавказа в среднем и позднем бронзовом веках, сделанные учеными из России, Германии и Австралии. Рассматривались истоки и хронология раннекатакомб-

ного обряда на Северном Кавказе (В. Я. Стеганцева, Санкт-Петербург); относительная хронология начала среднего бронзового века Центрального Предкавказья (А. А. Ковалев, Санкт-Петербург); триалетская культура и финал кавказского очага культуригенеза (М. Б. Рысин, Санкт-Петербург); происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в свете ближневосточных влияний (Р. А. Мимоход, Москва); сюда же примыкает постер, посвященный эффективному использованию высокогорий и низменностей Южного Кавказа в раннем курганном периоде (Э. Карминати, Мельбурн). Рабочая часть конференции завершалась двумя взаимодополняющими докладами. Один из них был посвящен культуригенетическим процессам в позднем бронзовом веке на Северном Кавказе (С. Райнхольд, Берлин), во втором рассматривалось террасное земледелие кобанской культуры в Кисловодской котловине (Д. С. Коробов, Москва).

Для всех участников конференции были организованы разнообразные экскурсии по Государственному Эрмитажу: в Золотую и Бриллиантовую кладовые, в археологические залы и фонды Отдела археологии Восточной Европы и Сибири, а также по Немецкому кварталу Санкт-Петербурга. Дирекция ИИМК РАН 5 октября 2015 г. устроила торжественный прием в честь конференции в Доме ученых им. М. Горького (Дворец Великого князя Владимира Александровича).

Дирекция Государственного Эрмитажа устроила заключительный фуршет в последний день конференции.

Итоги. На заключительном заседании, которое прошло в Зале Совета Государственного Эрмитажа под председательством чл.-корр. РАН, проф., д. и. н. Р. М. Мунчаева при участии Ю. Ю. Пиотровского и проф. А. Сагоны, выступающие обменялись мнениями, были подведены первые итоги конференции. Оживленные и многочисленные выступления демонстрировали позитивные отклики. Все ораторы подчеркивали актуальность состоявшейся научной дискуссии и необходимость работать в междотраслевом, открытом и международном исследовательском климате. Также подчеркивалась необходимость усиливать международные взаимосвязи и обмен информацией между учеными Европы, России и кавказскими странами. Исследователи из разных стран отметили высокий научный и организационный уровни конференции и высказались в пользу издания отдельного тома материалов конференции на русском и английском/немецком языках.

Кавказ как связующее звено..., 2015 – Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Мат-лы Междунар. науч. конф. и Гумбольдт-лектория / ред. М. Т. Кашуба, С. Райнхольд и др. СПб., 2015.

*М. Т. Кашуба,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел археологии
Центральной Азии и Кавказа*

*С. Райнхольд,
Германия, Берлин,
Германский
археологический институт,
Евразийский отдел
(Deutschland, Berlin.
Deutsches Archäologisches Institut,
Eurasien-Abteilung)*

*Ю. Ю. Пиотровский,
Россия, Санкт-Петербург,
Государственный Эрмитаж,
Отдел археологии
Восточной Европы и Сибири*

РУССКО-НОРВЕЖСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ АРХИТЕКТУРЫ В СКАНДИНАВИИ И РОССИИ «CARING FOR THE PAST: ARCHITECTURAL RESTORATION AND PRESERVATION IN SCANDINAVIA AND RUSSIA»

(4–8 ноября 2015 г., Афины, Греция)

Ключевые слова: русско-норвежский семинар, архитектура, охрана памятников, реставрация.
Keywords: Russian-Norwegian seminar, architecture, site protection, restoration.

С 4 по 8 ноября 2015 г. в Норвежском институте в Афинах (*Det Norske Institutt i Athen for klassiske studier, arkeologi og kulturhistorie*) прошел совместный русско-норвежский семинар, посвященный актуальным вопросам архитектурной реставрации и охраны памятников в России и странах Скандинавии. Норвежский институт в Афинах был основан в 1989 г. под эгидой Норвежской ассоциации высших учебных заведений, его финансирование и руководство осуществляется в сотрудничестве между норвежскими университетами Бергена, Осло, Тромсе и Тронхейма. Деятельность Института направлена на преподавание, изучение, публикацию и распространение знаний о культурном наследии, истории, археологии и языке Древней Греции. На базе Института ведутся многолетние археологические и мультидисциплинарные исследования памятников античности и византийского времени. Проведение русско-норвежского семинара по проблемам реставрации и сохранения архитектуры именно в Афинах связано с теми широкими возможностями, которые предоставляет Норвежский институт для проведения научных конференций и симпозиумов по истории античной культуры, археологии и истории. Осуществляемое с конца XIX столетия частичное восстановление памятников афинского Акрополя, разнообразие подходов и оценок результатов этой долгой и масштабной работы нескольких поколений превращают Афины в один из наиболее значимых и во многом символических центров, где проходит обсуждение самого широкого круга тем в европейской архитектурной реставрации.

Мероприятие было организовано при финансовой поддержке «Норвежского центра развития международного сотрудничества в образовании (SIU)» под руководством профессора Университета Бергена Сири Лексау (Siri Skjold Lexau) и доцента

Е. В. Ходаковского, заведующего кафедрой истории русского искусства Санкт-Петербургского государственного университета. С российской стороны в работе семинара приняли участие заведующая научным архивом ИИМК РАН М. В. Медведева, старший преподаватель кафедры истории русского искусства Санкт-Петербургского государственного университета Е. Ю. Станюкович-Денисова, научный сотрудник НИИТИАГ Минстроя России А. Г. Носкова, архитектор-реставратор ЦНРПМ Д. Е. Яковлев, аспирант кафедры истории русского искусства Санкт-Петербургского государственного университета К. Е. Чемезова. Скандинавские страны были представлены, главным образом, норвежскими специалистами в области изучения и реставрации памятников средневекового и современного зодчества.

План работы трех дней заседаний был построен по хронологическому принципу. Первый раздел – «**Историческое знание и сохранение древних памятников**» – был посвящен начальному этапу зарождения интереса к средневековому зодчеству в Скандинавии и России, благодаря которому оно стало изучаться, использоваться в качестве вдохновляющих образцов для современных архитекторов и, конечно же, ставиться под охрану под эгидой государственных институций. Семинар открыло выступление М. В. Медведевой о роли Императорской Археологической комиссии в сохранении архитектурного и археологического наследия Российской Империи в конце XIX – начале XX столетия. В нем рассматривались этапы развития деятельности учреждения в решении вопросов изучения археологических древностей и реставрации памятников монументального зодчества на территории России на основе анализа материалов документального собрания ИАК, сохранившегося в Научном архиве ИИМК РАН. Во многом

созвучной докладу М. В. Медведевой была презентация сотрудника Управления по культурному наследию Норвегии Дага Миклебуста (Dag Mklebust) о создании и работе Управления в 1912–1958 гг. и о персональном вкладе в формирование системы охраны норвежских памятников старины руководителей этой организации в разные годы. На этом институциональном фоне были представлены два сообщения, относящиеся к осмыслению объединяющего Россию и Норвегию «северного фактора» в 1860–1910-е гг. Е. В. Ходаковский и А. Г. Носкова проанализировали публикации И. С. Китнера, А. С. Уварова, В. В. Сулова, где напрямую затрагиваются вопросы норвежской средневековой деревянной архитектуры и декоративно-прикладного искусства как наиболее самобытной грани скандинавской художественной культуры. Неудивительно, что пробуждение подобного профессионального интереса в очерках 1860–1880-х гг. привело к интересным примерам косвенного и прямого воздействия скандинавского импульса в памятниках европейского и русского деревянного зодчества конца XIX – начала XX в., о чем было подробно изложено в выступлении Е. В. Ходаковского и К. Е. Чезовой.

Второй раздел – **«Современная реставрация древних памятников»** – был связан с вопросами охраны и реставрации памятников средневекового зодчества в настоящее время, что логически связано с проблематикой, затронутой в начале работы семинара. Лейф Анкер (Leif Anker), старший советник Управления по культурному наследию Норвегии, рассказал о реализации в 2001–2015 гг. долгосрочной программы этого ведомства по комплексной реставрации деревянных мачтовых церквей Норвегии. Доклад Л. Анкера раскрывает эволюцию подходов к задачам и методам реставрации средневековых деревянных храмов, затрагивая не только индивидуальные случаи, но и в целом иллюстрируя системную политику Норвегии в области охраны уникальных объектов деревянной архитектуры. Однако в сферу внимания Управления попадает не только средневековое деревянное зодчество, но и выдающиеся каменные постройки XII–XIII столетий – церковь св. Марии в Бергене и кафедральный собор Ставангера. Ян Лон (Jan Lohne) и Иоханна Гиллоу (Johanne Gillow) в деталях представили этапы реставрации церкви св. Марии в Бергене, проведенной в 2010–2015 гг., в ходе которой были применены самые передовые технологии мониторинга кладки, подачи и фиксации раствора, способы поддержания несущих элементов конструкции,

температурного режима и др. Архитекторы Пер Шельдеруп (Per Schjelderup) и Лив Грам (Live Gram) анонсировали программу реставрации собора в Ставангере, приуроченную к 900-летию образования епископства в этом норвежском городе в 1125 г., после чего, как полагают, и был заложен собор. Несмотря на то что до юбилея 2025 г. остается еще почти десять лет, планируемая реставрация памятника свидетельствует о всестороннем фундаментальном подходе норвежских архитекторов к поставленной задаче. В качестве отчета о проведенной реставрации выдающегося произведения североевропейской светской архитектуры XV в. – Архиепископской палаты в Детинце Великого Новгорода – прозвучал доклад Д. Е. Яковлева, написанный в соавторстве с И. В. Антиповым (доцентом кафедры истории русского искусства СПбГУ) по итогам работ 2006–2014 гг. Эта реставрация, удостоенная премии Правительства Российской Федерации, вобрала в себя лучшие черты отечественной археологии и историко-архитектурной науки. Новгородская Архиепископская палата демонстрирует современное и высокопрофессиональное решение таких реставрационных задач, как «раскрытие», «приспособление», когда памятник не только читается как наглядный исторический источник, но и являет собой современное экспозиционное пространство, посвященное русскому церковному искусству.

Третье заседание – **«Современное сохранение “молодой архитектуры”»** – ставит важные вопросы, которые с каждым годом становятся все актуальнее: каковы критерии оценки художественных достоинств архитектуры, появившейся в последние десятилетия, и почему она не должна удостоиваться такого же внимания со стороны историков и реставраторов, как и памятники средневековья?

Постмодернистское искусство и архитектура предлагают новые подходы к сохранению памятников культуры (в особенности недалекого прошлого) как арт-объектов, память о которых может быть запечатлена современными способами: от подробной цифровой фиксации и релокации объектов до визуализации в виде световой инсталляции.

В докладе Е. Ю. Станюкович-Денисовой на примере норвежского архитектурного конкурса проектов 2015 г. на дальнейшее использование законсервированного российского шахтерского поселка на Шпицбергене («120 HOURS») показана дискуссионность вопросов современного освоения Севера в рамках русско-норвежского сотрудничества.

Не менее острыми становятся вопросы, сформулированные в докладе С. Лексау, посвященном стратегии реконструкции зданий правительственного квартала в Осло, подвергшегося атаке террориста А. Брейвика в июле 2011 г. Это событие, всколыхнувшее норвежское общество, неожиданным образом затронуло не только социально-политическую сферу жизни. Инициатива властей снести здание (по планировке напоминающее букву Н), которое некоторыми экспертами расценивалось как малохудожественное, натолкнулась на мощное противодействие со стороны не только историков современной архитектуры, но и самых разных слоев населения города и всей Норвегии. Этот случай наглядно демонстрирует насколько интересным и неоднозначным является процесс оценки архитектурного наследия второй половины XX столетия. Тем не менее, при этом его утрата сразу воспринимается очень болезненно, произведения современной архитектуры, пусть даже иногда и спорные, занимают в общественной жизни не меньшее место, чем памятники средневекового зодчества, а острые и по-новому сформулированные актуальные вопросы восстановления подобных сооружений свидетельствуют о постоянном живом развитии современной реставрационной и историко-архитектурной науки.

В завершающем докладе С. Риесто (Svava Riesto, Университет Копенгагена) и Р. Стенбро (Rikke Stenbro, старший консультант компании «Рамболл») были затронуты вопросы о необходимости и возможности регистрации зданий массовой жилой застройки 1950–1970-х гг. в Дании и Норвегии как объектов культурно-исторического значения и проблем ее сохранения в наши дни.

В рамках культурной программы мероприятия участники семинара посетили Афинский Акрополь, где греческие специалисты ознакомили их с историей и актуальным состоянием процесса реставрации выдающегося памятника античного зодчества – храма Парфенон. Были организованы экскурсии в Новый музей Акрополя и Национальный археологический музей (г. Афины). Участники осмотрели великолепно сохранившиеся византийские мозаики XI–XII вв. в монастырях Дафни и Осиос Лукас, а также побывали в Дельфийском археологическом комплексе. Как пример современного освоения и использования объектов индустриальной архитектуры XIX–XX вв. норвежским и российским исследователям продемонстрировали историческую газовую станцию, реконструированную в мультимедийное культурное и музейное пространство «Технополис» (г. Афины).

Результаты работы семинара предполагается опубликовать в виде сборника научных статей на английском языке.

*М. В. Медведева,
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН*

*Е. Ю. Станюкевич-Денисова,
Е. В. Ходаковский,
Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОПЛЮСЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В. Ю. Соболев¹

Аннотация. Вторая половина XIX – начало XX столетия – это время общего подъема древнерусской археологии и время наиболее активных исследований памятников на Северо-Западе Новгородской земли. В статье обобщены сведения об археологических работах, проводившихся в это время в бассейне Верхнего и Среднего течения р. Плюссы.

Annotation. Second half of the 19th – early 20th century was a period of the general rise of the Old Russia archaeology and the time of the very active studies of archaeological sites in the North-West of the Novgorod Land. This article summarizes information on archaeological investigations carried out during that period in the basin of the upper and low reaches of the Plussa River.

Ключевые слова: история археологии, археологические исследования, Новгородская земля.
Keywords: history of archaeology, archaeological investigations, Novgorod Land.

Вторая половина – конец девятнадцатого столетия в России характеризуется подъемом археологической науки в целом и возросшим интересом к древнерусской истории и славяно-русской археологии в частности. Л. К. Ивановский, а затем и Н. К. Рерих проводят широкомасштабные и плодотворные раскопки на Ижорском плато, В. Н. Глазов – в Северо-Восточном Причудье, Санкт-Петербургский Археологический институт организует сопровождаемые раскопками экскурсии своих слушателей в различных местностях. В то же время археологические памятники в бассейне верхнего и среднего течения реки Плюссы остаются малоизученными, исследования немногочисленны и часто случайны.

Наиболее ранние сведения о раскопках² погребального сооружения древнерусского времени на

указанной территории относятся к началу 1870-х гг. В 1872 г. г-ном Кашкаровым³ были проведены исследования близ мызы Можжевельник. Заметка об этих работах помещена в газете «Гдовско-Ямбургский листок» (Кашкаров, 1872).

В том же году была раскопана «выложенная камнями» могила близ села Прибужь, в ней «был найден костяк, лежавший головой на запад, у которого оказались лишь черепки сосуда, поставленного в изголовье» (Прибужинец..., 1872).

Археологический институт предпринимает экскурсию для раскопок погребальных памятников в Гдовском и Лужском уездах Санкт-Петербургской губернии в начале лета 1879 г. и в Валдайском уезде Новгородской губернии осенью того же года.

Осмотр местности и выбор объектов изучения был поручен директором Института Н. В. Калачовым И. Г. Данилову «как приобретающему уже некоторую опытность в деле раскопок прежними работами» (Данилов, 1880. С. 20). Во время «подготовительного этапа» экскурсии И. Г. Данилов получил в Яблоницком волостном правлении сведения о сопках, могилах и древних кладбищах у деревень Перехожа, Горушка, Яблонец, Рычково, Заозерье и др., осмотрел городище в 1 версте от

¹ Россия, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд. Санкт-Петербургский государственный университет, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева.

² В статье рассматриваются только раскопки, обзор случайных находок и кладов недавно был опубликован М. В. Медведевой (Медведева, 2014). Также рамками статьи остались работы Санкт-Петербургского Археологического института по составлению археологической карты губернии, которые должны стать темой отдельного исследования.

© В. Ю. Соболев, 2016

³ Инициалы не установлены.

Яблонца, а в соседнем Гдовском уезде – большой курганно-жальничный могильник на берегу Битинского озера (*Там же*. С. 21–22), где раскопал жальничную могилу. Также были раскопаны одиночная насыпь у дер. Козлово-Зеленск и курган между деревнями Быково и Черно-Зеленск. В первом были обнаружены человеческие останки, близ которых находился железный черешковый наконечник стрелы. Во втором «обнаружено лишь присутствие в кургане углей и более ничего» (*Там же*. С. 21); по всей вероятности, курган мог относиться, судя по приведенным размерным характеристикам (1 саж. вышиною и 5 саж. в окружности), к высоким насыпям культуры длинных курганов, или к насыпям культуры сопок.

Наибольшее внимание исследователя привлекли погребальные памятники в так называемом Хотовском (или Хотаковском) Бору, между деревнями Зовка и Палицы ныне Плюсского района Псковской области, где и были проведены раскопки слушателями Института.

Во время экскурсии было исследовано 12 могил, которые представляли собой «небольшие плоские возвышения, окаймленные по бокам камнями» (*Там же*. С. 24) и 12 сопок – «насыпей без камней» (*Там же*. С. 34). Часть исследованных погребальных сооружений относилась к насыпям культуры длинных курганов, а часть оказалась древнерусскими, захоронения в которых были совершены во второй половине XI – первой половине XII столетия.

Материалы раскопок были опубликованы в Сборнике Археологического института за 1880 г. (*Там же*. С. 20–40)⁴. Вещевая коллекция, за исключением керамического материала, в настоящее время хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (колл. № 687) и доступна для изучения, антропологические материалы – скелеты целиком или лишь их краниальные части – были доставлены в музей Института, их дальнейшая судьба неизвестна.

В первой половине 1880-х гг. интенсивные работы в регионе вел Г. Р. Шмидт. За четыре года (1882–1886) он раскопал, преимущественно в окрестностях современного пос. Ляды – его «штаб-

квартира» находилась в имении Сварец – немногим менее 200 погребальных сооружений⁵ преимущественно древнерусского времени. Результаты своих работ Г. Р. Шмидт докладывал на заседаниях «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» при Московском университете (ИОЛЕАЭ), членом которого он являлся. В сохранившемся черновике текста доклада, прочитанного в ИОЛЕАЭ, приводится сделанная Г. Р. Шмидтом типология намогильных погребальных сооружений, основанная на форме и высоте насыпи, использовании камней при ее возведении и т. п., и сделаны осторожные выводы о хронологии бытования погребальных памятников различных типов. Находки из этих раскопок частично были отправлены в Москву, частично переданы автором работ Л. К. Ивановскому «для анализа». Дальнейшая их судьба не известна. Сам автор раскопок считал, что материалов для анализа недостаточно: «...я воздерживаюсь от всякого рода заключений будучи твердо убежден, что таковые возможны лишь при громадном количестве раскопок...».

Стоит отметить, что Г. Р. Шмидт уже в 1886 г. начал работы по составлению археологической карты Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Им локализовано около 110 археологических памятников, до сих пор карта не утратила своего значения: многие из отмеченных на ней памятников были разрушены в первой половине – середине XX в.

До сих пор исследования Г. Р. Шмидта по изучению археологических памятников на данной территории остаются наиболее масштабными (*Шмидт*, 1886. С. 188–190, С. 519–522; НА ИИМК РАН, РО. Ф. 4. 1886. Д. № 176).

Разнообразные сведения, в том числе и о древних погребальных и поселенческих памятниках, собирались Санкт-Петербургским епархиальным историко-статистическим комитетом, которым было издано десять выпусков «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии». В вышедшем из печати в 1884 г. томе содержатся данные о курганах и древних кладбищах Лугского (Лужского) уезда: у дер. Быково, Зеленско, Горка, Должицы (ИСС, IX. 1884. С. 432); отмечены

⁴ Каждый из слушателей вел собственный журнал раскопок, которые были предоставлены И. Г. Данилову для написания обобщающей статьи. К сожалению, дальнейшая судьба этих журналов мне не известна.

⁵ По пояснительной записке к археологической карте Гдовского уезда, составленной Г. Р. Шмидтом, число раскопанных погребальных сооружений было большим.

курган «Городок» в Хмерском погосте около усадьбы Курско (*Там же*. С. 469, 473), старое кладбище близ усадьбы Ретени (ИСС, IX. 1884. С. 473). В X выпуске, часть которого посвящена Гдовскому уезду (1885 г.), приводятся сведения о каменных крестах на старых кладбищах в пустоши Одворки (ИСС, X. 1885. С. 170), дер. Ложголово (*Там же*. С. 197), Корпино (*Там же*. С. 205), Порозово (*Там же*. С. 244), Бешкино (*Там же*. С. 258), о курганах у дер. Кушела и Рожки (ИСС X. С. 177), Засосье и Соколке (ИСС, X. 1885. С. 182, 205), Осьмино (*Там же*. С. 190), Верхнее Село и Скарятин Гора (*Там же*. С. 194), Рудница (*Там же*. С. 205), Малые Поля (*Там же*. С. 213), Лядском погосте (*Там же*. С. 227), Мельговщине (*Там же*. С. 234), о жальнике на кладбище в Музовере (*Там же*. С. 269) и городище «за деревней Дворцом» (*Там же*. С. 227).

В августе 1883 г. ИАК выдала открытый лист на раскопки «курганов и городищ в Гдовском уезде СПетербургской губернии» сыну действительного статского советника А. А. Бихнеру (НА ИИМК, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1883. Д. № 40. Л. 1). Исследованию подвергся курганно-жальничный могильник недалеко от деревни Ерун (или Ярун) на берегу Барашковского озера (к юго-востоку от Ктинского озера), однако отчет в ИАК представлен не был.

Согласно пояснительной записке к археологической карте Гдовского уезда Г. Р. Шмидта, курганно-жальничный могильник «между Барашковским озером и дорогой» состоял из 300 могил, и в общей сложности А. А. Бихнером и самим Г. Р. Шмидтом было раскопано около сотни погребений, причем большая часть А. А. Бихнером. Предметы из его собрания сохранились до сих пор. В начале 1900-х годов жена брата А. А. Бихнера передала в музей Антропологии и этнографии им. Петра Великого артефакты из нескольких захоронений (*Соболев*, 2007. С. 258–260). Все вещи представляют собой детали убора и женские украшения из погребений середины – третьей четверти XII в.

На северной границе региона А. Э. Мальмгрен, студент Санкт-Петербургского университета, исследовал большой курганный могильник в селе Осьмино в 1883–1884 г. (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. № 90; 1894. Д. № 75). Часть вещевой коллекции из этих раскопок хранится в Государственном Эрмитаже (Колл. № 707 и 724).

Весной 1892 г. по инициативе Императорского Русского Географического общества ИАК вступила

в переписку с владельцем расположенного к северу от станции Плюсса имения Лишевицы И. К. Стабул с предложением провести раскопки находящегося на его земле могильника. Работы не состоялись, однако сохранилась фотография вещей, переданных И. К. Стабул в ИАК в августе 1892 г. через профессора Мушкетова – знаменитого русского геолога, географа и путешественника, исследователя Средней Азии. Сломанное пополам височное кольцо с овальными щитками, крупное почти браслетообразное височное кольцо, дровотый браслет, плетеный четырехпроволочный браслет и гроздь трапециевидных подвесок (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. № 58) происходят, видимо, из любительски исследованного женского погребения, датированного второй половиной XII – началом XIII в.

В картотеке А. А. Спицына (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 5. Д. № 459. Л. 328–328об.) упоминаются раскопки, проведенные доктором А. П. Войновичем, который исследовал около 20 жальничных могил в имении князя И. Н. Салтыкова в дер. Чернево. Полученные материалы А. А. Спицын сравнил с находками, сделанными Л. К. Ивановским и Г. Р. Шмидтом, заметив, что «по характеру и по предметам он примыкает к числу многочисленных гдовских жальников, уже хорошо известных по обширным раскопкам г. Шмидта, и не дает ничего нового» (*Спицын*, 1898. С. 365). В картотеке погребения датированы XIV в. (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 5. Д. № 459. Л. 328–328об.), а в небольшой информационной заметке в ЗРАО (*Спицын*, 1898. С. 365) приведена несколько более ранняя датировка тех же самых вещей – XII или XIII вв.⁶

⁶ И в картотеке, и в заметке для описания типов найденных вещей дается отсылка на аналогии, изданные в МАР № 20, иногда с дополнительными пояснениями. В описании вещей, найденных в районе дер. Чернево в им. кн. Салтыкова, имеются разночтения между ссылками на таблицы, приведенными в печатной заметке, и ссылками на аналогии в картотеке. Указанные разночтения имеют большое значение для датировки не сохранившихся вещей комплекса: в заметке говорится о находке одного височного кольца и приводится ссылка на проволочное браслетообразное височное кольцо, в то время как в картотеке говорится о находке **обломков** (то есть, возможно нескольких) височных колец со ссылкой на таблицу с многобусинными височными кольцами. Второе важное отличие – в типе подковообразной застежки. В заметке дается ссылка на предмет, изображенный на табл. XIV, 22 – подковообразную застежку с ложновитой дугой линзовидного сечения и гвоздевидными головками, а в картотеке – на табл. XIV, 27 – подковообразную застежку с плоской дугой прямоугольного сечения, украшенной

Весной 1899 г. в ИАК от генерал-майора свиты Сперанского⁷ были доставлены древние женские украшения, найденные его сыном в 1898 г. в сельце Скородумка Мошковской вол. Гдовского уезда (Медведева, 2014. С. 427, рис. 2). Находки были переданы в музей РАО⁸, по всей видимости, они составляли единый убор и могут быть датированы второй половиной XIII – XIV в.

В 1899–1903 гг. в Северо-Восточном Причудье, бассейне средней и нижней Плюсы и Принаровье исследования памятников культуры длинных курганов и кладбищ древнерусского времени проводил В. Н. Глазов. Результаты его работ, выгодно отличающиеся от многих современных ему исследований тщательностью описаний и большим объемом графической фиксации, были проанализированы и изданы А. А. Спицыным (*Спицын*, 1903; Медведева, Соболев, 2014. С. 395–426).

В 1899–1900 г. разведки и раскопки в Яблоничской волости близ озер Щирского и Черного проводил преподаватель и воспитатель 3-й Санкт-Петербургской гимназии статский советник Н. Ф. Арепьев.

В течение трех лет в летние месяцы он жил в дер. Заозерье, стоящей на северо-восточном берегу Щирского озера. За это время он хорошо изучил местность вокруг Щирского и Черного озер, собрал сведения о расположенных в окрестностях памятниках – «сопках», «сопочках» и «могилах» (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1899. Д. № 150. Л. 44–45), предания о происхождении местных топонимов, легенды. В 1899 г. им был испрошен Открытый лист на раскопки «шведских могил» на крестьянской земле дер. Заозерье и остатков монастыря на Черном озере. «Позднее получение разрешения на раскопки (середина июля) и невозможность добыть рабочие руки в разгар деревенской страды заставили... ограничиться весьма незначительными опытами...» (*Там же*. Л. 28). На остров, на котором располагался Чернозерский монастырь, Н. Ф. Арепьевым была «совершена экскурсия», во время которой сфотографирован находящийся на берегу каменный крест (*Михайлова и др.*, 2015. С. 145–146, рис. 1, 2). Всего летом 1899 г. им было раскопано шесть погребальных насыпей в трех

кладбищах; пять из них относились к жальничным или курганно-жальничным захоронениям (близ оз. Почуж, между дер. Заозерье и Жидишино), а одна насыпь – к более раннему времени (курган у дер. Березицы).

Поданный в ИАК отчет о работах представляет собой практически законченное историческое исследование с проработанной и снабженной справочным аппаратом вводной частью, содержащее большое количество сведений этнографического характера, местных легенд и преданий, однако описания раскопок были даны весьма кратко и не содержат ни планов исследованных погребальных сооружений, ни зарисовок найденных вещей.

В следующем, 1900 г. работы Н. Ф. Арепьевым были продолжены: он раскопал пять погребальных насыпей (две в уже исследовавшейся им в предыдущем году группе у озера Почужь, две у дер. Березицы и одна между дер. Березицы и Страшево). Два кургана содержали остатки погребений по обряду трупосожжения на стороне, два – захоронения древнерусского времени, один высокий курган, названный «сопкой», по мнению автора раскопок, не содержал погребений. Как и годом ранее, были собраны местные легенды, информация о различных памятниках Щиро-Чернозерского межозерья и получены сведения о курганах в дер. Логовеще (Луговищи) Лудонской волости, находящихся под угрозой уничтожения постройкой школы (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. № 119 Л. 16–17). На полях поданного в ИАК отчета приведены небольшие схемы раскопанных и обследованных объектов, текст, как и в предыдущем году, сопровождается картой с указанием мест изучавшихся памятников. Н. Ф. Арепьев планировал продолжить свои исследования, но по неизвестной причине отказался от этого намерения.

В 1903 г. в ИАК поступают вещевые находки из имения Малые Щепицы Гдовского уезда, собранные в «саду при усадьбе г. Кашкарова и в окрестных полях». Коллекция, хранящаяся в настоящее время в Государственном Эрмитаже (колл. ГЭ 883), включает небольшое количество мелких патинированных стеклянных бус, круглую прорезную подвеску, подковообразную застежку со спирально завернутыми концами, более десятка браслетов, несколько перстней, пару поясных колец и бубенчик (Медведева, 2014. С. 429–430, рис. 4). Древности

насечкой, подражающей витью, с гвоздевидными головками, также в описании в картотеке отсутствует ссылка на тип бус, указывается только их цвет – зеленый.

⁷ Инициалы не установлены.

⁸ В настоящее время хранятся в ГЭ (Колл. ГЭ № 884).

происходят, по всей вероятности, из нескольких разрушенных или раскопанных любителями погребений, датирующихся концом XII – началом XIV в. Связать находки с конкретными курганными или курганно-жальничными кладбищами, известными в окрестностях дер. Малые Щепицы, не представляется возможным.

В 1906 г. у деревень Акатьево и Сельцо Узьменской волости без получения Открытого листа проводил раскопки Е. И. Исполатов. Он исследовал два кургана «конусовидной формы» и 16 невысоких погребальных насыпей, сохранился краткий дневник его раскопок (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2, Оп. 1. 1929. Д. № 121. Л. 41–42об.), содержащий лишь текстовое описание исследованных памятников. Вещи из раскопок были сданы в Псковский музей, где они были зарисованы Б. А. Коишевским в конце 1920-х гг. (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2. 1931. Д. № 744. Л. 51–90). В настоящее время среди депортированных вещей, возвращенных в древлехранилище ПИХОМЗ после Второй Мировой войны, удалось идентифицировать лишь часть находок из раскопок Е. И. Исполатова (*Соболев*, 2014. С. 448–450).

В 1908–1912 гг. в Гдовском уезде изучение погребальных памятников культуры длинных курганов и древнерусских могильников вел ученик В. Н. Глазова К. Д. Трофимов. Сын одного из крупнейших гдовских купцов, К. Д. Трофимов проявлял большой интерес к истории родного края, был инициатором изучения археологических памятников восточной части уезда, собирал материалы к составлению археологической карты, сведения о каменных крестах, осматривал и фотографировал каменные церкви самого Гдова и его окрестностей, предпринимал усилия к сохранению стен Гдовской крепости.

В 1908 г. он поступил в Московский Археологический институт (МАИ), а уже в 1909 г. институт получил Открытый лист на раскопки в Лужском и Гдовском уездах Санкт-Петербургской губернии. Работы проходили под общим руководством В. А. Городцова, непосредственно работами руководил студент III курса МАИ К. Д. Трофимов. Во время экскурсии были осмотрены несколько курганных и курганно-жальничных могильников, раскопана одна небольшая сопка, шесть курганов и около 40 жальничных могил, сняты планы двух городищ, на одном из которых заложено четыре разведочных траншеи.

На территории рассматриваемого региона были проведены раскопки сопки и двух жальничных захоронений у дер. Сквородка, трех курганов и 17 жальничных в исследовавшихся студентами МАИ в 1879 г. курганно-жальничных могильниках в Катацком (Хотовском) Бору. Кроме того, были исследованы три погребальные насыпи культуры длинных курганов и семь жальничных могил со средневековыми захоронениями между деревнями Большое Заполье и Музовер на левом и правом берегах р. Музоверки, семь жальничных захоронений у дер. Тупичино (Тупицыно), а также проведены раскопки за пределами рассматриваемого региона – у деревень Большое Городище и Забрядняжье к югу от г. Гдова. Материалы экскурсии студентов МАИ опубликованы В. А. Городцовым в «Отчетах о состоянии Московского Археологического института в 1909–1910 академическом году» (*Городцов*, 1911. С. 65–89). Находки были представлены в ИАК и после «обозрения» и фотографирования возвращены в МАИ и переданы в музей Института, так же как и журнал раскопок (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1909. Д. № 31. Л. 4, 6).

В том же году К. Д. Трофимовым самостоятельно исследованы погребальные памятники у дер. Дуброшкино, Кятицы, Замежничье, Новая Желча, имения Жеребятино (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1909 г. Д. № 31) и проведены первые охранные раскопки по заданию ИАК. Крестьянин Н. Е. Воронов, проживавший в дер. Средние Озерцы Поддубской волости Лужского уезда (ныне Плюсского района Псковской области), обратился в Комиссию за разрешением срыть стоящую на его земле сопку (*Там же*. Л. 1, 3), представив «справку» от сельского старосты о наличии «объекта» (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1909 г. Д. № 31. Л. 2). Крестьянин получил отказ, но подал новое прошение «решить вопрос относительно кургана окончательно» (*Там же*. Л. 4). Раскопки были поручены К. Д. Трофимову, которому из средств Комиссии было выделено 25 рублей и выдан Открытый лист.

Исследованная насыпь – сопка небольших размеров, сооруженная из дерна и «чернозема» (*Там же*. Л. 17об.). Ранее она уже была «тронута раскопкой»: во время маневров 1903 года Е. И. Высочеством Великим князем Дмитрием Константиновичем в северной части сопки была заложена траншея от основания почти до самого верха.

Раскопки К. Д. Трофимова показали, что в позднем средневековье насыпь была использована в качестве кладбища. В верхней части насыпи было выявлено 15 захоронений по обряду ингумации, при скелетах не найдено ни каких вещей; также в различных частях насыпи встречались отдельные неорнаментированные фрагменты керамики красного, белого и черного цветов и неопределимый бесформенный железный предмет (крица?). В северо-восточной части насыпи на глубине около 2 м (2 $\frac{3}{4}$ аршина) от вершины найдены обломки каменного креста, рядом с которыми обнаружен единственный орнаментированный врезными параллельными линиями фрагмент керамики. Еще два креста, по словам крестьян, стояли на вершине насыпи и в основании восточной полы, но к моменту проведения раскопок крест с вершины уже был перенесен в деревенскую часовню, второй же крест не сохранился. В основании сопки обнаружены «небольшое количество углей и сосновых головней, которые лежали не сплошным слоем, а были как бы разбросаны. Ни ясно выраженного кострища, ни пережженных костей или вещей не оказалось и получалось такое впечатление, будто здесь был только разложен костер, который затем был засыпан в недогоревшем виде» (Там же. Л. 18).

Найденные черепки и железная крица были препровождены в Московский Археологический институт (Там же. Л. 41–42).

Крестьянин Н. Е. Воронов остался недоволен результатами раскопок и требовал у Императорской Археологической Комиссии дополнительно 125 р. на приведение участка в порядок (Там же. Л. 24). В деньгах ему было отказано, однако разрешено срыть остатки насыпи самому (Там же. Л. 25). Примечательно, что остатки исследованной К. Д. Трофимовым сопки до сих пор сохранились на окраине деревни Средние Озерцы.

В 1910 г. К. Д. Трофимов исследовал «на свой счет» (Там же. Л. 36) курганные группы у дер. Замкуше Спицынской волости и мызы Дубница Полновской волости, и получил от крестьян вещи из раскопанного ими кургана у дер. Подосье с двумя погребениями по обряду ингумации, датируемые второй половиной XII – серединой XIII столетия (Там же. Л. 64).

Археологические памятники у дер. Логовеще Лудонской волости Лужского уезда – бывшего

центра Петровского Луговещенского погоста – впервые попали в поле зрения археологов в начале XX в. Н. В. Арепьев в своем отчете 1900 г. отметил вблизи деревни три группы курганов, и сообщил об угрозе разрушения памятников предстоящим строительством школы (НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. № 119. Л. 16–17; *Соболев*, 2006. С. 303). В 1906 г. школа была построена, при этом часть погребальных насыпей была уничтожена. Часть занятой старым кладбищем территории стала распахиваться, камни обкладок свозились крестьянами для построек.

Летом или осенью 1910 г. народным учителем Л. А. Васильевым в Логовеще были приобретены стеклянные и бронзовые женские украшения, добытые, по словам находчика-крестьянина, в кургане, под насыпью которого находилось одно захоронение. Находки были переданы Л. А. Васильевым в Музей Антропологии и Этнографии им. Императора Петра Великого (Колл. МАЭ № 1807). Погребение может быть датировано рубежом XII–XIII – 80-ми гг. XIII столетия (Там же. С. 311, 324).

Находки показали Л. А. Васильеву интересными, раскопки курганного кладбища, где они были сделаны, решено было продолжить. Руководство МАЭ, по всей вероятности, заинтересованное в пополнении фондов музея материалами древнерусского времени, получило у Императорской Археологической комиссии Открытый лист на эти работы (Там же. С. 312, 338) и, в свою очередь, выдало народному учителю Л. А. Васильеву свой Открытый лист на раскопки (Там же. С. 312–313, 336).

Летом 1911 г. Л. А. Васильевым было исследовано 17 курганно-жальничных и жальничных погребений у дер. Логовеще и еще 16 курганов у дер. Селище той же Лудонской волости Лужского уезда (ныне территория Струго-Красненского района). Отчет, представленный в Музей Антропологии и Этнографии, к сожалению, не содержит чертежей и описывает проведенные раскопки лишь суммарно, без привязки вещей к отдельным погребениям и без описания строения и конструктивных особенностей каждой исследованной насыпи. Но все же переданная в музей коллекция (Колл. МАЭ № 1849) несет очень интересную информацию по истории материальной культуры XIII–XIV вв. (Там же. С. 314–320, 325–327).

Также летом 1911 г. выпускником Петербургского университета К. В. Кудряшовым, будущим крупным советским историком, специалистом по древнерусской истории, истории России XIX в. и исторической географии, было раскопано две насыпи, относящихся к культуре длинных курганов в группе у дер. Безьва (*Кудряшов*, 1913. С. 247–248) за западной границей региона.

Кроме описанных, сохранилось еще несколько кратких упоминаний о дореволюционных раскопках на рассматриваемой территории. Генерал Прозоровский⁹ раскопал около 30 курганов с каменными обкладками в двух курганных группах между деревнями Заозерье и Захонье. Около села Осьмино, возможно, учитель Плотников¹⁰ раскопал четыре кургана в группе, которую исследовал А. Э. Мальмгрен. И. И. Срезневский вел раскопки жальничного могильника у деревни Сковородка на озере Барском, но материалы его работ не сохранились.

В 1917 г. Н. Е. Макаренко передал в Археологическую Комиссию небольшую коллекцию гончарной керамики, полученную В. Н. Срезневским при раскопках Яблоничского городка, хранящуюся ныне в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ (Колл. ГЭ 876). Отчетов обо всех этих работах найти не удалось.

Подводя итоги, можно отметить, что начало археологического изучения территории бассейна верхнего и среднего течения реки Плюсы в значительной степени связано с близостью столицы и дачным освоением ее дальних окрестностей в третьей четверти XIX – начале XX в. Этот период до сих пор остается самым репрезентативным по количеству раскопанных древнерусских погребальных памятников и «добытых раскопкой» находок. В то же время интерес к исследованиям оставался полулюбительским и характеризуется избирательным вниманием «раскопщиков» к истории и археологии окрестностей тех деревень или имений, где они жили или отдыхали летом с семьей. Иногда такой интерес перерастал в целые «научные программы» по изучению тех или иных местностей, в отдельных случаях «раскопщики-интересанты» становились «профессиональными» археологами, каковыми можно считать В. Н. Глазова и К. Д. Трофимова.

⁹ Инициалы не установлены.

¹⁰ Инициалы не установлены.

Городцов, 1911 – *Городцов В. А.* Дневник раскопок, произведенных слушателями Московского Археологического Института, под руководством В. А. Городцова, в С.-Петербургской губернии, в Лужском (1) и Гдовском (2–6) уездах 1909 г. // Отчет о состоянии Московского Археологического Института в 1909–1910 академическом году. М., 1911.

Данилов, 1880 – *Данилов И. Г.* Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (Из летних экскурсий слушателей в 1878/9 академическом году) // Сборник Археологического Института. СПб., 1880. Кн. 3, отделение I.

Кашкаров, 1872 – *Кашкаров*. Могилы древних жителей Гдовского уезда // Гдовско-Ямбургский листок. 1872. № 21.

ИСС – Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. IX; СПб., 1885. Вып. X.

Кудряшов, 1913 – *Кудряшов К. В.* Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. 11. СПб., 1913.

Медведева, 2014 – *Медведева М. В.* Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии из собрания Императорской Археологической комиссии. Случайные находки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы 59-го заседания / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб., 2014. Вып. 29.

Медведева, *Соболев*, 2014 – *Медведева М. В.*, *Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов // АВ / глав. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2014. № 20.

Михайлова и др., 2015 – *Михайлова Е. Р.*, *Селин А. А.*, *Соболев В. Ю.* История Чернозерского монастыря и некоторые находки с его территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы 60-го заседания / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб., 2014. Вып. 30.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 1. Оп. 1. 1883. Д. № 40: О разрешении, данном Императорскою Археологическою Комиссиею, на право производства раскопок сыну Д. Ст. Сов. Александру Александров. Бихнеру, в Гдовском уезд., СПб.-Петербургской губ. в 1883 году; 1892. Д. № 58: О раскопках в имении И. К. Стабул «Лишевицах»; 1893. Д. № 90: А. Э. Мальмгрен. О раскопках Мальмгрена в селе Осьмино Гдовского уезда, СПб.-Петербургской губ.; 1894. Д. № 75: А. Э. Мальмгрен. О разрешении студенту А. Э. Мальмгрену раскопок в селе Осьмино, Гдовского уезда; 1899. Д. № 150: По ходатайству Н. Ф. Арепьева о разрешении ему раскопок в Лужском уезде, СПб. губ.; 1900. Д. № 119: О раскопках г. Статского сов. Н. Ф. Арепьева в Лужском уезде СПб. губернии; 1909 г. Д. № 31: О раскопках Московского Археологического Института в Гдовском и Лужском уу. СПб.-Петербургской губ. и в Керчи; 1909 г. Д. № 128: О исследовании К. Д. Трофимовым кургана в дер. Средние Озерцы, Гдовского уезда, СПб.-Петербургской губ.

НА ИИМК РАН, РО. Ф. 2, 1929. Д. № 121: Исследование Ленинградской области. Переписка и планы; 1931. Д. № 744: Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Рисунки. Псковский округ. № 51–100.

- НА ИИМК РАН, РО. Ф. 4. 1886. Д. № 176: Г. Р. Шмидт. Археологическая карта с объяснительной запиской Гдовского уезда Петербургской губернии.
- НА ИИМК РАН, РО. Ф. 5. Д. 459: А. А. Спицын. «Корочки». Прибужинец..., 1872 – Прибужинец. Памятники старины в Прибужском приходе // Гдовско-Ямбургский листок. 1872. № 39.
- Спицын*, 1898 – *Спицын А. А.* Мелкие сообщения // Записки РАО. 1898. Т. 10. Вып. 1–2.
- Спицын*, 1903 – *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // Материалы по археологии России. СПб., 1903. № 29.
- Соболев*, 2006 – *Соболев В. Ю.* Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании Фонда археологии МАЭ // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2006. Вып. 1.
- Соболев*, 2007 – *Соболев В. Ю.* Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фонда археологии МАЭ им. Петра Великого // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы LI заседания, посв. памяти профессора А. Р. Артемьева / отв. ред. И. К. Лабутина. М.; Псков, 2007.
- Соболев*, 2014 – *Соболев В. Ю.* Борис Коишевский и Евгений Исполатов: к биографии исследователей Гдовского уезда // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Мат-лы 59-го заседания / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб., 2014. Вып. 29.
- Шмидт*, 1886 – *Шмидт Г. Р.* Сообщения, извлечения из писем // Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. М., 1886. Т. XLIX, вып. 3: Протоколы заседаний Антропологического отдела общества с 4 декабря 1881 г. по 1886-й г.

ПЕРСОНАЛИИ

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ ПАЛЕОЛИТА: ПАМЯТИ АНДРЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ВЕЛИЧКО

С. А. Васильев¹

Аннотация: Статья посвящена памяти выдающегося исследователя четвертичного периода профессора А. А. Величко. На протяжении жизни А. А. Величко был крупнейшим специалистом по палеоэкологии и хронологии палеолита, инициатором и организатором ряда масштабных коллективных работ, включая публикацию серии палеогеографических атласов. Многолетняя деятельность А. А. Величко получила широкое признание в нашей стране и за рубежом.

Annotation: This article is dedicated to the memory of the eminent researcher of the Quaternary period Prof. Andrey A. Velichko. During his life A. A. Velichko was a distinguished specialist in palaeoecology and chronology of the Palaeolithic Age, initiator and organizer of a series of large-scale collective studies including the publication of a series of palaeogeographic atlases. Velichko's activities of many years were widely recognized in Russia and abroad.

Ключевые слова: четвертичный период, геология, палеогеография, хронология, атласы, палеолит.
Keywords: Quaternary, geology, palaeogeography, chronology, atlases, Palaeolithic.

Для всех исследователей четвертичного периода в нашей стране и мире 2015 г. оказался омрачен тяжелой утратой. От нас ушел крупнейший специалист по палеогеографии плейстоцена, человек, посвятивший всю жизнь изучению связи изменений природы и древней культуры. На протяжении долгих десятилетий Андрей Алексеевич был постоянным консультантом основных палеолитических экспедиций ИИМК РАН, с руководителями и участниками которых, как и со всеми сотрудниками Отдела палеолита, его связывала давняя творческая дружба.

А. А. Величко родился 27 июня 1931 г. в Ростове-на-Дону. Семья переехала в Москву и в 1953 г. А. А. Величко окончил географический факультет Московского университета по специальности «геоморфология». От своего учителя, академика И. П. Герасимова, А. А. Величко унаследовал

интерес к проблемам формирования современной природной среды, эволюции климата и почвенного покрова, нацеленность на создание палеогеографических карт и атласов.

Молодой исследователь с энтузиазмом занялся изучением геолого-геоморфологической позиции палеолитических стоянок центра Русской равнины. Начиная с 1954 г. он, совместно с А. Н. Рогачевым, обследует основные памятники Костенок, изучает геологическое строение долин Десны и Судости. Итогом многолетней кропотливой работы стала монография по геологии палеолита Русской равнины (Величко, 1961), в которой А. А. Величко выступил за решительный пересмотр распространенных тогда в нашей стране ошибочных схем датирования верхнего палеолита, показав приуроченность всех культурных слоев памятников к поздневалдайским отложениям. В дальнейшем А. А. Величко каждый год посвящал изучению разрезов стоянок позднего палеолита Центральной России. В результате мы имеем большую серию статей и коллективные монографии по опорным

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита. E-mail: sergevas@AV2791.spb.edu.

памятникам долины Десны (*Величко и др., 1977; 1997*). Примечательно, что ученый в своем поиске не ограничился выяснением геолого-геоморфологической позиции памятников и установлением их хронологии. Он выявил характер адаптации древнего человека к экстремальным перигляциальным условиям среды. А. А. Величко представил графическую реконструкцию облика Тимоновских стоянок на фоне своеобразного мерзлотного рельефа с сетью полигональных трещин и воссоздал характер ям-хранилищ с костями мамонта на стоянке Елисеевичи.

А. А. Величко никогда не ограничивался региональной тематикой, с самого начала деятельности исследователь интересовался общими проблемами изучения природы и человека в плейстоцене. В трехтомнике «Четвертичный период» им были написаны большие разделы, посвященные хронологии и палеоэкологии палеолита в глобальном масштабе (*Марков, Величко, 1967*). Под руководством А. А. Величко был издан хорошо знакомый всем со студенческих лет учебник по четвертичной геологии и палеогеографии (*Величко и др., 1968*).

Важнейшей вехой в развитии палеогеографии стал выход в свет фундаментальной монографии «Природный процесс в плейстоцене» (*Величко, 1973*). По сути дела, в книге была заложена программа целого направления в науке о четвертичном периоде – эволюционной географии, во многом сформированной трудами самого исследователя (*Пути эволюционной географии..., 2002; Величко, 2012*).

В 1971 г. в Институте географии АН СССР было создано новое подразделение – Отдел палеогеографии, в 1991 г. переименованное в Лабораторию эволюционной географии. Основатель и бессменный руководитель отдела А. А. Величко воспитал большую группу исследователей, успешно работающих в различных научных центрах нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья. Подготовка высококвалифицированных кадров немало способствовала лекционная работа А. А. Величко на географическом факультете МГУ.

Начиная с 1970-х гг. А. А. Величко взялся за грандиозную, не имеющую аналогов в мировой науке, задачу – создание серии атласов-монографий по палеогеографии четвертичного периода, увязывая изменения климатов Земли в недавнем прошлом с современными проблемами

и перспективами будущих событий. Итоги нескольких десятилетий работы большого коллектива единомышленников впечатляют. Первым в серии вышел из печати атлас палеогеографии Европы в позднем плейстоцене и голоцене, включавший большую серию карт, демонстрировавшую динамику деградации последнего оледенения, распространение лессов, следов криогенеза, растительности и палеопочв, местонахождений остатков млекопитающих и стоянок палеолитического человека (*Палеогеография Европы..., 1982*).

Основным итогом трудов по созданию атласов-монографий стало трехтомное издание под общим подзаголовком «Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии», опубликованное в рамках работы по международной геосферно-биосферной программе. Первый выпуск монографии был посвящен корреляции хронологических шкал и основных палеоклиматических событий эпохи последнего оледенения и голоцена на территории России и сопредельных государств. Он включал серию палеогеографических карт, составленных по основным регионам для эпохи максимума последнего оледенения (*Развитие ландшафтов и климата..., 1993*). Во втором томе серии можно найти карты, разработанные для ряда хронологических срезов позднего плейстоцена и голоцена. Здесь же дан очерк палеогеографии внутренних морей Евразии, прослежена сложная история стока Черноморско-Каспийских бассейнов, Балтики, Белого и Японского морей (*Динамика ландшафтных компонентов..., 2002*). Третий том содержит оценку палеогеографической обстановки в Северной Евразии в период максимума последнего межледникового и климатического оптимума голоцена. Эти два экстремально теплых эпизода в новейшей истории нашей планеты позволяют выявить ряд общих черт, важных для прогнозирования климатических изменений в условиях нынешнего глобального потепления (*Климаты и ландшафты..., 2010*).

Кроме того, под руководством А. А. Величко подготовлены изданные на английском языке монументальные атласы позднечетвертичной палеогеографии территории СССР (*Late Quaternary environments..., 1984*) и Северного полушария в целом (*Atlas of Paleoclimates..., 1992*). Хронологически расширяет рамки анализа книга, посвященная изучению колебаний климата

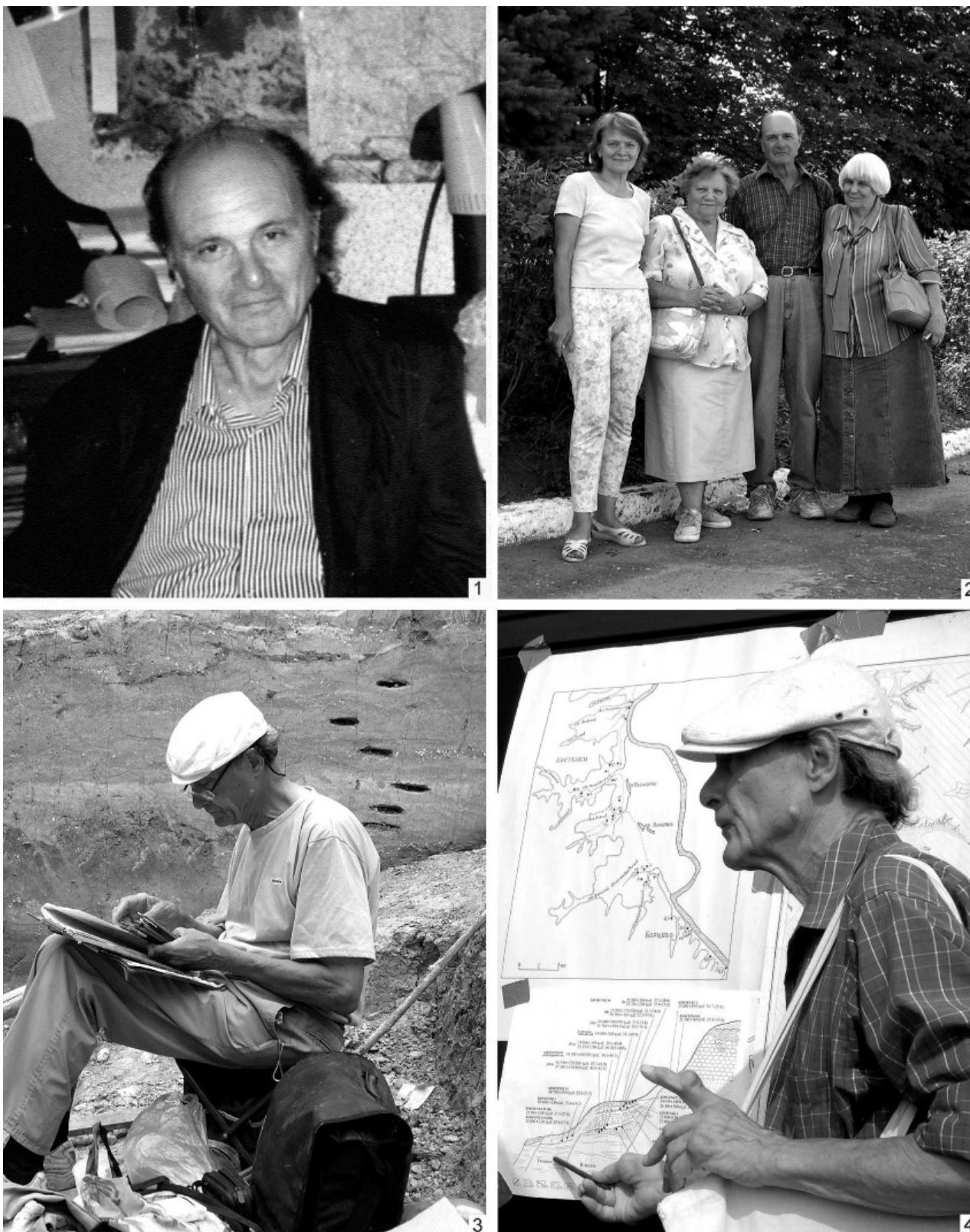

Рис. 1. А. А. Величко (1931–2015): 1 – портрет 70-е гг.; 2 – в Костенках в 2005 г. (слева направо: С. Н. Тимирева, Т. Д. Морозова, А. А. Величко, Марг. М. Герасимова); 3 – Костенки XIV, 2007 г.; 4 – Костенки, 2013 г.

Fig. 1. A. A. Velichko (1931–2015): 1 – portrait of 70-th; 2 – in Kostienki in 2005 (from left to right: S. N. Timireva, T. D. Morozova, A. A. Velichko, Marg. M. Gerasimova); 3 – Kostienki XIV, 2007; 4 – Kostienki, 2013

на протяжении всего кайнозоя (Изменение климата и ландшафтов..., 1999). Наконец, увидела свет обновленная серия палеогеографических карт для Северного полушария (Палеоклиматы и палеоландшафты..., 2009).

Последним крупным проектом, реализованным под руководством А. А. Величко, стал атлас расселения человека в высоких широтах. На протяжении почти восьми лет, начиная с реализации первой версии проекта в рамках программы «Международный полярный год», шла напряженная работа по согласованию разделов книги, объединившей усилия десятков ведущих специалистов в области геологии, палеогеографии, антропологии и археологии из России, скандинавских стран, США и Канады (Первоначальное заселение Арктики..., 2014). В ходе подготовки атласа к изданию состоялся ряд рабочих совещаний, и была проведена представительная международная конференция «Путь на Север: самые ранние обитатели Арктики и Субарктики» (Путь на Север..., 2008).

Выдающийся организатор науки, А. А. Величко прилагал огромные усилия для налаживания широких международных контактов, проведения в Москве наиболее крупных престижных научных встреч. Немало времени и сил он затратил для организации XI Конгресса Международной ассоциации по изучению четвертичного периода в 1982 г. и XXVII Международного геологического конгресса в 1984 г. В 1977–1981 гг. под руководством И. П. Герасимова и А. А. Величко были организованы советско-французские полевые семинары с экскурсиями по основным памятникам палеолита юга Франции, Русской равнины, Крыма и Кавказа (Археология и палеогеография..., 1978, 1981), а также ряд советско-американских совещаний по вопросам палеоклиматологии. Особую роль в развитии синтеза наук о природе и человеке сыграла организованная А. А. Величко и О. А. Соффер международная конференция по первичному расселению человечества (Человек заселяет планету Земля..., 1997).

В общей сложности перу профессора А. А. Величко принадлежат около 500 научных работ. Отметим важнейшее значение для антропологии и археологии палеолита созданного при его участии полного каталога палеоантропологических находок эпохи плейстоцена на территории России и сопредельных стран (Герасимова и др., 2007).

Трудно даже перечислить все награды и звания, которые в разные годы присуждались ученому. Помимо почетного членства в Русском географическом обществе, он был избран почетным членом Польского, Венгерского, Бельгийского географических обществ, Польской Академии наук и искусств, Геоморфологической ассоциации Польши. Много лет А. А. Величко возглавлял Комиссию по палеогеографическим атласам Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA), был вице-президентом этой ассоциации, президентом комиссии «Эволюция окружающей среды» Международного географического союза, вице-президентом Комиссии по углеродному циклу, одним из руководителей Международной геосферно-биосферной программы, членом редколлегий основных российских и международных журналов по четвертичному периоду. Орден «Знак почета», медаль Географического общества имени Ф. П. Литке, премия им. Ф. Н. Красовского, премии Президиума РАН им. А. П. Виноградова и А. А. Григорьева...

В составе Межправительственной группы по оценке климатических изменений в 2008 г. ученый получил Нобелевскую премию мира. Наконец, многолетняя деятельность А. А. Величко была отмечена высшей наградой Русского географического общества – Большой золотой медалью, которую в 2014 г. ему торжественно вручил Председатель попечительского совета общества Президент РФ В. В. Путин.

И последнее. Всякий человек, знакомый с Андреем Алексеевичем, мог оценить его изысканную интеллигентность, ту особую, старомодную и почти исчезнувшую в наши дни, учтивость и обходительность. Многие коллеги знали страсть ученого к живописи, которую он пронес через всю жизнь. Удивительно, что А. А. Величко удалось совместить научную работу с художественным талантом. Всем известно, что он – единственный из четвертичников, кто, в дополнение к схемам разрезов и фотографиям, делал карандашные зарисовки стратиграфии, удивительно точно подбирая цветовую гамму слоев. В наш век узкой специализации А. А. Величко являл собой, пожалуй, один из последних примеров подлинно «ренессансного человека», для которого наука и искусство суть разные стороны жизни творческого духа.

Рис. 2. А. А. Величко: 1 – на лессовых разрезах Приазовья, 2015 г.; 2 – Президент РФ В. В. Путин вручает А. А. Величко Большую золотую медаль Русского географического общества, 2014 г.

Fig. 2. A. A. Velichko: 1 – at loess sections in an Azov Sea locality, 2015; 2 – President of RF V. V. Putin presents to A. A. Velichko the Great Golden Medal of the Russian Geographic Society, 2014

Несмотря на почтенный возраст и недомога-ния, А. А. Величко до последнего продолжал напряженно трудиться. Примерно за неделю до горестного дня 11 ноября 2015 г. мы сидели в лаборатории на Хвостовом переулке («на хвостах», как любил говорить Андрей Алексеевич), обсуждали наши задачи на будущее. А. А. Величко делился впечатлениями от своей недавней поездки в Китай по лессовой тематике, строил планы издания на английском языке атласа расселения человека в Арктике.

Привычная для некрологов фраза о «невосполнимости утраты» более чем справедлива применительно к А. А. Величко. Действительно, в современной отечественной науке о четвертичном периоде нет сопоставимой фигуры со столь широким кругозором, ученого, в равной мере профессионально владевшего данными палеогеографии, геологии, геохронологии, палеоклиматологии, антропологии и доисторической археологии. Только А. А. Величко был способен «навести мосты» между различными, становящимися все более специализированными, аспектами изучения единой темы – реконструкции новейшей истории нашей планеты и ее обитателей.

- Археология и палеогеография..., 1978 – Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа / под ред. А. А. Величко и Н. Д. Праслова. М., 1978.
- Археология и палеогеография..., 1981 – Археология и палеогеография позднего палеолита Русской Равнины / под ред. А. А. Величко. М., 1981.
- Величко*, 1961 – *Величко А. А.* Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961.
- Величко*, 1973 – *Величко А. А.* Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.
- Величко*, 2012 – *Величко А. А.* Эволюционная география: проблемы и решения. М., 2012.
- Величко и др.*, 1968 – *Величко А. А., Марков К. К., Лазуков Г. И., Николаев В. А.* Плейстоцен. М., 1968.
- Величко и др.*, 1977 – *Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.
- Величко и др.*, 1997 – *Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И.* Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.
- Герасимова и др.*, 2007 – *Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А.* Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. СПб., 2007.
- Динамика ландшафтных компонентов..., 2002 – Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. Атлас-монография. Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен-голоцен – элементы прогноза. Вып. II. Общая палеогеография / под ред. А. А. Величко. М., 2002.
- Изменение климата и ландшафтов..., 1999 – Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет (кайнозой: от палеоцена до голоцена) / под ред. А. А. Величко. М., 1999.
- Климаты и ландшафты..., 2010 – Климаты и ландшафты Северной Евразии в условиях глобального потепления. Ретроспективный анализ и сценарии. Атлас-монография. Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен-голоцен – элементы прогноза. М., 2010. Вып. III / под ред. А. А. Величко.
- Марков, Величко*, 1967 – *Марков К. К., Величко А. А.* Четвертичный период. М., 1967. Т. 3.
- Палеогеография Европы..., 1982 – Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (атлас-монография) / под ред. И. П. Герасимова и А. А. Величко. М., 1982.
- Палеоклиматы и палеоландшафты..., 2009 – Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен. Атлас-монография / под ред. А. А. Величко. М., 2009.
- Первоначальное заселение Арктики..., 2014 – Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография / под ред. В. М. Котлякова, А. А. Величко, С. А. Васильева. М., 2014.
- Пути эволюционной географии..., 2002 – Пути эволюционной географии (итоги и перспективы) / под ред. И. И. Спасской. М., 2002.
- Путь на Север..., 2008 – Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики / под ред. А. А. Величко и С. А. Васильева. М., 2008.
- Развитие ландшафтов и климата..., 1993 – Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен-голоцен; элементы прогноза. М., 1993. Вып. I. Региональная палеогеография / под ред. А. А. Величко.
- Человек заселяет планету..., 1997 – Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид / под ред. А. А. Величко и О. А. Соффер. М., 1997.
- Atlas of Paleoclimates..., 1992 – Atlas of Paleoclimates and Paleoenvironments of the Northern Hemisphere. Late Pleistocene-Holocene / В. Frenzel, M. Pesci, A. Velichko (eds.). Budapest, 1992.
- Late Quaternary environments..., 1984 – Late Quaternary environments of the Soviet Union / A. A. Velichko (ed.). Minneapolis, 1984.

Evolutionary geography of the Palaeolithic period: in memory of Andrey Alekseevich Velichko**S. A. Vasilyev**

This article is dedicated to the memory of the eminent researcher of the Quaternary – Prof. Andrey A. Velichko. During his life, this scholar was a permanent consultant for leading Palaeolithic expeditions of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), now the Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS. A. A. Velichko was a distinguished specialist in palaeoecology and chronology of the Palaeolithic period, the initiator and organizer of a series of large-scale collective studies including the publication of a series of palaeogeographic atlases. He guided the preparation of a catalogue of

palaeoanthropological finds from the territory of the former Soviet Union and an atlas of original settling of the Arctic regions by ancient man. These publications are of special importance for studies of the Palaeolithic Age. A. A. Velichko is the author of a textbook on the palaeogeography of Pleistocene and a number of monographs including the works on the standard Palaeolithic sites in the Russian Plain. Velichko's activities of many years were widely recognized in Russia and abroad. In 2014, he was awarded the supreme decoration of the Russian Geographic Society – the Great Golden Medal.

ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 2015 Г.

В июле 2015 г., по распоряжению ФАНО, учитывая новый возрастной регламент, установленный для избрания руководителей институтов РАН, в ИИМК прошли выборы нового директора. На Общем собрании сотрудников им был избран д. и. н. В. А. Лапшин. Заместителями директора были назначены: к. и. н. О. И. Богуславский – по научной работе; к. и. н. Н. Ф. Соловьева – по организационным вопросам; ученым секретарем – к. и. н. Н. Ю. Смирнов; чл.-корр. РАН Е. Н. Носов избран научным руководителем ИИМК РАН и утвержден в этой должности ФАНО.

В октябре 2015 г. на Собрании научных сотрудников рейтинговым голосованием был избран новый состав Ученого совета ИИМК, в количестве 27 человек (председатель д. и. н. В. А. Лапшин).

В 2015 г. коллективом ИИМК РАН по «Государственному заданию на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов» успешно продолжены научно-исследовательские работы по 11 крупным темам. Их результаты нашли свое отражение в различных разделах интернет-ресурса ИИМК: www.archeo.ru.

Тема № 101.1 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры» выполняется в Отделе охранной археологии, под руководством к. и. н. Н. Ф. Соловьевой (11 исполнителей) и посвящена разработке и внедрению новых методических приемов как в полевой археологии, так и в ее аналитической части. Результаты работы нашли отражение в 15 статьях и заметках, в различных российских и зарубежных изданиях и в семи докладах на различных форумах. Издан четвертый номер «Бюллетеня ИИМК РАН». [№] 4. (охранная археология)», в котором приводится информация об охранно-спасательных работах, проведенных ИИМК.

В 2015 г. Отдел охранной археологии заключил 110 договоров на проведение охранно-спасательных археологических мероприятий в зонах хозяйственного освоения территорий. В их исполнении принимали участие как сотрудники Отдела

охранной археологии, так и сотрудники всех отделов ИИМК. Обширна география работ – от Тувы до Выборга и Краснодарского края. Большинство исследований проводилось на территории Ленинградской области, Санкт-Петербурга и его окрестностей (98 договоров). Раскопки в исторической части города пополнили источниковедческую базу ранней истории Санкт-Петербурга. На основании полученной базы данных в отделе разработана электронная археологическая карта города, куда вносится информация о наличии культурного слоя и его состоянии.

По результатам многолетних работ по железно-дорожной трассе Элегест – Кызыл – Курагино издан альбом «Дорога длиной в тысячелетия...» (отв. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб., 2015). Научные исследования проводились на средства Тувинской энергетической промышленной корпорации в рамках совместного проекта РГО и ИИМК «Археолого-географическая экспедиция “Кызыл – Курагино”». На страницах альбома можно найти информацию об истории проекта, получить сведения об исследованных археологических памятниках разных эпох от палеолита до средневековья на территории Южной Сибири и Центральной Азии, узнать о быте и повседневной жизни волонтеров РАО. Альбом издан на средства Премии РГО, полученной за успешное осуществление проекта.

Тема № 101.2 «Исследование археологического материала эпохи бронзы Северного Кавказа и сопредельных территорий с использованием естественнонаучных методов: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология» разрабатывается в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, под руководством к. и. н. А. К. Каспарова (восемь исполнителей) и посвящена аналитическому исследованию различного археологического материала. Опубликовано 13 статей и заметок в российских и зарубежных изданиях и сделано семь докладов на различных научных форумах.

Тема № 101.3 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1928–1937 гг. (по материалам Научного архива)» разрабатывается в Научном архиве ИИМК под руководством к. и. н. М. В. Медведевой (восемь исполнителей). Опубликовано 13 статей и сделано 17 докладов на различных конференциях, издан альбом «Египет 100 лет назад. Из коллекции (1920–1925 гг.) русского художника Ивана Билибина (1876–1942 гг.)» (сост. Г. Длужневская, А. Субботин. Каир, 2015).

Тема № 104.1 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде» разрабатывается в Отделе палеолита под руководством д. и. н. С. А. Васильева (12 исполнителей) и посвящена широкомасштабному исследованию древнейших памятников на территории России и сопредельных государств. Итоги работы отражены в одной монографии и сборнике материалов международной конференции, а также в 51 статье и заметке, прочитаны 34 доклада на научных форумах в России и за рубежом.

Монография «Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография» (отв. ред. В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев. М., 2014) содержит сведения о главных этапах первоначального проникновения и освоения человеком полярных и приполярных пространств, которое началось в каменном веке в Северной Евразии и завершилось уже в историческое время в Гренландии, Исландии и на островах Северного Ледовитого океана. В Атласе впервые представлены комплексные реконструкции этапов и путей заселения человеком высоких широт.

В 2015 г. проведена международная конференция, организованная Отделом палеолита и Экспериментально-трассологической лабораторией, к началу которой подготовлен сборник материалов «Методы изучения каменных артефактов: мат-лы междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2015 г.)» (отв. ред. С. А. Васильев, В. Е. Щелинский. СПб., 2015). Доклады охватывают различные аспекты первобытной археологии, начиная с вопросов соотношения типологического, технологического и трассологического методов при изучении каменных орудий. Рассмотрены индустрии и памятники в широком хронологическом диапазоне от нижнего палеолита до бронзового века, географически расположенные

на пространстве Евразии от Русской равнины и Крыма до Тихого океана.

В 2015 г. проводили полевые исследования восемь экспедиций.

Тема № 104.2 «Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене» разрабатывается в Отделе палеолита под руководством к. и. н. В. Я. Шумкина (семь исполнителей). В мае 2015 г. проведена международная конференция «Неолитические культуры Восточной Европы», организованная Отделом палеолита и Экспериментально-трассологической лабораторией ИИМК, совместно с Государственным Эрмитажем, МАЭ (Кунсткамерой) и Поволжской гос. социально-гуманитарной академией, при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-20194 г). Был издан сборник «Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 75-летию В. П. Третьякова» (под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской, А. А. Выборнова. СПб., 2015). В нем представлены статьи, затрагивающие проблемы изучения неолитических и энеолитических культур на территории от Зауралья до Фенноскандии. Рассмотрены вопросы, связанные с радиоуглеродным датированием, палеогеографическими реконструкциями и другими аспектами неолитоведения.

В рамках темы опубликовано 47 статей и заметок, прочитано 39 докладов на различных конференциях в России и за рубежом, проводили полевые исследования три экспедиции.

Тема № 104.3 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии» разрабатывалась в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа под руководством к. и. н. В. А. Алёшкина (11 исполнителей) и посвящена построению периодизации и хронологии археологических памятников эпохи бронзы, выявлению культурных связей оседлого населения с пастушескими племенами степной зоны Евразии; изучению военного дела и фортификации древних государств юга Центральной Азии, а также исследованию процессов исламизации Центральной Азии. Итоги работы отражены в 21 статье и заметке, прочитаны 12 докладов на различных форумах в России и за рубежом.

В октябре 2015 г. проведена Международная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий, при партнерском участии ИИМК, Евра-

зийского отделения Германского археологического института, Государственного Эрмитажа и Фонда им. Александра фон Гумбольдта. Научный форум объединил стипендиатов Фонда им. Александра фон Гумбольдта и представителей ведущих академических, университетских и музейных научных центров России, стран Кавказского региона (Азербайджана, Армении, Грузии), других европейских государств (Германии, Франции, Италии, Словакии, Польши, Республики Молдова) и Австралии. Доклады конференции опубликованы в сборнике: «Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера): мат-лы Междунар. науч. конф. и Гумбольдт-лектория» (под ред. М. Т. Кашубы, С. Райнхольд, В. А. Алёкшина и др. СПб., 2015). Заседания были посвящены памяти Александра Александровича Миллера, в лице которого успешно сочетались блестящее европейское образование, немецкие корни и высокая русская культура.

В 2015 г. проведены полевые работы на юге Центральной Азии. Продолжены раскопки неолитического поселения Ылгынлы-депе (юго-восточный Туркменистан) Российско-Туркменской комплексной археологической экспедицией, включающие расчистку уникальной мастерской по производству глиняных статуэток эпохи раннего неолита, конец V тыс. до н. э.

Тема № 104.4 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)» разрабатывалась в Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа под руководством ст. н. с. В. С. Бочкарева (14 исполнителей). Исследователи опубликовали одну монографию (Вл. А. Семенов. Искусство варварских племен. СПб., 2015), 50 статей и заметок, сделали 39 докладов на различных конференциях, в поле работало пять экспедиций.

Тема № 104.5 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения» выполнялась в Отделе истории античной культуры под руководством д. и. н. В. А. Горончаровского (восемь исполнителей). Были проведены Всероссийские чтения памяти М. И. Максимовой «Культура, искусство античного Причерноморья» (СПб., ноябрь 2015 г.), опубликована одна монография, 32 статьи и заметки, сделаны 32 доклада на различных конференциях.

В монографии В. А. Горончаровского «Римские гладиаторы: жизнь на грани смерти» (М., 2015)

рассказывается, как готовили профессиональных бойцов в гладиаторских школах, как они были вооружены, в чем состояла их специализация, а также о знаменитых схватках и целых сражениях, в которых участвовали одновременно тысячи гладиаторов.

В 2015 г. увидели свет две монографии из научного наследия Ю. В. Андреева, подготовленные к изданию сотрудниками института: 1. «Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты» (под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2014) (Труды ИИМК РАН; Т. XLI); 2. «Дорийское завоевание: Историческая проблема в свете археологии» (под ред. В. С. Бочкарева. СПб., 2015) (Труды ИИМК РАН; Т. XLIII). В рамках выполнения темы работали четыре отряда Боспорской экспедиции ИИМК.

Тема № 104.6 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)» разрабатывается в Экспериментально-трасологической лаборатории под руководством д. и. н. В. Е. Щелинского (четыре исполнителя) и посвящена комплексному исследованию актуальных проблем изучения функций древних орудий, технологии их изготовления, восстановлению хозяйственно-производственных систем конкретных обществ эпох палеолита – раннего металла. Издан сборник и 63 статьи и заметки. Сотрудники Лаборатории сделали 37 докладов на различных научных конференциях. Сборник статей «Следы в истории: К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского» (под ред. О. В. Лозовской, Е. Ю. Гири, В. М. Лозовского. СПб., 2015) включает статьи ведущих специалистов по археологии каменного века и экспериментально-трасологическому анализу из России, Франции, Испании, Украины и Болгарии. В рамках темы проводили работы три экспедиции.

Тема № 105.1 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей» разрабатывалась в Отделе славяно-финской археологии под руководством д. и. н. А. Н. Кирпичникова (13 исполнителей) и посвящена анализу новых данных о периоде сложения Древнерусского государства и его культуры на основании исследований ключевых научных проблем, связанных с городской историей, археологией и культурой Северо-Запада России (по данным раскопок Старой Ладogi, Рюрикова городища и с учетом памятников всей древнерусской территории).

Сотрудники группы, помимо публикаций 38 статей и заметок, сделали 49 докладов на различных конференциях. Издано два сборника материалов Международной научно-практической конференции «Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья»: 1. «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории» (Старая Ладога, июнь 2015 г.) (отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2015. Вып. 5); 2. «Александр Невский и его эпоха». (Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.) (отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2015. Вып. 6). В рамках выполнения темы работали три экспедиции.

Тема № 105.2 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития» разрабатывалась в Отделе славяно-финской археологии под руководством д. и. н. А. И. Саксы (восемь исполнителей) и была посвящена изучению процесса становления и развития древнерусской государственности в условиях многообразия культур, этнокультурных и торгово-экономических контактов на территории Древней Руси. Опубликована монография, 12 статей и заметок в различных изданиях, сделано 26 докладов. Монография И. И. Еремеева: «Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья)». СПб., 2015. (Труды ИИМК РАН; Т. XLIV). Исследование посвящено проблемам зарождения и ранней истории городов Полоцкой земли. Основными источниками служат археологические свидетельства, связанные со славянской колонизацией лесной зоны Восточной Европы в V–IX вв. и скандинавской военно-торговой экспансией IX–XI вв. В научный оборот впервые вводятся материалы исследований Усвята, одного из древнейших городов Северо-Западной Руси. В 2015 г. работала Выборгская экспедиция ИИМК.

Ученый совет ИИМК в 2015 г. провел 11 заседаний, на которых, наряду с организационными вопросами, рассматривались и научные проблемы, в том числе состоялись два расширенных заседания Ученого совета. В феврале совместно с Отделом охранной археологии был заслушан доклад «Археологическое изучение Санкт-Петербурга. Проект создания геоинформационной системы». В апреле – заседание, посвященное итогам полевых исследований ИИМК в 2014 г. В апреле 2015 г. состоялось Общее собрание научного коллектива ИИМК и Ученого совета, посвященное 50-летию Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН.

В 2015 г. Диссертационный совет ИИМК (Д 200.15.01) провел защиты двух кандидатских диссертаций: 1. Солдатов Т. Е. «Костяные индустрии ранней поры верхнего палеолита Европы»; 2. Андреев К. М. «Ранний неолит лесостепного Поволжья».

Основные итоги работы ученых ИИМК в 2015 г. нашли отражение в многочисленных публикациях (401), в том числе в семи монографиях, двух сборниках статей, шести сборниках материалов научных конференций и двух атласах. Из 384 статей и заметок 77 статей опубликованы в российских журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, 23 статьи вышли в зарубежных изданиях, включенных в базы SKOPUS и Web of Science, а еще 67 статей изданы в других зарубежных научных журналах и сборниках. В 2015 г. вышел в свет очередной, 21 выпуск ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести», а также два номера периодического издания «Записки ИИМК РАН» № 11 и 12.

Сотрудники ИИМК активно выступали в средствах массовой информации с целью популяризации археологической науки и пропаганды сохранения историко-культурного мирового наследия, в том числе на общероссийских и местных телевизионных каналах («Россия-1», ОРТ, «5-й канал», канал «Санкт-Петербург», «Моя планета», Ленинградское областное ТВ, Выборгское ТВ, Тувинская государственная телерадиокомпания, новостной канал «Кубань 24» и др.).

Домен ИИМК РАН продолжал успешно развиваться, особенно в части представления научно-исследовательской работы Института, во многом благодаря усилиям зам. директора по науке, к. и. н. О. И. Богуславского. Теперь читатели могут знакомиться с новейшими результатами работы, полевыми исследованиями, с периодическими и другими изданиями сотрудников ИИМК непосредственно на сайте Института. В интернете, кроме страницы ИИМК (www.archeo.ru), активно действуют сайты Отдела охранной археологии (www.rescuearcheo.ru), Кольской археологической экспедиции ИИМК (<http://kae.rekvizit.ru>).

В 2015 г. сотрудники института начали исследование по двум проектам Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и двум проектам Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН. РФФИ оказал финансовую поддержку 18 новым и продолжающимся инициативным проектам. РГНФ в 2015 г. профинансиро-

вал работы по 15 новым и продолжающимся исследовательским проектам, в том числе по четырем международным грантам.

В 2015 г. в Институте были организованы полевые исследования в рамках 39 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России. Значительные охранные археологические работы были проведены Городской экспедицией и отрядами Ленинградской областной экспедиции Отдела охранной археологии. Сотрудники института принимали участие в работах совместных и международных экспедиций в Сибири, в Крыму, на Украине, в Молдове, в Средней Азии, в Азербайджане и Турции.

Научный руководитель ИИМК, чл.-корр. РАН, профессор Е. Н. Носов заведует кафедрой археологии Института истории СПбГУ, которая готовит молодые научные кадры. Сотрудники ИИМК с. н. с. В. С. Бочкарев и к. и. н. О. А. Щеглова также являются штатными преподавателями кафедры.

ИИМК РАН продолжал поддерживать старые и развивать новые научные контакты с зарубежными коллегами. В институте выступали с докладами и проходили стажировку археологи из Великобритании, Испании, Польши, Финляндии, Эстонии, Украины, Беларуси и Молдовы. Институт активно сотрудничал с родственными учреждениями стран СНГ. Заключено пять договоров,

которые являются основой для более конкретных соглашений. ИИМК активно развивает сотрудничество с музейными и образовательными учреждениями стран ближнего зарубежья на основе 10 договоров о творческом содружестве.

Сотрудники ИИМК принимали активное участие в проведении международных научных форумов как в России, так и в ближнем и дальнем зарубежье, где прочитали 311 докладов.

В 2015 г. чл.-корр. Е. Н. Носов стал лауреатом Всероссийской премии фонда им. П. А. Столыпина «Хранители наследия»; д. и. н. С. Н. Астахов награжден юбилейной медалью «100 лет городу Кызылу» и медалью «Единение России и Тувы 100 лет»; д. и. н. С. А. Васильев удостоился присуждения почетного звания «Член-корреспондент Института палеонтологии человека» (Париж); д. и. н. В. А. Горончаровский награжден юбилейной медалью Общества дружбы «Россия-Кипр» «За вклад в дело дружбы»; к. и. н. Н. Ф. Соловьева награждена государственной юбилейной медалью «Независимый нейтральный Туркменистан»; чл.-корр. Е. Н. Носов, к. и. н. В. М. Горюнова и н. с. А. В. Плохов стали лауреатами премии им. П. И. Забелина Президиума РАН; Археолого-географическая экспедиция ИИМК РАН и РГО «Кызыл-Курагино» стала обладателем премии РГО в номинации «Природное и культурное наследие России».

*С. А. Кулаков,
ученый секретарь
ИИМК РАН*

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ» Вып. 16–21

I. Статьи и заметки

1. Алёшкин В. А. Бусины-пряслица Алтын-депе и вопросы хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии. 19. С. 211–228.
2. Анисюткин Н. К. Ключовидные орудия в раннем палеолите Приднестровья. 20. С. 43–54.
3. Анисюткин Н. К. Новые данные к проблеме первоначального заселения человеком территории «лесной зоны» в центре Русской равнины. 17. С. 20–32.
4. Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И. Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 г.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье). 21. С. 11–30.
5. Антипов И. В. Волынские башни. 18. С. 152–161.
6. Буйских А. В. Новые находки чаш Сиана в Ольвии. 19. С. 105–114.
7. Вакуленко Л. В. Погребальные обычаи населения Прикарпатья в позднеримский период (по археологическим данным). 17. С. 136–143.
8. Ветров В. С. Искусство малых форм позднего палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья. 16. С. 29–37.
9. Виноградов Ю. А., Жуков В. А., Сарабьев А. В. Результаты изучения железного века на острове Сокотра (2006, 2008–2012 гг.). 19. С. 115–134.
10. Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств). 20. С. 143–164.
11. Вишняцкий Л. Б. К вопросу о направленности культурных изменений в среднем палеолите (на примере Южной Африки). 16. С. 179–196.
12. Воронятов С. В. Металлообработка Почепского селища: мастера культур западнобалтского круга и начальный этап стиля варварских выемчатых эмалей. 20. С. 189–204.
13. Гак Е. И., Егорьков А. Н. Латунь Ергенинского могильника и ее историко-металлургический контекст. 16. С. 57–62.
14. Гак Е. И., Мимоход Р. А., Калмыков А. А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы. 18. С. 174–203.
15. Гимпу В. Древнейшая церковь Пещеры Бекира возле города Сорока. 19. С. 135–138.
16. Гиря Е. Ю., Курганов Н. С. Наблюдения и проблемы, связанные с интерпретацией следов на привеске-амулете с Городища под Новгородом (Приложение к статье Т. С. Дорофеевой и С. И. Стеблин-Каменской). 19. С. 176–180.
17. Горюнова В. М. Гончарные плитчатые крыши болгарской традиции на Рюриковом городище. 20. С. 253–258.
18. Горюнова В. М. Новая западнославянская форма раннегончарной керамики на Рюриковом городище. 21. С. 238–245.
19. Горюнова В. М. О восточной неполивной керамике Рюрикова городища X в. 19. С. 150–158.
20. Горюнова В. М., Плохов А. В. Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам. 17. С. 259–280.
21. Григорьева О. В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище. 21. С. 246–260.
22. Грицик Е. В. Эллинистические винодельни Мирмекия. 18. С. 76–87.
23. Грицик Е. В. Реконструкция одной винодельни из Мирмекия. 21. С. 117–123.
24. Данилова О. Н., Жущиховская И. С. Спиральный мотив в орнаменте неолитической керамики Восточной Азии и Дальнего Востока: формализованно-аналитический подход. 16. С. 44–56.
25. Дементьева А. С. Наконечники стрел для охоты на пушного зверя с территории Гнёздовского археологического комплекса. 21. С. 230–237.
26. Дорофеева Т. С., Стеблин-Каменская С. И. Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом. 19. С. 159–175.

27. Елихина Ю. И. Культы Шивы и Ганеши в искусстве Хотана. 17. С. 149–153.
28. Ениосова Н. В. Техника изготовления и химический состав металла уздечных украшений из камерного погребения Ц-191 (Приложение I к статье В. В. Новикова и Н. В. Ениосовой). 21. С. 223–227.
29. Желтова М. Н. Костенки 4: опыт реконструкции участка культурного слоя. 20. С. 55–68.
30. Жилина Н. В. Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора. 18. С. 253–281.
31. Жогова (Кушакова) Н. А. Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая. 20. С. 116–142.
32. Жущиховская И. С., Никитин Ю. Г. Корейские поселения конца XIX – начала XX в. в Российском Приморье: перспективы археологического изучения. 20. С. 277–287.
33. Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И. А., Эйбатов Т. М., Авшарова И. Н. Раннепалеолитические местонахождения в апшеронских отложениях Азербайджана. 20. С. 31–42.
34. Зинченко С. А. Стрелец или кентавр: специфика формирования и функционирования одного образа в культурах Древнего мира в I тыс. до н. э. 20. С. 332–341.
35. Зиньковская И. В. Новые находки украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье. 17. С. 144–148.
36. Зозуля С. С. Плеть из Тимерева. 20. С. 217–224.
37. Зубкова Е. А., Орфинская О. В. Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г. 16. С. 160–172.
38. Иванова И. В., Иванова Н. Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога). 18. С. 124–144.
39. Исланова И. В. Поселение Залесье на Селижаровском плесе (ранний железный век и раннее средневековье, по материалам работ Н. Н. Гуриной). 18. С. 88–967.
40. Казанский М. М. Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Еще раз о Турунте и Хесине. 16. С. 123–134.
41. Казарницкий А. А., Туркина И. С., Белькевич Е. В., Панасюк Н. В. О методах сравнительного анализа погребального обряда и краниологических данных (на примере ямной культуры Северо-Западного Прикаспия). 20. С. 65–74.
42. Каинов С. Ю., Авдеенко Е. Е. Литые наколенники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого). 18. С. 145–151.
43. Калинина И. В. Веревка в орнаментации дзёмонской керамики. 16. С. 38–43.
44. Канторович А. Р. Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле. 20. С. 105–112.
45. Кардаш О. В. Надымский городок в XV–XVI вв.: по результатам полевых исследований 2006–2008 гг. 17. С. 193–202.
46. Каспаров А. К. О типах хозяйственного уклада на поселениях эпохи бронзы на Южном Урале и в Северном Казахстане. 17. С. 104–112.
47. Кашуба М. Т. О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований. 18. С. 323–252.
48. Колпаков Е. М. «Кресты» и «колеса» в петроглифах Фенноскандии. 20. С. 96–104.
49. Кольченко В. А. Средневековые поселения Северного Киргизстана: история изучения и актуальные вопросы исследования. 16. С. 197–205.
50. Кондратьев С. А. К вопросу о хронологии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Среднего Поволжья. 17. С. 51–57.
51. Корниенко Т. В. О возможностях применения психосоциального подхода в изучении доисторических сообществ (на примере исследований символических систем Северной Месопотамии эпохи раннего неолита). 21. С. 292–303.
52. Корниенко Т. В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор. 17. С. 70–95.
53. Король Г. Г., Конькова Л. В. Коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа в исследованиях средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий. 16. С. 135–150.
54. Кулаков С. А., Барышников Г. Ф., Трифонов В. А. Новый памятник археологии на Западном Кавказе. 17. С. 96–103.
55. Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Елихина Ю. И., Миняев С. С. Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации. 17. С. 119–121.

56. Кулланда С. В. Скифские варны. 20. С. 318–332.
57. Кулькова М. А., Плохов А. В. Сосуды типа «Татинг» из Нижнего Поволжья и Сен-Дени по данным естественнонаучных исследований. 19. С. 139–149.
58. Курбатов А. В. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан. 17. С. 203–215.
59. Курбатов А. В. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России. 18. С. 162–173.
60. Курбатов А. В. Сумки-омоньеры в русских средневековых городах. 21. С. 283–291.
61. Курганов Н. С., Горлов К. В. Изучение монет как археологического материала в процессе реставрации (на примере материалов раскопок по адресу: Санкт-Петербург, Смольный пр., 17). 19. С. 188–194.
62. Кутимов Ю. Г. Новые исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан). 19. С. 75–89.
63. Лавыш К. А. Мотив птиц в изделиях художественного ремесла XII–XIII вв., найденных на территории Белоруссии. 16. С. 173–178.
64. Левицкий О. Г., Кашуба М. Т. Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений). 17. С. 239–258.
65. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Новые протомеотские комплексы Закубанья (могильник Железнодорожный-2). 20. С. 165–182.
66. Липатов А. А. Заметка о соотношении толщин плинфы и растворного шва в кирпичных кладках памятников византийской архитектуры. 16. С. 115–122.
67. Лозовский В. М. Технологический аспект кремневых индустрий рубежа мезолита-неолита Нижнего Дона и Верхней Волги. 20. С. 69–79.
68. Любин В. П., Беляева Е. В. Раннешельский памятник Карахач в северной Армении. 17. С. 13–19.
69. Марченко Ю. В. Обряд кремации в погребениях скифского времени могильника Нартан. 21. С. 88–103.
70. Матюхин А. Е. Новые палеолитические памятники в устье Северского Донца. 17. С. 33–43.
71. Миняев С. С. Письменные источники о ранней истории сюнну. 21. С. 304–327.
72. Михайлов К. А. Детские погребения в некрополе первых древнерусских городов. 16. С. 151–159.
73. Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии I тыс. н.э.: новые материалы. 21. С. 176–186.
74. Могилов А. Д. Раннескифские навершия псалиев юга Восточной Европы. 17. С. 122–128.
75. Молев Е. А. Жизнеобеспечение боспорского города Китея по археозоологическим данным (раскопки 1970–1995 гг.). 21. С. 140–147.
76. Нечвалода А. И. Половозрастная диагностика палеоантропологических материалов из могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (раскопки 2012 г.) (Приложение к статье Ю. Г. Кутимова). 19. С. 90.
77. Новиков В. В. Об одном типе скандинавских оголовий X в. с территорий Древней Руси и Скандинавии. 18. С. 108–123.
78. Новиков В. В. Оголовья с железными элементами X в. из раскопок в Гнездове. 19. С. 181–187.
79. Новиков В. В., Ениосова Н. В. Снаряжение верхового коня из погребения 191 Центральной курганной группы второй половины X в. из Гнездова: результаты комплексного исследования. 21. С. 199–222.
80. Новичихин А. М. Бронзовый «терафим» с территории древней Синдики. 16. С. 63–65.
81. Орфинская О. В. Результаты анализа органических остатков седла из камерного погребения Ц-191 (Приложение II к статье В. В. Новикова и Н. В. Ениосовой). 21. С. 228–229.
82. Орфинская О. В. Парчовое платье X в. из Гнездовского некрополя. 18. С. 97–107.
83. Осипов Д. О. К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий. 17. С. 184–192.
84. Осташинский С. М. Материалы раскопок 2007 г. на поселении Мешоко. 18. С. 43–66.
85. Павлов П. Ю. Стоянка Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал). 16. С. 16–28.
86. Пигарёв Е. М. Золотоордынское городище у с. Красный Яр Астраханской области. 21. С. 272–276.

87. Питулько В. В., Иванова В. В., Каспаров А. К., Павлова Е. Ю. Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.). 19. С. 26–74.
88. Плавинский Н. А. Средневековая булава из собрания Национального Исторического музея Республики Беларусь. 21. С. 277–282.
89. Пробейголова А. С., Красильников К. И. Давыдо-Никольское поселение позднего бронзового века в среднем Подонцовье. 21. С. 75–87.
90. Разгильдеева И. И. Планиграфия палеолитического комплекса западного Забайкалья. 19. С. 12–25.
91. Рудковская М. А., Митина Н. Н. Деревянные детали окон жилых построек Новой Мангазеи – Туруханска (XVII–XVIII вв.). 20. С. 267–276.
92. Русяева А. С. О главных храмах и праздниках древнегреческих божеств в городах Северного Причерноморья. 17. С. 226–238.
93. Рысин М. Б. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа (радиоуглеродная «революция» и традиционная археологическая типология). 18. С. 204–231.
94. Рябкова Т. В. Три костяных псаля из Прикубанья в коллекции Эрмитажа. 20. С. 205–216.
95. Савенкова М. М. Об одном из видов одежды в средневековом Новгороде (по материалам археологических раскопок). 21. С. 261–271.
96. Савенкова М. М. Реконструкция процесса ткачества на горизонтальном станке в средневековом Новгороде (по материалам Новгородской археологической экспедиции). 17. С. 169–183.
97. Санкина С. Л. Данные антропологии к проблеме заселения Ижорского плато. Могильник Ново-Сиверская-2. 17. С. 154–158.
98. Саргсян Г. М., Гнуни А. В. Новые данные о культе и религии в восточных областях Армении во второй – третьей четвертях I тыс. до н. э. (местные традиции и инокультурное влияние). 21. С. 104–116.
99. Семенова Ю. Г. Кенотаф Гая Цезаря в Лимирах. К вопросу интерпретации памятника. 16. С. 109–114.
100. Скаков А. Ю. О некоторых образах кобанокладского искусства: скульптурные изображения лежащего зверя и зооморфные свастики. 19. С. 229–245.
101. Скакун Н. Н., Жилин М. Г., Терехина В. В. История изготовления и использования одного наконечника из стоянки Ивановское VII. 20. С. 80–95.
102. Снытко И. А. Погребальные сооружения сельских некрополей Ольвии в контексте древнегреческой ритуальной практики населения Нижнего Побужья позднеархаической, классической и эллинистической эпох (VI–III вв. до н. э.). 19. С. 91–104.
103. Соболев В. Ю. Древнерусская погребальная культура Новгородской Земли: проблемы и особенности формирования. 21. С. 352–367.
104. Соколов А. В. Историко-географические аспекты развития скотоводства запада Внутренней Азии и ее горного обрамления (Алтай, Саяны, Тянь-Шань). 21. С. 328–351.
105. Соколов А. В. Этнографический и археологический костюмы скотоводов Внутренней Азии в контексте географической обстановки (опыт сравнения). 17. С. 216–225.
106. Степанова Е. В. Распределители уздечных ремней скифского и гунно-сарматского времени. 16. С. 95–108.
107. Стрельник М. О., Хомчик М. А. О функциональном назначении отдельной группы кухонной посуды (II тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). 17. С. 129–135.
108. Тарасов А. Ю. Технология изготовления сланцевых макроорудий на Оленеостровской мезолитической стоянке. 17. С. 58–69.
109. Тарасов А. Ю., Зобков М. Б. Методика потокового анализа продуктов расщепления камня с использованием программ распознавания изображений. 19. С. 195–210.
110. Терещенко А. Е. Монетные суррогаты в денежном обращении Боспора Киммерийского. 20. С. 113–115.
111. Терещенко А. Е. Серебряные монеты Пантикапея с надчеканкой. 16. С. 66–71.
112. Ткач Е. С. О подходах и возможностях исследования каменных боевых топоров эпохи неолита – бронзы. 21. С. 52–64.
113. Торопов С. Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильмье: из коллекций Новгородского музея. 20. С. 225–252.
114. Торопова Е. В. Романские бронзовые сосуды XII в. на территории Новгородской земли. 20. С. 259–266.

115. Трейстер М. Ю. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла). 16. С. 72–94.

116. Тянина Е. А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных. 17. С. 159–168.

117. Федюнин И. В. Плаутино 2: вопросы хроностратиграфии. 18. С. 25–42.

118. Федюнин И. В. Шубное: новые материалы к интерпретации памятника. 17. С. 44–50.

119. Фурасьев А. Г. Концешты: новые данные к характеристике «княжеского» комплекса рубежа IV–V вв. 21. С. 162–175.

120. Хвоцинская Н. В. К 20-летию со дня выхода первого номера ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести». 18. С. 9–12.

121. Цыбрий Т. В. Комплекс сооружений эпохи поздней бронзы поселения Ягодинка 2 на Нижнем Дону. 17. С. 113–118.

122. Черных Ел. Н. К постановке вопроса о керамике раннего протомеотского комплекса финала эпохи бронзы – начала раннего железного века в Закубанье. 20. С. 288–317.

123. Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. Анализ металла кладов римских монет в районе Копорья. 21. С. 148–161.

124. Щелинский В. Е. Родники 4. Новая раннепалеолитическая стоянка в Южном Приазовье (материалы 2010–2011 гг.). 18. С. 13–24.

125. Щелинский В. Е. Технология первичной обработки камня олдованской стоянки Родники 1 (Западное Предкавказье). 20. С. 13–30.

126. Щелинский В. Е. Трасологический метод изучения функций первобытных изделий: следы износа на орудиях, их интерпретация и информативные возможности. 21. С. 31–51.

127. Юшкова М. А. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области. 21. С. 187–198.

128. Яжецки К. Клад боспорских монет из Андреевки Северной. 20. С. 183–188.

129. Яковлева Л. М. Кожаные сосуды индейцев араукана и некоторых других этнографических общностей, как модель для воспроизведения в древней керамической традиции. 18. С. 67–75.

130. Яниш Е. Ю., Каспаров А. К. О костных остатках поселения архаического времени Березань в Северном Причерноморье (Украина). 21. С. 124–139.

II. Рецензии

131. Васильев С. А. Одиссея первых американцев. Рец. на: К. Е. Graf, С. V. Ketron, M. R. Waters (eds.). *Paleoamerican Odyssey*. College Station: Center for the study of the First Americans, 2013. 573 p. 20. С. 342–346.

132. Васильев С. А. Окно в далекое прошлое: взгляд из Сибири. Рец. на: Е. М. Инешин, А. В. Тенькин. *Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I*. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с. 18. С. 282–285.

133. Васильев С. А. Опорная колонка древних культур Северной Америки. Рец. на: M. L. Larson, M. Kornfeld, G. C. Frison (eds.). *Hell Gap. A Stratified Paleoindian Campsite at the Edge of the Rockies*. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2009. 444 p. 18. С. 286–289.

134. Васильев С. А., Яншина О. В. Дальневосточная археология: достижения и проблемы. Рец. на: *Archaeology of the Russian Far East. Essays in Stone Age Prehistory*. S. M. Nelson, A. P. Derevianko, Y. V. Kuzmin, R. L. Bland (Eds.). *British Archaeological Reports international series*, no. 1540. 191 pages. 2006. Oxford: Archaeopress. 16. С. 208–211.

135. Вахтина М. Ю. Коллекция украшений из кургана Куль-Оба в собрании Государственного исторического музея. Рец. на: Д. В. Журавлев, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование*. Труды ГИМ, вып. 200. 1914. ISBN 978-5-89076-236-8. 349 с., 105 илл. 21. С. 406–407.

136. Вахтина М. Ю. Фундаментальное исследование архаической керамики Ольвии. Рец. на: А. В. Буйских. *Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации)*. Киев: «Стародавній Світ», 2013. ISBN: 978-966-2608-13-8. 246 с. 208 рис. 20. С. 347–349.

137. Длужневская Г. В. Возвращение из небытия. Рец. на: О. Б. Беликова. *Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект)*.

Томск: Изд-во Томского университета, 2014. ISBN 978-5-7511-2283-6. 570 с. 301 илл.

138. Клейн Л. С. Гаплогруппы, норманны и рюриковичи. Рец. на: А. А. Клёсов. Коллизия двух парадигм? Переписка с Л. С. Клейном // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии (Boston – Moscow – Tsukuba). 2011. Том 4, № 2 февраль; Происхождение славян: ДНК-генеалогия против «норманнской теории». Москва: Алгоритм, 2013. ISBN: 978-5-4438-0324-1. 512 с. 21. С. 410–415.

139. Клейн Л. С. Ключевые понятия археологии в британском представлении. Рец. на: *Archaeology: The Key concepts* / С. Renfrew, Р. Bahn (eds.). London; New York, 2005. 298 p. 16. С. 223–226.

140. Клейн Л. С. Палеолит на четырех языках. Рец. на: С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий, Е. Ю. Гиря, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с. in 8, 82 рис. 16. С. 206–207.

141. Клейн Л. С. Пересмотр катакомбной общности (о дискуссионном труде С. Ж. Пустовалова). Рец. на: Пустовалов С. Ж. Социальный лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. 412 с., табл., ил. 2005. Київ: Шлях. 17. С. 302–315.

142. Клейн Л. С. Сибирское воспитание Мерхарта. Рец. на: Gero von Merhart. *Daljóko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Hrsg. Von H. Parzinger. 2008. 287 pp., 59 figs. 2008. Wien – Köln – Weimar: Böhlau. 17. С. 299–301.

143. Клейн Л. С. Современное введение в археологию. Рец. на: Gamble С. *Archaeology: the basics*. 256 pp. 2000 (2nd ed. 2008). London and New York: Routledge. 17. С. 292–298.

144. Кубарев Г. В. Средняя и Центральная Азия в древнетюркскую эпоху: фундаментальный труд или компиляция? Рец. на: Stark S. *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien*. Archäologische und historische Studien. (Nomaden und Sesshafte, Band 6). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. ISBN: 978-3-89500-532-9. 591 S. 21. С. 394–405.

145. Кузьмин Я. В. Археология и палеогеография Берингии: новые данные, старые проблемы. Рец. на: Hoffecker J. F., Elias S. A. *Human Ecology of Beringia*. 304 pp. 2007. New York: Columbia University Press. 17. С. 281–291.

146. Курбатов А. В. Изучение древнего кожевенного ремесла сегодня: опыт консолидации специалистов. 19. С. 246–254.

147. Курбатов А. В. Кожаные изделия в Турку XIV–XV вв.: чехлы для ножей, ножны мечей и покрытия рукоятей. Рец. на: Janne Harjula. *Sheaths, Scabbards and Grip Coverings: The use of leather for portable personal objects in the 14th–16th century Turku*. (*Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*, X). Suomen keskiajan arkeologian seura. 163 p., 269 ill. 2005. 16. С. 212–222.

148. Курбатов А. В. Культура Северной Европы: традиции и приобретения. Рец. на: Harjula J. *Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period*. Turku: Suomen Keskiajan arkeologian seura, 2008. (*Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*, XV). 224 p. ISBN: 978-951-96801-7-0. ISSN: 1236-5882. 20. С. 350–360.

149. Остапенко А. А. Новое в церковной археологии Византии. Рец. на: А. А. Пескова, Л. В. Строкова. *Христианские древности Византии в «сирийской коллекции»* Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб.; Киев: Петербургское Востоковедение, 2012. ISBN 978-5-85803-453-7. 224 с. 21. С. 416–419.

150. Рысин М. Б. Обзор новых публикаций по проблемам хронологии и связей триалетской культуры Южного Кавказа. 21. С. 374–393.

151. Скаун Н. Н., Цвек Е. В. Читая «Поливанов Яр». Рец. на: Попова Т. А. Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. 240 с. ил. 2003. СПб.: МАЭ РАН. 17. С. 316–322.

152. Федюнин И. В. Дискуссионные вопросы изучения палеолита Южного Подонья. 21. С. 368–373.

III. Организация науки и сотрудничество Восток – Запад

153. Богуславский О. И., Бессуднов А. А., Гарбуз И. А. Научная конференция молодых ученых Санкт-Петербурга «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования» (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.). 19. С. 270–271.

154. Васильев С. А. II (XVIII) Всероссийский археологический съезд (Суздаль, 23–27 октября 2008). 17. С. 323–325.

155. Васильев С. А. IV (XX) Всероссийский археологический съезд (Казань, 20–25 октября 2014 г.). 21. С. 420–422.
156. Васильев С. А. XV конгресс Международного Союза доисторических и протоисторических наук (Лиссабон, Португалия, 4–9 сентября 2006 г.). 16. С. 227–228.
157. Гусев Ан. В. Конференция «Древнее святилище Усть-Полуй»: к 80-летию открытия памятника. 19. С. 265–267.
158. Житенев В. С., Солдатова Т. Е., Червяцова О. Я. Мониторинг состояния археологического ансамбля Игнatieвской пещеры в 2009–2012 гг. 20. С. 364–367.
159. Зайцева Г. И., Синицын А. А. 5-й Международный симпозиум «Радиоуглерод и археология» (Цюрих, Швейцария, 26–28 марта 2008 г.). 16. С. 229–233.
160. Кирпичников А. Н., Жуков К. А. Семинар «Военная археология». 16. С. 264–266.
161. Лич Стивен Д. Международная конференция 2011 г. в Бирмингеме: Вклад Л. С. Клейна в археологию. 19. С. 268–269.
162. Мамедов М. А. Краткий обзор новейших археологических исследований в Туркменистане. 16. С. 244–248.
163. Мусин А. Е. Византия как «культурный слой». 21-й Международный конгресс Византийских исследований (Лондон, Великобритания, 21–26 августа 2006 г.). 16. С. 249–265.
164. Панахид Г. Н., Поплевко Г. Н. XXIX Жешувская международная конференция «Археологические исследования на территории юго-восточной Польши, западной Украины и северной Словакии» (23–24 апреля 2013 г., Жешув, Польша). 20. С. 373–377.
165. Поплевко Г. Н., Панахид Г. Н., Макарович П. Юбилейная конференция «Археология запада Украины» (22–24 мая 2013 г., Львов, Украина). 20. С. 378–383.
166. Скакун Н. Н., Васильев С. А., Плиссон Г., Клод Э. К истокам трасологии: «“Первобытная техника” 40 лет спустя: функциональные исследования и русское наследие» (Верона, Италия, 20–23 апреля 2005 г.). 16. С. 234–243.
167. Скакун Н. Н., Плиссон Х. Экспериментально-трасологическая экспедиция 2012 г. 20. С. 368–372.
168. Скакун Н. Н., Цвек Е. В., Матева Б., Марке Ж.-С. Международная выставка уникальных достижений техники обработки кремня в конце каменного века. 17. С. 326–329.
169. Солер Хорхе А. Диаз. Просветительская работа как метод обеспечения сохранности наскального искусства: на примере деятельности Музея Аликанте (MARQ) в окрестностях неолитического святилища в Пла де Петракос (Кастель де Кастельс, Аликанте, Испания). 20. С. 361–363.
170. Тарас Х., Тарас В. Право собственности на археологические памятники в Республике Польша и проблема их популяризации. 19. С. 255–264.
171. Тихонов И. Л. Международная научная конференция «История и практика археологических исследований», посвященная 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына. 18. С. 290–293.

IV. История науки и персоналии

171. Ананьев В. Г. «Идеальный археологический музей» В. А. Городцова: Из истории дискуссий 1920-х гг. 19. С. 272–277.
172. Бессонова С. С., Скорый С. А. Она не представляла своей жизни без археологии (памяти Галины Ивановны Смирновой). 19. С. 284–291.
173. Бобровская Е. В., Медведева М. В. «Более радостного дня не было у меня...». Из воспоминаний военных лет. 21. С. 439–449.
174. Булкин Вал. А., Овсянников О. В. Жизнь человека: Пскович Юрий Павлович Спегальский и его Отечество (к 100-летию со дня рождения). 17. С. 375–394.
175. Бухтоярова И. М. Вклад С. Н. Замятина в изучение палеолита Кавказа. 18. С. 294–304.
176. Бухтоярова И. М. Научная деятельность С. Н. Замятина по материалам его переписки. 21. С. 423–427.
177. Вдовин А. С. «...Для представления на высочайшее воззрение...»: история находки четырех серебряных сосудов. 17. С. 340–346.
178. Виноградов Ю. А. К 110-летию М. А. Наливкиной (1904–1981). 20. С. 430–436.
179. Елихина Ю. И. Хотанская коллекция Государственного Эрмитажа. 17. С. 330–339.

180. Кирпичников А. Н., Стасюк И. В. Памяти Евгения Александровича Рябина (19.05.1948–17.12.2010). 17. С. 395–397.
181. Медведева М. В. Иван Федорович Чистяков (1865–1935): к 150-летию со дня рождения. 21. С. 432–438.
182. Медведева М. В., Соболев В. Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов. 20. С. 395–426.
183. Наливкина М. А. Памяти военных лет 1941–1945 гг. (Случай на Ладого). 20. С. 437–439.
184. Панкратова Е. Г. Археологическое изучение Фанагории в 20–30-х гг. XX в. 17. С. 347–352.
185. Савинов Д. Г. Памяти Галины Вацлавны Длужневской (10.03.1946–01.07.2014). 20. С. 427–429.
186. Скорый С. А. Выдающийся археолог Алексей Иванович Тереножкин: к 100-летию со дня рождения. 16. С. 290–300.
187. Скорый С. А. «Горячо желаю продолжить учебу..., специализируясь по скифо-сарматскому периоду» (к 90-летию со дня рождения В. А. Ильинской). 17. С. 366–374.
188. Скрипинская Н. Ю. Планы Новгорода Великого начала XVIII в. из Собрания иностранных рукописей Петра I Библиотеки Академии наук. 20. С. 384–394.
189. Смирнов Н. Ю. Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А. Н. Бернштама). 17. С. 353–365.
190. Смирнов Н. Ю. Заметки М. А. Тихановой по истории РАИМК–ГАИМК в 1920–1930-е гг. (публикация полного текста статьи 1980 г.). 19. С. 292–300.
191. Смирнов Н. Ю. Сто и пятьдесят лет тувинской археологии: к 100-летию раскопок А. В. Адрианова в Урянхайском крае и к 50-летию начала работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Д. Грача в Туве. 21. С. 428–431.
192. Торопова Е. В. Археолого-антропологические исследования Новгородской земли в 70-е гг. XIX в. 16. С. 283–289.
193. Хисамутдинов А. А. Русские археологи-эмигранты в Китае. 19. С. 278–283.
194. Шаманаев А. В., Мусин А. Е. Исследования Херсонеса и Императорская Археологическая Комиссия в 1860 г. 16. С. 267–282.

V. Хроника

195. Кулаков С. А. Институт истории материальной культуры РАН в 2007 году. 16. С. 301–304.
196. Кулаков С. А. Институт истории материальной культуры РАН в 2008–2009 гг. 17. С. 398–406.
197. Кулаков С. А. ИИМК РАН в 2010–2011 гг. 18. С. 310–317.
198. Кулаков С. А. Институт истории материальной культуры РАН в 2012 г. 19. С. 301–310.
199. Кулаков С. А. Институт истории материальной культуры РАН в 2013 г. 20. С. 440–449.
200. Кулаков С. А. Институт истории материальной культуры РАН в 2014 г. 21. С. 450–458.
201. Носов Е. Н., Богуславский О. И. К итогам III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.). 18. С. 300–304.
202. Решения III (XIX) Всероссийского археологического съезда. 18. С. 305–309.

VI. Библиография

203. Дорофеева Т. С. Содержание сборников «Археологические вести» № 11–15. 16. С. 305–311.
204. Дорофеева Т. С. Алфавитный указатель авторов сборников «Археологические вести» № 11–15. 16. С. 312–313.

Составитель
Т. С. Дорофеева

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ СБОРНИКОВ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ» Вып. 16–21

- Авдеенко Е. Е. 42.
Авшарова И. Н. 33.
Алѣкшин В. А. 1.
Ананьев В. Г. 171.
Анисюткин Н. К. 2–4.
Антипов И. В. 5.
Барышников Г. Ф. 54.
Белькевич Е. В. 41.
Беляева Е. В. 68.
Бессонова С. С. 172.
Бессуднов А. А. 153.
Бобровская Е. В. 173.
Богуславский О. И. 153, 201.
Буйских А. В. 6.
Булкин Вал. А. 174.
Бухтоярова И. М. 175, 176.
Вакуленко Л. В. 7.
Васильев С. А. 131–134, 154–156, 166.
Вахтина М. Ю. 135, 136.
Вдовин А. С. 177.
Ветров В. С. 8.
Виноградов Ю. А. 9, 10, 178.
Вишняцкий Л. Б. 11.
Воронятов С. В. 12.
Гак Е. И. 13, 14.
Гарбуз И. А. 153.
Гимпу В. 15.
Гиря Е. Ю. 16.
Гнуни А. В. 98.
Горлов К. В. 61.
Горюнова В. М. 17–20.
Григорьева О. В. 21.
Грицик Е. В. 22, 23.
Гусев Ан. В. 157.
Данилова О. Н. 24.
Дементьева А. С. 25.
Длужневская Г. В. 137.
Дорофеева Т. С. 26, 203, 204.
Егорьков А. Н. 13.
Елихина Ю. И. 27, 55, 179.
Ениосова Н. В. 28, 79.
Желтова М. Н. 29.
Жилин М. Г. 101.
Жилина Н. В. 30.
Житенев В. С. 158.
Жогова (Кушакова) Н. А. 31.
Жуков В. А. 9.
Жуков К. А. 160.
Жущиховская И. С. 24, 32.
Зайцева Г. И. 159.
Зейналов А. А. 33.
Зинченко С. А. 34.
Зиньковская И. В. 35.
Зобков М. Б. 109.
Зозуля С. С. 36.
Зубкова Е. А. 37.
Иванова В. В. 87.
Иванова И. В. 38.
Иванова Н. Ю. 38.
Идрисов И. А. 33.

- Исланова И. В. 39.
Казанский М. М. 40.
Казарницкий А. А. 41.
Каинов С. Ю. 42.
Калинина И. В. 43.
Калмыков А. А. 14.
Канторович А. Р. 44.
Кардаш О. В. 45.
Каспаров А. К. 46, 87, 130.
Кашуба М. Т. 47, 64.
Кирпичников А. Н. 160, 180.
Клейн Л. С. 138–143.
Клод Э. 166.
Коваленко С. И. 4.
Колпаков Е. М. 48.
Кольченко В. А. 49.
Кондратьев С. А. 50.
Конькова Л. В. 53.
Корниенко Т. В. 51, 52.
Король Г. Г. 53.
Красильников К. И. 89.
Кубарев Г. В. 144.
Кузьмин Я. В. 145.
Кулаков С. А. 33, 54, 195–200.
Куликов В. Е. 55.
Кулланда С. В. 56.
Кулькова М. А. 57.
Курбатов А. В. 58–60, 146–148.
Курганов Н. С. 16, 61.
Кутимов Ю. Г. 62.
Лавыш К. А. 63.
Левицкий О. Г. 64.
Лимберис Н. Ю. 65.
Липатов А. А. 66.
Лич Стивен Д. 161.
Лозовский В. М. 67.
Любин В. П. 68.
Макарович П. 165.
Мамедов М. А. 162.
Марке Ж.-С. 168.
Марченко И. И. 65.
Марченко К. К. 10.
Марченко Ю. В. 69.
Матеева Б. 168.
Матюхин А. Е. 70.
Медведева М. В. 173, 181, 182.
Медникова Е. Ю. 55.
Мимоход Р. А. 14.
Миняев С. С. 55, 71.
Митина Н. Н. 91.
Михайлов К. А. 72.
Михайлова Е. Р. 73.
Могилев А. Д. 74.
Молев Е. А. 75.
Мусин А. Е. 163, 194.
Наливкина М. А. 183.
Нечвалода А. И. 76.
Никитин Ю. Г. 32.
Новиков В. В. 77–79.
Новичихин А. М. 80.
Носов Е. Н. 201.
Овсянников О. В. 174.
Орфинская О. В. 37, 81, 82.
Осипов Д. О. 83.
Остапенко А. А. 149.
Осташинский С. М. 84.
Павлов П. Ю. 85.
Павлова Е. Ю. 87.
Палагута И. В. 123.
Панасюк Н. В. 41.
Панахид Г. Н. 164, 165.
Панкратова Е. Г. 184.

- Пигарёв Е. М. 86.
Питулько В. В. 87.
Плавинский Н. А. 88.
Плиссон Г. 166.
Плиссон Х. 167.
Плохов А. В. 20, 57.
Поплевко Г. Н. 164, 165.
Пробейголова А. С. 89.
Разгильдеева И. И. 90.
Решения III (XIX) Всероссийского археологического съезда. 202.
Рудковская М. А. 91.
Русяева А. С. 92.
Рысин М. Б. 93, 150.
Рябкова Т. В. 94.
Савенкова М. М. 95, 96.
Савинов Д. Г. 185.
Санкина С. Л. 97.
Сарабьев А. В. 9.
Саргсян Г. М. 98.
Семенова Ю. Г. 99.
Синицын А. А. 159.
Скаков А. Ю. 100.
Скакун Н. Н. 101, 151, 166–168.
Скорый С. А. 172, 186, 187.
Скрипинская Н. Ю. 188.
Смирнов Н. Ю. 189–191.
Снытко И. А. 102.
Соболев В. Ю. 103, 182.
Соколов А. В. 104, 105.
Солдатова Т. Е. 158.
Солер Хорхе А. Диаз. 169.
Стасюк И. В. 180.
Стеблин-Каменская С. И. 26.
Степанова Е. В. 106.
Стрельник М. О. 107.
Тарас В. 170.
Тарас Х. 170.
Тарасов А. Ю. 108, 109.
Терёхина В. В. 101.
Терещенко А. Е. 110, 111.
Тихонов И. Л. 171.
Ткач Е. С. 112.
Торопов С. Е. 113.
Торопова Е. В. 114, 192.
Трейстер М. Ю. 115.
Трифонов В. А. 54.
Туркина И. С. 41.
Тянина Е. А. 116.
Федюнин И. В. 117, 118, 152.
Фурасьев А. Г. 119.
Хаврин С. В. 123.
Хвощинская Н. В. 120.
Хисамутдинов А. А. 193.
Хомчик М. А. 107.
Цвек Е. В. 151, 168.
Цыбрий Т. В. 121.
Чепалыга А. Л. 4.
Червяцова О. Я. 158.
Черных Ел. Н. 122.
Шаманаев А. В. 194.
Шаров О. В. 123.
Щелинский В. Е. 124–126.
Эйбатов Т. М. 33.
Юшкова М. А. 127.
Яжецки К. 128.
Яковлева Л. М. 129.
Яниш Е. Ю. 130.
Яншина О. В. 134.

*Составитель
Т. С. Дорофеева*

Список сокращений

АА	– Археологический альманах. Донецк
АВ	– Археологические вести
АО	– Археологические открытия
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДБ	– Древности Боспора
ЗРАО	– Записки Императорского Русского Археологического общества. СПб.
ИА	– Институт археологии
ИАИАИАНД	– Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИБ	– Институт востоковедения
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИКОГО	– Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР. Симферополь
ИОЛЕАЭ	– Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры
КубГУ	– Кубанский государственный университет. Краснодар

ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
МАИКЦА	– Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР	– Материалы по археологии России. Петроград
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук. СПб.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
МИС	– <i>Граков Б. Н.</i> Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
МНР	– Монгольская народная республика
НИИТИАГ	– Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
НИИЯЛИ	– Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НО	– Надписи Ольвии. Л.
ОАК	– Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
ОПИ	– Отдел полевых исследований
ПИХОМЗ	– Псковский историко-художественный объединенный музей-заповедник
РА	– Российская археология, М.
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.
РАН	– Российская академия наук
РАО	– Русское археологическое общество
РГО	– Русское географическое общество
РОМК	– Ростовский областной музей краеведения. Ростов-на-Дону
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН

СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТД	– Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
УЗ ТНИИЯЛИ	– Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Кызыл
ФАНО	– Федеральное агентство научных организаций
ХСб	– Херсонесский сборник. Севастополь
ЦГААРК	– Центральный государственный архив Автономной Республики Крым. Симферополь
ЦМТ	– Центральный музей Тавриды. Симферополь
ЦНРПМ	– Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
АЕ	– Arheoloģija un etnogrāfija
ВСАА	– Bonn contribution to Asian Archaeology
ИИ	– Indriķa hronika, R., 1993
INQUA	– International Union for Quaternary Research IOSPE I ² – <i>Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.</i>
JGS	– Journal of Glass Studies. Corning
LA	– Latvijas PSR arheoloģija [Археология Латвийской ССР]. R., 1974
LVIŽ	– Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls
PNAS	– Proceedings of the National Academy of Sciences (of the United States of America)
R	– Rīga
QI	– Quaternary International
SEQS	– Section on European Quaternary Stratigraphy
SIU	– Senter for Internasjonalsisering av utdanning. Norske

Научное издание

Археологические вести

Выпуск 22

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Издательская группа ИИМК РАН
*А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
Г. А. Кузнецова, В. Я. Стеганцева*

Адрес редакции:
Россия, 191186, Санкт-Петербург
Дворцовая наб., 18
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук
Тел. +7(812) 312-1484, факс: +7(812) 571-6271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство ИИМК РАН
Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Редактор М. А. Молчанова
Верстка и художественное оформление И. Н. Лицука
Корректор М. А. Молчанова

Подписано в печать 11.11.2016. Формат 60×90 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 28,3. Печ. л. 34
Тираж 400 экз. Заказ 1107

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в ООО «Невская книжная типография»
197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., дом 31, литер «Б», помещение 1Н
Тел. +7(812) 643-0319
Тел./факс: +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru

Archaeological news

— 22 —

